

КАВЕНЬЯКЪ.

I.

По случаю смерти Кавеньяка, въ иностранныхъ газетахъ явилось много статей, обозрѣвающихъ его государственную дѣятельность; находя интересными факты, представляемые въ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей, мы приводимъ здѣсь, такъ сказать, сводъ ихъ. Дѣла эти намъ совершенно постороннія, мы не можемъ имѣть никакого особеннаго сочувствія ни къ одной изъ партій, участвовавшихъ въ событіяхъ, которымъ подвергалась Франція въ послѣднее время; мы видимъ только, что каждая изъ этихъ партій надѣлала много ошибокъ, и что вслѣдствіе того событія имѣли гибельный ходъ. Читатель замѣтитъ, что этотъ взглядъ господствуетъ въ представляемой статьѣ; онъ замѣтитъ также, что этотъ взглядъ ни мало не принадлежитъ намъ,—мы только передаемъ то, что находимъ въ источникахъ, которыми руководствовались.

Изгнанный изъ Франціи переворотомъ 2 декабря, черезъ нѣсколько времени тихо возвратившійся на родину, чтобы закрыть глаза умирающей матери, потомъ нѣсколько лѣтъ жившій въ уединеніи, чуждаясь политическихъ дѣлъ, суровый побѣдитель юньскихъ дней долго оставался почти забытъ молвою. Послѣдніе выборы, на которыхъ его имя было выставлено символомъ начинающагося противодѣйствія декабрьской системѣ, снова привлекли на бывшаго диктатора вниманіе не только Франціи, но и цѣлой Европы; нѣсколько мѣсяцевъ всѣ европейскія газеты наполнялись соображеніями о томъ, какое значеніе имѣетъ выборъ его въ депутаты. Несомнѣнные признаки показали, что приближается время политическаго оживленія для Франціи. Кавеньяку очень многіе предназначали одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ движеніи, близость котораго равно предвидится во Франціи людьми всѣхъ мнѣній. Потому внезапная смерть предводителя „умѣренныхъ республиканцевъ“ Франціи для многихъ его соотечественниковъ была тяжелою потерей, для многихъ другихъ — облегченіемъ опасностей. Друзья Кавеньяка прямо выразили свою печаль, но враги его не отважились обнаружить своей радости: боясь признаться въ няткости своего положенія тѣмъ, когда выразить удовольствіе, что смерть Кавеньяка освободила ихъ отъ одного изъ ихъ страховъ, они поспѣшили принять видъ также огорченный и присоединить свои притворныя сожалѣнія къ искренней скорби друзей покойнаго. „Mopiteur“, „Constitutionnel“ и другіе органы декабрьской системы наравнѣ съ „чистыми республиканцами“ превознесли его „великія, безмѣрные услуги“ Франціи, называя его даже „спасителемъ отечества“.

Но если многочисленны во Франціи друзья и противники партій, предводи-

телемъ которой былъ Кавеньякъ, то еще многочисленнѣе люди, смотрящіе на эту партію со спокойнымъ безпристрастіемъ, какъ на историческое явленіе, уже отжившее свой нѣкъ, какъ на безцвѣтный остатокъ старины, безсильный въ будущемъ и на добро и на зло, обсуждающіе прошлую ея дѣятельность безъ всякаго увлеченія надеждами или опасеніями. Они думаютъ, что въ папегирикахъ надъ гробомъ Кавеньяка, внушенныхъ однимъ искренностью чувства, другимъ — соображеніями приличія и расчетливости, гораздо больше реторики или ослѣпленія, нежели основательности. Они находятъ, что Кавеньякъ, заслуживавшій полного уваженія, какъ частный человѣкъ, качествами своего характера, вовсе недостойны ни удивленія, ни даже признательности, какъ государственный человѣкъ; что при всей своемъ желаніи быть полезнымъ родинѣ, онъ во время своего диктаторства принесъ ей гораздо больше вреда, нежели пользы, потому что убѣжденіямъ, руководившимъ его дѣйствіями, недоставало практичности, и дѣйствія его не соответствовали потребностямъ общества, которымъ привелось ему управлять. Его образъ мыслей испортилъ все дѣло. Высокая честность, энергическая воля, добрыя намѣренія — этихъ качествъ совершенно достаточно для почтенной дѣятельности въ размѣренномъ кругѣ частной жизни, гдѣ все опредѣляется обычными отношеніями и объясняется многочисленными примѣрами. Этими достоинствами обладалъ Кавеньякъ; но ихъ мало государственному человѣку, который постоянно находится въ отношеніяхъ очень многосложныхъ, въ положеніяхъ, неразрѣшимыхъ прежними случаями, потому что въ исторіи ничто не повторяется, и каждый моментъ ея имѣетъ свои особенныя требованія, свои особенныя условія, которыхъ не бывало прежде и не будетъ послѣ. Безъ достоинствъ, уважаемыхъ обществомъ въ частномъ человѣкѣ, государственный человѣкъ не будетъ полезенъ родинѣ; но кромѣ ихъ ему нужны еще другія, высшія достоинства. Онъ долженъ вѣрно понимать силы и стремленія каждаго изъ элементовъ, движущихъ обществомъ: долженъ понимать, съ какими изъ нихъ онъ можетъ вступать въ союзъ для достиженія своихъ добрыхъ цѣлей; долженъ умѣть давать удовлетвореніе законнѣйшимъ и сильнѣйшимъ изъ интересовъ общества, какъ потому, что удовлетвореніа имъ требуетъ справедливость и общественная польза, такъ и потому, что только опираясь на эти сильнѣйшіе интересы, онъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ власть надъ событіями. Безъ того, его дѣятельность истощится на безславную для него, вредную для общества борьбу; общественные интересы, отвергаемые имъ, возстанутъ противъ него, и результатомъ будутъ только безплодныя стѣснительныя мѣры, которыя необходимо приводятъ или къ упадку государственной жизни, или къ паденію правительственной системы, чаще всего къ тому и другому вмѣстѣ. Такъ было и съ Кавеньякомъ. Онъ надѣлалъ ошибокъ, которыя дорого стоили Франціи и низвергли его собственную власть. Въ немъ не было качествъ, нужныхъ государственному человѣку.

Не говоря теперь о томъ, хороши или дурны были цѣли Кавеньяка, скажемъ только, что имени государственнаго человѣка заслуживаетъ единственно тотъ правитель, который умѣетъ располагать свои дѣйствія сообразно этимъ цѣлямъ; а у Кавеньяка каждое правительственное дѣйствіе противорѣчило его цѣлямъ, служило въ пользу не ему, а его противникамъ. Вся его государственная дѣятельность обратилась только въ пользу Луи Наполеону. Тотъ плохой государственный человѣкъ, кто работаетъ во вредъ себѣ, въ выгоду своимъ противникамъ.

Но отвѣтственность за ошибки Кавеньяка не должна падать исключительно на него. Она падаетъ на всю ту партію, представителемъ которой онъ былъ, потому что онъ дѣйствовалъ не по личнымъ своимъ расчетамъ и выгодамъ, а только какъ служитель извѣстнаго образа мыслей, общаго ему со всею партіею „чистыхъ республиканцевъ“; онъ постоянно руководился мнѣніями этой партіи; ошибки его — не его личные ошибки, а заблужденія цѣлой партіи; ими обнаруживается несостоятельность для Франціи того образа мыслей, котораго онъ держался. „Чистые республиканцы“ забывали, что политическая форма держится только тѣмъ, когда служить средствомъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей; они воображали, что слово „республика“ само по себѣ чрезвычайно привлекательно для французской націи; они хлопотали о формѣ, не считая нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы форма принесла съ собою исполненіе желаній французскаго народа; они мечтали, что народъ, не получая отъ формы никакихъ существенныхъ выгодъ для себя, станетъ защищать форму ради самой формы. И форма упала, не поддерживаемая народомъ.

Съ начала нынѣшняго вѣка, эта ошибка повторялась всѣми партіями, господствовавшими во Франціи. Каждая, увлекаясь своими формальными пристрастіями, воображала, что и нація раздѣляетъ ея пристрастіе къ извѣстной формѣ ради самой формы, между тѣмъ какъ нація съ восторгомъ привѣтствовала новую форму только потому, что ждала отъ нея блага себѣ; каждая система воображала, что нація не можетъ жить безъ нея, и забывала о томъ, каковы были ожиданія націи. Ни отъ одной системы не дождалась Франція исполненія своихъ надеждъ, и какъ только распространялось въ націю мнѣніе, что система не оправдываетъ надеждъ, на нее возлагавшихся, система падала. Такъ покинутъ былъ сначала Наполеонъ, потомъ покинута Реставрація, потомъ іюльская династія, потомъ и республика Кавеньяка и его друзей. Изъ исторіи всѣхъ націй и всѣхъ эпохъ выводится точно такой же результатъ: форма держится, пока есть мнѣніе, что она приноситъ благо; она падаетъ, какъ скоро распространяется мнѣніе, что она существуетъ только ради самой себя, не заботясь объ удовлетвореніи сильнѣйшихъ интересовъ общества. Форма падаетъ не силою своихъ враговъ, а единственно тогда, когда обнаруживается ея собственная безплодность для общества.

Исторія диктаторства Кавеньяка очень поучительна, потому что въ ней съ особенною ясностью раскрывается эта истина. Не силою своихъ враговъ, не стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ пало правительство Кавеньяка и чистыхъ республиканцевъ: восторжествовавшій противникъ былъ совершенно безсиленъ самъ по себѣ, всѣ обстоятельства благопріятствовали продолженію власти Кавеньяка уже во всякомъ случаѣ не менѣе, нежели возвышенію Луи Наполеона; единственно ошибки Кавеньяка погубили его.

Правленіе Кавеньяка было, какъ мы сказали, правленіемъ партіи чистыхъ или умѣренныхъ республиканцевъ. Онъ сталъ ея предводителемъ, конечно, благодаря отчасти собственнымъ талантамъ; но еще болѣе обязанъ онъ своимъ возвышеніемъ въ этой партіи тому уваженію, которое имѣла она къ его отцу и, особенно, къ его старшему брату.

Отецъ диктатора, Жанъ Батистъ Кавеньякъ, былъ сначала, какъ и многіе другіе политическіе люди Франціи, адвокатомъ. При началѣ первой революціи, онъ сдѣлался жаркимъ ея приверженцемъ, и былъ выбранъ членомъ Національ-

наго Конвента, въ которомъ поддерживалъ всѣ рѣшительныя мѣры, казавшіяся тогда нужными для борьбы съ вандейцами, эмигрантами и европейскою коалиціею. Нѣсколько разъ онъ исполнялъ важныя порученія при арміи и въ провинціяхъ. и, всегда дѣйствуя твердо, не запятналъ, однако же, себя жестокостями, которыми повредили общему дѣлу нѣкоторые изъ его товарищей по убѣжденіямъ. Онъ оставилъ дѣтямъ имя, уважаемое французскими республиканцами, но знаменитость этому имени дали блистательные таланты его старшаго сына, Годфруа, который былъ однимъ годомъ старше втораго брата, впоследствии сдѣлавшагося диктаторомъ Франціи.

Годфруа Кавеньякъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ французской республиканской партіи при Луи-Филиппѣ, былъ сперва, подобно отцу, адвокатомъ, и подобно отцу рано оставилъ для политической дѣятельности адвокатуру, которая, при его чрезвычайныхъ талантахъ, обѣщала ему огромныя богатства. Въ іюлѣ онъ сражался противъ Бурбоновъ; былъ очень недоволенъ, когда низверженіе Бурбоновъ послужило только къ возвышенію Луи-Филиппа, и одинъ изъ первыхъ началъ возставать противъ новой конституціонной формы. Черезъ годъ орлеанское правительство уже предало его суду, какъ президента республиканскаго общества „Amis du Peuple“. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы громко объявить себя республиканцемъ, — рѣшимость, которую имѣли тогда очень немногіе, и которая тѣмъ больше доказывала силу его характера, что пылкая рѣчь въ защиту республики была имъ сказана передъ судомъ, уже за одно это признаніе имѣвшимъ власть осудить его. Заключенный потомъ въ тюрьму, онъ бѣжалъ изъ нея подземнымъ ходомъ, который тайкомъ былъ прорытъ въ его комнату изъ сосѣдняго дома. Товарищемъ его по тюрьмѣ и бѣгству былъ, между прочимъ, Арманъ Маррă, впоследствии содѣйствовавшій возвышенію его брата. Пять лѣтъ Годфруа прожилъ въ Англіи изгнанникомъ. Республиканская партія во Франціи была тогда еще очень слаба, и Луи-Филиппъ совершенно неразсчитливо придавалъ ей ожесточенными гоненіями важность, которой она безъ того не имѣла бы. Общественное мнѣніе, возмущенное излишествомъ этихъ гоненій, вынудило, наконецъ, амнистію политическимъ преступникамъ. Годфруа Кавеньякъ долго не хотѣлъ ею пользоваться; но крайніе республиканцы, находившіе, что „National“, до той поры важнѣйшій республиканскій журналъ, не довольно демократиченъ, убѣдили Годфруа возвратиться во Францію, чтобы быть главнымъ редакторомъ рѣшительнѣйшаго демократическаго журнала, который онъ вмѣстѣ съ Ледрю-Ролленомъ и сталъ издавать подъ именемъ „La Riforme“. Отличаясь отъ редакторовъ „National'a“ бѣльшею рѣзкостью мнѣній, Годфруа Кавеньякъ былъ, однако, и отъ нихъ признаваемъ главою республиканской прессы во Франціи. Дѣйствительно, послѣ смерти Армана Карреля, она не имѣла столь даровитаго публициста. Изнуренный волненіями политической борьбы, Годфруа умеръ въ 1845 году, за три года до февральскихъ событій. Надъ могилою его различныя партіи французскихъ республиканцевъ клялись забыть всѣ раздоры, ихъ раздѣлявшіе. Болѣе, нежели кто-нибудь другой послѣ Армана Карреля, Годфруа Кавеньякъ способствовалъ распространенію республиканскихъ убѣжденій во Франціи при Луи-Филиппѣ, до 1845 года. Всѣ отдѣлы этой партіи чрезвычайно уважали его.

Эженъ Кавеньякъ, младшій его братъ и воспитанникъ по убѣжденіямъ, ро-

дился 15 декабря 1802 года. Окончивъ курсъ въ Политехнической школѣ, онъ сдѣлался офицеромъ; при июльскихъ событіяхъ онъ первый въ своемъ полку объявилъ себя противъ Бурбоновъ; подобно брату, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что июльская революція кончилась въ пользу Луи-Филиппа, и вообще извѣстенъ былъ въ арміи, какъ ревностный республиканецъ. Думая поставить его въ затруднительное положеніе, полковникъ однажды предложилъ ему официальный вопросъ, прикажетъ ли онъ своимъ солдатамъ стрѣлять по народу, въ случаѣ возстанія противъ Луи-Филиппа. Кавеньякъ, не колеблясь, отвѣчалъ: „нѣтъ“. Правительство не могло оставить безъ наказанія офицера, который прямо отказывался защищать его, но съ тѣмъ вмѣстѣ не отваживалось и предать военному суду молодого штабсъ-капитана, который уже пользовался большимъ уваженіемъ въ арміи. Дѣло кончилось тѣмъ, что полковнику сдѣлали выговоръ за неумѣстный вопросъ, а Кавеньяка перевели въ Алжирію. За республиканскій образъ мыслей и, въ особенности, за то, что страннѣйшій Годфруа Кавеньякъ былъ его братъ, Эжену Кавеньяку всячески старались не давать хода, по возможности обходили его чинами, несмотря на блестящіе подвиги. Вотъ одинъ примѣръ. Первымъ замѣчательнымъ дѣломъ Кавеньяка была защита Тлемсена въ 1836—1837 годахъ. Оставленный въ этомъ отдаленномъ передовомъ укрѣпленіи съ однимъ батальономъ, безъ запасовъ провіанта и аммуниціи, онъ цѣлый годъ выдерживалъ блокаду и отбивалъ приступы многочисленныхъ арабскихъ отрядовъ, терпя недостатокъ во всемъ. Продовольствіе доставалось гарнизону только съ битвы. Когда солдаты не могли получать полныхъ порцій, Кавеньякъ самъ бралъ себѣ порціи еще меньше солдатскихъ, своимъ примѣромъ ободряя ихъ терпѣть голодъ. Алжирская армія удивлялась геройской защитѣ форта, но правительство не хотѣло награждать республиканца и его отрядъ; всѣ представленія алжирскаго главнокомандующаго о наградахъ тлемсенскимъ офицерамъ были отвергаемы военнымъ министромъ. Наконецъ, нужно же было наградить Кавеньяка, — ему сказали, что онъ получитъ слѣдующій чинъ; онъ отвѣчалъ, что не приметъ награды, если не будутъ награждены также всѣ офицеры его отряда. Мнѣніе арміи вынудило эту уступку у министерства.

Несмотря на всѣ затрудненія, дѣлаемые министрами Луи-Филиппа служебной карьерѣ республиканца, бывшаго братомъ ненавистному Годфруа, Эженъ Кавеньякъ, въ началѣ 1848 года, былъ бригаднымъ генераломъ и губернаторомъ Оранской провинціи, потому что равно отличался и военными и административными дарованіями. О благосостояніи своихъ солдатъ онъ чрезвычайно заботился: арабы прозвали его „справедливымъ султаномъ“; въ арміи считался онъ однимъ изъ лучшихъ генераловъ и едва-ли не лучшимъ администраторомъ. Еслибы не опальное его имя и не республиканскія мнѣнія, онъ вѣроятно подвинулся бы гораздо быстрѣе въ продолженіе своей 14-лѣтней воинской дѣятельности. Теперь пока онъ оставался не болѣе, какъ однимъ изъ генераловъ, занимавшихъ въ алжирскомъ управленіи вторые мѣста послѣ генераль-губернатора. Въ январѣ, 1848 года, никто не предполагалъ, чтобы скоро ему пришлось сдѣлаться значительнымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Но событія 24-го февраля 1848 года передали управленіе провинціи въ руки республиканцевъ и господствующую во Времени ~~тогдашнюю~~ была именно та партія, къ которой принадлежалъ ~~онъ~~

Кавеньякъ, — партія умѣренныхъ или чистыхъ республиканцевъ, — иначе, партія „National'я“. Эженъ Кавеньякъ, хотя и чрезвычайно любилъ брата, не былъ такимъ революционеромъ, какъ Годфруа; онъ былъ, подобно ему, демократомъ. но вовсе не крайнимъ демократомъ. Именно таково было и большинство Временнаго Правительства, — Марра, Мари, Гарнье-Паже, Араго, Креиё, Дюпонъ де л'Орь. Всѣ они были друзьями Годфруа Кавеньяка, всѣ сохранили очень сильное уваженіе къ нему, хотя онъ иногда и упрекалъ ихъ за то, что они нѣсколько отставали отъ него.

Алжирская армія, въ которой принцы Орлеанскаго Дома имѣли многихъ людей, лично имъ преданныхъ, и вообще пользовались популярностью, внушала Временному Правительству безпокойство въ первые дни новаго порядка вещей.

Надобно было отдать команду надъ нею испытанному республиканцу; изъ всѣхъ алжирскихъ генераловъ, ни на кого Временное Правительство не могло положить съ такою увѣренностью, какъ на Кавеньяка, и однимъ изъ первыхъ декретовъ, подписанныхъ новыми правителями Франціи, было назначеніе Кавеньяка генераль-губернаторомъ Алжира.

Онъ имѣлъ столько скромности и прямоты, что самъ понималъ и откровенно высказалъ причину своего быстрого возвышенія въ прокламаціяхъ, обнародованныхъ имъ при вступленіи въ новую должность. „Вы, точно также какъ и я, говорилъ онъ въ прокламаціи къ жителямъ Алжира, знаете, что память о моемъ благородномъ братѣ, живущая между гражданами, меня избравшими, побудила ихъ вручить мнѣ управленіе дѣлами Алжира“. — То же самое выражалъ онъ и въ прокламаціи къ жителямъ Орана: „Моимъ назначеніемъ правительство хотѣло отъ имени націи почтить память доблестнаго гражданина, моего брата“.

Этимъ прямотышнимъ сознаніемъ очень хорошо опредѣляется и личный характеръ Кавеньяка, и его справедливое понятіе о степени своихъ достоинствъ. Онъ самъ указываетъ, что далеко не имѣетъ гени, какимъ отличался его старшій братъ; что если бы не блескъ, сообщенный его имени дѣятельностью брата, онъ не былъ бы замѣченъ, какъ человѣкъ, котораго надобно выдвинуть впередъ; но только человѣкъ, вполне увѣренный, что своими достоинствами оправдаетъ выборъ, которымъ обязанъ постороннему обстоятельству — увѣренный, что никто не назоветъ его недостойнымъ занятаго имъ мѣста, можетъ такъ прямо и громко говорить, что еще больше, нежели самому себѣ, одолженъ онъ своимъ выборомъ заслугамъ другого.

Вскорѣ представился Кавеньяку другой случай выказать рѣдкую честность своихъ правилъ. Жители Алжира хотѣли выбрать его своимъ представителемъ въ Національное Собраніе. Онъ рѣшительно отказался отъ этой чести, говоря, что его положеніе въ Алжирѣ не позволяетъ ему принимать голоса, подаваемые въ его пользу его подчиненными. Онъ хотѣлъ сохранить себя совершенно чистымъ отъ всякаго подозрѣнія въ искательствѣ, въ честолюбіи, въ желаніи пользоваться данною ему властью для какой-либо личной выгоды.

Парижское Временное Правительство давно знало безкорыстіе его характера, его недоступность никакимъ соблазнамъ. Алжирская армія уже доказала, что во все не имѣетъ намѣренія поднимать междоусобныя смуты: она безусловно покорилась правительству, признанному Франціей; Временное Правительство могло оставить Алжирію безъ Кавеньяка, воспользоваться его военными и административ-

ными талантами и рѣдкими качествами его характера въ должности, еще болѣе важной. Парижскіе работники, оружіемъ которыхъ восторжествовало возстаніе и въ іюль 1830 и въ февралѣ 1848 года, волновались, не видя исполненія своихъ надеждъ отъ новаго правительства, поставленнаго ихъ содѣйствіемъ. Большинство Временнаго Правительства состояло изъ людей, желавшихъ ограничить переворотъ 24 февраля чисто политическими преобразованіями, безъ измѣненій въ гражданскихъ отношеніяхъ между классомъ капиталистовъ съ одной стороны, классомъ живущимъ наемною работою съ другой стороны,—эти измѣненія казались невозможными большинству Временнаго Правительства, а между тѣмъ ихъ требовали парижскіе работники, поддерживаемые полнымъ сочувствіемъ своихъ соотечественниковъ по всей Франціи. Для сопротивленія имъ, большинству Временнаго Правительства нужно было имѣть и сильное войско и хорошаго военнаго министра, на котораго могло бы оно положиться. Въ правленіе Лун-Филиппа, система подкуповъ и фаворитизма разстроила военную администрацію, какъ и всѣ отрасли государственнаго управленія; безпорядки военнаго управленія были таковы, что новое правительство не нашло въ концѣ февраля 20,000 человекъ, готовыхъ къ открытію кампаніи, въ случаѣ внѣшней войны, хотя арміи считала 400,000 солдатъ. Нуженъ былъ хорошій администраторъ для поправленія этихъ безпорядковъ. Но потребность въ арміи, на случай внѣшней войны, была въ глазахъ большинства Временнаго Правительства еще не такою настоятельною нуждою, какъ необходимость приготовиться къ подавленію возстаній въ самомъ Парижѣ. Послѣ 24 февраля, войска, побѣжденные инсургентами, были выведены изъ Парижа, какъ по требованію побѣдителей, опасавшихся реакціи, такъ и для того, чтобы эти войска, нравственно униженные своимъ пораженіемъ, могли оправиться духомъ вдали отъ улицъ, напоминавшихъ имъ о ихъ разбитіи. Нужно было теперь снова ввести сильный гарнизонъ въ Парижъ, сосредоточить войска въ окрестностяхъ столицы, сдѣлать заготовленія аммуниціи и т. д. на случай междоусобныхъ смутъ. Это могъ исполнить только такой военный министръ, который вполнѣ раздѣлялъ бы убѣжденія большинства Временнаго Правительства, потому что при малѣйшей нерѣшительности онъ легко могъ быть задержанъ въ своихъ вооруженіяхъ усиліями меньшинства Временнаго Правительства, находившагося въ раздорѣ съ большинствомъ. Кромѣ всего этого, нужно было въ военномъ министрѣ совершенное безкорыстіе, чтобы онъ, имѣя въ своихъ рукахъ фактическую силу, не поддавался обольщеніямъ властолюбія, остался вѣрнымъ сановникомъ правительства, а не покушался быть его властелиномъ. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворялъ Кавеньякъ. Характеръ его представлялъ совершенное ручательство, что онъ не употребитъ противъ правительства силы, которую ему дадутъ; онъ былъ извѣстенъ, какъ хорошій генералъ и отличный администраторъ. Нашлись бы и кромѣ него генералы, обладающіе этими качествами, но было еще условіе, которому никто не соотвѣтствовалъ столько, какъ онъ. Много было генераловъ, съ радостью готовыхъ драться противъ „черни“, la canaille; но эти генералы были преданы Орлеанскому Дому и враждебны республикѣ; было нѣсколько и республиканскихъ генераловъ,—но почти всѣ они поколебались бы двинуть войска противъ своихъ соотечественниковъ. Кавеньякъ былъ несомнѣнный республиканецъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ готовъ былъ повести войска противъ гражданъ, сомѣдшихся принуждать республиканское правительство къ уступкамъ, которыхъ оно не хотѣло дѣлать.

Не даромъ, когда жители Алжира выразили желаніе, чтобы въ Алжирѣ военное управленіе было замѣнено гражданскимъ, онъ сдѣлалъ имъ строгіе упреки и сказалъ: „Энергія, состоящая въ томъ, чтобы опираться на мнѣшіе массы, не исполняя своихъ обязанностей, — гнусная энергія, я отвергаю ее. Самый дурной законъ лучше безпорядка“. Ему послали назначеніе явиться въ Парижъ, для принятія должности военного министра. Онъ сказалъ, что приметъ ее только тогда, если ему позволено будетъ сосредоточить сильную армію около Парижа, — это было еще въ мартѣ, меньшинство Временнаго Правительства было тогда еще довольно сильно; оно воспротивилось этому требованію, соотвѣтствовавшему желаніямъ большинства, и Кавеньякъ отказался отъ министерскаго портфеля. Прошло два мѣсяца; отчасти ошибочныя дѣйствія, еще болѣе нерышительность и бездѣйственность очень ослабили вліяніе меньшинства во Временномъ Правительствѣ; выборы въ Національное Собраніе, произведенныя подъ впечатлѣніемъ этихъ ошибокъ и бездѣйственности, доставили рѣшительный перевѣсъ партіи умѣренныхъ республиканцевъ; когда Временное Правительство сложило свою власть передъ Національнымъ Собраніемъ, Собраніе передало ее „Исполнительной Коммиссіи“ изъ пяти членовъ, между которыми только одинъ не былъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ; они теперь стали полновластными правителями государства. Требованіе Кавеньяка сосредоточить сильное войско въ Парижѣ, прежде помѣшавшее вступленію его въ министерство, теперь было новою рекомендаціею для него, и когда онъ, избранный въ Національное Собраніе депутатомъ отъ департамента Ло, прибылъ въ Парижъ, Исполнительная Коммиссія тотчасъ же назначила его военнымъ министромъ (17 мая).

Въ Національномъ Собраніи онъ не былъ особенно блестящимъ ораторомъ, то дѣятельность его по управленію министерствомъ соотвѣтствовала надеждамъ, которыя имѣли на него умѣренные республиканцы. Онъ неутомимо заботился о томъ, чтобы имѣть наготовѣ такія силы, съ которыми можно было бы, въ случаѣ возстанія, подавить инсургентовъ.

Случай употребить въ дѣло собранныя силы не замедлил представиться. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ началъ Кавеньякъ свои приготовленія, возстаніе вспыхнуло, и вспыхнуло въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, какихъ не достигала еще ни одна междоусобная битва въ Парижѣ, видѣвшемъ такъ много страшныхъ междоусобицъ. Впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ, легкомысленное бездѣйствіе и разнорѣчащія распоряженія Временнаго Правительства и его наслѣдницы, Исполнительной Коммиссіи, раздражали массу, обманываемую въ своихъ надеждахъ, исполненіе которыхъ было ей формально обѣщано. Каковы были эти надежды, разумны или неразумны, все равно; дѣло въ томъ, что ихъ исполненіе было формально обѣщано, дѣло въ томъ, что были формально подтверждены ожиданія, — и когда гнѣвъ овладѣлъ людьми, не видѣвшими исполненія этимъ ожиданіямъ, когда отчаяніе овладѣло людьми, увидѣвшими, что у нихъ отнимается всякая надежда, удивляться тутъ нечему. Неудовольствіе массы росло съ каждымъ днемъ, и, наконецъ, мѣры, принятія Исполнительною Коммиссіею по повелѣнію Національнаго Собранія для закрытія такъ называемыхъ „Національных Мастерскихъ“ (Ateliers Nationaux) произвели взрывъ.

Исторія Національных Мастерскихъ и трагическаго ихъ окончанія — самый печальный и вмѣстѣ самый нелѣпый эпизодъ въ печальной исторіи столь обильныхъ

нелѣпостями событій, послѣдовавшихъ за февральскою революціею. Кого надобно винить за Національныя Мастерскія?—обстоятельства были такъ запутаны, ошибокъ было надѣлано столько всѣми партіями, участвовавшими въ управленіи Франціею послѣ 24 февраля, что ни одна изъ партій этихъ не можетъ похвалиться государственнымъ благоразуміемъ въ дѣлѣ Національныхъ Мастерскихъ, какъ увидимъ ниже. Но если отвѣтственность за гибельную нелѣпость должна падать преимущественно на тѣхъ людей, которыми она была придумана, которые завѣдывали ея исполненіемъ, которые не допускали другихъ сдѣлать ничего для ея отстраненія, то отвѣтственность за Національныя Мастерскія прямымъ образомъ падаетъ на партію чистыхъ республиканцевъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Республика была провозглашена во Франціи по настоянію республиканцевъ и работниковъ. Республиканцы шли впереди, но ихъ требованія не имѣли бы никакой силы, если бы не были поддерживаемы работниками. Но работники увлекались вовсе не теоретическими разсужденіями о качествахъ республиканской формы политическаго устройства,—они хотѣли существенныхъ измѣненій въ своемъ матеріальномъ бытѣ, и когда республиканцы, достигшіе власти ихъ силою, показали видъ, что хотятъ ограничиться измѣненіемъ политической формы, работники потребовали отъ нихъ, на другой же и на третій же день послѣ побѣды, принятія мѣръ къ улучшенію матеріальнаго положенія низшихъ классовъ. Способъ, которымъ работники предполагали улучшить свой бытъ,—учрежденіе промышленныхъ ассоціацій при вспоможеніи правительства, казался республиканцамъ химерою; нелѣпою несообразностью съ ихъ понятіями о государствѣ казалось имъ и то право, которое во мнѣніи работниковъ служило основаніемъ атому способу,—именно, „право на трудъ“ (*droit au travail*),—право каждаго, не находящаго себѣ работы у частныхъ промышленниковъ, получать эту работу отъ государства, которое такимъ образомъ обезпечивало бы средства для жизни каждому, желающему трудиться. Здравый смыслъ говорилъ, что если республиканцы не считали возможнымъ удовлетворить этимъ требованіямъ, они должны были рѣшительно отвергнуть ихъ. Но отвергнуть ихъ значило бы въ ту же минуту лишиться власти, потому что сами по себѣ республиканцы были безсильны, и держались только тѣмъ, что опирались на работниковъ. Они рѣшились выпутаться изъ затрудненія обѣщаніями, разсчитывая выиграть время проволочками, надѣясь, что настойчивость работниковъ остынетъ мало-по-малу, что дѣла какъ-нибудь уладятся счастливыми случайностями, что Временное Правительство впослѣдствіи пріобрѣтетъ силу воспротивиться работникамъ. Первая уступка состояла въ томъ, что на другой же день послѣ переворота Временное Правительство издало декретъ (25 февраля), которымъ объявляло, что государство обязывается обезпечивать существованіе работника доставленіемъ ему работы въ случаѣ надобности, — „право на трудъ“ было такимъ образомъ формально признано. Черезъ два дня, точнѣе сообразивъ убѣжденія республиканцевъ, работники увидѣли, что не будетъ принято Временнымъ Правительствомъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ исполненію этого обѣщанія, если исполненіе не будетъ предоставлено человѣку, раздѣляющему въ этомъ случаѣ идеи работниковъ,—и снова явились (27 февраля), трабуя, чтобы для этого дѣла было учреждено особенное „министерство прогресса“ и министромъ былъ назначенъ Луи Бланъ, глава той соціальной школы, мнѣнія которой господствовали тогда между парижскими работниками. Луи Бланъ былъ однимъ

изъ одиннадцати членовъ Временнаго Правительства, но не имѣлъ въ немъ никакой силы, встрѣчая безусловное сопротивленіе со стороны всѣхъ своихъ сотоварищей, кромѣ одного Альбера, который самъ принадлежать къ классу работниковъ. Поручить Луи Блану министерство прогресса значило дать ему власть, значило облечь правительственною силою именно тѣ идеи, которыя девятерымъ изъ одиннадцати членовъ Временнаго Правительства казались гибельною химерою. Оно не могло согласиться на это; но не могло и совершенно отказать работникамъ; и вотъ, оно придумало, вмѣсто министерства прогресса, учрежденіе „Правительственной Коммиссіи“ для работниковъ (*Commission du Gouvernement pour les travailleurs*), которая подъ предсѣдательствомъ Луи Блана составляла бы проекты законовъ для предложенія будущему Національному Собранію. Принявъ это порученіе, Луи Бланъ въ свою очередь сдѣлать очень важную ошибку. Эта коммиссія, не имѣвшая никакой власти, учреждалась только для проволоочки, съ цѣлью замѣять дѣло; она обманывала работниковъ наружностью безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Нечего уже и говорить о томъ, что, не имѣя административной власти, коммиссія не могла ничѣмъ облегчить состояніе работниковъ въ настоящемъ; очевидно было, что и составлять проекты законовъ Временное Правительство поручало ей только въ той увѣренности, что они будутъ отвергнуты Національнымъ Собраніемъ, — да и самъ Луи Бланъ зналъ это. Ясно было также, что во всякомъ случаѣ коммиссія вовсе не нужна для составленія законовъ, — ихъ гораздо легче и удобнѣе было бы обрабатывать безъ такой многосложной обстановки, какую должны были имѣть засѣданія коммиссіи. Луи Бланъ видѣлъ, что коммиссія придумана только для того, чтобы Временному Правительству увернуться отъ требованія работниковъ. Ему слѣдовало отказать отъ этого обманчиваго порученія. Онъ отказывался и говорилъ, что долженъ выйти изъ Временнаго Правительства, которое считаетъ его участіе во власти невозможнымъ. Но если бы онъ не согласился остаться въ Правительствѣ, если бы не принялъ порученія, работники въ тотъ же часъ поняли бы, что имъ нечего ждать отъ Временнаго Правительства, они возстали бы противъ него, произвели бы новыя смуты, быть можетъ, новое неждоусобіе. Это было представлено Луи Блану его товарищами, — и онъ согласился принять порученіе, которое одно могло спасти Правительство отъ разрыва съ работниками. Эту уступку съ его стороны можно приписывать слабости его характера, если думать, что онъ, подобно республиканцамъ, по убѣжденію не отвращался междоусобій. Но его образъ мыслей былъ таковъ, что насиліе ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести ни къ чему хорошему, что все въ мірѣ лучше, нежели быть виновникомъ смутъ, — и потому очень можетъ быть, что онъ уклонился отъ разрыва не по недостатку характера, а напротивъ, по твердому убѣжденію въ томъ, что лучше отказать отъ успѣха, нежели достигать его путемъ насилія. Въ самомъ дѣлѣ, Луи Блану тогда нечего было бояться разрыва: въ случаѣ борьбы, побѣда несомнѣнно осталась бы на сторонѣ работниковъ, желавшихъ отдать власть въ его руки.

Но каковы бы ни были побужденія, заставившія Луи Блана сдѣлать уступку, онъ уступилъ. Для коммиссіи, учрежденной подъ его предсѣдательствомъ, былъ отведенъ Люксамбургскій Дворецъ, въ которомъ двѣ недѣли тому назадъ засѣдала Палата Перовъ. Для участія въ совѣщаніяхъ о мѣрахъ, касающихся быта работниковъ, были избраны работниками всѣхъ промысловъ двѣсти пятьдесятъ де-

путатовъ. Но составлять проекты законовъ, которые не имѣли вѣроятности пройти черезъ Національное Собраніе, было бесполезно, и комиссіи скорѣе имѣла характеръ государственной аудиторіи, въ которой Луи Бланъ налагалъ свою систему, нежели Законодательнаго Комитета. Главною цѣлью рѣчей Луи Блана было внушить собравшимся около него депутатамъ работниковъ, что насиліемъ они ничего не выиграютъ, и должны надѣяться только на мирныя средства для улучшенія своей участи; что путь убѣжденія и законныхъ выборовъ—единственный вѣрный путь для исполненія ихъ желаній. Пока продолжались Люксамбургскія конференціи, онѣ болѣе нежели что нибудь другое удерживали работниковъ отъ насильственныхъ дѣйствій. Но съ другой стороны, онѣ составляли для работниковъ самое торжественное свидѣтельство обѣщаній правительства позаботиться объ ихъ участи. Мало того, работники необходимо приходили черезъ нихъ къ мысли, что законы и распоряженія, касающіеся положенія рабочаго класса, могутъ составляться не иначе, какъ по совѣщаніи съ этимъ классомъ, съ его одобренія, при его участіи. Легко понять, какое впечатлѣніе послѣ такихъ идей долженъ былъ произвести на нихъ тотъ фактъ, когда потомъ вдругъ имъ объявили, что ни одна изъ ихъ надеждъ не можетъ быть исполнена, что они требуютъ нелѣпости, желая, чтобы правительстве заботилось о рабочихъ хотя на половину того, какъ заботится о фабрикантахъ, и что они должны безпрекословно повиноваться всему, что имъ приказываютъ, оставляя ихъ, между прочимъ, безъ средствъ жизни.

Въ то время, какъ на Люксамбургскихъ конференціяхъ работники проникались высокими мыслями о приобрѣтенной ими участи въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся ихъ быта, и безпрестанно вспоминали декреты Временнаго Правительства, обѣщавшаго доставленіе работы отъ государства тѣмъ рабочимъ, которые останутся безъ работы у частныхъ промышленниковъ, уже оказались естественныя слѣдствія всякаго государственнаго кризиса: торговля дѣла приостановились, произошло много банкротствъ, и оттого частные промышленники должны были сократить работу на своихъ фабрикахъ, а нѣкоторые даже вовсе закрыть ихъ. Произойти это должно было неизбежно: всегда и вездѣ за каждымъ государственнымъ кризисомъ слѣдуетъ промышленный. И въ Англіи, при гораздо меньшихъ усиліяхъ къ преобразованіямъ гораздо меньшимъ, бываетъ то же: и парламентская реформа, и отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ соединены были съ промышленными кризисами. То же было во Франціи и при началѣ Реставраціи, и послѣ польскаго переворота, и послѣ декабрьскаго переворота. Но если при этихъ послѣднихъ кризисахъ французское правительство могло оставлять на волю судьбы работниковъ, лишавшихся работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса, нельзя было этого сдѣлать теперь: декретъ, признававшій право на трудъ, былъ еще у всѣхъ въ рукахъ; работникамъ еще принадлежало фактическое владычество въ Парижѣ, еще не имѣвшемъ гарнизона послѣ февральскихъ событій. Нельзя было не позаботиться о тѣхъ рабочихъ, которые остались безъ хлѣба. Временное Правительство никакъ не хотѣло приступить въ самомъ дѣлѣ къ обѣщаннымъ преобразованіямъ экономическаго быта; а все-таки необходимо было сдѣлать то, что должно было, по мнѣнію самихъ работниковъ, быть только уже результатомъ этихъ преобразованій,—пришлось дать работу отъ правительства работникамъ, оставшимся безъ занятія на частныхъ фабрикахъ. Временное Правительство едѣ-

лало это такъ, какъ дѣлается все, дѣлаемое противъ желанія и убѣжденія, безъ знанія и обдуманности, — сдѣлало такъ, что вышла совершенно нелѣпая путаница. Оно поручило одному изъ своихъ членовъ, принадлежавшему къ чисто республиканскому большинству и бывшему министромъ публичныхъ работъ, Мари, учредить „Національныя Мастеренія“ для работниковъ, оставшихся безъ занятія. Имя „Національныя Мастерскія“ было заимствовано изъ системы Луи Блана, и потому люди, не знавшіе о самомъ фактѣ ничего, кромѣ его имени, утверждали потомъ, что „Національныя Мастеренія“ произошли отъ него или его идей. Напротивъ, онѣ были учреждены его непримиримыми противниками, управлялись людьми, нарочно избранными для того за личную вражду противъ него, устроены были совершенно наперекоръ его понятіямъ и, при всей обременительности своей для государства, при всей гибельности для частной промышленности, долго были пріятны Временному Правительству, искавшему въ нихъ опоры противъ Луи Блана. Нелѣпѣе тѣхъ основаній, на которыхъ онѣ были созданы, невозможно ничего и придумать.

Надобно давать средства для жизни работникамъ (такъ разсчитывало Временное Правительство) — не потому, чтобы это было хорошо, напротивъ, это очень дурно; но чтожъ дѣлать, безъ этого произойдетъ возстаніе. Они говорятъ, что хотятъ работать; но если имъ дать занятіе ихъ обыкновенною работою, это будетъ подрывомъ частной промышленности. Потому нельзя ткачамъ давать ткать матерію, столярамъ дѣлать мебель: нужно дать имъ занятіе, которое не входило бы въ соперничество съ частною промышленностью.

На этихъ соображеніяхъ были устроены „Національныя Мастеренія“. Единственная работа, которая не подрывала бы частной промышленности, состояла, по мнѣнію умѣренныхъ республиканцевъ, въ томъ, чтобы копать землю, — и всѣхъ этихъ людей: ювелировъ, фортепьянщиковъ, слесарей, портныхъ, ткачей, гравёровъ, наборщиковъ и т. д. обратили въ землекоповъ.

Копать землю — это прекрасно; но гдѣ взять землю, которую нужно копать? Въ Парижѣ производились различныя земляныя работы, особенно по постройкѣ дорогъ, мостовъ, укрѣпленій. Еще больше земляныхъ работъ предполагалось совершить современемъ. Казалось, почему бы не обратить людей „Національных Мастерскихъ“ на эти дѣйствительно нужныя работы, если ужъ они непременно должны копать землю? Администрація Мастерскихъ обратилась къ инженерному вѣдомству, управлявшему всѣми земляными работами въ Парижѣ, — тутъ произошла вещь невѣроятно милая: инженерное вѣдомство постоянно было во враждѣ съ министерствомъ публичныхъ работъ; — бюрократическая ссора не постыдилась проявиться и тутъ, когда дѣло было такъ важно для государства: инженеры отвѣчали, что у нихъ нѣтъ никакихъ работъ для администраціи Національных Мастерскихъ. Что оставалось дѣлать Мари? Вмѣсто того, чтобы призвать на помощь всю силу правительства для усмиренія нелѣпой вражды инженеровъ, онъ началъ придумывать самъ отъ себя работы, — нужныхъ работъ не придумало его министерство никакихъ, и Національныя Мастерскія были заняты совершенно пустынъ пересыпашемъ земли съ одного мѣста на другое, потомъ опять съ этого втораго на первое, — такъ, единственно для препровожденія времени. Это опять невѣроятно, — но дѣйствительно было такъ. Рабочіе Національных Мастерскихъ сначала вырыли рвы и насыпали террасы на Марсовомъ полѣ, потомъ срыли опять

террасы и засыпали рвы, потомъ снова принялись рыть тѣ же рвы и насыпать террасы, и т. д.; подобными же упражненіями занимались они и на всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Парижа, гдѣ только было можно потѣшаться лопатами и ступами.

За это совершеннѣйшее осуществленіе нашей поговорки о пересыпаніи изъ пустаго въ порожнее слѣдовало имъ получать плату отъ правительства. Такимъ образомъ умѣренные республиканцы удивительно разрѣшили задачу: содержать рабочихъ и заставлять ихъ трудиться, но такъ, чтобы ихъ трудъ не былъ соперничествомъ частной промышленности.

И сами рабочіе, и администраторы Національныхъ Мастерскихъ очень хорошо чувствовали, что ихъ занятіе—нелѣпая пародія труда. Не глупо ли товарю или каретнику копать землю?—заставлять его дѣлать это, значить просто заставлять его бездѣльничать. Да и вообще, заставлять человека дѣлать дѣло, совершенно ни для чего не нужное, только затѣмъ, чтобы потомъ онъ могъ заняться раздѣлывашемъ сдѣланнаго—опять таки нелѣпость, которой долженъ совѣститься и работникъ и надзиратель. Потому очень скоро надзиратели бросили требовать отъ рабочихъ труда; рабочимъ стала омерзительна пошлая возня съ лопатами. По общему согласію тѣхъ и другихъ установилось, что весь процессъ „рабочего дня“ состоитъ лишь въ томъ, чтобы явиться на мѣсто работы, какъ-нибудь провести на этомъ мѣстѣ назначенные часы, и отправиться назадъ по окончаши ихъ, получивъ квитанцію за свое приустройство въ назначенномъ мѣстѣ. Оно, дѣйствительно, такъ и слѣдовало по самой мысли учредителей.

Не одни люди рабочаго класса, но и люди всякаго званія предпочтутъ пользоваться деньгами за даромъ, если открывается возможность получать за даромъ столько же денегъ, сколько и за тяжелый трудъ. Когда въ Національныхъ Мастерскихъ стало нужно только прогуляться отъ сборнаго мѣста до какой-нибудь площади по утру, и вечеромъ прогуляться съ этой площади назадъ до сборнаго мѣста, чтобы выдана была квитанція за такъ называемый „рабочій день“, а потомъ за эту квитанцію выдана была плата не менѣе той, какая давалась на фабрикахъ,—когда такимъ образомъ открыты были синекуры для работниковъ, само собою разумѣется, что работники стали покидать частныя фабрики для Національныхъ Мастерскихъ. И безъ того, вслѣдствіе нерѣшительныхъ, двусмысленныхъ дѣйствій Временнаго Правительства, Парижъ волновался страхами всевозможныхъ родовъ, кредитъ падалъ, фабрикъ закрывалось все больше и больше; а тутъ, привлекаемые даровымъ жалованьемъ въ Національныхъ Мастерскихъ, многіе работники уходили и съ такихъ фабрикъ, которыя могли бы выдержать промышленный кризисъ. И вотъ, по обыкновенію, одно бѣдствіе пораждало другое, и само потомъ увеличилось отъ его вліянія. Политическій кризисъ привелъ къ промышленному; промышленный кризисъ окончательно сбиль съ толку Временное Правительство, и безъ того не слишкомъ мудрое; потерявшіе голову правители въ торопливомъ смущеніи основали широкое дѣло Національныхъ Мастерскихъ для облегченія зла, но основали въ такомъ нелѣпомъ видѣ, что отъ нихъ зло могло лишь увеличиваться; вслѣдствіе превратныхъ мѣръ правительства кризисъ возрасталъ, и число людей въ Національныхъ Мастерскихъ увеличивалось съ страшною быстротою: одни шли туда потону, что не имѣли работы на фабрикахъ, другіе своимъ уходомъ принуждали закрывать фабрики и тѣмъ увлекали въ Націо-

нальныя Мастерскія новыя толпы людей, лишившихся работы. Въ началѣ марта, Національныя Мастерскія имѣли 20,000 работниковъ, дѣйствительно не находившихъ занятія на частныхъ фабрикахъ; въ срединѣ юня Національныя Мастерскія считали уже болѣе 150,000 работниковъ, изъ которыхъ нѣсколько десятковъ тысячъ сани бросили фабрики и тѣмъ лишили работы можетъ быть сотню тысячъ людей, вовсе не желавшихъ быть тунеядцами, но не видѣвшихъ себѣ другаго спасенія, кромѣ Національныхъ Мастерскихъ.

Расходъ государства на ихъ содержаніе былъ громаденъ: каждый мѣсяцъ Національныя Мастерскія поглощали нѣсколько милліоновъ, а работы совершалось ими очень мало, да и та не приносила пользы ни на грошъ, потону что тратилась на предметы вовсе не нужные. Мало того, что расходы эти составляли въ настоящемъ страшную тягость для казны: въ будущемъ они угрожали еще болѣею раззорительностью, потому что число людей въ Національныхъ Мастерскихъ умножалось съ каждымъ днемъ. Всѣ партіи съ одинаковымъ безпокойствомъ смотрѣли на эту колоссальную нелѣпость.

Всѣ партіи, сказали мы,—это выраженіе не совсѣмъ точно: представители партіи умѣренныхъ республиканцевъ во Временномъ Правительствѣ, наравнѣ со всѣми жалѣя о страшной растратѣ денегъ на Національныя Мастерскія, находили въ этомъ своемъ тупоумномъ порожденіи одну сторону, которая утѣшала ихъ за всѣ расходы. Національныя Мастерскія находились въ завѣдываніи министерства публичныхъ работъ, а министерствомъ этимъ управляли вѣрнѣйшіе люди умѣренно-республиканской партіи, сначала Мари, потомъ Трела. Администраторы мастерскихъ всѣ принадлежали къ той же партіи: Мари, который назначилъ этихъ агентовъ, былъ очень оснотрителенъ въ ихъ выборѣ. Особенно могла умѣренно-республиканская партія положиться на главнаго администратора мастерскихъ.— то былъ Эмиль Тома, чистѣйшій умѣренный республиканецъ, по убѣжденію смертельный врагъ всѣхъ крайнихъ партій; особенно социалистовъ, сверхъ того личный врагъ Луи Блана, который былъ тогда сильнѣйшимъ изъ предводителей социалистовъ. Благородный и чрезвычайно гуманный, Эмиль Тома пользовался безграничною любовью людей, находившихся подъ его управленіемъ; онъ былъ очень обходителенъ съ работниками своими, заботливо вникалъ въ ихъ нужды, старался во всемъ помочь имъ на сколько отъ него зависѣло, занимался своими трудными обязанностями съ ревностью, доходившею до самоотверженія; его кроткій характеръ, его ласковая рѣчь, его обязательность привлекали къ нему толпы, находившіяся подъ его начальствомъ. Умѣренные республиканцы могли навѣрное разсчитывать, что его работники пойдутъ за нимъ, куда бы онъ ни повелъ ихъ.

Это служило имъ источникомъ великой отрады. Въ Національныхъ Мастерскихъ умѣренные республиканцы видѣли сильнѣйшую свою опору противъ социалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, работники—депутаты Люксамбургскихъ конференцій, имѣвшие громадное вліяніе на всѣхъ другихъ людей своего класса въ Парижѣ, были отвергаемы, осмѣиваемы, преслѣдуемы работниками Національныхъ Мастерскихъ: многіе изъ этихъ депутатовъ были принуждены удалиться изъ мастерскихъ. Словомъ, между Люксамбургомъ и Національными Мастерскими не было и не могло быть ничего общаго. Возстаніе социалистовъ грезилось умѣреннымъ республиканцамъ каждую ночь, каждый день,—но они съ нѣкоторою самоувѣренностью твердили себѣ: у насъ есть противъ такого возстанія громадная ярія.

Въ самомъ дѣлѣ, Національныя Мастерскія съ тѣмъ и были устроены, чтобы служить арміею противъ соціалыстовъ. Сообразно такому назначенію, эти Мастерскія были организованы по военной системѣ: каждымъ десятымъ работниками начальствовалъ десятникъ (*riqueur*); пять десятковъ составляли взводъ (*brigade*) съ капраломъ (*brigadier*); нѣсколько бритадъ соединялось подъ начальствомъ поручика (*lieutenant*) и т. д.; у бритадъ и отрядовъ, изъ нихъ составлявшихся, были свои знамена; къ сборному мѣсту шли работники изъ своихъ жилищъ военнымъ строемъ, съ знаменами; еще церемоніальнѣе были ихъ марши отъ сборнаго мѣста до мѣста (такъ называемыхъ) работъ и обратно; отъ сборнаго мѣста по домамъ они также расходились военнымъ порядкомъ. Само собой разумѣется, эти марши, знамена, это мелочное распредѣленіе по чиноподчиненію и проч. было бы совершенно неумѣстно, если бы Національныя Мастерскія устраивались только для прокормленія людей, не находящихъ себѣ работы; но онѣ назначались также доставлять защитниковъ умѣреннымъ республиканцамъ, и этому назначенію совершенно соотвѣтствовала ихъ военная организація.

Но въ срединѣ іюня, умѣренные республиканцы чувствовали себя уже столь сильными, что могли обойтись безъ помощи этихъ союзниковъ. Робость, овладѣвшая среднимъ и вышнимъ классами послѣ февральскихъ событій, мало-по-малу разсѣивалась, когда они увидѣли, что низшій классъ въ массѣ ожидаетъ улучшенія своей участи отъ закона, не прибѣгаетъ къ насилію; что предводители этого класса, крайніе республиканцы и соціалисты, не захватываютъ силою диктатуру въ свои руки, а ожидаютъ достигнута торжества путемъ порядка и законности. Этому спокойствію предводителей крайнихъ партій было много причинъ: уваженіе къ національной волѣ, выраженіе которой они видѣли въ установленномъ тогда *Suffrage universel*; надежда, что результатъ этого всеобщаго права участвовать въ выборахъ будетъ благоприятенъ людямъ, которые считали себя защитниками интересовъ массы; неувѣренность въ томъ, что городешіе пролетаріи будутъ поддержаны поселянами, Парижъ будетъ поддержанъ провинціями, если фабричные работники въ Парижѣ вздумаютъ возстать противъ буржуазіи; несогласія между различными школами и главными людьми этихъ школъ. Мы не можемъ рѣшить, какое изъ этихъ соображеній и затрудненій имѣло болѣе силы; противники говорить, что эти люди удерживались опасеніемъ возстановить противъ себя всю Францію присвоеніемъ власти; сами они говорятъ, что только добросовѣстное отвращеніе отъ насилій руководило ихъ дѣйствіями; какъ бы то ни было, но они не прибѣгли къ насильственнымъ мѣрамъ, которыхъ ожидали отъ нихъ противники,—мало того, они всѣ свои усилія напрятали къ удержанію массы отъ всякаго насилія. За это противники сочли ихъ людьми, неумѣющими извлекать выгоду изъ обстоятельствъ, людьми неспособными къ практической дѣятельности; дѣйствительно, они безъ всякихъ попытокъ присвоить себѣ власть дали пройти тѣмъ днямъ или недѣлямъ, когда могли быть страшны своимъ противникамъ, и противники ободрились. Нѣкоторые слабыя движенія, возбужденныя интригами въ родѣ Бланки, увлекшими вслѣдъ за собою опрометчивыхъ фанатиковъ въ родѣ Барбе и Гюбера, послужили, однако же, поводомъ выставить честолюбцами, опасными для общественнаго спокойствія, и тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ старались предотвратить эти волненія. Нѣкоторые ошибочныя мѣры, принятыя Временнымъ Правительствомъ противъ ихъ совѣта, были приписаны ихъ теоріямъ.

или желаніямъ. Такимъ образомъ, предводители крайнихъ партій были осуждаемы, и за волненіе 15 мая, когда клубы вторгнулись въ Національное Собраніе и хотѣли разогнать его, и за возвышеніе поземельнаго налога, декретированное умѣренными республиканцами, и за учрежденіе Національных Мастерскихъ, происшедшее также вопреки ихъ мнѣніямъ и внѣ всякаго ихъ участія.

Такия обвиненія противорѣчили фактамъ, но факты тогда еще не были извѣстны въ истинномъ своемъ видѣ, — напротивъ, они доходили до всеобщаго свѣдѣнія искаженными или преувеличенными. Эти ложные слухи много содѣйствовали упадку меньшинства Временнаго Правительства и укрѣпленію власти большинства, состоявшаго изъ умѣренныхъ республиканцевъ. Но всего болѣе, конечно, произошло это просто вслѣдствіе естественнаго закона, по которому за напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, по которому стремительный порывъ массъ быстро смѣняется обычною для нихъ дремотою, по которому люди неопытные безпечно успокоиваются послѣ перваго, обманчиваго успѣха. Масса, на сочувствіи которой основывалась сила крайнихъ партій, уже воображала себя совершенною побѣдительницею, она воображала, что противники, низвергнутые въ февралѣ, уже безсильны; что умѣренные республиканцы, союзники массы въ февралѣ, будутъ исполнять ея желанія, потому что сдѣлали на словахъ нѣсколько уступокъ этимъ желаніямъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, умѣренные республиканцы рѣшительно восторжествовали на выборахъ въ Національное Собраніе; крайнія партіи, и прежде имѣвшія мало вліянія на управленіе дѣлами, совершенно линились его, когда съ открытіемъ Національнаго Собранія Временное Правительство сложило съ себя власть, и она была передана Исполнительной Коммиссіи, въ которой уже исключительно господствовали умѣренные республиканцы.

Теперь эта партія, до сихъ поръ стѣснявшаяся въ своихъ дѣйствіяхъ противорѣчіемъ меньшинства Временнаго Правительства, могла безпрепятственно принимать мѣры, казавшіяся ей нужными. Первою изъ этихъ мѣръ было призваніе сильныхъ отрядовъ войска въ Парижъ и его окрестности. Крайнія партіи опирались на парижскихъ работниковъ, — умѣренные республиканцы старались, какъ мы видѣли, подчинить этотъ классъ своему вліянію; но все-таки, онъ имѣлъ другихъ предводителей, его желанія были въ сущности несогласны съ желаніями умѣренныхъ республиканцевъ, его требованія казались имъ гибельными для общества химерами; работники внушали сильное опасеніе умѣреннымъ республиканцамъ. Для обузданія этихъ многочисленныхъ недовольныхъ, необходимо было войско.

Когда сильное войско было сосредоточено въ Парижѣ и его окрестностяхъ, умѣренные республиканцы гораздо прямѣе, нежели прежде, начали говорить, что преобразованія, которыхъ желаютъ работники, нелѣпы, и правительство не можетъ исполнить ихъ. Разочарованіе овладѣло умами и тѣхъ изъ работниковъ, которые, до сихъ поръ, сохраняли надежду на то, что Національное Собраніе постановитъ законы, измѣняющіе матеріальное положеніе рабочаго класса. Предводители крайнихъ партій, по прежнему, убѣждали массу не прибѣгать къ насильствѣ, ожидать исполненія своихъ желаній отъ употребленія средствъ, которыя давались къ тому законнымъ правомъ участвовать въ выборахъ. Судя по всему, эти увѣщанія и собственное благоразуміе удержали бы низній классъ отъ смута, если бы правительство не приступило къ уничтоженію Національных Мастерскихъ

способомъ столь же неблагоразумнымъ, какъ неблагоразуменъ былъ способъ ихъ учрежденія.

Правительство теперь твердо опиралось на армію. Ему уже можно было обойтись безъ союза съ защитниками ненадежными,—надобность, для которой до сихъ поръ содержались Національныя Мастерскія, прекратилась. Рѣшено было закрыть ихъ. Работники ихъ будутъ недовольны? Это не важность: при многочисленной арміи, они не посмѣютъ противиться.

И вотъ, для закрытія Національных Мастерскихъ, приняты были быстрыя мѣры,—мѣры, въ которыхъ самонадѣянное легкомысліе страннымъ образомъ сѣшивалось съ трусливою торопливостью, грубая жестокость—съ изворотливымъ коварствомъ.

Самый недалъновидный человѣкъ могъ бы, повидимому, понять, что опасно вдругъ отнимать содержаніе у массы въ 150,000 человѣкъ, организованной подобно войску, не предоставивъ этимъ людямъ никакихъ другихъ средствъ къ существованію; но умѣренные республиканцы успокоивались надеждою на силу собранной ими арміи, и безъ всякихъ церемоній, вдругъ объявили, что Національныя Мастерскія уничтожаются, потому что государство не можетъ содержать на свой счетъ огромную толпу тунеядцевъ.

Прекрасно; но въ какомъ положеніи видѣли теперь себя эти 150,000 людей, которыхъ до сихъ поръ кормило правительство? Фабрики были закрыты; промышленный кризисъ продолжался, и не было даже надежды, что онъ скоро прекратится. Благоразуміе требовало бы отъ правительства, чтобы оно помогло фабрикамъ возобновить работу и отпускало людей изъ Національных Мастерскихъ только по мѣрѣ того, какъ они могли бы находить себѣ занятіе въ частной промышленности. Это не было сдѣлано. Занятій не могли они найти себѣ никакихъ. Они оставались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Они могли только умирать съ голоду на улицахъ Парижа.

Неужели этого не предвидѣло правительство? Нѣтъ, предвидѣло и потому приняло слѣдующія мѣры: молодымъ и здоровымъ людямъ предложило оно поступать въ солдаты, а тѣхъ, которые неспособны сдѣлаться хорошими солдатами, оно приказало развозить изъ Парижа по провинціальнымъ городамъ.

Легко было предугадать, какой видъ получать въ глазахъ работниковъ эти мѣры, которыя начали приводиться въ исполненіе безъ излишняго вниманія къ желанію или нежеланію воспользоваться ими со стороны работниковъ. „Насъ насильно, противузаконно берутъ въ солдаты, насъ насильно развозить по разнымъ городамъ, въ которыхъ также закрыты фабрики, въ которыхъ также нѣтъ намъ работы, въ которыхъ также останется намъ только умирать съ голоду, какъ и въ Парижѣ“—иначе не могли думать несчастные. „Насъ развозятъ затѣмъ, что въ соединеніи мы сильны, раздѣливъ насъ, они легче управятся съ нами, какъ хотѣть“.

Ясно было, что Эмиль Тома, при своемъ гуманномъ характерѣ, при своей заботливости объ участи людей, которыми управлялъ, не согласится быть исполнителемъ такихъ мѣръ. Онъ говоритъ, что нельзя такъ круто повернуть этого дѣла, что надобно приготовить занятіе отпускаемымъ работникамъ, сокращать Національныя Мастерскія только по мѣрѣ пробужденія дѣятельности на частныхъ фабрикахъ, и т. п. И вотъ придумали новую мѣру, чтобы избавиться отъ него. Его

призвали къ министру публичныхъ работъ (министромъ былъ тогда Трела; Мари, прежній министръ, былъ членомъ Исполнительной Коммиссіи, руководившей дѣйствіями министровъ), — министръ сказалъ ему, что для закрытія Національных Мастерскихъ нуженъ администраторъ съ характеромъ болѣе твердымъ, что если работники узнаютъ объ его отрѣшеніи, они могутъ воспротивиться, собраться вокругъ прежняго любимаго начальника, надѣлать безпорядковъ. „Потому немедленно отправляйтесь изъ Парижа, такъ чтобы этого никто не зналъ, оставайтесь въ провинціи, куда я посылаю васъ, пока здѣсь нее будетъ кончено. Тогда я возвращу васъ въ Парижъ“. Эмиль Тома доказывалъ, что его внезапное удаленіе встревожитъ работниковъ, усилитъ ихъ подозрѣнія, — напрасно. Онъ сказалъ, что по совѣсти не можетъ повиноваться, зная, что его удаленіе изъ Парижа будетъ имѣть гибельныя слѣдствія. Тогда министръ объявилъ, что принужденъ выслать его изъ Парижа насильно, — призвалъ чиновниковъ, которымъ поручилъ взять его подъ стражу и немедленно уѣхать съ нимъ изъ Парижа. Это было исполнено въ ту же минуту, и, для лучшаго сохраненія тайны, даже семейству Эмиля Тома не было сказано, куда онъ исчезъ.

Слѣдствіе было совершенно таково, какъ предсказывалъ онъ.

Любимый начальникъ, которому вѣрили, внезапно исчезъ — онъ пошелъ къ министру и не возвращался болѣе. „Онъ брошенъ въ тюрьму, говорили одни работники, — онъ убитъ министромъ, говорили другіе. Это потому, что онъ не хотѣлъ выдать насъ, — что же хотять сдѣлать съ нами? — какъ что, развѣ это не видно? Насъ пошлютъ въ Алжирію, гдѣ мы погибнемъ отъ климата и отъ камиловъ; кого не пошлютъ въ Алжирію, кого не берутъ въ солдаты, тѣхъ насильно отвозятъ Богъ знаетъ куда, развозятъ по провинціямъ, чтобы легче было поодиночкѣ зажать намъ ротъ, подавить насъ; насъ бросать безъ всякихъ средствъ къ жизни, мы не найдемъ работы ни здѣсь, ни въ провинціяхъ — работъ нѣтъ нигдѣ. Мы обречены погибнуть отъ голода. Погибнуть отъ голода! А давно ли даны намъ обѣщанія, что каждый, не находящій работы въ частной промышленности, получить работу отъ правительства? Исполняя этотъ декретъ, правительство содержало насъ, пока не имѣло войскъ, — теперь оно имѣетъ войска, и хочетъ поступить съ нами такъ же, какъ поступалъ Гизо. Предатели, они хотять, чтобы мы погибали“.

Въ самомъ дѣлѣ, если ни Гизо въ февралѣ, ни Исполнительная Коммиссія и Національное Собраніе въ іюнѣ не хотѣли губить работниковъ для собственнаго удовольствія, то надобно было умѣреннымъ республиканцамъ признаться, что ихъ управленіе сдѣлало для исполненія требовацій рабочаго класса ровно столько же, сколько и Гизо. Но Гизо, по крайней мѣрѣ, не давалъ обѣщаній, а теперь дано было формальное обѣщаніе декретомъ Временнаго Правительства, еще за нѣсколько недѣль торжественно подтверждено рѣшеніемъ Національнаго Собранія, — надежды были пробуждены, официально признаны справедливыми, — и вдругъ правительство совершенно отрекается отъ всякихъ обязательствъ, столько разъ данныхъ.

Сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ остаются безъ всякихъ средствъ къ существованію, — начальникъ, котораго они любили, коварно отнять у нихъ — ихъ насильно берутъ и увозятъ изъ Парижа, — имъ измѣнили. А между тѣмъ, они организованы подобно арміи, — неужели они отдадутся на жертву безъ сопротивленія?

Ошибки правительства привели къ неизбежной междоусобной войнѣ.

Въ тотъ же день, какъ было объявлено рѣшеніе Національнаго Собранія закрыть Національныя Мастерскія, какъ исчезъ Эмиль Тома и начались наборы работниковъ для поступленія въ солдаты и для разсыянія по провинціямъ (22 іюня), работники послали депутатовъ протестовать противъ этихъ распоряженій. Членъ Исполнительной Коммиссіи, бывшій министръ публичныхъ работъ, Мари, принялъ депутатовъ очень дурно, и сказалъ, что работникамъ остается только одно — безусловно повиноваться.

На слѣдующее утро (23 іюня) вспыхнуло возстаніе. Цѣлый день оно усиливалось и вечеромъ Національное Собраніе передало исполнительную власть Кавеньяку, который, какъ военный министръ, съ самаго начала руководилъ дѣйствіями арміи.

Мы не будемъ рассказывать подробностей отчаянной борьбы, продолжавшейся три дня; насъ, вѣроятно и читателя также, интересуетъ не стратегическая сторона этого страшнаго междоусобія, а причины, его вызвавшія, характеръ его и слѣдствія, къ которымъ оно привело Французскую націю.

Причины мы исчислили; нѣкоторымъ читателямъ, быть можетъ, покажется, что наше объясненіе неполно, что мы опустили изъ виду вліяніе клубовъ, интриги такъ называемыхъ деагоговъ, честолюбіе предводителей крайнихъ партій: дѣйствительно, всему этому приписывалъ очень большое участіе въ іюньскихъ событіяхъ отчетъ, составленный докладчикомъ слѣдственной коммиссіи, назначенной по этому дѣлу, Кентеномъ Бошаромъ; но этотъ докладъ, внушенный чувствомъ ненависти, давно отвергнутъ общественнымъ мнѣніемъ, и тогда же отвергался людьми безпристрастными и проникательными. Мы укажемъ одинъ случай и приведемъ одно свидѣтельство, чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ смотрѣли еще тогда основательные и справедливые судьи на содержаніе этого доклада.

Слѣдственная коммиссія, составленная на половину изъ умѣренныхъ республиканцевъ, на половину изъ орлеанистовъ и легитимистовъ, которые ободрились послѣ іюньскихъ дней, главнымъ виновникомъ смутъ, обуревавшихъ Францію со времени провозглашенія республики до іюньскихъ дней, выставила Луи Блана, на котораго сваливали также учрежденіе Національных Мастерскихъ, устроенныхъ будто бы по его плану. Но Луи Бланъ и Коссидьеръ, обвиняемый вмѣстѣ съ нимъ (хотя они были враги между собою), въ то время были представителями націй (членами Національнаго Собранія), а представители могли быть подвергаемы судебному преслѣдованію не иначе, какъ только съ разрѣшенія Собранія. Правительство потребовало этого разрѣшенія, — Собранію былъ предложенъ вопросъ: находить ли оно достаточные поводы подозрѣвать участіе Луи Блана въ майскихъ и іюньскихъ событіяхъ и находить ли нужнымъ предать его суду. Огромное большинство отвѣчало: „да“. Но въ числѣ меньшинства, находившаго обвиненіе неосновательнымъ и улики фальшивыми, былъ, между прочимъ, и Бастіа, извѣстный экономистъ, который всѣми силами боролся противъ ученій, имѣвшихъ тогда своимъ представителемъ Луи Блана. Партія, къ которой принадлежалъ Бастіа, была скандализирована тѣмъ, что онъ подалъ голосъ въ оправданіе Луи Блана, — но вотъ что онъ писалъ въ тотъ же вечеръ къ ближайшему изъ своихъ друзей, Кудре:

„Нынѣ на разсвѣтъ рѣшено великое дѣло о докладѣ Слѣдственной Коммиссіи, такъ тяжело безшочившее и Собраніе и Францію. Собраніе дало согласіе на судебное

преслѣдованіе Луи Блана и Коссидьера за участіе въ преступленіе 15 нал. У насъ, быть можетъ, удивятся, что въ этомъ дѣлѣ я подалъ голосъ противъ правительства. Я хотѣлъ было постоянно отдавать моимъ избирателямъ отчетъ въ соображеніяхъ, по которымъ подаю такъ или иначе голосъ по каждому дѣлу; только недосугъ и нездоровье помѣшали мнѣ исполнить это; но настоящій случай такъ важенъ, что я долженъ объяснить причины моего мнѣнія. Правительство считало отдачу подъ судъ этихъ двухъ представителей необходимою; говорили даже, что только этимъ оно можетъ удержать на своей сторонѣ національную гвардію, — но мнѣ казалось, что даже и это соображеніе не даетъ мнѣ права заглушить въ себѣ голоса совѣсти. Ты знаешь, что ученіе Луи Блана не имѣло, быть можетъ, въ цѣлой Франціи противника болѣе рѣшительнаго, нежели я. Я убѣжденъ, что эти системы имѣли гибельное вліяніе на образъ мыслей и черезъ то на поступки работниковъ. Но развѣ мы должны были рѣшать вопросъ о справедливости его системы? Каждый человѣкъ, имѣющій какое нибудь убѣжденіе, по необходимости считаетъ гибельнымъ противное убѣжденіе. Когда католики жгли протестантовъ, они жгли ихъ потому, что считали ихъ образъ мыслей не только ошибочнымъ, но и опаснымъ. По этому принципу, намъ всѣмъ пришлось бы перерѣзать другъ друга.

Итакъ, надобно было смотрѣть на то, дѣйствительно ли Луи Бланъ виноватъ въ фактахъ заговора и воастанія? Мнѣ казался онъ не виновнымъ, и никто, прочитавъ его защитительную рѣчь, не можетъ не сказать, что онъ невиненъ. А между тѣмъ, я не могу не помнить, въ какихъ мы теперь обстоятельствахъ: у насъ осадное положеніе, правильная судебная власть отстранена, свобода отнята у журналовъ. Могу ли я выдать двухъ представителей ихъ политическимъ противникамъ въ такое время, когда нѣтъ никакихъ гарантій?—это дѣло, которому я не могу содѣйствовать, это первый шагъ по пути, на который я не могу вступить.

„Я не осуждаю Кавеньяка за то, что онъ на время отмѣнилъ дѣйствіе всѣхъ законныхъ гарантій, я думаю, что эта печальная необходимость столь же прискорбна ему, какъ и намъ; притомъ, она можетъ быть оправдана тѣмъ, тѣмъ оправдывается все, — спасеніемъ общества. Но для спасенія общества требовалось ли, чтобы двое изъ нашихъ товарищей были преданы на жертву? Я не думаю. Напротивъ, мнѣ кажется, что такое дѣло можетъ только поселить между нами раздоръ, ожесточить ненависть, положить бездну между партіями, не только въ Собраніи, но и въ цѣлой Франціи; мнѣ казалось, что при настоящемъ положеніи внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ, когда нація страдаетъ, когда ей нужны порядокъ, довѣріе, прочныя учрежденія, единодушіе, — при такихъ обстоятельствахъ, не время ввергать въ раздоръ представителей націи. Мнѣ кажется, что лучше бы намъ забыть о нашихъ жалобахъ и непріятностяхъ, чтобы позаботиться о благѣ страны; потому я радовался, что вѣтъ ясныхъ фактовъ въ обвиненіе моихъ товарищей и что я не обязанъ выдавать ихъ.

„Большинство думало иначе. Дай Богъ, чтобы оно не ошиблось! дай Богъ, чтобы рѣшеніе, принятое нынѣ, не сдѣлалось гибельнымъ для республики!

„Если ты найдешь нужнымъ, я уполномочиваю тебя послать отрывокъ изъ этого письма въ газеты“.

Черезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ тому же предмету въ другомъ письмѣ къ Кудре, Бастіа продолжаетъ:

„Говорить, что я уступилъ страху; страхъ былъ съ другой стороны. Или эта господа (избиратели департамента, представителемъ котораго былъ Бастіа) думаютъ, что для борьбы противъ страстей, овладѣвающихъ обществомъ, нужно въ Парижѣ менѣе мужества, нежели въ департаментахъ? Намъ грозили гнѣвомъ національной гвардіи, если мы отвергнемъ требованіе судебного преслѣдованія. Эта угроза выходила отъ людей, располагающихъ военною силою. Стало быть, страхъ могъ заставлять власть черные шары, но не бѣлые шары. Нужна высокая степень нелѣпости и тупости, чтобы вообразить, будто требуется особенное мужество для подачи голоса въ пользу той стороны, на которой стоитъ насшіе, армія, національная гвардія, большинство Національнаго Собранія, влеченіе обстоятельствъ, правительство.

„Читалъ ли ты слѣдственный актъ? читалъ ли ты показаніе бывшаго министра, Трепа? Въ показаніи говорится: „Я былъ въ Клиши, я тамъ не видѣлъ Луи Блана, не слышалъ, чтобы онъ былъ тамъ; но въ жестахъ, въ фізіономіи, въ самыхъ звукахъ голоса работниковъ я видѣлъ слѣды того, что онъ былъ тамъ“. Высказывалась ли когданибудь политическая ненависть съ болѣе опасными тенденціями? Три четверти слѣдственного акта составлены въ такомъ духѣ!

„Словомъ, сказать по совѣсти... я не думаю, чтобы Луи Бланъ прікнипалъ участіе въ майскомъ и іюньскомъ возмущеніяхъ, и этимъ объясняется, почему я подалъ голосъ противъ обвиненія“.

Свидѣтельство Вастіа въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать подозрѣнію; онъ былъ самый рѣзкій, самый отважный и самый сильный противникъ тѣхъ людей, которыхъ теперь хотѣлъ защитить отъ обвиненій.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно читать обвинительный актъ, не видя, что онъ составленъ подъ вліяніемъ страха и ненависти. Эти чувства и прежде руководили дѣйствіями чистыхъ республиканцевъ относительно партій, раздѣлявшихъ съ ними власть отъ февраля до іюня; подъ вліяніемъ этихъ чувствъ учредились и потомъ были закрыты Національныя Мастерскія, закрытію которыхъ было ближайшимъ поводомъ междоусобіе. Вліяніемъ этихъ чувствъ было и вообще создано то положеніе государственныхъ дѣлъ во Франціи, неизбѣжнымъ результатомъ котораго было междоусобіе. Другія причины, о которыхъ они такъ много говорили, или вовсе не существовали, или оказывали только ничтожное вліяніе. Предводители партій, благопріятствовавшихъ требованіямъ рабочаго класса, старались всѣми средствами удержать работниковъ въ предѣлахъ законности, старались отвлечь ихъ отъ всякихъ попытокъ къ дѣйствію вооруженной силой; многіе клубы дѣйствовали въ противномъ смыслѣ, но вліяніе ихъ на массу было незначительно; наконецъ, ничего подобнаго заговору не было въ междоусобиѣ іюньскихъ дней: получивъ отказъ 22-го іюня ввечеру, работники условились открыто, на площади, что завтра возмутся за оружіе.

Именно отсутствіемъ аліяцій, чаще всего пробуждавшихъ безпокойства во Франціи, іюньское междоусобіе отличается отъ другихъ парижскихъ междоусобицъ; въ этомъ отсутствіи обыкновенныхъ элементовъ мятежей и заключается тайна громадной силы, обнаруженной инсургентами іюньскихъ дней, и ужаса, произведеннаго этою рѣзкою. Массы шли на битву безъ всякихъ предводителей; ни одного скольконибудь извѣстнаго человѣка не было между инсургентами. Чего хотѣли они?—это до сихъ поръ остается смутно для того, кто не считаетъ достаточнымъ объясненіемъ ихъ мятежа перспективу голодной смерти, открывшуюся передъ ними. То не были ни коммунисты, ни социалисты, ни красные республиканцы,—эти партіи не участвовали въ битвахъ іюньскихъ дней; чего хотѣли они?—улучшеніи своей участи; но какими средствами могло быть улучшено положеніе рабочаго класса, если бы онъ одержалъ верхъ? Это было темно для самихъ инсурентовъ, и тѣмъ страшнѣе казались ихъ желанія противникамъ; чего же они хотѣли, если не были даже коммунистами? Отчаяніе—вотъ единственное объясненіе іюньскихъ дней, оно составляетъ отличительный характеръ этого возстанія. Инсургенты сражались не для ниспроверженія или установленія какойнибудь политической формы,—они не имѣли ни опредѣленнаго политическаго образа мыслей, ни опредѣлительныхъ требованій отъ правительства или общества, кромѣ одного требованія: они хотѣли имѣть работу и кусокъ хлѣба, доставляемый работою, и думали, что противники

хотят истребить ихъ, чтобы не давать ни хлѣба, ни работы, столько разъ торжественно обѣщанной. Оттого-то и дрались они съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ. Ихъ было тысячъ сорокъ; далеко не всѣ работники Парижа, далеко не всѣ работники Національных Мастерскихъ взялись за оружіе: надежды на успѣхъ почти не было, инсургенты шли на гибель, почти несомнѣнную, и потому къ нимъ не присоединялся никто изъ работниковъ, сохранившихъ или хладнокровіе въ своей горести, или вѣроятность имѣть работу на фабрикахъ. За то, отважившіеся на битву почти безнадежную дрались съ энергіею, какой не было ни въ іюль 1830, ни въ февраль 1848 года. Противъ нихъ выведены были регулярныя войска, гораздо многочисленнѣйшія, выступила національная гвардія Парижа, еще болѣе многочисленная, выведена была „подвижная гвардія“, *garde mobile*, составленная изъ отчаянныхъ юношей парижской бездомной жизни, выдвинута была страшная артиллерія тяжелаго калибра, — всего было мало, постоянно прибывали по желѣзнымъ дорогамъ новыя войска и новыя отряды національной гвардіи изъ всѣхъ городовъ Франціи, и только на четвертый день это громадное превосходство въ силахъ подавило мятежъ, — да и этою медленною побѣдою противники инсурентовъ были обязаны только новой системѣ борьбы, которую Кавеньякъ примѣнилъ къ дѣлу съ рѣдкимъ искусствомъ и еще болѣе рѣдкою непоколебимостью.

Система эта состояла въ томъ, чтобы сосредоточивать огромныя силы на одномъ пунктѣ, избранномъ для наступательнаго движенія, держась на всѣхъ остальныхъ пунктахъ только въ оборонительномъ положеніи. Наступленіе имѣло первую цѣлью разорвать сообщеніе между различными частями города, бывшими въ рукахъ инсурентовъ; потомъ, когда эти отрѣзанныя одна отъ другой части не могли уже подавать помощи другъ другу, брать постепенно одну часть за другою. Знатоки военного дѣла говорятъ, что этотъ планъ былъ превосходно и задуманъ и исполненъ Кавеньякомъ, и что при всякой другой системѣ борьбы инсургенты на нѣкоторое время по всей вѣроятности овладѣли бы всѣмъ Парижемъ. Но и этой системѣ, доставившей побѣду, инсургенты долго противились съ такимъ успѣхомъ, что 25-го іюня, Кавеньякъ еще не ручался за побѣду и считалъ опасность столь великою, что вмѣстѣ съ президентомъ Національнаго Собранія принялъ мѣры перенести Собраніе и резиденцію правительства въ Сентъ-Клу или въ Версаль, еслибы инсургенты восторжествовали въ Парижѣ. Картечь, бомбы и ядра трое сутокъ осыпали кварталы, занятые инсургентами, — и только это страшное дѣйствіе артиллеріи доставляло перевѣсъ регулярному войску. Рукопашныя битвы были чрезвычайно упорны. Число убитыхъ, съ той и съ другой стороны, остается неизвѣстнымъ — правительство должно было уменьшить потерю своихъ защитниковъ и враговъ, но и оно показывало ее въ пять тысячъ; другія извѣстія говорятъ о десяти и болѣе тысячахъ, — и быть можетъ даже эта цифра не достигаетъ еще ужасной дѣйствительной потери. Ветераны наполеоновскихъ временъ говорили, что никакой штурмъ непріятельской крѣпости во времена первой имперіи не былъ такъ кровопролитенъ. Есть положительный фактъ, слишкомъ достовѣрно свидѣтельствующій о вѣрности этого впечатлѣнія: изъ четырнадцати генераловъ, командовавшихъ войсками, шестеро были убиты, пять другихъ были ранены, и только трое уцѣлѣли, — да и изъ этихъ послѣднихъ подъ Ланорисьеромъ были убиты двѣ лошади.

Какъ полководецъ, Кавеньякъ въ эти страшные дни дѣйствовалъ превосходно. Всѣ знатоки военного дѣла утверждаютъ это. Кромѣ стратегическихъ талантовъ,

онъ выказалъ качество еще болѣе рѣдкое, — непреклонную энергію воли, когда, не смотря ни на какія просьбы, внушаемыя нетерпѣніемъ, твердо слѣдовалъ своему плану, который одинъ могъ вести къ побѣдѣ, и дѣйствуя шагъ за шагомъ, не сдѣлалъ ни одного опрометчиваго движенія. Какъ частный человѣкъ, онъ также велъ себя безукоризненно: напрасно враги его обвиняли, что онъ употребилъ какія нибудь интриги для достиженія диктатуры: это низкая клевета; онъ вѣрно служилъ Исполнительной Коммиссіи, пока она существовала, и когда она была уничтожена Національнымъ Собраніемъ и вся власть передана ему, то было благоразумнымъ рѣшеніемъ самого Собранія, и ни самъ Кавеньякъ, ни его друзья не сдѣлали ни одного шага, чтобы внушить это рѣшеніе. По окончаніи битвы, онъ явился въ Собраніе, возвращая ему власть, которой былъ облеченъ на время битвы, и опять совершенно ничего не искалъ; — когда Собраніе просило его сохранить власть и сдѣлаться главою правительства, онъ, принявъ это высокое порученіе, нимало не утратилъ простоты своихъ правовъ, продолжалъ быть совершенно прежнимъ человекомъ и постоянно не только говорилъ, но и дѣйствовать совершенно сообразно сущности своихъ обязанностей, — всегда признавая себя только довѣреннымъ лицомъ Собранію, вручившаго ему власть, и ни разу не сдѣлавъ ни одного шага для того, чтобы расширить предѣлы этой власти или отказать въ повиновеніи Собранію, которое совершенно вѣрилось его честности. Словомъ, какъ частный человѣкъ, онъ выказалъ характеръ, достойный Вашингтона. Но, какъ государственный человѣкъ, Кавеньякъ, къ сожалѣнію, не обнаружилъ ни особенной проницательности, ни особенныхъ дарованій: подобно всей своей партіи, онъ поступать вовсе не предусмотрительно и не расчетливо. Великимъ несчастіемъ для него и всей партіи было уже то, что ея ошибками дѣла были доведены до іюньскаго междоусобія; но въ этомъ не былъ виноватъ Кавеньякъ, — онъ не управлялъ государствомъ, не имѣлъ значительнаго вліянія на ходъ событій до іюня, — онъ ограничивался до той поры почти только своими спеціальными занятіями по должности военного министра, и управлялъ этою частью хорошо. Потому теперь, когда управленіе перешло въ руки его, человѣка, непричастнаго прежнимъ ошибкамъ, правительство умѣренныхъ республиканцевъ могло бы явиться передъ націею какъ бы отказавшимся, очищеннымъ отъ прежнихъ гибельныхъ промаховъ и возстановить свою популярность. Для этого, битву слѣдовало бы вести со всевозможною готовностью къ примиренію, и тогда генераль, принявшій власть среди громовъ междоусобія, представился бы не столько побѣдителемъ одного класса своихъ согражданъ во имя другихъ классовъ, сколько миротворцемъ. Но Кавеньякъ явился не болѣе, какъ только хорошимъ генераломъ, смотрящимъ на гражданскія дѣла глазами своихъ политическихъ друзей; а политическіе друзья его, къ сожалѣнію, во всемъ считая себя правыми относительно прошедшаго, не находили въ самыхъ дѣйствіяхъ своего прежняго управленія объясненій возстанію, и потому считали это возстаніе возникшимъ единственно встѣдствіе желаній, гибельныхъ для общества; они слишкомъ повѣрили своей фразѣ, которую любили повторять въ апрѣлѣ и маѣ: „варвары у воротъ нашихъ“ — *les barbares sont à nos portes*; они увидѣли въ жалкихъ, голодныхъ рабочихъ не несчастныхъ, доведенныхъ до безразсудной дерзости отчаяніемъ, а злодѣевъ, принявшихъ за оружіе чисто съ наиѣреніемъ грабить и рѣзать. Сообразно такому понятію и повели они борьбу противъ нихъ, — не какъ противъ гражданъ, а будто противъ какихъ нибудь кани-

баловъ, безпощадно, безжалостно. Наконецъ, инсургенты потеряли всякую надежду на успѣхъ. Это было на третій день возстанія, на другой день ожесточенной битвы. 25-го іюня. Въ этотъ моментъ возникали для умѣренныхъ республиканцевъ новыя соображенія, которыми долженъ былъ бы измѣниться характеръ слѣдующаго дня, если бы умѣренные республиканцы были предусмотрительны.

Надежды противниковъ уничтожены. Пусть прежде инсургенты заслуживали истребленія, какъ хищные звѣри; но слѣдуетъ ли теперь доканчивать ихъ истребленіе, когда они убѣдились въ неизбежности своего пораженія? Продолженіе борьбы, уже ненужной для отвращенія отъ себя опасности, — опасность уже отвращена, — не введетъ ли умѣренныхъ республиканцевъ въ новую опасность?

Съ точки зрѣнія собственныхъ убѣждений, они должны были принять въ соображеніе слѣдующіе факты. Они, умѣренные республиканцы, хотѣли утвердить во Франціи республиканскую форму правленія. Какой классъ націи былъ единственнымъ преданнымъ защитникомъ этой формы? Только классъ работниковъ: кромѣ работниковъ, искренними республиканцами были только немногіе отдѣльные люди, по своей малочисленности не могшіе удержаться противъ высшихъ классовъ и поселянъ, желавшихъ низверженія республики. Прежде, положимъ, работники увлекались гибельными химерами, — теперь исчезли ихъ надежды на осуществленіе этихъ другихъ желаній; изъ всѣхъ ихъ чувствъ остается имѣющимъ практическую силу только преданность республиканской формѣ. Причины, ожесточившія умѣренныхъ республиканцевъ противъ нихъ, уже не существуютъ, существуетъ только одно общее обвиненіе сторонамъ стремленіе поддержать республику. Ясно было, что умѣренные республиканцы должны были постараться прекратить борьбу съ ними. И каковъ будетъ результатъ, если борьба продолжится до истребленія противниковъ? Подавленъ будетъ классъ, который одинъ преданъ республиканской формѣ, — она останется беззащитна, она надеть и съ нею умѣренные республиканцы погибнутъ сами.

Продолженіе борьбы было гибельно для нихъ. Они должны были искать примиренія съ укрошенными нынѣ вчерашними противниками.

Они не только не сдѣлали этого, они отвергли просьбу о примиреніи, или хотя просто о пощадѣ, съ которою пришли къ нимъ инсургенты.

Это было въ ночи съ 25 на 26 іюня. Къ президенту Національнаго Собранія Сенару и къ Кавеньяку явилась депутація инсургентовъ; она говорила, что инсургенты сдадутся, если имъ дана будетъ амнистія. Умѣренные республиканцы отвѣчали устами Сеняра и Кавеньяка, что это предложеніе — глупость, что покорность отъ инсургентовъ только тогда можетъ быть принята, когда они сдадутся безусловно, на жизнь и на смерть. „Иначе нечего и хлопотать вамъ являться ко мнѣ“, сказалъ Кавеньякъ депутаціи: — „я отвергаю всякія другія предложенія“.

Инсургенты могли ошибаться въ значеніи словъ „безусловная сдача на волю побѣдителей“: быть можетъ, умѣренные республиканцы послѣ этой сдачи оказались бы милостивѣе, нежели были до сихъ поръ; но инсургентамъ, натурально, могъ представляться въ ихъ требованіи только одинъ смыслъ, слишкомъ ясно показанный въ два предыдущіе дня безпощаднымъ употребленіемъ картечи, разстрѣливаніемъ инсургентовъ, попадавшихъ въ плѣнъ, убійствами людей безоружныхъ, стариковъ и женщинъ, неистовствами подвижной гвардіи. Они въ отвѣтъ

Сенара и Кавеньяка не могли видѣть ничего иного, какъ требованіе идти подѣ военный судъ, по законамъ котораго каждый инсургентъ подвергался разстрѣливанію. Умѣренные республиканцы должны были знать, что иначе не можетъ быть понято ихъ требованіе. Отвергая просьбу о прощеніи, они сами говорили инсургентамъ: „теперь вамъ не остается уже ничего, кромѣ какъ биться до послѣдней капли крови, потому что пощады вамъ не будетъ“.

То и случилось, къ чему принуждали они этимъ инсургентовъ. На слѣдующее утро (26 іюня) съ прежнею безпощадностью возобновилась битва, и кончилась въ половинѣ второго часа пополудни совершеннымъ подавленіемъ инсургентовъ.

Истребляемые въ Парижѣ, они бѣжали изъ города, разсѣялись по окрестностямъ. Повсюду были посланы команды ловить ихъ. Ихъ находили попрятавшихся въ лѣсахъ, скитающихся по полямъ, и скоро парижскія тюрьмы переполнились плѣнными, переполнились ими казармы парижскихъ фортовъ, всѣ укрѣпленныя зданія въ Парижѣ, такъ что наконецъ пришлось набить ими даже подземный ходъ, который велъ изъ Тюльери къ Сенѣ и который устроилъ себѣ на случай бѣгства Луи-Филиппъ. Число этихъ военноплѣнныхъ простиралось до 14.000 человѣкъ.

Они всѣ было отданы подѣ военный судъ, почти всѣ приговорены къ ссылкѣ, но еще до судебного приговора было уже сдѣлано распоряженіе о ссылкѣ ихъ: они были переведены на понтоны для отправленія въ ссылку. Можно вообразить себѣ, каковъ былъ военный судъ при такихъ наклонностяхъ умѣренныхъ республиканцевъ, при такомъ громадномъ числѣ подсудимыхъ,—это было то, что называется по-французски судъ на скорую руку, justice sommaire.

Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе, возмущенное этою ссылкой цѣлой массы народа, массы уже отправленной на понтоны безъ всякой формы суда, скоро принудило умѣренныхъ республиканцевъ къ уступкамъ. Мало-по-малу, стали выпускать съ понтоновъ одну партію плѣнныхъ за другою, но все еще, по прошествіи цѣлаго года, оставалось на понтонахъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Ни Орлеанское, ни Бурбонское правительство не доходило до такого произвола. Съ того времени, какъ Наполеонъ въ началѣ своего владычества безъ суда отправить въ ссылку людей, ему опасныхъ, не бывало во Франціи подобныхъ мѣровъ. Но и наполеоновская ссылка была ничтожна передъ этою произвольною мѣрою: тогда подвергнуты были произвольному наказанію всего сто, полтора-ста человѣкъ,—теперь подвергались многія тысячи людей.

Надобно ли говорить, что въ этой ссылкѣ еще болѣе, нежели даже въ самой безпощадности битвы, выразилась неспособность умѣренныхъ республиканцевъ понимать свое положеніе, ихъ непредусмотрительность и безтактность? Государственный человѣкъ достоинъ называться только тотъ, въ комъ благоразуміе господствуетъ надъ увлеченіями страстей; но если мы даже извинимъ ослѣпленіе страстью во время борьбы, то по крайней мѣрѣ по достиженіи совершенной побѣды разеудокъ долженъ вступать въ свои права. Пусть умѣреннымъ республиканцамъ казалось нужно не только усмирить, но и совершенно обезсилить работниковъ. 26-го іюня это было сдѣлано, и военныя соображенія должны были уступить мѣсто правительственнымъ. Самое основное правило политическаго благоразумія говорить, что при внутреннихъ раздорахъ побѣдоносная сторона можетъ

укрѣплять свое господство только снисходительностью къ побѣжденной, — такъ дѣйствовали всѣ истинно государственные люди, отъ Юлія Цезаря до Наполеона. Умѣренные республиканцы не понимали этого. Если бы послѣ своего полнѣго торжества они дали амнистію побѣжденнымъ, уже переставшимъ быть для нихъ опасными, они прикрыли бы этою мантіею милосердія многія свои ошибки, привлекли бы къ себѣ многихъ, отчужденныхъ междоусобиюмъ. Они этого не сдѣлали, и озлобленіе, вселенное ожесточеніемъ битвы и ужасами побѣды, раздражалось и усиливалось холодною неуиѣстностью напраснаго мщенія надъ людьми, которые уже не могли быть вредны побѣдителямъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда умѣренные республиканцы, съ диктатороу Кавеньяка, приобрѣли безграничную власть во Франціи. Ужасенъ и противенъ всѣмъ понятіямъ, — не говоримъ уже законности, или гуманности, но — всѣмъ понятіямъ обыкновеннаго житейскаго смысла былъ путь, который привелъ ихъ къ этому господству. Все, въ чемъ нѣкогда обвиняли они предшествовавшія правительства, было совершено ими въ громаднѣйшихъ размѣрахъ. Убіиства въ Трансноренской улицѣ, апрѣльскія судебныя преслѣдованія, за которыя они такъ осуждали Орлеанское правительство, были ничтожною шуткою сравнительно съ іюньскими убійствами, разстрѣливаніями и ссылкой цѣлыхъ массъ. Если бы кто нибудь сказалъ умѣреннымъ республиканцамъ наканунѣ февральскихъ событій, что они совершаютъ такіа дѣла для сохраненія власти, которую тогда готовились они приобрести, они съ негодованіемъ отвергли бы такое предсказаніе, какъ нелѣпный бредъ. А между тѣмъ, все совершившееся въ іюнь, было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той системы, которая привела ихъ къ февральскому торжеству. Если бы предусмотрительность ихъ не была помрачена политическою страстью, они въ началѣ 1848 года видѣли бы, что начинаютъ игру слишкомъ двусмысленную и страшную, — игру, которая необходимо приведетъ ихъ, въ случаѣ успѣха, къ звѣрскому истребленію людей, которыхъ они тогда призывали на помощь себѣ.

Сами они были малочисленны и слабы въ началѣ 1848 года. Они одни не могли ничего сдѣлать противъ Орлеанскаго правительства, которое хотѣли низвергнуть. Они вздумали вступить въ союзъ съ работниками, и силою этого класса достигли евоей цѣли.

Но чѣмъ они могли возбудить работниковъ? Работники желали не перемѣны политическихъ формъ, а преобразованій, которыми улучшилось бы ихъ общественное положеніе. И вотъ, республиканцы увѣрили ихъ, что эти улучшенія будутъ произведены республикою. Такою цѣною приобрѣли они союзъ. Но могли ли они въ самомъ дѣлѣ исполнить свои обѣщанія? Нѣтъ, желанія работниковъ признавали они несбыточными, гибельными химерами. При этомъ, благоразуменъ ли былъ союзъ? Онъ основывался на самообольщеніи съ обѣихъ сторонъ. Работники думали получить себѣ удовлетвореніе черезъ людей, которые въ сущности были также враждебны ихъ желаніямъ, какъ Гизо и Дюшатель. Умѣренные республиканцы воображали, что удержать работниковъ имъ будетъ также легко, какъ и возбудить ихъ. Извѣстно, каковы всегда бываютъ результаты союзовъ, основанныхъ на томъ, что одинъ союзникъ надѣется достичь цѣли, которая отвергается другимъ: эти союзы ведутъ къ смертельной враждѣ между союзниками. Такъ было и тутъ. Возбуждая надежды, которыхъ не могли удовлетворить, умѣренные республиканцы должны были знать, что имъ придется отвергать требо-

ваин, которымъ они льстили. Въ этихъ требованіяхъ работники видѣли вопросъ о жизни и смерти для себя—нельзя было не угадать, что для отверженія этихъ требованій нужна будетъ смертельная битва противъ работниковъ.

Но формалисты ничего не предвидятъ. Умѣренные республиканцы легкомысленно повели въ февралѣ противъ Орлеанскаго правительства людей, съ которыми еще гораздо менѣе могли ужиться въ соглаеніи, нежели съ Орлеанскимъ правительствомъ. Если бы они предвидѣли іюнь, они отказались бы отъ вражды противъ Орлеанскаго правительства въ февралѣ.

Исторію возвышенія партіи умѣренныхъ республиканцевъ представляется поразительнымъ примѣромъ того, какъ неизбежно осуществляется исторіею правило, внушаемое здравымъ смысломъ и такъ часто забываемое въ увлеченіи политическихъ страстей: нужно подумать о томъ, каковы существенныя желанія людей, прежде, нежели искать ихъ содѣйствій. Если бы работники и республиканцы понимали другъ друга, они ни въ какомъ случаѣ не начали бы вмѣстѣ дѣйствовать противъ Орлеанскаго правительства, потому что между ними было противорѣчіе, еще болѣе важное, нежели причины ихъ недовольства министерствомъ Гизо.

Союзъ ихъ былъ ненатураленъ, онъ привелъ къ нелѣпности,—нелѣпость въ историческихъ дѣйствіяхъ ведетъ къ событіямъ гибельнымъ для страны.

Правда и то, что противоположенный союзъ между партіями, смертельно враждебными по сущности евоихъ желаній, былъ произведенъ столь же противнымъ здравому смыслу дѣйствіями Гизо, его покровителей и партизановъ. Только ихъ самообольщеніе породило самообольщеніе въ противныхъ партіяхъ,—это очевидно для всякаго, кто припоминаетъ исторію временъ, предшествовавшихъ во Франціи февральскимъ событіямъ, и первая вина за ужасы, совершенные послѣ того, падаетъ на людей, которые довели дѣла Франціи до нелѣпаго положенія, породившаго февральскія событія. Здѣсь не мѣсто доказывать это,—мы хотѣли только изложить, какимъ рядомъ обмановъ и насилій умѣренные республиканцы должны были выпутываться изъ того фальшиваго положенія, въ которое стали для низверженія Орлеанской системы,—какімъ нелѣпости и ужасы были необходимыми условіемъ утвержденія ихъ власти надъ Франціею. Теперь намъ должно разсказать вторую половину ихъ исторіи;—мы знаемъ, какимъ образомъ достигли они власти, теперь посмотримъ, какимъ образомъ потеряли они власть; за возвышеніемъ ихъ быстро послѣдовало паденіе, и мы увидимъ, что паденіе было неизбежнымъ слѣдствіемъ тѣхъ фальшивыхъ или жестокихъ средствъ, которыми они достигли власти, и той несоотвѣтственности ихъ убѣжденій съ потребностями французскаго общества, которая съ самаго начала дѣлала для нихъ невозможнымъ прямой и самостоятельный образъ дѣйствій.

II.

Іюньская побѣда передала въ руки умѣренныхъ республиканцевъ всю правительственную власть надъ Франціею. Ужаснымъ путемъ достигли они до этого торжества, и мы видѣли, что неизбеженъ былъ для нихъ этотъ путь послѣ той основной ошибки, которая сдѣлана въ началѣ 1848 года умѣренными республиканцами и парижскими работниками. Двѣ партіи, стремленія которыхъ были непри-

миримо противоположны, соединились тогда между собою для низверженія противниковъ, которые по своимъ убѣжденіямъ гораздо менѣе разнились отъ умѣренныхъ республиканцевъ, нежели умѣренные республиканцы отъ своихъ союзниковъ. Результатомъ обманчиваго союза на словахъ, при полнѣйшемъ разногласіи въ желаніяхъ, была неизбѣжная необходимость двумъ на время слившимся партіямъ, тотчасъ послѣ одержанной въ союзѣ побѣды, вступить между собою въ борьбу, гораздо болѣе серьезную, нежели та, въ которой общими силами они низвергли орлеанскую систему. Фальшивыя историческія положенія всегда дорого обходятся государству, но иногда бываютъ выгодны для тѣхъ, которые ставятъ въ нихъ государство, — это тогда, когда одна изъ партій, вступающихъ въ обманчивый союзъ, хитритъ и коварствуетъ. Но тутъ обѣ партіи дѣйствовали не по хитрому расчету, а по соображеніяхъ, при всей своей ошибочности, приноудиннымъ, и потому обѣ проиграли отъ ошибки, въ которую одна увлечена была другою. Парижскіе работники за союзъ съ умѣренными республиканцами расплатились тѣмъ, что надолго остались безъ куска хлѣба и тысячами погибли въ битвѣ, тысячами были брошены въ темницы. Умѣренные республиканцы заплатились тѣмъ, что пробудили ненависть къ себѣ во всѣхъ тѣхъ классахъ населенія, любовью которыхъ дорожили.

Очень трудно было положеніе умѣренныхъ республиканцевъ послѣ іюньскихъ дней, хотя вся правительственная власть была въ ихъ рукахъ. Сами по себѣ, они были малочисленны и слабы; они могли держаться только опираясь на другія партіи, которыя тогда всѣ сливались въ два большіе лагеря, почти поровну дѣлившіе между собою все народонаселеніе Франціи.

Съ одной стороны, соединились въ одну массу всѣ тѣ, идеалъ которыхъ былъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Нѣкогда они распадались на враждебныя партіи легитимистовъ и орлеанистовъ, смертельно ненавидѣвшія другъ друга. Но теперь вражда ихъ умолкла подъ грозою, одинаково страшною для всего, чѣмъ дорожили всѣ они одинаково. Въ прежнее время былъ между ними споръ о томъ, классу землевладѣльцевъ или классу капиталистовъ владычествовать во Франціи, фамиліинныя преданія съ придворными нравами и феодальными стремленіями, или промышленной спекуляціи, съ биржевыми правилами и узкимъ либерализмомъ хитраго эгоизма. Теперь тотъ и другой интересъ подвергался одинаковой опасности, и для своего спасенія оба они слились въ одинъ интересъ — интересъ возвращенія господства надъ законами и администраціею тому, что называется превосходствомъ по имуществу или значительностью въ обществѣ. Люди, которымъ лично выгодно это возвращеніе, немногочисленны во Франціи. Но тогда каждый изъ нихъ имѣлъ за собою болѣе или менѣе значительное число кліентовъ, привыкшихъ слушаться или поставленныхъ въ необходимость повиноваться ему. Такъ, за капиталистами шли очень многіе изъ людей, зависѣвшихъ отъ нихъ по промышленнымъ дѣламъ, и голосу ихъ слѣдовало большинство въ сословіи торгующихъ людей и рснтьеровъ, хотя эти маленькіе люди, если бы ясно сознавали свои выгоды, могли бы замѣтить, что биржа и банкиры вовсе не представляютъ ихъ интересовъ. За большими землевладѣльцами во многихъ провинціяхъ шли поселяне; по воспоминаніямъ феодальныхъ временъ и по ультрамонтанскимъ стремленіямъ заодно съ большими землевладѣльцами было католическое духовенство, пользовавшееся очень значительнымъ вліяніемъ на поселянъ. Такимъ образомъ, лагерь, желавшій возстановленія стараго порядка, располагалъ очень значительными силами.

Съ другой стороны были люди, желавшіе, какъ мы говорили, измѣненія въ матеріальныхъ отношеніяхъ сословій, желавшіе законодательныхъ и административныхъ мѣръ для улучшенія быта низшихъ классовъ. Естественно было бы полагать, что вся масса простолюдиновъ станетъ на этой сторонѣ. Но знаніе о новыхъ мѣрахъ, предполагавшихся въ ихъ пользу, было распространено только между простолюдинами большихъ городовъ. Поселянинъ во Франціи ничего не читалъ, почти не встрѣчалъ образованныхъ людей, которые рассказали бы ему, въ чемъ дѣло. Потому реформаторы имѣли на своей сторонѣ только городскихъ простолюдиновъ; изъ сельскаго населенія, погруженнаго въ совершенное незнашіе, большая половина слѣдовала за своими обычными авторитетами, — землевладѣльцами и духовенствомъ, и только въ немногихъ, ближайшихъ къ большимъ городамъ, округахъ поселяне сочувствовали идеямъ городскихъ простолюдиновъ.

Посрединѣ между этихъ двухъ огромныхъ лагерей стояла немногочисленная армія умѣренныхъ республиканцевъ. Съ тѣмъ и другимъ станомъ были у ней сильныя причины къ несогласію, но съ тѣмъ вѣстѣ и важныя точки соприкосновенія, подававшія возможность къ сближенію.

Отъ партій, желавшихъ сохраненія общественнаго быта въ прежнемъ его видѣ, умѣренные республиканцы раздѣлялись воспоминаніями жестокой вражды съ конца прошлаго вѣка до низверженія орлеанской системы. Еще важнѣе было разногласіе въ мнѣніяхъ о формѣ правительства. Реакціонеры ужасались слова „республика“, — не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ были искренними монархистами, а просто потому, что представляли республику осуществленіемъ безграничной демократіи.

Отъ реформаторовъ умѣренные республиканцы отдѣлялись также воспоминаніями о борьбѣ, которая была менѣе продолжительна, но еще болѣе жестока, нежели борьба съ реакціонерами; притомъ же и воспоминанія эти были свѣжѣе; послѣдній и самый страшный актъ борьбы только что совершился и продолжались еще его послѣдствія: осадное положеніе, арестъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, стѣсненіе газетъ, и т. д. О коренномъ разногласіи въ идеяхъ мы уже говорили: умѣренные республиканцы хотѣли остановиться на измѣненіи политической формы, реформаторы утверждали, что оно ничего не значитъ безъ измѣненія въ сословныхъ отношеніяхъ, которое умѣренные республиканцы вѣстѣ съ монархистами называли нелѣпою и гибельною химерою.

Причины къ раздору были, какъ видимъ, чрезвычайно важны. Но отношенія между тремя лагерями по матеріальной силѣ были таковы, что ни одинъ самъ по себѣ не могъ управлять Франціею нормальнымъ и прочнымъ образомъ, — получить рѣшительный перевѣсъ въ обществѣ могла каждая изъ трехъ главныхъ партій не иначе, какъ въ союзѣ съ другою. Въ послѣдствіи времени были заключаемы такіе союзы, — значитъ они были возможны, не смотря на всю силу взаимныхъ несогласій. Такъ въ концѣ 1849 года умѣренные республиканцы дѣйствовали дружно съ реформаторами противъ реакціонеровъ, а позднѣе за одно съ монархистами противъ Луи Наполеона. Но тотъ и другой союзъ былъ елишкомъ поздень. Въ время враждебныхъ партій не хотѣли и слышать о прекращеніи борьбы, которая поочередно погубила ихъ. Теперь насъ занимаетъ исторія умѣренныхъ республиканцевъ; потому, оставляя въ сторонѣ ошибки, сдѣланныя другими партіями, мы посмотримъ только, какія ошибки были причиною низверженія этой партіи.

Въ половинѣ 1848 года всѣ люди всѣхъ партій одинаково чувствовали, что первой необходимостью для Франціи было учрежденіе прочнаго правительства. Прочность не зависѣла тутъ отъ имени и формы, а единственно отъ того, чтобы партія, которая управляла бы государствомъ, имѣла на своей сторонѣ рѣшительное и прочное большинство въ націи. Ни одна изъ партій, взятыхъ въ отдѣльности, не имѣла этого большинства, и всего менѣе могли обольщаться въ втоиъ случаѣ умѣренные республиканцы, на каждой шагъ получавшіе доказательства своей малочисленности. Кратчайшимъ путемъ къ полученію поддержки большинства былъ бы для нихъ прямой союзъ съ одною изъ двухъ многочисленныхъ партій. На какихъ условіяхъ былъ возможенъ тогда этотъ союзъ?

Реакціонеры ужасались слова республика вовсе не потому, чтобы были искренними монархистами: они скоро примкнули къ Луи Наполеону, сопернику Бурбоновъ и Орлеанскаго Дома. Истинной привязанности къ монархической формѣ у большей части изъ нихъ было такъ мало, что они съ удовольствіемъ согласились бы на республику, если бы только сохранилось въ этой республикѣ преобладаніе высшихъ классовъ. Отъ республиканской формы умѣренные республиканцы не могли бы отказаться ни въ какомъ случаѣ, но этой уступки пока отъ нихъ и не требовалось бы; возможна ли была уступка, которая дѣйствительно требовалась реакціонерами? Умѣренные республиканцы имѣли чрезвычайное пристрастіе называть себя демократами; вотъ именно эта-то прибавка къ слову республиканецъ и возмущала реакціонеровъ; а между тѣмъ былъ ли въ этой прибавкѣ какой нибудь реальный смыслъ? Было ли практическое значеніе? По правдѣ говоря, вовсе нѣтъ. Гордясь именемъ демократовъ, умѣренные республиканцы гнушались именемъ демагоговъ, а демагогами называли всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли дѣйствовать возбужденіемъ массъ для достиженія цѣлей, сообразныхъ съ выгодами массъ. Какой же реальный смыслъ оставался послѣ того за именемъ демократъ? Тотъ, что умѣренные республиканцы не хотѣли допустить такого преобладанія аристократическихъ элементовъ, какое видѣли въ Англіи; имъ больше нравилось устройство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Но во Франціи аристократическіе элементы вовсе не имѣютъ той силы, какъ въ Англіи, и далеко не имѣли въ 1848 году притязанія сдѣлать изъ Франціи Англію; все, чего въ сущности желали они, ограничивалось спокойствіемъ на улицахъ и сохраненіемъ прежнихъ сословныхъ отношеній. Въ сущности того же самого желали и умѣренные республиканцы. Къ чему же послѣ того было умѣренными республиканцамъ такъ шумно кричать о своемъ демократизмѣ, запугивая этимъ громкимъ словомъ добрыхъ людей, не замѣчавшихъ, что демократъ становится пустѣйшимъ и безсильнѣйшимъ изъ людей, какъ скоро придумываетъ разницу между демократизмомъ и демагогіею? Неразсчитливо было со стороны умѣренныхъ республиканцевъ отталкивать отъ себя реакціонеровъ словомъ безъ реального значенія; неразсчитливо было и со стороны реакціонеровъ изъ-за пустой парадной похвалы бы отстраняться отъ людей, у которыхъ за душой не было въ сущности ничего непримиримаго съ тогдашними потребностями реакціонеровъ.

Та и другая партія забывали объ одинаковости своихъ настоящихъ желаній изъ-за споровъ объ именахъ и историческихъ воспоминаніяхъ. Онѣ могли бы дѣйствовать дружно, но не хотѣли того. Реакціонеры непремѣнно хотѣли низвергнуть умѣренныхъ республиканцевъ изъ-за ихъ пустой претензіи на демократизмъ. Если умѣренные республиканцы никакъ не рѣшались отказаться отъ пустого слова для

привлеченія на свою сторону реакціонеровъ, то не могли ли они вступить въ союзъ съ реформаторами?

Тутъ недоразумѣніе было еще нелѣпѣе. Умѣренные республиканцы, восхищаясь своимъ демократизмомъ, еще съ большимъ усердіемъ кричали, что хоть они и демократы, но презираютъ и ужасаются демагоговъ. Крикъ о демагогахъ былъ такъ шуменъ и производился съ такимъ серьезнымъ выраженіемъ лица, какъ будто въ самомъ дѣлѣ, въ 1848 году, Франціи угрожали каіе нибудь Іоганни Лейденскіе и Томасы Мюнцеръ, или, но крайней мѣрѣ, Дантоны. А на самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были идеи реформаторовъ, но сами реформаторы никакъ не должны были бы внушать ужаса, — справедливы или ошибочны, практичны или неосуществимы были ихъ мнѣнія, но сами по себѣ эти люди ни мало не походили на возмутителей, опасныхъ для спокойствія парижскихъ улицъ. Это были люди не уличныхъ волненій, а ученыхъ разсужденій въ тишинѣ кабинета, заваленнаго головоломными книгами; даже говорить въ многочисленномъ обществѣ очень немногіе изъ нихъ были способны, и почти каждый изъ нихъ былъ силенъ только съ перомъ въ рукѣ, за письменнымъ столомъ. Дѣйствія такимъ людей не могли въ сущности представлять ничего опаснаго для матеріальнаго порядка. Но быть можетъ, ихъ мнѣнія и требованія были неудобноисполнимы или опасны?

О ихъ общихъ теоріяхъ мы не хотимъ здѣсь говорить потому, что не ихъ партіи служатъ предметомъ нашей статьи: мы должны показать только ихъ отношенія, въ послѣдней половинѣ 1848 года, къ партіи, главою которой былъ Кавеньякъ. Послѣ июньскихъ дней, тѣ силы, которыми могли бы осуществляться теоріи реформаторовъ, были сокрушены и надолго уничтожена всякая надежда реформаторовъ имѣть правительственную власть. Дѣла приняли такой оборотъ, что надобно было ждать чрезвычайнаго вліянія реакціонной партіи на ходъ событій. Требования реформаторовъ не простирались уже до того, чтобы ихъ теоріи приводились въ исполненіе правительствомъ; они почли бы себя чрезвычайно счастливыми уже и тогда, если бы хотя половина тѣхъ обѣщаній, которыя два-три мѣсяца тому назадъ давались не только умѣренными республиканцами, но и реакціонерами, была исполнена. И тутъ были громкіе слова, служившія предметомъ споровъ, напри- мѣръ „право на трудъ“, но подъ громкими словами скрывались теперь требованія, самыя скромныя: хотя сколько нибудь дѣйствительной заботливости со стороны правительства о помощи стѣсненному положенію низшихъ классовъ, и реформаторы были бы довольны. Не только умѣренные республиканцы, но и всѣ разсудительные люди между реакціонерами были убѣждены въ необходимости позаботиться объ улучшеніи быта низшихъ классовъ. Въ большинствѣ и умѣренныхъ республиканцевъ, и даже реакціонеровъ, это убѣжденіе было не только внушеніемъ разсчета, но и искреннимъ желаніемъ. Кромѣ немногихъ, нравственно-дурныхъ людей, всѣ желали позаботиться о распространеніи образованія между простолюдинами, объ улучшеніи ихъ квартиръ, объ улучшеніи мелкаго кредита, къ которому они прибѣгаютъ, объ избавленіи ихъ отъ ростовщиковъ и т. д. Между умѣренными республиканцами не было ни одного, который не имѣлъ бы этихъ желаній, а серьезной заботы объ исполненіи этихъ желаній было бы довольно для пріобрѣтенія поддержки со стороны реформаторовъ. Но вмѣсто того, чтобы заботиться о вещахъ, которыя всѣмъ казались и полезны и практичны, умѣренные республиканцы предпочли спорить противъ разныхъ призраковъ и проводили время

въ опроверженіи требованій, которыхъ никто не предлагалъ, но существованіе которыхъ предполагалось умѣренными республиканцами. Самая простая, самая легкая мѣра вызывала противъ себя крики о невозможности и опасности, потому что подъ нею всегда предполагалась какая нибудь громадная теорія. Призракъ матеріальной демагогія, за которую не хотѣли или не были способны приниматься ни одинъ изъ реформаторовъ, и призракъ утопическихъ теорій, которыхъ никто не хотѣлъ приводить въ исполненіе въ тогданнее время,—эти нелѣпные призраки не давали умѣреннымъ республиканцамъ и подумать о союзѣ съ реформаторами, которыхъ имъ угодно было воображать себѣ съумасшедшими людоедами.

Такимъ образомъ, по существенному положенію серьезнаго дѣла, умѣренными республиканцамъ былъ бы возможенъ союзъ съ какими угодно изъ двухъ враждебныхъ лагерей, раздѣлявшихъ между собою населеніе Франціи. Но отчасти воспоминаніе о прежнихъ причинахъ вражды, отчасти громкіе слова, пугавшія воображаемымъ значеніемъ, котораго не имѣли, препятствовали сближенію. Вѣроятно, если бы въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ предводители были великими государственными людьми, эти затрудненія были бы устранены своевременно и партія умѣренныхъ республиканцевъ приобрѣла бы прочную опору себѣ или отъ реакціонеровъ, или отъ реформаторовъ, смотря потому, съ какими изъ этихъ лагерей нашла бы она болѣе точекъ одинаковости въ стремленіяхъ. Намъ кажется, что если бы умѣренными республиканцами руководили такіе люди, какъ Ришелье, Штейнъ или Робертъ Пиль, то она предпочла бы сближеніе съ реформаторами. Несмотря на всю жестокость іюньскихъ битвъ и слѣдовавшихъ за ними проскрипцій, реформаторы легче, нежели реакціонеры, согласились бы поддерживать умѣренныхъ республиканцевъ: послѣ іюньскихъ дней, реакціонеры стали такъ самонадѣянны, что внушали уже чрезвычайно серьезныя опасенія реформаторамъ и, такимъ образомъ, самая жестокость пораженій, нанесеннаго реформаторамъ умѣренными республиканцами, заставляла этихъ послѣднихъ быть склонными къ поддержкѣ побѣдителей, за которыми выказывались грозныя полчища людей, одинаково враждебныхъ и побѣжденныхъ, и побѣдителямъ. Но въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ не доставало государственнаго благоразумія на вступленіе въ рѣшительный союзъ ни съ тою, ни съ другою изъ партій, имѣвшихъ наиболѣе существеннаго могущества. Они вздумали держаться собственными силами. Ошибка эта была очень важна; она основывалась на странномъ самообольщеніи относительно своихъ силъ. Умѣренные республиканцы какъ будто не знали, что ихъ образъ мыслей, основанный на теоретическихъ соображеніяхъ, а не на матеріальныхъ сословныхъ выгодахъ и потребностяхъ, по необходимости можетъ имѣть своими послѣдователями только небольшое число тѣхъ людей, которые дѣйствуютъ въ жизни не по требованію житейскихъ интересовъ, а по правиламъ отвлеченной теоріи; они воображали, что умозаключенія, а не интересы руководятъ людьми. Отъ людей, впадавшихъ въ такое отвлеченное заблужденіе, едва ли можно ожидать ловкаго практическаго образа дѣйствій; но если бы они дѣйствовали практично, то могли бы даже безъ союза съ сильнѣйшими партіями сдѣлать очень многое для утвержденія своихъ идей въ государственной жизни французской націи.

Положимъ, что они были совершенно неисправимы въ основномъ своемъ заблужденіи. въ томъ, что считали себя гораздо болѣе многочисленными, нежели

какъ были на самомъ дѣлѣ; но все-таки они очень хорошо знали, что слишкомъ значительная часть народонаселенія Франціи не сочувствуетъ ихъ политическимъ мнѣніямъ. Они должны были употребить всѣ заботы, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ. Пріобрѣтать прозелитовъ своими убѣжденіямъ вовсе не такъ легко, какъ находить союзниковъ своимъ интересамъ; но все-таки искусный государственный человѣкъ можетъ довольно быстро распространить свои понятія въ массы, если будетъ заботиться объ удовлетвореніи тѣхъ матеріальныхъ потребностей націй, которыя не противны его убѣжденіямъ. Умѣренные республиканцы имѣли въ своихъ рукахъ правительственную власть, и при малѣйшемъ искусствѣ въ парламентской тактикѣ могли вѣрно рассчитывать на поддержку большинства въ Національномъ Собраніи; это было уже очень важное преимущество. Нѣсколько мѣсяцевъ имъ оставалось для того, чтобы укрѣпиться въ занимаемомъ ими положеніи, и если бы они съумѣли воспользоваться этимъ временемъ, они могли бы утвердиться довольно прочно. Люди, которые, управляя дѣлами нѣсколько мѣсяцевъ, не будутъ въ концѣ ихъ гораздо сильнѣе, нежели были въ началѣ, неспособны управлять дѣлами.

Не вступая въ союзъ съ многочислѣннѣйшими партіями, умѣренные республиканцы не должны были надѣяться на помощь отъ людей, предводительствовавшихъ этими партіями; но масса никогда не имѣетъ непоколебимыхъ и ясныхъ политическихъ убѣжденій; она слѣдуетъ впечатлѣніямъ, какія производятся отдѣльными событіями и отдѣльными важными мѣрами. Эту массу могли бы привлечь къ себѣ умѣренные республиканцы, если бы позаботились о томъ, чтобы ихъ управленіе производило выгодныя впечатлѣнія на массу и удовлетворяло тѣмъ ея желаніямъ, которыя могли они исполнить не измѣняя своему образу мыслей.

Государственный бюджетъ всегда составляетъ одну изъ самыхъ общихъ и сильныхъ причинъ довольства или недовольства въ массахъ. Франціи жаловалась на обременительность податей; особенно силенъ былъ общій ропотъ противъ обременительныхъ налоговъ на соль и на вино и противъ пошлинъ, собираемыхъ въ городахъ съ сѣстныхъ припасовъ (*ostroi*). Съ самаго Наполеона непрерывно шелъ этотъ ропотъ; каждое правительство, заботясь при своемъ началѣ о популярности, обѣщало отменить налоги на соль и вино; ни одно не считало потому нужнымъ сдерживать это обѣщаніе и при каждомъ переворотѣ одною изъ сильнѣйшихъ причинъ того глухаго неудовольствія, которое предшествовало волненію, былъ ропотъ на эти налоги. Соль и вино участвовали въ паденіи Наполеона, Бурбоновъ и Орлеанской династіи. Уничтожить городскія пошлыны съ провизій было бы не менѣе полезно: пока на нихъ роптали только горожане, но зато отъ горожанъ зависѣла прочность правительства еще больше, нежели отъ поселянъ; при томъ, если существованіе этихъ пошлинъ не беспокоило поселянъ, то уничтоженіе ихъ скоро было бы признано за благодѣяніе и поселянами, потому что увеличилось бы тогда потребленіе мяса, хлѣба и т. д. въ городахъ, стало бы развиваться бы торговля сельскими продуктами. Налоги на соль и вино доставляли государству около двухъ сотъ миліоновъ франковъ, и при огромности французскаго бюджета было бы легко произвести эту экономію; если же не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ, то желаніи массы указывали источникъ, изъ котораго было бы легко съ избыткомъ получать эти двѣсти миліоновъ. Какъ обременительныя вазались налоги на вино и соль, такъ, напротивъ, чрезвычайно попу-

лярно было бы учрежденіе подати съ капитала или съ дохода. Ничѣмъ нельзя было бы въ дѣлахъ финансовыхъ такъ угодить насѣвъ народа, какъ обращеніемъ косвенныхъ налоговъ въ пряные. Пошлины съ сѣстныхъ припасовъ поступали въ городскіе доходы, — эти пошлины также легко было бы замѣнить прямыми налогами.

Кроитъ постоянныхъ налоговъ, чрезвычайный ропотъ былъ возбужденъ нелѣпнымъ временнымъ увеличеніемъ поземельнаго налога на 1848 г. Этотъ временный добавочный налогъ равнялся почти половинѣ основнаго налога и по смѣтѣ долженъ былъ доставить до двухъ сотъ миліоновъ франковъ, но на дѣлѣ доставилъ гораздо менѣе, потому что никто не хотѣлъ его платить. Въ первой статѣ мы уже упоминали, что онъ былъ одною изъ главныхъ причинъ реакціи, обнаружившейся противъ февральскаго переворота. Надобно было отмѣнить эту неудачную мѣру, черезъ нѣсколько дней послѣ февральской революціи придуманную однимъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ, Гарнье-Паже.

Эти облегченія были бы необходимы даже въ томъ случаѣ, если бы умѣренные республиканцы не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ, — въ такомъ случаѣ надобно было бы, какъ мы говорили, замѣнить уничтоженные косвенные налоги прямыми; но народныя желанія требовали значительнаго сокращенія бюджета, который былъ доведенъ до страшныхъ размѣровъ расточительнымъ управленіемъ Луи-Филиппа, при которомъ въ теченіи 18 лѣтъ государственные расходы и вмѣстѣ съ ними подати увеличились вдвое. Изъ 1800 миліоновъ франковъ надобно было бы довести расходы не болѣе какъ до 1200 миліоновъ. Благоразумные политико-экономисты видѣли въ этомъ государственную необходимость. Умѣренные республиканцы признавали справедливость ихъ словъ, но ничего важнаго не сдѣлали для исполненія этой необходимости.

Другимъ общимъ желаніемъ дѣльныхъ людей всѣхъ партій было отиѣненіе тѣхъ излишествъ административной централизаціи, которыя обременяли чиновниковъ и самымъ утомительнымъ образомъ стѣсняли дѣятельность частнаго человѣка, ровно никому не принося пользы и ни для чего не будучи нужны. Чтобы починить какой нибудь дрянный мостъ черезъ ручей въ какомъ нибудь селѣ, надобно было испрашивать разрѣшенія отъ министра. Постройка домовъ, мощеніе улицъ — для всего этого нужны были позволенія и предписанія отъ парижскаго правительства. Умѣренные республиканцы, конечно, понимали неудобства этого порядка, связывавшаго всю Францію, сами реакціонеры говорили объ этомъ благоразумно. Но и тутъ ничего не было сдѣлано.

Стѣснительныя мѣры, казавшіяся необходимою послѣ іюньскихъ событій, лишали умѣренныхъ республиканцевъ популярности при началѣ управленія Кавеньяка. Ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя мы сейчасъ перечислили, и которыя могли бы уменьшить эту непопулярность, не была принята правительствомъ умѣренныхъ республиканцевъ въ продолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за учрежденіемъ ихъ правительства. Быть можетъ, достаточнымъ извиненіемъ тому могли быть безчисленныя хлопоты и затрудненія, въ которыя впутывалось новое правительство; во всякомъ случаѣ, умѣренные республиканцы надѣялись черезъ нѣсколько времени продолжать свое управленіе лучше, нежели начали его. Они надѣялись раньше или позже пріобрѣсть популярность, которой лишены были лѣтомъ и осенью 1848 года. Такимъ образомъ, по ихъ собствен-

ному мнѣнію, весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою власть до той поры, когда пріобрѣтется ими популярность. Вытратить время—для нихъ было бы вытратить дѣло.

Было нѣсколько средствъ для нихъ продлить свою власть. Она вручена была Кавеньяку временнымъ образомъ отъ Національнаго Собранія и Національное Собраніе сначала не хотѣло торопить его прекращеніемъ этого положенія. Зная свою непопулярность въ настоящее время, умѣренные республиканцы могли бы прибѣгнуть къ средству, которое надолго упрочило бы ихъ тогдашнее положеніе и даже сдѣлало бы ихъ любимцами народа. Точно также, какъ и всѣ французы, они чувствовали желаніе, чтобы Франція заняла въ Западной Европѣ то первенствующее положеніе, которымъ пользовалась при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ. Они считали униженіемъ для Франціи трактаты 1815 года. Сосѣдніе страны представляли много удобныхъ случаевъ для начатія войны на Рейнѣ или въ Италіи. Италія нуждалась въ помощи французовъ противъ австрійцевъ. Прирейнскія области Пруссіи и всѣ государства западной Германіи находились въ такомъ положеніи, что французская армія могла явиться въ Германію союзницею одной изъ партій, готовившихся вооруженною рукою рѣшать споръ о сохраненіи или измѣненіи порядка дѣлъ въ Германіи.

Но, не принимая никакой рѣшительной мѣры, Кавеньякъ и его друзья давали проходить одному мѣсяцу за другимъ, пока уже поздно было вознаграждать потерянное время. Чего же ждали они и на что надѣялись? Они, кажется, воображали, что все устроится по ихъ желанію однимъ магическимъ дѣйствіемъ тѣхъ громкихъ словъ, въ неотразимую очаровательность которыхъ они вѣрили; они, кажется, предполагали, что Франція находитъ ихъ людьми необходимыми, потому что они сохраняютъ порядокъ и съ тѣмъ виѣстъ зацѣпляютъ слово республика, какъ будто бы слово республика могло восхитить само собою кого нибудь, кромѣ немногочисленныхъ и безсильныхъ теоретиковъ, и какъ будто реакціонеры не считались гораздо лучшими ревнителями порядка, нежели республиканцы.

Наконецъ, былъ еще одинъ путь для удержанія власти: можно было сохранять свое владычество при помощи фактической силы, отстраняя формальное выраженіе національных желаній. Умѣренные республиканцы могли говорить, что партіи, раздѣляющія между собою Францію, находятся въ такой враждѣ между собою, изъ которой снова легко можетъ возникнуть междоусобная война при первомъ поводѣ къ тому (и это было бы правда); что потому официальные проявленія народной жизни, слишкомъ волнующія массу, какъ, напримѣръ, государственные выборы и особенно выборы президента республики, должны быть отложены на нѣкоторое время, пока умы успокоятся. Они не сдѣлали этого, не умѣли во-время предвидѣть результата, къ которому приведетъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій при тогдашней перепутанности понятій.

Умѣренные республиканцы не имѣли столько благоразумія, чтобы отсрочить на годъ или на полтора года выборы президента республики. Но когда обнаружилось, что ихъ кандидатъ Кавеньякъ не имѣетъ вѣроятности быть избраннымъ, у нихъ оставалось еще средство въ значительной степени уменьшить вредныя для нихъ послѣдствія этой ошибки. Они уже предвидѣли, что исполнительная власть перейдетъ въ руки кандидата противныхъ имъ партій. Но въ Національномъ Собраніи, у котораго законодательная власть могла оставаться еще очень на долго,

большинство принадлежало имъ. Политическій расчетъ долженъ былъ говорить имъ, что слѣдуетъ какъ можно болѣе увеличить нѣянїе законодательной власти и какъ можно болѣе подчинить ей исполнительную. Они не сдѣлали и этого, пожертвовавъ и собственными выгодами, и спокойствїемъ государства отвлеченному соображенію о томъ, что исполнительная власть должна быть сильна и независима.

При самыхъ благопрїятныхъ обстоятельствахъ не могла бы удержать за собою власти партїи, дѣйствовавшая такъ непредусмотрительно и нерѣшительно. Въ нѣсколько мѣяцевъ постепенно исчезло то могущество, которое было утверждено за умѣренными республиканцами іюнскою побѣдою. Напрасно было бы винить въ томъ обстоятельства: если много было въ нихъ затруднительнаго и неблагопрїятнаго, то еще больше было выгоднаго для умѣренныхъ республиканцевъ; сами по себѣ онѣ были довольно слабы, но у нихъ въ рукахъ было все то могущество, которое дается государственною властью; при томъ же всѣ другія партїи, хотя и болѣе многочисленныя, были въ то время еще слабѣе умѣренныхъ республиканцевъ; однѣ изъ нихъ были поражены въ іюнѣ, другія въ февралѣ, и ни одна не успѣла еще оправиться послѣ пораженїи. Ихъ слабость доходила до безнадежности и ни одна не отваживалась даже и предъявлять притязанїи на то, чтобы заступитъ мѣсто умѣренныхъ республиканцевъ въ управленїи государствомъ. И когда пришло время борьбы за власть, единственнымъ опаснымъ соперникомъ умѣренныхъ республиканцевъ явился кандидатъ, тогда еще не имѣвшій никакого самостоятельнаго политическаго значенїи и обязанный своимъ успѣхомъ преимущественно тому, что его поддерживали люди, въ сущности столько же враждебные ему, какъ и умѣреннымъ республиканцамъ,—поддерживали оттого, что считали его еще гораздо болѣе слабымъ, нежели были сами. При такомъ безсилїи соперниковъ, легко было бы надолго удержать за собою власть умѣреннымъ республиканцамъ, если бы они были хотя сколько нибудь практическими людьми. Но за блескомъ и шумомъ своихъ отвлеченныхъ формулъ они не видѣли и не слышали ничего, и каждое событіе было для нихъ неожиданностью, которой они беззащитно уступали до тѣхъ поръ, пока наконецъ были совершенно оттѣснены отъ власти, которую не умѣли пользоваться.

Таковъ общїй характеръ событїи французской исторїи съ конца іюня до конца ноября 1848 года. Краткій обзоръ этихъ событїи подтвердитъ старую истину, что непредусмотрительность и нерѣшительность въ государственныхъ дѣлахъ гибельны бывають и для государства и для людей, неумѣющихъ пользоваться властью.

По укрощенїи возстанїа, Кавеньякъ явился въ Національное Собранїе и объявилъ, что возвращаетъ ему ту диктаторскую власть, которую получилъ отъ него на время битвы. Собранїе рѣшило, что опасность еще продолжается, и потому просило Кавеньяка оставаться главою правительства, предоставивъ ему право по своему усмотрѣнїю составить министерство. Выборомъ министровъ и другихъ важнѣйшихъ сановниковъ Кавеньякъ и умѣренные республиканцы, имъ руководившіе, показали, какими ошибочными соображенїями руководились они, когда рѣшили, что диктатура должна быть продолжена. Большинство министровъ было взято изъ умѣренныхъ республиканцевъ, но нѣкоторые важнѣйшіе посты были ввѣрены людямъ изъ старинныхъ партїи, управлявшихъ Франціею съ 1815 до 1848 года.

Военнымъ министромъ былъ сдѣланъ Ламорьенъ, другъ принцевъ Орлеанскаго дома. Этотъ выборъ не былъ впрочемъ опасенъ для республики: человекъ честный, Ламорьенъ не интриговалъ противъ правительства, участникомъ котораго былъ. Гораздо больше опасности представляло назначеніе генерала Шангарнье комендантомъ парижской національной гвардіи: Шангарнье всячески хлопоталъ о возстановленіи системы, разрушенной въ февралѣ, и былъ извѣстенъ неумѣренностію своихъ реакціонныхъ стремленій. Выборъ его на столь важное мѣсто доказывалъ, что умѣренные республиканцы хотятъ опираться на реакціонеровъ, что свою диктатуру они хотятъ направить исключительно противъ реформаторовъ, которыхъ однихъ считаютъ опасными для государственнаго порядка.

Это прямо обнаруживалось рѣчами и дѣйствіями умѣренныхъ республиканцевъ въ Национальномъ Собраніи, о которомъ пора намъ сказать нѣсколько словъ, потому что съ іюля до половины ноября отъ его рѣшенія зависѣли всѣ важнѣйшія дѣла.

Изъ девятисотъ „представителей народа“, составлявшихъ Национальное Собраніе, до 350 человекъ принадлежали разнымъ реакціоннымъ партіямъ. Они сидѣли на правой сторонѣ залы. Около 300 человекъ, сидѣвшіе въ центрѣ, нѣсколько ближе къ лѣвой, нежели къ правой сторонѣ, были умѣренные республиканцы. Наконецъ лѣвую сторону занимали крайніе республиканцы и реформаторы, которыхъ находилось въ Собраніи до 250 человекъ. При такомъ распредѣленіи, большинство партій составлялось только посредствомъ соединенія двухъ партій изъ числа трехъ. Чтобы проводить свои мѣры, правительство, кромѣ прямыхъ своихъ приверженцевъ, должно было имѣть поддержку или отъ лѣвой стороны, — въ такомъ случаѣ предложенія правительства имѣли бы за себя большинство около 200 голосовъ, — или поддержку отъ правой стороны, и въ такомъ случаѣ большинство доходило бы до 400 голосовъ. Люди, незнакомые съ парламентскою тактикою, могутъ подумать, что при такомъ распредѣленіи голосовъ, для полученія поддержки съ той или другой стороны, центральная партія должна была дѣлать много уступокъ той партіи, голоса которой хотеть имѣть. Вовсе нѣтъ; ни та, ни другая изъ крайнихъ партій не могла имѣть никакой надежды пріобрѣсти большинство своимъ собственнымъ мѣрамъ, потому что онѣ встрѣчали бы сопротивленіе въ обѣихъ остальныхъ партіяхъ, стало быть могли имѣть большинство только такія мѣры, которыя выходили бы отъ центральной партіи. Она могла по произволу выбрать себѣ поддержку съ той или съ другой стороны, и тутъ должно происходить нѣчто подобное тому, какъ бываетъ при встрѣчѣ двухъ продавцевъ съ однимъ покупщикомъ: тотъ и другой продавецъ наперерывъ другъ передъ другомъ понижаетъ цѣну до послѣдней крайности и радъ довольствоваться самою незначительною выгодною.

Малѣйшее предпочтеніе, оказываемое центральною партіею правой сторонѣ надъ лѣвою, или наоборотъ, уже пріобрѣтаетъ ей голоса этой стороны. Мало того: нужно только, чтобы центральная партія выказывала больше нелюбви, напримѣръ, къ лѣвой сторонѣ, нежели къ правой, и правая сторона будетъ самымъ усерднымъ образомъ поддерживать центръ, хотя бы центръ и съ нею обходился очень сурово. Это преобладаніе центра въ рѣшеніи дѣлъ доходитъ до того, что искусные парламентскіе предводители, съ центральною партіею изъ 50 человекъ, могутъ управлять рѣшеніями собранія, состоящаго изъ 500 человекъ. И такъ, умѣренные

республиканцы, имѣя цѣлую третью часть голосовъ и занимая средину между двумя крайними партіями, почти равносильными, должны были рѣшительно господствовать въ Національномъ Собраніи. Имъ довольно было рѣшительно отталкивать отъ себя одну изъ этихъ партій, чтобы имѣть горячую поддержку со стороны другой. Какую же изъ двухъ партій будутъ они преслѣдовать? вотъ вопросъ, представлявшійся имъ послѣ іюньскихъ дней. Лѣвая сторона была лишена сильнѣйшихъ своихъ предводителей въ Парламентѣ и потеряла свою армию внѣ Парламента. Она не могла теперь быть опасна, какъ бы громко ни выражала свой гнѣвъ. Веяное снисхожденіе отъ центра она приняла бы безъ всякихъ условій. Но центръ не видѣлъ настоящаго; ему все чудились страшные призраки іюньскихъ дней; онъ воображалъ, что завтра, послѣ завтра могутъ снова стать на баррикаду сорокъ тысячъ пролетаріевъ, забывая, что уже не осталось въ Парижѣ пролетаріевъ, способныхъ драться. Умѣренные республиканцы воображали, что черезъ недѣлю послѣ Іены и Ауэрштета, пруссаки могли разбить Наполеона, что Наполеонъ на другой день послѣ Ватерлоо могъ дать новую генеральную битву. Они твердили, что ужасаются страшныхъ замысловъ лѣвой стороны. Этимъ нерасчетливымъ выраженіемъ пустаго страха они лишили себя всѣхъ выгодъ своего центрального положенія, объявивъ, что имъ нѣтъ выбора между правою и лѣвою стороною. Естественно, стала черезъ это въ очень выгодное положеніе правая сторона. Центръ объявлялъ, что она ему необходима и она могла дорого продавать свои голоса. Подъ вліяніемъ пустаго страха, центръ такъ сильно погнулся на правую сторону, что потерялъ всякое равновѣсіе и можно было увлекать его все дальше и дальше направо. А между тѣмъ опасность ему была послѣ іюньскихъ дней справа, а не слѣва. Силами реакціонеровъ была выиграна іюньская побѣда, и побѣдители, конечно, были гораздо требовательнѣе, нежели побѣжденные. Никакія уступки со стороны центра не удовлетворяли правую сторону; съ каждымъ днемъ она дѣлалась все настойчивѣе, интриговала смѣлѣе и вынуждала у центра новыя уступки.

Возвращая диктатуру Кавеньяку, центръ прямо говорилъ, что эта диктатура направлена исключительно противъ лѣвой стороны, и что для поддержанія своей власти онъ будетъ опираться исключительно на правую сторону. Онъ давалъ вѣру всѣмъ слухамъ о заговорахъ и замыслахъ лѣвой стороны и отвергалъ, какъ клевету, всѣ подобныя слухи о правой сторонѣ, выставлялъ опасными всѣ мелкіе безпорядки, при которыхъ слышались крики, бывшіе лозунгомъ лѣвой стороны, и оправдывалъ всѣ подобныя случаи, выходившіе съ правой стороны. Кавеньякъ запретилъ большую часть газетъ лѣвой стороны, хотя онѣ нападали только на людей и отдѣльныя распоряженія, а не на самую форму правительства тогдашней Франціи, и охранялъ всѣ газеты правой стороны, хотя онѣ открыто стремились къ низверженію той формы правительства, представителемъ и защитникомъ которой былъ онъ, — побѣжденная революція представлялась ему болѣе серьезнымъ врагомъ, нежели побѣдоносная реакція. Скоро для обузданія лѣвой стороны были предложены центромъ три закона: по первому, каждая политическая газета была обязана внести въ казну 24,000 франковъ (6,000 р. с.), какъ обезпеченіе въ уплатѣ штрафовъ, которые могутъ быть на нее наложены; по второму, назначались тяжелыя наказанія за газетныя статьи, противныя общественному порядку; по третьему, клубы подвергались строгому полицейскому надзору.

Этими законами совершенно разрушалось равновѣсіе между правою и лѣвою

стороною въ средствахъ политической дѣятельности. Уже и прежде правой стороной было дано гораздо больше простора, нежели лѣвой; теперь послѣдняя была чрезвычайно стѣснена, между тѣмъ какъ до правой стороны новыя законы вовсе не касались. Правая сторона была гораздо богаче лѣвой. Газеты правой стороны безъ хлопотъ взяли у своихъ патроновъ требуемыя обезпеченія: вмѣсто 24,000, каждая изъ нихъ, не стѣсняясь, нашла бы и 240,000 франковъ. Тѣ проступки, которые совершались газетами правой стороны, оставались безъ преслѣдованія, между тѣмъ какъ газеты противной партіи безпрестанно отдавались подъ судъ и осуждались на штрафы. Клубы для лѣвой стороны были тѣмъ, чѣмъ балы, большіе обѣды и фойе Оперы и Французскаго Театра для правой: преслѣдуя тѣ собранія, въ которыхъ разсуждали о политикѣ приверженцы лѣвой стороны, полиція предоставляла полнѣйшую свободу всѣмъ совѣщаніямъ правой стороны.

Просимъ читателя не забывать точки зрѣнія, съ которой мы излагаемъ событія. Мы говоримъ вовсе не о томъ, хороши или дурны были убѣжденія той или другой партіи. Наша цѣль вовсе не теоретическій разборъ различныхъ политическихъ убѣжденій, существовавшихъ въ Франціи въ 1848 году; до нихъ намъ нѣтъ никакого дѣла; до нихъ мало дѣла даже и французамъ настоящаго времени: въ десять лѣтъ всѣ эти убѣжденія совершенно устарѣли и нѣтъ теперь во Франціи челоуѣка, который думалъ бы о вещахъ точно такъ, какъ думалъ въ 1848 году. Но если вопросы и обстоятельства въ различныхъ странахъ и въ разное время бываютъ различны, то правила благоразумія во всѣхъ странахъ вѣчно неизмѣнны. Только эта сторона событій, сохраняющая навсегда интересъ для жизни, интересуетъ насъ здѣсь. Каковы были мнѣнія умѣренныхъ республиканцевъ, намъ нѣтъ дѣла; мы хотимъ только знать, благоразумно ли поступали они; каковы были цѣли, которыя имѣли они въ виду, — вопросъ посторонній для насъ; намъ хочется только показать, что они не умѣли выбирать средствъ для достиженія цѣлей, и изъ ихъ ошибокъ вывести нѣкоторые правила, въ родѣ знаменитаго латинскаго стиха, прижизняющагося ко всему, чтѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ:

Quidquid agis, prudenter agas, et respice finem, —

„Чтѣ бы ты ни дѣлалъ, поступай благоразумно и разсчитывай послѣдствія своихъ поступковъ“. Быть можетъ, образъ мыслей умѣренныхъ республиканцевъ былъ вреденъ для государства; лично мы даже увѣрены въ этомъ. Быть можетъ, для Франціи было счастьемъ, что вмѣсто Кавеньяка правителемъ Франціи сдѣлался Луи Наполеонъ, — многіе говорятъ это. Мы вовсе не сравниваемъ этихъ двухъ людей по образу мыслей; мы разсматриваемъ только, до какой степени надобно приписать Кавеньяку и умѣреннымъ республиканцамъ торжество Луи Наполеона, и находимъ, что они постоянно дѣйствовали въ пользу ему и во вредъ себѣ; а такъ какъ они хотѣли вовсе не того, то мы и находимъ, что они держали себя нерасчетливо: для того, чтобы обнаружить эту нерасчетливость, мы должны показывать, въ чемъ должны были бы состоять для нихъ внушенія благоразумія. Быть можетъ, правая сторона по образу мыслей была совершенно справедлива; но ея усиленіе вело ко вреду центра, потому и нерасчетливо поступалъ центръ, содѣйствуя ~~.....~~. Онъ долженъ былъ или самъ принять мнѣнія правой стороны, и ~~.....~~ онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Правая сторона

а между тѣмъ продолжала ненавидѣть его, и съ каждымъ днемъ онъ долженъ былъ уступать, шагъ за шагомъ, власть врагамъ, которымъ самъ помогалъ.

Скоро правая сторона не удовольствовалась тѣмъ, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ правительствѣ отданы ей; она стала требовать, чтобы изъ министерства были удалены люди, ей не нравившіеся. Прежде другихъ былъ удаленъ въ угодность ей министръ народнаго просвѣщенія Карно, котораго реакціонеры не любили отчасти за его имя, отчасти за то, что онъ издавна былъ друженъ съ людьми, которые были подозрительны реакціонерамъ. Не прошло двухъ недѣль послѣ июньской побѣды, какъ правая сторона уже потребовала его удаленія, а мѣсто его отдано человѣку правой стороны, извѣстному историку Волабеллю. Черезъ три мѣсяца, правая сторона снова потребовала отдачи своимъ предводителямъ еще двухъ мѣстъ въ министерствѣ. Сенаръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, бывшій президентомъ Національнаго Собранія въ іюнѣ вмѣстѣ съ Кавеньякомъ, принималъ самыя крутыя мѣры для подавленія инсургентовъ. Тогда реакціонеры превозносили его; но въ началѣ октября уже не хотѣли терпѣть въ министерствѣ человѣка, котораго еще недавно называли однимъ изъ спасителей общества. Сенаръ долженъ былъ уступить мѣсто Дюферу, и его отверженіе правою стороною служило очень яснымъ предсказаніемъ, что скоро будетъ отвергнуто ею и главный изъ июньскихъ „спасителей общества“, Кавеньякъ. Дюфоръ, подобно Ламорисьеру, не интриговалъ по крайней мѣрѣ противъ порядка дѣлъ, существовавшего тогда во Франціи. Но другой членъ правой стороны, вмѣстѣ съ нимъ вступившій въ министерство Кавеньяка, Вивьенъ, явно стремился къ низверженію правительства, въ которомъ сталъ участвовать.

Эту смѣну министровъ правая сторона уже не выпрашивала, какъ прежде: въ октябрѣ она стала такъ смѣла, что уже стала отнимать свои голоса у Кавеньяка, когда хотѣла принудить его къ новой уступкѣ. Она уже открыто говорила, что поддержка ея необходима ему, что она чуть ли не изъ милости держитъ его президентомъ исполнительной власти. При такихъ словахъ было очевидно, откуда грозитъ опасность центру; но онъ оставался непреклоненъ въ своемъ ужасѣ передъ призракомъ новыхъ баррикадъ и дѣлалъ правой сторонѣ одну уступку за другою.

Вмѣстѣ съ преніями объ административныхъ вопросахъ и текущихъ происшествіяхъ, шли въ Національномъ Собраніи пренія о конституціи. Изъ всѣхъ вопросовъ о государственномъ устройствѣ, ближе всего касался судьбы правительства вопросъ объ отношеніи исполнительной власти къ законодательной. Въ теоріи существовало объ этомъ два различныя мнѣнія: одни приписывали частые перевороты, раздиравшіе Францію въ послѣднія 60 лѣтъ, тому, что у правительствъ было будто бы слишкомъ мало силы для сопротивленія инсургентамъ, изнурявшимъ ихъ одно за другимъ. Другіе указывали на то, что постоянно исполнительная власть во Франціи подчиняла себѣ законодательную и, пренебрегая законнымъ контролемъ ея, впадала въ ошибки, которыя и бывали прямою причиною общаго неудовольствія, приводившего къ насильственнымъ переворотамъ; изъ этого они выводили, что для прочности исполнительной власти и сохраненія государственнаго спокойствія, законодательную власть во Франціи надобно усилить па счетъ исполнительной, такъ, чтобы контроль первой надъ послѣднею былъ дѣйствителенъ. Которое изъ двухъ мнѣній было справедливо въ теоретическомъ отношеніи, мы не станемъ разсматривать. Но очевидно было, къ которому изъ

этихъ двухъ мнѣній должны были присоединиться умѣренные республиканцы. Въ Національномъ Собраніи они господствовали; каковы будутъ стремленія исполнительной власти, когда она сдѣлается независимой отъ законодательной, они не знали навѣрное, но могли предполагать, что она не будетъ чужда тѣмъ преданіямъ, канія остались отъ вѣхъ французскихъ правительствъ со временъ Наполеона. Эти преданія были вовсе не въ пользу умѣренныхъ республиканцевъ. Блаторазуміе ясно указывало имъ путь. Пусть ихъ теоретическія убѣжденія были бы въ пользу независимости исполнительной власти отъ законодательной; но они должны были понять, что не время имъ проводить въ дѣло чистую теорію и надобно принять въ соображеніе настоящія привычки, отлагал полное оеуществленіе теоріи до той поры, когда измѣнившись понятія самой исполнительной власти о своихъ обязанностяхъ будутъ служить достаточнымъ ручательствомъ за то, что она не употребитъ во зло своей независимости. Это было ясно. Но мы должны повторить фактъ, на который уже много разъ приходилось намъ указывать. Умѣренные республиканцы были теоретики, непонимавшіе условій практической жизни. Они во время преній о конституціи постоянно поддерживали всевозможную независимость исполнительной власти отъ законодательной и возвышали ея силы. Кавеньякъ и вѣе министры говорили въ этомъ смыслѣ. Но вотъ дошла очередь до того параграфа, который опредѣлялъ способъ избрашя президента республики. Тутъ было два противныя нѣнія, какъ и обо всемъ въ государственныхъ дѣлахъ, у правой и лѣвой стороны. Правая сторона хотѣла, чтобы президентъ исполнительной власти былъ избираемъ непосредственно націею, — этимъ возвышалось величіе исполнительной власти; лѣвая сторона хотѣла, чтобы онъ былъ избираемъ законодательнымъ собраніемъ, — черезъ это, конечно, онъ становился ниже его. Тутъ Кавеньякъ и министры замѣтили наконецъ, что дѣло идетъ о сохраненіи или низверженіи тогданняго порядка вещей во Франціи. Они замѣтили, что при общемъ неудовольствіи націи на нихъ, умѣренныхъ республиканцевъ, при разстройствѣ партіи реформаторовъ, легко могутъ восторжествовать при выборахъ президента реакціонеры, если выборъ будетъ предоставленъ націи. Кавеньякъ и министры подали голосъ виѣстѣ съ лѣвою стороною въ пользу предложенія, чтобы президентъ республики былъ избираемъ Національнымъ Собраніемъ. Но было уже слинкомъ поздно. Умѣренные республиканцы слишкомъ уже приучены были своими предводителями видѣть на лѣвой сторонѣ смертельныхъ враговъ велкаго общественнаго порядка и вслѣдъ за реакціонерными журналами кричать: *Los bagbages sont à поз portes!* Они до того приучены были повертываться направо, что когда теперь ихъ предводители вздумали сдѣлать маневръ налѣво, то были покинуты всѣмъ своимъ войскомъ. Большинствомъ четырехсотъ голосовъ было рѣшено, что президентъ республики будетъ избранъ не Законодательнымъ Собраніемъ, а голосами всей націи.

Этимъ почти рѣшена была судьба умѣренныхъ республиканцевъ, подавшихъ голосъ противъ самихъ себя по неумѣнью соображать результаты своихъ дѣйствій. Трудно было имъ надѣяться на успѣхъ своего кандидата при выборѣ президента голосами всей націи, потому что ничего не сдѣлали они для приобрѣтенія популярности, а между тѣмъ должны были передъ общественнымъ мнѣніемъ нести отвѣтственность за всѣ тѣ матеріальныя невзгоды, которыми сопровождался февральскій переворотъ.

Нельзя отрицать того, что Кавеньяк и его политические друзья искренно желали отвратить всё злоупотребления, облегчить всё тяжести, на которыя жаловалась нація. Но еще неоспоримѣе то, что ничего не было сдѣлано ими для исполненія этихъ желаній. Мы уже говорили о тѣхъ преобразованіяхъ, какія надобно было бы сдѣлать въ бюджетѣ, чтобы удовлетворить жалобамъ, которыя сильно содѣйствовали февральскому перевороту, и ожидашіямъ, которыя были возбуждены этимъ переворотомъ. Реформы, нами указанныя, были согласны съ убѣжденіями умѣренныхъ республиканцевъ. Но эта партія была по рукамъ и по ногамъ связана реакціонерами, провозглашавшими непогрѣзительность бюджета прежнихъ лѣтъ и вошіявшими противъ всякой попытки сократить государственные расходы, которыми они пользовались, или замѣнить распредѣленіе налоговъ, благоприятное для нихъ. Воображая себя въ опасности отъ людей убитыхъ, сосланныхъ или изгнанныхъ въ іюнѣ, умѣренные республиканцы не могли энергически приняться и за вопросъ о децентрализаціи, потому что всевозможное натягиваніе административныхъ пружинъ казалось имъ нужно для охраненія общественнаго порядка отъ опасностей слѣва, которыхъ уже не было. Охотно приняли бы они какія нибудь прямыя мѣры для улучшенія положенія низшихъ классовъ, но всѣ эти мѣры уже предлагались реформаторами, каждая мысль которыхъ представлялась умѣреннымъ республиканцамъ чѣмъ-то разрушительнымъ для общества; а если и приходила умѣреннымъ республиканцамъ въ голову какая нибудь маленькая идея о какомъ нибудь маленькомъ законѣ, который бы нѣсколько полевенъ былъ народу, реакціонеры поднимали вопль, доказывая, что этотъ законъ былъ бы подражаніемъ проэктамъ реформаторовъ,—и дѣйствительно не трудно было доказать это, потому что на самомъ дѣлѣ мысли умѣренныхъ республиканцевъ объ улучшеніи состояніи простолюдиновъ были блѣдными отраженіями понятій, высказанныхъ реформаторами,—и блѣдные умѣренные республиканцы съ испугомъ отступались отъ того изъ своихъ сотоварищей, который былъ обвиняемъ реакціонерами въ потворствѣ реформаторскимъ теоріямъ. Чтобы объяснить нагляднѣе эту нерѣзительность, мы укажемъ на единственную прямую мѣру, принятую Національнымъ Собраніемъ для улучшенія участи работниковъ. Собраніе назначило 3.000.000 франковъ на пособіе учрежденію ассоціацій между фабричными работниками, то есть, для образованія чего-то похожаго на наши промысловый и ремесленные артели. Невидимому ничто не могло быть невиннѣе такого назначенія. Но надобно только прочесть доклады и рѣчи, съ которыми даны были эти деньги, чтобы понять, какими чувствами простолюдины должны были встрѣтить этотъ заемъ. Вотъ докладъ, представленный Собранію Корбономъ отъ имени Комитета, разсматривавшаго предложеніе объ этомъ пособіи и рекомендовавшаго Собранію принять его.

„Навѣрное, въ нашемъ Собраніи нѣтъ ни одного члена, который не желать бы всѣмъ сердцемъ постепеннаго возвышенія сословій, до сихъ поръ содержавшихся въ низкомъ положеніи. Съ своей стороны, мы искренно убѣждены, что настанетъ время, когда большая часть работниковъ перейдутъ изъ состояніе наемщиковъ въ состояніе сотоварищей, какъ прежде перешли они изъ рабства въ крѣпостное состояніе, изъ крѣпостнаго состоянія въ вольные наемщики. Но эта перемѣна будетъ дѣломъ времени и личныхъ усилій работниковъ. Конечно, государство должно помогать ей; но каково бы ни было его участіе въ недлевномъ осуществленія этого прогресса, участіе государства будетъ въ этомъ дѣлѣ гораздо меньше, нежели участіе, какое въ немъ должны имѣть

сажи работники. Работникъ долженъ быть сыномъ своего труда, и если онъ нѣкогда тѣмъ или другимъ способомъ получить въ собственное распоряженіе средства для производства своего промысла, этими средствами онъ долженъ быть прежде всего обязанъ собственнымъ усиліямъ.

„Мы знаемъ, что таковой приговоръ мало удовлетворить ту часть рабочаго класса, которую, напротивъ, увѣрили, что государство сдѣлаетъ все, и что работникамъ надобно лишь пользоваться его содѣйствіемъ. Недостойны помощи тѣ, которые не имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ, не имѣютъ истиннаго понятія ни о свободѣ, ни о равенствѣ, ни о братствѣ, тѣ, которые не хотятъ пытаться поднять себя постоянными и терпѣливыми усиліями, а ждутъ, повѣ ихъ поднимутъ другіе.

„Мы хотимъ, чтобы государство помогало работникамъ только пропорціонально тѣмъ усиліямъ, которыя будутъ дѣлать они сами для пріобрѣтенія въ свое распоряженіе средствъ къ независимому труду.

„Мы не исполняли бы всей своей обязанности, если бы не прибавили, что ассоціаціи, пользующіяся нашей помощью, должны необходимо подчиняться условіямъ соперничества, безъ котораго нѣтъ самой свободы труда. Мы говоримъ это именно потому, что работниковъ увѣрили, будто всѣ ихъ бѣдствія — результаты соперничества. До извѣстной степени это справедливо; но напрасно отъ злоупотребленій соперничества заключать, что надобно уничтожить самое соперничество.

„Для работниковъ полезно будетъ услышать, что уничтожить соперничество — просто невозможно.

„Въ самомъ дѣлѣ, какъ уничтожить его? Силою власти? Но власть, которая возьмется за это, будетъ немедленно низвергнута. Посредствомъ ассоціаціи, которая послужила бы зерномъ для всеобщей ассоціаціи? Но — (Корбонъ доказываетъ, что это также невозможно).

„Къ счастью настало время, когда эти важные вопросы будутъ обсуждены съ національной трибуны, которая своимъ авторитетомъ предостережетъ работниковъ противъ идей, помрачившихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ многіе умы.

„Наши пренія покажутъ, сколько правды въ тѣхъ ученіяхъ, которыя, прикрываясь формами строгой нравственности, прибѣгая къ языку любви и преданности общему благу, въ сущности взываютъ только къ эгоизму и возбуждаютъ противъ общества ненависть тѣмъ болѣе глубокую, что ими раздражаются всѣ желанія у людей, неимѣющихъ и необходимаго“.

Съ перваго взгляда видно, что этотъ докладъ составленъ не столько подъ вліяніемъ мысли провести мѣру полезную для работниковъ, сколько подъ вліяніемъ заботы не показаться союзниками реформаторовъ, и желанія внушить работникамъ, что ихъ надежды на содѣйствіе государства въ измѣненіи ихъ быта напрасны. Безъ всякой надобности, Корбонъ толкуетъ о неизбежности соперничества, о невозможности всеобщей ассоціаціи работниковъ, которой нѣтъ и въ поминѣ, твердить, что государство ничего особеннаго не можетъ сдѣлать для работниковъ, и т. д. Могъ ли такой докладъ произвести на работниковъ хоронее впечатлѣніе? Нѣтъ, онъ представлялся для нихъ выраженіемъ антипатіи къ нимъ. И какъ легко приходили имъ мысли, которыми опроверглись разсужденія доклада. Напримѣръ, при словахъ „недостойны помощи тѣ, которые не имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ“, (*Ceux-là ne sont pas dignes d'être aidés qui n'ont pas le courage de s'aider*), — при этихъ словахъ, составляющихъ основную мысль доклада, кому изъ нуждавшихся въ содѣйствіи государства не приходило въ голову такое возраженіе: „Но зачѣмъ же и существуетъ государство, какъ не для охраненія человѣка отъ бѣдствій, которыхъ не можетъ отвратить его собственное мужество и сила? Если такъ, полиція должна бы защищать отъ воровъ только того, который самъ и безъ полиціи въ силахъ прогнать или убить вора; если же

разбойники нападутъ на труса или больного, полиція не должна защищать отъ нихъ этого человѣка, потому что „онъ не имѣетъ мужества помочь себѣ“. Да развѣ помощь нужна сильнымъ и нужественнымъ, а не слабымъ и забытымъ обстоятельствами?»

Но докладъ Корбона былъ еще очень любезенъ, сравнительно съ тѣми рѣчами, какія говорились по этому дѣлу реакціонерами. Корбонъ думалъ, по крайней мѣрѣ, что въ оказываемомъ пособіи есть что-то хоть отчасти справедливое и хотя нѣсколько полезное. Предводитель реакціонеровъ, знаменитый говорунъ Тьеръ, своимъ пискливымъ голосомъ кричалъ, что все это вздоръ, что деньги эти бросаются въ печь, но что онъ съ удовольствіемъ соглашается бросить ихъ въ печь, потому что безуспѣшностію этой нелѣпой попытки помогать учрежденію ассоціацій докажется нелѣпость самой мысли объ ассоціаціяхъ, мысли сумасбродной и безнравственной. „Не три мильона, а двадцать мильоновъ слѣдовало бы вамъ требовать отъ насъ, говорилъ онъ Корбону:—мы дали бы вамъ ихъ. Да, двадцати мильоновъ не пожалѣли бы мы на поразительный опытъ, который долженъ исцѣлить васъ всѣхъ отъ этого колоссальнаго сумасбродства“.

Выдачу этихъ денегъ считали милостынею и прямо говорили, что бросаютъ ихъ совершенно бесполезно; изъ этого слѣдовало бы заключать по крайней мѣрѣ, что пособіе оказывается безвозмездно. Вовсе нѣтъ: три мильона назначались вовсе не въ безвозмездное пособіе, а просто въ заемъ ассоціаціямъ, которыя должны были постепенно возвращать въ казну сполна всю полученную ими ссуду. Прилично ли, возможно ли кричать, что даринъ деньги, когда даенъ ихъ въ займы? Прилично ли тутъ хвастаться своимъ великодушіемъ? прилично ли кричать о пропажѣ денегъ? Заемъ, выдаваемый съ такими рѣчами, оскорбить каждаго, въ комъ осталось хоть нѣсколько уваженія къ себѣ.

Наконецъ, не говоря уже обо всемъ этомъ, какое впечатлѣніе должна была производить самая величина ссуды? 700.000 руб. сер. на цѣлое государство, въ пособіе сословію, составляющему гораздо болѣе семи мильоновъ человѣкъ. Скупость доходила тутъ до пропіи. Какое впечатлѣніе должны были производить эти жалніе 3 мильона франковъ, по сравненію съ десятками мильоновъ, ежегодно выдававшимися отъ казны на покровительство биржевымъ спекуляціямъ? Но банкиры и биржевые спекулянты, какъ будто, отъ природы получили привилегію на поощреніе отъ французскаго правительства. Суммъ, которыя растрачиваются казною для нихъ, не слѣдуетъ сравнивать съ деньгами, назначаемыми въ пособіе черному народу; можно сравнивать по крайней мѣрѣ величину суммъ, назначаемыхъ на разные способы пособія черному народу. Въ то самое время, какъ опредѣлялось три мильона для ассоціацій во Франціи, ассигновалось 50 мильоновъ на переселеніе пролетаріевъ въ Алжирію. Рѣчи и обстоятельства, которыми сопровождался законъ объ этой колонизаціи, дѣлали это переселеніе совершенно подобнымъ смыслѣ, предпринимаемой для удаленія изъ Франціи опасныхъ людей, изъ которыхъ большинству предстоитъ на новомъ мѣстѣ жительства погибнуть отъ лишеній всякаго рода и кабилскихъ пуль. Въ этомъ смыслѣ и было принято переселеніе простолюдины; они сочли не результатомъ заботливости о нихъ, а слѣдствіемъ желанія удалить изъ Франціи предпримчивыхъ, и потому опасныхъ, простолюдиновъ. Какое же впечатлѣніе производилось на работниковъ сравненіемъ трехъ мильоновъ, съ упреками и дурными предсказаніями выдаваемыхъ на исполненіе

задушевного убѣжденія простолюдиновъ, и 50-ти милліоновъ, назначаемыхъ на ссуду, прикрытую именемъ колонизаціи?

Ссуда на учрежденіе ассоціацій была единственною сколько нибудь важною мѣрою Кавеньяковскаго правительства для пріобрѣтенія популярности. Очень мало было принято даже и незначительныхъ мѣръ съ этою цѣлью, да и тѣ всѣ были обсуждаемы и исполняемы въ такомъ же духѣ, какъ выдача ссуды ассоціаціямъ. Очень натурально, что чувство, съ которымъ народъ смотрѣлъ на Кавеньяка и его партію послѣ іюньскихъ дней, нисколько не улучшилось въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ мѣсяцевъ. Умѣренные республиканцы не сдѣлали совершенно ничего для привлеченія къ себѣ народа, и народъ продолжалъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, отъ которыхъ нечего ему ждать.

Политика умѣренныхъ республиканцевъ была очень неудачна въ дѣлахъ внутренняго управленія. Этотъ недостатокъ могъ бы до нѣкоторой степени замѣниться блескомъ и популярностью внѣшней политики. Случаевъ къ тому представлялось много и нѣкоторые изъ нихъ были до того благопріятны, что самый нерасчетливый человѣкъ легко понималъ ихъ драгоцѣнность.

Мы укажемъ только два важнѣйшіе.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ собрался Нѣмецкій Парламентъ съ цѣлью дать нѣмецкому народу государственное единство. По правилу, нами принятому, мы вовсе не будемъ разсматривать, хороша или дурна была эта цѣль, точно такъ, какъ мы вовсе не говорили и о томъ, хороши или дурны были стремленія Кавеньяка и его политическихъ друзей. Мы обращаемъ вниманіе только на то отношеніе, какое существовало между потребностями положенія, въ какомъ находилось правительство Кавеньяка, и дѣлами Франкфуртскаго Парламента, и хотимъ показать, что Кавеньякъ и его партія не умѣли дѣйствовать сообразно съ своими выгодами. Франкфуртскій Парламентъ искалъ дружбы Франціи; онъ былъ проникнутъ тѣми же понятіями, какъ и правительство Кавеньяка, — дѣйствовалъ въ духѣ того демократизма, который противъ такъ называемой демагогіи враждуетъ гораздо сильнѣе, нежели противъ реакціи. Подобно правительству умѣренныхъ республиканцевъ во Франціи, Франкфуртскій Парламентъ вышелъ изъ революціоннаго движенія; подобно умѣреннымъ республиканцамъ Франціи, онъ утвердилъ свое значеніе кровопролитнымъ подавленіемъ революціоннаго движенія, изъ котораго возникъ самъ; подобно умѣреннымъ республиканцамъ, онъ былъ уже въ большой опасности отъ усиливавшейся реакціи (отъ которой скоро и погибъ подобно имъ); и подобно имъ, совершенно не понималъ и не замѣчалъ этой дѣйствительной опасности, воображалъ, что опасность грозитъ ему совсѣмъ не съ той стороны. Словомъ сказать, по своимъ идеямъ Франкфуртскій Парламентъ занималъ среди нѣмецкихъ партій точно такое же положеніе, какъ правительство Кавеньяка среди французскихъ партій. Союзъ между правительствами столь однородными казался бы неизбежнымъ. Франкфуртскій Парламентъ, не находившій поддержки ни въ одномъ изъ иностранныхъ правительствъ, чрезвычайно дорожилъ надеждою на дружбу съ Франціею и готовъ былъ чрезвычайно дорого заплатить за эту дружбу. Тайныя инструкціи, данныя на этотъ случай его агенту въ Парижѣ, не обнародованы; но хорошо извѣстны мнѣнія людей, господствовавшихъ во Франкфуртѣ, и не трудно отгадать, на какія важныя уступки согласились бы они. Но вмѣсто того, чтобы

вступить въ выгодный еююзъ, французское правительство даже не приняло посланника отъ Франкфуртскаго Парламента.

Еще яснѣе въмецкаго вопроса былъ итальянскій, еще очевиднѣе была година французскихъ правителей принять въ немъ участіе. Не говоримъ уже о томъ, что итальянцы проникнуты были чрезвычайнымъ сочувствіемъ къ Франціи и выступали съ тѣми же лозунгами, которые находились на знамени тогдашняго парижскаго правительства, — не говоримъ объ этихъ соображеніяхъ, основанныхъ на фактахъ настоящаго: даже дипломатическая рутина требовала, чтобы Кавеньякъ принялъ сторону итальянцевъ противъ австрійцевъ. Австрія была всегда соперницею Франціи, издавна дипломатическія и военныя торжества пріобрѣтались Франціею преимущественно въ борьбѣ противъ этой державы. Но и тутъ правительство Кавеньяка не сдѣлало ровно ничего. Не была подана итальянцамъ матеріальная помощь, когда они нуждались въ ней; а когда послѣ пораженія итальянскихъ армій Франціи рѣшилась наконецъ принять посредничество съ цѣлью противоdѣйствовать слишкомъ сильному перевѣсу Австріи, дѣло было ведено чрезвычайно слабо и вяло, и кончилось совершенно въ пользу Австріи и въ стыдъ Франціи.

Таковъ общій характеръ управленія Кавеньяка. Внутренніе вопросы настоятельнѣйшимъ образомъ требовали разрѣшенія, — ничего не было сдѣлано для этого, и путь, избранный правительствомъ Кавеньяка во внутренней политикѣ, прямо противоположенъ былъ и смыслу обстоятельствъ, и выгодамъ правительства. Слава внѣшняго могущества, блескъ дипломатическихъ и военныхъ торжествъ могъ бы доставить правительству Кавеньяка ту популярность, которой не могла доставить внутренняя политика, — внѣшняя война отвлекла бы вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ, соединила бы всю націю подъ знаменами правительства, но и этого не поняли, и этимъ не воспользовались умѣренные республиканцы.

Такимъ образомъ, когда настало время выборовъ президента республики, умѣренные республиканцы не могли похвалиться ничѣмъ, кромѣ іюньскаго кровопролитія; ничего не сдѣлали они для смягченія ненависти, возбужденной этими жестокостями въ одномъ изъ двухъ лагерей, и своимъ изилиннымъ крикомъ объ ужасныхъ намѣреніяхъ этого лагеря ободрили притязанія предводителей противной партіи. Ничего не сдѣлали они для націи, оттолкнули отъ себя однѣ партіи и сдѣлали надменными другія партіи.

Тѣмъ не менѣе, слабость всѣхъ другихъ партій была такъ велика, что ни одна изъ нихъ не могла выставить своего кандидата съ надеждою на успѣхъ. На это рассчитывали умѣренные республиканцы и ожидали, что всѣ благоразумные люди соединятся около ихъ кандидата за недостаткомъ другаго.

Дѣйствительно, такъ поступали многіе изъ людей, желавшихъ поддержать новыя формы государственнаго устройства. За Ледрю - Роллена подало голосъ только меньшинство изъ тѣхъ, которые принадлежали къ партіямъ, выставившимъ его своимъ кандидатомъ; большинство ихъ политическихъ друзей, видя, что Редрю-Ролленъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ избранъ, подали голосъ за Кавеньяка, для общаго интереса пожертвовавъ своими неудовольствіями противъ него и умѣренныхъ республиканцевъ.

Многіе изъ людей, которыхъ преслѣдовало правительство Кавеньяка, поддерживали его изъ преданности интересамъ Франціи. Не такъ поступили партіи, ко-

торымъ оно дѣлало всевозможныя уступки: гордость ихъ возросла до того, что они уже не хотѣли никакихъ сдѣлокъ съ республиканцами; они дали ненависти до того овладѣть собою, что выставили впередъ человѣка, по своимъ стремленіямъ гораздо болѣе враждебнаго имъ, нежели Кавеньякъ, лишь бы только низвергнуть Кавеньяка.

Здѣсь не мѣсто излагать исторію Луи Наполеона Бонапарте до декабря 1848 года. Мы должны только показать его отношенія къ партіямъ, при тѣхъ выборахъ, которыми рѣшалась участь Франціи.

Партія бонапартистовъ никогда не исчезала во Франціи, но всегда была чрезвычайно слаба, такъ что вовсе не могла считаться серьезною политическою партіею; по своему безсилью, она не могла быть никому опасна. Она пользовалась совершеннымъ просторомъ для дѣйствій, благодаря всеобщему невниманію къ ней.

Первое, что придавало бонапартизму нѣкоторую важность, были неблагоприятныя поступки реакціонеровъ и умѣренныхъ республиканцевъ, по вопросу о главѣ бонапартистовъ, Луи Наполеонѣ. Въ февралѣ онъ просилъ у новаго правительства разрѣшенія возвратиться во Францію, изъ которой былъ изгнанъ постановленіями прежнихъ правительствъ. Онъ уже тогда считалъ себя претендентомъ на французскій престолъ; но его притязанія были тогда еще безсильны; люди проницательные говорили, что не нужно придавать ему важность, показывая видъ, что его опасаются, и предлагали, чтобы ему было позволено возвратиться. Реакціонеры и умѣренные республиканцы отвергли этотъ совѣтъ. Слѣдствіемъ этого было повтореніе просьбъ и жалобъ съ его стороны. Благодаря отказу, ему удалось возбудить къ себѣ вниманіе и сожалѣніе во многихъ. Если съ перваго раза отказали ему, слѣдовало уже твердо держаться этого рѣшенія; но черезъ нѣсколько времени ему позволили возвратиться. Уже успѣвъ надѣлать шума своими просьбами и жалобами, онъ теперь отважился выставить себя кандидатомъ въ президенты.

Реакціонеры не имѣли кандидата, котораго могли бы противопоставить Кавеньяку. Они распадались на нѣсколько партій, изъ которыхъ ни одна не хотѣла уступить другой перевѣса. При томъ же, всѣ предводители этихъ партій были на дурномъ замѣчаніи у народа. Надобно было выбрать нейтральное имя, на которомъ могли бы соединиться ультрамонтанцы, легитимисты и орлеанисты, — духовенство, аристократы и капиталисты; надобно было отыскать такого кандидата, противъ котораго нація еще не имѣла бы предубѣжденія и кандидатство котораго обозначало бы только протестъ противъ партіи, управлявшей Франціею съ февраля, и не означало бы ничего другаго, потому что въ этомъ одномъ были согласны реакціонеры. Этотъ кандидатъ реакціонеровъ, котораго надобно было найти внѣ реакціонныхъ партій, долженъ былъ не представляться для нихъ опаснымъ по своей силѣ, долженъ былъ получить власть изъ ихъ рукъ, держаться только ихъ поддержкою и безъ нихъ не значить ничего. Именно такимъ человѣкомъ представлялся имъ Луи Наполеонъ. Ничтожность его собственной партіи была причиною, что на немъ остановился выборъ реакціонеровъ, которые думали, что какъ теперь безъ нихъ онъ ничего не значить, такъ и потомъ ничего не будетъ значить безъ нихъ, и что они будутъ управлять его именемъ.

Такимъ образомъ, всѣ реакціонеры единодушно стали за Луи Наполеона. Этимъ приобрѣталась ему почти половина голосовъ на выборахъ.

Тогда масса реформативныхъ партій, увидѣвъ, что остается избирать только между Луи Наполеономъ и Кавеньякомъ, увлеклась ненавистью къ умѣреннымъ

республиканцамъ за юньскіи событіи и рѣшилась предпочесть Луи Наполеона. Умѣренные республиканцы доказали, что отъ нихъ нельзя народу ждать ничего хорошаго; Луи Наполеонъ будетъ во всякомъ случаѣ не хуже, а быть можетъ окажется и лучше ихъ. Правда, его поддерживаютъ реакціонеры, но онъ самъ не принадлежитъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакой силы, и его выборъ имѣетъ только значеніе переходнаго факта, временнаго перениріи между партіями, изъ которыхъ еще ни одна не довольно сильна, чтобы одной ей побѣдить умѣренныхъ республиканцевъ и всѣ другія партіи. Его власть будетъ только до того времени, какъ мы оправимся отъ юньскаго пораженія, — пусть же до той поры, когда мы въ состояніи будемъ надѣяться на побѣду, продолжается перемпріе, и пусть будетъ власть въ нейтральныхъ рукахъ человѣка, который не можетъ помѣшать намъ, потому что самъ по себѣ безсиленъ.

Точно также думали и реакціонеры. Правленіе Луи Наполеона каждая изъ ихъ партій принимала только какъ переходную ступень къ собственному торжеству, какъ перемиріе съ другими партіями до того времени, какъ она сама станетъ сильнѣе всѣхъ другихъ.

Для всѣхъ, подававшихъ за него голосъ, онъ казался безопаснымъ орудіемъ для низверженія умѣренныхъ республиканцевъ, казался нейтральнымъ агентомъ, которому поручается временное веденіе дѣлъ до той поры, какъ довѣритель самъ почтетъ удобнымъ взять дѣла изъ его рукъ въ свои.

Такимъ образомъ, при выборахъ президента, партіи стали въ слѣдующее положеніе относительно трехъ кандидатовъ.

За Ледрю-Роллена была только небольшая часть людей лѣвой стороны, — именно только тѣ, которые компрометировали бы свою политическую репутацію, если бы подали голосъ не за офиціального кандидата своей партіи. Масса этой партіи подавала голосъ за Луи Наполеона.

За Кавеньяка были умѣренные республиканцы, и сверхъ того люди, которые никогда не желаютъ никакихъ перемѣнъ, — число послѣднихъ было, въ то время разгара политическихъ страстей, гораздо менѣе обыкновенной пропорціи.

За Луи Наполеона были всѣ реакціонеры и масса приверженцевъ лѣвой партіи, предводителя которой по своему положенію передъ общественнымъ мнѣніемъ не могли покинуть Ледрю-Роллена. Всѣ приверженцы реформаторовъ, не имѣвшіе своего кандидата, подали голосъ за Луи Наполеона.

При этомъ расположеніи партій, всѣ болѣе или менѣе предвидѣли результаты выборовъ; всѣ знали, что Кавеньякъ не получитъ большинства, всѣ были увѣрены, что коалиція, избравшая своимъ орудіемъ Луи Наполеона, составитъ большинство голосовъ.

Тутъ умѣренные республиканцы, покидая власть, въ первый разъ приняли образъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ. Дѣла дошли до такого состоянія, при которомъ всѣ мѣры воспрепятствовать выбору Луи Наполеона остались бы напрасными, и правительство Кавеньяка не позволило себѣ ни одной интриги, ни одного незаконнаго дѣйствія во вредъ своему противнику. Честность Кавеньяка и его друзей въ этомъ отношеніи заслужила имъ всеобщее уваженіе, и дѣйствительно, она была безпримѣрна въ исторіи Франціи. Съ незапамятныхъ временъ, въ первый разъ французы видѣли правительство, которое законъ ставитъ выше собственныхъ интересовъ и не хочетъ злоупотреблять своею силою для про-

долженіи своей власти. Но и тутъ мы не знаемъ, понимали ли умѣренные республиканцы, что всѣ попытки сопротивленія съ ихъ стороны были напрасны; дѣйствовали ли они какъ государственные люди, понимающіе состояніе дѣлъ и сознательно отказывающіеся отъ невозможнаго,—или они еще полагали, что могли бы удержаться, если бы прибѣгли къ интриганъ, стѣснительнымъ мѣрамъ и открытой силѣ. По соображенію всего, что говорили мы о прежней ихъ неспособности понимать обстоятельства, надобно склоняться къ послѣднему предположенію.

Какъ бы то ни было, правительство Кавеньяка оставило полную свободу выборамъ, неблагопріятный исходъ которыхъ предвидѣло, и съ благоговѣніемъ уступило результату выборовъ.

Въ выборахъ приняли участіе 7,324,672 избирателей; изъ нихъ подали голосъ:

За Ледрю-Роллена. .	407,039.
— Кавеньяка .	1,448,107.
— Луи Наполеона	5,434,226.

20-го декабря результатъ выборовъ былъ провѣренъ Національнымъ Собраніемъ. Кавеньякъ взомель на трибуну, въ немногихъ, но прекрасныхъ словахъ выразилъ свою покорность волѣ націи и сложилъ съ себя власть.

Съ этого дня, умѣренные республиканцы потеряли всякое вліяніе на ходъ событій, ихъ политическая роль во Франціи окончилась.

Полугодичное ихъ управленіе Франціею дастъ много уроковъ людямъ, думающимъ о ходѣ историческихъ событій. Изъ этихъ уроковъ важнѣйшій тотъ, на который преимущественно и указываютъ факты, нами изложенные.

Нѣтъ ничего гибельнѣе для людей, и въ частной и въ государственной жизни, какъ дѣйствовать нерѣшительно, отталкивая отъ себя друзей и робѣя передъ врагами. Честный человѣкъ, стремящійся сдѣлать что нибудь полезное, долженъ быть увѣренъ въ томъ, что ни отъ кого, кромѣ людей, дѣйствительно сочувствующихъ его напѣреніямъ, не можетъ онъ ждать опоры, что недовѣріе въ нихъ и довѣривъ къ людямъ, желающимъ совершенно противнаго, не приведетъ его ни къ чему хорошему. Напрасно сталъ бы онъ думать, что какими бы то ни было потворствами можетъ онъ смягчить партію, которая не одобряетъ его коренныхъ желаній,—вражда этой партіи къ нему останется непримирима, и для того, чтобы удержать за собою свои мнимыя выгоды, она всегда готова будетъ погубить человѣка, намѣренія котораго ей противны,—вѣроятно, погибнетъ потомъ и сама, какъ погибли и французскіе реакціонеры при Луи Наполеонѣ,—но ослѣпленная ненавистью, она не разбираетъ средствъ и не предвидитъ будущаго.

Государственный человѣкъ не долженъ ввѣрять веденія дѣлъ, не долженъ оставлять иніціи на ходъ событій врагамъ своихъ намѣреній. Только при этомъ условіи дѣла пойдутъ такъ, какъ онъ того хочетъ.

О НОВЫХЪ УСЛОВІЯХЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА.

Возлюбилъ еси правду и возне-
навидѣдъ еса беззавоніе, сего ради
помаза тя Богъ твой (Псал. XLV,
стих. 8).

Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года, благополучно царствующій Государь Императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ. Царствованія Петра III и Екатерины II, Александра I и Николая I были ознаменованы многими благодѣтельными для государства мѣрами чрезвычайной важности: жалованная грамота дворянству, устройство областного управленія, организація центральнаго правительства учрежденіемъ министерствъ и государственнаго совѣта, изданіе Свода Законовъ, — каждый изъ этихъ правительственныхъ актовъ былъ великимъ шагомъ впередъ и принесть неисчислимыя блага государству. Но всѣ они далеко не имѣютъ такого всемірно-историческаго значенія, какое принадлежитъ дѣлу уничтоженія вѣрноподданнаго состоянія въ Россіи, начатому рескриптами, названными выше. То были мѣры, безъ сомнѣнія, могущественнымъ образомъ улучшавшія нашу государственную жизнь, но все-таки каждая изъ нихъ касалась только отдѣльной вѣтви ея: корень, изъ котораго возникали почти всѣ наши бѣдствія и недостатки, оставался не тронутымъ. Крѣпостнымъ правомъ парализовались всѣ заботы правительства, всѣ усилія частныхъ людей на благо Россіи. Ни правильный ходъ администраціи, ни вѣрное отправленіе правосудія не были возможны при такомъ порядкѣ вещей, при которомъ положеніе большей части отношеній по имуществу не было сообразно съ принципами разумности и права, при которомъ сословіе, имѣющее своими сочленами почти всѣхъ лицъ, руководящихъ исполненіемъ законовъ, находилось въ условіяхъ быта, рѣшительнѣйшимъ образомъ нарушавшихъ всякую идею справедливости, при которомъ другое сословіе, составляющее почти половину населенія въ Европейской Россіи, стояло (по выраженію, не намъ принадлежащему) внѣ закона. Не могли при такомъ положеніи дѣлать никакія правительственныя мѣры надлежащихъ плодовъ, не могла даже дѣйствовать сколько-нибудь правильнымъ образомъ государственная организація. Могло ли, напримѣръ, учредиться правосудіе въ такомъ обществѣ, въ которомъ всѣ значительнѣйшіе и шпательнѣйшіе жители каждой области, съ одной стороны, опредѣляли важнѣйшую часть своего гражданскаго быта, свои доходы и свою власть надъ сотнями и тысячами людей, руководясь единственно произволомъ. — съ другой стороны, сознавали, что строгое исполненіе

закона областною администраціею и вниманіе судебныхъ властей къ жалобамъ на нарушеніе закона было бы и стѣснительно, и убыточно, и даже, по господствовавшему у насъ ложному понятію, обидно почти для каждаго изъ нихъ, вліятельныхъ жителей области. Они должны были на все, что дѣлалось вокругъ нихъ, смотрѣть сквозь пальцы, потому что ихъ собственныя дѣйствія нуждались въ подобной же противозаконной снисходительности. Строгая честность администраціи, неукоснительное правосудіе, во всѣхъ странахъ поддерживается сочувствіемъ и содѣйствіемъ людей, владѣющихъ значительною недвижимою собственностью, потому что они богѣе всѣхъ другихъ заинтересованы строгимъ охраненіемъ порядка. У насъ было напротивъ. Ненормальное положеніе владѣльца относительно людей, населяющихъ его землю, нуждалось въ томъ, чтобы и всѣ другія отрасли областной жизни находились въ такомъ же ненормальномъ, беспорядочномъ состояніи. Возьмемъ одну только отрасль этихъ послѣдствій крѣпостнаго права, — состояніе судебной областной власти и Земской полиціи. Всѣ, въ томъ числѣ и дворяне, жалуются на неправильность хода дѣйствій по этимъ частямъ общественной жизни. Невидимому, совершенно отъ дворянъ зависѣло бы устранить эти неправильности, потому что большинство членовъ (и въ томъ числѣ предсѣдатели) въ уѣздныхъ и губернскихъ судебныхъ мѣстахъ и исправники, руководящіе уѣздною полиціею, избираются помѣщиками. Но эти чиновники и судьи избираются съ тѣмъ, конечно, молчаливымъ условіемъ, чтобы не вмѣшивались въ сельскій бытъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, по необходимости создается положеніе неразумное: если бы избранный чиновникъ вздумалъ строго исполнять обязанности, возлагаемыя на него закономъ и чувствомъ правды, онъ возстановилъ бы противъ себя людей, отъ которыхъ зависитъ его выборъ и въ зависимости отъ которыхъ находится онъ постоянно, во все отправленіе своей должности; стало быть, идти на эти мѣста и удерживаются на нихъ только неисполненіемъ и часто прямымъ нарушеніемъ законныхъ обязанностей. Таково положеніе избраннаго. Избиратели же, сами выводя его на путь, идущій мимо закона и часто въ противность закону, не могутъ подвергать его серьезному отчету за то, что онъ дѣйствуетъ самопроизвольно: только этою произвольностію, по которой онъ постоянно нарушаетъ законъ, когда то считаетъ удобнымъ для себя, и сохраняется неприкосновенность ихъ собственнаго сельскаго быта. Всѣ неудовольствія съ ихъ стороны на чиновника — мимолетныя слова, лишенные возможности примѣниться къ дѣлу: правда, каждому горько бываетъ въ ту минуту, какъ чиновникъ, по своему произволу, беретъ съ него взятку или оказываетъ ему противозаконное притѣсненіе; но если отнять у чиновника произволъ, по гораздо многочислѣннѣйшимъ и по гораздо важнѣйшимъ дѣламъ помѣщикъ потерпѣлъ бы невыгоду; случайное обстоятельство или временное раздраженіе заставляютъ иногда землевладѣльца скорбѣть о нарушеніи закона, но постоянный интересъ его состоитъ въ томъ, чтобы законъ не былъ исполняемъ. Потворство избранному для того, чтобы самому пользоваться потворствомъ отъ него, — вотъ глубочайшее и инстинктивное стремленіе огромнаго большинства избирателей. Это стремленіе не зависитъ отъ сознательнаго или безсознательнаго желанія: оно влагается въ натуру ненормальностію отношеній, доселѣ существовавшихъ въ сельскомъ бытѣ; оно управляетъ дѣйствіями человѣка независимо отъ словъ, независимо отъ его образа мыслей. Тотъ, чьи домашніе дѣла не могутъ выдерживать контроля, инстинктивно соглашается на всякія уступки, лишь бы избѣжать контроля. Неза

висящими и твердыми образомъ можетъ дѣйствовать въ граждавекомъ быту одинъ лишь тотъ, кто чувствуетъ себя совершенно чистымъ и по закону, и по совѣсти въ своемъ быту.

При существованіи крѣпостнаго права, помѣщикъ находился въ такомъ отношеніи къ правосудію и администраціи, которое подобно отношенію къ нимъ чловека, инѣющаго два процесса: одинъ на очень значительную сумму, по которому законъ противъ него, другой на маловажную сумму, по которому законъ за него; каковаго суда, какой администраціи будетъ желать этотъ чловекъ? Конечно, и совѣсть, и выгода заставляли бы его желать по поводу маленькаго процесса, чтобы судъ былъ справедливъ, администрація честна и вѣрна; тогда онъ выигралъ бы свой маленькій процессъ, и по приговору суда взыскаіе было бы скоро и точно совершено въ его пользу администраціе. Безъ сомнѣнія, это было бы ему пріятно; но каковъ былъ бы результатъ справедливости въ судѣ, вѣрности въ администраціи для его большой тяжбы? Эта тяжба была бы проиграна и взыскаіе по ней быстро и неукоснительно было бы произведено съ него. Пускай же будутъ продажные администраторы, — только ихъ продажность дастъ ему средства уклониться отъ платежа, если судъ будетъ справедливъ, или доставить суду подложнымъ свѣдѣніи, по которымъ дѣло рѣшилось бы въ его пользу; пускай же будутъ подкупные судьи, — только ихъ продажность можетъ рѣшить тяжбу для него важнѣйшую въ его пользу. Разумѣется этотъ чловекъ можетъ досадовать на продажность и неправду, по которой проиграетъ онъ свое маловажное правовое дѣло, но никакъ не захочетъ онъ изгнать изъ суда и администраціи неправду, которая одна полезна ему по его большому процессу.

Мы коснулись только одного изъ безчисленнаго множества послѣдствій, возникавшихъ отъ крѣпостнаго права. Какую бы отрасль общественной жизни ни взяли мы, въ каждой оказываются точно такія же дѣйствія этого кореннаго зла, какъ въ областномъ судопроизводствѣ и управленіи. Напримѣръ, что можетъ быть ближе къ сердцу людей, пользующихся и досугомъ, и избыткомъ, нежели желаніе дать своимъ дѣтямъ образованіе? — но и въ этомъ случаѣ чловекъ, богатство котораго основано на крѣпостномъ правѣ, не имѣетъ ни надобности, ни охоты поступать такъ, какъ поступалъ бы онъ, если бы не свлзаясь былъ ненормальными условіями своего быта. Изъ двухъ сторонъ, по которымъ образованіе составляетъ предметъ чловеческихъ желаній, ни та, ни другая не имѣютъ при крѣпостномъ правѣ того интереса, какой дается имъ всякими другими отношеніями: практическая польза образованности наименѣ чувствительна для отца, оставляющаго своимъ дѣтямъ крѣпостное помѣстье, а идеальная привлекательность просвѣщенія далеко уступаетъ въ его мнѣніи опасностямъ и непріятностямъ, возникающимъ для него отъ науки. Справедливость, уваженіе въ достоинству чловека — это идеи, непримиримыя съ крѣпостнымъ правомъ, а наука внушаетъ ихъ своему воспитаннику. Въ чловекѣ просвѣщенномъ доходы и власть, проистекающіе изъ крѣпостнаго права, найдутъ порицателя; такой чловекъ едва ли будетъ способенъ извлекать изъ своихъ крѣпостныхъ подданныхъ такія выгоды, какъ тотъ, кому и въ голову не приходило, что этотъ быть дурень. Лучше же не готовить себя въ сынъ порицателя, быть можетъ, противника; лучше не лишать этого сына способности пользоваться всѣми выгодами наслѣдства. Но говорить, будто образованіе необходимо и для хорошаго устройства житейскихъ дѣлъ, будто чловекъ съ не-

развитою головою не умѣеть открывать источниковъ для увеличенія своихъ доходовъ? Такъ, если эти доходы зависятъ отъ сообразительности и предприимчивости; но при крѣпостномъ правѣ вовсе не такъ. Увеличивать господскую запашку или оброкъ—вотъ и весь секретъ къ увеличенію доходовъ; тутъ не нужно никакихъ соображеній, не нужно даже никакихъ расчетовъ: не хуже перваго мудреца въ мірѣ, круглый невѣжда съумѣеть сказать своему управляющему или старостѣ: „Я хочу имѣть вмѣсто 10 тысячъ 15; потому приказываю запахивать тяглу на нонхъ поляхъ вмѣсто двухъ десятинъ по три, или платить вмѣсто 20 рублей по 30“; этиими словами оканчивается все дѣло при крѣпостномъ правѣ: скажите же, къ чему тутъ хлопотать о развитіи головы?

Если таково вліяніе крѣпостнаго права на учрежденія, уже существующія, на потребности, уже пробудившіяся въ обществѣ, то легко заключить, до какой степени затрудняется имъ всякое нововведеніе, къ которому желаетъ приступить правительство для увеличенія государственнаго могущества или благосостоянія. Укажемъ хотя на одинъ частный случай. Постепенное пониженіе нашего тарифа показываетъ, что правительство желаетъ избавить народную жизнь отъ громадныхъ потерь, приносимыхъ крайнимъ развитіемъ протекціонной системы. Скажите же, легко ли объяснить огромность этихъ потерь людямъ, которые основываютъ фабрики и заводы на основаніи обязательнаго труда, чуждаго и противнаго всякому здравому расчету? Какимъ образомъ, наприимѣръ, убѣдить въ невыгодности свекло-сахарнаго производства такого заводчика, который или самъ не знаетъ, во сколько обходится трудъ, употребляемый на его заводѣ, или говорить: „мнѣ некуда дѣвать рукъ; я построилъ заводъ потому, что иначе не зналъ бы, какъ извлечь изъ нихъ хоть какую-нибудь прибыль“. Это частный случай, маловажный въ сравненіи со многими другими. Вообще, правильное распредѣленіе государственныхъ налоговъ и повинностей невозможно при крѣпостномъ правѣ; оно дѣлаетъ большую часть населенной территоріи государства какой-то привилегированной землей, черезъ это до излишества обременяетъ налогами другую, меньшую, часть и значительно уменьшаетъ государственные доходы. Рациональный бюджетъ невозможенъ при крѣпостномъ правѣ: этимъ однимъ дается уже достаточное понятіе о его вредномъ вліяніи на всѣ безъ исключенія отрасли государственной жизни, потому что разумная финансовая система составляетъ первое условіе всего государственнаго благоустройства.

Духъ сословія, имѣющаго главное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, организація войска, администрація, судопроизводство, просвѣщеніе, финансовая система, чувство уваженія къ закону, народное трудолюбіе и бережливость,—все это сильнѣйшимъ образомъ страдаетъ отъ крѣпостнаго права, все искажается имъ въ настоящемъ и сильнѣйшее препятствіе въ немъ встрѣчается каждымъ нововведеніемъ, каждымъ улучшеніемъ для будущаго. Много говорили мы о нашихъ недостаткахъ и множество всевозможныхъ недостатковъ находили въ себѣ, но общій, главнѣйшій источникъ всѣхъ ихъ—крѣпостное право; съ уничтоженіемъ этого основнаго зла нашей жизни, каждое другое зло ея потеряетъ девять десятыхъ своей силы. Потому-то дѣло, начатое рескриптами 20 ноября, 5 и 24 декабря, представляется столь великимъ, что по сравненію съ нимъ маловажны кажутся всѣ реформы и улучшенія, совершенныя со временъ Петра. Съ царствованія Александра II начинается для Россіи новый періодъ, какъ съ царствованіи Петра. Исторія Россіи

съ настоящаго года будетъ столь же различна отъ всего предшествовавшаго, какъ различна была ея исторія со врененъ Петра отъ нрежнихъ врененъ. Новая жизнь, для насъ теперь начинающаяся, будетъ на столько же прекраснѣе, благоустроеныѣе, блистательнѣе и счастливѣе прежней, на сколько сто пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ были выше XVII столѣтій въ Россіи.

Блистательные подвиги врененъ Петра Великаго и колоссальная личность самаго Петра покоряютъ наше воображеніе; неоспоримо громадно и существенное величіе совершеннаго имъ дѣла. Мы не знаемъ, какихъ внѣшнихъ событій свидѣтелями поставить насъ будущность. Но уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостнаго права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшею въ мірѣ.

Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчиваетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы—счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ. Длинный рядъ великихъ монарховъ во Франціи со временъ Людовика Святаго стремился къ дѣлу освобожденія французскихъ поселянъ, и ни у кого изъ нихъ не достало силы совершить это дѣло. Благороднѣйшій человекъ своего времени, Иосифъ II Австрійскій также успѣлъ сдѣлать только первый шагъ къ освобожденію своихъ подданныхъ. Счастливыѣ французскихъ королей и великаго чистоты своихъ намереній Императора Австрійскаго были короли Пруссіе: благосклонная судьба дала монархическому правленію Пруссіи исполнѣ совершить это благодѣяніе; но слава его раздѣляется между двумя монархами: Фридриху II принадлежитъ честь многихъ законодательныхъ мѣръ, вѣнцомъ которыхъ было окончательное уничтоженіе феодальныхъ отношеній при Фридрихѣ Вильгельмѣ III. Въ русской исторіи вся эта слава будетъ сосредоточиваться на одной главѣ Александра II: его рескрипты и полагаютъ теперь начало величайшему изъ внутреннихъ преобразованій, и опредѣляютъ постепенный ходъ этого преобразованія до самаго конца.

Изъ безчисленныхъ благихъ послѣдствій уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, мы теперь хотимъ разсмотрѣть краткимъ образомъ только одну экономическую сторону дѣла, оставляя до будущихъ статей разсмотрѣніе его въ историческомъ, юридическомъ, административномъ и государственномъ отношеніяхъ. Даже и экономическую сторону его мы не беремся изложить во всей ея полнотѣ; мы коснемся только нѣкоторыхъ изъ вопросовъ, ею возбуждаемыхъ, именно такихъ, которые подвергаются въ обществѣ многоразличнымъ толкамъ и рѣшеніе которыхъ въ пользу освобожденія объявляется сомнительнымъ отъ иныхъ людей, по странному заблужденію воображающихъ, что ихъ выгоды соединены съ сохраненіемъ крѣпостнаго права.

Прежде всего должны мы говорить здѣсь о мнѣніи, будто въ въ настоящей степени развитія русской жизни сохраненіе крѣпостнаго права могло бы быть выгоднымъ для сельскаго хозяйства, будто бы съ уничтоженіемъ обязательнаго труда должно уменьшиться количество пахотныхъ полей. Не удивительно было бы слышать подобныя слова отъ людей, думающихъ, что земной шаръ стоитъ неподвижно, а солнце обращается вкругъ него, или полагающихъ, что мы съ господствующимъ у насъ вкрѣпостнымъ правомъ богаче всѣхъ другихъ европейцевъ; но изумительно то, что къ стыду науки встрѣчаются люди, которые, повидимому, знакомы съ политической экономіею, а между тѣмъ имѣютъ рѣшимость говорить о

пользѣ крѣпостнаго права для земледѣлія. Между ними особеннымъ авторитетомъ пользуется Тенгоборскій. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли думалъ онъ о крѣпостномъ правѣ такъ, какъ писалъ; мы знаемъ только, что при изданіи его книги въ русскомъ переводѣ, переводчикъ къ сожалѣнію не разсудилъ, что честь науки требовала выбросить дурныя страницы, написанныя Тенгоборскимъ объ этомъ предметѣ, если нельзя было прибавить къ нимъ примѣчаній, которыми бы возстановилась искаженная авторомъ истина; мы можемъ теперь сдѣлать это.

„Многіе иностранцы и отечественные экономисты, говорятъ Тенгоборскій, приписываютъ почти исключительно нашей системѣ крѣпостнаго права нерадивость поселенина въ обработкѣ, какъ той земли, которую пашетъ онъ на помѣщика, такъ и той, которую пашетъ онъ на себя, и эту послѣднюю, говорятъ они, не считаетъ онъ своею собственностію. Прежде всего мы должны замѣтить здѣсь, что вообще ошибочно представляютъ себѣ мысли русскаго мужика о крѣпостномъ состояніи и соединенной съ нимъ зависимости, и что крѣпостный крестьянинъ вовсе не такъ равнодушенъ къ данной ему землѣ, какъ предполагаютъ. Каждый, близко знающій нашихъ крестьянъ, имѣлъ довольно случаевъ убѣдиться, что они считаютъ самихъ себя принадлежащими своимъ господамъ, но что въ то же время каждый изъ нихъ считаетъ ту землю, которую пашетъ на себя, своею собственностію, или скорѣе частью собственности своей общины, частью, выдѣленной ему по его праву на такой участокъ, и что, слѣдовательно, онъ не можетъ быть равнодушенъ къ этой землѣ. Если, не смотря на то, русскій крестьянинъ часто очень нерадиво обрабатываетъ свое поле, это надобно приписать скорѣе другимъ причинамъ, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить *). Крѣпостное право, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ и должно имѣть неблагоприятное вліяніе на земледѣліе, потому что обязательный трудъ всегда менѣе производительнъ, нежели свободный (не съ точки зрѣнія выгодъ владѣльца, потому что есть случаи, въ которыхъ при замѣнѣ обязательнаго труда наемнымъ не вознаградилось бы для собственника происшедшее отъ такой замѣны увеличеніе издержекъ производства), но съ общей точки зрѣнія на производительность труда въ создаваніи цѣнностей; потому что обязательный трудъ исполняется всегда болѣе или менѣе небрежно. отчего происходитъ потеря времени и производительныхъ силъ, и стало бытъ, уровень въ національномъ хозяйствѣ. Неоспорима также, что крѣпостныя повинности, когда онѣ слишкомъ обременительны, часто огничаютъ у крѣпостнаго мужика средства хорошо обрабатывать свою землю; но вліяніе этой причины на состояніе нашего земледѣлія не такъ громадно, какъ вообще думаютъ. Чтобы судить о степени вліянія крѣпостнаго права на наше сельское хозяйство, надобно сначала принять въ соображеніе числительное отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свободнымъ сельскимъ сословіемъ“.

Затѣмъ Тенгоборскій начинаетъ вычисленіе, результатомъ котораго оказываются слѣдующія цифры:

Число душъ
муж. пола.

Крѣпостныхъ крестьянъ разныхъ наименованій	11,683,200.
Свободныхъ сельскихъ	11,687,500.

Изъ этой таблицы Тенгоборскій дѣлаетъ такое заключеніе:

*) Эти причины, по мнѣнію Тенгоборскаго, общинное владѣніе и наклонность къ бродячей жизни.—О первомъ можно еще думать такъ и иначе, хотя и тутъ Тенгоборскій, по нашему мнѣнію, сильно ошибся. Но какая наивность въ экономистѣ толковать о наклонности къ бродячей жизни, будто рѣчь идетъ о какихъ-то поэтическихъ бедунахъ, а не о прозаическомъ русскомъ мужикѣ, у котораго есть поговорка: «отъ добра, добра не ищутъ», а другая поговорка: «на одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обрастаетъ», и который потому, когда у него нѣтъ времени сидѣть всѣмъ своимъ родомъ на одномъ мѣстѣ, если можно и съ мѣста.

„Сравнивая эти два итога, мы видимъ, что число крестьянъ, подверженныхъ обязательному труду, равно числу крестьянъ, свободно располагающихъ своимъ трудомъ, и если принять въ расчетъ, что у многихъ помѣщиковъ барщина замѣнена оброкомъ, то можно принять, что болѣе двухъ третей производительной земли воздѣлывается не по системѣ обязательнаго труда. Итакъ, онъ не можетъ нѣтъ на состояніе нашего земледѣнія такого общаго вліянія, какъ думаютъ.

„Какъ ни велики съ общей агрономической точки зрѣнія невыгоды обязательнаго труда, но въ настоящее время для значительной части Россіи онъ еще составляетъ необходимость нашего земледѣльческаго состоянія, потому что: 1) масса свободныхъ капиталовъ, которые надлежало бы обратить на земледѣліе для заведенія рациональнаго хозяйства съ наемнымъ трудомъ, не соответствуетъ безмѣрной обширности воздѣлываемыхъ земель; 2) во многихъ областяхъ цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не дала бы ренты, достаточной для покрытія издержекъ производства; 3) въ провинціяхъ, бѣдныхъ торговою промышленностію, имѣющихъ мало денегъ въ оборотѣ, мужику гораздо удобнѣе отправлять свою повинность трудомъ, нежели платить какую нибудь ренту наличными деньгами. Поэтому иногда поселеніе, находящееся на оброкѣ, не вѣе зажиточны, нежели ихъ сосѣди, отправляющіе барщину, и случается даже, что съ оброка они охотно возвращаются къ барщинѣ. Это замѣтилъ и Гакстгаузенъ при проѣздѣ черезъ Симбирскую губернію. Часто также замѣчаютъ, что мужики, переведенные съ барщины на оброкъ, начинаютъ пренебрегать обработкою своихъ полей и удаляются изъ дому, чтобы зарабатывать хлѣбъ менѣе труднымъ образомъ. Наоборотъ, есть области, въ которыхъ замѣчаются противоположныя слѣдствія замѣны барщины оброкомъ. Вездѣ, гдѣ работники легко находятъ себѣ наемную работу, какъ, напримѣръ, въ большей части губерній по Волгѣ, мужикамъ бываетъ выгодна такая замѣна; это и служитъ доказательствомъ тому, что подобныя перемены удаются только тамъ, гдѣ имъ благопріятствуютъ и, такъ сказать, указываютъ на нихъ мѣстные обстоятельства. Вообще появленіе желанія и потребности къ замѣнѣ барщины оброкомъ можетъ всегда считаться вѣрнымъ признакомъ успѣховъ благосостоянія и національнаго богатства.

Какую бы впрочемъ степень вліянія на дурное состояніе нашего земледѣлія мы должны были приписать безпристрастный изслѣдователь. съ одной стороны, барщинѣ, съ другой стороны причиняетъ, лежащимъ въ самомъ характерѣ нашего сельскаго населенія, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что въ большей части областей, имѣющихъ плодородную землю, удобный и правильный сбытъ сельскихъ продуктовъ и развитую до извѣстной высоты торговую и промышленную дѣятельность. — что во всѣхъ этихъ областяхъ, и у различныхъ классовъ свободныхъ земледѣльцевъ, и у крѣпостныхъ крестьянъ состоящихъ на оброкѣ, и у крѣпостныхъ крестьянъ еще находящихся на барщинѣ, мы находимъ порядочно обработанные поля, наполненные домашнимъ скотомъ дворы и такую степень благосостоянія, какая не часто встрѣчается во многихъ странахъ центральной Европы. Гакстгаузенъ видѣлъ тому много примѣровъ, которые и приводитъ въ своей книгѣ.

„Этотъ ученый изслѣдователь провелъ часть своей жизни въ изученіи земледѣльческихъ отношеній общинныхъ учреждений и состоянія земледѣльцевъ въ различныхъ странахъ, и на послѣдокъ особенно подробнымъ образомъ изслѣдовалъ нравы и общественный бытъ славянскихъ племенъ. Чрезвычайно уважая его вѣдѣнія, мы не можемъ не привести здѣсь его словъ въ подтвержденіе того, что сказали мы выше относительно обязательнаго труда.

„Высчитавъ, во сколько обошлась бы въ Россіи въ Ярославской губерніи обработка помѣстья извѣстной величины наемнымъ трудомъ и какъ велики были бы убытки на процентахъ оборотнаго капитала, который оставался бы празденъ въ продолженіе почти всего долгаго зимняго времени по отсутствію производительнаго занятія для людей, служащихъ на фермѣ, и для скота, употребляемаго на земледѣльческую работу, и сравнивъ эти издержки съ доходомъ отъ такой земли въ Россіи, во Франціи и въ Германіи *), Гакстгаузенъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

*) Этотъ расчетъ приведенъ въ нашей статьѣ о книгѣ Гакстгаузена: „Современники“ 1857 г. № 7, Критика.

„Если-бы комунибудь предлагали въ Ярославль подарить помѣстье подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ хозяйство въ такомъ же видѣ в по тому же порядку, какъ въ Западной Европѣ, то онъ долженъ бы, поблагодаривъ за такое предложеніе, рѣшительно отказаться отъ него: онъ не только не получилъ бы отъ такого хозяйства никакой выгоды, никакого чистаго дохода, но и оставался бы каждый годъ въ значительномъ убыткѣ.

„Изъ этого видно, что въ подобныхъ областяхъ владѣлецъ помѣстья не можетъ обрабатывать его ваевымъ трудомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не можетъ и оставить его. Земледѣліе тутъ не коммерческое предпріятіе, рассчитывающее на выгоду, во обязанность, возлагаемая желѣзною необходимостью (eine eiserne Nothwendigkeit).

„При настоящемъ положеніи дѣлъ я долженъ выразить слѣдующее мнѣніе о сельскомъ хозяйствѣ этихъ областей Россіи. Большія хозяйства могутъ здѣсь поддерживаться только двумя способами, именно: или посредствомъ барщины, такъ чтобы земледѣлецъ не обяванъ былъ самъ содержать своихъ работниковъ, содержать скота и другихъ превадлежаостей земледѣліи, иначе сказать, чтобы расходы обработки не лежали на немъ; или посредствомъ введенія такой системы хозяйства, связавшаго съ промышленными предпріятіями, которая доставила бы способъ съ выгодною пользоваться производительными силами, остающимися безъ земледѣльческаго занятія во время долгой зимы, пользоваться въ это время рабочими руками людей и силой домашняго скота. Обстоятельства, благопріятныя послѣднему устройству, встрѣчаются рѣдко.

„Существованіе извѣстнаго числа больницъ помѣстій я считаю для этихъ странъ совершенною необходимостію; потому что безъ нихъ нечего и думать объ успѣхахъ земледѣія, которые для Россіи гораздо нужнѣе, нежели до сихъ поръ думаютъ.

Итакъ, Россія имѣетъ нужду въ помѣщикахъ, которые жили бы въ селахъ, какъ имѣетъ нужду и въ классѣ людей, населяющихъ города; и земледѣліе не могло бы развиваться, если бы дворянство не владѣло помѣстьями и сельскохозяйственными заведеніями, дѣлающими для него выгоднымъ и необходимымъ жить въ деревнѣ. А если существованіе большихъ хозяйствъ необходимо для успѣховъ сельскаго хозяйства и національнаго благосостоянія, то само собою слѣдуетъ, что въ настоящую минуту крѣпостное право не можетъ быть еще отмѣнено; но оно можетъ быть подчинено болѣе точному порядку, введено въ болѣе нормальныя границы, ограждено законными условіями, которыми съ точностію опредѣлялись бы обязанности крестьянъ для удаленія злоупотребленій и произвола, именно такого цѣль указа 2 сентября 1842 года⁴. (Гакстгаузенъ томъ I, стр. 174 и слѣд.).

„Къ этимъ практическимъ и благоразумнымъ замѣчаніямъ (продолжаетъ Тенгоборскій) мы должны прибавить, что русскій мужикъ не подлежитъ, какъ нѣкогда подлежалъ французскій носелянинъ, безотчетному наложенію произвольныхъ податей и повинностей (*taillable et corvéable à volonté*), и что если онъ подвергается иногда несправедливымъ повинностямъ, то это можетъ случаться только по злоупотребленію и въ противность существующихъ законовъ. Указъ Императора Павла, данный въ 1797 году, опредѣлялъ тремя днями въ недѣлю высшую степень барщины и послѣдующіе законы постоянно стремились къ правильному опредѣленію всего относящагося до этой повинности.

„Нельзя также не видѣть, что время и нравственный прогрессъ оказываютъ постепенное и неоспоримое вліяніе на смягченіе суровости обязательнаго труда и производить все большіе и большіе добровольныхъ соглашеній, которыми мало-по-малу натуральныя повинности измѣняются въ личную ренту (*rente personnelle*, рента, лежащая не на землѣ, а на самомъ человѣкѣ, иначе сказать оброкъ), которая въ свою очередь можетъ еоременемъ обратиться въ поземельную ренту; послѣдняя замѣтна и начинается уже производится въ государственныхъ имуществax (Тенгборскій говоритъ о переложении податей съ душъ на землю). Но внимательно наблюдая чрезвычайно различныя послѣдствія этихъ отдѣльных случаевъ соглашенія, слѣдовательно, измѣняющіяся по различнымъ областямъ и мѣстностямъ, легко убѣдиться въ трудности достиженія общаго цѣли, которой нѣтъ бы въ виду систематически и по [неопредѣленному] [неопредѣленному] [неопредѣленному] крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ выдѣлу [неопредѣленному].“

другой мѣстности, могла бы имѣть самыя вредныя послѣдствія въ другой, и г. Гакстгаузенъ очень справедливо говоритъ, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи непременно должно быть рѣшаемо по мѣстнымъ условіямъ, а не однообразно по всей имперіи *).

„Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ земля неплодородна и неудобна для обработки, гдѣ ея произведеніе не покрываютъ потребностей земледѣльца, гдѣ онъ долженъ въ другихъ занятіяхъ искать вспомогательныхъ средствъ для своего пропитанія и уплаты повинностей, тамъ обращеніе барщины въ личную ренту столько же требуется выгодною крестьянина, какъ выгодною владѣльца; во эта замѣна можетъ быть выгодною тому и другому только въ гѣхъ мѣстахъ, гдѣ работнику легко найти себѣ занятія. Этими причинами вызываются и размножаются подобныя добровольныя соглашенія въ мѣстностяхъ, гдѣ мало пахотной земли, и гдѣ излишнія руки и излишнее время легко находятъ выгодныя себѣ занятія. Напротивъ, въ гѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пахотныхъ земель много, гдѣ почва плодородна, гдѣ жатва превышаетъ потребности населенія, гдѣ въ то же время есть удобный сбытъ для земледѣльческихъ произведеній, владѣльцу часто бываетъ выгодно обрабатывать свои поля барщиною, но зато въ этихъ мѣстахъ барщина не мѣшаетъ благосостоянію земледѣльцевъ, и когда она замѣняется оброкомъ, такая замѣна скорѣе бываетъ слѣдствіемъ взаимныхъ удобствъ, нежели мѣрою, необходимою требуемою мѣстными обстоятельствами. Потому чрезвычайно трудно закону регламентировать всѣ эти обстоятельства по общимъ принципамъ, заранѣе опредѣленнымъ.

„Независимо отъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для приведенія барщины въ правильныя границы, есть другія мѣры, могущія сдѣлать барщину трудомъ болѣе производительнымъ и въ то же время повинностью менѣе обременительною для крестьянъ, и зависящія всего болѣе отъ самихъ владѣльцевъ. Одна изъ этихъ мѣръ состояла бы въ замѣнѣ поденщины работою по урокамъ, такъ чтобы вспахать поле или выкосить лугъ извѣстной величины считалось за столько-то или столько-то дней барщины. Такимъ образомъ прилежный земледѣлецъ могъ бы скорѣе отправить свою повинность и имѣть больше времени для собственной работы. Это могло бы дѣлаться по полюбовному соглашенію, какъ теперь дѣлается соглашеніе между общиною и владѣльцемъ для замѣны барщины оброкомъ. Отдѣльные примѣры такого положенія уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и Гакстгаузенъ приводитъ одинъ такой случай, встрѣченный имъ въ помѣстьяхъ г. Бунина въ Тамбовской губерніи. Надобно желать, чтобы эти отдѣльные примѣры находили больше подражателей. Барщина, такимъ образомъ видоизмѣненная и сообразованная съ справедливою, была бы значительнымъ улучшеніемъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Но мы удерживаемся отъ сужденія о томъ, до какой степени повсемѣстна исполнимость такого измѣненія. Каковы бы ни были впрочемъ измѣненія, которымъ можетъ въ будущемъ подвергнуться, и безъ сомнѣнія подвергнется современемъ, система барщины, эти измѣненія будутъ имѣть только второстепенное вліяніе на состояніе нашего земледѣлія, пока не будутъ болѣе или менѣе измѣнены другія условія, въ которыхъ находится наше земледѣліе“ **).

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ разсужденій въ пользу обязательнаго труда, эти страницы Тенгоборскаго представляютъ самый разсудительный сводъ экономическихъ соображеній. Потому мы и выбираемъ этотъ отрывокъ, чтобы видѣть, до какой степени могутъ быть логичны и сообразны съ фактами подобныя соображенія.

„Многіе экономисты думаютъ, что крѣпостное право вредно для обработки полей“. — *Многіе!* — послѣ этого можно сказать, что *многіе* астрономы думаютъ, что земля обращается вокругъ солнца. Почему-жъ бы не сказать точнѣе: за исключеніемъ меня, автора книги *Études etc.* и Гакстгаузена, — *есть* экономисты.

„Нашъ крестьянинъ считаетъ поле, которое обрабатываетъ на себя, своею собственностью, или лучше сказать собственностью своей общины“. Правда, и

*) Die Leibeigenschaft und ihre Aufhebung oder Umwandlung müsste in Russland etets eine Local-Frage, keine allgemeine Staats eeln. (Гакстгаузенъ, примѣчаніе къ стр. 178, томъ I).

**) *Études sur les forces productives de la Russie.* 1854 г., I, стр. 325—339.

этотъ фактъ мы должны запомнить какъ можно тверже; но какой выводъ дѣлается изъ него Тенгоборскимъ? „потому нашъ мужикъ не можетъ дурно обрабатывать эту землю“. — Да развѣ мнѣшiemъ мужика отстраняются причины, препятствующія ему хорошо обрабатывать эту землю? Во-первыхъ, тутъ надобно исключить всѣхъ поселянъ, состоящихъ на оброкѣ: какъ извѣстно, оброкъ опредѣляется сообразно средствамъ мужиковъ заплатить его. Если деревня не можетъ выплачивать болѣе 20 рублей серебромъ оброку съ тягла, она и будетъ платить 20 руб.; но если является у мужиковъ хотя нѣсколько болѣе денегъ, вы увидите, что оброкъ не замедлитъ возвыситься; исключенія встрѣчаются, какъ извѣстно каждому, но встрѣчаются очень рѣдко. Какъ общее правило, надобно принять, что оброкъ при каждой смѣнѣ владѣльца возвышается, если только есть физическая возможность возвысить его. Каждому извѣстно, что часто возвышеніе оброка происходитъ, иногда по нѣскольку разъ, и при одномъ владѣльцѣ. И вотъ, изъ двухъ способовъ полученія доходовъ при крѣпостномъ правѣ, одинъ способъ, оброкъ, является уже совершенно прямо задерживающимъ старательность поселянина въ обработкѣ своего участка. Обрабатываетъ онъ его плохо и получаетъ съ него 10 четвертей хлѣба; онъ платитъ, положимъ, 20 руб. серебр. оброку. Начни онъ и другіе крестьяне той же деревни обрабатывать свои участки лучше, и пусть возвысится сборъ хлѣба до 15 четвертей съ участка, — всѣ крестьяне знаютъ, чю вслѣдъ за этимъ оброкъ не замедлитъ возвыситься до 30 и хорошо еще, если только до 30, а не до 40 рублей. Спрашивается теперь, можетъ ли эта перспектива возбуждать ихъ старательность, или скорѣе она повергаетъ ихъ въ апатію, заставляетъ обрабатывать поле какъ нибудь, лишь бы только прокормиться? Вѣдь имъ извѣстно, что какова бы ни была ихъ старательность, въ результатѣ за уплатою оброка останется имъ на долю одно и то же.

Но если оброкъ и дѣйствуетъ прямѣе, очевиднѣе, то все-таки его дѣйствіе не такъ сильно, какъ вліяніе барщины. Тенгоборскій, заимствовавшій всѣ свои свѣдѣнія о сельскомъ бытѣ нашемъ исключительно изъ книги Гакстгаузена, могъ не знать, какимъ образомъ примѣняется въ дѣлу обычай, утвержденный закономъ, о трехдневной барщинѣ. Есть помѣстья, въ которыхъ исполняется онъ по точному своему смыслу, т. е., напримѣръ, три первые дня недѣли берутся крестьяне на барщину, а послѣдшіе три дня оставляются крестьянамъ на свою работу, или своя и барская работа идетъ черезъ день. Но рѣдки случаи, въ которыхъ бы этотъ порядокъ сохранялся неуклонно. Большею частію онъ измѣняется по одному изъ трехъ слѣдующихъ способовъ. Первый способъ: назначеніе того, въ какой день крестьяне отпускаются на свою работу, опредѣляется соображеніями распорядителя господскихъ работъ; напримѣръ, въ понедѣльникъ крестьянамъ слѣдовало бы по очереди дней идти на барскій сѣнокосъ, но помѣщикъ, или управляющій, видитъ, что погода неблагопріятна для сѣнокоса, и потому отпускаетъ крестьянъ въ этотъ день на ихъ работу, а потомъ въ зачетъ этого дня назначить барщину въ четвергъ, или въ субботу, когда погода будетъ хороша. То же бываетъ и во время пашины. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ выпалъ дождь, — и вотъ назначается въ этотъ день барщина, хотя бы по очереди дней приходилось и не такъ. Очевидно, что такой порядокъ, нарушающій правильность работъ на вѣстѣянскихъ поляхъ, отнимая у крестьянъ предметъ ихъ работъ, — предметъ ихъ распоряженія для своихъ работъ, — не можетъ, конечно, во время, не

может не имѣть вліянія какъ на обработку крестьянскихъ полей, такъ я на самый характеръ работниковъ. Но еще произвольнѣе и неблагопріятнѣе второй способъ, если не ошибаемся, самый употребительный, по которому принимается за правило, что деревня должна сначала окончить господскую работу сплошною барщиною безъ очереди дней, и потомъ ужъ отпускается обрабатывать свои поля. Соотвѣтственность обычаю, опредѣляющему число дней барщины равныиъ числу дней работы крестьянъ на собственныхъ поляхъ, полагается при такомъ порядкѣ въ томъ, что крестьянскимъ полямъ дается приблизительно такой же размѣръ, какой имѣютъ господскія поля. Очевидно, что невыгоды, чувствительныя въ первомъ способѣ, развиваются здѣсь еще сильнѣе: вообще говоря, и при запашкѣ, и при сѣновосѣ, и при жатвѣ все наиболѣе благопріятное время занято обработкою господскихъ полей, а для крестьянскихъ остается уже наименѣе выгодное время: на этихъ послѣднихъ при такомъ порядкѣ всѣ работы производятся спустя пору: пашня и посѣвъ дѣлаются поздно, и чаще всего при дурныхъ условіяхъ погоды, когда земля уже слишкомъ много утратила соковъ со времени таянія снѣговъ, а поря весеннихъ дождей обыкновенно уже прошла; уборка хлѣба на крестьянскихъ поляхъ дѣлается очень часто тогда, когда хлѣбъ уже перезрѣлъ и много зерна уже осыпалось изъ колоса на корню; очень часто подоспѣваютъ въ этому осеніе дожди, и хлѣбъ на запоздавшихъ поляхъ поляжетъ отъ нихъ на корню. Къ этимъ неудобствамъ присоединяется неизбѣжно еще та невыгода, что крестьяне приступаютъ къ обработкѣ своихъ полей уже не съ свѣжими силами, а утомленные предыдущею работою, и рабочій скотъ ихъ бываетъ также уже истомленъ. Обѣ эти невыгоды неизбѣжны и постоянны. Но часто присоединяется въ нимъ еще то обстоятельство, что размѣръ господскихъ полей превышаетъ ту норму, которая соотвѣтствовала бы тремъ днямъ барщины. Надобно при томъ сказать, что часто первый способъ соединяется съ вторымъ, т. е. при обработкѣ господскихъ полей раньше крестьянскихъ, дни дурной погоды передаются изъ барщинной въ собственную работу крестьянъ. Нельзя забыть и того, что трехдневная норма, поставленная обычаемъ, не всегда соблюдается: размѣръ господскихъ полей зависитъ отъ расчетовъ землевладѣльца и достигаетъ иногда такого объема, что требуетъ четырехъ и даже болѣе дней въ недѣлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть третій способъ отпращиванія барщины: крестьянскія тягла распредѣляются по хозяйствамъ такъ, чтобы въ каждомъ хозяйствѣ было четное число работниковъ, именно: два или четыре. Если въ семьѣ только одинъ работникъ, къ этой семьѣ въ домъ поселяютъ семью батраковъ, имѣющую также одного работника. Тогда изъ двухъ работниковъ одинъ (обыкновенно хозяинъ) все время остается работать на своемъ полѣ, а другой (обыкновенно батракъ, или младшій родственникъ) все рабочее время безсмысленно отправляетъ барщину. Очевидно, что этотъ способъ имѣетъ новыя стороны невыгоднаго вліянія на характеръ работы: крестьянинъ, постоянно отправляющій барщину, безъ сомнѣнія привыкаетъ къ небрежному, сонному труду; черезъ такую школу проходитъ почти каждый крестьянинъ, прежде, чѣмъ сдѣлается главою семьи, и проходитъ онъ эту школу нерадивости именно въ тѣхъ лѣтахъ молодости, когда формируется характеръ человѣка и приобрѣтаются привычки на цѣлую жизнь.

Таковы-то способы исполненія барщины, раздѣляющіе между собою почти все количество крѣпостныхъ крестьянъ, состоящихъ на барщинѣ. Кто знаетъ ихъ,

тотъ не можетъ сомнѣваться, подобно Тенгоборскому, въ томъ, велика ли степени невыгоднаго вліянія барщины на обработку даже тѣхъ полей, которыя предоставлены крестьянамъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что обязательный трудъ вообще чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на трудолюбіе и энергію, на образованіе привычекъ къ бережливости временемъ и средствами. У каждаго экономиста можно найти превосходные, проникнутыя благороднымъ жаромъ страницы объ этой общей чертѣ обязательнаго труда; мы хотимъ обратить вниманіе читателя на то, что способами пользованія обязательнымъ трудомъ, у насъ господствующими, еще въ значительной степени увеличиваются тѣ невыгоды, которыя уже лежатъ въ санѣ его натурѣ.

Внимательный читатель, конечно, чрезвычайно дивится тому странному направленію, какое принято нашимъ разсужденіемъ о невыгодахъ обязательнаго труда въ обработкѣ полей. „Говоря, что такой трудъ не производителенъ, каждый разсудительный человѣкъ думаетъ преимущественно о тѣхъ работахъ, которыя совершаются этимъ трудомъ, то есть, о работахъ на господскомъ полѣ (готовъ намъ замѣтить читатель); по какому же нелѣпому уклоненію отъ здраваго смысла разсуждаете вы о его вліяніи на крестьянскія поля, когда дѣлать должно идти о его вліяніи на господскія поля? Вы совершенно сбились съ дороги“. — Да, дѣйствительно мы совершенно сбились съ дороги, пошедши вслѣдъ за нашимъ авторомъ; это онъ разсудилъ придать такой оборотъ вопросу: ловкость изумительная и свѣлось еще болѣе изумительная! — онъ долженъ опровергнуть мнѣшіе всѣхъ безъ исключенія экономистовъ, что барщина — работа самая непроизводительная, — и опровергаетъ онъ эту мысль чѣмъ же? тѣмъ, что на своихъ поляхъ крѣпостный крестьянинъ работаетъ усердно. Ему говорятъ: человѣкъ плохо исполняетъ обязательный трудъ, онъ возражаетъ: „обязательный трудъ не такъ плохъ, какъ вы думаете, потому что свободный трудъ на собственныхъ поляхъ исполняется крестьяниномъ не дурно, стало быть ваша мысль, будто онъ трудится плохо, совершенно неосновательна“. Такая отважная софистика невѣроятна, однако же дѣйствительно въ ней отваживается прибѣгать нашъ авторъ. Пусть припомнитъ читатель его слова: въ нихъ мало рѣчи о господскихъ поляхъ, онъ все возраженіе противъ обязательнаго труда сворачиваетъ на крестьянское поле. „Мы должны замѣтить, что ошибаются, думая, что будто крестьянинъ равнодушенъ къ своему участку. Люди, знающіе нашего крестьянина, знаютъ, что онъ очень дорожитъ своимъ участкомъ и любитъ его и старается воздѣлывать какъ можно лучше, а если иногда воздѣлываетъ плохо, такъ не отъ того, о чемъ вы говорите, а развѣ отъ другихъ какихъ причинъ“. Послѣ такого поворота говорите, если хотите, о добросовѣстности, объ учености и тому подобномъ, мы дивимся только отважности, съ какою тутъ предполагается, что читатель — тупоумный простакъ, провести котораго можно самымъ грубымъ обманомъ.

Но для насъ очень пріятенъ тотъ оборотъ, по мнѣшю автора очень искусный, которымъ онъ думалъ увернуться отъ мысли о невыгодности обязательнаго труда. Этотъ оборотъ заставилъ насъ вникнуть въ ту сторону сельскаго быта, которая на первый взглядъ представляется не подверженной дѣйствіямъ обязательнаго труда. Мы разсмотрѣли, имѣетъ ли крестьянинъ работу, которую онъ совершаетъ, подлежащую также обязательному труду, и

но и очень вредно; такимъ образомъ обнаружилось, что даже тотъ уголокъ, въ которомъ вздумалъ укрыться защитникъ обязательнаго труда, не даетъ ему ни малѣйшей защиты, и хитрый оборотъ адвоката неправды послужилъ только къ тому, что вредное дѣйствіе неправды раскрылось въ болѣешихъ объемахъ, нежели какъ представлялось бы съ перваго взгляда; сверхъ того, отъ хитрости, придуманной нашимъ авторомъ, мы получаемъ то преимущество, что она служитъ для насъ признаніемъ съ его стороны невозможности отвергать то вредное вліяніе барщины, которое обыкновенно указывается политическою экономію. Онъ не отваживается и говорить о томъ, производительна ли обработка господскихъ полей обязательнымъ трудомъ, — значить, онъ самъ признаетъ эту невыгоду, и намъ уже не для чего много распространяться объ этомъ; скажемъ только два, три слова.

Помѣстья Замоискихъ, по освобожденіи крестьянъ на нихъ, стали приносить въ три раза болѣе дохода.

Графъ Бернсдорфъ, великій датскій министръ, желая показать датскимъ помѣщикамъ невыгоды обязательнаго труда, приводилъ имъ въ примѣръ свои собственные помѣстья, въ которыхъ онъ освободилъ крестьянъ; и дѣйствительно, пока его поля обрабатывались барщиною, средній урожай ржи на нихъ бывалъ самъ 3, а овса самъ $2\frac{1}{2}$, а когда онъ сталъ обрабатывать ихъ по найму, урожай ржи возвысился до самъ $8\frac{1}{2}$, а урожай овса до самъ 8.

Датскихъ помѣщиковъ останавливало то, что освобожденіе крестьянъ на первый разъ стоило нѣкоторыхъ пожертвованій, но Бернсдорфъ могъ доказать незначительность этихъ пожертвованій своими прихода-расходными книгами. Освобождая крестьянъ, онъ терялъ сто тысячъ талеровъ капитала; за то доходы съ его помѣстья быстро стали возрастать въ пропорціи еще гораздо болѣе, нежели какая видна изъ сравненія урожаевъ. Помѣстье съ обязательнымъ трудомъ давало ему три тысячи талеровъ, черезъ 24 года онъ, при свободномъ трудѣ, получалъ съ этого помѣстья двадцать семь тысячъ талеровъ; стало быть, если его земли вмѣстѣ съ крѣпостными работниками могли быть проданными за полтора ста тысячъ талеровъ, то теперь, по освобожденіи работниковъ, эти земли стоили въ девять разъ болѣе или 1,350,000 талеровъ, — выигрышъ, кажется, достаточно вознаграждающій за видимую потерю ста тысячъ талеровъ при освобожденіи. Такихъ примѣровъ представляются тысячи всѣми странами, гдѣ совершалось освобожденіе крестьянъ. Повсюду неизмѣнно оно было соединено съ быстрымъ возвышеніемъ доходовъ помѣщика, освободившаго крестьянъ. Да и можетъ ли быть иначе? — нужно только вспомнить, въ какой именно пропорціи наемный трудъ производительнѣе обязательнаго. Негры въ одну послѣдовательную половину дня успѣваютъ сдѣлать столько же, когда работаютъ на себя, сколько въ цѣлый день на барщинной работѣ. Такова разница между свободнымъ и обязательнымъ трудомъ даже того чемовѣка, энергія котораго подавлена и силы котораго истощены обязательнымъ трудомъ. Но еще значительнѣе становится она, когда человѣкъ успѣетъ отвыкнуть отъ апатіи, свойственной крѣпостному состоянію. Наемный трудъ такого человѣка производитъ въ день слишкомъ въ три раза больше, нежели день барщины крѣпостнаго работника *).

*) *Principes d'Economie Politique*, par Roscher, traduits par M. Wolowski. Paris. 1857. vol. 1, p. 157—159.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести также нѣсколько примѣровъ изъ множества фактовъ, представляемыхъ превосходнымъ „Статистическимъ описаніемъ Кіевской губерніи“, которое составлено покойнымъ Журавскимъ и издано г. Фундуклеемъ. Мы употребили слово: „удовольствіе“, и дѣйствительно, трудно иначе называть чувство, производимое длиннымъ рядомъ фактовъ, неразумность которыхъ доходитъ до поразительнаго комизма, фактовъ въ родѣ слѣдующаго. Въ помѣстьи, имѣвшемъ около 250 взрослыхъ работниковъ, отправлявшихъ барщину, все число барщинныхъ дней простиралось до 45 тысячъ въ годъ; изъ нихъ на полевныя работы употреблено менѣе 12 тысячъ дней, т. е. около четвертой части всего труда. На что же были потрачены три четверти рабочихъ дней? Нѣкоторое количество изъ нихъ было употреблено на работы производительныя, а другіе дни разошлись въ родѣ слѣдующихъ: 1900 дней потрачено на господскій садъ и огородъ. Этотъ садъ и огородъ доставляли фруктовъ и овощей столько, что иногда было ихъ достаточно для господскаго стола, а иногда и не достаточно (навѣрное, на фрукты и овощи господскому столу, если бы они производились наемною работою, или покупались, не было бы употреблено и той суммы, какой стоятъ хотя 500 рабочихъ дней; а тутъ при 1900 дняхъ нужно было еще прикупать). На починку печей и бѣленіе комнатъ и т. п. въ господскомъ домѣ употреблено 950 рабочихъ дней; на выдѣлку холста, кожъ, сапоговъ для господской экономіи употреблено дворовыми людьми и крестьянами слишкомъ 11 тысячъ рабочихъ дней и все-таки не выдѣлано было столько кожъ и холста, чтобы обуть и одѣть, — нужно было много прикупать. Итакъ, почти столько же, сколько на все хлѣбопашество, потрачено было рабочихъ силъ на производство платья для дворовыхъ людей, да и того оказалось мало. Превосходны также факты такого рода: была при господскомъ хозяйствѣ молотильная машина; работа ея заняла около 5800 дней и обмолочено въ эти дни около 4200 копенъ хлѣба, такъ что результатъ рабочаго дня при этой машинѣ давалъ менѣе, нежели три четверти копны обмолоченнаго хлѣба, а надобно замѣтить, что машина приводилась въ движеніе лошадьми, работу которыхъ мы уже не кладемъ въ счетъ. Но въ томъ же хозяйствѣ, просто цѣпомъ, мужикъ обмолачиваетъ болѣе копны хлѣба, и стало быть выходить, что при помощи машины работа производилась гораздо медленнѣе, нежели безъ помощи машины. Не много нужно думать о такихъ цифрахъ, чтобы прійти къ слѣдующему заключенію: три четверти рабочихъ силъ барщины тратились въ этомъ хозяйствѣ совершенно понапрасну, не принося владельцу ровно никакого дохода, а часто обращаясь ему въ прямой убытокъ, который приходилось покрывать ему вычетомъ изъ доходовъ, доставлявшихся ему остальною четвертою частью барщины. Такихъ фактовъ въ „Описаніи Кіевской губерніи“ сотни и тысячи. Но, можетъ быть, въ томъ хозяйствѣ, распредѣленіе барщины котораго мы видѣли, и другихъ подобныхъ ему хозяйствахъ, экономія была плохо устроена? — вовсе нѣтъ, это хозяйство было еще изъ самыхъ лучшихъ. Сводя цифры о всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Кіевской губерніи, Журавскій приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: соображал пространство господскихъ полей съ уроками, которые отрабатываются въ одинъ день, Журавскій находить, что для полной обработки господскихъ полей, вмѣстѣ съ уборкою сѣнокосовъ, требовалось бы въ Кіевской губерніи 17,500,000 рабочихъ дней; между тѣмъ число всѣхъ дней, отбываемыхъ барщиною въ Кіевской губерніи, простирается до

65,000,000; такимъ образомъ три четверти барщины растрачиваются такъ себѣ, то туда то сюда; не считая даже вовсе зимнихъ дней, все-таки выходить, что и изъ лѣтнихъ дней половина растрачивается самымъ непроеводительнымъ образомъ *).

Теперь читатель не будетъ удивляться слѣдующему расчисленію, основныя цифры котораго мы также заимствуемъ у Журавскаго. Журавеній опредѣляетъ наемную цѣну, какую имѣть въ разныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи лѣтомъ и зимою день работы пѣшаго мужика, мужика съ лошадыю, и женщины; по этимъ вычисленіямъ онъ перелагаетъ на деньги всю цѣнность 65 миліоновъ дней барщины, и оказывается, что вся цѣнность работъ, исправляемыхъ барщиною, доходить до 7,232,350 рублей серебр. Каковы же теперь всѣ доходы помѣщиковъ Кіевской губерніи? Каждый производительный трудъ даетъ въ продуктѣ избытокъ противъ того, во сколько обошлось производство. Напримѣръ, фабрикантъ употребляетъ 100,000 рублей на жалованье рабочимъ, на покупку матеріаловъ, на ремонтъ фабрики, на уплату процентовъ съ основнаго капитала, и проч.; а продуктовъ своей фабрики продаетъ онъ на 120,000 тысячъ и болѣе. Если бы обязательный трудъ былъ производителенъ, очевидно, что помѣщики Кіевской губерніи получали бы гораздо болѣе этой суммы, какой стоитъ барщина. Сколько именно получали бы они, трудно сказать, но легко опредѣлить наименьшую величину, ниже которой никакъ не могли бы спускаться ихъ доходы. Барщина замѣняетъ только наемную плату работникамъ. Наемная плата работникамъ въ земледѣліи никакъ не можетъ составлять болѣе половины всего оборотнаго капитала, а по настоящему надобно полагать ее гораздо меньше **). Но если положить этотъ расходъ равняющимся цѣлой половиной издержекъ производства, мы все-таки получимъ сумму въ 14,500,000 руб. сер.,—это издержки производства; но производство должно же давать какой нибудь чистый доходъ; положимъ его хотя только въ 10% и ин получимъ 1,450,000 руб. сер. Такимъ образомъ составляетъ сумма въ 16,000,000 руб. сер., и мы видимъ, что доходы помѣщиковъ Кіевской губерніи должны были бы простирались по крайней мѣрѣ до этой суммы даже тогда, когда бы расходъ на работниковъ можно было считать вполнину издержекъ производства. Если же считать его только въ третью часть издержекъ, что гораздо ближе къ истинѣ, то надобно ожидать дохода въ 24,000,000 руб. сер. Но вспомнимъ, что работники трудятся не по найму, а обязательно, и мы уже можемъ ожидать, что доходы помѣщиковъ далеко не достигаютъ этой цифры 16,000,000 руб. сер., которая при наемномъ трудѣ была бы слишкомъ низка. Какъ же велики они въ дѣйствительности? Быть можетъ, 12, быть можетъ 10 миліоновъ? Нѣтъ, по вычисленію Журавскаго, всѣ доходы помѣщиковъ Кіевской губерніи не простираются выше 7,123,380 руб. сер., — то есть, они даже меньше той суммы, которой стоитъ одна рабочая сила барщины..

*) Статистическое описаніе Кіевской губерніи. Часть II, стр. 220 и слѣд. и 372 и слѣд.

**) При урожаѣ самъ 5, одна цѣнность посѣва составляетъ уже 20 процентовъ оборотнаго капитала. Ренту земли, конечно, слишкомъ низко будетъ оцѣнить въ одну четверть налоговаго дохода, который долженъ быть болѣе издержекъ производства, и потому въ издержкахъ производства рента составляетъ болѣе значительную часть, нежели въ немъ. Но положимъ, что она будетъ составлять только одну четверть издержекъ производства. Вотъ цѣна посѣва и рента составляютъ уже 45% издержекъ производства. Прибавимъ расходъ на управленіе, и мы получимъ уже гораздо болѣе 50% и на жалованье рабочимъ останется менѣе 50%. Совершенно близко къ истинѣ было бы сказать, что это жалованье составляетъ въ земледѣліи отъ одной четвертой до одной третьей части издержекъ производства.

Чтобы понять всю экономическую несообразность такого порядка дѣлать, представимъ себѣ, напримѣръ, что существовала бы хлопчатобумажная фабрика, которая на одно жалованье рабочимъ расходовала бы 10,000 руб. сер., а доходовъ отъ продажи своихъ продуктовъ получала бы 9,500 руб. сер.; вспомнимъ, что фабрикантъ долженъ считать проценты съ основнаго капитала, представляемаго здѣшней фабрикой и машинами, долженъ ежегодно покупать болѣе чѣмъ на 10,000 руб. сер. хлопка, — и мы поймемъ, что его фабрика представляетъ изумительно неразумное явленіе, что ея существованіе противно всякому экономическому разсчету, что кромѣ раззоренія всѣхъ участвующихъ въ дѣлахъ этой фабрики, ничего нельзя ждать отъ нея. Каждый здравомыслящій человѣкъ изъ любви къ самому фабриканту долженъ посоветовать ему измѣнить странный порядокъ дѣлать, существующій на его фабрикѣ.

Точно таково положеніе помѣщиковъ. Одной рабочей силы употребляется ими, напримѣръ, въ Киевской губерніи на 7,230,000 р. с., а всего дохода получается только 7,130,000 руб. сер. *).

Но мы еще далеки отъ истины, полагая, что весь доходъ помѣщиковъ Киевской губерніи происходитъ отъ обязательнаго труда. Если бы вся сумма 7,123,000 р. с. возникала изъ работы, стоящей 7,232,000, это было бы уже чрезвычайно неразумно; что же надобно будетъ сказать, когда сообразимъ, что около половины помѣщичьихъ доходовъ въ Киевской губерніи должны считаться не плодомъ барщины **, а доходами съ различныхъ капиталовъ, кромѣ поземельнаго капитала? Потому доходъ, доставляемый барщиною, слѣдуетъ считать не болѣе какъ въ 4,000,000 р. с., и въ результатъ окажется, что всѣ продукты, доставляемые барщиною, едва равняются 6% стоимости самой барщины, и параллель съ фабрикою, представленная нами выше, измѣнится такимъ образомъ:

Есть фабрикантъ, который, кромѣ того, что употребляетъ ежегодно болѣе 10,000 р. на покупку сырыхъ матеріаловъ и ремонтъ, одной рабочей силы расходуетъ на 10,000 р., а всѣхъ продуктовъ своей фабрики продаетъ только на 6,000 р., — спрашивается, разумно ли идетъ его фабрика?

Но чѣмъ поправить ему свои дѣла? — Очевидно, откуда весь недочетъ: работа на его фабрикѣ плоха и ему должно измѣнить порядокъ этой работы, если онъ не хочетъ съ каждымъ годомъ раззораться все больше и больше. Иначе ему никакъ не избѣжать банкротства.

Этотъ выводъ неоспоримо слѣдуетъ изъ фактовъ, подробно излагаемыхъ Журавскимъ. Люди, незнающіе сельскаго хозяйства въ Киевской губерніи, могутъ пожалуй подумать, что въ другихъ губерніяхъ дѣла могутъ идти лучше, что по-

*) Описаніе Киевской губерніи. Часть II, стр. 230 и 378.

**) Пропиная и лѣсная продажа даютъ 1,250,000 р. с., торковское овцеводство, фабричная промышленность и винокуреніе даютъ болѣе 1,300,000 р. с., изъ нихъ по крайней мѣрѣ половину, т. е. 650,000, надобно считать доходомъ основнаго и оборотнаго капитала; изъ дохода, доставляемаго хлѣбопашествомъ и свекловичною (3,800,000) по крайней мѣрѣ одну пятую часть надобно считать слѣдствіемъ работы реманпашетнаго скота, господскихъ машинъ и т. п.: это даетъ около 750,000; вотъ у насъ уже насчитано 2,650,000 р. с. дохода, возникающаго не отъ барщинной работы. Прибавивъ къ этой цифрѣ различныя мелкія отрасли доходовъ, исчислять которыя было бы здѣсь слишкомъ длинно и которыя легко отыщеть внимательный читатель въ изслѣдованіяхъ Журавскаго, мы получимъ тотъ выводъ, что изъ 7,123,000 р. с. общаго дохода, по крайней мѣрѣ 3,000,000, а вѣроятно и болѣе, даются помѣщикамъ Киевской губерніи не обязательнымъ трудомъ. — Въ сплѣтъ объ описаніи Киевской губерніи («Соврем.» 1856, № 9) этотъ вычетъ даетъ меньшую цифру, но тамъ онъ очень не полонъ.

рядокъ помѣщичьяго хозяйства въ Киевской губерніи хуже, нежели въ великорусскихъ. Напротивъ, въ ней онъ гораздо лучше. Отчетность по хозяйству ведется съ такою точностію, какая совершенно неизвѣстна великорусскимъ помѣщикамъ: экономіи въ употребленіи рабочихъ силъ несравненно больше, небрежной растраты ихъ гораздо меньше въ Киевской губерніи, нежели въ Великой Россіи, и выводъ, представляемый вслѣдовавшемъ Журавскаго для Киевской губерніи, еще съ гораздо большею силою прилагается къ Великой Россіи, которую мы имѣемъ преимущественно въ виду въ этой статьѣ.

Раззореніе для самихъ помѣщиковъ, вотъ очевиднѣйшее слѣдствіе обязательнаго труда. Отчеты кредитныхъ учреждений о количествѣ заложенныхъ имѣній и публикаціи о продажѣ этихъ имѣній за неуплату долга, къ сожалѣнію, слишкомъ громко свидѣтельствуютъ о томъ, какъ подтверждается эта научная истина фактами нашей жизни. Недавно ученый, котораго мы не хотимъ называть по имени, вздумалъ было доказывать, что помѣстья наши не такъ обременены долгами, какъ всѣ мы знаемъ, — единодушная горькая улыбка всѣхъ читателей была отвѣтомъ на такую розовую шутку. Помѣщикъ, имѣніе котораго не заложено, представляется у насъ довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Точныя свѣдѣнія о количествѣ всѣхъ долговъ, лежащихъ у насъ на дворянскихъ имѣніяхъ, не собраны, но достоверно то, что съ каждымъ годомъ тяжесть этихъ долговъ возрастала и что въ настоящее время изъ всѣхъ имѣній въ Европѣ наиболѣе обременены долгами русскія помѣстья. Тутъ можно говорить о расточительной жизни, о пренебреженіи къ собственнымъ дѣламъ; но во-первыхъ, всѣ эти и т. п. второстепенныя причины недостаточны для накопленія долговъ, столь всеобщихъ и столь громадныхъ; во-вторыхъ, и расточительность и пренебреженіе къ дѣламъ возникаютъ главнымъ образомъ изъ того основнаго зла, которому нынѣ полагается предѣлъ. Можетъ ли экономически вести свои расходы тотъ, доходы котораго получаются способомъ противнымъ экономическому разсчету? Можетъ ли съ усердіемъ заниматься своими дѣлами тотъ, кому представляется, что источникъ его доходовъ, обязательный трудъ, остается неизсякаемъ и безъ всякой заботы съ его стороны?

Потому намъ кажется, что обязательный трудъ раззорителенъ не только для крестьянъ, но и для самихъ помѣщиковъ; потому-то и не можемъ согласиться мы съ словами Тенгоборскаго, что обязательный трудъ, хотя всегда невыгоденъ для государственнаго хозяйства, но бываетъ иногда выгоденъ для помѣщика. Нѣтъ, онъ всегда невыгоденъ и для него. Ниже мы подробно разсмотримъ основаніе, на которомъ опирается мнѣніе Тенгоборскаго, мнѣніе, что издержки землевладѣльца на наемную плату, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, не вознаграждаются продажей продуктовъ; теперь замѣтимъ только, что тогда и увеличится количество и возвысится цѣна хлѣба, получаемаго помѣщикомъ съ своихъ полей, и перейдемъ къ слѣдующимъ мыслямъ Тенгоборскаго.

Онъ самъ чувствуетъ, что нельзя сомнѣваться въ невыгодности обязательнаго труда, и потому старается доказать, что масса полей, воздѣлываемыхъ этимъ трудомъ, не такъ велика, чтобы могла имѣть преобладающее вліяніе на дурное состояніе нашего сельскаго хозяйства.

Съ этой цѣлью прежде всего разсчитываетъ онъ, каково отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ числу всего сельскаго населенія. Противъ этого счета замѣтимъ, что напрасно вносить онъ въ число крестьянъ, подлежащихъ крѣпостной

работъ, 816,000 крестьянъ разныхъ наименованій, означенныхъ въ таблицѣ Кеппена нумерами 5 и 6. Исправивъ эту ошибку, мы увидимъ, что количество крестьянъ, подлежащихъ обязательному труду, почти на 2,000,000 душъ мужского пола больше числа свободныхъ крестьянъ. Но если даже принять и его расчетъ, по которому та и другая цифры почти равны, все-таки надобно сказать, что работа цѣлой половины крестьянъ, подлежащая крѣпостному праву, представляетъ уже массу труда, съ избыткомъ достаточную для подчиненія всего народнаго хозяйства, какой принадлежитъ обязательному труду.

Въ тѣхъ южныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза, гдѣ существуетъ невольничество, весь характеръ и общественнаго быта и національнаго хозяйства опредѣляется трудомъ негровъ; а между тѣмъ число невольниковъ въ этихъ штатахъ далеко не достигаетъ цифры блага населенія въ тѣхъ же штатахъ. Мы возьмемъ только тѣ штаты, въ которыхъ всего болѣе невольниковъ, именно: Виргинію, Сѣверную и Южную Каролины, Георгію, Флориду, Алабаму, Миссиссипи, Луизиану, Техасъ, Арканзасъ, Теннесси, Кентукки и Миссури. Въ этихъ тринадцати штатахъ число невольниковъ простирается до 3,075,000, а число блага населенія болѣе, нежели до 5,400,000. Мы видимъ, что даже въ этихъ штатахъ, имѣющихъ исключительно невольнической характеръ въ своемъ производствѣ, число свободныхъ почти вдвое превышаетъ цифру невольниковъ; и однако же этой одной третьей части населенія, подлежащей принужденному труду, уже достаточно для уничтоженія въ народномъ бытѣ и трудѣ всякаго элемента, имѣющаго характеръ свободнаго труда *). Если примѣсь третьей части обязательнаго труда къ двумъ третямъ свободнаго оказываетъ такое громадное вліяніе, что же сказать о томъ, когда цѣлая половина работниковъ подлежитъ обязательному труду?

Но Тенгоборскій не останавливается на томъ, что неправильнымъ счетомъ уравниваетъ число крѣпостныхъ крестьянъ съ числомъ свободныхъ, хотя ему самому извѣстно, что первое больше. Онъ идетъ далѣе и рѣшается утверждать, что такъ какъ „во многихъ понѣстьяхъ барщина замѣнена оброкомъ, то надобно принять, что двѣ трети воздѣлываемыхъ земель обрабатываются крестьянами, не отправляющими обязательнаго труда“. Эта смѣлость очень замѣчательна; во-первыхъ, Тенгоборскій не приводитъ точныхъ свѣдѣній о числѣ крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, и, пользуясь этимъ, онъ отважно предлагаетъ число ихъ гораздо больше, нежели каково оно должно быть въ дѣйствительности: онъ считаетъ ихъ, какъ видимъ, до 4,000,000 **); но едва ли можно считать ихъ и 2,000,000; во-вторыхъ, если-бы даже число оброчныхъ и доходило до 4,000,000, изъ этого еще не слѣдовало бы, что двѣ трети земли населены крестьянами, не отправляющими барщины: на оброкъ отпускаются крестьяне преимущественно въ понѣстьяхъ

*) Если бы мы, слѣдуя примѣру всѣхъ статистиковъ, причислили къ этимъ штатамъ Мерилендъ, Делаваръ и т. д., то оказалось бы, что въ невольническихъ штатахъ число негровъ едва превышаетъ четвертую часть всего населенія, и мы могли бы сказать совершенно справедливо, что для сообщенія всему быту и производству страны того характера, какой свойственъ обязательному труду, достаточно уже и того, когда хотя четвертая часть работниковъ подлежитъ обязательному труду. Но мы, предупреждая даже малѣйшія притязанія противниковъ, ввели въ счетъ только тѣ штаты, въ которыхъ цифры наименѣе благоприятны нашимъ выводамъ: даже и эти цифра уже съ избыткомъ подтверждаютъ нашъ выводъ.

**) Эта цифра необходима, чтобы состоящихъ на барщинѣ осталась одна треть въ всего числа поселенъ.

малоземельныхъ, а у государственныхъ крестьянъ земля вдвое и втрое меньше, нежели у помѣщиковъ по числу душъ; стало быть, если-бы даже только одна треть крестьянъ состояла на барщинѣ, а другія двѣ трети состояли бы изъ свободныхъ и оброчныхъ крестьянъ, то и тогда большая половина воздѣлываемой земли все-таки оставалась бы подъ помѣстьями, отправляющими барщину; въ-третьихъ, оброкъ у насъ довольно мало отличается отъ барщины по своему вліянію на характеръ хозяйства: возвышаясь соразмѣрно возвышенію доходовъ крестьянина, онъ точно такъ же, какъ и барщина, противодѣйствуетъ звергнѣнн труда, потому что стремится постоянно поглощать всѣ избытки, ими производимые. Дѣло иное, если-бы нашъ оброкъ не возвышался произвольно.

Такая цѣль противорѣчій фавтамъ и фальшивыхъ гипотезъ нужна была Тенгоборскому, чтобы придти къ желанному заключенію, будто бы „обязательный трудъ не имѣетъ на наше сельское хозяйство столь преобладающаго вліянія, какое обыкновенно ему приписывается“. Для такого вывода нужно было слишкомъ важнымъ образомъ исказить смыслъ мнѣніи о невыгодности обязательнаго труда, поворотивъ рѣчь съ работы, отправляемой барщиною, къ которой рѣчь прямымъ образомъ относится, на работу крестьянъ на своихъ поляхъ; нужно было представить невѣрный счетъ числа крѣпостныхъ крестьянъ; нужно было забыть и о характерѣ нашего оброка, и о малоземельности оброчныхъ имѣній. И однако-же при всѣхъ этихъ смѣлыхъ отступленіяхъ отъ истины, онъ могъ дойти только до такого результата, который совершенно ужъ достаточенъ для разрушенія его мнѣнія. Да, если-бы у насъ только третья часть сельскихъ работниковъ отправляла барщину, уже и тогда все наше сельское хозяйство находилось бы подъ исключительнымъ, подъ совершенно преобладающимъ вліяніемъ крѣпостной работы. Примѣръ южныхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза уже говоритъ, что свободная работа двухъ третей населенія совершенно искажается вліяніемъ принудительной работы одной трети населенія. Но по словамъ самого Тенгоборскаго, число крѣпостныхъ крестьянъ равняется числу свободныхъ; въ дѣйствительности же превосходитъ ихъ.

Но, продолжаетъ Тенгоборскій, какъ ни вредна система обязательнаго труда, она въ настоящее время, для значительной части Россіи, необходима. Почему же? Причинъ на это приводится три:

1) „Капиталовъ у насъ недостаточно для рациональнаго хозяйства съ наемнымъ трудомъ при безмѣрной обширности воздѣлываемыхъ земель“. Тутъ сколько словъ, столько и ошибокъ. О томъ, до какой степени безмѣрна обширность нашихъ земель, мы будемъ говорить послѣ; пока здѣсь замѣтимъ прежде всего хитрое слово „рациональный“; оно намекаетъ на плодоперемѣнную систему съ искусственнымъ луговодствомъ, дренажемъ и т. п. Для такой системы, конечно, нужны большіе капиталы, но самъ Тенгоборскій говоритъ, что она еще не нужна и неумѣстна для насъ; а если-бы и была умѣстна, то наемная плата самый незначительный расходъ, въ сравненіи съ расходами на луговодство, скотоводство, машины и прочее, при такой системѣ, и обязательный трудъ можетъ только помѣшать ея распространенію, потому что при немъ невозможна ни строгая экономія въ жизни самого хозяина, ни старательный и искусный трудъ работниковъ. Но Тенгоборскій хитритъ: онъ только сбиваетъ читателя намекомъ на плодоперемѣнную систему въ словѣ „рациональный“, а самъ и не думаетъ о ней, подробно доказавъ передъ тѣмъ, что для насъ еще надолго выгоднѣе всѣхъ другихъ системъ

трехпольное хозяйство. При трехпольномъ хозяйствѣ капиталовъ не очень много нужно. Но если бы у насъ было мало капиталовъ даже и для этой системы, тѣмъ сильнѣе доказывалась бы необходимость отменить обязательный трудъ, потому что онъ составляетъ сильнѣйшее препятствіе образованію и возрастанію капиталовъ. При немъ работа непроизводительна, при немъ нѣтъ ни расчетливости, ни предприимчивости. Жалоба на недостатки въ капиталахъ есть требованіе отмены обязательнаго труда.

2) „Во многихъ мѣстахъ цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не давала бы ренты, достаточной для покрытія издержекъ производства“. Не нѣшаетъ замѣтить тутъ оригинальное употребленіе слова „рента“ вмѣсто доходъ: Тенгоборскій забылъ, что рентою называется только та часть дохода, которая вовсе не служитъ къ покрытію издержекъ производства, а составляетъ наемную плату, получаемую землевладѣльцемъ съ арендатора; его фраза подобна слѣдующей: дивидендъ акціонерной фабрики недостаточенъ на покрытіе издержекъ ея. Такія фразы свидѣтельствуютъ о сбивчивости понятій, которая одна впрочемъ и можетъ давать человѣку рѣшимость выступать защитникомъ обязательнаго труда. Тенгоборскій не умѣлъ сказать того, что хотѣлъ сказать, именно, что цѣнностью продуктовъ не будутъ покрываться издержки производства.

Предположимъ сначала, что это возраженіе совершенно справедливо; въ такомъ случаѣ, что изъ него слѣдуетъ по теоріи, принимаемой всѣми безъ исключенія экономистами? Намъ часто упрекали за то, что мы предпочитаемъ основательныя сужденія новой школы ошибочнымъ мнѣніямъ старой; но изъ нашего противорѣчія оныякамъ старой школы вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы не находили въ сочиненіяхъ Сэ или Росси ни одной страницы справедливой; есть случаи, въ которыхъ всѣ школы согласны; къ нимъ принадлежитъ и тотъ, о которомъ мы должны теперь вести рѣчь. Надѣмся, что самъ Сэ не нашелъ бы въ слѣдующихъ строкахъ ни одного слова, съ которымъ бы не согласился вполнѣ. .

Если цѣнность продуктовъ не покрываетъ издержекъ производства, это значитъ, что производство убыточно; національный интересъ и собственная выгода хозяина требуютъ, чтобы такое производство было оставлено.

Если продукты моей фабрики не покрываютъ моихъ расходовъ на фабрику, я долженъ или закрыть, или продать ее. Я не имѣю права требовать, чтобы государство раззорялось для моей фабрики, чтобы, напримѣръ, оно поставляло мнѣ задаромъ или матеріалъ, мною обрабатываемый, или машины, нужныя мнѣ для обработки, или лошадей, приводящихъ въ движеніе эти машины, или работниковъ, управляющихъ этими лошадьми и машинами.

Положимъ, что я занимаюсь выдѣлкою шляпъ. Если продажа не окупаетъ мнѣ моихъ издержекъ, это происходитъ отъ одной изъ двухъ причинъ: 1) или моя фабрика устроена дурно, и въ такомъ случаѣ я долженъ стараться улучшить ее, а если не умѣю улучшить, то нечего мнѣ и тянуться быть шляпнымъ фабрикантомъ, и пусть я раззорюсь, государство тутъ ничего не проиграетъ; напротивъ, оно выиграетъ, когда однимъ дурнымъ фабрикантомъ будетъ меньше; или 2) я работаю шляпы не хуже и не дороже другихъ, — въ такомъ случаѣ, значитъ, всѣ шляпные фабриканты терпятъ убытокъ, подобно мнѣ; отчего-жъ это? оттого, что шляпныхъ фабрикъ развелось слишкомъ много, и шляпы слишкомъ низко упали въ цѣнѣ: запросъ несоизмѣренъ предложенію. Чѣмъ помочь этому?

Всѣ экономисты согласны въ томъ, что изъ этого затруднительнаго положенія нельзя вывести насъ, шляпныхъ фабрикантовъ, никакими пособіями, нарушающими справедливость. Если бы, напримѣръ, государство стало намъ давать задаромъ матеріалы для выдѣлки шляпъ, мы по прежнему стали бы дѣлать шляпъ больше, нежели требуется; — чтобы сбывать этотъ излишній товаръ, мы стали бы другъ передъ другомъ сбывать цѣну, и сбили-бы опять-таки до того, что продажемъ шляпъ не покрывались бы наши расходы на ихъ выдѣлку. То же самое было бы, если бы мы получили отъ государства работниковъ, которые дѣлали бы шляпы на нашихъ фабрикахъ по системѣ обязательнаго труда, то есть, или стояли бы намъ дешевле наемныхъ, или вовсе ничего не стояли, — мы продолжали бы выдѣлывать шляпъ больше, нежели требуется, и цѣна ихъ все-таки упала бы до того, что не покрывала бы на нихъ издержекъ.

Такими раззорительными для государства пособіями не прекратилось бы наше затрудненіе. Корень его — излишество выдѣлки шляпъ по сравненію съ требованіемъ на нихъ, и потому лекарство тутъ одно — сократить выдѣлку. Чѣмъ больше будемъ мы раззорять государство пособіями на нашу излишнюю выдѣлку, тѣмъ больше будемъ только сами запутывать свои дѣла; и лучшее для насъ, что можетъ сдѣлать государство — не давать намъ этихъ раззорительныхъ для него и вредныхъ для насъ пособій, или прекратить ихъ выдачу, если ужъ по какой нибудь ошибкѣ они выдавались намъ. Такъ предоставленные собственнымъ силамъ, мы должны будемъ ваяться за умъ, и скоро увидимъ, какъ пособить затрудненію.

Пособить ему очень просто: выдѣлка шляпъ невыгодна, — и такъ надобно отказаться отъ нея и заняться чѣмъ нибудь болѣе выгоднымъ.

Между нами, шляпными фабрикантами, найдутся люди дѣльные и предприимчивые, поймутъ это и, закрывъ свои шляпныя фабрики, займутся, напримѣръ, выдѣлкою мыла или сукна. Тогда дѣла остальныхъ шляпныхъ фабрикантовъ поправятся: шляпъ выдѣлывается меньше прежняго, именно столько, сколько нужно, и цѣна ихъ поднимается на столько, чтобы быть выгодною безъ всякаго обязательнаго труда и другихъ раззорительныхъ для государства привилегій и вспоможеній.

Каждый экономистъ скажетъ, что таково единственно справедливое и единственно возможное рѣшеніе дѣла о шляпныхъ фабрикантахъ.

Точно таково же было бы дѣло землевладѣльцевъ, производящихъ хлѣбъ обязательнымъ трудомъ, если бы вѣрны были слова Тенгоборскаго, что при отмигнѣ обязательнаго труда не окупались бы издержки ихъ на наемную плату. Это значило бы только, что хлѣба на продажу предлагаютъ они больше, нежели требуется, и что они слишкомъ низко сбили его цѣну.

Ни въ одной изъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя предоставлены собственнымъ силамъ, невозможенъ случай, предположенный нами, — именно, что издержки производства при наемной платѣ не покрываются продажей продуктовъ. Если же наше земледѣліе находится въ такомъ ненормальномъ состояніи, то очевидно, что оно введено въ это положеніе обязательнымъ трудомъ, и что единственное средство поднять цѣну хлѣба до нормальной высоты, то-есть до того, чтобы ею окупались издержки производства, состоитъ въ отмигнѣ обязательнаго труда. Онъ губить наше земледѣліе, роняя цѣну на хлѣбъ.

Неоспоримъ, дѣйствительно, тотъ фактъ, всѣми признаваемый, что цѣны на

хлѣбъ у насъ сбиваются обязательный трудомъ, ниже того, каковы были бы безъ этой язвы земледѣлія. Но даде и при этихъ цѣнахъ, воздѣлываніе хлѣба по системѣ наемнаго труда не только возможно, даде выгодно. Это извѣстно каждому, знающему русскій бытъ: есть много купцовъ, разночинцевъ, поселянъ, которые воздѣлываютъ большія пространства земли наемнымъ трудомъ и получаютъ отъ того выгоды. Эти очень многочисленныя факты доказываютъ совершенную неосновательность мысли, будто помѣщикамъ не будетъ выгодно обрабатывать свои поля наемнымъ трудомъ. Даде и теперь это дѣлается, какъ мы сказали, купцами и людьми другихъ званій, неимѣющими въ своемъ распоряженіи крѣпостныхъ работниковъ. Тѣмъ выгоднѣе будетъ при уничтоженіи крѣпостнаго права, — когда цѣна хлѣба должна возвыситься.

Дѣло не въ томъ, что наемный трудъ не окупается, — это неправда; дѣло въ томъ, что хозяйство съ наемнымъ трудомъ есть коммерческое предпріятіе, требующее разумной заботы со стороны хозяина. Вотъ отъ этихъ-то условій отвращаются партизаны крѣпостнаго права, которое даетъ имъ даровой трудъ и доставляетъ возможность вести дѣла небрежно, нерасчетливо.

Если партизаны крѣпостнаго права откровенно скажутъ: при отмѣнѣ обязательнаго труда, не будетъ въ состояніи съ выгодною воздѣлывать своихъ полей тотъ, кто не можетъ вести своего хозяйства экономическимъ, разчетливымъ образомъ, кто умѣетъ только проживать достающееся ему даромъ, и не можетъ сдѣлаться человекомъ дѣльнымъ, — если они откровенно скажутъ это, мы вполне согласимся съ такими словами, въ которыхъ и заключается вся сущность вопроса.

Изъ трехъ доводовъ, представляемыхъ Тенгоборскимъ въ подтвержденіе „необходимости“ крѣпостнаго права для Россіи, мы рассмотрѣли два первые, — и оказалось, что они говорятъ вовсе не въ пользу крѣпостнаго права, а свидѣлствуютъ о его вредѣ; если у насъ мало капиталовъ, виною тому крѣпостное право, мѣшающее развитію свободнаго труда, который одинъ производителенъ, одинъ увеличиваетъ богатства націи; если цѣны на хлѣбъ слишкомъ низки, виною тому опять-таки обязательный трудъ, разрушающій соразмѣрность производства съ потребленіемъ и уничтожающій къ хозяинѣ расчетливость. Изъ того въ другаго одинаково слѣдуетъ „необходимость“ не поддерживать, а какъ можно скорѣе отмѣнить обязательный трудъ. Остается третій доводъ въ пользу крѣпостнаго права, — доводъ, основанный на странномъ смѣшеніи понятій.

3) „Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговля и промышленность слаба, гдѣ мало денегъ въ оборотѣ, тамъ мужику удобнѣе отправлять повинности натурою, нежели выплачивать за наемъ земли деньгами“, говоритъ Тенгоборскій.

Оборотъ очень смѣльный. Да развѣ вопросъ о крѣпостномъ правѣ и наемномъ трудѣ есть вопросъ о томъ, какъ должны производиться уплаты по обязательствамъ: натурою или деньгами? Вѣдь самъ же Тенгоборскій говоритъ, что въ обязательномъ трудѣ, кромѣ отправленія повинности натурою (барщина), бываетъ и уплата за нихъ деньгами (оброкъ); и при вольнонаемномъ трудѣ, уплата иногда производится деньгами, а иногда натурою, — на примѣръ, при системѣ половничества, при нашемъ обычаѣ нанимать людей на извѣстную земледѣльческую работу изъ третьяго, изъ четвертаго снопа; даде на многихъ фабрикахъ жалованье вольнонаемнымъ рабочимъ выдается натурою, — произведешами фабрики, а не деньгами. Дѣло должно идти о томъ, нужно ли сохранить обязательный трудъ,

а Тенгоборскій повертываетъ вопросъ на то, во всѣхъ ли мѣстностяхъ можно замѣнить барщину оброкомъ. Оборотъ очень смѣлый, но оскорбительный для читателя, котораго авторъ предполагаетъ слишкомъ тупоумнымъ простакомъ, воображая, что его можно провести такимъ грубымъ обманомъ.

Вы говорите, что въ малоденежныхъ мѣстахъ при обязательномъ трудѣ уплата работника хозяину удобнѣе производится натурою, нежели деньгами, — что-жъ изъ того? — въ этихъ мѣстностяхъ при вольнонаемномъ трудѣ уплата отъ хозяина работнику можетъ также производиться натурою, а не деньгами.

Но тутъ опять мы должны возвратиться къ вопросу: отчего же въ этихъ мѣстностяхъ мало денегъ въ оборотѣ, отчего слаба торговля и промышленность? — Все отъ той же коренной причины нашей бѣдности, — отъ обязательнаго труда. раззорительнаго для націи.

Но всѣхъ прежнихъ доводовъ еще мало Тенгоборскому, онъ все-таки чувствуетъ, что не защитилъ крѣпостнаго права своими разсужденіями, и пробуетъ опереться на факты. Онъ говоритъ, что поселяне въ Россіи живутъ довольно зажиточно, и полагаетъ доказать этимъ, что вредное вліяніе крѣпостнаго права не такъ велико. какъ всѣ думаютъ. О степени благосостоянія крѣпостныхъ крестьянъ мы не считаемъ нужнымъ и говорить, — какова она, знаетъ каждый; а если-бы вздумали мы здѣсь излагать то, что извѣстно каждому, это заняло бы слишкомъ, слишкомъ много мѣста. Если же въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы поселяне живутъ не лучше, нежели въ Россіи, хотя въ этихъ странахъ и нѣтъ крѣпостнаго права, изъ этого еще ровно ничего не слѣдуетъ въ пользу крѣпостнаго права. Иванъ худъ и слабъ оттого, что изнуренъ золотухою, говорите вы, — нѣтъ, золотуха болѣзнь не изнурительная, возражаю я, и указываю вамъ на больнаго лихорадкою Петра, съ торжествомъ прибавляя: „Вотъ Петръ не страдаетъ золотухою. а не лучше Ивана, стало быть, въ золотухѣ нѣтъ ничего особенно дурнаго и у Ивана здоровье не страдаетъ отъ нея“. У насъ однѣ причины бѣдности, въ Западной Европѣ другія; и намъ нужно заботиться о томъ, чтобы, уничтожая свои недостатки, не попасть въ тѣ ошибки, которыя ведутъ къ другимъ бѣдствіямъ. Въ чемъ истиннѣе страдалъ поселянъ Западной Европы, мы будемъ еще имѣть случай говорить, развивалъ ваши мысли о томъ, какъ намъ предохраниться отъ подобныхъ бѣдствій. Въ Западной Европѣ бѣденъ тотъ земледѣлецъ, который не обрабатываетъ землю на себя; у насъ каждый, даже крѣпостной земледѣлецъ. имѣетъ свой участокъ, — этимъ до нѣкоторой степени вознаграждаются всѣ другіе наши недостатки, и основнымъ принципомъ своихъ желаній по дѣлу освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ мы должны принять то, чтобы они не остались безъ земли. Этотъ принципъ, слава Богу, поставленъ теперь внѣ опасности Высочайшими рескриптами, опредѣляющими освобожденіе крестьянъ съ усадьбою и раздѣленіе господскихъ земель отъ крестьянскихъ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить впоследствии.

Но, чувствуя, что съ этой стороны, со стороны послѣдствій обязательнаго труда для благосостоянія крестьянъ, крѣпостное право не можетъ быть защищено, Тенгоборскій опять возвращается къ мысли о необходимости его для обработки господскихъ полей; чувствуя, что умозаключенія его на эту тему мало убѣдительны, онъ думаетъ найти лучшую опору въ авторитетѣ, и приводитъ отрывокъ изъ Гакстгаузена. Въ статьѣ о книгѣ Гакстгаузена („Совр.“ 1857 № VII) приве-

дена была часть этого отрывка съ предшествующимъ ему расчетомъ, на которомъ основывается заключеніе, цитуемое Тенгоборскимъ. Тогда же замѣчено было въ этой статьѣ, что расчетъ Гакстгаузена о невыгодности наемнаго хозяйства въ Россіи построенъ на фальшивомъ сближеніи и опровергается фактами, приводимыми у самого Гакстгаузена; замѣчено было также, что еслибъ даже принять этотъ фальшивый расчетъ, изъ него слѣдовало бы вовсе не то заключеніе, какое дѣлаетъ Гакстгаузенъ. Теперь мы можемъ точнѣе развить эти мысли.

Прежде всего повторимъ, что уже было сказано въ настоящей статьѣ: если-бы расчетъ и выводъ изъ него у Гакстгаузена былъ совершенно справедливъ, если-бы дѣйствительно воздѣлываніе нѣкоторыхъ полей въ Россіи было возможно только при обязательномъ трудѣ, -- что слѣдовало бы изъ того? Слѣдовало бы только, что нѣкоторыя поля не окупаютъ работы, на нихъ употребляемой, и что чѣмъ скорѣе прекратится ихъ обработка, невыгодная для государства, тѣмъ лучше будетъ для государства. Если-бы я, пользуясь какими нибудь привилегіями, данными мнѣ отъ государства, вздумалъ разводить лѣсъ въ Вологодской или Вятской губерніяхъ, въ которыхъ и безъ того слишкомъ много лѣса, безъ сомнѣнія мнѣ удалось бы вое-какъ развести нѣсколько десятинъ лѣса на моихъ плантаціяхъ. Но само собою разумѣется, продажа этого лѣса далеко не покрывала бы моихъ расходовъ, и плантаціи мои поддерживались бы только тѣмъ, что государство каждый годъ жертвовало бы мнѣ пособіе, — что слѣдовало бы изъ такого положенія дѣлъ? — только то, что я раззорю государство для поддержки моего нерасчетливаго производства, — слѣдовало бы, что здравый смыслъ долженъ говорить государству о необходимости превратить помощь, которую я растрачиваю нерасчетливымъ образомъ, а мнѣ должна говорить совѣсть, чтобы я прекратилъ свое нерасчетливое производство и обратился въ какому нибудь другому занятію, которое было бы не раззорительно, а выгодно для государства.

Основнымъ принципомъ всѣхъ соображеній о государственномъ и частномъ хозяйствѣ должна быть аксіома, несомнѣнная какъ $2 \times 2 = 4$ для каждого экономиста: производство, не покрывающее при наемномъ трудѣ своихъ издержекъ продажей продуктовъ, раззорительно для государства, и чѣмъ скорѣе оно прекратится, тѣмъ лучше для государственнаго благоденствія.

Кто не принимаетъ этой аксіомы, тотъ обнаруживаетъ совершенную неприготовленность свою въ разсужденію о какихъ бы то ни было экономическихъ дѣлахъ, государственныхъ ли или частныхъ, своихъ ли собственныхъ или чужихъ.

Таковъ былъ бы отвѣтъ на расчетъ и выводъ Гакстгаузена о невыгодности обработки нѣкоторыхъ полей въ Россіи наемнымъ трудомъ, таковъ, говоримъ мы, былъ бы отвѣтъ, если-бы расчетъ былъ вѣренъ и выводъ логиченъ. Но расчетъ Гакстгаузена фальшивъ и выводъ изъ него ошибоченъ.

Прежде всего, припомнимъ точный смыслъ словъ Гакстгаузена. Онъ говоритъ, что если-бы ему давали даромъ землю въ Ярославской губерніи, съ условіемъ воздѣлывать ее наемнымъ трудомъ въ такомъ же родѣ, какъ воздѣлываются земли въ юго-западной Германіи, такое хозяйство было бы убыточно, и онъ отказался бы отъ подарка.

Справедливо. Но въ чемъ тутъ сущность дѣла? По выводу Гакстгаузена, кажется, будто невыгода произойдетъ отъ условія воздѣлывать землю наемнымъ трудомъ; такъ-ли? не отъ другаго ли какаго условія? Гакстгаузенъ говоритъ, что ве-

сти хозяйство онъ дуналъ бы такъ, какъ въ юго-западной Германіи; не довольно ли одного этого обстоятельства для объясненія невыгоды?

Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, земля не удобряется, въ Рязанской удобряется. Если-бы мигъ даромъ давали землю въ Самарской губерніи съ условіемъ удобрять ее по-рязански, это условіе было бы раззорительно, все равно, обязательный или наемнымъ трудомъ сталъ бы я ее обрабатывать. Черноземъ не терпитъ рязанскаго удобренія, и урожаи были бы плохи, да и цѣною хлѣба въ Самарѣ не окупаются издержки на удобреніе. Наоборотъ: если-бы я долженъ былъ рязанскую землю воздѣлывать по-самарски, безъ удобренія, я раззорился бы, все равно, и при обязательномъ и при наемномъ трудѣ; урожай безъ удобренія въ Рязани не возвращалъ бы даже сѣмянъ.

Что изъ этого слѣдуетъ? Просто то, что въ каждой области порядокъ хозяйства долженъ быть сообразенъ съ климатомъ, почвою и т. п. Дѣло идетъ о томъ, въ чемъ должны состоять работы, а вовсе не о томъ, обязательный или наемнымъ трудомъ онъ совершаются.

Въ юго-западной Германіи земледѣлецъ круглый годъ можетъ быть занятъ полевыми работами, сообразно тому онъ и не занимается ничѣмъ другимъ. Если бы у насъ, при нашей длинной зимѣ, земледѣлецъ проводилъ въ бездѣйствіи все то время, когда нѣтъ полевыхъ работъ, это было бы убыточно, — вотъ и все. Потому у насъ поселянинъ зимою и занимается какими-нибудь промыслами, преимущественно извозомъ. Гакстгаузенъ не принимаетъ этого въ расчетъ; оттого и выходитъ у него недочетъ въ хозяйствѣ. Если-бы онъ считалъ, что наемный работникъ, точно также, какъ крѣпостной крестьянинъ, и точно также, какъ самосостоятельный хозяинъ поселянинъ, половину года занятъ промыслами, результатъ былъ бы иной.

Пусть хозяинъ нанимаетъ работника для полевыхъ работъ только на полгода, или, если нанимаетъ его на цѣлый годъ, употребляетъ наемщика зимою на какой-нибудь промыселъ, — вотъ прямое извѣстное у насъ каждому по опыту слѣдствіе продолжительности нашей зимы. Упускать это изъ виду, значитъ исказить сущность вопроса.

Не менѣе дурное искаженіе состоитъ и въ томъ, что, взявъ обстоятельства, существующія въ Ярославской губерніи, которая одна изъ самыхъ невыгодныхъ у насъ для земледѣлія, и въ которой потому почти все населеніе имѣетъ главнымъ источникомъ дохода не земледѣліе, а промыслы, Гакстгаузенъ, а еще болѣе Тенгоборскій, дѣлаютъ по этой губерніи заключеніе обо всей Россіи. Это похоже на то, какъ если бы изъ невыгодности хлѣбопашества на западномъ берегу Ирландіи дѣлать заключеніе о невыгодности его во всей Западной Европѣ. Добросовѣстна ли такая уловка?

Если бы расчетъ Гакстгаузена и не былъ фальшивъ, онъ примѣнялся бы только къ Ярославской губерніи и очень немногимъ другимъ мѣстностямъ, которыя извѣстны подъ именемъ промышленныхъ. Добросовѣстно ли брать за образецъ Ярославскую губернію, когда дѣло идетъ о выгодахъ земледѣлія въ Россіи? это все равно, что брать за образецъ Бранденбургъ, когда дѣло идетъ о виноградникахъ Западной Европы. И въ Бранденбургѣ есть виноградники, и тамъ выдѣлываютъ вино, но этотъ промыселъ невыгоденъ и бранденбургское вино очень

дурно—слѣдуетъ ли изъ того, что во всѣхъ странахъ Западной Европы виноградники даютъ мало дохода и приносятъ вино дурнаго качества?

Въ Ярославской губернии земледѣліе менѣе выгодно, нежели въ другихъ русскихъ областяхъ,—итакъ, во всей Россіи земледѣліе можетъ существовать только при обязательномъ трудѣ; русское хозяйство устранивается такъ, что только половину года занято земледѣліемъ, а другую половину года другими промыслами,—итакъ, обязательный трудъ выгоднѣе наемнаго. Канія изумительныя заключенія! „Я плохо играю на скрипкѣ, потому мой братъ хорошо играетъ на гитарѣ“—превосходный силлогизмъ!

Гастгаузена и Тенгоборскаго занимаетъ вопросъ: возможно ли земледѣліе съ наемнымъ трудомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣлецъ можетъ заниматься воздѣлываніемъ своихъ полей съ выгодною для себя, — этотъ вопросъ представляется уже совершенно нелѣпостью, если вникнуть въ сущность понятій, которыхъ онъ касается.

Если земледѣлецъ, воздѣлывающій на себя свой участокъ, находитъ выгоду обрабатывать его, это значить, что цѣнность производства съ избыткомъ покрывается цѣнностью продуктовъ.

Наемная плата составляетъ только часть расходовъ производства.

Какимъ же образомъ наемная плата не будетъ покрываться цѣнностью продуктовъ, доставляемыхъ трудомъ наемщика?

Изъ этого видно, что повсюду, гдѣ возможно существованіе земледѣльца, воздѣлывающаго на себя свой участокъ, наемный трудъ, и подавно, будетъ окупаться цѣнностью продуктовъ.

Боже мой! не во снѣ ли привидѣлось намъ, будто ученые агрономы усумнились въ возможности воздѣлывать землю въ Россіи наемнымъ трудомъ? на яву едва ли могла прійти кому-нибудь въ голову такая химера. Развѣ неизвѣстно каждому, не только агроному, но и простому человѣку, что увеличеніе числа работниковъ, въ русской земледѣльческой семьѣ, считается благодатью Божіею, что чѣмъ больше работниковъ въ семьѣ, тѣмъ она зажиточнѣе? Развѣ не значить это, что содержаніе работника съ избыткомъ, и большимъ избыткомъ, окупается его работою? Развѣ неизвѣстно, что каждый домохозяинъ, если только имѣетъ достаточное количество земли, считаетъ выгоднымъ для себя принять работника? Что же это значить, скажите ради Бога, если не значить, что наемный трудъ въ русскомъ земледѣліи выгоденъ?

Укажите мѣстность, въ которой земледѣльческая семья, напримѣръ изъ восьми человѣкъ съ тремя работниками, считалась бы бѣднѣе такой же семьи съ двумя работниками,—только въ такой мѣстности трудъ не окупается, стало быть невозможно трудъ, но такой мѣстности въ Россіи вы не найдете.

Боже мой, и люди, называющіе себя агрономами-экономистами, отваживаются, при такихъ очевидныхъ фактахъ, говорить о убыточности наемнаго труда! Неужели они не могутъ сообразить, что наемный трудъ только тогда убыточенъ, когда работа не окупаетъ себя? Неужели же они воображаютъ, что доходы, доставляемые работою мужика земледѣльца, воздѣлывающаго свой участокъ, обращаются въ убытокъ этому мужику? „Наемный трудъ въ русскомъ земледѣліи не окупается“—вѣдь это значить, что Россія не можетъ заниматься земледѣліемъ, что земледѣліе для Россіи—убыточное занятіе.

Можно ли отважиться высказывать такіа нелѣпости? Вѣдь это посрамленіе, — не говоримъ уже для науки, — это посрамленіе для смысла человѣческаго.

Не будемъ же разсуждать о томъ, окупаются ли въ Россіи издержки наемнаго земледѣльческаго труда; сомнѣваться въ этомъ, значитъ сомнѣваться въ томъ. выгодное или убыточное дѣло хлѣбопашество въ Россіи, можетъ ли русскій поселенинъ-земледѣлецъ имѣть выгоду запашки отъ своего участка, — если онъ имѣетъ выгоду, то будетъ имѣть выгоду отъ своего поля и тотъ, кто найметъ работника для его воздѣлыванія.

Тенгоборскій и Гакстгаузенъ въ своей ревности за крѣпостное право зашли слишкомъ далеко, поставили вопросъ такъ, что сомнѣніе въ его положительномъ рѣшеніи представляется очевидною нелѣпостью. Но это они увлеклись излишнею ревностью, — въ сущности имъ слѣдовало говорить не о томъ, возможно ли вести земледѣліе наемнымъ трудомъ, — это не подлежитъ спору, а только о томъ, какимъ образомъ выгоднѣе для помѣщика вести земледѣліе, наемнымъ или обязательнымъ трудомъ. Наемный трудъ не убыточенъ; но быть можетъ, обязательный трудъ въ настоящее время выгоднѣе для помѣщика?

На это положительнымъ образомъ отвѣчаетъ наука. Одно изъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ выгодность или невыгодность наемаго труда для помѣщика. сравнительно съ обязательнымъ, есть густота населенія. Чѣмъ меньше населенія въ странѣ, тѣмъ выгоднѣе для земледѣльца обязательный трудъ; чѣмъ гуще населеніе въ странѣ, тѣмъ выгоднѣе для него наемный трудъ. Токеръ (Tucker) занимался изслѣдованіемъ объ этомъ, и нашелъ, что при населеніи въ шестьдесятъ-шесть человѣкъ на квадратную англійскую милю, наемный трудъ для земледѣльца становится уже выгоднѣе обязательнаго. Эта цифра слишкомъ высока, какъ мы увидимъ ниже; и при населеніи менѣе, нежели шестидесяти-шести душъ на англійскую квадратную милю, наемный трудъ уже выгоднѣе обязательнаго, — это мы докажемъ, но попробуемъ примѣнить въ Россіи даже ту цифру, которую находимъ у Токера.

Чтобы примѣнить эту цифру къ Россіи, надобно принять въ соображеніе два обстоятельства, — число городского населенія и количество неудобныхъ земель.

Въ тѣхъ странахъ, которыя имѣлъ въ виду Токеръ (Западная Европа и Сѣверная Америка), городское населеніе составляетъ не менѣе одной трети всего числа жителей. Въ Россіи, оно, считая столицы, едва составляетъ десять процентовъ, а въ большей части губерній не составляетъ и десяти процентовъ.

Въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, количество неудобныхъ для хлѣбопашества земель очень не велико, — пять, шесть процентовъ всего пространства территорій; въ Европейской Россіи неудобныя земли занимаютъ болѣе одной третьей части всей территорій.

Эти два обстоятельства надобно ввести въ расчетъ, если примѣнить къ Россіи цифру, показываемую Токеромъ.

66 человѣкъ на англійскую квадр. милю, — это даетъ 1,400 на квадр. географическую милю. Изъ нихъ, въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, на городское населеніе приходится не менѣе $\frac{1}{3}$, стало быть для сельскаго населенія остается 966 человѣкъ. Итакъ, тѣ губерніи Россіи, въ которыхъ число сельскаго населенія превышаетъ эту послѣднюю цифру, удовлетворяютъ условію, представляемому Токеромъ.

Но неудобной земли, которая не занимаетъ рукъ, нечего считать, когда рѣчь идетъ объ отношеніи числа рабочихъ рукъ къ пространству воздѣлываемой земли. Есть въ Россіи губерніи, напримѣръ Воронежская, Тульская, Подольская, Нижегородская, Тамбовская, въ которыхъ пропорція неудобной земли невелика, всего 3%—8%,—это пропорція въ родѣ той, какую имѣлъ въ виду Токеръ. Но въ губерніяхъ Оренбургской и Херсонской цѣлая половина пространства — неудобная земля; въ Екатеринославской, Ставропольской, Таврической губерніяхъ неудобной земли даже больше, нежели удобной. Несправедливо было бы считать населеніе на обширныхъ пустыняхъ, немогущихъ имѣть населенія и не могущихъ занимать работниковъ. Потому 966 душъ сельскаго населенія мы должны считать на удобныхъ земляхъ, съ прибавкою 5% неудобныхъ земель, какъ считалъ Токеръ, а излишнее затѣи пространство неудобныхъ земель выбрасывать изъ счета — онѣ не занимаютъ рабочихъ рукъ.

Производя примѣненіе Токерова вывода въ Россіи съ соблюденіемъ двухъ этихъ условій, требуемыхъ сущностью дѣла, мы увидимъ, что на всемъ почти пространствѣ Россіи, имѣющемъ крѣпостныхъ крестьянъ, населеніе уже достигло той плотности, при которой наемный трудъ становится для земледѣльца выгоднѣе обязательнаго. Изъ областей, имѣющихъ сельскаго населенія менѣе 966 душъ на квадр. геогр. милю удобной земли съ прибавкою 10% неудобной, о всѣхъ почти мы положительно знаемъ, что малочисленность населенія съ избыткомъ вознаграждается въ нихъ другими обстоятельствами, благопріятствующими развитію выгоды наемнаго труда, и о большей части этихъ областей мы имѣемъ положительные факты, свидѣтельствующіе неоспоримымъ образомъ, что наемный земледѣлческій трудъ въ этихъ областяхъ съ успѣхомъ выдерживаетъ соперничество обязательнаго.

Области Русской Имперіи, неимѣющія и въ настоящее время обязательнаго труда, или по самой плотности своего сельскаго населенія достигшія такого положенія, при которомъ наемный трудъ становится для земледѣльца выгоднѣе обязательнаго, или по другимъ нѣстнымъ условіямъ достигшія такого же экономическаго положенія, обнимаютъ почти все пространство Россіи и населеніе ихъ простирается слишкомъ до 63,000,000. Во всѣхъ этихъ областяхъ обязательный трудъ для самого землевладѣльца менѣе выгоденъ, нежели наемный.

Затѣмъ остаются въ двухъ мѣстностяхъ округи, незначительные по своему объему и населенію въ сравненіи съ пространствомъ Россіи. Пространство этихъ областей составляетъ около 6,000 географическихъ миль, менѣе нежели одну пятнадцатую часть Европейской Россіи, а населеніе простирается не болѣе, какъ до 3,500,000 душъ обою пола, то есть не составляетъ и одной восемнадцатой части населенія Россіи. Объ этихъ мѣстностяхъ нельзя съ достовѣрностью рѣшить по Токерову правилу, выгоднѣе ли въ нихъ наемный трудъ обязательнаго. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, существуютъ ли въ нихъ, какъ въ другихъ многоземельныхъ областяхъ Россіи, условія, которыми и при малонаселенности придаетъ наемному труду выгоду сравнительно съ обязательнымъ; потому мы не можемъ сказать съ достовѣрностью, что въ этихъ областяхъ замѣна обязательнаго труда наемнымъ будетъ для землевладѣльцевъ выгодною, но еще менѣе основаній имѣетъ кто-либо сказать, что она была бы невыгодна;—объ этомъ вопросѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, и нужно еще собрать ихъ; но судя по примѣру сходныхъ съ этими областями мѣстностей, имѣющихъ выгоду въ наемномъ трудѣ, надобно ожидать,

что точнѣйшія свѣдѣнія обнаружатъ выгодность наемнаго труда и для этихъ областей *).

*) Вотъ цифра и факта, на которые ссылаемся мы въ текстѣ. Замѣтимъ, что числа о населенности и о пропорціи неудобныхъ земель взяты нами изъ того же Тенгоборскаго, который говоритъ о невыгодности наемнаго труда, самъ не воображая, что данными изъ его собственной книги опровергается вто нивіе.

1) Царство Польское, Финляндія, Курляндія, Эстляндія, Лифляндія и Сибирскія губерніи не имѣютъ крѣпостнаго населенія; общее число жителей 10,750,000.

2) Въ губерніяхъ: Архангельской, Вятской, Астраханской, Олонекской, Таврической, въ Бессарабской области в Закавказскихъ владѣніяхъ, число крѣпостныхъ крестьянъ такъ незначительно, что съ увѣщаніемъ обязательнаго труда не можетъ произойти никакой чувствительной перемѣны въ экономическихъ отношеніяхъ, по которымъ воздѣлывается земля (въ Архангельской губерніи, наименьшая пропорція—крѣпостные люди не составляютъ и одной 15,000-ной части населенія; въ Таврической губерніи, гдѣ пропорція ихъ наиболѣе значительная, они не составляютъ в одной 16-той части населенія). Общее число жителей 6,250,000.

3) Изъ остальныхъ губерній, А) имѣютъ болѣе 1.400 жителей на квадратную милю: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Кіевская, Полтавская, Рязанская, Калужская, Орловская Пензенская, Ярославская, Тамбовская (по Тенгоборскому), также Харьковская (по Кеппену, см. Мѣсяцесловъ, 1855 г.). Общее число жителей 19,000,000.

В) За вычетомъ количества неудобной земли, превышающаго 5%-ную пропорцію, имѣютъ болѣе 1.400 жителей на квадрат. милю губерніи: Гродненская, С.-Петербургская, Екатеринбургская. Общее число жителей 2,750,000.

С) За вычетомъ городского населенія, имѣютъ болѣе 1,000 сельскаго населенія на квадратную милю: Черниговская, Воронежская, Владимирская, Нижегородская, Ковенская, Казанская, Тверская, Волынская, Смоленская. Общее число жителей 13,500,000

Д) За вычетомъ неудобныхъ земель, сельскаго населенія приходится болѣе 1,000 душъ на милю въ губерніяхъ: Виленской, Могилевской, Витебской, Херсонской. Общее число жителей 3,250,000.

Губерніи в области, нами исчисленныя, или не имѣютъ обязательнаго труда, или уже по самой плотности своего населенія находятся въ такомъ состояніи, при которомъ для землевладельца наемный трудъ выгоднѣе обязательнаго. Число жителей всѣхъ этихъ губерній составляетъ цифру 53,500,000.

Затѣмъ, остаются губерніи: Пермская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Костромская, Ставропольская, Минская, Новгородская, Вологодская, Псковская и Земля Донскихъ Казаковъ, съ общимъ населеніемъ въ 13,250,000.

Эти области не имѣютъ столь густаго населенія, чтобы одна плотность его уже указывала на то, что наемный трудъ для воздѣлыванія полей выгоденъ въ нихъ землевладельцу. Зато въ большей части изъ нихъ существуютъ другія условія быта, приводящіе къ тому же результату,—въ однихъ областяхъ—черноземъ, уменьшающій издержки найма, въ другихъ—выгодный сбытъ въ приморскіе порты или въ столицы, съ избыткомъ замѣняющій малочисленность мѣстныхъ потребителей. „Въ большей части этихъ областей“, а не во „всѣхъ безъ исключенія этихъ областей“ сказали мы только потому, что сельскохозяйственная статистика наша разработана еще очень мало, в о состояніи сельскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ областяхъ имѣть у насъ точныхъ свѣдѣній; но о всѣхъ тѣхъ областяхъ, о которыхъ есть точныя свѣдѣнія, извѣстно, что воздѣлываніе хлѣба наемнымъ трудомъ выгодно въ нихъ даже нынѣ,—имѣть напротивъ того, ни одной области, о которой было бы извѣстно, что онъ въ ней невыгоденъ. Исчислима же тѣ изъ многоземельныхъ областей, въ которыхъ и нынѣ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, земледѣльцу выгодно воздѣлываніе полей наймомъ.

Ставропольская губернія, подобно другимъ Новороссійскимъ, съ выгодой владѣвается поля наемнымъ трудомъ.

Саратовская губернія также,—это доказывается хозяйствомъ колонистовъ, нанимающихъ живое хозяйство наемныхъ земледѣльческихъ работниковъ; доказывается также множествомъ примѣровъ русскихъ купцовъ, разношвецевъ и поселянъ также воздѣлывающихъ поля наемнымъ трудомъ.

Таковы же, какъ въ Саратовской губерніи, характеръ хозяйства въ Симбирской.

То же самое въ землѣ Донскихъ Казаковъ

То же самое (по свидѣтельству самого Гакстгаузена) въ Вологодской губерніи.

Въ Пермской губерніи наемный трудъ также выгоденъ.

Въ Оренбургской губерніи также, и притомъ число крѣпостныхъ крестьянъ незначительно.

Самарская губернія, составившаяся изъ уѣздовъ Оренбургской, Саратовской, Симбирской. Астраханской губерній, можетъ, съ такою же выгодною, какъ и тѣ, воздѣлывать хлѣбъ наемнымъ трудомъ.

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ и областяхъ находится жителей 9,750,000.

Съ прежнимъ итогомъ, эта цифра составляетъ 63,250,000 жителей.

Остаются губерніи: Костромская, Минская, Новгородская, Псковская, о которыхъ ни не знаемъ, воздѣлывается ли въ нихъ съ выгодною хлѣбъ наемнымъ трудомъ,—того, что въ нихъ вто не представляло бы выгоды, мы не имѣемъ права сказать. Всѣ эти губерніи, единствен-

Теперь спрашивается: могут ли всё области Русской Имперіи съ громаднымъ населеніемъ въ 63,000,000 человекъ, — могутъ ли эти области, въ которыхъ даже для самихъ помѣщиковъ выгодно отмѣненіе крѣпостнаго права, — могутъ ли онѣ подвергаться всѣмъ безчисленнымъ неудобствамъ, вытекающимъ изъ обязательнаго труда, потому только, что въ двухъ или трехъ небольшихъ овругахъ, не имѣющихъ и 3,500,000 населенія, для нѣкоторыхъ земледѣльцевъ наемный трудъ *можетъ быть* (не навѣрное, вовсе нѣтъ, и только можетъ быть, да и то едва ли) будетъ менѣе выгоденъ, нежели обязательный? Припомнимъ еще, что даже для этихъ немногихъ землевладѣльцевъ небольшихъ овруговъ наемный трудъ безъ содѣйствія *будетъ* приносить выгоду, и сомнѣніе только въ томъ, будетъ ли онъ приносить имъ *столько* выгоды, сколько обязательный *).

Таковъ результатъ, къ которому приводитъ примѣненіе въ Россіи той нормы, которая поставлена Токеромъ. Но мы замѣтимъ, что эта норма, подъ которую уже подходитъ почти вся Европейская Россія, слишкомъ высока. Было бы слишкомъ долго здѣсь излагать, почему должно признать слишкомъ высокимъ число 66 жителей на квадратную англійскую милю, при которомъ по Токеру начинается рѣшительная невыгодность обязательнаго труда для землевладѣльцевъ. Довольно будетъ указать одинъ фактъ: сѣверные штаты Американскаго Союза, въ которыхъ нѣтъ обязательнаго труда, процвѣтаютъ, какъ извѣстно, при свободномъ трудѣ, и всѣ жители ихъ, землевладѣльцы и земледѣльцы, капиталисты и работники, одинаково думаютъ, что для всѣхъ ихъ было бы раззореніемъ, если бы существовалъ у нихъ обязательный трудъ. Между тѣмъ, густота населенія въ этихъ штатахъ гораздо менѣе нежели въ Европейской Россіи **).

ния, въ которыхъ недостоверна (хотя и вѣроятна) выгодность наемнаго земледѣльческаго труда, едва имѣютъ жителей 3,500,000.

Въ томъ часѣ крѣпостныхъ крестьянъ неше 2,000,000 душъ обоего пола.

Если въ Вологодской и Вятской губерніяхъ, имѣющихъ климатъ болѣе холодный и населеніе не болѣе плотное (Вятка) или даже гораздо менѣе плотное (Вологда), наемный трудъ выгоденъ, то мы имѣемъ всю вѣроятность ожидать, что точныя свѣдѣнія покажутъ его выгоду и для этихъ областей.

*) По Тенгоборскому, число всѣхъ помѣщиковъ въ губерніяхъ: Новгородской, Псковской, Костромской и Минской — 12,107; изъ нихъ имѣютъ менѣе 20 душъ, то есть, ни въ какомъ случаѣ не могутъ сколько-нибудь порлочнонымъ образомъ жить доходами въ своихъ помѣстьяхъ — 6,323. Остается помѣщиковъ, у которыхъ доходы съ помѣстьевъ имѣютъ нѣкоторую важность — 5,784. Итакъ, съ одной стороны, благо государства и прямая выгода 63,000,000 человекъ (не говоря уже про облегченіе судьба крѣпостныхъ крестьянъ), — съ другой — быть можетъ нѣкоторый убытокъ для 5,784 лицъ, — быть можетъ, нѣкоторый убытокъ, а быть можетъ, также и для нихъ самихъ выгода.

**) Вотъ цифры населенія сѣверныхъ (не имѣющихъ обязательнаго труда) штатовъ Американскаго Союза, за 1850 годъ:

1) Штаты Новой Англіи (Мэнъ, Ньюгемпширъ, Вермонтъ, Массачусетсъ, Родъ-Айлендъ, Коннектикутъ) 2,727,579 жителей на 63,226 англ. квадр. миляхъ, то-есть 43,07 жителей на квадр. англ. милю или 916 на квадр. геогр. милю. Въ Европейской Россіи гораздо гуще населены губерніи: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Кіевская, Полтавская, Рязанская, Калужская, Орловская, Пензенская, Ярославская, Тамбовская, Черниговская, Воронежская, Владимирская, Нижегородская, Гродненская, Ковенская, Казанская, Харьковская, С.-Петербургская, Тверская, Волынская, Виленская, Смоленская, Область Бессарабская, губ. Могилевская, также Царство Польское, Курляндія и Лифляндія. Равную этимъ штатамъ населенность имѣютъ губерніи: Симбирская и Вятская.

2) Северозападные штаты (Индіана, Иллинойсъ, Мичиганъ, Уисконсинъ и Йова) 5,168,000 жителей на 308,210 квадр. англ. миляхъ, то-есть по 16,75 жителей на квадр. англ. милю или 356 жителей на квадр. геогр. милю; въ Европейской Россіи почти всѣ области гораздо болѣе населены; менѣе 356 жителей на квадр. геогр. милю имѣютъ только губерніи: Архангельская, Астраханская, Олонекская, Великое княжество Финляндское (во всѣхъ этихъ областяхъ нѣтъ обязательнаго труда) и губерніи Вологодская, Пермская, Оренбургская и Земля Донскихъ Ка-

Но зачѣмъ искать за Атлантическимъ океаномъ примѣровъ того, что въ земляхъ, населенныхъ гораздо меньше, нежели русскія области съ крѣпостнымъ правомъ, наемнымъ трудомъ поля воздѣлываются съ выгодною противъ обязательнаго труда? У насъ подъ глазами Финляндія, въ которой населенность гораздо меньше, нежели во всѣхъ нашихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ, въ которой климатъ суровѣе, почва неблагодарнѣе, нежели въ русскихъ областяхъ нашей Имперіи. Мы видимъ, что наемный трудъ финляндскаго земледѣлія приноситъ владѣльцамъ земли болѣе выгодъ, нежели получаютъ нани землевладѣльцы отъ земледѣлія съ обязательнымъ трудомъ.

Но Финляндія населена инымъ племенемъ, съ другими привычками? Есть у насъ примѣры и въ одноплеменныхъ намъ странахъ. Сибирь съ своимъ чрезвычайно рѣдкимъ населеніемъ превосходно воздѣлываетъ свои поля безъ обязательнаго труда. Впрочемъ, зачѣмъ ходить въ Азію, когда много такихъ примѣровъ и въ Европейской Россіи? Архангельская и Олонецкая губерніи—самыя малонаселенныя страны Европейской Россіи, и однако же вовсе не нуждаются въ обязательномъ трудѣ тамошніе землевладѣльцы для того, чтобы съ выгодною для себя воздѣлывать каждый удобный для хлѣбопашества кусокъ земли.

Если наемный земледѣльческій трудъ во всѣхъ безъ исключенія странахъ Европейской Россіи, допускающихъ по своему климату земледѣліе, выгоденъ, то мы не знаемъ, зачѣмъ послѣ этого нужно существованіе обязательнаго труда. „Зачѣмъ, говоритъ Гавстгаузенъ, чтобы издержки производства не падали на землевладѣльца“—а, это хорошо.

Впрочемъ, едва ли не напрасно оспаривали мы выводъ Гавстгаузена о необходимости обязательнаго труда,—онъ самъ отступаетъ отъ этого вывода, говоря, что есть средство съ выгодною вести хозяйство наемнымъ трудомъ: нужно только, чтобы наемные работники не сидѣли сложа руки,—для этого слѣдуетъ или нанимать ихъ только на время полевыхъ работъ, или во время зимы, когда нѣтъ полевыхъ работъ, давать имъ другое занятіе. Если такимъ легкимъ способомъ, по мнѣнію Гавстгаузена, можно сдѣлать наемный земледѣльческій трудъ выгоднымъ, къ чему же толковалъ онъ, и особенно къ чему еще рѣшительнѣе его толковалъ вслѣдъ за нимъ Тенгоборскій, о надобности въ обязательномъ трудѣ? и къ чему опять послѣ того начинаетъ онъ толковать о необходимости того же обязательнаго труда для сохраненія большихъ помѣщичьихъ хозяйствъ? Вѣдь онъ самъ уже объяснилъ, какимъ образомъ они удобно могутъ поддержатся и безъ обязательнаго труда.

Въ заключеніе всего, надѣлавъ противорѣчій самому себѣ, Гавстгаузенъ говоритъ, что обязательныя повинности должны быть ограничены закономъ, и Тенгоборскій наивно прибавляетъ, что въ дѣйствительности русскій крѣпостной крестьянинъ *n'est pas taillable et corvéable à volonté*, какъ нѣкогда французскій. Такъ смѣло противорѣчить фактамъ можно только въ книгѣ, писанной на иностранномъ языкѣ, назначенной не для русскихъ читателей, изъ которыхъ каждому слишкомъ хорошо извѣстны слѣдующіе факты:

Замѣнить барщину оброкомъ или ссадить крестьянъ съ барщины на оброкъ

заковъ (во всѣхъ этихъ областяхъ наемный трудъ въ земледѣліи выгоденъ, какъ извѣстно изъ положительныхъ фактовъ). Во всей остальной Европейской Россіи населеніе гуще, нежели въ этихъ штатахъ, и стало бы надобности въ обязательномъ трудѣ еще меньше, нежели въ нихъ.

зависитъ отъ воли помѣщика. Надобно ли объяснять, что такіа перемѣны чаще всего производятся въ видахъ увеличенія доходности имѣнія?

При оброчномъ положеніи, величина оброка зависитъ совершенно отъ воли помѣщика.

При барщинѣ, воля помѣщика опредѣляетъ:

- 1) Пространство господской запашки; отъ него зависитъ число рабочихъ дней.
- 2) Дополнительные къ барщинѣ сборы натурою (полотно, ягоды, курн, яйца, и т. д.).

3) Отправленіе обозной повинности.

При оброкѣ и барщинѣ, воля помѣщика одинаково опредѣляетъ, до какихъ лѣтъ мужикъ несетъ тягло.

Это главныя и общія черты того вліянія, которыя имѣетъ воля помѣщика на величину повинностей.

Надобно ли прибавлять, что отъ воли того же лица зависитъ, останется ли оно вѣрно обыкновенному порядку, какого держится большинство, или вздумаетъ отличаться отъ большинства какими-нибудь особенностями, то-есть, удовольствуется ли этими и другими обыкновенными способами полученія доходовъ отъ обязательнаго труда, или введетъ другіе способы?

Изъ этихъ способовъ, которыхъ ве держится большинство помѣщиковъ, но принять которые можетъ каждый желающій помѣщикъ, назовемъ хотя слѣдующія:

1) Учрежденіе завода или фабрики съ обязательными трудомъ.

2) Соединеніе оброка съ барщиною, двумя путями: А) съ преобладаніемъ барщины, причемъ денежный оброкъ есть уже, такъ сказать, сверхкомплектный окладъ (независимый отъ дополнительныхъ сборовъ, упомянутыхъ выше); В) съ преобладаніемъ оброка, при которомъ барщина есть уже, такъ сказать, сверхкомплектный окладъ. Напримѣръ: А) полная барщина во все время полевыхъ работъ, съ оброкомъ въ 5 или 10 рублей съ тягла за зиму; В) оброкъ въ 20 или 30 рублей съ тягла, съ работою по одной или по полуторы недѣли во время запашки и сѣнокоса.

3) Переводъ пахотныхъ крестьянъ всей деревни на мѣсячину.

4) Поставка рекрутовъ сверхъ комплекта.

Этихъ способовъ можно бы назвать гораздо больше, но полного списка ихъ никогда, не только намъ, но и никому въ мірѣ, не удалось бы составить, потому что изобрѣтательность человѣческаго ума неистощима.

При всѣхъ своихъ увѣреніяхъ въ необходимости сохранить въ Россіи обязательный трудъ, Тенгоборскій почему-то, вѣроятно вслѣдствіе внутренняго увлеченія ошибочными мнѣніями, которыя такъ основательно опровергъ, начинаетъ говорить о средствахъ уменьшитъ объемъ и произволъ обязательнаго труда и даже во-все уничтожить эту повинность. Онъ чрезвычайно восхищенъ, замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ барщина замѣняется оброкомъ, а въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ вводится урочное положеніе, и воображаетъ, что это великій шагъ впередъ, и что оброкъ чуть ли уже не есть превращеніе обязательнаго труда въ поземельную ренту, т. е. уничтоженіе обязательнаго труда; изъ такой прекрасной мечты онъ выводитъ, что можно правительству и не заботиться объ этомъ дѣлѣ,—оно, дескать, совершается само собою, по волѣ самихъ землевладѣльцевъ, по мѣстнымъ

удобствомъ, безъ участія правительства, и во всякомъ случаѣ составляетъ мѣст-
ный, а не государственный вопросъ.

Мечта эта прелестна, какъ лучшая изъ идиллій Теокрита. Чтобы вѣрить ей.
нужно только два очень легкія условія: не понижать или отвергать факты, и спу-
тывать самыя основныя экономическія понятія.

Барщина иногда замѣняется оброкомъ, — есть ли это уменьшеніе произвола въ
наложеніи обязательнаго труда? Совсе нѣтъ. напротивъ, произволъ увеличивается.
Обычай и, въ случаѣ нужды, законъ можетъ мѣшать увеличенію барщины вышѣ
трехъ дней; размѣръ obroka не зависитъ ни отъ обычая, ни отъ закона, онъ весь
въ произволѣ. Когда барщина обыкновенно замѣняется оброкомъ? Тогда, когда
онъ выгоднѣе для помѣщика, нежели барщина; потому результатъ его вообще уве-
личеніе, а не уменьшеніе обязательныхъ повинностей. Барщина касается только
сельско-хозяйственнаго, извознаго и фабрично-заводскаго труда, obrokъ обнищаетъ
всѣ промыслы и занятія. Торговецъ изъ крѣпостныхъ людей по системѣ барщины
долженъ былъ бы только поставить вмѣсто себя работника, — то есть отправлять
повинность цѣною въ 20, 30 р. сер. въ годъ; во онъ платитъ obrokъ въ 50, 100
и болѣе рублей. Мы вовсе не отдаемъ преимущества барщинѣ передъ оброкомъ.
мы говоримъ только, что obrokъ ни мало не составляетъ шага впередъ къ умень-
шенію произвольности въ наложеніи обязательныхъ повинностей.

При томъ, если барщина иногда замѣняется оброкомъ, то развѣ иногда не
сводится деревня, обратно, съ obroka на барщину? Кто считалъ, которое изъ этихъ
двухъ направленій имѣетъ перевѣсъ въ общей массѣ?

Урочное положеніе также зависитъ отъ воли помѣщика; и стоитъ ли говорить
объ этомъ измѣненіи, которое можетъ быть и удобно для сельскихъ работъ, но ни
мало не относится до различія между наемнымъ и обязательнымъ трудомъ? Наем-
ный трудъ точно также, какъ и обязательный, бываетъ поденный или урочный:
при наемномъ трудѣ урочное положеніе очень часто выгодно для усиленія производ-
ства; при обязательномъ трудѣ это бываетъ далеко не всегда, потому что уроки
опредѣляются, подобно величинѣ obroka, одностороннимъ образомъ и размѣръ ихъ
часто ведетъ только къ расширенію трехдневной работы на четырехдневную и бо-
лѣе, черезъ опредѣленіе такихъ поденныхъ уроковъ, которыхъ нельзя исправить
въ день, и черезъ пропажу для мужика дней неудобной погоды; при такомъ по-
рядкѣ, энергія труда можетъ ослабѣвать даже болѣе, нежели при поденной работѣ.
То же самое часто бываетъ и слѣдствіемъ obroka.

„Оброкъ есть шагъ къ замѣнѣ обязательнаго труда поземельною рентою“ —
вовсе нѣтъ. Оброкъ есть средство получать съ помѣстья больше доходовъ, нежели
могла бы доставить барщина; ни къ чему другому ни средствомъ, ни шагомъ онъ
не служить. Чрезвычайно любопытное сближеніе его съ поземельной рентой: оно
совершенно похоже на сближеніе обязательнаго труда вообще съ наемнымъ трудомъ.
Рента опредѣляется свободною торговою сдѣлкой между отдающимъ и нанимаю-
щимъ землю, точно такъ, какъ плата за работу свободнымъ торгомъ между на-
нимателемъ и нанимающимся. Оброкъ назначается волею землевладѣльца точно
также, какъ и вообще размѣръ обязательнаго труда. Ни на одинъ волосъ не ближе
obrokъ къ рентѣ, нежели барщина къ найму.

Правительство можетъ не заботиться объ уничтоженіи обязательнаго труда, —

ну да, оброкъ все равно что рента, — ну да, оброкомъ уже уничтожается обязательный трудъ.

„Во всякомъ случаѣ отмиженіе обязательнаго труда должно быть мѣстнымъ вопросомъ“. Умилителенъ доквй оборотъ, придаваемый дѣлу словами „мѣстный вопросъ“. Что вто значить? то-ль, что по различію мѣстностей, формы и размѣры вознагражденія, опредѣляемые землевладѣльцу за отмигну обязательнаго труда и передачу частя земаль крестьянамъ, должны быть различны? Но въ этомъ смыслѣ все совершающееся въ государствѣ подойдетъ подъ формулу мѣстнаго вопроса. Государство беретъ поземельную подать съ крестьянъ, живущихъ на государственныхъ земляхъ; — величина этой подати не по всему государству одинакова, напротивъ, сообразна мѣстнымъ условіямъ. Десятина земли въ одной губерши платитъ больше, нежели въ другой, въ одномъ уѣздѣ больше, нежели въ другомъ. Государство даетъ жалованье учителямъ гимназій и армейскимъ офицерамъ; — форма выдачи различна: офицеры получаютъ жалованье по третиямъ, учителя гимназій по мѣсяцамъ; а размѣръ жалованья различенъ по мѣстностямъ: тотъ самый учитель латинскаго языка, который въ Петрозаводскѣ получаетъ 500 р. с., въ Пензѣ получаетъ только 400, потону что въ Петрозаводскѣ содержаніе дороже, нежели въ Пензѣ; вопросъ о жалованьи рѣшенъ, какъ видимъ, по мѣстныхъ условіямъ. Если это хотѣлъ сказать Тевгоборскій, каждый согласится съ нимъ. Но попробуйте согласиться на выраженіе „мѣстный вопросъ“, и черезъ пять минутъ вамъ объяснятъ защитники обязательнаго труда, что умыселъ другой тутъ былъ, и какой именно умыселъ — слишкомъ ясно доказывается всѣми предивествовавшими разсужденіями Тевгоборскаго о томъ, что необходимо сохранить крѣпостное право, а если суждено когда нибудь уничтожиться этого выгодноу для насъ учрежденію, то подождетъ того времени, когда барщина сама собою замѣнится оброкомъ, а оброкъ самъ собою обратится въ ренту, отъ которой онъ впрочемъ мало чѣмъ и отличается, а правительству, дескать, хлопотать объ этомъ ничего.

„Съ теченіемъ времени обязательный трудъ облегчается смягченіемъ нравовъ и правительству нѣтъ надобности вмѣшиваться въ эти дѣла“. Въ отвѣтъ на это выпишемъ нѣсколько словъ изъ Рошера, котораго никто не назоветъ человѣкомъ крачнаго взгляда на вещи или любителемъ перемины, или партизаномъ правительственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія.

„Прогрессъ цивилизаціи отягощаетъ бремя обязательнаго труда. По мѣрѣ того, какъ возрастаютъ требованія роскоши, бездна, отдѣляющая господина отъ слуги или крестьянина, расширяется съ каждымъ днемъ. По мѣрѣ того, какъ развивается промышленность и торговля, господинъ находитъ все больше и больше выгоды требовать чрезмѣрнаго труда. По мѣрѣ того, какъ, съ развитіемъ общества, покровительство законовъ становится все болѣе и болѣе дѣйствительнымъ, опасеніе насмій — эта послѣдняя узда, которая могла бы удерживать жадность, — становится все болѣе и болѣе слабымъ, а между тѣмъ деморализація и господинъ и слугъ все увеличивается соразмѣрно возрастаю роскоши. Съ обѣихъ сторонъ страдаетъ чистота нравовъ. Лепю древней комедіи былъ хозяинъ невольницъ. Въ Англійскихъ Вестъ-Индскихъ колоніяхъ, когда существовало тамъ невольничество, часто случалось, что посѣтитель, пріѣхавшій въ гости къ плантатору, уходя спать, говорилъ провожавшему его негру, чтобы прислать ему дѣвушку, и говорилъ это стѣсняясь или совѣщаясь также мало, какъ если-бы въ Англіи просилъ зажечь въ своей комнатѣ на ночь лампу.

„Этимъ объясняется, почему у всѣхъ почти народовъ, при развитіи цивилизаціи, государственная власть старалась о смягченіи обязательнаго труда. Самодержавная мо-

нархія у всѣхъ почти народовъ видѣла себя въ необходимости энергически содѣйствовать уничтоженію обязательнаго труда и вообще улучшенію участи низшихъ классовъ. Въ Италіи Фридрихъ II освободилъ всѣхъ государственныхъ невольниковъ. Въ Англіи, Альфредъ Великій старался, хотя безуспѣшно, объ освобожденіи невольниковъ. Вильгельмъ I имѣлъ болѣе успѣха. Королева Елисавета совершила тоже въ Англіи, что Фридрихъ II въ Италіи. Даже въ Россіи царь Іоаннъ III возвратилъ крестьянамъ свободу перехода, которой лишились они во время Монгольскаго ига; но они снова потеряли это право въ смутныя времена при началѣ XVII вѣка, когда усилилось значеніе вельможъ въ правительственныхъ дѣлахъ. Въ Богеміи, когда при Владиславѣ II усилилось дворянство, было возстановлено крѣпостное право, уничтоженное въ прежнія времена. Датская аристократія, когда усилилась въ государствѣ, также подчинила крѣпостной зависимости свободныхъ поселянъ.

„Наконецъ, при высокой степени развитія цивилизаціи, непреодолимая сила общественнаго мнѣнія приводитъ къ уничтоженію всѣхъ остатковъ рабства“ *).

Кому это объясненіе необходимости правительственныхъ мѣръ въ отиѣненіи обязательнаго труда покажется недостаточнымъ, тому, конечно, будетъ пріятно прочесть слѣдующія соображенія, которыми, какъ намъ кажется, совершенно отстраняется всякое сомнѣніе по этому вопросу.

Сдѣлаемъ полнѣйшую уступку теоріи, говорящей, что правительство не должно вмѣшиваться въ политико-экономическія отношенія. Положимъ, что правительство никогда, ни въ какой формѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не должно касаться дѣлъ, совершающихся подъ вліяніемъ политико-экономическихъ принциповъ. Мы выразили правило о независимости экономическаго труда отъ административныхъ мѣръ съ такою безусловною энергіею, отъ которой далеки самые ревностные приверженцы этой системы. Прекрасно, что же изъ того слѣдуетъ? — правительство не должно нарушать независимаго дѣйствія политико-экономическихъ отношеній; такъ; какихъ же принциповъ и отношеній не должно касаться правительство? — политико-экономическихъ. Теперь: обязательный трудъ принадлежитъ ли къ политико-экономическимъ принципамъ, отношенія, имъ порождаемыя, подлежатъ ли правиламъ политико-экономической науки? Нѣтъ. По словамъ Шторха, въ его лекціяхъ, читанныхъ покойному государю Николаю I, тогда бывшему Великимъ княземъ, — по словамъ Шторфа „обязательный трудъ не подлежитъ вѣдѣнію политической экономіи: онъ совершенно чуждъ кругу понятій и отношеній, подлежащихъ этой наукѣ и ея правиламъ“. Всѣ ученые, занимавшіеся политическою экономіею, отъ Адама Смита до Роиера, согласны въ этомъ.

Такимъ образомъ, думайте какъ хотите о зависимости или независимости политико-экономическихъ принциповъ и отношеній отъ правительства, — ваши политико-экономическія теоріи ни мало не прилагаются къ вопросу объ обязательномъ трудѣ. Обязательный трудъ — явленіе совершенно чуждое правиламъ политической экономіи, историческое явленіе совершенно иной сферы. Онъ и возникаетъ и держится въ противность всякимъ экономическимъ принципамъ; это явленіе чисто историческое, возникающее изъ отношеній и событій, подлежащихъ вѣдѣнію политики, военнаго быта, административной власти, но никакъ не политической экономіи. Роль его, относительно политико-экономическихъ принциповъ, — роль препятствія ихъ развитію. Правительство имѣетъ не только право, оно, по требованію всѣхъ экономистовъ, имѣетъ прямую обязанность удалить отъ народной

*) Рошеръ. „Основанія политической экономіи“, переводъ Волоскаго, часть I, §§ 72 и 73.

жизни всё препятствіи дѣйствию экономическихъ принциповъ. Напримѣръ, когда въ государствѣ мало безопасности на дорогахъ—это препятствуетъ развитію экономическихъ принциповъ, и потому государство не только можетъ, но прямымъ образомъ обязано водворить безопасность на дорогахъ. Точно также, по мнѣнію всѣхъ экономистовъ, правительство обязано всѣми своими силами поддерживать правосудіе, наблюдать за исполненіемъ контрактовъ, карать преступленія и т. д. Точно таковы же его обязанности по дѣлу свободнаго труда, который одинъ признается политическою экономіею: прямая обязанность правительства состоятъ въ отстраненіи всѣхъ препятствій къ развитію этого экономического принципа.

Какимъ образомъ правительственная власть отстраняетъ препятствія дѣйствию экономическихъ началъ, это дѣло чисто административной науки, дѣло политики, но не политической экономіи. Политическая экономія требуетъ результата; какимъ путемъ политика и администрація достигнуть этихъ результатовъ,—для политической экономіи все равно.

Этотъ аргументъ совершенно достаточенъ для здраваго смысла. Но, кромѣ здраваго смысла, бываютъ въ людяхъ страсти. Противъ нихъ существуютъ аргументы, еще болѣе точные, и т. д.

Въ этой статьѣ мы говорили вообще о благотворности дѣла, начатаго Высочайшими рескриптами отъ 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года. Въ слѣдующей должны мы говорить въ частности о каждомъ изъ основаній, на которыхъ должна быть, по этимъ рескриптамъ, совершена великая реформа, ими начинаемая.

ЗАМѢЧАНІЕ НА СТАТІЮ «О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»,

помѣщенную въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ за 1857 г.

(Письмо въ редакцію).

Русскіе журналы имѣютъ огромный авторитетъ у насъ, въ провинціи, — это, конечно, извѣстно вамъ, гг. журналисты. Но, можетъ быть, журналисты не знаютъ всей силы того горячаго сочувствія, которое пробудилось въ насъ (читающихъ и мыслящихъ провинціалахъ) къ журналамъ, особенно въ послѣднее время, когда въ нихъ не только затронуты, но такъ основательно поставлены и значительно уже развиты самыя жизненные современные вопросы, болѣе или менѣе къ намъ близкіе.

Выразить это сочувствіе къ русской журналистикѣ вообще, и вмѣстѣ съ этимъ найти въ вашемъ журналѣ органъ для нѣкоторыхъ убѣжденій и мнѣній, истекающихъ изъ этихъ же началъ, которыхъ держится вашъ журналъ, и расходящихся только нѣсколько въ подробностяхъ, или въ практическихъ прижвненіяхъ. вотъ мысль, которая побуждаетъ меня писать къ вамъ.

Если вы, м. г., не поскучаете, изрѣдка, письменною бесѣдою съ однимъ изъ вашихъ провинціальныя читателей и (безъ всякаго каламбура) искреннихъ почитателей русской журналистики, то я, безъ всякой опредѣленной программы, по поводу каждой интересующей васъ мысли или мнѣнія, будутъ ли они высказаны въ вашемъ или въ другомъ какомъ періодическомъ изданіи, стану передавать вамъ откровенно собственное свое мнѣніе о тѣхъ же предметахъ, предлагать вопросы и недоумѣнія, которыхъ полное разрѣшеніе можетъ показаться необходимымъ.

Еще признаюсь вамъ въ одномъ самолюбивомъ побужденіи, подкрѣпившемъ мою рѣшимость взяться за перо, которое большею частію упражняется въ однихъ агрономическихъ замѣткахъ. Не разъ случалось слышать и мнѣ самому и другимъ, такимъ же мирнымъ, какъ я, землевладѣльцамъ, отзывы столичныхъ бюрократовъ, что есть такого рода современные вопросы, въ которыхъ мы не должны и „не можемъ“ быть судьями, потому что мы „не можемъ“ судить безпристрастно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшанъ личный нашъ „интересъ“. Я не взялся бы доказывать ни одному чиновнику, господину, который имѣетъ о всѣхъ насъ таія „интересныя“ понятія, что, можетъ быть, многіе изъ насъ гораздо болѣе многихъ

изъ нихъ имѣють искреннато сочувствіи въ гѣмъ самымъ вопросамъ, на которые намекають бюрократы, чуждые всякихъ поземельныхъ интересовъ; не взялся бы именно потому, что истинное сочувствіе во всему человѣческому должно выражаться не въ однихъ словахъ, не въ однѣхъ громкихъ фразахъ, которыя ровно ничего не стоятъ рисующемуся резонеру, но на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительныхъ и личныхъ жертвахъ, приносимыхъ общему дѣлу. Одно я легко могъ бы доказать этимъ господамъ, именно то, что мы больше ихъ знакомы съ нѣкоторыми изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ они судятъ слишкомъ высокимъ тономъ, и что мы не совсѣмъ чужды современныхъ убѣжденій. Но пусть лучше нѣкоторыя изъ этихъ убѣжденій выскажутся здѣсь, на болѣе приличномъ и открытомъ поприщѣ, чѣмъ въ празднои рѣчи, между двумя робберами ералаша.

Кстати припомнилось одно обстоятельство, которое можетъ отчасти служить доказательствомъ, что и мы, провинціалы, легко можемъ быть партизанами всего истиннаго и высокаго, независимо отъ мѣстныхъ пристрастій и личныхъ самолюбій. Боже мой! съ какиимъ искреннимъ сочувствіемъ, съ какиимъ горячимъ энтузіазмомъ, встрѣчали у насъ, въ провинціи, каждую новую строчку Гоголя, въ лучшую эпоху его дѣятельности, и съ какою грустію печалились о томъ несчастномъ переломѣ въ его жизни, который отвлекъ его отъ этой дѣятельности, и погрузилъ въ туманы безплоднаго аскетизма! Мы и тогда уважали въ немъ чловека, во въ то же время горько сожалѣли о заживо умершемъ великомъ художникѣ, о недоконченныхъ и уже погибшихъ его произведешяхъ. „Мертвыя Души“ не переставали быть нашею настольною книгою. А между тѣмъ, казалось бы, ближе всего было мелкимъ самолюбіямъ оцетиниться противъ писателя, который заклеилъ обиденную жизнь неизгладимою печатью пошлости, вынесъ на свѣтъ Божій и на позоръ добрымъ людямъ, изъ нашей же живой среды, типы Ноздрева, Собакевича и прочихъ.

Извините за невольное отступленіе отъ современности. Впрочемъ, и теперь еще дѣятельность Гоголя, какъ первый шагъ въ нашемъ самосознаніи, имѣетъ живую, неразрывную связь со всѣми вновь пробужденными стремленіями въ самонаправленію, къ обновленію. Притомъ, я заранѣе предупредилъ васъ, и еще разъ прошу позволенія: говорить обо всемъ, что впадаетъ на мысль и на сердце, не подчиняясь никакой предупосланной программѣ, тѣмъ менѣе системѣ, которой не можетъ быть въ моей корреспонденціи, не имѣющей никакихъ претензій, никакихъ притязаній. Но возвратимся къ вашему журналу.

На этотъ разъ я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ къ окончательному разъясненію чрезвычайно важнаго предмета, по поводу напечатанной въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ статьи о поземельной собственности.

Прежде всего скажу, что основная идея, ея развитіе и главные выводы совершенно совпадаютъ съ моимъ собственнымъ убѣжденіемъ. Нѣкоторыя противорѣчія, или недоумѣнія, возникаютъ изъ рассмотрѣнія подробностей, кажется не совсѣмъ оправдываемыхъ опытомъ; но я впередъ увѣренъ, что эти недоумѣнія разрѣшатся при далѣйшемъ разъясненіи предмета. Иначе и быть не можетъ, при убѣжденіи въ вѣрности основной мысли и при логическомъ ея развитіи. Я нисколько не спору; я одинаково убѣжденъ въ сущности дѣла и въ истинѣ основныхъ положеній, и только желаю разъясненія нѣкоторыхъ подробностей, которыя,

ниѣ кажется, и въ настоящее время и долго еще будутъ непримѣнимы къ нашей общественной жизни.

Принципъ общиннаго владѣнія непогрѣшителенъ, и мы чрезвычайно счастливы тѣмъ, что онъ не только вполне примѣнимъ къ нашей будущности, но существуетъ уже, какъ фактъ, въ настоящемъ, сроденъ нашему толковому народу и прочно легъ уже въ основаніе нашей общественной жизни. Это такое благо, которому могутъ позавидовать и опередившіе насъ въ развитіи народы: оно въ нашихъ рукахъ, и можетъ въ будущемъ предохранить отъ язвы пролетаріата многіе нильоны русскихъ людей. Это истина, и притомъ истина какъ нельзя болѣе утѣшительная. Дорожить этимъ благомъ, какъ даромъ Провидѣнія, лелѣять его, по возможности развивать болѣе и болѣе,—это наша непремѣнная и отрадная обязанность. Но не надо ласкать себя обманчивой надеждой, что переходъ въ эту будущность изъ настоящаго состоянія возможенъ скоро—и возможенъ безъ переходнаго состоянія. Такихъ скачковъ никогда не дѣлали народы—и мы не можемъ сдѣлать. Развить эту мысль можно бы очень подробно; но здѣсь неумѣстно. *Sapienti sat.* Я только къ тому веду рѣчь, что и принципъ частнаго владѣнія, хотя бы онъ и вытѣснялся постепенно общиннымъ, будетъ еще долго и долго господствовать и,—какъ переходное состояніе,—неизбѣженъ. Если это такъ, то первый вопросъ, мнѣ кажется, состоятъ только въ томъ, какъ одновременно совмѣстить возможно мирное господство обоихъ способовъ владѣнія, и какъ распоряженіе частною собственностью сдѣлать наивозможно плодотворнымъ и нестѣснительнымъ для соприкасающагося съ нимъ общиннаго владѣнія. За тѣмъ уже можетъ подлежать къ разрѣшенію другой вопросъ: какъ оградить навсегда, благотѣльное для бодьшинства, общинное владѣніе отъ возможности вторженія въ его область частнаго, и какой лучшій и мирный путь къ постепенному расширенію этой области, съ усовершенствованіемъ самаго распоряженія общественною собственностью. Время сдѣлаетъ остальное.

Если мы согласны съ авторомъ означенной статьи въ томъ, что частные собственники пока неизбѣжны, то почему же нѣтъ спасенія безъ системы фермерства, которую самъ авторъ находитъ слишкомъ неудовлетворительной и даже вредной? Онъ и на первыхъ страницахъ высказываетъ и потомъ, въ приложеніи В, подробно развиваетъ мысль, что собственнику неудобно и почти невозможно самому производить въ имѣніи прочныя улучшенія, при господствѣ системы фермерства. Да, при послѣднемъ условіи, это дѣйствительно справедливо. Но тамъ, гдѣ еще, слава Богу, не развито фермерство, и частные собственники еще не связаны никакими контрактами, почему жъ имъ и не заняться самимъ этими улучшеніями? Если соединеніе въ одномъ лицѣ охоты къ труду, знанія дѣла и капитала—очень рѣдко, особенно у насъ, то все-таки возможно. Большее или меньшее знаніе дѣла и *охота по неволѣ* сами собою явятся, вслѣдствіе необходимости обезпеченія и нѣвотораго улучшенія своего состоянія,—не говоря уже о тѣхъ, правда немногихъ, собственникахъ, которые смотрятъ на это дѣло серьезно и имѣютъ къ нему призваніе. Останется одно затрудненіе—въ недостаткѣ капитала. А гдѣ жъ у насъ эти фермеры—капиталисты?—и откуда они явятся, если не изъ среды тѣхъ же собственников?—Что же, если силою обстоятельствъ историческихъ, вся наша поземельная собственность распадется на два почти равныхъ отдѣла общинныхъ и частныхъ земель? Вѣдь это, не правда-ли, очень возможно,—

даже желательно, — даже неизбежно?... Предположимъ, что это уже совершилось. Съ одной стороны, общинныя земли, непремѣнными постановленіями, навсегда уже обезпеченныя отъ возможности отчужденія въ частную собственность, и начинающія организоваться на евойственныхъ имъ началахъ. Съ другой, частные собственники, предоставленные собственному знанію дѣла и собственнымъ своимъ средствамъ. Фермеровъ еще нѣтъ; а капиталы у частныхъ собственниковъ уже появились, вслѣдствіе самаго перехода значительной части поземельныхъ угодій въ общинное владѣніе, — что не могло произойти безъ денежнаго вознагражденія прежнимъ землевладѣльцамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, если не всё, то большая часть собственниковъ очень могутъ и должны заняться сами принадлежащимъ имъ дѣломъ, потому что имѣютъ уже въ этомъ средства и побужденіе въ собственномъ интересѣ. И да избавитъ насъ Богъ, при тавихъ, на первый разъ, очень благопріятныхъ данныхъ, отъ развитія фермерства въ томъ видѣ, какъ оно является въ Англіи! — Оно не будетъ уже намъ и опасно, если когда-нибудь приблизительно половина поземельной собственности будетъ уже распредѣляться по принципу общиннаго владѣнія, если область его, въ которую ве можетъ уже вторгаться частная собственность, можетъ постепенно раздвигать свои предѣлы: присоединедемъ (обязательнымъ или добровольнымъ) измелъчавшихъ, до извѣстнаго предѣла, чрезъ наслѣдственное дробленіе, участковъ, — къ прилежащей общинѣ; предоставледемъ права каждому частному собственнику распорядиться, для своего семейства и потомства, землями, на основаніи принципа общиннаго владѣнія, и т. п. Такъ, или иначе, но лишь бы дана была возможность движенія къ расширенію предѣловъ общинной области, вмѣщающей интересы огромнаго большинства, и, съ другой стороны, лишь бы отнята была всякая возможность у частной собственности на незаконное посягательство, — частные собственники, заботясь о своемъ частномъ благѣ, невольно будутъ содѣйствовать общему. — Все это, какъ вы видите, предположительно, — иначе и быть здѣсь не можетъ, — но согласитесь, что все это очень возможно.

Результатъ всего мною сказаннаго тотъ, что я желалъ бы, въ вашей статьѣ, во-первыхъ, не много болѣе уступки въ пользу частной собственности, исторически неизбежной, можетъ быть, какъ состоянія переходнаго, и, во-вторыхъ, допущенія возможности разумнаго распоряженія землями частныхъ собственниковъ, независимо отъ системы фермерства, до сихъ поръ намъ совершенно чуждой, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, искренно желалъ бы, чтобы угрожающій намъ въ будущемъ призракъ фермерства не парализировалъ, въ настоящемъ, частныхъ нашихъ усилій къ усовершенствованію нашего сельскаго хозяйства, — а со временемъ, и совсѣмъ исчезъ предъ поглощающимъ вліяніемъ общиннаго начала. Таковы, по крайней мѣрѣ, мои *pia desideria*.

Другое, второстепенное замѣчаніе, или недоумѣніе, относится къ примѣрно принятому авторомъ 57-лѣтнему періоду, для сравненія выгоды прочныхъ улучшеній для общинника и для фермера. Эта цифра, разумѣется, примѣрная; но чѣмъ она ближе будетъ къ дѣйствительной, тѣмъ убѣдительнѣе, и тѣмъ менѣе можетъ подать повода въ сомнѣнію, для людей противнаго или еще неустановившагося мнѣнія, въ истинѣ принятаго начала. Предполагая, что затрата капитала на улучшеніе состоитъ въ удобреніи земли, — случай самый обыкновенный и наиболѣе общій, — находимъ слѣдующее. По теоріи и на практикѣ признано несо-

инѣннымъ, что вто улучшеніе оказываетъ замѣтное дѣйствіе на періодъ очень кратковременный, и, притомъ, съ каждымъ новымъ оборотомъ зерновыхъ посѣвовъ, несмотря на посредствующіе кормовые и на отдыхъ земли въ пару, дѣйствіе вто постепенно и быстро ослабѣваетъ. Такъ что, напримѣръ, при обыкновенномъ трехъ-польномъ сѣвооборотѣ, послѣ шести хлѣбныхъ жатвъ, слѣдовательно *въ 9-тилѣтній періодъ*, отъ самаго сильнаго удобренія незамѣтно уже и слѣдовъ, — хотя, разумѣется, вообще говоря, земля, хоть разъ удобренная, все-таки предпочтительнѣе земли равнокачественной, во никогда неудобравшейся и одинаково истощенной. Дѣло въ томъ, что *избытокъ дохода*, вслѣдствіе удобренія, далеко не будетъ равномѣренъ при слѣдующихъ еяѣнахъ и срокахъ, на которые можетъ подраздѣлиться принимаемый періодъ, если даже онъ будетъ 9-тилѣтній, не говоря уже о 57-ми и 60-ти годахъ, о которыхъ земледѣльцамъ страшно и подумать. Слѣдовательно, затрата капитала на удобреніе должна возобновляться въ каждый 9-тилѣтній, и еще вѣрнѣе—въ 60-тилѣтній періодъ. Изъ этого видно, что результатъ сравнительнаго разсчета выйдетъ совсѣмъ иной, если принять цифры, гораздо болѣе приближающіяся въ дѣйствительности. Не говорю уже о томъ, что здѣсь приняты для сравненія выгоды общинника и фермера, а не собственника, производящаго улучшенія, собственнымъ своимъ капиталомъ, на принадлежащей ему землѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, сравнительный разсчетъ уже видоизмѣнился бы не въ пользу общинника: выгоды могутъ быть между ними почти равномѣрны, въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, затраты на удобреніе, которое принесетъ всю свою пользу, даже разъ возобновившись, гораздо прежде новаго передѣла общинной земли, полагая срокъ его въ 15 лѣтъ. Но вто замѣчае, повторяю, второстепенное, нисколько не подрывающее истины основнаго положенія, и предлагаемое только для большаго разъясненія такого важнаго предмета.

Въ заключеніе, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, съ опасностью быть обвиненнымъ въ противорѣчіи и въ несостоятельности моей логики, позвольте настоять на увѣреніи, что хотя я и отстаиваю нѣкоторыя права частной собственности, какъ исторической необходимости, однако въ тоже время глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ и плодотворности общиннаго начала. Но между признаніемъ непогрѣшительности принципа и признаніемъ возможности полнаго его приложения, въ данное время, большая разниа. Если бы во мнѣ, въ несчастію, могло быть малѣйшее побужденіе оспаривать истину началъ, принятыхъ въ основніе авторомъ статьи о поземельной собственности, то довольно было бы, чтобы зажать мнѣ ротъ, одной картины, поразительной своей правдою, распредѣленія поземельной собственности по принятому принципу наслѣдственности (Приложеніе Д.). Противъ этой общественной аномаліи, мнѣ выжется сподручнымъ и радикальнымъ одно средство: замѣна наслѣдственности по частному принципу порядкомъ наслѣдованія, примѣненнымъ къ общинному началу, что ни мало не нарушаетъ интересовъ и правъ частныхъ собственниковъ. Напротивъ, я взялся бы доказать осязательно, что этотъ видоизмѣненный порядокъ наслѣдованія, не выходя изъ области частнаго права, удовлетворяетъ въ одно время и требованію справедливости и родовому, кровному чувству заботливости о судьбѣ своего потомства. Живое представляю, въ своемъ воображеніи, эту картину наслѣдственнаго движенія поземельной собственности, на общинномъ основаніи, картину, которая могла

бы служить въ pendant въ начертанной авторомъ, для вагляднаго доказательства той же истины... Но объ этомъ надо говорить или подробно и много, или ограничиться однимъ этимъ указаніемъ. Предпочитаю здѣсь послѣднее.

Вотъ, м. г., въ первый разъ все то, что я намѣренъ былъ вамъ высказать, въ слинкомъ обременяя ваше вниманіе и не выходя изъ позволительныхъ границъ письменной бесѣды. Если вы пожелаете когда нибудь ея возобновленія, то самымъ яснымъ знакомъ этого желанія будетъ — появленіе моего письма на страницахъ вашего журнала.

Провинціалъ.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЕ Г. ПРОВИНЦІАЛА.

Теперь можно говорить прямѣе, нежели возможно было почтенному автору письма и намъ два или три мѣсяца назадъ, и мы надѣемся, что объясненія, которыя можемъ теперь дать о нашихъ мнѣніяхъ, во многихъ случаяхъ удовлетворять почтеннаго корреспондента, показавъ ему, что большая часть сомнѣній, возбужденныхъ въ немъ нашими статьями, произошла не отъ того, чтобы мы въ сущности имѣли образъ мыслей, съ которымъ бы не могъ онъ согласиться, но единственно оттого, что мы или не могли или не умѣли съ достаточною точностью выразить свою мысль о нѣкоторыхъ подробностяхъ предмета.

Почтенный корреспондентъ начинаетъ свои замѣчанія увѣрешиемъ, что многіе изъ нашихъ землевладѣльцевъ заботятся о разрѣшеніи крѣпостнаго вопроса съ выгодою для крестьянъ не менѣе, нежели люди, упрекающіе землевладѣльцевъ въ холодности къ этому дѣлу. Мы не знаемъ, насколько авторъ при этомъ увѣреніи обращался лично къ намъ, но, имѣя теперь возможность, мы вообще находимъ полезнымъ точнѣе прежняго выразить наше мнѣніе о классѣ, къ которому принадлежитъ нашъ корреспондентъ. Нѣтъ сословія, которое не имѣло бы своихъ недостатковъ, нѣтъ положенія, при которомъ личныя интересы человѣка не бывали бы часто противоположны справедливымъ выгодамъ многихъ другихъ людей и пользамъ цѣлаго государства. При существованіи крѣпостнаго права это примѣнялось къ положенію помѣщиковъ гораздо болѣе, нежели къ положенію многихъ другихъ сословій, — наприимѣръ, не говоря уже о самыхъ поселянахъ, торговцевъ, промышленниковъ, домовладѣльцевъ, даже человѣкъ, живущій процентами съ денежнаго капитала, — даже (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ государственной службы) чиновникъ занималъ относительно требовавшей справедливости и національнаго благосостоянія болѣе нормальное положеніе, нежели помѣщикъ. Но изъ того, что извѣстный классъ занимаетъ положеніе, несогласное съ этими условіями, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы лица этого класса можно было осуждать за невыгоды, приносимыя государству или другимъ сословіямъ тѣми условіями быта, которыя составляютъ привилегію сословія. Можно желать уничтоженія привилегіи, несогласной съ справедливостью, гуманностью и государственною пользою; но чувства наши относительно самыхъ лицъ, Пользующихся существующею привилегіею, совершенно зависятъ отъ чувствъ, которыми проникнуты сами они. Во всякой многочисленной корпораціи бывають люди очень различнаго образа мыслей и образованности. Одни изъ привилегированныхъ могутъ желать сохраненія своей привилегіи, другіе могутъ желать ея измѣненія. О послѣднихъ поговоримъ послѣ; теперь замѣтимъ, что и первые въ своемъ желаніи, конечно противномъ государственной выгодѣ, могутъ

руководиться побужденіями очень различными. Многіе отстаиваютъ свою привилегію только потому, что не понимаютъ другого порядка вещей, просто потому, что вообще боятся покинуть рутину. Это люди мало развитые, и ихъ умственная слабость, какъ всякая слабость, заелуживаетъ сострадательной помощи. Человѣкъ, болѣе развитой, показалъ бы себя недостойнымъ уваженія, если бы вздумалъ враждовать противъ такихъ личностей, вмѣсто того, чтобы просвѣщать ихъ. Есть многіе другіе, для которыхъ прекращеніе привилегіи соединено въ ближайшемъ будущемъ съ такими убытками, которыхъ не могутъ вынести ихъ настоящіе средства, хотя въ будущемъ, болѣе отдаленномъ, и для нихъ, какъ для всего государства, прекращеніе привилегіи будетъ выгодно. Относительно такихъ людей мало заботъ о просвѣщеніи ихъ взгляда: имъ нужно матеріальное пособіе, чтобы они могли пережить безъ раззоренія переходный періодъ. Изъ этихъ двухъ разрядовъ можетъ быть состоятъ большинство людей, неблагопріятствующихъ прекращенію привилегіи. И хотя привилегія, продолженія которой они хотѣли бы, несомнѣнно вредна, но столь же несомнѣнно и то, что эти личности не могутъ быть предметомъ вражды со стороны справедливаго поборника улучшеній. Съ одними онъ долженъ доброжелательно бесѣдовать о средствахъ и путяхъ, которыми они могутъ не только не проиграть, а напротивъ выиграть при отиѣнѣ привилегіи; въ пользу другихъ онъ самъ долженъ прискивать матеріальныя средства, чтобы они въ замѣнъ прежнихъ источниковъ жизни получили новые, если возможно обильнѣйшіе прежнихъ.

Таковы, по нашему мнѣнію, должны быть чувства просвѣщенныхъ противниковъ крѣпостнаго права относительно большинства нанихъ помѣщиковъ. Не помѣщики, намъ современные, присвоили себѣ вредную для государства привилегію пользоваться обязательнымъ трудомъ. Если тѣ, которые не видятъ выгоднаго для себя выхода изъ этого положенія, желали бы сохранить его, тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Человѣкъ, защищающій свои выгоды, вовсе не есть человѣкъ дурной; нужно только показать ему, что съ уничтоженіемъ привилегіи, его благосостояніе не уменьшится, а увеличится; и онъ не будетъ имѣть ничего противъ улучшеній.

Въ каждой многочисленной корпораціи есть люди нравственно дурные, люди, которымъ дорога не столько собственная выгода, сколько возможность удовлетворять дурнымъ страстямъ: тщеславію, самовластію, лѣности, низкимъ порокамъ и т. п. Для этихъ испорченныхъ людей злоупотребленіе пріятно само по себѣ; они возстаютъ противъ улучшеній не по ограниченности ума или свѣдѣній, не по ошибочному разсчету, не по робости передъ нововведеніями, а изъ пристрастія къ дурному. Въ каждомъ сословіи есть такіе люди, но они не принадлежатъ собственно ни къ какому сословію, кромѣ сословія людей нравственно испорченныхъ. Какое бы офиціальное имя ни носили они, все равно, они лично, сами по себѣ, вредны для общества, вредны не положеніемъ своимъ, которое бываетъ очень различно, а качествами своего сердца. Но природа человѣческая такъ благородна по своей сущности, что число такихъ людей незначительно. И каковы бы ни были впечатлѣнія, производимыя на общество нравственно дурными рѣчами или поступками нравственно дурныхъ людей, защищающихъ злоупотребленіе изъ пристрастія къ нему, — какъ бы непріятны ни были эти впечатлѣнія, чувство, ими возбуждаемое, не должно относиться къ цѣлому сословію.

Въ каждомъ сословіи есть люди всякаго рода, въ каждомъ

прочимъ, и нѣсколько человѣкъ нравственно дурныхъ, за которыхъ не обязано отвѣчать сословіе; но съ другой стороны, въ каждомъ сословіи бывають и люди, по своимъ личнымъ качествамъ столько же возвышающіеся надъ большинствомъ, насколько нѣкоторые бывають ниже его. Хотя привилегированное положеніе не всегда благоприятствуетъ нормальному развитію человѣка, но съ другой стороны сословіе помѣщиковъ обладаетъ у насъ, по отношенію въ удобствамъ нравственнаго развитія, столькими средствами, недостающими другимъ сословіямъ, что можно предположить въ сословіи помѣщиковъ большую пропорцію людей, замѣчательныхъ по особенной развитости ума и чувства, нежели во многихъ другихъ сословіяхъ. Вольшая половина всего населеннаго пространства Русской имперіи находится во владѣніи этого сословія. Оно вообще пользуется несравненно большимъ благосостояніемъ, нежели всякое другое сословіе, взятое въ массѣ; даже торгующій классъ далеко не имѣетъ такихъ доходовъ, какъ земледѣльцы; классу помѣщиковъ по преимуществу открытъ доступъ во всѣ учебныя заведенія и вообще онъ имѣетъ гораздо больше средствъ, нежели другія сословія, для своего воспитанія. Это вещь извѣстная, но не должно забывать о другомъ обстоятельстве, не менѣе важномъ для умственнаго и нравственнаго развитія: всѣ внешія общественныя должности заняты людьми изъ этого сословія; извѣстно, что занятіе важными общественными дѣлами есть наилучшая школа для развитія въ человѣкѣ всѣхъ истинно человѣческихъ достоинствъ; извѣстно, что изъ двухъ людей, одинаково одаренныхъ отъ природы, тотъ будетъ имѣть болѣе широкій взглядъ на жизнь, кто болѣе привывъ къ занятіямъ, требующимъ подобнаго взгляда; извѣстно, какъ убійственно дѣйствуетъ и на умъ, и на сердце человѣка такое положеніе, при которомъ всѣ его мысли исключительно прикованы къ мелочнымъ заботамъ о мелочныхъ дѣлахъ; какъ сословіе, одни помѣщики у насъ изъяты отъ этого погруженія исключительно въ мелкіе интересы, они одни заняты широкими заботами о государственныхъ дѣлахъ, нравственно возвышающими человѣка. Надобно думать, что этими благоприятными развитію обстоятельствами вознаграждается невыгодное вліяніе привилегіи на развитіе, и потому должно предполагать, что въ сословіи помѣщиковъ пропорція людей, достигшихъ высокаго нравственнаго и умственнаго развитія, болѣе значительна, нежели во многихъ другихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ, при всемъ возможномъ нерасположеніи въ довѣрчивости похваламъ, безпристрастный человѣкъ едва ли станетъ отрицать, что въ дворянскомъ сословіи находилось и находится много людей, самымъ благороднымъ и полезнымъ образомъ содѣйствовавшихъ разрѣшенію вопроса о крѣпостномъ правѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя забывать того, что изъ людей, наиболѣе заботившихся объ уничтоженіи крѣпостнаго права, большая часть принадлежала и принадлежитъ сословію помѣщиковъ. Почти всѣ дѣльные проекты объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, предшествовавшіе административнымъ мѣрамъ, были составлены людьми изъ сословія помѣщиковъ. Мы не имѣемъ права называть именъ, которыя стали особенно почтенными по заботливости объ этой реформѣ, но эти имена, вѣроятно, извѣстны нашимъ читателямъ и вѣроятно они знаютъ, что всѣ эти лица сами владѣють довольно значительными, а нѣкоторые изъ нихъ огромными помѣстьями. Объ этихъ лицахъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Мы совершенно увѣрены, что благоразумно исполненнымъ отмѣненіемъ крѣпостнаго права чрезвычайно возвысится благосостояніе помѣщиковъ, возвысится

и важность сословій землевладѣльцевъ. Но какъ бы то ни было, это нововведеніе соединено для помѣщиковъ съ отреченіемъ отъ привилегій, которыя справедливо казались имъ очень важными. Возставать противъ привилегія, которою самъ онъ пользуется, человѣкъ можетъ только тогда, когда слишкомъ живо проникнуть стремленіями высокой гуманности: для этого недостаточно разсчета, хотя бы самаго вѣрнаго. Привилегіи имѣютъ въ себѣ такую обольстительность, что пристрастіе къ ней сопротивляется даже очевидной выгодѣ. Когда человѣкъ отказывается отъ привилегія, наше заключеніе о его нравственныхъ достоинствахъ ни мало не зависитъ отъ того, до какой степени выгодно будетъ ему это отреченіе, — во всякомъ случаѣ оно составляетъ высокій нравственный подвигъ, если только оно добровольно. Стремленія тѣхъ лицъ, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, не только были добровольны, но требовали твердости характера и высокой гражданской отважности. Не только не было имъ никакой нужды, никакого разсчета выступать передъ обществомъ съ отреченіемъ отъ своихъ привилегій, напротивъ, всѣ чувства житейскаго разсчета и дюжиннаго благоразумія совѣтывали имъ молчать. Правда, многое зависитъ и отъ того, въ какое отношеніе къ благороднѣйшимъ своимъ представителямъ захочетъ стать сословіе; захочетъ ли оно признавать ихъ своими представителями? Теперь мы знаемъ только, что между помѣщиками коренныхъ Великорусскихъ губерній, первыми вступили на указанный благородный путь помѣщики Нижегородской губерніи.

Послѣ этого предисловія, очень длиннаго, мы можемъ перейти къ замѣчаніямъ, которыя дѣлаетъ почтенный корреспондентъ на наши статьи о поземельной собственности.

Онъ справедливо говоритъ, что между имъ и авторомъ статьи, на которую пишетъ онъ замѣчанія, нѣтъ спора; замѣчанія почтеннаго корреспондента только поясняютъ нѣкоторыя стороны дѣла, безъ достаточной точности изложенныя въ нашей статьѣ, — поясняютъ ихъ совершенно согласно съ духомъ нашихъ собственныхъ мнѣній, и мы принимаемъ ихъ совершенно.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателей на чрезвычайно вѣрное толкованіе, которое мыслями почтеннаго корреспондента придаетъ нашему спору въ защиту общиннаго владѣнія. То, чтобы всѣ наши земледѣльцы имѣли поземельную собственность, — вотъ основное наше желаніе; предпочтеніе общиннаго владѣнія безграничному расширенію частной поземельной собственности основывается для насъ относительно настоящаго и ближайшаго будущаго преимущественно на томъ, что общинное владѣніе представляется намъ единственнымъ средствомъ сохранить каждаго поселенина — хозяина въ званіи поземельнаго собственника. Черезъ тридцать, или двадцать-пять лѣтъ, общинное владѣніе будетъ доставлять нашимъ поселенцамъ другую, еще болѣе важную выгоду, открывалъ имъ чрезвычайно легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли; не можемъ сказать, чтобы это соображеніе не оказывало сильнаго вліянія на нашу приверженность въ общинному владѣнію; но заботы настоящаго всегда бываютъ сильнѣе соображеній о будущемъ, и конечно мы не защищали бы съ такимъ жаромъ общиннаго владѣнія, если бы не побуждала насъ къ тому важность его для настоящаго времени, совершенно справедливо понимаемая почтеннымъ корреспондентомъ.

Если мы дѣйствительно подали нашимъ читателямъ поводъ думать, что мы

упускаемъ изъ виду неизбежность довольно долгаго переходнаго состоянія отъ настоящихъ способовъ обработки отдѣльныхъ участковъ общинной земли частными силами отдѣльнаго хозяина къ общинной обработкѣ цѣлой нѣрской дачи, — если мы дали поводъ къ такому нѣнью о нашихъ понятіяхъ, какъ на то повидимому указываетъ одно изъ замѣчаній, дѣлаемыхъ нами корреспондентомъ. мы выразились неудачно или неполно въ томъ мѣстѣ нашихъ статей, которое подало поводъ къ такому заключенію. Въ подобныхъ недостаткахъ изложенія мы охотно признаемся. Но если вкралось гдѣ нибудь такое упущеніе въ нашемъ изложеніи, въ другихъ мѣстахъ нашихъ статей мы выражались объ этомъ предметѣ съ достаточною ясностью: много разъ положительно и подробно говорили мы о томъ, что при быстромъ развитіи механическихъ и другихъ средствъ для обработки и улучшенія земли, при быстромъ развитіи другихъ промышленности и торговли, при улучшеніи средствъ сообщенія и т. д., нашему земледѣлю предстоитъ вступить въ новую эпоху, когда потребуются отъ него улучшенные способы производства, въ которыхъ оно еще не нуждается теперь или довольно мало нуждается; къ тому времени относили мы осуществленіе многихъ нашихъ понятій, исполненіе которыхъ вовсе не требуется настоящимъ; также положительно говорили мы о томъ, что всѣ эти улучшенія, относимыя нами въ будущему, будутъ происходить постепенно, сообразно развитію потребности въ нихъ. Изъ этого почтенный корреспондентъ конечно увидитъ, что намъ должны казаться совершенно справедливыми его слова, что полнѣйшее развитіе общиннаго принципа должно быть дѣломъ будущаго, а для настоящаго достаточно желать сохраненія въ общинномъ владѣніи той части земли, которая въ немъ находится.

Признавая вмѣстѣ съ почтеннымъ корреспондентомъ необходимость для настоящаго времени въ томъ, чтобы подлѣ общиннаго владѣнія существовала и частная поземельная собственность, мы, конечно, съ полнымъ согласіемъ принимаемъ его мысли о томъ, что общинное владѣніе, огражденное отъ вторженія частной собственности въ свою область, можетъ и должно расширять эту область сообразно тому, какъ будетъ представляться въ томъ надобность, по нѣрв возраставію населенія и развитію другихъ условій, требующихъ этого расширенія области общиннаго владѣнія. Изъ нѣрв, предлагаемыхъ почтеннымъ корреспондентомъ къ тихому достиженію этой цѣли, особенно полезна, въ агрономическомъ отношеніи, кажется намъ его мысль о присоединеніи къ прилежащей общинѣ тѣхъ ключевовъ частной земли, которые черезъ наслѣдственное дробленіе измельчали до извѣстнаго предѣла. Очень важна мысль о передачѣ, по завѣщанію отца, наслѣдственной его земли въ общинное владѣніе его роду; но эта мысль требуетъ точнѣйшаго развитія.

Одобривъ изложенную нами мысль Сисмонди и другихъ эконоинистовъ о раззорительности англійскаго способа фермерства для огромнаго большинства земледѣльческаго населенія, почтенный корреспондентъ не думаетъ, чтобы оно грозило распространиться у насъ. Онъ конечно говорить о настоящемъ, и въ такомъ случаѣ мы съ нимъ совершенно согласны: фермеровъ — капиталистовъ у насъ еще почти нѣтъ, и не могли бы они ни въ какомъ случаѣ овладѣть нашимъ сельскимъ хозяйствомъ въ ближайшія десять или пятнадцать лѣтъ. Но говоря о необходимости оградить нашихъ поселянъ отъ земледѣльческой эксплуатаціи по фабричному принципу фермерства, мы имѣли въ виду эпоху эконоиническаго развитія,

при которой становится возможным такое фермерство. Она совпадает съ эпохою, при которой становится выгоднымъ приложеніе къ земледѣлію большихъ оборотныхъ капиталовъ. Эта пора начинается при извѣстной степени развитіи торговли сельскими продуктами. У насъ она еще не настала, но каждый вникавшій въ быструю, съ которой начала развиваться наша экономическая дѣятельность въ послѣдніе годы, хорошо видитъ, что мы развѣ нѣсколькими десятилѣтіями, вѣроятно не болѣе, какъ двадцатью-пятью или двадцатью годами, удалены отъ той эпохи, когда, напримѣръ, англійскому и французскому капиталисту будетъ также выгодно пустить свой капиталъ въ русское земледѣльческое предпріятіе, какъ нынѣ выгодно ему обратить его на наши желѣзныя дороги и облигаціи государственнаго долга; когда и русскіе капиталы найдутъ для себя выгоднѣйшимъ обращаться въ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, нежели лежать въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Тогда-то, хотѣли мы сказать, въ странѣ, представляющей удобство для обширныхъ селѣско-хозйственныхъ предпріятій на коммерческомъ основаніи, какова Россія,—тогда-то едва ли большинство крупныхъ землевладѣльцевъ удержится отъ искушенія промѣнять на беззаботное полученіе ренты отъ фермера-капиталиста хлопотливую возню съ собственнымъ хозяйствомъ, и хозяйство поселянъ было бы совершенно подавлено соперничествомъ капиталистовъ. Эта будущность отъ насъ не за горами; мы должны предусматривать ее и принимать мѣры къ отстраненію бѣдствій фабричной эксплуатаціи для земледѣльцевъ. Единственнымъ средствомъ противъ этого кажется намъ сохраненіе у поселянъ общиннаго владѣнія. Тогда они, при появленіи нужды въ большомъ оборотномъ капиталѣ для земледѣлія и въ расширеніи размѣровъ хозяйства, найдутъ у самихъ себя, черезъ соединеніе въ товарищества, нужныя денежныя средства и нужный размѣръ полей. Точно также эти товарищества поселянъ будутъ полезны тогда для крупныхъ землевладѣльцевъ. Общины земледѣльцевъ, являясь соперницами капиталистовъ при наймѣ большихъ помѣстій, избавить помѣщика отъ зависимости, въ которую поставила бы монополія капиталистовъ, и отъ невыгодныхъ условій контракта, предписываемаго монополіей.

Ясно, что мы говоримъ о будущемъ, и эти соображенія ни мало не отрицаютъ фактовъ настоящаго, на которые указываетъ почтенный корреспондентъ. Правда, теперь еще нѣтъ у насъ фермеровъ-капиталистовъ; правда и то, что съ освобожденіемъ крестьянъ у землевладѣльцевъ явятся значительные капиталы, которые съ перваго раза дадутъ имъ возможность прекрасно повести сельскохозяйственныя предпріятія. Мы говорили только, что такое положеніе дѣль непродолжительно; что возникновеніе фермеровъ-капіталистовъ неизбежно, какъ скоро страна, неимѣющая общиннаго владѣнія, достигаетъ извѣстной степени экономическаго развитія; съ другой стороны, мы говорили о томъ прирожденномъ чело-вѣческой натурѣ стремленіи, по которому человѣкъ, имѣющій возможность полу-чать, черезъ отдачу своей недвижной собственности въ наймы, бѣсъ всякихъ хлопотъ ренту, доставляющую ему избытокъ въ жизни, не захочетъ возиться самъ съ скучными хлопотами земледѣльческаго хозяйства; мы говорили также о томъ, что большой собственникъ, говоря вообще, не любитъ тратить свои доходы и скорѣе будетъ имѣть долги, нежели значительныя издержки. Изъ этихъ фактовъ мы выводили, что если бы уничтожилось у насъ земледѣльческое хозяйство, то изъ-мерства на фабричномъ основаніи, хотя бы и не было бы въ немъ ничего хорошаго, оно все же имѣло бы преимущество передъ сельскимъ хозяйствомъ.

году, скоро сдѣлалась бы господствующею въ нашемъ сельскомъ бытѣ, и большіе собственники, сами ведущіе свое хозяйство, скоро сдѣлались-бы рѣдкимъ исключеніемъ между собственниками.

Кстати о фермерствѣ на фабричномъ основаніи, какое видимъ въ Англіи. Мы очень жарко говорили противъ него. Но бѣдствіи, изъ него возникающія для поселянъ, возможны только при условіи его преобладанія въ земледѣльческомъ быту. Положеніе работника было бы несравненно лучше, если бы поселянинъ могъ свободно выбирать между работою на участкѣ своего семейства и работою на фермѣ; именно этого выбора нѣтъ въ Англіи, потому что вся земля занята фермерами. Но свобода выбора сохраняется, если фермы будутъ занимать гораздо меньшее пространство земли, нежели участки поселянъ. Потому, если сохранится общинное владѣніе въ его настоящемъ размѣрѣ, и даже, согласно мнѣнію нашего почтеннаго корреспондента и нашему, будетъ расширяться, по мѣрѣ надобности, то и введеніе фермерства на земляхъ большихъ собственниковъ не будетъ невыгодно для поселянъ, которые будутъ наниматься тогда въ работники къ фермерамъ не иначе, какъ на выгодныхъ для себя условіяхъ. Выше мы указали, что при сохраненіи общиннаго владѣнія будетъ оно наиболѣе выгодно и для большихъ землевладѣльцевъ.

Потому мы совершенно согласны съ почтеннымъ корреспондентомъ, что даже англійское фермерство не будетъ для насъ опасно, если у насъ сохранится общинное владѣніе.

Загвнъ остается намъ пополнить одну свою недомолвку, подавшую поводъ къ послѣднему изъ замѣчаній почтеннаго корреспондента. Въ сравнительномъ расчетѣ выгодъ, приносимыхъ долговременными улучшеніями общиннику и фермеру, мы взяли 60-лѣтній періодъ дѣйствій улучшенія. Ошибка наша при этомъ состояла въ томъ, что мы недостаточно указали именно въ этомъ мѣстѣ статьи различіе между сельско-хозяйственными улучшеніями, дѣйствующими долговременно и дѣйствующими кратковременно, и не упомянули, что въ первыхъ заключается вся сущность вопроса, когда дѣло идетъ о выгоды неотъемлемаго владѣнія участкомъ для развитія сельскаго хозяйства. Итакъ, въ томъ мѣстѣ, къ которому относится замѣчаніе почтеннаго корреспондента, рѣчь идетъ о прочныхъ долговременныхъ улучшеніяхъ, каковы, напр., каналы, машины и т. д. для орошенія или осушенія почвы, разведеніе живыхъ изгородей, очищеніе почвы отъ камней, измѣненіе состава почвы примѣсью глины или песку и т. д.,—словомъ, все то, чему мы дивимся въ Шотландскомъ хозяйствѣ,—эти вещи преимущественно имѣютъ въ виду люди, толкующіе противъ общиннаго владѣнія, потому мы должны были обратить главное вниманіе наше на эти долговременно дѣйствующія улучшенія и показать, что даже они при общинномъ владѣніи должны совершаться удобнѣе, нежели при системѣ, по которой собственность на землю и обработка ея не соединяются въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, то есть при такомъ положеніи, въ которомъ находится большая часть земли при полномъ господствѣ частной поземельной собственности.

Заключимъ этотъ отвѣтъ выводомъ не для нашего корреспондента, а для другихъ читателей, особенно изъ сословія помѣщиковъ.

Возможно ли каждому честному человѣку и всей націи не чувствовать горячаго уваженія къ людямъ, подобнымъ автору замѣчаній на нашу ноябрьскую

статью,—къ людямъ, которые, будучи помѣщиками, такъ глубоко сочувствуютъ всему, что можетъ улучшить состояніе поселянина, такъ пламенно желаютъ, такъ твердо рѣшаются содѣйствовать этому улучшенію всѣми возможными мѣрами, безъ всякаго колебанія отодвигал на второй планъ свои собственные интересы, будучи совершенно готовы уступать личные свои разсчеты и выгоды во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда то принесетъ пользу поселянамъ? Къ счастію Россіи и къ чести нашихъ помѣщиковъ, такихъ людей въ сословіи помѣщиковъ много. Дай Богъ, чтобы число ихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Уступка личныхъ выгодъ общему благу—вотъ девизъ истинно благороднаго человѣка.

И не проиграетъ, а безмѣрно выиграетъ сословіе помѣщиковъ отъ такой системы дѣйствій при разрѣшеніи вопроса о крѣпостномъ правѣ, потому что всѣ эти уступки въ десять разъ, во сто разъ вознаграждаются помѣщикамъ выгодами, которыя приносятъ за собою большимъ землевладѣльцамъ сообразное съ государственнымъ благомъ рѣшеніе этого великаго дѣла.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ 1.

Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ до сего времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Давно уже правительство нанимало въ виду необходимость принять мѣры къ устройству и улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Прежде всего вниманіе правительства было обращено на крестьянъ Остзейскихъ губерній, гдѣ отсутствіе патріархальныхъ отношеній, между чуждыми другъ другу по племени и языку дворянами и крестьянами, дѣлало положеніе послѣднихъ наиболѣе тягостнымъ. Въ 1765 году императрица Екатерина II повелѣла генераль-губернатору Остзейскаго края графу Брауну представить правила, опредѣляющія права лифляндскихъ крестьянъ. Тогда положено было начало цѣлаго ряда мѣръ, которыми постепенно уничтожено было въ Остзейскомъ краѣ крѣпостное состояніе.

Не вдаваясь здѣсь въ подробный разборъ мѣръ этихъ, укажемъ только вкратцѣ на общую систему ихъ.

Правилами, составленными дворянствомъ, по повелѣнію императрицы Екатерины въ 1765 году, упрочено было за крестьянами право собственности на движимое ихъ имущество и огражденъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ произволъ помѣщиковъ. Въ 1804 году изданы были для Лифляндской и Эстляндской губерній положенія о крестьянахъ, которыми повинности крестьянъ были опредѣлены соразмѣрно съ цѣнностью земли, находившейся въ ихъ пользованіи; учреждено сельское общественное управленіе и особые присутственные мѣста, для разбора жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ. Такимъ образомъ крестьяне были ограждены отъ произвола и притѣсненій помѣщиковъ. Но тѣсныя рамки, въ которыхъ были поставлены отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, дѣлались часто стѣснительными для обоихъ сословій. Дворяне наконецъ сами ходатайствовали объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Освобожденіе крестьянъ послѣдовало на основаніи особыхъ положеній, изданныхъ для Эстляндской губерніи въ 1816 году, для Курляндской въ 1817 и Лифляндской въ 1819 году.

Всѣ эти положенія составлены были при участіи самихъ дворянъ: дворянству предлагались главные основанія предполагаемой мѣры, положеніе составлялось на мѣстѣ самимъ дворянствомъ и разсматривалось въ С.-Петербургѣ, въ особомъ ко-

мнтетѣ, составленномъ изъ правительственныхъ лицъ и изъ депутатовъ дворянства, которые могли такимъ образомъ защищать предъ правительствомъ свои мнѣнія. Система эта служила ручательствомъ за полноту и удобопримѣнимость принятыхъ мѣръ и дѣйствительно увѣнчалась успѣхомъ въ томъ отношеніи, что освобожденіе совершилось спокойно и безубыточно для помѣщиковъ; напротивъ того цѣнность имѣній значительно возвысилась послѣ освобожденія крестьянъ. Но съ другой стороны, освобожденіе крестьянъ вовсе безъ земли повлекло за собою линіеніе многихъ крестьянъ участковъ земли, состоявшихъ въ ихъ пользованіи, для присоединенія участковъ этихъ къ господскимъ полямъ, и чрезъ то непомѣрное возвышеніе арендной платы, вслѣдствіе совмѣстничества безмѣстныхъ арендаторовъ. Все это, особенно въ Лифляндіи и Эстляндіи, повело къ обѣдненію крестьянъ, бывшихъ и безъ того уже въ незавидномъ положеніи, и вызвало наконецъ необходимость измѣнить и дополнить законы 1816 и 1819 годовъ, предоставленіемъ крестьянамъ извѣстнаго пространства земли въ постоянное пользованіе, особыми мѣрами къ постепенному уничтоженію барщины, учрежденіемъ въ Лифляндіи банка для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу въ собственность арендуемыхъ ими участковъ и наконецъ нѣкоторымъ разширеніемъ общественныхъ правъ крестьянъ. Дополненія и исправленія эти заключаются въ Лифляндскомъ Положеніи 1849 года и въ Эстляндскомъ Положеніи 1856 года. Остается только желать, чтобы новыя положенія успѣли дѣйствительно улучшить бытъ остзейскихъ крестьянъ. А между тѣмъ пусть прежнее ихъ положеніе служить для Великороссійскихъ губерній живымъ примѣромъ того, къ чему можетъ привести освобожденіе крестьянъ, безъ всякаго предоставленія имъ права на пользованіе землею.

Послѣ Остзейскихъ губерній, вниманіе правительства было преимущественно обращено на губерніи Литовскія и Бѣлорусскія и на Кіевское генераль-губернаторство. Въ западномъ краѣ Россіи отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ давно уже, по обычаю, опредѣлялись во многихъ ихъ нѣняхъ такъ называемыми „инвентарями“, въ которыхъ, по каждому имѣнію, означены были: повинности крестьянъ, число тягловыхъ работниковъ и количество предоставленной имъ въ пользованіе земли. Но инвентари эти, большею частью установленные самими помѣщиками, не были вовсе для нихъ обязательны; а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ инвентарей вовсе не существовало. Потому они нисколько не могли служить къ обезпеченію крестьянъ противъ произвола владѣльцевъ.

Для разсмотрѣнія и утвержденія существовавшихъ инвентарей и для введенія ихъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ инвентарей еще не было, открыты были, въ 1844 году, въ западныхъ губерніяхъ инвентарные комитеты, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ губернскаго предводителя, вице-губернатора, прокурора, одного чиновника отъ генераль-губернатора, уѣзднаго предводителя губернскаго города и трехъ помѣщиковъ по выбору дворянства.

Въ Виленскомъ генераль-губернаторствѣ инвентари введены были въ дѣйствіе въ 1846 году. Въ губерніяхъ же Бѣлорусскихъ и въ генераль-губернаторствѣ Кіевскомъ, введеніе составленныхъ такимъ порядкомъ инвентарей встрѣтило разныя затрудненія, почему и оказалось необходимымъ указать для введенія инвентарей точныя и подробныя основанія.

Вслѣдствіе этого, 29 декабря 1848 года Высочайше утверждены были, для

губерній Кіевской, Подольской и Волынской, особыя правила „для управленія нѣвними, по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ“.

Правила эти заключались главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

1) Вся мірская земля, состоящая въ пользованіи крестьянъ и подробно означенная въ инвентарѣ, должна была оставаться въ постоянномъ ихъ пользованіи, безъ всякаго измѣненія, за опредѣленныя закономъ повинности. Но помѣщикъ могъ сверхъ того отдавать крестьянамъ въ аренду участки господской земли, по добровольнымъ съ ними условіямъ.

2) Повинности крестьянъ должны были соотвѣтствовать величинѣ отведенныхъ имъ участковъ и соразмѣряться съ одною третью всего ихъ дохода, но съ тѣмъ, чтобы барщина не превышала трехъ рабочихъ дней съ тяглаго двора.

3) Для соразмѣренія повинностей съ землей, въ каждомъ нѣвнѣ опредѣленъ, по мѣстнымъ удобствамъ, нормальный размѣръ полнаго *тяглаго* участка и дозволено выдѣлять инымъ крестьянамъ меньшіе *полутяглые* участки, которые составляли бы однако не менѣ половины нормального тяглаго участка.

4) За пользованіе тяглымъ участкомъ, каждое семейство обязано было исполнять барщину однимъ работникомъ съ парю рабочаго скота, въ теченіе трехъ дней въ недѣлю, и одною работницею, по одному дню въ недѣлю. За полутяглый же участокъ требовались: съ каждаго семейства одинъ пѣшій работникъ, по два дня въ недѣлю, и одна работница, по одному дню въ недѣлю.

5) Въ случаѣ смерти тяглаго хозяина и отсутствія въ его семействѣ работника, который бы могъ пользоваться тяглымъ участкомъ и исполнять за него повинности, помѣщикъ могъ передать тотъ участокъ другому крестьянину, не линіая однако вдовы и непристроенныхъ дѣтей умершаго усадьбы и огорода. Въ случаѣ же размноженія въ семействѣ способныхъ къ работѣ крестьянъ, помѣщикъ могъ, за недостаткомъ тяглыхъ участковъ мірской земли, — давать имъ въ аренду господскую (фольварковую) землю, по добровольному съ ними условію.

6) Объ измѣненіяхъ, какія могли такимъ образомъ послѣдовать, по утвержденіи инвентарей, въ распредѣленіи тяглыхъ участковъ и крестьянскихъ повинностей, помѣщики должны были сообщать уѣздному предводителю, который обязанъ былъ наблюдать за правильностью такихъ измѣненій, равно какъ и вообще за точнымъ исполненіемъ инвентарныхъ правилъ.

7) Для нѣкоторыхъ барщинныхъ работъ постановлены урочныя правила; на-примѣръ: крестьянинъ обязанъ въ день вспахать черноземной или глинистой земли одну четверть десятины; песчаной — одну треть десятины; посѣять хлѣбъ на четырехъ десятинахъ; скосить сѣна на перелогахъ полъ-десятины; на лугахъ и низменныхъ мѣстахъ — одну треть десятины; нарубить одну четверть кубической сажени дровъ и т. п. Работникъ, кончившій урокъ ранѣе вечера, былъ уже на тотъ день свободенъ. При безсрочныхъ же работахъ, положено рабочій день считать отъ восхожденія до захожденія солнца, а съ 15 мая до 15 августа — съ 5 часовъ утра до заката, давая крестьянамъ для отдыха, въ это время, лѣтомъ три, а зимою два часа.

8) Кромѣ барщины, крестьяне обязаны были: а) отработать помѣщику, каждое лѣто, по 12 сгонныхъ дней, съ платою въ день мужчинѣ, съ парю рабочаго скота, за урочную работу — 15 к. сер., за безурочную — 10 коп. сер.; мужчинѣ пѣшему и женщинѣ — отъ 7 съ половиной до 10 коп., смотря по тому, урочная

работа или нѣтъ; и б) въ свободное отъ полевыхъ работъ время отбывать помѣщику, съ каждаго семейства, восемь строительныхъ дней въ годъ.

9) Огородники, т. е. крестьяне, пользовавшіеся одною усадьбою и огородною землею, — были обложены оброкомъ, опредѣлившимся прежнимъ обычаемъ, а бо- были, не пользовавшіеся землею, должны были платить отъ 1 р. 50 коп. до 2 руб. 50 коп.; женщины же — половину.

10) Запрещено посылать крестьянъ съ господскими подводами далѣе 300 верстъ и чаще одного раза въ годъ; притомъ опредѣленъ для этихъ случаевъ способъ вознагражденія крестьянъ и зачета имъ, за каждый проведенный въ проѣздъ и простоу день, по два инвентарныхъ дня.

11) Дозволено помѣщикамъ замѣнять барщинныя работы оброкомъ, по добровольному соглашенію съ крестьянами.

12) За дворовыхъ людей подати платились помѣщикомъ; крестьяне же должны были вносить ихъ сами за себя; если же, по неисправности ихъ, уплата податей была бы обращена на помѣщика, то онъ могъ требовать съ крестьянъ вознагражденія работами, сверхъ положенныхъ въ инвентарѣ.

13) Для точной извѣстности лежащихъ на крестьянахъ повинностей, каждому тяглу и полутяглу хозяину должна была выдаваться особая книжка, за подписомъ владѣльца или управляющаго, въ которой означались лежащія на крестьянинѣ повинности.

14) Расправа между крестьянами и дворовыми людьми и право наказанія ихъ за проступки предоставлены были помѣщикамъ или ихъ управляющимъ, но со внесеніемъ каждаго проступка въ особую штрафную книгу.

Составленные на этихъ основаніяхъ инвентари введены были въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ въ 1852 году.

Въ томъ же году Высочайше повелѣно начала эти распространить и на Литовскія губерніи *), исправивъ, согласно съ ними инвентари 1846 года. Но приведеніе этого въ исполненіе встрѣтило затрудненіе, по неудобопримѣнимости въ Литовскихъ губерніяхъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ. Наконецъ въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ учреждены были изъ дворянъ комитеты, для пересмотра и исправленія инвентарныхъ правилъ и прежнихъ инвентарей. Но комитеты эти, по тщательномъ разсмотрѣніи вопроса, пришли къ убѣжденію, что всего лучше можно было бы устранить всѣ неудобства, произтекающія отъ инвентарныхъ правилъ, уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ.

Между тѣмъ, въ губерніяхъ Могилевской и Витебской, инвентарная система и до сего времени не могла быть введена въ полное дѣйствіе.

Во все это время, въ отношеніи къ прочимъ губерніямъ Россіи, не было еще принято общихъ мѣръ къ устройству крестьянскаго быта; однако съ начала нынѣшняго столѣтія были правительствомъ изданы нѣкоторые частные законы и отдѣльныя правила, клонившіяся къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и къ огражденію ихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ произвола владѣльцевъ.

Постараемся указать здѣсь вкратцѣ на главные изъ вышесказанныхъ по этому предмету узаконеній.

*) Съ нѣкоторыми только измѣненіемъ въ урочныхъ правилахъ.

Въ царствованіе Императора Павла I, указомъ 16 февраля 1797 года, запрещено продавать крестьянъ безъ земли, за долги ихъ помѣщиковъ. Маннфестомъ 5 апрѣля того же года обязательныя барщинныя работы крестьянъ на помѣщиковъ ограничены тремя днями въ недѣлю; при чемъ воспрещено принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни. Затѣмъ, 16 октября 1798 года запрещено продавать Малороссійскихъ крестьянъ безъ земли.

Въ царствованіе Императора Александра I послѣдовалъ, 20 февраля 1803 года, законъ о дозволеніи увольнять помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе вольныхъ хлѣбопашцевъ. Законъ этотъ, съ нѣкоторыми послѣдующими дополненіями, служить и до сего времени руководствомъ при увольненіи крестьянъ; причемъ послѣдніе получаютъ, съ 1848 года, названіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ.

При такомъ увольненіи крестьянъ должны быть соблюдены слѣдующія главные правила:

1) Между крестьянами и помѣщикомъ долженъ быть заключенъ законнымъ порядкомъ, съ утвержденія правительства, добровольный договоръ, въ которомъ обозначаются предоставляемыя крестьянами выгоды, земли и угодья и принимаемыя ими на себя за то обязанности въ отношеніи къ помѣщику.

2) Крестьяне должны непремѣнно быть надѣлены въ собственность земель, которая должна быть раздѣлена между ними при самомъ увольненіи ихъ, или же въ самомъ договорѣ долженъ быть назначенъ способъ и срокъ раздѣленія выдѣленной крестьянскому обществу земли, для предоставленія каждому семейству, въ полную личную собственность, соответственнаго поземельнаго участка.

Мѣра эта принесла уже свои плоды, такъ какъ по означеннымъ правиламъ образовалось къ настоящему времени до 150,000 уволенныхъ такимъ порядкомъ крестьянъ-собственниковъ.

18 октября 1804 года, кунцамъ, получившимъ восьми-классныя чины, дозволено покупать населенныя имѣнія, но не иначе, какъ на основаніи условій, заключаемыхъ при самой покупкѣ имѣнія съ крестьянами, на основаніи указа 20 февраля 1803 года.

14 декабря 1806 года повелѣно: крестьянъ цѣлыми селеніями увольнять не иначе, какъ на основаніи положенія о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

30 ноября 1821 года воспрещено, подъ какимы бы то ни было видомъ, возвращать въ крѣпостное состояніе людей, получившихъ однажды свободу, по отпуску отъ владѣльцевъ или по распоряженію правительства.

6 марта 1823 года постановлены правила для наложенія опеки на помѣщиковъ, за жестокое обращеніе съ крестьянами.

14 ноября 1824 года предоставлено крестьянамъ и дворовымъ людямъ право производить гильдейскую торговлю по торговымъ свидѣтельствамъ.

Въ царствованіе Императора Николая I:

15 февраля 1827 года повелѣно брать въ казенное вѣдомство всѣхъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ, за залогомъ или продажей помѣщиками ихъ земли, будетъ оставаться для прокормленія себя менѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ па дуну.

14 іюля 1827 года воспрещено помѣщикамъ отдавать, по заключаемымъ отъ своего лица условіямъ, крестьянъ своихъ въ горнозаводскія работы.

10 января 1828 года повелѣно: даровать свободу крестьянамъ, отдаваемымъ помѣщиками къ рааночянцамъ въ услуженіе безъ письменныхъ видовъ.

2 апрѣля 1842 года предоставлено помѣщикамъ заключать съ крестьянами договоры на отдачу имъ участковъ земли въ пользованіе, на опредѣленныхъ по обоюдному согласію условіяхъ, съ принятіемъ крестьянами, заключившими договоръ, названія *обязанныхъ крестьянъ*.

Правило это мало имѣло успѣха, тамъ какъ, сколько извѣстно, только три владѣльца перевели своихъ крестьянъ, по договору съ ними, въ сословіе обязанныхъ. Слабый успѣхъ этой мѣры можно объяснить тѣмъ, что съ одной стороны, помѣщики должны были бы, по этимъ правиламъ, добровольно отречься отъ предоставленной имъ надъ крестьянами власти, а съ другой стороны они не видѣли достаточной гарантіи въ исправномъ исполненіи крестьянами условленныхъ повинностей.

29 декабря 1842 года воспрещено помѣщикамъ, которыхъ имѣнія, за жестокое обращеніе съ крестьянами, состоятъ подъ опекою, держать при себѣ въ услуженіи крѣпостныхъ дворовыхъ людей своихъ.

29 ноября 1842 года, воспрещено пріобрѣтеніе крѣпостныхъ людей безъ земли, съ припискою ихъ къ недвижимымъ имѣніямъ, населеннымъ лицами не крѣпостнаго состоянія.

8 ноября 1847 года крестьянамъ имѣній, продающихся съ публичнаго торго за долги, предоставлено право выкупать себя съ землею. Они въ такомъ случаѣ должны были поступать въ званіе государственныхъ крестьянъ, съ правами собственности на землю.

Но постановленіе это было въ 1849 году отмѣнено и замѣнено новыми правилами объ описи и продажѣ недвижимыхъ имѣній.

Такимъ образомъ, хотя до начала минувшаго 1857 года правительство не принимало еще никакихъ общихъ и рѣшительныхъ мѣръ къ устройству на прочныхъ основаніяхъ крестьянскаго быта въ Великороссійскихъ губерніяхъ, — однако, во многихъ отдѣльныхъ постановленіяхъ высказывалось стремленіе къ улучшенію положенія крестьянъ и къ обезпеченію ихъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, противъ произвола и злоупотребленій владѣльцевъ. Но всѣ эти разновременныя постановленія были, болѣею частію, вызваны, каждое особымъ какимъ либо обстоятельствомъ или случаемъ, обратившимъ на себя вниманіе правительства, и не представляли еще въ общей сложности полной и послѣдовательной системы законодательныхъ мѣръ.

3 января 1857 года Государь Императоръ Высочайше соизволилъ учредить въ непосредственномъ Своемъ вѣдѣніи и подъ Своимъ предсѣдательствомъ особый Комитетъ, для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи.

Въ составъ этого Комитета Его Императорское Величество изволилъ назначить: предсѣдателя Государственнаго Совѣта генераль-адъютанта князя Орлова, — съ тѣмъ, чтобы онъ заступалъ мѣсто предсѣдателя тогда, когда Его Императорское Величество не изволилъ предсѣдательствовать въ ономъ, — и членовъ Государственнаго Совѣта: Его Императорское Высочество Государя Великаго Князя Константина Николаевича, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Блудова, генераль-адъютанта графа Адлерберга, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: князя Гагарина, Ланскаго, барона Корфа и графа Палена, генераль-адъютан-

товъ: князя Долгорукова и Чеввина, генерала отъ инфантеріи Муравьева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Брока и генераль-адъютанта Ростовцева.

Производство дѣлъ по Комитету Государь Императоръ изволилъ возложить на Государственную Канцелярію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря, тайнаго совѣтника Бутова, назначивъ ему въ помощь по сему дѣлу исправляющаго должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковскаго.

Существованіе этого Комитета было обнародовано лишь въ февралѣ настоящаго года, при наименованіи оного „*Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу*“.

Спустя нѣсколько нѣсѣцевъ послѣ открытія Комитета по крестьянскому дѣлу поступило, со стороны Комитетовъ, учрежденныхъ въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, для пересмотра существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ, ходатайство объ уничтоженіи въ тѣхъ губерніяхъ крѣпостнаго состоянія.

Вслѣдствіе такого ходатайства, послѣдовалъ 20 ноября 1857 года именной Высочайшій рескриптъ, на имя Виленскаго военнаго, Гродненскаго и Ковенскаго генераль-губернатора, слѣдующаго содержанія:

Высочайшій рескриптъ Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генераль-губернатору.

Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые Комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

Ныѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ довелъ до Моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ симъ Комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ 3-хъ губерній.

Одобряя исполнѣ намѣренія сихъ представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія Моимъ видамъ и желаніямъ, Я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію прозковъ, на основаніи коихъ предположенія Комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю:

1. Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному Комитету, а потомъ для всѣхъ 3-хъ губерній выѣстъ одну общую Комиссію въ г. Вильнѣ.

2. Каждому Губернскому Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными мѣстностями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по непосредственному назначенію начальника оной, и

3. Общей Комиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ 3-хъ Губернскихъ Комитетовъ по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждаго губерніи по ваніему назначенію; и в) одного члена отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Предсѣдателемъ Комиссіи предоставляется вамъ назначать одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству

Губернскіе Комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждаго губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго прозкта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ

оставляется их усадьбная осѣдность, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени приобрѣтають въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ 3-хъ означенныхъ губерній предоставляется Губернскимъ Комитетамъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщить вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ Комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую Комиссію. Комиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія Губернскихъ Комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить прозвъ общаго для всѣхъ 3-хъ губерній Положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во вѣрвенныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, Я предоставляю вамъ дать какъ Губернскимъ Комитетамъ сихъ 3-хъ губерній, такъ и общей Комиссіи нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею Комиссіею прозкъ вы имѣете съ своимъ мнѣніемъ препроводить къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянскому сословию Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ Мною началахъ, Я надѣюсь, что дворянство вполне оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое сему сословию призваніемъ его къ участию въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вы и начальники вѣрвенныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго

Величества рукою написано:

Александръ.

Въ Царскомъ Селѣ
20 ноября 1857.

Вслѣдъ за тѣмъ дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ, почему 5 декабря 1857 года посылѣдовалъ на имя С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

Высочайшій рескриптъ, данный 5 декабря 1857 г., ехъ С.-Петербургу, на имя С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора.

Дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ.

Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, Я предоставляю дворянскому сословию С.-Петербургу-

ской губерніи приступить къ составленію проекта Положенія, на основаніи коего подобныя похвалныя напутренія могутъ быть приведены въ исполненіе, соотвѣтственно Моимъ видамъ и желаніямъ, впрочемъ не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю открыть теперь же въ С.-Петербургской губерніи особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды себя дворянами, властѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ С.-Петербургской же губерніи, по непосредственному назначенію моему.

Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проекта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ С.-Петербургской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главные основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по истиннымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выоолненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція: и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитію сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется Комитету. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить Комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по С.-Петербургской губерніи, Я предоставляю вамъ дать Комитету надлежащіе наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный Комитетомъ проектъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ С.-Петербургской губерніи изысканіями, или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству С.-Петербургской губерніи средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною твердыхъ началахъ, Я увѣренъ, что дворянство вполне оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое сему сословію призваніемъ его въ участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вамъ предоставляется строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ навсегда благосклонный
На подлинномъ Собственною Его Императорскаго
Величества рукою написано:

Александръ.

Въ дополненіе къ сему рескрипту, министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, по Высочайшему повелѣнію, нѣкоторые указанія и свои соображенія, по предмету предстоящаго Дворянскому Комитету труда, изложенныя въ отношеніи его отъ 5 декабря за № 41-мъ, слѣдующаго содержанія:

Я имѣлъ счастье всеподданнѣйше докладывать Государю Императору сообщенные мною Вашимъ Превосходительствомъ составленные дворянами Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ проекты положеній для помѣщичьихъ крестьянъ и назначенія во

или платить оброкъ или отбываютъ работу помѣщику. При подробномъ развитіи и при мѣненіи сихъ основаній необходимо принять къ соображенію слѣдующее:

1. Подъ усадебною оцѣдлостью или крестьянскою усадьбою слѣдуетъ разумѣть нѣ жилия хозяйственный строеніи съ землею подъ онымъ и огородомъ.

2. Права состоянія крестьянъ по окончательномъ ихъ устройствѣ (кромѣ права выхода въ другія мѣстности, которое въ свое время будетъ опредѣлено особымъ распоряженіемъ Правительства) и право собственности на усадьбу приобрѣтается или алымъ віромъ, или крестьянскими семействами отдѣльно, не иначе, какъ уплатою, въ томъ и другомъ случаѣ, владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока. При выкупѣ міроизъ, усадебные участки остаются въ постоянномъ и исключительномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ, къ тому міру принадлежащихъ. При отдѣльномъ же выкупѣ крестьянскими семействами, семейства сіи, съ выкупленною усадьбою, остаются въ составѣ міра и подчиняются условіямъ мірскаго устройства и управления.

3. Означенная уплата можетъ быть произведена или деньгами, или особыми работами, независимо отъ тѣхъ, которыя крестьяне обязаны отбывать помѣщику за земли, отводимыя имъ, на основаніи п. 4 сей статьи, въ пользованіе, и за иныя, предоставляемыя помѣщикомъ въ пользу крестьянъ, по его усмотрѣнію, угоды или мѣстныя выгоды.

4. Изъ остальной земли, за отдѣленіемъ усадебной, предоставляется надлежащее, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ, количество земли въ пользованіе крестьянъ для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ. За пользованіе сею землею крестьяне обязаны или отбывать для помѣщика натуральныя повинности и работы, или же платить помѣщику оброкъ деньгами или произведеніями.

5. Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра, и обмѣнъ ея или части оной, съ присоединеніемъ къ господскимъ полямъ, не можетъ быть допущенъ иначе, какъ по согласенію съ міроизъ и съ утвержденіи тѣхъ особыхъ по уѣздамъ Присутствій, кои будутъ учреждены на основаніи новаго положенія.

6. Размѣръ выкупа по 2 п. сей статьи опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ.

7. На этомъ же основаніи устанавливается и размѣръ obroka и повинностей натурою за отводимую, по 4 п. сей же статьи, въ пользованіе крестьянъ землю.

8. Выкупъ можетъ возлагаться платежемъ погодно на все время переходнаго состоянія.

9. Не нарушая существующаго мірскаго устройства, слѣдуетъ сохранить каждому семейству право на надѣлъ въ его пользованіе землею, стараясь не допускать частаго передѣла и дробленія полей.

10. Выѣстъ съ тѣмъ необходимо сохранить и опредѣлить: права главы семьи крестьянской, права наслѣдства относительно усадебъ и условія, при которыхъ допускается раздѣлъ семей.

11. Натуральныя повинности и работы отправляются по особымъ урочнымъ положеніямъ, кои должны быть составлены Комитетомъ на основаніяхъ, сколь возможно простыхъ и несложныхъ.

и 12. Въ случаѣ неисправности во взносѣ obroka, крестьянинъ обращается на работы натурою. Независимо отъ сего должны быть опредѣлены, съ надлежащей подробностію, мѣры, обезпечивающія исправное исполненіе крестьянами какъ денежныхъ, такъ и прочихъ повинностей помѣщику.

III. Вотчинная полиція оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распределены на мірскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ и составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

IV. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя, въ каждомъ уѣздѣ, Присутствія.

V. По утверждѣніи новаго положенія и по введеніи оного въ дѣйствіе:

1. Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, равно переселеніе крестьянъ, противъ воли ихъ, въ другія мѣста и обращеніе въ дворовые, должны быть прекращены; а съ другой стороны крестьянамъ, въ продолженіе переходнаго состоянія, не можетъ быть дозволено оставлять имѣніе безъ согласія міра и безъ разрѣшенія помѣщика, на землѣ коего они водворены.

2. Предоставляется помѣщикамъ право, во все время переходнаго состоянія, нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ сдавать въ рекруты или отдавать въ распоряженіе Правительства для переселенія въ другія губерніи, но не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ Присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія.

VI. Въ прозектѣ, который будетъ составленъ Комитетомъ, должны быть опредѣлены и указаны:

1. Правила отправленія крестьянами рекрутской повинности. Поставка рекрутъ должна быть предоставлена мірскимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщиковъ.

2. Способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей.

Для сего было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запасекъ и мірскихъ капиталовъ

3. Мѣры, необходимыя: для утвержденія между крестьянами правилъ вѣры и нравственности, для распространенія между ними грамотности, полезныхъ ремеселъ, для призванія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособій больнымъ.

Сообщая о всемъ этомъ Вашему Превосходительству, я имѣю честь покорнѣе просить Васъ, Милостивый Государь, всѣ наложенныя выше соображенія мои передать въ свое время учреждаемому въ С.-Петербургской губерніи Комитету. Если Комитетъ, по мѣстнымъ соображеніямъ, признаетъ неудобнымъ принять которыя либо изъ сихъ соображеній, то я проеялъ бы Ваше Превосходительство, поручить ему, въ окончательномъ его мнѣніи, объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Подписалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *С. Ланской*

Скрѣпилъ Товарищъ Министра *С. Левшинъ*.

Такимъ образомъ положено было начало великаго дѣла прекращенія личнаго крѣпостнаго права на помѣщичьихъ крестьянъ.

На основаніи Высочайшихъ рескриптовъ, указаны дворянству главный непреложный начала, на которыхъ должны совершиться преобразованія въ настоящемъ устройствѣ крестьянскаго сословія; развитіе же началъ этихъ и примѣненіе ихъ къ различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ предоставлено Дворянскимъ Комитетамъ, составленнымъ изъ помѣщиковъ, людей вполне знакомыхъ съ потребностями своего края. Эта система обезпечиваетъ: съ одной стороны справедливость и необходимое единство въ составляемыхъ для разныхъ губерній Положеніяхъ, а съ другой—полноту и удобопримѣнимость сихъ положеній.

Нечего говорить о превосходствѣ такого способа составленія прозектовъ положеній, передъ способомъ кабинетнымъ, когда важный трудъ этотъ поручается чиновникамъ, часто не довольно знакомымъ съ мѣстными потребностями; дворянство, конечно, сознаетъ и безъ сомнѣнія оправдаетъ оказанное ему Государемъ Императоромъ высокое довѣріе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, необходимо было правительству указать дворянству нѣкоторыя общія для всѣхъ мѣстностей начала. Иначе въ различныхъ направленіяхъ, въ противоположныхъ системахъ, какія могли бы быть приняты разными комитетами, произонла бы пестрота, возникли бы противорѣчія, недопустимыя въ подобномъ дѣлѣ. Наконецъ, въ каждомъ отдѣльномъ комитетѣ явились бы несогласія, несогласія другъ съ другомъ, предположенія, и трудно было бы комитетовъ единогласнаго разрѣшенія вопроса.

Начала, указанные дворянству, заключаются въ слѣдующихъ выраженіяхъ Высочайшихъ рескриптовъ:

„Номѣщиканъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадѣбная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику“.

Постановленіемъ этимъ,—заключающимъ въ себѣ коренное начало всей системы предстоящихъ мѣръ и законоположеній по предмету устройства крестьянскаго сословія,—помѣщики обезпечены въ настоящее время въ полученіи съ земли своей доходовъ, а крестьяне обезпечены въ средствахъ къ существованію, предоставленными имъ: правомъ пользованія землей за извѣстныя повинности и правомъ выкупа своихъ усадѣбъ.

Впослѣдствіи сами помѣщики найдутъ, быть можетъ, болѣе удобнымъ предоставить крестьянамъ выкупить въ собственность всю отведенную имъ въ пользованіе землю. Со временемъ и крестьянамъ легче будетъ накопить средства къ такому выкупу, и явится возможность содѣйствовать этому дѣлу устройствомъ кредитныхъ учрежденій, на подобіе лифляндскаго крестьянскаго банка. Дворяне, сохранивъ въ полномъ распоряженіи своемъ свои господскія земли, съ помощью выкупнаго капитала введутъ въ хозяйства свои необходимыя улучшенія и съ выгодною замѣнять барщину вольнонаемнымъ трудомъ. Крестьяне, владѣя собственными участками, плоды улучшеній которыхъ будутъ вполне принадлежать имъ и ихъ потомству, станутъ охотно заниматься земледѣліемъ и вводить у себя мало по малу тѣ хозяйственныя усовершенствованія, которыя они увидятъ у сосѣдей-помѣщиковъ. Все это, должно надѣяться, поведетъ къ быстрому развитію народнаго богатства.

Теперь остается только желать, чтобы указанные правительствомъ начала были правильно развиты и примѣнены дворянствомъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Примѣру губерній западныхъ и С.-Петербургской вскорѣ послѣдовала Нижегородская губернія, дворянство которой представило Государю Императору, составленное 17 декабря 1857 года и подписанное 128 дворянами, постановленіе слѣдующаго содержанія:

1857 года декабря 17 дня, дворянство Нижегородской губерніи въ Губернскомъ Собраніи своемъ, по выслушаніи Высочайшихъ рескриптовъ, данныхъ Виленскому военному, Копенскому и Гродненскому генералъ-губернатору и С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, по предмету устройства быта номѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и С.-Петербургской, съ благоговѣніемъ въ глубокую признательностію усмотрѣло изъ нихъ то высокое довѣріе, которое Государь Императоръ изволилъ оказать дворянству тѣхъ губерній. Всегда стремясь содѣйствовать высокимъ и благимъ предначертаніямъ возлюбленнаго своего Монарха, дворянство Нижегородской губерніи изъявило единодушное желаніе: принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать.

21 декабря 1857 года послѣдовалъ на ния Нижегородскаго военнаго губер-
натора Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержания:

Дворянство Нижегородской губерніи, въ общемъ, бывшемъ по случаю выборов,
собраній, изъявило единодушно желаніе, устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ на
основаніяхъ, кои будутъ ему указаны.

Поручаю вамъ объявить сему благородному сословію Мое совершенное удовольствіе
за новое доказательство всегдашней готовности Нижегородскаго дворянства содѣйство-
вать исполненію наятреній Правительства, устремляемыхъ ко благу общему. Мнѣ въ осо-
бенности было пріятно видѣть, что оно первое успѣшило воспользоваться случаемъ
дать примѣръ сей готовности изъясненіемъ усерднаго желанія способствовать завися-
щимъ отъ него средствами успѣху предпринимаемаго нынѣ важнаго и, какъ можно при
благословеніи Всевышняго надѣяться, равно полезнаго для всѣхъ въ государствѣ со-
стояній дѣла.

Согласно съ желаніемъ дворянства Нижегородской губерніи, Я разрѣшаю ему при-
ступить къ составленію проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣ-
щичьихъ крестьянъ сей губерніи. Предположенія его по сему предмету должны быть при-
ведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго
нынѣ хозяйственнаго устройства имѣній помѣщичьихъ.

Для сего повелѣваю открыть нынѣ же въ Нижнемъ Новгородѣ особый Комитетъ,
подъ предѣтельствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ:
1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды своей дворянами, вла-
дѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ
Нижегородской губерніи, по непосредственному назначенію вашему.

Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго
проекта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Нижего-
родской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ
оставляется ихъ усадебная остьдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени,
приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется
въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ
быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, коли-
чество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества, помѣщикамъ же
предоставляется вотчинная полнота; и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надле-
жащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и
денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи пре-
доставляется Комитету. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщить вамъ свои соображенія,
могущія служить Комитету пособіемъ при ихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Нижегород-
ской губерніи, Я предоставляю вамъ дать Комитету надлежащія наставленія для успѣш-
наго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный Комитетомъ проектъ,
съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Нижегородской губерніи изъясненіями или
особыми правилами, вы имѣете, съ своими мнѣніемъ, препроводить къ Министру Вну-
треннихъ Дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Нижегородской губерніи, согласно собствен-
ному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ
мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что ово вполне оправдаетъ довѣріе, оказываемое
мною сему сословію призваشیемъ его къ участию въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при по-
мощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершенно съ же-
лаемымъ всѣмъ успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ волномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внинали никакимъ адопатрениымъ ввуненіямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю ванъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорснаго
Величества рукою написано:

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.

24 декабря 1857 г.

24 декабря послѣдовало на имя Нижегородскаго военнаго губернатора отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, за № 4, слѣдующаго содержанія:

Я нѣмъ счастье всеподданнѣйше представлять Государю Императору отношеніе Вашего Превосходительства отъ 18 декабря и доставленное при ономъ постановленіе Губернскаго Собранія дворянъ Нижегородской губерніи, въ коемъ дворяне, на бывшихъ нынѣ выборахъ выслушавъ Высочайшіе рескрипты, данные 20 декабря Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генераль-губернатору, и 5 декабря С.-Петербургскому военному генераль-губернатору, объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и С. Петербургской, и видя въ оныхъ анакъ того высокаго довѣрія, которое Его Величество изволилъ доказать дворянству сихъ 4 губерній, единодушно опредѣлили: принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его священную волю, на основаніяхъ, какіи Его Величеству благоудно было указать.

Государь Императоръ, прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ сіе постановленіе дворянства Нижегородской губерніи. Высочайшимъ рескриптомъ, на имя Ваше даннымъ, изволилъ Всеялостивѣйше разрѣшить дворянству—приступить, посредствомъ особо учреждаемаго Комитета, къ составленію проекта надлежащаго по сему важному предмету Положенія, указавъ въ этомъ рескриптѣ какъ порядокъ занятій Комитета, такъ и главные основанія самаго Положенія.

Въ дополненіе къ правиламъ, пзложеннымъ въ семъ рескриптѣ, Государь Императоръ Высочайше сонзволилъ повелѣть:

1. Постановленія, заключающіяся въ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ въ отношеніи моемъ, отъ 5 декабря, за № 41, С.-Петербургскому Военному Генераль-Губернатору, относительно выбора въ Комитетъ членовъ и квидидатовъ, приглашенія въ засѣданія онаго опытныхъ помѣщиковъ, производства расходовъ, наблюденія за ходомъ работъ, срока занятій и вообще дѣйствій Комитета, распространять вполнѣ и на учреждаемый въ Нижегородской губерніи Комитетъ, съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ по С.-Петербургскому Комитету утвержденіе въ разрѣшеніе предоставляется военному генераль-губернатору, по Нижегородской губерніи оно было предоставлено Вашему Превосходительству; и

2. По различію мѣстныхъ обстоятельствъ и потребностей разныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, промысловъ и занятій жителей оныхъ предоставить дворянамъ каждаго уѣзда, при выборѣ членовъ въ Губернскій Комитетъ, нѣтъ предварительныя о сихъ обстоятельствахъ и потребностяхъ совѣщанія.

Вѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоудно было поручить мнѣ сообщить Вамъ мои соображенія, могущія служить пособіемъ означенному Комитету при его занятіяхъ. Какъ сіи соображенія уже изложены въ извѣстномъ Вашему Превосходительству отношеніи моемъ къ С.-Петербургскому Военному Генераль-Губернатору отъ 5 декабря, № 11, то я покорнѣйше прошу Васъ предложить ихъ въ свое время на обсужденіе учреждаемаго въ Нижегородской губерніи Комитета. Если онъ, по истиннымъ уваженіямъ, признастъ неудобнымъ принять которыя-либо изъ сихъ соображеній, то я просилъ бы Ваше Превосходительство поручить ему, въ окончательномъ его мнѣніи объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Подписаль: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ С. Ланской.

Скрѣпилъ: Товарищъ Министра А. Левшинъ.

Послѣ того, по ходатайству другихъ 31-й губершій, послѣдовали Высочайшіе рескрипты, разрѣшавшіе открытіе въ этихъ губерніяхъ комитетовъ изъ дворянъ, для сооставленія проектовъ Положеній объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія указаны были въ приведенныхъ выше рескриптахъ.

Какъ всѣ рескрипты и сопровождавшіе оныя отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ сходны, по содержанію своему, съ приведенными выше, то мы ограничимся перечислешемъ ихъ, съ указашемъ времени ихъ подписанія и частныхъ различій въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, а также времени, когда состоялось постановленіе дворянства, кои въ исходатайствовано было разрѣшеніе на открытіе комитета, и числа подписавшихъ постановленія эти дворянъ,—по тѣмъ губершямъ, по кои въ адреса дворянъ и подписи ихъ были опубликованы въ газетахъ.

Постановленіе *Московского* дворянства состоялось 7 января 1858 года; дворянъ же, изъявившихъ желаніе упрочить бытъ своихъ крестьянъ, было 514. Высочайшій рескриптъ на имя *Московского* военного генералъ-губернатора послѣдовалъ 16 января, а дополнительное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ 17 января 1858 года.

Здѣсь, чтобы не нарушить хронологическаго порядка наложенія правительственныхъ дѣйствій, но предмету устройства крестьянскаго быта, необходимо прервать исчисленіе Высочайшихъ рескриптовъ объ открытіи комитетовъ, чтобы помѣстить, въ подлинникѣ, дополнительное къ прежнему отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому генералъ-губернатору отъ 17 февраля за № 104:

Вѣстъ съ Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя Ваніею Превосходительства, 5 декабря 1857 г., препровождено къ Вамъ и отношеніе мое отъ того же числа, за № 41.

Государь Императоръ, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ желаніе дворянства *Савитпетбургской* губершій приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта крестьянъ, соизволилъ явить Свое высокое довѣріе къ благородному стремленію сего сословія, предоставивъ самимъ дворянамъ развить и примѣнить къ различнымъ мѣстностямъ губерніи главныя основанія, въ Высочайшемъ рескриптѣ Его Величества указанныя.

Посему и соображенія, сообщенныя Ваніею Превосходительству въ означенномъ моемъ въ Вамъ отношеніи, заключаются лишь въ общихъ чертахъ, дабы подробною программю не стѣснить разсужденій и собственныхъ предположеній Губернскаго Комитета.

Нытъ, нѣкоторые изъ Дворянскихъ Комитетовъ, составленныхъ въ губерніяхъ, изъявившихъ желаніе приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта крестьянъ, встрѣчаютъ, какъ мнѣ извѣстно, затрудненія въ своихъ сужденіяхъ, не находя въ отношеніяхъ моихъ къ Ваніею Превосходительству и другимъ генералъ-губернаторамъ и начальникамъ губерній подробнаго разрѣшенія всѣхъ представляющихся имъ вопросовъ: и потому я счелъ нужнымъ присовокупить и сообщить Вашему Превосходительству нѣкоторые къ самъ отношеніямъ изъясненія.

Прежде всего я здѣсь долженъ повторить, что въ отношеніяхъ моихъ, какъ въ прежнихъ, такъ и въ настоящихъ, не надобно искать подробной для сужденій Комитета программы. Мысли и предположенія мои не должны быть почитаемы какъ бы предрѣшеніемъ подлежащихъ вопросовъ: ихъ слѣдуетъ принимать только за указанія на нѣкоторые существенные вопросы, предстоящіе обсужденію Комитетовъ. Развитие сихъ г просовъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлены Высочайшъ рескриптомъ самому дворянству, безъ стѣсненія тѣми, такъ сказать, совѣтамъ изложены въ моихъ отношеніяхъ. О такомъ значеніи моихъ предварительныхъ

ний, ясно упомянуто мною и въ первомъ моемъ къ Вамъ отношеніи за № 14, въ коемъ я сказалъ, что если Губернскій Комитетъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаетъ вторыя-либо изъ сихъ соображеній неудобными, то можетъ не принять ихъ, объясняя только причины, препятствующія ихъ пріиманію.

Предположенія о способѣ рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ устройству быта крестьянъ, будутъ зависѣть отъ собственныхъ соображеній Комитета. Незмѣнными и неприкосновенными должны остаться лишь главные начала сего устройства, въ Высочайшемъ рескриптѣ указаннаго.

Въ сихъ началахъ, т. е. въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осподлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей, заключается то неизбѣжное основаніе, на которомъ должно воздвигнуться и утвердиться предвѣщаемое великое дѣло.

Только въ совокупномъ исполненіи сихъ основныхъ условій Россіи будетъ имѣть залогъ и спокойствія и довольства всѣхъ и каждого, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Указанныя Государемъ Императоромъ начала, неизмѣняемыя въ своей сущности, могутъ и должны подлежать дальнѣйшему развитію въ подробностяхъ и особенно въ примѣненіи ихъ къ различнымъ мѣстностямъ, и сіе именно развитіе основныхъ положеній, по силѣ Высочайшаго рескрипта, на ния Ваше даннаго, поручается Губернскому Комитету.

Имѣя въ виду, что дѣйствія Комитетовъ уже начинаются, я счелъ долгомъ, какъ сказалъ выше, присоединить къ прежнимъ моимъ соображеніямъ еще нѣкоторыя указанія на вопросы, подлежащіе обсужденію Комитета:

1. *Выкупъ усадебъ.* Онъ можетъ быть совершенъ различными способами, сообразно съ мѣстными средствами и потребностями. Если при всѣхъ льготахъ, которыя помѣщики, стремясь къ улучшенію быта своихъ крестьянъ, не преминутъ, конечно, имъ предоставить, выкупъ сей не успѣлъ бы совершиться въ теченіе переходнаго времени, то срокъ выкупа можетъ быть продолженъ, хотя срокъ вообще переходнаго періода и не долженъ ни въ какомъ случаѣ превышать двѣнадцати лѣтъ. Долговые обязательства могутъ оставаться на крестьянахъ и по полученіи ими всѣхъ личныхъ правъ, съ тѣмъ только, что до окончательнаго за усадьбы платежа крестьяне сіи не будутъ полными ихъ владѣльцами.

2. Относительно владѣнія усадьбами можетъ быть постановлено, что выкупленными крестьянами усадьбы должны переходить, по наслѣдству ли, или по даренію, или чрезъ продажу, только къ члену того же крестьянскаго мірскаго общества, или къ лицу, въ то общество принимаемому.

3. Перенесеніе крестьянскихъ усадебъ на другія въ томъ же мѣстѣ можетъ быть допускаемо, но не иначе, какъ съ обоюднаго согласія помѣщика и крестьянъ и съ утвержденія особаго мѣстнаго присутствія.

4. Въ отношенія отводимыхъ въ пользованіе крестьянскаго мірскаго общества полей и другихъ условій, замѣвъ оныхъ и всянія въ томъ перемѣны, сообразно потребностямъ обоюднаго хозяйства помѣщика и сельскаго общества, могутъ быть дозволены по взаимному ихъ соглашенію; недоумѣнія, могущія при семъ возникнуть, разрѣшаются также вышеозначеннымъ мѣстнымъ присутствіемъ.

Однимъ словомъ, принявъ за основаніе начала, Высочайшею волею указаннаго, дворянству предложить изыскать наиболѣе простые и удобныя въ примѣненіи ихъ способы, дабы переходъ крестьянъ къ окончательному устройству ихъ быта совершился въ теченіе опредѣленнаго времени постепенно и правильно, съ соблюденіемъ справедливости и обоюдныхъ польвъ.

Подписаль: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ С. Ланской.

(Танія же отношенія написаны отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Московскому военному генералъ-губернатору, къ Виленскому генералъ-губернатору и къ Нижегородскому военному губернатору).

9 марта сего года послѣдовали Высочайшіе рескрипты на имя Кіевскаго военнаго, Подольскаго и Волынскаго генераль-губернатора (объ открытіи комитетовъ въ *Кіевской*, *Подольской* и *Волынской* губерніяхъ); на имя Оренбургскаго и Самарскаго генераль-губернатора (объ открытіи комитета въ одной *Самарской* губерніи); и на имя начальниковъ *Симбирской* и *Саратовской* губерній, объ открытіи въ обѣихъ этихъ губерніяхъ комитетовъ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, даваномъ Кіевскому генераль-губернатору, установленъ, для учрежденія комитетовъ, порядокъ, подобный тому, какой указавъ для западныхъ губерній, т. е. повелѣно учредить сперва въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской по одному приготовительному комитету, а потомъ, для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ, одну общую комиссію въ Кіевѣ; составъ же комитетовъ и указанная имъ начала тѣ же, какъ и въ другихъ губерніяхъ. Но въ отношеніи министра вѣнутреннихъ дѣлъ къ Кіевскому военному генераль-губернатору соображенія, сообщенныя имъ другимъ губернаторамъ и генераль-губернаторамъ, дополнены объясненіемъ, что въ Кіевскомъ Генераль-Губернаторствѣ, при опредѣленіи повинностей крестьянъ, необходимо принять въ основаніе инвентарныя правила, и нѣкоторыми указаніями на порядокъ выкупа крестьянами усадебъ, основанными на приведенномъ выше отношеніи отъ 17-го февраля.

Въ Самарской губерніи учрежденъ одинъ комитетъ, безъ общей комиссіи для Оренбургской и Самарской губерній, но съ порученіемъ главнаго наблюденія за дѣйствіями комитета генераль-губернатору, подобно тому какъ и по С.-Петербургской и Московской губерніямъ. Самыя же постановленія, которыми всѣ поименованныя губерніи ходатайствовали объ учрежденіи комитетовъ, публикованы не были.

16-го марта послѣдовали Высочайшіе рескрипты, разрѣшавшіе открытіе комитетовъ въ *Орловской* и *Тверской* губерніяхъ. Адресъ, которымъ Орловское дворянство хатайствовало о разрѣшеніи открыть комитетъ, для составленія проекта Положенія о устройствѣ крестьянскаго быта, составленъ 1-го марта и подписанъ 970-ю дворянами. Постановленія же Тверскаго дворянства опубликовано не было.

Послѣ того, по ходатайству дворянства, послѣдовали Высочайшіе рескрипты объ открытіи комитетовъ: 1-го апрѣля въ губерніяхъ *Новгородской*, *Казанской*, *Рязанской*, *Костромской* и *Астраханской*; 5-го апрѣля — въ губерніяхъ *Екатеринославской*, *Тамбовской*, *Полтавской*, *Харьковской* и *Пензенской*; 20-го апрѣля — въ губерніяхъ *Курской* и *Воронежской*; 3-мая — въ губерніяхъ *Могилевской*, *Тульской*, *Псковской*, *Витебской*, *Ярославской* и *Вологодской*; 10-мая — въ губерніяхъ *Херсонской* и *Таврической*; 18-го мая — въ губерніяхъ *Минской* и *Черниговской*. Ходатайство по сему предмету дворянства подписано: по Новгородской губерніи — 419-ю дворянами; по Рязанской губерніи — 799-ю дворянами; по Костромской губерніи — 320-ю дворянами, и по Екатеринославской губерніи — 341-мъ дворяниномъ. Въ Астраханской и Вологодской губерніяхъ, по малочисленности въ оныхъ помѣщиковъ, допущено нѣкоторое отступленіе отъ указаннаго прочимъ губерніямъ общаго порядка, въ отношеніи къ составу комитета; а именно: дозволено избрать въ комитеты по два члена, изъ тѣхъ только уѣздовъ, гдѣ болѣе помѣщичьихъ крестьянъ, а губернатору предоставлено назначить въ члены комитета одного или помѣщика вмѣсто двухъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время открытіе комитетовъ, для составленія провѣстовъ Положеній объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, разрѣшено уже по тридцати шести губерніямъ.

Въ дополненіе къ изложенному выше, мы заимствуемъ изъ мартовской и апрѣльской книжекъ „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ свѣдѣнія объ открытіи и составѣ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ.

По сообщеніямъ, полученнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ Начальниковъ Губерній, Дворянскіе Губернскіе Комитеты по устройству крестьянскаго быта открыты въ 5 губерніяхъ: Санктпетербургской 14 января, Виленской и Нижегородской 19 февраля, день восшествія на престолъ Государа Императора, Гродненской—26 февраля и Ковенской 6 марта.

Комитеты Виленскій, Гродненскій и Ковенскій открыты генералъ-губернаторомъ лично, и тотчасъ по открытіи приступили къ составленію программъ предстоящихъ имъ занятій.

Нижегородскій военный губернаторъ сообщалъ объ открытіи Комитета нѣкоторыя подробности. Въ день открытія, по окончаніи божественной литургіи и молебствія въ Соборѣ, дворянство и чиновники отправились въ дворянскій домъ, гдѣ Преосвященный Антоній, отслуживъ молебенъ, обратился къ членамъ Комитета съ поучительнымъ словомъ. Послѣ сего, члены заняли свои мѣста, начальникъ губерніи открылъ Комитетъ рѣчью, въ которой онъ выставилъ всю важность вѣреннаго Комитету дѣла и необходимость, искренннхъ стремленій къ общему благу, оправдать довѣріе Государа и ожиданіе Россіи. Губернскій предводитель, капитанъ-лейтенантъ Болтинъ, отвѣчалъ отъ имени дворянства, выразивъ полное сочувствіе Нижегородскихъ дворянъ въ начатому великому дѣлу и искреннее общее стремленіе къ благополучному окончанію его. Первое засѣданіе Комитета было на другой день, 20 февраля. Послѣ вступительной рѣчи губернскаго предводителя, Комитетъ занялся распредѣленіемъ занятій и устройствомъ своей канцеляріи, и затѣмъ, въ слѣдующихъ засѣданіяхъ, перенелъ къ исполненію прямыхъ своихъ обязанностей—къ обсужденію предметовъ, относящихся да устройства в улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Виленскій военный, Гродненскій и Ковенскій генералъ-губернаторъ сообщаетъ отъ 21 февраля текущаго года, что въ члены Комитетовъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ и кандидатами ихъ онъ утвердилъ слѣдующихъ лицъ:

По Виленской губерніи.

Отъ Виленскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго секретаря Рудольфа Ясенскаго и кандидатомъ—титularнаго совѣтника Станислава Сидоровича. Отъ Ошмянскаго уѣзда, членомъ—Ошмянскаго уѣзднаго предводителя дворянства Ивана Любанскаго и кандидатомъ—коллежскаго ассесора Юсифа Снядецкаго. Отъ Вилейскаго уѣзда, членомъ—Вилейскаго уѣзднаго предводителя дворянства Мечислава Тукалло и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Александра Олендзскаго. Отъ Свенцявскаго уѣзда, членомъ—надворнаго совѣтника Ходзько и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Ксаверія Довгялло. Отъ Троцкаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Станислава Ромера и кандидатомъ—отставнаго ротмистра Людвигъ Еленскаго. Отъ Дисненскаго уѣзда, членомъ—Александра Ширина и кандидатомъ—Кипріана Длужневскаго, и отъ Лидскаго уѣзда, членомъ—б. Лидскаго уѣзднаго судью Нарциза Жоравскаго и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Оому Шалевича, а также избравшихъ непосредственно начальникомъ губерніи, по Высочайше предоставленной ему власти, помѣщиковъ Виленской губерніи: статскаго совѣтника Геллига и помѣщика Вилейскаго уѣзда Константина Гевлича.

По Гродненской губерніи.

Отъ Гродненскаго уѣзда, членомъ—отставнаго поручика Антона Глязера и кандидатомъ—коллежскаго ассесора Франца Богатко. Отъ Сокольскаго уѣзда, членомъ кол-

лежскаго регистратора Станислава Барвовскаго и кандидатомъ—губернскаго секретаря Владислава Терпилавскаго. Отъ Вѣлостовскаго уѣзда, членомъ—уѣзднаго предводителя дворянства Якова Саковича и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Северина Михалавскаго. Отъ Вѣльскаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Рихарда Дашкевича и кандидатомъ—Мартина Заводскаго. Отъ Брестскаго уѣзда, членомъ—уѣзднаго предводителя дворянства Павла Ягмина и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Константина Карлавича. Отъ Пружанскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго регистратора Александра Осуховскаго и кандидатомъ—губернскаго секретаря Северина Морачевскаго. Отъ Слонимскаго уѣзда, членомъ—отставнаго надпоручика Вандалина Пусловскаго и кандидатомъ—Фларентина Микульскаго. Отъ Волковыскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго ассесора Оаддея Сегеня и кандидатомъ—губернскаго секретаря Игнатія Ширму; отъ Кобринскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго секретаря Ивана Жука и кандидатомъ—отставнаго штабъ-ротмистра Болеслава Жука; а также избранныхъ непосредственно начальникамъ губерній въ члены Комитета помѣщиковъ Гродненской губерніи: коллежскаго совѣтника Порошина и отставнаго полковника Липхарта.

По Ковенской губерніи.

Отъ Ковенскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго ассесора Клетія Бурбу и кандидатомъ—коллежскаго регистратора Якова Гейштора. Отъ Вилькомирскаго уѣзда, членомъ—надворнаго совѣтника Юліяна Помарнацкаго и кандидатомъ—губернскаго секретаря Медарда Кончу. Отъ Новоалександровскаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Эдуарда Ромера и кандидатомъ—отставнаго поручика Франца Ледуховскаго. Отъ Поневѣжскаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Карла Гротуза и кандидатомъ—барона Людвигъ Ропша. Отъ Россіенскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго регистратора Гедгонда и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Ивана Гружевскаго. Отъ Шавельскаго уѣзда, членомъ—титularнаго совѣтника Янчевскаго и кандидатомъ графа Карла Кейзерлинга. Отъ Тельшевскаго уѣзда, членомъ—титularнаго совѣтника Клеофаса Дымшу и кандидатомъ—отставнаго штабъ-ротмистра, Тита Гадона; а также избранныхъ начальникомъ губерніи въ члены Комитета помѣщиковъ Ковенской губерніи: дѣйствительнаго статскаго совѣтника камергера князя Ириней Огнискиса и коллежскаго ассесора Феликса Сесицкаго.

Для составленія проекта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, избраны со стороны С.-Петербургскаго дворянства:

Членами Комитета:

1. *С.-Петербургскаго уѣзда:* дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Корфъ, флигель-адъютантъ ротмистръ графъ Левашовъ. 2. *Шлиссельбургскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства дѣйствительный статскій совѣтникъ Чоголаковъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Безакъ. 3. *Ямбургскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства статскій совѣтникъ баронъ Врангель и сенаторъ тайный совѣтникъ Веймарнъ. 4. *Новоладожскаго уѣзда:* дѣйствит. ст. сов. Лихонинъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Савицкій. 5. *Лужскаго уѣзда:* сенаторъ тайный совѣтникъ Фишеръ *) и генералъ-майоръ Христовскій. 6. *Петергофскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства ротмистръ Зиновьевъ и коллежскій совѣтникъ баронъ Велю. 7. *Царскосельскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства майоръ Платоновъ и сенаторъ тайный совѣтникъ Доватуровъ. 8. *Гдовскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства полковникъ князь Дундуковъ-Корсаковъ и статскій совѣтникъ фонъ-Рейцъ. *Отъ военнаго генералъ-губернатора:* камеръ-юнкеръ статскій совѣтникъ фонъ-Лоде и флигель-адъютантъ полковникъ Шеншинъ.

*) По случаю отказа сенатора Фишера отъ званія члена, въ вѣнѣ кинувшаго февраля утверждёнъ на его мѣсто С.-Петербургскій Военный генералъ-губернаторомъ состоявшій по выбору кандидатомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимофеевъ.

Кандидатами:

1. *С.-Петербургскаго уѣзда*: генераль-майоръ Ольхинъ. 2. *Шлиссельбургскаго уѣзда*: Л. Гв. Ковно-Шонернаго эскадрона капитанъ Ворцовъ. 3. *Ямбургскаго уѣзда*: коллежскій совѣтникъ Дешъ. 4. *Новоладожскаго уѣзда*: генераль-майоръ Теляковский. 5. *Дугскаго уѣзда*: дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимофеевъ. 6. *Петергофскаго уѣзда*: статскій совѣтникъ Пейкскъ. 7. *Царскосельскаго уѣзда*: дѣйствительный статскій совѣтникъ Кандалинцевъ. 8. *Гдовскаго уѣзда*: въ званіи камергера баронъ Фитингофъ.

Списокъ членовъ и кандидатовъ губернскихъ комитетовъ для составленія проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ вѣрстанъ.

МОСКОВСКАГО КОМИТЕТА.

I. Отъ Дворянства, по уѣздамъ:

1) *Московскому*: члены—полковникъ Николай Гавриловичъ Головинъ, надворный совѣтникъ Александръ Митрофановичъ Карепинъ; кандидатъ полковникъ Аполлонъ Петровичъ Щербачевъ. 2) *Коломенскому*: члены—подпоручикъ Яковъ Петровичъ Скорняковъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Ефремовъ; кандидатъ губернский секретарь Николай Михайловичъ Осинъ. 3) *Дмитровскому*: члены—чиновникъ 9 класса Николай Васильевичъ Пальчиковъ, штабъ-капитанъ Василій Ивановичъ Даниловъ; кандидатъ коллежскій секретарь Иванъ Абрамовичъ Зубковъ. 4) *Волоколамскому*: члены—надворный совѣтникъ князь Борисъ Васильевичъ Мецкерскій, статскій совѣтникъ Николай Павловичъ Шиповъ; кандидатъ полковникъ Иванъ Николаевичъ Гончаровъ. 5) *Можайскому*: члены—лейтенантъ Николай Александровичъ Замятинъ, коллежскій секретарь князь Петръ Дмитриевичъ Крапоткинъ; кандидатъ гвардіи капитанъ Николай Александровичъ Усовъ. 6) *Звенигородскому*: члены—статскій совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Ровинскій, штабъ-капитанъ Владикіръ Сергѣевичъ Гвоздевъ; кандидатъ коллежскій совѣтникъ Дмитрій Андреевичъ Нероновъ. 7) *Серпуховскому*: члены—генераль-адъютантъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, коллежскій совѣтникъ Егоръ Васильевичъ Чельцовъ; кандидатъ коллежскій регистраторъ князь Ленъ Николаевичъ Гагаринъ. 8) *Рузскому*: члены—гвардіи поручикъ Алексѣй Алексѣевичъ Валицкій, титулярный совѣтникъ Андрей Ивановичъ Вейденгамеръ; кандидатъ поручикъ Иванъ Владимировичъ фонъ-Менгдсъ. 9) *Вереѣскому*: члены—дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Булыгинъ, коллежскій секретарь Федоръ Федоровичъ Мосоловъ; кандидатъ коллежскій ассесоръ Александръ Христіановичъ Штейнъ. 10) *Клинскому*: члены—генераль-адъютантъ князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй Павловичъ фонъ-Визинъ; кандидатъ статскій совѣтникъ Сергѣй Сергѣевичъ Волковъ. 11) *Бронницкому*: члены—надворный совѣтникъ Павелъ Дорофеевичъ Максимовъ, статскій совѣтникъ Павелъ Матвѣевичъ Азанчевскій; кандидатъ коллежскій ассесоръ князь Алексѣй Алексѣевичъ Вязенскій. 12) *Подольскому*: члены—статскій совѣтникъ князь Сергѣй Николаевичъ Урусовъ, губернский секретарь Михаилъ Александровичъ Поливановъ; кандидатъ коллежскій секретарь князь Василій Андреевичъ Оболенскій. 13) *Богородскому*: члены—коллежскій ассесоръ Викторъ Григорьевичъ Высоцкій, штабъ-ротмистръ Василій Ивановичъ Можаровъ; кандидатъ коллежскій совѣтникъ князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ.

II. По назначенію военнаго генераль-губернатора:

Члены: генераль-адъютантъ князь Владиміръ Александровичъ Меньшиковъ 2, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Аполлоновичъ Волковъ.

НИЖЕГОРОДСКАГО КОМИТЕТА.

I. По назначенію начальника губерніи:

Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Христіановичъ Штевень, надворный совѣтникъ Геннадій Николаевичъ Нестеровъ.

II. Отъ дворянства по уѣздамъ:

1) *Нижегородскому*. Члены: штабъ-капитанъ Алексѣй Павловичъ Козловъ, коллежскій ассесоръ Аполлонъ Николаевичъ Саламыковъ; кандидаты: коллежскій секретарь Алексѣй Рафаиловичъ Остафьевъ, Нижегородскій уѣздный предводитель дворянства, титулярный совѣтникъ Иванъ Александровичъ Анненковъ. 2) *Горбатовскому*. Члены: тайный совѣтникъ Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, коллежскій ассесоръ Петръ Динтріевичъ Стремоутовъ, Горбатовскій уѣздный предводитель дворянства. Кандидаты штабъ-капитанъ Петръ Николаевичъ Волярярскій. 3) *Арзамасскому*. Члены: майоръ Евграфъ Ивановичъ Лагода, Арзамасскій уѣздный судья, инженеръ-капитанъ Геннадій Николаевичъ Виноградовъ. Кандидаты: чиновникъ 14 класса Василій Николаевичъ Левашевъ, титулярный совѣтникъ Василій Ивановичъ Ульянинъ. 4) *Лукояновскому*. Члены: коллежскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Яшеровъ, титулярный совѣтникъ Николай Ивановичъ Русиновъ. Кандидатъ поручикъ Дмитрій Сергѣевичъ Сожадѣновъ. 5) *Сергачскому*. Члены: ротмистръ Петръ Алексѣевичъ Кондратьевъ, поручикъ Алексѣй Егоровичъ Крюковъ, Сергачскій уѣздный предводитель дворянства. Кандидатъ прапорщикъ Михаилъ Павловичъ Краснополскій. 6) *Княгининскому*. Члены: статскій совѣтникъ князь Сергѣй Павловичъ Гагаринъ, Пензенскій вице-губернаторъ (въ отсутствіи), на дворный совѣтникъ Александръ Антоновичъ Инсарскій, депутатъ дворянства по Княгининскому уѣзду. Кандидатъ ротмистръ Ипполитъ Асанысьевичъ Зыбинъ. 7) *Васильевскому*. Члены: вапитанъ-лейтенантъ Михаилъ Ниволаевичъ Суцовъ, Васильевскій уѣздный предводитель дворянства, майоръ Аркадій Васильевичъ Демидовъ. Кандидатъ на дворный совѣтникъ князь Андрей Петровичъ Чегодаевъ. 8) *Макарьевскому*. Члены: статскій совѣтникъ Владиміръ Андреевичъ Рудневъ, майоръ графъ Николай Сергѣевичъ Толстой (въ отсутствіи). Кандидатъ поручикъ Валерій Николаевичъ Левашевъ. 9) *Балашихинскому*. Члены: полковникъ Михаилъ Ивановичъ Гриневичъ, Балашихинскій уѣздный предводитель дворянства, на дворный совѣтникъ Яковъ Ивановичъ Пятковъ. Кандидатъ статскій совѣтникъ Федоръ Ивановичъ Голубевъ. 10) *Семеновскому*. Члены: коллежскій совѣтникъ Василій Евдокимовичъ Купріяновъ, коллежскій ассесоръ Валеріанъ Владиміровичъ Аристовъ. Кандидатъ гвардіи ротмистръ Александръ Александровичъ Обрѣзовъ, Семеновскій уѣздный предводитель дворянства. 11) *Ардатовскому*. Члены: поручикъ Александръ Николаевичъ Карамзинъ, Ардатовскій уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Александръ Ивановичъ Эйсманъ, кандидатъ гвардіи ротмистръ Александръ Сергѣевичъ Ланской.

III. Правитель дѣлъ канцеляріи Комитета, титулярный совѣтникъ Николай Никитичъ Жадовскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТА.

Уволенъ по прошенію изъ числа членовъ Комитета сенаторъ тайный совѣтникъ Донауровъ, во вниманіе къ значительности его прямыхъ служебныхъ занятій,—и на мѣсто его утвержденъ членомъ Комитета состоявшій кандидатомъ отъ дворянъ Царско-сельскаго уѣзда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кандалицевъ.

Въ заключеніе, намъ остается указать на нѣкоторыя особыя распоряженія, послѣдовавшія въ послѣдніе два мѣсяца по дѣлу объ устройствѣ крестьянскаго быта.

По Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, отъ 4-го марта сего года, состоящій при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ центральный статистическій комитетъ раздѣленъ на два отдѣла: собственно статистическій и земскій, оба подъ предсѣдательствомъ товарища министра. Вѣдѣнію земскаго отдѣла подлежитъ предварительное обсужденіе и обработка всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ имперіи. Въ отдѣлѣ этомъ состоятъ непремѣнный членъ, завѣдующій всѣмъ ходомъ дѣлъ и переписи

свою. Остальные члены назначаются министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ изъ лицъ служащихъ въ министерствѣ; директоры же департаментовъ министерства состоятъ, по званію своему, совѣщательными членами. Сверхъ того, могутъ быть приглашаемы въ земскій отдѣлъ статистическаго комитета, для совѣщаній, находящіеся въ столицѣ губернаторы, предводители дворянства, извѣстные ученые и помѣщики.

Въ напечатанномъ въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ циркулярѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 15-го апрѣля сего года за № 59, изъяснено Высочайше утвержденное положеніе главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу отъ 29-го марта, по коему правила, какія будутъ установлены для устройства крестьянскаго быта, должны быть распространены на майораты и заповѣдныя имѣнія, гдѣ крестьяне, такъ же какъ и въ другихъ имѣніяхъ, должны выкупить въ свою собственность усадебную осажденность.

По важности этого документа, перепечатываемъ его въ подлинникѣ:

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію составлена и въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу рассмотрѣна подробная программа занятій Губернскихъ Комитетовъ, учрежденныхъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Программа сія, по повелѣнію Его Императорскаго Величества, должна быть принята въ руководство Дворянскими Комитетами.

Программа занятій Губернскихъ Дворянскихъ Комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Первоначально обязанность, возложенная на Губернскіе Комитеты, заключается: 1) въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, на основаніи, уваженныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, и 2) въ начертаніи общаго о селѣ Положенія.

По исполненіи сей обязанности, тѣ же Комитеты будутъ призваны къ приведенію въ дѣйствіе *Высочайше утвержденныхъ Положеній*; затѣмъ имъ же, по сему мѣнѣ составѣ, будетъ поручено и начертаніе проекта *Общаго Сельскаго Устава*, долженствующаго опредѣлять всѣ подробности быта крестьянъ по новому ихъ устройству.

По такому кругу дѣйствій Губернскихъ Комитетовъ, занятія ихъ раздѣляются существенно на три періода:

1) Опредѣленіе въ особомъ проектѣ Положенія главныхъ началъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

2) Дѣйствительное исполненіе по каждому имѣнію сего Положенія, когда оно удостоится Высочайшаго утвержденія.

3) Начертаніе Сельскаго Устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или предоставленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для всѣхъ сихъ занятій предлагается слѣдующая общая программа:

Первый періодъ занятій: изысканіе способовъ къ улучшенію быта крестьянъ и начертаніе проекта Положенія.

Занятія пераго періода раздѣляются на предварительныя и окончательныя.

Къ *предварительнымъ* занятіямъ относятся:

1) Собраніе свѣдѣній, и

2) Уѣздныя совѣщанія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ таковыя предназначены.

По выборѣ членовъ въ Губернскій Комитетъ порядкомъ, для сего предписаннымъ, губернскій предводитель дворянства, какъ председатель сего Комитета, составляетъ одну общую программу, по которой должны быть собраны свѣдѣнія о всѣхъ дворянскихъ имѣніяхъ. Программы эти, напечатанныя въ потребномъ числѣ экземпляровъ, рассылаются чрезъ уѣздныхъ предводителей во всѣ дворянскія имѣнія; а членамъ и канди-

датамъ Комитета поручается, каждому въ ооредѣленномъ для него участкѣ, наблюсти, чтобы свѣдѣнія были составлены со всею вѣрностію и въ самый непродолжительный срокъ.

Мѣстныя обстоятельства каждой губерніи ближе всего укажутъ, какіи именно свѣдѣнія будутъ нужны для работъ каждаго Губернскаго Комитета.

Въ общихъ видахъ полезно имѣть возможно близкія данія по слѣдующимъ предметамъ:

- 1) Число дунгъ въ каждомъ мѣстѣ, по сказкамъ 10 народной переписи.
- 2) Раздѣленіе крестьянъ, относительно къ отправленію господскихъ повинностей, на тяглы и число тяголы или работниковъ.
- 3) Усадебное устройство ихъ, число усадебъ, пространство земли подъ усадьбами.
- 4) Общее пространство земли въ каждомъ мѣстѣ: а) особо отмежеванныя земли, б) черезполосныя.
- 5) Распределение повемельныхъ угодій между помѣщиками и крестьянами.
- 6) Отношеніе общего количества земли десятинами къ массѣ населенія по дунамъ.
- 7) Отношеніе крестьянскаго надѣла десятинами къ массѣ населенія по тягламъ или работникамъ.
- 8) Цѣнность усадебъ: строеній и земли.
- 9) Цѣнность поземельныхъ угодій разныхъ наименованій: а) ходячая цѣна; б) наемная плата съ десятины; в) стоимость обработки; г) средній валовой доходъ съ десятины
- 10) Промышленность крестьянъ: а) земледѣльская; б) ремесленная; в) заводская и фабричная; г) навозы и проч.
- 11) Повинности крестьянъ: а) подати и оброки, ихъ размѣръ и способы взиманія; б) натуральная повинность. Число рабочихъ дней, урочныя работы, приблизительная оцѣнка рабочаго дня: мужскаго пѣшаго, мужскаго коннаго или воловьаго, женскаго; сгонные дни и уплата за нихъ.
- 12) Дворовые: а) приписные къ домамъ и капиталамъ; б) причисленные къ населеннымъ мѣстностямъ; в) раздѣленіе послѣднихъ на домашнюю прислугу и должностныхъ при хозяйствѣ. Число глѣхъ и другихъ по ревизіи и устройство экономическаго ихъ быта.
- 13) Изъ крестьянскаго населенія: писаря, конторщики, лѣсничіе, музыканты, пѣвчіе, псаря, фельдшера, ветеринары, винокуры, садовники, огородники, сахаровары, селитровары, мельники, пастухи и проч.; число ихъ и устройство экономическаго ихъ быта.
- 14) Число грамотныхъ крестьянъ въ мѣстѣ и способы распространенія грамотности, нынѣ существующіе.
- 15) Экономическія и благотворительныя заведенія: мірскіе капиталы, сельскіе банки, запасныя магазины, богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты.
- 16) Банковыя долги и податныя недоимки на мѣстностяхъ. Сумма тѣхъ и другихъ къ 1 января 1858 года.

Всѣ сіи свѣдѣнія соединяются въ одинъ общій сводъ по каждому уѣзду и въ этомъ видѣ вносятся въ Губернскій Комитетъ.

Уѣздныя совѣщанія дѣлаются при самомъ выборѣ членовъ и касаются только способовъ исполненія основныхъ началъ, предначертанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, и указаній, содержащихся въ циркулярныхъ предписаніяхъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, потребностями, промыслами и занятіями жителей уѣзда. Мнѣнія, на уѣздныхъ совѣщаніяхъ принятыя, представляются Губернскому Комитету *).

Окончательныя занятія Губернскихъ Комитетовъ въ первомъ періодѣ ихъ существованія заключаются:

*) Само собой разумѣется, что предварительныя занятія не могутъ имѣть мѣста въ тѣхъ Комитетахъ, которые уже открыты и приступили къ работамъ. Они могутъ, не прерывая своихъ занятій, собрать недостающія имъ свѣдѣнія и соединить всѣ свѣдѣнія въ одинъ общій сводъ.

1) Въ составленіи общаго свода о востоященъ положеніи дворянскихъ имѣній въ губерніи. Сводъ этотъ составляется изъ отдѣльныхъ сводовъ, которые будутъ представлены отъ каждаго уѣзда.

2) Въ составленіи общаго свода предметамъ, обратившимъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

3) Въ разсмотрѣніи и обсужденіи всѣхъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ проекта Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Предметы сіи разсматриваются послѣдовательно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они наложены ниже, въ окончательное по каждому постановленіе вносится въ журналъ. Журналы сіи составляютъ особую редакціонную Комиссію, о которой сказано будетъ ниже, и впослѣдствіи, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія занятій Комитета, могутъ быть измѣняемы, но о каждой подобной перемѣнѣ долженъ быть постановленъ журналъ съ подробнымъ объясненіемъ уваженій, вызвавшихъ перемѣну; и наконецъ

4) Въ начертаніи самаго проекта Положенія. Трудъ этотъ поручается особой редакціонной Комиссіе, составленной изъ трехъ, и не болѣе четырехъ, членовъ Комитета.

Проектъ, для удобнѣйшаго разсмотрѣнія и соображенія въ Главномъ Комитетѣ, имѣетъ по всѣмъ губерніямъ одну общую форму, съ раздѣленіемъ на главы, отдѣленія и параграфы.

Параграфы содержатъ точное и ясное изложеніе установленныхъ правилъ, безъ всякихъ разсужденій и объясненій причинъ, побудившихъ принять то или другое положеніе.

Причины сіи и уваженія, содержащіяся въ журналахъ, излагаются впослѣдствіи въ особой запискѣ (подъ заглавіемъ: обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ) и присоединяются къ проекту въ видѣ особаго приложенія.

Вся работы перваго періода, и предварительнымъ и окончательнымъ, продолжаются не болѣе шести мѣсяцевъ.

Самый проектъ Положенія имѣетъ слѣдующую форму:

ПОЛОЖЕНІЕ.

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ NN ГУБЕРНІИ.

- I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные.
- II. Сущность срочно-обязаннаго положенія.
- III. Поземельныя права помѣщиковъ.
- IV. Усадебное устройство крестьянъ.
- V. Надѣлъ крестьянъ землею.
- VI. Повинности крестьянъ.
- VII. Устройство дворовыхъ людей.
- VIII. Образование сельскихъ обществъ.
- IX. Права и отношенія помѣщиковъ.
- X. Порядокъ и способы исполненія.

ГЛАВА I.

О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные.

Прекращеніе личнаго крѣпостнаго права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ.

Дарованіе помѣщичьиъ крестьянамъ, лично и по имуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ. Исчисленіе сихъ правъ по Своду Законовъ.

Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ *срочно-обязанными*.

ГЛАВА II.

Сущность срочно-обязаннаго положенія.

Оставленіе крестьянъ, временно, крѣпкими къ землѣ.

Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами или селеніями.
Дозволеніе перехода въ другія сословія отдѣльно лицу или семейству.
Отпрааеніе всѣхъ уставовленныхъ повинностей къ помѣщику.
Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія (переходнаго состоянія), независящій отъ выкупа усадебъ.

ГЛАВА III.

Поземельныя права помѣщиковъ.

Неприкосновенность правъ собственности помѣщиковъ на всю землю.
Хозяйственное устройство по усмотрѣнію.
Право залога и продажи.
Право помѣщика на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ его имѣнія, кромѣ выкупленныхъ усадебъ.

ГЛАВА IV.

Усадебное устройство крестьянъ.

Въ чемъ заключается усадба:

- 1) Усадебныя строенія, и
- 2) Усадебныя земли. *

Оцѣнка усадебъ.

Право крестьянъ на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность чрезъ выкупъ.

Право крестьянъ пользованія ими до выкупа.

Выкупъ усадебъ по утвержденной оцѣнкѣ, *вдругъ* или *постепенно*, деньгами или работою.

Удобнѣйшіе способы для выкупа усадебъ.

Пользованіе потомственно усадбою, съ платежемъ опредѣленныхъ процентовъ съ оцѣночной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества.

Право продажи или передачи крестьянами усадебъ только однимъ членомъ сельскаго общества или помѣщику съ согласія общества.

ГЛАВА V.

Надѣлъ, въ пользованіе, крестьянъ землею пахатною и другими угодьями.

Основаніе надѣла по душамъ, тягламъ или работникамъ.

Наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ.

Какія нѣгвилі, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаются малоземельными, какія среднеземельными и какія многоземельными.

Опредѣленіе правъ крестьянскаго общества и членовъ его на пользованіе отведенною имъ землею.

Право возведенія хозяйственныхъ строеній, съ согласія общества и помѣщика.

Случаи переимѣны нарѣзанныхъ крестьянамъ земель и правила, для сего постановляемыя *).

ГЛАВА VI.

Повинности крестьянъ.

Раздѣленіе повинностей на двѣ категоріи: казенныя и помѣщичьи.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Казенныя повинности.

Повинности денежныя.

*) Увеличеніе поземельнаго вадѣла вполнѣтвіи, по мѣрѣ приращевія населенія, зависитъ отъ обоюдныхъ условій помѣщика съ крестьянами, но обязательно для помѣщика.

Повинности натуральныя.

Способъ раскладки ихъ: по душамъ, тягламъ, работникамъ или поземельнымъ участвамъ.

Порядокъ взиманія.

Обеспеченіе исправнаго выполненія круговою отвѣтственностію сельскаго общества.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

повинности въ помѣщикъ.

Повинность денежная (оброкъ).

Повинность натуральная (поденная работа).

Повинность смѣшанная (оброкъ и поденная работа).

Размѣръ ихъ, основанный на цѣнности усадебъ, поземельныхъ угодій и промышлен-
ныхъ выгодъ мѣстности.

Порядокъ отправленія повинностей.

Опредѣленіе и введеніе урочныхъ работъ.

Обеспеченіе исправности отправленія повинностей круговою отвѣтственностію сель-
скаго общества и мѣрами взысканія съ неисправныхъ.

Служба крестьянъ, обученныхъ попеченіемъ помѣщиковъ для разныхъ ремеслъ и
хозяйственныхъ должностей.

Степень вознагражденія ихъ за излишніе рабочіе дни и срокъ ихъ службы.

ГЛАВА VII.

Устройство дворовыхъ людей.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

дворовые люди, приписанные къ домамъ и капиталамъ.

Порядокъ обязательной ихъ службы.

Жалованье и содержаніе ихъ.

Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

дворовые люди, приписанные къ наслѣннымъ имѣніямъ.

Дворовые люди, составляющіе домашнюю прислугу.

Дворовые люди должностные при помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Порядокъ обязательной службы тѣхъ и другихъ.

Жалованье и содержаніе ихъ.

Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

Причисленіе дворовыхъ, по возможности, къ сельскимъ обществамъ, съ надѣленіемъ
въ такомъ случаѣ землею.

Призрѣніе стариковъ, вдовъ и сиротъ изъ дворовыхъ людей вообще.

ГЛАВА VIII.

Образованіе сельскихъ обществъ.

Общества въ селахъ и деревняхъ единственнаго владѣнія.

Общества въ селахъ и деревняхъ разнороднаго владѣнія.

Соединеніе мелкопомѣстныхъ населеній въ одно общество или причисленіе ихъ къ
большимъ населеніямъ.

Наименьшій составъ общества, определяемый числомъ душъ или усадебъ.

Распределеніе поземельныхъ угодій между членами общества.

Разверстка казенныхъ и господскихъ повинностей.

Полицейское устройство въ обществахъ.

Общественное управленіе, составъ его и предметы зашиты.

ГЛАВА IX.

Права и отношенія помѣщиковъ.

Присвоеніе помѣщику званія начальника общества.

Права и отношенія его къ обществу:

- а) по сельскому благоустройству и порядку;
- б) по внутреннему управленію.
- в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами;
- г) по отправленію крестьянами повинностей;
- д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ.

ГЛАВА X.

Порядокъ и способы исполненія новаго Положенія.

Порядокъ исполненія по каждому мѣстному.

Обязанность каждого помѣщика составить для своего мѣстнаго письменный актъ, опредѣляющій подробности перехода крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные, на точномъ основаніи Положенія, для каждой губерніи Высочайше утвержденнаго.

Составленіе для подобныхъ актовъ общей формы.

Подпись сего акта помѣщикомъ.

Повѣрка, на мѣстѣ, сдѣланнаго помѣщикомъ акта членомъ Губернскаго Комитета.

Разсмотрѣніе и утвержденіе сего акта Губернскимъ Комитетомъ.

Объявленіе его и приведеніе въ исполненіе самимъ помѣщикомъ.

Содѣйствіе, въ необходимыхъ случаяхъ, мѣстной полиціи и уѣздныхъ присутствій.

Крайній срокъ для приведенія въ дѣйствіе всего выше означеннаго по всей губерніи.

Строгое сохраненіе существующаго порядка по каждому мѣстному до перехода его въ срочно-обязанное положеніе.

Составленный Комитетомъ, такимъ образомъ, *проектъ общаго Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ* подписывается всѣми Членами и представляется, установленнымъ порядкомъ, министру Внутреннихъ Дѣлъ. Къ проекту присоединяются, въ видѣ приложений:

1) Обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи Положенія. Основанія сии излагаются кратко. Тутъ же, гдѣ будетъ нужно, объясняются причины, по которымъ Комитетомъ не приняты тѣ или другія указанія, содержащіяся въ циркулярахъ министра Внутреннихъ Дѣлъ.

2) Сводъ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

По отправленіи сихъ бумагъ, первая часть занятій Комитета считается конченною; Комитетъ временно закрывается и вся переписка, которая можетъ встрѣтиться до новаго открытія Комитета производится отъ лица губернскаго предводителя, какъ председателя Комитета.

Второй періодъ занятій Комитета:

Дѣйствительное исполненіе Положенія, Комитетомъ составленнаго, когда оно удостоится Высочайшаго утвержденія.

Немедленно по полученіи въ каждой губерніи Высочайше утвержденнаго Положенія, губернский предводитель дворянства открываетъ вновь присутствіе Комитета, который въ первыхъ засѣданіяхъ опредѣляетъ весь порядокъ исполненія. Сюда относится:

Разсылка экзemplаровъ Положенія и формы акта въ каждый уѣздъ, по числу дворянскихъ мѣстн.

Опредѣленіе порядка повѣрки членами Комитета частныхъ актовъ, помѣщиками составленныхъ.

Разсмотрѣніе сихъ актовъ въ Губернскомъ Комитетѣ.

Утверждение ихъ Губернскимъ Комитетомъ.

Обращение ихъ черезъ Уѣздныя Присутствія помѣщикамъ для исполненія.

Надзоръ уѣздныхъ предводителей и Уѣздныхъ Присутствій за дѣйствительнымъ исполненіемъ помѣщиками сихъ актовъ.

Разрѣшеніе случаевъ, которые могутъ встрѣтиться при исполненіи.

Подготовленіе матеріаловъ для составленія подробнаго Сельскаго Устава.

Третій періодъ занятій Комитетовъ:

Начертаніе Сельскаго Устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или представленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для этой части занятій подробныя программы могутъ быть составлены только передъ самымъ приступомъ къ работѣ, когда потребности новаго устройства ближе и яснѣе обозначатся практическимъ дѣйствіемъ новаго Положенія. Посему Губернскіе Комитеты и обязаны внимательно наблюдать за ходомъ всего дѣла и отмѣчать всѣ тѣ случаи и обстоятельства, на которые нужно будетъ обратить вниманіе при составленіи Сельскаго Устава.

Подписали.

Князь Орловъ.

КОНСТАНТИНЪ.

Графъ В. Адлербергъ.

Князь Павелъ Гагаринъ.

Сергій Ланской.

Графъ В. Панинъ.

Князь В. Долгоруковъ.

Михаилъ Муравьевъ.

Константинъ Чевкинъ.

Іаковъ Ростовцовъ.

Александръ Княжевичъ.

Государственный Секретарь *В. Бутковъ.*

Примѣчаніе. Помѣщикамъ предоставляется лично присутствовать въ Губернскомъ Комитетѣ при разсмотрѣніи частныхъ актовъ, ими составленныхъ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ II.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ТРОЙНИЦКАГО „О ЧИСЛѢ КРѢПОСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ РОССІИ“.

Въ „Современномъ Обзорѣніи“ настоящаго номера было упомянуто объ учрежденіи Центрального Статистическаго Комитета, при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Первымъ самымъ современнымъ плодомъ этого полезнаго учрежденія явилась въ 5 номерѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ статья подъ заглавіемъ: „О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи“. Статья эта принадлежитъ г. Тройницкому, непремѣнному члену Центрального Статистическаго Комитета, завѣдывающему его статистическимъ отдѣломъ.

Статья эта, какъ по тому предмету, которому она посвящена, такъ и по способу обработки, должна обратить на себя особенное вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто слѣдитъ за развитіемъ и уясненіемъ крестьянскаго вопроса въ нашей литературѣ. Находя, что статья г. Тройницкаго можетъ съ особенною пользою служить для разрѣшенія многихъ какъ общихъ вопросовъ, такъ и мѣстныхъ частныхъ по крестьянскому дѣлу, мы позволяемъ себѣ воспользоваться прекраснымъ трудомъ г. Тройницкаго для того, чтобы въ краткомъ очеркѣ указать на нѣкоторые данныя, относящіяся въ крѣпостному сословію въ Россіи.

Статья г. Тройницкаго основана на собранныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, „возможно-точныхъ, новѣйшихъ свѣдѣніяхъ“ о численности крѣпостнаго сословія въ Россіи и о числовомъ отношеніи его какъ къ дворянскому сословію, владѣющему крѣпостными людьми, такъ и къ общему населенію имперіи.

Для полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній, по сношенію г. министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ финансовъ, было предписано всѣмъ казеннымъ палатамъ — доставить Центральному Статистическому Комитету свѣдѣнія о числѣ какъ дворянъ и помѣщиковъ, такъ и крѣпостныхъ людей въ каждой губерніи и области, съ подраздѣленіемъ этихъ свѣдѣній на слѣдующіе разряды: а) дворянъ, владѣющихъ крѣпостными людьми *безъ земли*; и б) помѣщиковъ, владѣющихъ землями, населенными крѣпостными людьми: менѣе 21 души, отъ 21 до 100 душъ, отъ 101 до 500, отъ 501 до 1000, и болѣе 1000 душъ.

Свѣдѣнія этого рода, какъ видно изъ статьи г. Тройницкаго, доставлены были отъ казенныхъ палатъ въ Центральный Статистическій Комитетъ въ началѣ нынѣшняго года изъ всѣхъ губерній и областей имперіи, исключая Закавказскихъ. Это обстоятельство имѣетъ, по нашему мнѣнію, ту важность, что статистическія данныя, вошедшія въ статью г. Тройницкаго, имѣютъ два главныхъ достоинства, именно: одновременность ихъ собранія на пространствахъ всей имперіи и, кромѣ того, такую современность, какую только могутъ представить статистическія данныя, собранныя въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какого требовала самая обширность предмета, къ которому онѣ относятся. Понятно, что всѣ эти свѣдѣнія никакъ не могло бы собрать никакое частное лицо, несмотря на всѣ свои усилія; одно только правительственное учрежденіе могло выполнить это.

Но статья г. Тройницкаго богата не одними числовыми данными: она изобилуетъ многими конечными выводами, ясно опредѣляющими тотъ преднегъ, которому она посвящена; кромѣ того, въ статьѣ этой мы нашли новую мысль, правда не вполне еще развитую, — прослѣдить образованіе и укорененіе крѣпостнаго права въ Россіи по племенамъ, ее населяющимъ.

Понятно, что ученое сочиненіе, въ основаніе котораго входитъ цифры, требуетъ самой строго-систематической обработки, и притомъ необходимо, для полнаго опредѣленія важности общихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ этихъ цифръ, показать какъ степень достовѣрности, такъ и самое значеніе тѣхъ цифръ, которыми пользуется сочинитель. Въ этомъ отношеніи статья г. Тройницкаго вполне удовлетворяетъ требованіямъ жителей.

Чтобъ поставить читателя на правильную точку зрѣнія, г. Тройницкій дѣлаетъ въ началѣ своей статьи опредѣленія тѣмъ числовымъ даннымъ, которымъ онъ воспользовался. Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу этого г. Тройницкимъ, мы узнаемъ: во-первыхъ, что свѣдѣнія, вошедшія въ его статью, относятся только къ мужскому полу, о которомъ одномъ числовыя данныя казенныхъ палатъ и могутъ быть точными, такъ какъ одинъ только мужскій полъ подлежитъ подушному окладу; во-вторыхъ, что въ вѣдомостяхъ казенныхъ палатъ, подъ названіемъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей, показаны нераздѣльно, какъ собственно крестьяне, барщинные и оброчные, поселенные на землѣ, такъ и дворовые люди: разумѣется однако-жъ, что въ первомъ разрядѣ, дворовыхъ безземельныхъ, состоятъ только дворовые люди, приписанные въ домахъ или къ донезнымъ капнталамъ; въ-третьихъ, что въ вѣдомостяхъ казенныхъ палатъ числа, какъ владѣльцевъ крестьянъ, такъ и крѣпостныхъ людей, показаны на основаніи 9 ревизіи и, какъ видно изъ отношеній нѣкоторыхъ казенныхъ палатъ, также на основаніи окладныхъ списковъ 1857 года, и что поэтому, какъ весьма справедливо замѣчаетъ г. Тройницкій, эти свѣдѣнія представляютъ настоящую юридическую численность крѣпостнаго сословія въ Россіи, до окончанія производимой нынѣ 10-той народной переписи.

Опредѣля такимъ образомъ значеніе матеріаловъ, служившихъ для статьи „о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи“, почтенный ея авторъ почелъ нужнымъ замѣтить, что къ числу крѣпостныхъ людей присовокуплены, по Пермской губерніи, показанные отдѣльно, по вѣдомостямъ тамошней казенной палаты, крѣпостные заводскіе; а по Орловской губерши, также показанные отдѣльно крестьяне,

приписанные къ заводамъ и фабрикамъ, но состоящіе на полямъ правѣ помѣщичьей собственности.

Надобно однако замѣтить, что, кромѣ крестьянъ помѣщичьихъ, есть еще въ Россіи и другого рода сельскіе обыватели лично не свободнаго состоянія; они представляютъ сословіе крестьянъ или не вполнѣ, или временно находящихся на крѣпостномъ правѣ. Такіе крестьяне находятся преимущественно въ западныхъ губерніяхъ; тамъ, кромѣ крестьянъ ленныхъ, постугитскихъ, посессіонныхъ, есть еще крестьяне, принадлежащіе городамъ; такихъ крестьянъ донинѣ имѣютъ еще города Ковно и Вильно. О крестьянахъ этого рода сдѣлана г. Тройницкимъ особая замѣтка, въ концѣ одной изъ таблицъ, присоединенныхъ къ статьѣ, но замѣтка эта не совсѣмъ полна; такъ напримѣръ постугитскіе и ленные крестьяне показаны находящимися только въ Минской и Подольской губерніяхъ, между тѣмъ какъ такого же рода крестьяне находятся и въ другихъ губерніяхъ западнаго края, какъ-то: Виленской и Гродненской; сверхъ того въ числѣ крестьянъ, состоящихъ не вполнѣ на крѣпостномъ правѣ, показаны по Симбирской губерніи крестьяне, принадлежащіе Маріинскому институту въ числѣ 423 душъ, тогда какъ Ярославскому Демидовскому лицу и нѣкоторымъ другимъ учрежденіямъ принадлежатъ гораздо болынее число душъ, но они въ упомянутой замѣткѣ не означены.

Впрочемъ подобныя пропуски не составляютъ существенныхъ пропусковъ въ статьѣ г. Тройницкаго и, конечно, произошли отъ несогласивнаго еще взгляда казенныхъ палатъ на сословное положеніе крестьянъ; надобно полагать, что одни казенныя палаты почитаютъ крѣпостными только тѣхъ крестьянъ, которыя укрѣплены собственно за помѣщиками, другія же считаютъ крѣпостными и тѣхъ, которые укрѣплены за какими либо вѣдомствами или учрежденіями, во имя своего прежняго владѣтеля.

Предваривъ своихъ читателей о свойствѣ статистическихъ данныхъ, г. Тройницкій указываетъ на тѣ главныя выводы, которые онъ сдѣлалъ изъ бывшихъ у него свѣдѣній. Такимъ образомъ онъ говоритъ, что, по сведенію въ общіе итоги по каждой губерніи числовыхъ данныхъ, полученныхъ отъ казенныхъ палатъ, выведена имъ по каждой же губерніи средняя сложность крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ одному владѣльцу.

Кромѣ того г. Тройницкій опредѣлялъ по каждой губерніи *крѣпостной процентъ*, т. е. показалъ числовое отношеніе крѣпостнаго сословія къ общему населенію губерніи и области. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предъидущемъ, г. Тройницкій воспользовался сколько возможно болѣе вѣрными свѣдѣніями, принявъ за основаніе для опредѣленія числа настоящаго народонаселенія Россіи свѣдѣнія, заключающіяся во всеподданиѣнныхъ отчетахъ начальниковъ губерній за 1856 годъ, какъ новѣйшія officialныя свѣдѣнія по этому предмету для всей имперіи. Къ этимъ даннымъ г. Тройницкій присоединилъ, съ размѣщеніемъ по соотвѣстственнымъ губерніямъ и областямъ, числа о народонаселеніи въ военныхъ поселеніяхъ и въ казачьихъ войскахъ, доставленныя бывшимъ департаментомъ военныхъ поселеній, и числовыя свѣдѣнія о Кавказскомъ краѣ, яолученныя изъ Кавказскаго комитета.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ указаній, г. Тройницкій прибавляетъ, что всѣ свѣдѣнія, какъ о крѣпостныхъ людяхъ, такъ и вообще о народонаселеніи, отно-

сятся только къ мужскому полу, и полагають, что удвоивъ всѣ собранныя имѣ числа какъ крѣпостныхъ людей, такъ и всѣхъ жителей губерніи, можно получить довольно приблизительныя данныя о числѣ тѣхъ и другихъ по обоимъ поламъ. Съ вѣрностію такого разсчета согласиться не трудно, такъ какъ почти повсемѣстно, кромѣ тѣхъ пунктовъ, гдѣ сосредоточены въ особенности военныя силы, число жителей мужскаго и женскаго пола, почти одинаково.

На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ Центральному Статистическому Комитету, г. Тройницкій составилъ главную таблицу крѣпостнаго сословія по одной Европейской Россіи; такъ какъ число крѣпостныхъ людей въ Сибири весьма незначительно, а за Кавказомъ вовсе ничтожно, и г. Тройницкій, при всемъ желаніи, не имѣлъ бы возможности исполнить это, такъ какъ изъ предыдущаго видно, что со времени составленія его статьи не были еще получены изъ Закавказскихъ областей необходимыя по этому предмету свѣдѣнія. Мы смотримъ на таблицу г. Тройницкаго, какъ на весьма важное пособіе при многихъ слишкомъ разностороннихъ вопросахъ касательно крестьянскаго дѣла; мы признаемъ въ ней не только собраніе официальныхъ и въ настоящее время всего болѣе вѣрныхъ свѣдѣній, но и результатъ ученой обработки, влѣдствіе этого мы видимъ въ ней капитальный отдѣльный трудъ и поэтому не считаемъ себя вправе представить на страницахъ „Современника“ составленную имъ „Таблицу крѣпостнаго населенія въ Европейской Россіи за 1858 годъ“. Скажемъ только, что таблица эта должна служить настольнымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся крестьянскимъ вопросомъ, какъ въ административномъ, такъ и ученомъ отношеніи, и затѣмъ укажемъ на тѣ данныя, которыя можно почерпнуть изъ этой таблицы.

Упомянутая таблица заключаетъ въ себѣ 51 административный округъ, по раздѣленію Россіи на губерніи, области и земли (Донскаго и Черноморскаго войскъ). Всѣ эти административныя части Европейской Россіи размѣщены по алфавитному порядку, и по каждой изъ сихъ частей можно найти слѣдующія свѣдѣнія:

а) О дворянахъ, владѣющихъ крѣпостными людьми безъ земли, съ подраздѣленіемъ этихъ свѣдѣній на двѣ рубрики: 1) число такихъ дворянъ и 2) число крѣпостныхъ людей, за ними состоящихъ.

б) О помѣщикахъ, владѣющихъ землею, населенною крѣпостными людьми. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ имѣютъ слѣдующія подраздѣленія: 1) число помѣщиковъ, 2) число крѣпостныхъ людей, за ними числящихся; при этомъ указаны слѣдующія подробности: 1) число помѣщиковъ, владѣющихъ менѣе, нежели 21 душою, 2) число отъ 21 до 100 душъ, 3) отъ 101 до 500 душъ, 4) отъ 501 до 1000 и 5) болѣе 1000 душъ. Таблица эта заключается какъ общимъ числомъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей, такъ и общимъ числомъ послѣднихъ, и выводомъ, сколько именно крѣпостныхъ людей, по каждой губерніи, приходится на каждого владѣльца. Затѣмъ показано общее число жителей по каждой же губерніи, съ вычисленіемъ крѣпостнаго процента.

Изъ этихъ указаній на таблицу, составленную г. Тройницкимъ, видно то изобиліе статистическихъ данныхъ, которыя она въ себѣ заключаетъ и влѣдствіе которыхъ она, какъ мы замѣтили, должна служить настольнымъ руководствомъ, во многихъ случаяхъ, для тѣхъ, кто занимается крестьянскимъ вопросомъ въ ученомъ или административномъ отношеніи.

Въ числѣ европейскихъ губерній, понѣщенныхъ въ этой таблицѣ, показаны также губерніи, считаемыя обыкновенно принадлежащими не европейской, но азійской Россіи, именно губерніи Пермская и Оренбургская. Включеніе ихъ въ Европейскую Россію сдѣлано г. Тройницкимъ потому, что встрѣчается крайнее затрудненіе выдѣлить изъ нихъ, при нынѣшнемъ административномъ ихъ устройствѣ, зауральскія ихъ части, которыя собственно принадлежатъ Сибири, оставивъ приуральскія принадлежащими къ Европейской Россіи.

При внимательной обработкѣ данныхъ, бывшихъ у г. Тройницкаго, встрѣтимъ между прочимъ вопросъ на счетъ остзейскихъ губерній и Земли Черноморскаго Войска, при опредѣленіи общаго крѣпостнаго процента относительно всего числа жителей; и г. Тройницкій означилъ по этимъ мѣстамъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, не существуетъ крѣпостнаго сословія, одно только мужское населеніе вообще, такъ какъ эти цифры были необходимы для разрѣшенія предположенной г. Тройницкимъ задачи—касательно общаго вывода о крѣпостномъ процентѣ во всей Европейской Россіи.

Изъ составленной, по упомянутой здѣсь системѣ, г. Тройницкимъ таблицы, онъ во второмъ отдѣлѣ своей статьи дѣлаетъ общіе выводы о крѣпостномъ населеніи въ Европейской Россіи, и таблица объ этомъ населеніи подаетъ г. Тройницкому поводъ къ многимъ общимъ соображеніямъ.

Тамъ между прочимъ оказывается, что во всей Европейской Россіи, при общемъ мужскомъ населеніи въ 28,613,380 душъ, считается нынѣ по вѣдомостямъ казенныхъ палатъ 10,844,902 души крѣпостныхъ людей. На основаніи этихъ двухъ чиселъ г. Тройницкій опредѣляетъ *крѣпостной процентъ* всей Европейской Россіи въ 37,90; т. е. что *изъ ста душъ* общаго ея населенія болѣе третьей части или около *тридцати восьми душъ* находятся въ крѣпостномъ положеніи. При этомъ г. Тройницкій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: по всеподданнѣйшему отчету г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1856 годъ, въ томъ году состояло въ залогъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ 6,596,620 душъ, т. е. 60,82%, или три пятыхъ части всего числа крѣпостныхъ людей, по долгамъ владѣльцевъ, простиравшимся до 397,879,459 руб. сер.

Все показанное прежде число крѣпостныхъ людей принадлежитъ 114,967 владѣльцамъ, которыхъ число составляетъ не болѣе 0,40% или двѣ пятыхъ одного процента всего мужскаго населенія Европейской Россіи.

Представляя читателямъ эти данныя, г. Тройницкій весьма основательно замѣчаетъ, что выведенное имъ число владѣльцевъ слѣдуетъ считать нѣсколько болѣе дѣйствительнаго; такъ какъ помѣщики, владѣющіе крѣпостными людьми въ нѣсколькихъ губерніяхъ, показаны по вѣдомостямъ казенныхъ палатъ отдѣльно по имѣніямъ ихъ въ каждой губерніи, и потому зачислены каждый нѣсколько разъ, по числу губерній, въ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Само собою разумѣется, что опредѣлить съ большою точностію число помѣщиковъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ казенныхъ палатъ, нѣтъ никакой возможности; но мы полагаемъ, однако, что болѣе опредѣленные, по этому важному въ хозяйственномъ отношеніи вопросу, свѣдѣнія можно имѣть отъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Свѣдѣнія эти конечно не могутъ войти въ таблицы, составленныя г. Тройницкимъ, но могутъ

статистическія таблицы, опредѣляющія во многихъ отношеніяхъ современное развитіе крѣпостнаго права въ Россіи.

Весьма любопытные выводы представляетъ г. Тройницкій, говоря о распредѣленіи крѣпостныхъ людей между ихъ владѣльцами.

Такъ изъ статьи г. Тройницкаго видно, что число крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ дворянамъ, *не владѣющимъ землею* и имѣющимъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ домамъ или денежнымъ капиталамъ, необязанныхъ исполненіемъ рекрутской повинности въ натурѣ—простирается до 15,390 душъ, что составляетъ всего 0,14 процентовъ всего крѣпостнаго населенія.

Между тѣмъ можно сдѣлать слѣдующее распредѣленіе крѣпостныхъ людей между помѣщиками, владѣющими населенною землею въ одвой губерніи:

а) Помѣщикамъ, имѣющимъ менѣе 21 души (равнымъ образомъ не отбывающихъ рекрутской повинности въ натурѣ), принадлежитъ въ общей сложности 371,210 душъ, что составляетъ 3,42 процента всего крѣпостнаго населенія.

б) Помѣщикамъ, имѣющимъ отъ 21 до 100 душъ (обязанныхъ, какъ и слѣдующія категоріи, отбываніемъ рекрутской повинности въ натурѣ), принадлежитъ 1,655,824 души, что составляетъ 15,27 процентовъ всего крѣпостнаго народонаселенія.

Затѣмъ распредѣленіе крѣпостныхъ людей между ихъ владѣльцами можно выразить въ слѣдующемъ перечнѣ:

Помѣщикамъ имѣющимъ:

а) отъ 101 до 500 душъ принадлежать	3,903,502 души, что составляетъ 35,99 проц- всего крѣпостнаго населенія
б) отъ 501 до 1000 — — —	1,615,143 — 14,89
в) болѣе 1000 — — —	3,283,833 — 30,98.

Приводя эти данныя, г. Тройницкій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „по закону не установлено у насъ положительнаго разграниченія между большими, средними и малыми помѣщиками, относительно къ числу состоящихъ въ ихъ владѣніи крѣпостныхъ людей. Если, продолжаетъ г. Тройницкій, назвать *богатыми* помѣщиками владѣльцевъ болѣе 500 душъ крестьянъ, т. е. соединить двѣ послѣднія изъ вышепринятыхъ категорій въ одну; *средними*—владѣльцевъ отъ 100 до 500 душъ, *небогатыми* — владѣльцевъ отъ 21 до 100 и наконецъ *мелкопомѣстными* — помѣщиковъ имѣющихъ менѣе 21 крѣпостной души; то выйдетъ, что изъ всей массы крѣпостнаго населенія Европейской Россіи принадлежать *около половины* (4,898,976 душъ или 45,17%) богатымъ помѣщикамъ, *немного болѣе трети* среднимъ помѣщикамъ, *не много болѣе седьмой части* небогатымъ, *не много болѣе тридцатой части* мелкопомѣстнымъ и наконецъ *меньше одной семисотой части* дворянамъ безземельнымъ.

Конечно, нельзя вполнѣ согласиться, чтобъ количествомъ душъ можно было опредѣлять вообще богатство помѣщика, такъ какъ и то и другое зависитъ главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ условий; но въ тѣхъ, довольно рѣдкихъ разграниченіяхъ, которыя принялъ г. Тройницкій, можно однако допустить, конечно, кромѣ крайнихъ случаевъ раззоренія помѣстій, нѣкоторую вѣрность сдѣланнаго имъ исчисленія.

Затѣмъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ г. Тройницкимъ, оказывается, что въ

средней сложности приходится на каждого дворянина, владѣющаго крѣпостными людьми въ Европейской Россіи, по 94 души, точнѣе по 94,33 души.

Послѣ этого вывода г. Тройницкій представляетъ слѣдующую роспись въ средней сложности:

на 5,610 дворянъ, не владѣющихъ землею, приходится по	2,70 душъ.
— 49,708 помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе 21 души —	7,48 —
— 36,024 — — — — — отъ 21 до 100 —	45,98 —
— 19,808 — — — — — — 101 — 500 —	202,11 —
— 2,448 — — — — — — 501 — 1000 —	654,43 —
— 1,449 — — — — — — 1000 —	2266,27 —

Затѣмъ г. Тройницкій, для избѣжанія дробей и для большей наглядности, эти числовыя отношенія между владѣльцами и принадлежащими имъ крѣпостными людьми выражаетъ въ круглыхъ числахъ, принимая за сравнительную единицу сперва 10,000 для крестьянъ и потомъ 100 для владѣльцевъ. На основаніи этихъ вычисленій, г. Тройницкій представляетъ двѣ особыя росписи, помѣщать которыя здѣсь было бы излишне, тѣмъ болѣе, что всѣ занимающіеся крестьянскимъ вопросомъ обратятся непосредственно къ прекрасной статьѣ г. Тройницкаго.

Въ третей отдѣлѣ этой статьи мы находимъ выводы о крѣпостномъ сословіи по губерніямъ въ Европейской Россіи.

При этихъ соображеніяхъ г. Тройницкій, изъ полного числа 48 губерній одной области и двухъ войсковыхъ земель, исключаетъ три остзейскія губерніи — Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую и Землю Войска Черноморскаго, потому что, какъ мы имѣли случай еще и прежде замѣтить, въ этихъ мѣстахъ вовсе не существуетъ, по силѣ законовъ, крѣпостнаго состоянія; кромѣ того овѣ замѣчаетъ, что въ Архангельской губерніи нѣтъ имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, и что въ ней считается только 9 дворянъ (въ томъ числѣ 6 лицъ женскаго пола), владѣющихъ 14 крѣпостными людьми безъ земли. Затѣмъ сравнительные выводы, касательно распредѣленія крѣпостнаго сословія, г. Тройницкій дѣлаетъ по 46 губерніямъ, одной области и одной войсковой землѣ. -

Приступая къ этимъ выводамъ, г. Тройницкій замѣчаетъ, что число лицъ владѣющихъ крѣпостными людьми въ Европейской Россіи, весьма неравномѣрно распредѣлилось по отдѣльнымъ губерніямъ. Отъ наибольшей величины, именно отъ 7547 владѣльцевъ, находящихся въ Полтавской губерніи, оно по Астраханской упадаетъ до 98. Затѣмъ г. Тройницкій составилъ перечень всѣхъ 46 губерній, распредѣливъ ихъ по числу находящихся въ нихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей. Разсматривая этотъ перечень, мы могли замѣтить, что по тѣмъ 8 губерніямъ, гдѣ всего менѣе помѣщиковъ, еще не представлены (по крайней мѣрѣ до сего времени не имѣется объ этомъ нужныхъ свѣдѣній) всеподданнѣйшія прошенія дворянъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Относительно этого списка губерній, г. Тройницкій справедливо замѣчаетъ, что онъ не подаетъ повода ни къ какимъ заключеніямъ о распредѣленіи числа владѣльцевъ крѣпостныхъ людей по географическому или этнографическому положенію губерній, которыя весьма перемѣшаны, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи. Дѣйствительно въ числѣ губерній, имѣющихъ отъ 4 до 5 тысячъ владѣльцевъ, мы находимъ и Новгородскую и Харьковскую губернію, а въ числѣ губерній, имѣющихъ владѣльцевъ отъ 1 и до 2 тысячъ, губерніи Гродненскую и

Оренбургскую, и наконецъ въ числѣ губерній, имѣющихъ менѣе тысячи владѣльцевъ, мы встрѣчаемъ Астраханскую и Олонецкую, Бессарабскую область и Пермскую губернію.

Но при всей неровности такого распредѣленія, нельзя однако не сдѣлать общаго замѣчанія, что наибольшее число помѣщиковъ, владѣющихъ крѣпостными людьми, находится въ губерніяхъ, населенныхъ малороссійскими и великороссійскими племенами; затѣмъ слѣдуютъ губерніи западной полосы Имперіи; наименѣе такихъ владѣльцевъ числится въ губерніяхъ, составляющихъ окраины Европейской Россіи, съ восточной, сѣверной и южной сторонъ, гдѣ, по ходу историческаго развитія Россіи, позднѣе разселилось русское дворянство.

Что же касается многочисленности владѣльцевъ крѣпостныхъ людей въ губерніяхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, то по поводу этого мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующія объясненія.

Въ губерніяхъ великороссійскихъ помѣщики, и преимущественно мелкопомѣстные, принадлежать къ древнему дворянству; предки этихъ помѣщиковъ владѣли помѣстьями, и иногда очень значительными для прежней поры, еще со временъ первыхъ царей московскихъ; но не имѣя ни честолюбія, ни охоты наживать себѣ состоянія, они не обращались ни къ службѣ, ни къ торговлѣ, ни къ промышленнымъ предпріятіямъ, довольствовались своимъ настоящимъ имуществомъ и оставляли своимъ потомкамъ родовыя, не только не увеличивавшіяся вотчины, а напротивъ все болѣе и болѣе дробившіяся въ каждомъ поколѣніи. Во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ, въ особенности въ одномъ изъ уѣздовъ Костромской, встрѣчается много дворянскихъ фамилій, постоянно, въ нисходящей линіи, владѣющихъ родовой собственностью съ XV вѣка, которая между тѣмъ, безъ увеличенія какими либо новыми пріобрѣтеніями, постоянно дробилась, нерѣдко между десятью поколѣніями, слѣдовавшими одно за другимъ. Среди этихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, имѣющихъ по одной, по двѣ, а много по три дунни, встрѣчаются имена, сохранившіяся въ исторіи и которыя между тѣмъ считаютъ уже угасшими въ спискахъ древняго русскаго дворянства. Такимъ образомъ древность наслѣдственнаго владѣнія помѣстьями была главною причиною раздробленія ихъ между иножествомъ мелкихъ владѣльцевъ. Въ другихъ же мѣстахъ сословіе помѣстныхъ владѣльцевъ образовалось позднѣе и потому, естественно, ихъ вотчины, въ меньшій періодъ времени, не могли еще раздробиться до такой степени, до какой они раздробились въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Относительно малороссійскихъ губерній замѣтимъ, что въ Малороссіи, при гетманахъ, имѣнія, населенныя людьми „посполитыми“, давались во владѣніе не только войсковой и полковой старшинѣ, но и большей части войсковыхъ товарищей. Въ такихъ мелкихъ раздачахъ населенныхъ помѣстій малороссійское правительство видѣло прежде экономическую цѣль. Въ этомъ случаѣ оно подражало Польнѣ, гдѣ большое число незначительныхъ по размѣру сельскихъ хозяйствъ, усиленно укрѣпленными за ними рабочими людьми, считалось нѣкогда успѣхами общаго благосостоянія. Пробѣгая гетманскіе универсалы, данные войсковымъ чинамъ на недвижимыя имѣнія, нельзя не замѣтить, что имѣнія эти, по обычному въ ту пору выраженію, давались „за значныя услуги и для wsparтя господарства“, т. е. для поддержанія хозяйства. Еще въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, русское правительство обратило особенное вниманіе на огромное число

помѣстныхъ владѣльцевъ въ Малороссіи, и былъ издать указъ, по которому требовались отъ малороссійскихъ помѣщиковъ доказательства на право владѣнія помѣстьями. Несмотря однако на строгость подобныхъ требованій, почти всѣ малороссійскіе помѣщики удержали за собою свои владѣнія: кто на основаніи литовскаго статута, кто на основаніи малороссійскихъ привилегій и договорныхъ грамотъ царей московскихъ съ прежними малороссійскими гетманами, кто на основаніи гетманскихъ универсаловъ, купчихъ и разнаго рода записей. Надобно также замѣтить, что старинный бытъ малороссовъ отличался простотою и отсутствіемъ всякой роскоши, и потому, для поддержанія помѣщичьяго хозяйства, не слишкомъ много требовалось крестьянъ. По этому самому не только войсковые товарищи, но и высшіе малороссійскіе сановники получили во владѣніе самыя незначительныя помѣстья, которыя мельчали еще болѣе, при переходѣ ихъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому.

Значительное число помѣщиковъ въ такъ называемыхъ западныхъ губерніяхъ объясняется прежде огромнымъ числомъ бывшей въ Польшѣ шляхты, т. е. существовавшимъ въ этой странѣ чрезвычайно большого числа лицъ, имѣвшихъ право владѣть населенными имѣніями; кромѣ того, число помѣстныхъ владѣльцевъ значительно тамъ увеличивалось, вслѣдствіе существованія такъ называемыхъ *кrolewiczyn*. Крелевщицны были собственно королевскія имѣнія, дробившіяся на мелкіе участки, которые потомъ раздавались въ пожизненное, а иногда и въ потомственное владѣніе бѣдныхъ шляхтичей. Но и по числу крѣпостныхъ людей, или по абсолютному крѣпостному населенію, не всѣ губерніи представляютъ одинаковую соразмѣрность. Изъ всѣхъ губерній крѣпостныхъ людей всего болѣе находится въ Кіевской губерніи, именно—521,245; за этою губерніею слѣдуютъ смежныя съ нею губерніи: Подольская и Волынская, въ которыхъ крѣпостное населеніе простирается отъ 500 до 400 тысячъ. Всего менѣе крѣпостныхъ людей въ Олонецкой губерніи, гдѣ число ихъ не превышаетъ 5,430 душъ.

Говоря о количествѣ абсолютнаго крѣпостнаго населенія, г. Тройницкій представляетъ въ своей статьѣ особый списокъ губерній: въ этомъ списокѣ губерніи расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ занимаютъ мѣсто по количеству находящагося въ каждой изъ нихъ абсолютнаго крѣпостнаго населенія.

Изъ этого списка между прочимъ видно, что крѣпостное сословіе наиболѣе распространилось и укрѣпилось въ трехъ такъ называемыхъ югозападныхъ губерніяхъ (бывшей Польской Украинѣ), въ губерніяхъ Кіевской, Волинской и Подольской, населенныхъ по преимуществу малороссійскимъ, русинскимъ или руснякскимъ и въ значительной степени польскимъ племенами.

За этими губерніями слѣдуютъ губерніи центральныя, гдѣ господствуетъ великороссійское племя, и въ которыхъ, по исчисленію г. Тройницкаго, число крѣпостныхъ людей приходится вообще отъ 250 до 400 тысячъ душъ на губернію. Къ нимъ, замѣчаетъ г. Тройницкій, примыкаютъ, уступая однакоже въ численности крѣпостнаго населенія, губерніи, населенныя племенами малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ въ смѣшеніи съ великороссійскимъ; а потомъ слѣдуютъ губерніи, въ которыхъ русское населеніе слилось съ первоначальными тамъ племенами финскаго и тюркскаго происхожденія. Самое меньшее крѣпостное населеніе представляютъ двѣ изъ сѣверныхъ губерній, Вятская и Олонецкая, и самыя крайнія южныя губерніи, Таврическая и Астраханская; въ этихъ губерніяхъ позже

другихъ утвердилось преобладаніе русскаго племени надъ населяющими ихъ ино-родцами — татарами, калмыками, молдо-валахами и пр.

Что же касается числоваго отношенія крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ, то насчетъ этого г. Тройницкій замѣчаетъ, что средняя сложность относительной крѣпостной населенности имѣній по губерніямъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе и измѣняется отъ 2,232 крѣпостныхъ людей, приходящихся на одного помѣщика въ Пермской губерніи, до 18 душъ въ Бессарабской области. Подробности этихъ вычисленій г. Тройницкій представляетъ въ особо-составленномъ, на этомъ основаніи, спискѣ, и при этомъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, что самыя огромныя, населенныя крѣпостными людьми, имѣнія существуютъ въ Пермской губерніи, гдѣ находятся старинныя и богатые горныя заводы; затѣмъ слѣдуютъ двѣ изъ сѣверо-восточныхъ же губерсій, гдѣ сохранились еще въ большомъ объемѣ старинныя вотчины, обратившіяся въ заведенія и фабричныя имѣнія, и три юго-западныхъ губерсій, особенно замѣчательныя по богатству старинныхъ же вотчинниковъ и помѣщиковъ и по производству лучшаго въ Россіи зерноваго хлѣба: приведенныя губерніи, продолжаетъ г. Тройницкій, различаются, впрочемъ, между собою въ томъ отношеніи, что въ двухъ изъ показанныхъ сѣверо-восточныхъ губерсій, по преимуществу заводскихъ, Пермской и Вятской, число владѣльцевъ большихъ помѣстій не велико, а въ Нижегородской и трехъ западныхъ оно значительно.

Затѣмъ, по разнѣру имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, представляются губерніи бѣлорусскія, бывшія литовскія, и большая часть великороссійскихъ; далѣе губерніи, населенныя вполнѣ или въ значительной степени малороссійскимъ племенемъ, и наконецъ тѣ, въ которыхъ крѣпостное сословіе вообще малочисленно и гдѣ оно не могло еще сгруппироваться въ большія имѣнія. Наибольшая раздробительность имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, и наибольшее число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ оказывается въ губерніяхъ Полтавской, Курской, Черниговской и затѣмъ въ Рязанской, Смоленской, Новгородской, Землѣ Войска Донскаго и Харьковской.

Постараемся теперь до нѣкоторой степени историческими замѣтками объяснить выводы, сдѣланные г. Тройницкимъ на основаніи строгихъ вычисленій.

Что касается большой раздробленности и, въ противоположность ей, значительнаго числа большихъ помѣстій въ губерніяхъ великороссійскихъ, то первая, т. е. раздробленность, объясняется тѣмъ, что мы уже имѣли случай связать, говоря о числѣ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ этихъ губерніяхъ. Послѣднее же явленіе, т. е. значительное число большихъ помѣстій въ великороссійскихъ же губерніяхъ, есть, по нашему мнѣнію, явленіе совершенно случайное, происходящее потому, что нѣкоторыя изъ тамошнихъ владѣльцевъ приходилось сохранять родовыя вотчины нераздѣльно, по той причинѣ, что въ каждомъ поколѣніи былъ только одинъ представитель мужескаго пола, и такимъ образомъ эти имѣнія какъ бы случайно становились нераздробляемыми майоратами. Такия условія, для поддержанія цѣлости имѣнія въ теченіе долгаго времени, бывшія въ родѣ графовъ Шереметевыхъ, дали возможность этой фамиліи сохранить во многихъ великорусскихъ губерніяхъ нераздѣльно всѣ свои огромныя вотчины. Это же замѣчаніе, если мы не ошибаемся, можетъ быть примѣнено и къ фамиліи князей Юсуповыхъ.

Кромѣ того, нѣкоторымъ быстро развивавшимся дворянамъ или лицамъ другихъ сословій, но только получавшимъ дворянское достоинство и составлявшимъ

себѣ огромныя богатства, хотѣлось прежде всего сдѣлаться большими помѣщиками; особенно во второй половинѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, многіе простолюдины быстро разживались откупами, и, по достиженіи этими лицами дворянства, имъ удавалось выгодно скупать мелкія вотчины и составлять изъ нихъ огромныя имѣнія. Нѣкоторые изъ составленныхъ такимъ образомъ имѣній скоро однако раздробились, какъ напр. имѣніе Я—на, но за то другія во всей своей цѣлости перешли отъ первыхъ пріобрѣтателей въ ихъ наслѣдники, и сохранились въ ихъ владѣніи до настоящаго времени. Конечно, все это было одною только случайностію.

Незначительность же размѣровъ помѣщичьихъ имѣній въ губерніяхъ малороссійскихъ легко объясняется тѣмъ, что мы уже сказали прежде, говоря о мелкопомѣстныхъ помѣщикахъ въ Малороссіи.

Образованіе огромныхъ помѣстій на Волыни и на Подолѣ объясняется тѣмъ, что польскіе магнаты, не встрѣчалъ въ этихъ мѣстахъ того противодѣйствія, какое ови находили въ Малороссіи, стремились пріобрѣтать въ этомъ плодородномъ краѣ мажноти, и поэтому, въ концѣ прошедшаго столѣтія, тамъ образовались огромныя помѣстья князей Сантушко, Потоцкихъ и Браницкихъ; кромѣ того, на Вязьмѣ и на Подолѣ существовали такъ называемыя орбинаціи, родъ майоратовъ, недопускавшій дробленіе помѣстій, которыя такимъ образомъ, не мельчая постепенно, какъ другія, переходили отъ одного поколѣнія къ другому, и изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились дольше въ своемъ прежнемъ размѣрѣ.

Что же касается сѣверо-восточныхъ губерній, называемыхъ г. Тройницкимъ губерніями по преимуществу заводскими, то существованіе тамъ помѣстій въ большихъ размѣрахъ объясняется тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ крестьяне не продавались ни безъ земли, ни съ отдѣльными незначительными поземельными участками. Главнымъ предметомъ владѣнія въ этомъ краѣ былъ заводъ или фабрика; понятно, что ни тотъ, ни другая не могли переходить въ раздѣлъ между наслѣдниками и не могли быть проданы въ раздробь и поэтому самому въ обоихъ случаяхъ и фабрики и заводы, переходя или по наслѣдству или по куплѣ отъ одного владѣльца къ другому, доставались каждому изъ нихъ во всей цѣлости, т. е. со всѣми закрѣпленными при нихъ крестьянами.

Существованіе же большихъ помѣстій въ бѣлорусскихъ и бывшихъ литовскихъ губерніяхъ объясняется какъ тѣми случайными обстоятельствами, на которыя мы указали, говоря о большихъ помѣстьяхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, такъ и тѣмъ, что императрица Екатерина II прямо жаловала нѣкоторымъ изъ своихъ вельможъ значительныя помѣстья въ Бѣлороссіи; изъ этихъ помѣстій многія не только во всей цѣлости, но даже съ увеличеніемъ перешли, большею частію, не къ наслѣдникамъ тѣхъ, кому они были пожалованы, а къ постороннимъ покупателямъ, пользовавшимся дешевизною имѣній въ этомъ краѣ. Было много особыхъ причинъ, которыя содѣйствовали послѣднему.

Опредѣливъ числовое отношеніе крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ, г. Тройницкій переходитъ къ разсмотрѣнію крѣпостнаго процента, т. е. къ относительному числу крѣпостныхъ людей, приходящихся на 100 душъ общаго губернскаго населенія; г. Тройницкій и въ этомъ случаѣ, какъ и въ предшествовавшихъ, располагаетъ губерніи въ особомъ спискѣ по степени крѣпостнаго ихъ процента. Изъ этого списка видно, что крѣпостной процентъ не имѣетъ никакого прямаго

отношения къ абсолютному числу крѣпостнаго населенія въ губерніи. Въ спискѣ, нами упомянутомъ, первое мѣсто занимаетъ губернія Смоленская, тамъ онъ достигаетъ 71,67% или равняется почти тремъ четвертямъ всего губернскаго населенія, самый низній процентъ — 1,18%, т. е. немного болѣе сотой части всего населенія, оказывается въ Бессарабской области. Для удобнѣйшаго обозрѣнія этого, по нашему мнѣнію, едва ли не самаго важнаго предмета въ статистическихъ выводахъ г. Тройницкаго, онъ распредѣляетъ губерніи на четыре группы: 1-я, въ которой число крѣпостныхъ людей составляетъ выше 50% или болѣе половины всего губернскаго населенія; къ этой группѣ должно причислить 18 губерній, изъ которыхъ почти всѣ принадлежатъ къ мѣстностямъ самымъ населеннымъ; 2-я группа представляетъ тѣ губерніи, въ которыхъ число крѣпостныхъ людей въ отношеніи къ населенію вообще представляетъ отъ 25% до 50%, или отъ четвертой части до половины всего населенія, такихъ губерній находится 18; въ третьей группѣ оно простирается отъ 10% до 25%, т. е. отъ десятой до четвертой части всего населенія; такихъ губерній имѣется 5; и наконецъ 4-я, въ которой число крѣпостныхъ людей ниже 10% или менѣе десятой части губернскаго населенія; въ послѣдней группѣ находится 6.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ, г. Тройницкій дѣлаетъ замѣчаніе: „что въ первую группу входятъ губерніи, преимущественно изъ западной полосы губерній и изъ центральныхъ, во вторую — изъ тѣхъ же полосъ, и отчасти малороссійскихъ и завожскихъ, въ третью двѣ сѣверныхъ и три восточныхъ, и наконецъ въ послѣднюю группу двѣ изъ сѣверныхъ и четыре крайнія южныя губерніи, съ причисленіемъ къ нимъ Бессарабской области, въ которой вообще незначительны какъ число имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, такъ и абсолютное число крѣпостныхъ, состоящихъ почти исключительно изъ цыганъ, поселенныхъ я дворовыхъ“.

Обозрѣвъ численность крѣпостнаго сословія въ Европейской Россіи и распределеніе его по правительственнымъ участкамъ на этомъ пространствѣ имперіи, г. Тройницкій переходитъ къ числу крѣпостныхъ въ Азіатской Россіи, разумѣя подъ этимъ названіемъ пространство имперіи, занятое губерніями и областями сибирскими и закавказскими. Источниками для опредѣленія числа крѣпостныхъ людей въ Азіатской Россіи служили также свѣдѣнія, доставленныя Центральному Статистическому Комитету отъ мѣстныхъ казенныхъ палатъ, Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской и Семипалатинской; для другихъ остальныхъ затѣмъ мѣстъ г. Тройницкій заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ сочиненія г. академика Кеппена, появившагося въ нынѣшнемъ году подъ заглавіемъ: „Девятая ревизія“.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній оказалось, что изъ сибирскихъ губерній въ одной только Тобольской есть помѣщики, принадлежащіе къ разряду владѣльцевъ, имѣющихъ отъ 101 до 500 душъ; выне же этого разряда, т. е. помѣщиковъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, во всей Сибири не существуетъ, а въ Закавказскомъ краѣ число крѣпостныхъ вовсе ничтожно.

Такимъ образомъ оказывается: первое, что во всей Сибири находится 97 дворянъ, владѣющихъ крѣпостными людьми безъ земли, и что число такихъ людей, имъ принадлежащихъ — 254; второе, что помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе 21 души — 37, а число крѣпостныхъ людей, имъ принадлежащихъ — 254, третье, что число помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 21 до 100 душъ — 16, число же при-

надлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей—623, и наконецъ четвертое, что помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 101 до 500 душъ—3, и что имъ принадлежитъ 623 души. Изъ этого видно, что общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей въ Сибири, равняется—153, и что имъ въ общей сложности принадлежитъ 1800 душъ, при общемъ числѣ 1,715,330 жителей во всей Сибири, что составляетъ по всей Сибири 0,10 крѣпостнаго процента. При этомъ должно замѣтить, что всѣ вычисления, по сибирскому краю, дѣлались г. Тройницкимъ точно также, какъ и по Европейской Россіи, по свѣдѣніямъ, относившимся только къ мужскому полу, и что въ Тобольской губерніи во владѣніи двухъ помѣщиковъ состоитъ на посессионномъ правѣ 163 души, приписанныхъ къ бумажнымъ фабрикамъ.

Относительно крѣпостнаго сословія въ Закавказскомъ краѣ замѣтимъ, что въ пяти губерніяхъ, его составляющихъ, находится 153 владѣльца крѣпостныхъ людей; число же послѣднихъ простирается до 1844 душъ, при 2,818,348 жителей въ Закавказскомъ краѣ, что составляетъ 0,06 крѣпостнаго процента. „Число крѣпостныхъ въ Закавказскомъ краѣ, замѣчаетъ г. Тройницкій, такъ ничтожно, около двадцати-пяти тысячной доли всего населенія, что не подаетъ повода ни къ какимъ выводамъ“. Изъ всѣхъ вычисленій, сдѣланныхъ г. Тройницкимъ, оказывается, что въ Азіатской Россіи, т. е. въ Сибири и Закавказьѣ, крѣпостной процентъ составляетъ только шесть сотыхъ единицы, или другими словами, на 1530 жителей мужскаго пола приходится только одинъ крѣпостной, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европейской Россіи одинъ крѣпостной приходится на 33 жителя.

Ознакомивъ читателей съ числомъ крѣпостныхъ людей и съ весьма разнообразными числовыми выводами, по этому предмету, г. Тройницкій приступаетъ къ общимъ сравнительнымъ выводамъ по крѣпостному населенію въ Россіи за послѣднія двадцать лѣтъ. Для этого, прежде всего, г. Тройницкій складываетъ вмѣстѣ итоги чиселъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей и общаго мужскаго населенія въ Европейской и Азіатской Россіи, и, присовокупивъ къ тому относительныя числа крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ и къ общему населенію, получаетъ слѣдующія числовыя данныя для *всей Россійской Имперіи* (за исключеніемъ сѣверо-американскихъ владѣній и киргизскихъ кочевьевъ оренбургскаго вѣдомства):

		По Европейской по Азіатской Россіи.	
Въ числѣ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей	а) дворянъ безземельныхъ	5,510	97
	б) помѣщиковъ	109,457	56
Числятся крѣпости. людей муж. пола	а) за дворянами безземельн.	10,844,902	1,844
	б) за помѣщиками		
На одного владѣльца приходится крѣпостныхъ.		94,38	12,19
При общемъ числѣ жителей мужскаго пола .		28,613,380	2,818,948
Крѣпостной процентъ . .		37,90	9,08

Затѣмъ по всей имперіи, за исключеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго и Царства Польскаго, г. Тройницкій полагаетъ: а) 115,120 владѣльцевъ крѣпостныхъ людей (изъ нихъ 5607 принадлежатъ къ числу дворянъ безземельныхъ и 109,513 къ числу помѣщиковъ); этимъ лицамъ принадлежитъ 10,846,746 крѣпостныхъ людей, такъ что на cadaго владѣльца приходится 94,22 крѣпостнаго человѣка, что, при 31,432,328 жителей мужскаго пола составляетъ 34,50 крѣпостнаго процента.

Всѣ эти вычисленія представляетъ г. Тройницкій для болышей ясности въ круглыхъ числахъ, дѣлая слѣдующее замѣчаніе:

„На тридцать одинъ съ половиною миллионъ душъ мужскаго населенія Россіи приходится около десяти миллионѣвъ 850 тысячъ крѣпостныхъ людей мужскаго пола, такъ что на тысячу жителей приходится 345 крѣпостныхъ, или иначе, что крѣпостное сословіе составляетъ не иного ботѣ трети всего народонаселенія. Все крѣпостное сословіе принадлежитъ ста пятнадцати тысячамъ владѣльцевъ, въ числѣ которыхъ сто девять съ половиною тысячъ помѣщиковъ и немного болѣе пяти съ половиною тысячъ дворянъ безземельныхъ. На cadaго владѣльца въ сложности приходится по 94 крѣпостныхъ; раздѣливъ же владѣльцевъ на помѣщиковъ и на дворянъ безземельныхъ, на cadaго изъ первыхъ придется 99 душъ, и на cadaго изъ послѣднихъ (во владѣніи которыхъ около 15,600 душъ) менѣе 3 душъ“.

Опредѣливъ этими цифрами современное число крѣпостныхъ людей въ Россіи и отношенія ихъ, какъ къ владѣльцамъ вообще, такъ и по двумъ разрядамъ послѣднихъ, а также и къ общему числу народонаселенія Имперіи, г. Тройницкій упоминаетъ, что въ VII томѣ: „Записокъ Императорской Академіи Наукъ“, (Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de S. Petersbourg VI Serie, Sciences politiques etc. т. VII), изданномъ въ 1847 году, напечатана была г. академикомъ Кеппеномъ статья: „О распредѣленіи жителей по сословіямъ“, въ составъ которой вошла и таблица о числѣ крѣпостныхъ людей и владѣльцевъ ихъ въ Европейской Россіи по 8 ревизіи. Свѣдѣнія, вошедшія въ статью г. Кеппена, были основаны на окладныхъ спискахъ 1838 года, хотя самая ревизія, какъ извѣстно, производилась съ 1834 по 1837 годъ, и такъ какъ при этихъ обстоятельствахъ свѣдѣнія г. Кеппена относятся къ 1838 году, а тѣ свѣдѣнія, которыми руководствовался г. Тройницкій, относятся къ 1857 году, то г. Тройницкій напелъ возможность сдѣлать на счетъ крѣпостнаго сословія въ Россіи, приблизительно, сравнительные выводы за періодъ около двадцати лѣтъ, именно съ 1838 по 1857 годъ.

Мы не считаемъ себя вправѣ представить здѣсь нашимъ читателямъ ту весьма любопытную сравнительную таблицу о крѣпостномъ сословіи, которую г. Тройницкій приложилъ къ своей статьѣ: воспользуемся только ея общими выводами.

Изъ упомянутой таблицы г. Тройницкій вывелъ, между прочимъ, что общее мужское населеніе въ Европейской Россіи увеличилось, въ минувшій 20-лѣтній періодъ, почти на $4\frac{1}{2}$ миллионъ жителей или на 18 процентовъ; крѣпостное же населеніе не только не возросло, но напротивъ уменьшилось на 25 тысячъ душъ или $\frac{1}{6}$ часть процента. Главную причину не только застоя, но даже уменьшенія въ численности крѣпостнаго населенія г. Тройницкій находитъ возможнымъ приписать отбыванію этимъ сословіемъ рекрутской повинности въ натурѣ, потому что люди, поступающіе въ рекруты изъ свободныхъ сословій, остаются въ числѣ тѣхъ же сословій, при счетѣ народонаселенія, переходя только развѣ изъ одного сословія въ другое; ноступающіе же въ службу изъ крѣпостнаго сословія исключаются изъ него навсегда, причисляясь, по истеченіи срока службы, не только лично, но и съ частію своихъ семействъ, къ какому-либо изъ свободныхъ сословій. Съ справедливостію этого замѣчанія должно согласиться вполне.

Кромѣ этой главной причины, г. Тройницкій вычисляетъ еще нѣсколько причинъ, дѣйствующихъ на застой въ численности крѣпостнаго сословія, какъ-то: отпускъ на волю, поступленіе въ свободные хлѣбопашцы, переходъ въ другія сословія и т. п.; но у насъ нѣтъ надлежащихъ данныхъ, присовокупляетъ г. Тройницкій, для точнаго опредѣленія этихъ причинъ.

Вообще же, вслѣдствіе значительнаго увеличенія общаго числа населенія и напротивъ уменьшенія числа крѣпостныхъ людей, общій крѣпостный процентъ въ Европейской Россіи, по вычисленію г. Тройницкаго, понизился съ 44,82, на 37,90, слѣдовательно уменьшился вообще на 6,92.

Изъ этихъ данныхъ, касательно уменьшенія численности крѣпостнаго сословія въ Россіи, приведенныхъ и объясненныхъ г. Тройницкимъ, можно заключить, что, при обыкновенномъ порядкѣ вещей, крѣпостное сословіе единственно по уменьшенію своего процента, безъ всякихъ постороннихъ юридическихъ мѣръ, истребляющихъ совершенно его существованіе, уменьшилось бы въ Россіи, въ теченіе послѣдующихъ пятидесяти лѣтъ, процентовъ на 17; ватѣмъ остальные, около 83% могли бы уничтожиться, примѣрно въ теченіе около двухъ вѣковъ, если только выводъ г. Тройницкаго принять за норму; отъ чего, несомнѣнно, и самъ почтенный авторъ и другіе пользующіеся его выводами весьма далеки. Замѣчаніе это дѣлается только въ видѣ исчисленія *отроцанностей*, которыя, конечно, весьма слабо соответствуютъ естественнымъ событіямъ.

Переходя отъ общихъ замѣчаній къ частнымъ, г. Тройницкій говоритъ, что мужское населеніе уменьшилось только въ 5 и увеличилось въ 46 губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи. Губерніи: Витебская, Гродненская, Новгородская, Симбирская и Ярославская принадлежать къ тѣмъ, гдѣ уменьшилось общее населеніе. При этомъ г. Тройницкій замѣчаетъ, что уменьшеніе населенія въ Симбирской губерніи только мнимое и произошло отъ того, что часть этой губерніи отошла въ составъ вновь учрежденной, въ 1851 году, Самарской губерніи, не существовавшей при производствѣ 8 ревизій.

По поводу этого мы позволяемъ себѣ присовокупить замѣчаніе, что въ теченіе двадцатилѣтняго періода, принимаемаго г. Тройницкимъ, населеніе въ Витебской и Гродненской губерніяхъ могло, очень вѣроятно, уменьшиться отъ бывшихъ тамъ въ сороковыхъ годахъ и нѣсколько позднѣе страшныхъ голодовъ. Мы имѣли случай видѣть таблицы браковъ, смертности и рожденій по этимъ губерніямъ, относящіяся къ несчастнымъ годамъ, и не могли не замѣтить значительнаго, сравнительно съ нѣсколькими предшествовавшими годами, уменьшенія первыхъ и послѣднихъ и напротивъ значительное увеличеніе второй—т. е. смертности. Такимъ образомъ, при большой убыли и при малой производительности народонаселенія, соединенныхъ съ смертностію болѣе обыкновенной, въ общемъ результатѣ необходимо должно было уменьшиться число народонаселенія въ тѣхъ мѣстахъ, на долю которыхъ выпали эти неблагоприятныя условія. Что же касается Ярославской губерніи, то при малоземельности ея сельскихъ обитателей и при ихъ зажиточности, общее число народонаселенія въ этой губерніи, какъ мы полагаемъ, уменьшается выкупомъ и переселеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ въ купеческое или мѣщанское сословіе и зачисленіемъ въ эти же сословія крестьянъ государственныхъ, не по одной только Ярославской, но и другимъ губерніямъ. Для болѣе точнаго опредѣленія, или даже только для подтвержденія нашего мнѣнія, могли бы служить по-

собіемъ свѣдѣнія ярославскихъ губернскихъ управленій о переходѣ тамошнихъ крестьянъ въ городскія сословія, какъ Ярославской, такъ и другихъ губерній. Можно сказать утвердительно, то недочетъ крѣпостныхъ людей въ 1857 противъ ихъ числа въ 1838 году, состоящій въ 17,191 душѣ легко объясняется переходомъ ярославскихъ крестьянъ въ городскія сословія, а затѣмъ уменьшеніе общаго итога по всей губерніи, въ теченіи двадцатилѣтняго періода, всего на 5,592 души объясняется перечисленіемъ обывателей Ярославской губерніи въ составъ мѣщанскихъ и купеческихъ сословій другихъ губерній. Касательно же Новгородской губерніи мы полагаемъ, что уменьшеніе въ ней массы народонаселенія нужно отнести прежде всего въ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, именно къ неурожаю и увеличившейся смертности.

Опредѣливъ общее увеличеніе и общее населеніе въ Европейской Россіи, г. Тройницкій переходитъ къ разсмотрѣнію безусловнаго или абсолютнаго числа крѣпостныхъ людей, и при этомъ дѣлаетъ выводъ, что безусловное или абсолютное число крѣпостныхъ людей увеличилось въ теченіе двадцатилѣтняго періода въ 19 губерніяхъ и уменьшилось въ 27. При этихъ вычисленіяхъ, какъ и при всѣхъ предшествовавшихъ, г. Тройницкій представляетъ подробный списокъ этихъ губерній.

Изъ этого списка видно, что уменьшеніе крѣпостнаго сословія послѣдовало въ губерніяхъ Оренбургской, Симбирской и Саратовской; по мнѣнію г. Тройницкаго, это должно быть приписано тому обстоятельству, что часть этого населенія отошла во вновь учрежденную, между сроками 8 и 9 ревизій, Самарскую губернію. Другія же губерніи, замѣчаетъ г. Тройницкій, въ отношеніи къ увеличенію или уменьшенію абсолютнаго крѣпостнаго сословія такъ перемѣняны, что ни въ географическомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи нельзя вывести о причинахъ того никакихъ положительныхъ заключеній: и въ томъ и въ другомъ списокѣ есть губерніи центральныя, западныя, восточныя и южныя; только собственно губерніи малороссійскія всѣ три стоятъ въ послѣднемъ списокѣ.

Касательно крѣпостнаго процента, который, какъ мы полагаемъ, долженъ имѣть самое важное значеніе при крестьянскомъ вопросѣ, г. Тройницкій замѣчаетъ, что процентъ этотъ, т. е. числовое отношеніе крѣпостнаго населенія къ общему губернскому населенію, *уменьшился* почти во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи. Исключенія составляютъ только три губерніи — Гродненская, Новгородская и Таврическая; въ двухъ первыхъ, конечно, только случайно, при общемъ уменьшеніи населенія, увеличился крѣпостной процентъ. Вообще же по поводу этого г. Тройницкій замѣчаетъ, что частные выводы по губерніямъ могли бы увлечь къ ошибочнымъ заключеніямъ.

Сравнительные выводы г. Тройницкаго, касательно крѣпостнаго сословія въ Азіатской Россіи, ограничиваются замѣчаніемъ о неудобствѣ сдѣлать ихъ по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ статьѣ г. академика Кеппена, такъ какъ въ этихъ свѣдѣніяхъ число жителей по 8 ревизіи показано было приблизительно; но вообще число крѣпостныхъ людей и крѣпостной процентъ уменьшились, и притомъ послѣдній въ значительной степени. О населеніи Закавказскаго края по 8 ревизіи, замѣчаетъ г. Тройницкій, мы вовсе не имѣемъ числовыхъ данныхъ для сравненія.

На основаніи же всѣхъ имѣвшихся у Тройницкаго свѣдѣній и на основаніяхъ,

принятыхъ центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, г. Тройницкій представляетъ въ ежатомъ видѣ слѣдующую таблицу:

	Въ 1837—1838 г.		Въ 1856—1857 г.	
	Число владѣльцевъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число владѣльцевъ.	Число крѣпостныхъ людей.
<i>Дворянъ безземельныхъ</i>	17,763	62,180	5,508	45,390
<i>Помѣщиковъ, владѣльцевъ менѣе 21 души</i>	59,457	450,037	47,465	357,496
<i>отъ 21 до 100 душъ .</i>	30,417	1,500,357	35,441	1,628,884
<i>отъ 101 до 500 „</i>	16,740	3,634,194	19,590	3,857,555
<i>отъ 501 до 1000 „</i>	2,273	1,562,831	2,433	1,591,637
<i>болѣе 1000 „</i>	1,453	3,566,959	1,439	3,260,005
Итого.	127,103	10,766,561	111,874	10,711,911

Статью свою г. Тройницкій оканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаемъ: „Изъ этихъ сравнительныхъ данныхъ (разумѣются данныя, помѣщенные въ приведенной нами таблицѣ) оказывается, что въ Европейской Россіи (за исключеніемъ Земли Войска Донскаго) общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей уменьшилось на 14,239 или на 12 процентовъ, а абсолютное число принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей на 54,650 или на полпроцента. По принятымъ нами разрядамъ, продолжаетъ г. Тройницкій, разсматриваемымъ отдѣльно, *уменьшилось*: число владѣльцевъ и крѣпостныхъ людей, по разрядамъ самыхъ мелкихъ владѣльцевъ (т. е. безземельныхъ дворянъ и мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ) и самыхъ богатыхъ помѣщиковъ, имѣющихъ въ своемъ владѣніи болѣе тысячи душъ; увеличилось же, напротивъ, число всѣхъ вообще помѣщиковъ среднихъ разрядовъ, т. е. имѣющихъ въ своемъ владѣніи отъ 21 до 100, отъ 101 до 500 и отъ 501 до 1000 душъ, равно какъ и число принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ“.

Изъ всего этого г. Тройницкій заключаетъ, что такой результатъ, по крѣпостному сословію, замѣченный въ теченіе почти двадцатилѣтняго періода, ясно обозначаетъ усиленіе и обогащеніе средняго сословія помѣщиковъ, переходомъ въ нихъ владѣніе значительной части крѣпостныхъ изъ рукъ какъ самыхъ мелкихъ владѣльцевъ, такъ отчасти и изъ слишкомъ огромныхъ помѣщичьихъ имѣній.

Представивъ читателямъ нашимъ всѣ тѣ факты, которые такъ систематически свелъ въ своей статьѣ г. Тройницкій, мы должны сказать, что они наводятъ насъ на многія соображенія, которыхъ, конечно, мы и не имѣемъ права искать въ статьѣ г. Тройницкаго, такъ какъ, кажется, и авторъ имѣлъ въ виду разрѣшить вопросъ только „о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи“. Цѣль статьи въ этомъ отношеніи достигнута вполне. Для людей незнакомыхъ съ статистическими выкладками не можетъ быть вполне ясна вся громадность труда, исполненнаго г. Тройницкимъ; но мы можемъ сказать, что въ статьѣ г. Тройницкаго, съ виду не слишкомъ обильной, кроются результаты долгаго и добросовѣстнаго труда.

Изъ данныхъ, находящихся въ статьѣ г. Тройницкаго, можно заключить безошибочно, что въ настоящее время крѣпостное право связано у насъ ближе всего съ правомъ поземельнаго владѣнія и что поэтому для опредѣленія крестьянскаго вопроса со всѣхъ его сторонъ, и слѣдовательно во всей полнотѣ, было бы желательно, чтобъ, въ дополненіе къ прекрасному труду г. Тройницкаго были также систематически обработаны свѣдѣнія о поземельной собственности помѣщиковъ и объ усадьбахъ ихъ крестьянъ. Несомнѣнно, что вопросъ этотъ слишкомъ обширенъ,

но объясненіе его, на основаніи сколь можно болѣе важныхъ статистическихъ данныхъ, необходимо для разрѣшенія слишкомъ частыхъ вопросовъ о современномъ положеніи крестьянъ. Подобный трудъ, въ соединеніи съ трудомъ г. Тройницкаго, служилъ бы богатымъ нособіемъ, для опредѣленія взгляда на многіе экономическія условія въ быту помѣщичьихъ крестьянъ; а между тѣмъ нельзя не замѣтить, что, къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало данныхъ, на которыхъ можно было бы основывать многіе соображенія по этому дѣлу и которыми въ то же время можно было опровергать произвольно составленныя воззрѣнія, неимѣющія въ себѣ никакого прочнаго основанія.

Библиографія журнальныхъ статей, по вопросу объ устройствѣ и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Съ обращеніемъ общаго вниманія въ Россіи на вопросъ объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, появилось въ нашей литературѣ много статей по этому предмету и возникли даже два спеціальныя по сему вопросу журнала.

Всѣ вообще сочиненія и статьи такого рода можно, кажется, подвести подъ три главныя категоріи: въ однѣхъ описывается историческое развитіе быта земледѣльческаго сословія въ разныхъ государствахъ, что можетъ имѣть цѣлью указать намъ примѣры, достойныя подражанія, или предостеречь насъ отъ ошибочныхъ мѣръ, навлекшихъ бѣдствія на другія страны. Въ другихъ статьяхъ заключаются общія юридическія и административныя разсужденія, клонящіяся къ разъясненію способа примѣненія мѣръ, какія слѣдуетъ принять, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Третьи статьи, наконецъ, болѣе практическаго содержанія, излагаютъ лишь мѣстныя свѣдѣнія о сельско-хозяйственномъ устройствѣ имѣній въ разныхъ краяхъ Россіи и могутъ служить съ одной стороны нѣкоторымъ нособіемъ при опредѣленіи частныхъ и подробностей въ предполагаемыхъ правилахъ объ устройствѣ крестьянскаго быта, а съ другой стороны могутъ указать частнымъ лицамъ удобнѣйшіе и выгоднѣйшіе способы къ преобразованію хозяйствъ своихъ, сообразно съ потребностями времени.

Въ статьяхъ перваго рода мы находимъ историческое описаніе устройства крестьянскаго сословія во Франціи, въ Пруссіи, въ Польшѣ, въ Остзейскихъ губерціяхъ и, наконецъ, въ самой Россіи.

Исторія *французскихъ крестьянъ* изложена въ статьяхъ гг. Чичерина и П. Ш—ва, напечатанныхъ,—первая въ „Атенѣ“, а вторая въ 1 № „Русскаго Вѣстника“ за нынѣшній годъ. Составленіе статей этихъ было авторамъ облегчено изданіемъ въ недавнее время во Франціи нѣсколькихъ сочиненій по этому предмету. Изъ нихъ, по полнотѣ и послѣдовательности изложенія, болѣе замѣчательно сочиненіе Лемари (LéuMarie—Histoire des paysans en France), которымъ преимущественно руководствовался г. П. Ш—ъ. Но сочиненіе это доведено лишь до времени революціи; потому, чтобы ознакомиться съ позднѣйшимъ развитіемъ быта французскихъ земледѣльцевъ, слѣдуетъ обратиться ко второй половинѣ второй части сочиненія г. Боямера (Boupiemère—Histoire des paysans). Къ сожалѣнію,

это сочиненіе, все вмѣстѣ взятое, не представляетъ довольно ясной и вѣрной картины исторіи устройства французскихъ крестьянъ. Въ г. Боннерѣ слишкомъ высказывается стремленіе растрогать читателей изображеніемъ постоянныхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ французскими крестьянами, что вредитъ послѣдовательности и безпристрастію, которыя совершенно необходимы историку. Однимъ словомъ, книгу г. Боннера правильнѣе было бы назвать *Martyrologie des paysans en France*.

Изъ приведенныхъ статей и сочиненій видно, что французскіе земледѣльцы, образовавшіеся частью изъ рабовъ, частью изъ свободныхъ людей, покоренныхъ новыми обладателями Галліи, изъ закабалившихъ себя добровольно, чтобы избавиться отъ притѣсненій и насилій, слились въ первыя времена французской монархіи въ сословіе крѣпостныхъ людей (*serfs*). Съ развитіемъ феодальной системы, крестьяне получили во многихъ мѣстахъ право потомственного пользованія землями, за повинности, опредѣленныя мѣстными обычаями. Наконецъ, крѣпостная зависимость на дѣлѣ почти уничтожилась, такъ какъ она не лишила уже крестьянъ права перехода съ мѣста на мѣсто, а выражалась только въ лежащихъ на нихъ личныхъ повинностяхъ или услугахъ, считавшихся унизительными. Крестьянинъ могъ продать свою землю другому, принимавшему на себя исправленіе въ пользу господина поземельныхъ повинностей; но крестьянинъ, считавшійся крѣпостнымъ, не освобождался при этомъ отъ личныхъ своихъ повинностей. Помѣщики во второй половинѣ XVIII вѣка мало вмѣшивались въ управленіе крестьянами, а старались только умножать подъ разными предлогами ихъ повинности. Крестьяне, считавшіе уже землю своею и не видѣвшіе отъ господъ ни участія, ни помощи, и не чувствовавшіе даже надъ собою ихъ власти, смотрѣли на нихъ, какъ на чуждыхъ себѣ сосѣдей, которые, по сословному праву рожденія, требуютъ съ нихъ разныхъ поборовъ; потому крестьяне и помѣщики поставлены были между собою въ опасный антагонизмъ. Настала революція, уничтожившая феодальныя права и преимущества. Многіе крестьяне сдѣлались полными собственниками своихъ участковъ. Быть ихъ конечно улучшился, но еще не вездѣ. Въ настоящее время благосостоянію французскихъ крестьянъ вредитъ чрезмѣрное размельченіе поземельныхъ участковъ (многіе владѣютъ лишь $\frac{1}{2}$ десятины), а въ другихъ мѣстахъ непомѣрное возвышеніе арендной платы на землю.

Объ исторіи крестьянъ въ Пруссіи помѣщена въ 1, 2 и 4-мъ №№ „Сельскаго Благоустройства“ замѣчательная статья г. Самарина, которая, впрочемъ, еще не окончена. Статья эта весьма замѣчательна по полнотѣ, послѣдовательности и правильности своего изложенія. Она представляетъ намъ живую картину не только прежняго положенія прусскихъ крестьянъ и мѣръ, принятыхъ къ улучшенію ихъ быта, но и различныхъ воззрѣній современниковъ на эти мѣры, порядка составленія и приведенія въ исполненіе новыхъ правилъ, послѣдствій примѣненія ихъ и впечатлѣнія, произведеннаго реформою на крестьянъ и на дворянство. Въ первой части статьи, г. Самаринъ описываетъ устройство имѣній въ Пруссіи, подъ вліяніемъ феодальныхъ началъ: тутъ мы видимъ вредныя и невыгодныя послѣдствія прикрѣпленія лица къ лицу, лица къ землѣ и земли къ сословію. Люди, поставленные, по рожденію, въ тѣсную и опредѣленную сословную рамку, стѣснены въ приложеніи въ дѣлу своихъ способностей. Купля и продажа земли подвержены разнымъ ограниченіямъ, понижающимъ поземельную цѣнность и препятствующимъ хозяйственнымъ усовершенствованіямъ. Къ счастью, Пруссія не закоснѣла въ слѣ-

пой приверженности въ старому порядку вещей, не стала, подобно Франціи, дожидаться насильственнаго ниспроверженія этого порядка. Явился великій государственный иужъ, Штейнъ, мудрымъ начинашлмъ котораго Пруссія наиболѣ обязана настоящимъ своимъ благоустройствомъ и благосостояніемъ. Описанію государственной дѣятельности Штейна, по крестьянскому вопросу, посвящена вторая часть статьи г. Самарина. Въ 1807 году прусскіе крестьяне пріобрѣли личную свободу, сохранивъ при этомъ право пользованія землею, изстари носившею названіе крестьянской. Личныя повинности крестьянъ, истевавшіи изъ крѣпостной зависимости, были упразднены; поземельныя же господскія повинности крестьянъ измѣнены не были. Оставалось опредѣлить справедливый размѣръ сихъ повинностей и облегчить крестьянамъ возможность пріобрѣсти поземельную собственность. Описаніе принятыхъ въ этомъ отношеніи мѣръ, возбудившихъ сперва сильное сопротивленіе и порицаніе дворянства, но увѣнчавшихся благиими для всего края послѣдствіями, заключается въ третьей части статьи г. Самарина. Принято за правило, что повинности крестьянъ въ пользу помѣщика не должны превышать трети всего чистаго дохода съ владѣемыхъ ими участковъ. Крестьяне, владѣвшіе участками своими наслѣдственно за постоянныя повинности, могли выкупить ихъ въ собственность; или, уступивъ помѣщику одну треть своей земли, сохранить въ своей собственности остальную часть. Изъ участковъ, владѣемыхъ крестьянами по срочнымъ условіямъ, они должны были уступить половину помѣщику, для освобожденія себя отъ повинностей. Былъ назначенъ срокъ для добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами, по истеченіи коего регулированіе производилось особо назначенными для того чиновниками. Наконецъ, прусское правительство содѣйствовало выкупу крестьянскихъ земель финансовыми учрежденіями, о которыхъ вѣрно будетъ болѣе подробно говорено въ послѣдней статьѣ г. Самарина.

Что касается исторіи устройства *польскихъ* крестьянъ, то объ этомъ напечатана довольно подробная и дѣльная статья въ послѣднихъ двухъ №№ „Русскаго Вѣстника“. Но читатели наши могли уже познакомиться съ этимъ предметомъ, прочитавъ статью г. Карновича, помѣщенную въ іюньской книжкѣ „Современника“.

Довольно много статей вышло, относительно устройства крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, — а именно: 1) Очеркъ исторіи Эстляндскихъ крестьянъ — въ 3 № Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1857 годъ; 2) Очеркъ исторіи Лифляндскихъ крестьянъ — во 2 и 3-мъ №№ Отечественныхъ Записокъ за 1858 годъ; 3) Извлеченіе изъ законоположеній о крестьянахъ Остзейскихъ губерній П. Шульца, — напечатанное сперва въ Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а потомъ отдѣльной брошюрой; 4) Письма о крестьянахъ прибалтійскаго края, напечатанныя въ *le Nord* и переведенныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Послѣднее сочиненіе, довольно краткое, но достаточно-полное изложеніе постепеннаго измѣненія устройства крестьянскаго сословія во всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерніяхъ. Все вообще писанное по этому предмету приводитъ къ убѣжденію, что дарованіе крестьянамъ одного только права перехода изъ одного имѣнія въ другое, безъ права собственности или постояннаго пользованія на землю, неминуемо должно имѣть вредное вліяніе на бытъ крестьянъ; потому-то пришлось измѣнить и исправить эстляндское положеніе 1816 года и лифляндское 1819 года. коими не было предоставлено тамошнимъ крестьянамъ такого права.

У насъ нѣтъ еще полной, хорошей исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи;

все, что мы имѣемъ, пока заключается въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ 1е Nord и переведенной съ нѣкоторыми замѣчаніями, дополненіями, возраженіями и цитатами разныхъ документовъ, г. Вельмана, въ первой книжкѣ „Журнала Землевладѣльцевъ“. Статья г. Вельмана съ полнымъ знаніемъ дѣла разобрана во 2-мъ № „Русской Бесѣды“ за вывѣснй годъ.

Перейдемъ теперь къ разбору статей, посвященныхъ разъясненію вопроса о лучшемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Но скажемъ напередъ нѣсколько словъ о самыхъ журналахъ, специально посвятившихъ себя этому предмету или открывшихъ для того особые отдѣлы.

Болѣе всего вниманія обращаетъ на себя въ этомъ отношеніи „Сельское Благоустройство“, издаваемое при „Русской Бесѣдѣ“. Вотъ какими словами издатель, г. Кошелевъ, объясняетъ назначеніе своего журнала: „У насъ“, говоритъ онъ, „объ устройствѣ крѣпостнаго сословія еще не было *общаго сужденія*. Теперь необходимо вознаградить упущенное время. Теперь каждый изъ насъ обязанъ спѣшно пріобрѣтать всѣ нужныя свѣдѣнія, соображать ихъ и придумывать средства къ разрѣшенію подлежащей намъ задачи. Сверхъ того—и это еще важнѣе перваго—мы должны свои мнѣнія высказывать, чужія выслушивать и такимъ образомъ *уяснять и выработывать общее мнѣніе*“.

Статьи, помѣщенные въ первыхъ четырехъ нумерахъ „Сельскаго Благоустройства“, довольно разнообразны. Не говоря уже объ упомянутой нами выше статьѣ о прусскихъ крестьянахъ, укажемъ сперва на прекрасно составленную статью г. Самарина о теперешнемъ и будущемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ. Г. Самаринъ въ первой статьѣ доказываетъ, что конечная цѣль улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ должна состоять въ образованіи состоянія крестьянъ-собственниковъ, но что внезапный выкупъ всей крестьянской земли посредствомъ финансовой операціи представлялъ бы огромныя затрудненія, что даже общее превращеніе барщинныхъ повинностей въ оброчныя было бы вдругъ невозможно и что потому необходимо переходное состояніе. Издатель журнала, въ примѣчаніи къ этой статьѣ, объяснилъ, что, соглашаясь во многомъ съ мнѣніемъ г. Самарина, онъ считаетъ однако нужнымъ представить въ слѣдующей книжкѣ нѣкоторыя замѣчанія на эту статью. Но г. Кошелевъ, видно, пережѣнилъ намѣреніе, потому что замѣчавшій этихъ мы въ слѣдующей книжкѣ Сельскаго Благоустройства не читали.

Во второй статьѣ, помѣщенной въ 4 № „Сельскаго Благоустройства“, г. Самаринъ, возбуждаетъ вопросъ: не лучше-ли, вмѣсто немедленнаго обязательнаго выкупа усадебъ, предоставить крестьянамъ усадьбы ихъ въ постоянное неотъемлемое пользованіе вмѣстѣ съ пахатною землею, и дозволить имъ выкупить впоследствии, когда сами пожелаютъ и будутъ имѣть къ тому средства, всю отведенную имъ землю вмѣстѣ съ усадьбами?

Въ третьей книжкѣ „Сельскаго Благоустройства“, помѣщенъ проектъ устройства крестьянскаго быта г. Шишкова. По мнѣнію его слѣдовало бы надѣлать крестьянъ землею по двѣ десятины на душу, брать съ нихъ оброку по 4 р. сер. съ десятины, что составитъ 20 руб. съ тягла; затѣмъ крестьяне платили бы въ казначейство, для составленія выкупнаго капитала, по 5 руб. сер. съ души (т. е. 12½ руб. сер. съ тягла); чрезъ это въ 18 лѣтъ составила бы сумма, достаточная для выкупа отведенной крестьянамъ земли, и тогда крестьяне получили бы

землю эту въ собственность и избавлены были бы отъ всѣхъ повинностей въ отношеніи къ помѣщику. Хотя конечно трудно опровергать человѣка практическаго, но трудно также понять: какимъ образомъ крестьяне, которые, пользуясь значительнымъ количествомъ земли, могли до сихъ поръ платить только 20 руб. сер. съ тягла,—что составляетъ средній оброкъ у насъ,—будутъ въ состояніи, съ отнятіемъ у нихъ части земли, платить еверхъ obroka еще $12\frac{1}{2}$ руб. съ тягла на выкупъ. Едва ли можно также надѣяться, чтобы крестьяне, не бывавшіе прежде на оброкъ, а исполнявшіе барщинныя работы, могли бы вдругъ сдѣлаться способными въ ежегодной уплатѣ $32\frac{1}{2}$ руб. сер., т. е. суммы, превышающей обыкновенные оброки крестьянъ въ самыхъ промышленныхъ и богатыхъ губерніяхъ.

Другія статьи, помѣщенные въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“, болѣе практическаго содержанія и указываютъ на способы примѣненія новыхъ правилъ къ отдѣльнымъ мѣстностямъ или особымъ случаямъ.

Такъ, напримѣръ, въ статьѣ г. Кошелева высказаны предположенія объ устройствѣ быта крестьянъ, принадлежащихъ мелвпомѣстнымъ владѣльцамъ, посредствомъ выкупа мелкихъ имѣній.

Г. К.—нѣ, въ статьѣ своей, разсматриваетъ вопросы, относящіеся собственно до Рязанской губерши, а именно: какимъ количествомъ земли слѣдуетъ надѣлать тамъ крестьянъ, какимъ образомъ лучше устроить вотчинное управленіе и обезпечить исправный взносъ податей и повинностей крестьянъ.

Въ другихъ статьяхъ и въ письмахъ, адресованныхъ къ издателю журнала, заключаются разныя мѣстныя свѣдѣнія и соображенія, сообщенныя помѣщиками.

Такія практическія замѣчанія и данныя составляютъ полезное дополненіе къ общимъ предположеніямъ и къ историческимъ изслѣдованіямъ, о которыхъ говорено выше. Все это вмѣстѣ даетъ журналу надлежащую полноту и разносторонность. Нельзя покуда сказать того же о „Журналѣ Землевладѣльцевъ“, издаваемомъ г. Желтухинымъ. Тутъ мы находимъ почти исключительно практическія сельско-хозяйственныя данныя и соображенія. Впрочемъ г. Желтухинъ и не имѣетъ, кажется, пріямago намѣренія выработывать, какъ г. Кошелевъ, общественное мнѣніе. Онъ желаетъ соединить въ своемъ журналѣ даже самыя противоположныя мнѣнія, хочетъ самъ быть до того безпристрастнымъ, что журналъ его не будетъ имѣть опредѣленнаго *цвѣта*. Онъ не беретъ на себя соглашать противорѣчій, но „избѣгая голословнаго выраженія собственныхъ мнѣній, постарается выразить ихъ въ подробномъ и откровенномъ разсказѣ о своемъ деревенскомъ хозяйствѣ“. За то, независимо отъ вопроса объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, г. Желтухинъ общается намъ статьи, касающіяся разныхъ усовершенствованій въ сельско-хозяйственномъ устройствѣ. Онъ указываетъ, напримѣръ, на недостатокъ у насъ въ ветеринарахъ, землемѣрахъ, хорошимъ мельниками, бухгалтерамъ, приказчикамъ и проч. и приглашаетъ практическихъ людей указать на способы къ устраненію этого недостатка; общается помѣщать статьи о гонкѣ смолы, о поташномъ производствѣ, о винодѣліи, о фабрикахъ и т. п., лишь бы статьи эти имѣли отношеніе къ улучшенію быта крестьянъ и усовершенствованію помѣщичьяго хозяйства *).

Послѣ предисловія отъ издателя, слѣдуетъ въ первомъ номерѣ „Журнала

*) „Журналъ Землевладѣльцевъ“ № 1, „Отъ издателя“—стр. 7. 11 и 22.

Землевладельцевъ“ статья „по поводу рѣчи и. Погодина и Кокорева“. Статья эта замѣчательна по отсутствію всякаго опредѣленнаго цѣвта. Прежде нежели ин прочли ее, мы объ ней слышали отъ двухъ лицъ: одинъ господинъ хвалилъ ее, говоря съ пріятной улыбкой, что это претонкая, но преколкая иронія на счетъ рѣчи г. Кокорева; другой не нашель въ ней ничего, кромѣ преувеличенной похвалы нашему Монтекристо. Прочитавъ статью со вниманіемъ, мы не могли вполнѣ разъяснить нашего недоумѣнія и сказать положительно: чего хотѣлось автору, похвалить или посмѣяться. Скорѣе должно принять эту статью за похвалу, но похвалу не совсѣмъ ловкую. Если же самую неловкость эту должно объяснить въ смыслѣ преднамѣренной ироніи, то она такъ тонка, что даже человѣку, заранѣе предупрежденному, трудно ее понять. Гдѣ тонко, тамъ и рвется, гласить пословица. Если хвалить въ человѣкѣ то именно, чего въ немъ недостаетъ,—это, пожалуй, будетъ иронія довольно горькая; а тутъ хвалятъ „свѣтлый практический умъ“ г. Кокорева, котораго у него никто не оспаривалъ, даже говоря о его влеченіи въ гласности. Въмѣстѣ комментаріи и дополненія къ рѣчи г. Кокорева, помѣщенные въ этой статьѣ, кажется, совершенно согласны съ его собственными словами и мнѣніями. Гдѣ же тутъ иронія? Въ одномъ только мѣстѣ авторъ статьи дѣлаетъ что-то въ родѣ возраженія на слова г. Кокорева, что, гдѣ доходы помѣщиковъ, при будущемъ устройствѣ крестьянъ, не возмѣстятъ доходовъ ими получаемыхъ, тамъ нужно *пожертвованіе*. Слово это не нравится автору статьи, но онъ „такъ убѣжденъ въ чувствахъ деликатности и благоразумія г. Кокорева“, что овъ объясняетъ это выраженіе слѣдующимъ образомъ: авторъ говоритъ, что г. Кокоревъ имѣлъ въ виду не даровое пожертвованіе въ пользу помѣщиковъ, а ссуду крестьянъ выкупнымъ капиталомъ. Сколько намъ извѣстно, выводъ этотъ совершенно вѣренъ мысли самого г. Кокорева, который могъ думать объ устройствѣ бавка, для выкупа крестьянскихъ земель или усадебъ, но, конечно, не предполагалъ выдавать даровыя пособія помѣщикамъ. И тутъ опять нѣтъ ироніи, а просто развитіе собственной мысли г. Кокорева. Съ другой стороны трудно повѣрить, чтобы авторъ статьи этой хотѣлъ просто выразить свое искреннее одобреніе рѣчи г. Кокорева и не умѣлъ сдѣлать это попроще, поестественнѣе, такъ, однимъ словомъ, чтобы не было мѣста истолкованію статьи въ противную сторону. Нѣтъ, это вѣрно иронія! Но если такъ, то въ чемъ ова заключается? That is the question, и не легко разрѣшить этотъ вопросъ; развѣ самъ авторъ потрудится написать въ своей статьѣ пояснительные вонентаріи.

Мы слишкомъ долго заговорились объ этой статьѣ, увлекшись любопытствомъ, возбуждаемымъ всѣмъ тѣмъ, что остается для насъ неразгаданнымъ.

Изъ другихъ статей „Журнала Землевладельцевъ“ мы замѣтили, въ 3-мъ номерѣ, статью г. Протасьева и письмо въ редакцію о бытѣ нынѣшняго харьковскаго крестьянина. Г. Протасьевъ, подтверждая свои выводы подробными числовыми данными, доказываетъ, что если его барщинное имѣніе Рязанской губерніи, заключающее въ себѣ 201 душу крестьянъ и приносящее ему 3,000 р. сер. среднего годового дохода, обратить въ оброчное, причемъ отдать крестьянамъ въ аренду всю землю, по существующимъ въ тѣхъ мѣстахъ вольнонаемнымъ цѣнамъ, то имѣніе принесетъ ему 3,300 руб. сер. чистаго дохода. Въмѣстѣ съ тѣмъ каждое крестьянское семейство будетъ имѣть 45 р. сер. ежегодной чистой прибыли. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ, что онъ потеряетъ часть своего дохода, съ уничтоженіемъ

обязательнаго труда, что ему придется содержать вольнонаемную прислугу, покупать провизію и сѣно, рубить и привозить на свой счетъ дрова и т. п., что составитъ въ годъ расходъ до 1,200 р. сер., болѣе противъ того, что издерживается нынѣ на содержаніе дворовыхъ, которыхъ у г. Протасьева мужскаго пола 29. Значительная разница въ расходѣ объясняется тѣмъ, что у г. Протасьева 24 человѣка домашней прислуги обоего пола дворовыхъ, а вмѣсто нихъ вольнонаемныхъ онъ считаетъ необходимымъ имѣть въ услуженіи 16. Показанная сумма 1,200 руб. должна, по мнѣнію г. Протасьева, быть замѣнена процентами съ соотвѣтственнаго капитала, за отходящія отъ помѣщика собственность и рабочую силу. „Конечно, гиворить далѣе г. Протасевъ,—выведенный мною расчетъ „расходовъ, на удовлетвореніе потребностей, не можетъ служить нормой для „опредѣленія выкупнаго капитала по имѣніямъ вообще, потому что размѣръ потребностей не можетъ быть пропорціоналенъ количеству дунъ; такъ напримѣръ: „владѣльцу имѣнія въ 2,000 дунъ не потребно же 160 человѣкъ прислуги „и т. д.“.

Вотъ новый взглядъ на вещи! Оставимъ въ сторонѣ то, что помѣщикъ, получая, собственно поземельнаго дохода съ имѣнія, болѣе, чѣмъ ему приносилъ обязательный трудъ крестьянъ, не имѣетъ нисколько права требовать выкупной суммы. Положимъ, что отходящая отъ него рабочая сила должна бы быть выкуплена (что не согласно съ смысломъ Высочайшихъ рескриптовъ, по коимъ выкупъ полагается только за отходящую отъ помѣщика недвижимую собственность — крестьянскія усадьбы), и тогда цѣна выкупа должна бы соразмѣряться съ размѣромъ мѣстной вольнонаемной платы, со средствами и мѣстными выгодами крестьянъ, а ужъ никакъ не съ *потребностями помѣщика*. Иначе, можно бы дойти до самыхъ странныхъ выводовъ: потребности помѣщика вещь весьма относительная. Холостой помѣщикъ 1,000 дунъ довольствуется иногда пятью человѣками домашней прислуги, а если не живетъ въ деревнѣ, то часто и теперь вовсе не держитъ при себѣ крѣпостныхъ людей, кормитъ лошадей и теперь покупнымъ сѣномъ и т. д., и потому, по системѣ г. Протасьева, не потерпитъ вовсе убытка. Семейному же помѣщику ста душъ, можетъ быть, по прежнимъ привычкамъ его, нужно человѣкъ двадцать прислуги, а вмѣсто нихъ человѣкъ пятнадцать вольнонаемныхъ людей; нужно много разной провизіи, сѣна, дровъ и т. п. Взамѣнъ всего этого, онъ потребуетъ отъ крестьянъ большого вознагражденія. Впрочемъ, ошибочность вывода г. Протасьева такъ очевидна, что нечего болѣе доказывать, къ какимъ явно несправедливымъ, въ отношеніи крестьянъ, результатамъ могла бы привести его система. Не даромъ г. издатель „Журнала Землевладѣльцевъ“ обѣщалъ помѣщать у себя самыя противоположныя мнѣнія!

Письмо изъ Харькова, о коемъ мы упомянули выше, статья совсѣмъ другого рода. Тутъ есть очень интересные факты о прежнемъ бѣдственномъ положеніи тамошнихъ военныхъ поселеній и благотѣльныхъ послѣдствіяхъ обращенія военныхъ поселянъ въ государственные крестьяне, и нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о бытѣ харьковскихъ крестьянъ вообще.

Кромѣ этихъ двухъ, издаваемыхъ въ Москвѣ, специальныхъ журналовъ по крестьянскому вопросу, „Русскій Вѣстникъ“ посвятилъ этому вопросу особый отдѣлъ.

Въ статьѣ отъ редакціи, помѣщенной въ началѣ сего отдѣла въ 5 № „Рус-

скаго Вѣстника“ за 1858 годъ, высказанъ слѣдующій взглядъ на крѣпостной вопросъ: „главною цѣлью предполагаемыхъ мѣръ къ устройству крестьянскаго быта должно быть предоставленіе крестьянамъ полныхъ гражданскихъ правъ. Прежде всего надлежитъ собрать точныя мѣстныя свѣдѣнія, по коимъ слѣдуетъ опредѣлить надѣлъ крестьянъ землею и повинности ихъ, сообразно съ настоящимъ порядкомъ вещей. Дальнѣйшимъ шагомъ должно быть превращеніе барщины въ денежный оброкъ. Окончательною мѣрою, въ послѣдствіи времени, могла бы быть капитализація оброка и выкупъ крестьянскихъ повинностей, съ предоставленіемъ крестьянамъ права собственности на состоящую въ ихъ пользованіи землю. Последняя мѣра, при помощи финансовой операція, со временемъ, вѣроятно, была бы охотно принята многими помѣщиками.

Изъ статей по крестьянскому вопросу, сообщенныхъ „Русскому Вѣстнику“ и помѣщенныхъ въ 5 и 6-мъ ММ сего журнала, обращаютъ на себя вниманіе статьи: 1) „о необходимости поземельной собственности“ — Х. Д., и 2) „о возможности выкупка крестьянскихъ участковъ безъ участія Правительства“ — г. Пушкина. Выкупъ, по мнѣнію г. Пушкина, могутъ произвести дворяне, при участіи другихъ сословій, если согласятся вносить ежегодно $\frac{1}{100}$ часть оцѣночной суммы земли, уступаемой крестьянамъ. Образующійся такимъ образомъ ежегодно складочный фондъ былъ бы употребляемъ на выкупъ имѣній по очереди; оброкъ съ выкупленныхъ крестьянъ присоединялся бы къ складочному фонду и обращался бы на выкупъ другихъ имѣній. По расчету г. Пушкина, выкупъ по всей Тульской губерніи (о которой собственно онъ говоритъ) продолжился бы 34 года, но взносъ помѣщиками по 1% съ оцѣнки — лишь 31 годъ. При этомъ дворяне внесли бы на 100 руб. — 31 руб. въ теченіе 31 года, а получили бы выкупной капиталъ разомъ, т. е. не по частямъ, хотя и не всѣ вдругъ; но всякій, пока до него дойдетъ очередь получить выкупную сумму, сталъ бы по прежнему пользоваться доходами съ имѣнія.

Трудно составить себѣ положительное мнѣніе о такомъ проектѣ, не зная, какъ смотреть на него сами Тульскіе помѣщики, до коихъ дѣло касается и которыхъ г. Пушкинъ приглашаетъ къ ежегодному пожертвованію 1% съ цѣнности своихъ имѣній. Очень можетъ быть, что такое временное пожертвованіе оказалось бы въ послѣдствіи выгоднымъ и для самихъ помѣщиковъ; но все-таки нужно знать, согласятся ли они сами съ этимъ мнѣніемъ.

Изъ замѣчательныхъ статей, появившихся въ другихъ журналахъ, относительно предметовъ, связанныхъ съ устройствомъ крестьянскаго быта, мы могли бы указать на статьи г. Соловьева „о поземельномъ пользованіи въ Россіи“. Но авторъ представилъ покуда только сводъ мнѣній разныхъ поборниковъ и противниковъ общиннаго владѣнія землею и сравнительныя свѣдѣнія о поземельномъ владѣніи въ Европѣ. Лучше поговорить подробнѣе объ этихъ статьяхъ, когда г. Соловьевъ доведетъ ихъ до конца и выскажетъ собственные свои взгляды и заключенія.

БОРЬБА ПАРТІЙ ВО ФРАНЦІИ ПРИ ЛЮДОВИКѢ XVIII КАРЛѢ X.

(*Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par Guizot. Tome 4-er. 1858*).

I.

Книга Гизо.—Роялисты и либералы во время реставраціи.—Отношеніе этихъ партій къ королевской власти и въ свободѣ.—Истинный характеръ той и другой партіи.—*Chambre introuvable* 1815.—Фуше.—Герцогъ Ришелье.—Амнистія.—Король принужденъ распустить роялистскую палату.—Ожесточеніе роялистовъ противъ короля и Деказа.—Новая палата.—Либералы поддерживаютъ деспотизмъ, роялисты защищаютъ свободу.—Либералы усиливаются.—Интриги роялистовъ.—Паденіе Ришелье.—Деказъ торжествуетъ надъ роялистами.—Вильменъ и певсура.—Убіиство герцога Беррійскаго.—Король принужденъ роялистами удалить Деказа.—Роялисты обѣщаютъ поддерживать министерство Ришелье.—Они измѣняютъ своему слову.—Оскорбительный адресъ.—Король припужденъ ими отказаться отъ участія въ управленіи государствомъ.—Торжество роялистовъ.—Министерство Вильелла.

(1815—1821).

Съ годъ тому назадъ было объявлено, что авторъ „Исторіи цивилизаціи во Франціи“ издаетъ записки о своей политической жизни. Всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали обѣщанной книги. Какъ бы ни думалъ кто изъ насъ о государственной дѣятельности Гизо, каждый былъ увѣренъ, что воспоминанія бывшаго министра представить очень много новыхъ и важныхъ фактовъ. Еще менѣе можно было сомнѣваться въ томъ, что чрезвычайно сильный талантъ автора придаетъ изложенію фактовъ увлекательность, его взгляду на нихъ — обольстительность. Первый томъ занаячивыхъ воспоминаній вышелъ — и оказался, къ великому нашему изумленію, книгою сухою, написанною довольно посредственно, прибавляющею очень мало къ вещамъ, уже давно рассказаннымъ всѣми, писавшими о томъ періодѣ, — словомъ сказать, оказался книгою не замѣчательною ни въ какомъ отношеніи.

На многихъ читателей этотъ отзывъ произведетъ, вѣроятно, дурное впечатлѣніе, потому что онъ рѣшительно не соотвѣтствуетъ мнѣнію почти всѣхъ европейскихъ журналовъ, объявившихъ „Записки“ Гизо произведеніемъ высочайшаго интереса и великаго достоинства. Но благопріятныя сужденія о новой книгѣ Гизо основаны преимущественно на громкой славѣ ея автора. „Написалъ знаменитый человѣкъ, стало быть въ сочиненіи находятся интересъ и мудрость“, — умозаключеніе очень удобное для всѣхъ тѣхъ, которые не умѣютъ или не хотятъ оцѣнить книгу по ея содержанію: для нихъ обертка — прекрасная руководительница. Другимъ „За-

писки“ Гизо понравились по другой причинѣ. Книга эта проникнута либеральными идеями и служить сильнымъ косвеннымъ протестомъ противъ системы Луи-Наполеона, точно такъ же, какъ послѣдніе тоны „Исторіи Консульства и Имперіи“ Тьера, какъ послѣдніе сочиненія Дювержье де-Горанна, Токвиля, Монталамбера и проч. Но мы признаемся, что либерализмъ гг. Гизо, Тьера, Токвиля и прочихъ имѣетъ для насъ очень мало прелести, и вся эта статья внушена желаніемъ разъяснить причины нашего нерасположенія къ либерализму подобнаго рода. Мы судимъ о книгѣ по самой книгѣ, а не по выставленному на ней имени, и не видимъ особенной пользы въ ея тенденціи; потому-то и показалась намъ она скучною и довольно пустою. Очень вѣроятно, что слѣдующіе томы „Записокъ“ будутъ гораздо любопытнѣе: съ 1830 года Гизо былъ уже предводителемъ партіи, имѣлъ сильное и самостоятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ; его воспоминанія объ этихъ временахъ должны быть интересными. Но въ первомъ томѣ рассказъ доведенъ только до Іюльской революціи, а во весь періодъ Реставраціи Гизо былъ далеко не первымъ человѣкомъ своей партіи; его дѣйствія не имѣли особеннаго вліянія на событія, потому и его воспоминанія о своей личной дѣятельности лишены большою исторической важности; новыхъ фактовъ о другихъ политическихъ людяхъ того времени онъ не представилъ; его рассказъ о событіяхъ кратокъ и сухъ; такимъ образомъ, съ фактической стороны, первая часть его „Записокъ“ не имѣетъ почти никакой цѣны; а что касается мнѣній, которыхъ онъ держится при сужденіи о людяхъ и событіяхъ, эти мнѣнія извѣстны во всей подробности изъ безчисленнаго множества книгъ, давно написанныхъ другими публицистами школы „Journal des Débats“. Потому-то мы и находимъ, что первый томъ „Записокъ“ Гизо не замѣчательнъ ни въ какомъ отношеніи.

Мы ошиблись: въ одномъ отношеніи книга Гизо очень замѣчательна. Поразительна та гордая самоувѣренность, съ которою онъ, одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ во Франціи людей, — онъ, упрямство и грубые ошибки котораго вовлекли Францію во всѣ бѣдствія, испытанныя ею въ послѣднія десять лѣтъ, — онъ, погубившій династію, которой служилъ, погубившій систему, которую защищалъ, ввергнувшій свою страну въ междоусобія, — онъ, истинный виновникъ желѣзной диктатуры Луи-Наполеона, крестный отецъ всѣхъ Эспинасовъ, говоритъ о своихъ дѣйствіяхъ, какъ будто о непогрѣшительныхъ, о своихъ убѣжденіяхъ, какъ будто о непоколебимо раздѣляемыхъ всѣми разумными людьми во Франціи. Онъ говоритъ такъ, какъ могли говорить развѣ Робертъ Пиль или Штейнъ, какъ будто всѣ соотечественники признають его спасителемъ отечества.

Ни одного слова въ извиненіе своихъ ошибокъ — ошибокъ онъ не дѣлалъ; ни одной фразы, въ которой замѣтно было бы сожалѣніе хотя о чемъ нибудь, исправленіе хоть въ чемъ нибудь. Онъ чистъ и непогрѣшителенъ, онъ мудръ и святъ передъ Богомъ и людьми.

Никакая гордость своимъ личнымъ умомъ, никакая увѣренность въ личной своей правотѣ недостаточны для сообщенія человѣку такого непоколебимаго, самоувѣреннаго спокойствія за всю свою жизнь, за всѣ свои планы и дѣйствія. Нужна для этого другая опора, — Гизо непоколебимъ потому, что онъ схоластикъ. Напрасно ходили люди передъ Зенономъ, — Зенонъ продолжалъ доказывать, что движеніе невозможно; напрасно жестокой господинъ сломалъ ногу философу, непринизавшему бѣдственности физическаго страданія — Эпиктетъ сидѣлъ съ перелом-

ленною ногою, доказывал Эпафродиту, что онъ ошибается, воображая, будто ему. Эпиктету, мучительна боль. Ослѣпленіе часто бываетъ источникомъ страннаго мужества.

Мы знали, что доктринеры, во глянѣ которыхъ стоялъ Гизо, были схоластики, доходившіе до изумительнаго ослѣпленія своими отвлеченными формулами; но только послѣдняя книга Гизо показала намъ вполне, до какой степени невозмутима никакими фактами была ихъ теоретическая слѣпота и глухота. Въ этомъ смыслѣ *Mémoires pour servir à l'histoire de son temps* — книга очень замѣчательная, какъ психологическій фактъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ первый томъ этихъ мемуаровъ очень мало любопытенъ.

Но если не интересна книга, то очень интересно время, о которомъ она говоритъ, — время съ 1814 до 1830 года, періодъ Реставраціи. У насъ объ этомъ времени почти ничего не было писано, и мы хотимъ воспользоваться книгою Гизо. какъ предлогомъ сказать нѣсколько словъ о внутренней исторіи Французскаго государства при возстановленной династіи Бурбоновъ, — исторіи очень мало извѣстной у насъ, а между тѣмъ заключающей въ себѣ начало и объясненіе многого. сбивающаго насъ съ толку при сужденіяхъ о нынѣшней Франціи. Отъ временъ Реставраціи досталось въ наслѣдство нашему времени пресловутое и, по правдѣ говоря, превздорное слово „либерализмъ“, которое до сихъ поръ порождаетъ столько путаницы въ головахъ, столько глупостей въ политической жизни, и приноситъ столько бѣдъ народу, о благѣ котораго такъ суетливо и такъ неудачно хлопотали либералы отъ Кадикса до Кенигсберга, отъ Калабріи до Нордкапа.

Впрочемъ, не смотря на то, что слово либерализмъ повсюду очень употребительно, его значеніе и въ Западной Европѣ, а тѣмъ болѣе у насъ остается очень сбивчивымъ. Либераловъ совершенно несправедливо смѣшиваютъ съ радикалами и съ демократами. Наша статья осталась бы темною или показалась бы нелѣпою тому, кто привыкъ смѣшивать эти партіи, чрезвычайно рѣзко разнящіяся одна отъ другой. Здѣсь намъ нѣтъ нужды много говорить ни о радикалахъ, ни о демократахъ, потому что они не играли первыхъ ролей въ эпоху Реставраціи и, можно сказать, не составляли еще плотныхъ политическихъ партій во Франціи: довольно будетъ упомянуть о нихъ не болѣе, какъ на столько, чтобы показать ихъ различіе отъ либераловъ, и тѣмъ опредѣлить либерализмъ въ точномъ смыслѣ слова.

У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, для нихъ почти все равно. Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно, къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа — наша Сибирь, въ которой просто-народъ пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному — аристократіи; либераль почти

всегда находить, что только при известной степени аристократизма общество может достигнуть либерального устройства. Потому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную неприязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибели для свободы.

Радикализмъ, собственно говоря, состоитъ не въ приверженности къ тому или другому политическому устройству, а въ убѣжденіи, что известное политическое устройство, водвореніе котораго кажется полезнѣе, не согласно съ коренными существующими законами, что важнѣйшіе недостатки известнаго общества могутъ быть устранены только совершенною передѣлкою его основаній, а не мелочными исправленіями подробностей. Радикаломъ былъ бы въ Сѣверной Америкѣ монархистъ, въ Китаѣ — приверженецъ европейской цивилизаціи, въ Остѣ-Индіи — противникъ кастъ. Изъ всѣхъ политическихъ партій, одна только либеральная непримирима съ радикализмомъ, потому что онъ расположенъ производить реформы съ помощью матеріальной силы и для реформъ готовъ жертвовать и свободой слова и конституционными формами. Конечно, въ отчаяніи либераль можетъ становиться радикаломъ, но такое состояніе духа въ немъ ненатурально, оно стоитъ ему постоянной борьбы съ самимъ собою и онъ постоянно будетъ искать поводовъ, чтобы избѣжать надобности въ коренныхъ переломахъ общественнаго устройства, и повести свое дѣло путемъ маленькихъ направленій, при которыхъ не нужны никакіе чрезвычайныя мѣры.

Такимъ образомъ, либералы почти всегда враждебны демократамъ и почти никогда не бываютъ радикалами. Они хотятъ политической свободы, но такъ какъ политическая свобода почти всегда страдаетъ при сильныхъ переворотахъ въ гражданскомъ обществѣ, то и самую свободу, высшую цѣль всѣхъ своихъ стремленій, они желаютъ вводить постепенно, расширять по-немногу, безъ всякихъ, по возможности, сотрясеній. Необходимымъ условіемъ политической свободы кажется имъ свобода печатнаго слова и существованіе парламентскаго правленія; но такъ какъ свобода слова, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической, страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желаютъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ. Парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націй въ обширномъ смыслѣ слова, потому либералы принуждены также ограничивать участіе въ парламентѣ тѣми классами народа, которымъ довольно хорошо, или даже очень хорошо, жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ.

Съ теоретической стороны, либерализмъ можетъ казаться привлекательнымъ для человѣка, избавленнаго счастливою судьбою отъ матеріальной нужды: свобода — вещь очень пріятная. Но либерализмъ понимаетъ свободу очень узкимъ, чисто формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія. Онъ не хочетъ понять, что юридическое разрѣшеніе для человѣка имѣетъ цѣну только тогда, когда у человѣка есть матеріальныя средства пользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Ни мнѣ, ни вамъ, читатель, не запрещено обѣдать на золотомъ сервизѣ; къ сожалѣнію, ни у васъ, ни у меня нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ средствъ для удовлетворенія этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что ни мало

не дорожу своимъ правомъ имѣть золотой сервизъ, и готовъ продать это право за одинъ рубль серебромъ или даже дешевле. Точно таковы для народа всѣ тѣ права, о которыхъ хлопочутъ либералы. Народъ невѣжественъ, и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣвъ денегъ, чтобы получить образованіе, не имѣя денегъ, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ у народа всякую возможность понимать государственныя дѣла и заниматься ими, — скажите, будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ прешій?

Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно въ правамъ, составляющихъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Поэтому либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа. Изъ теоретической узкости либеральныхъ понятій о свободѣ, какъ простомъ отсутствіи запрещенія, вытекаетъ практическое слабосиліе либерализма, не имѣющаго прочной поддержки въ массѣ народа, недорожащей правами, воспользоваться которыми она не можетъ по недостатку средствъ.

Не переставая быть либераломъ, невозможно выбиться изъ этого узкаго понятія о свободѣ, какъ о простомъ отсутствіи юридическаго запрещенія. Реальное понятіе, въ которомъ фактическія средства къ пользованію правомъ поставляются стихіею болѣе важною, нежели одно отвлеченное отсутствіе юридическаго запрещенія, совершенно внѣ круга идей либерализма. Онъ хлопочетъ объ отвлеченныхъ правахъ, не заботясь о житейскомъ благосостояніи массъ, которое одно и дастъ возможность къ реальному осуществленію права.

Намъ кажется, что этихъ краткихъ замѣчній будетъ пока достаточно для предварительнаго объясненія читателю, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ слово либерализмъ.

Само собою разумѣется, что теоретическая несостоятельность либерализма чувствуется только тѣми, кому кромѣ юридическаго разрѣшенія нужны еще и матеріальныя средства. А у кого эти средства уже есть, тому, разумѣется, и не приходится въ голову хлопотать о нихъ. Оттого либерализмъ очень долго былъ системою, совершенно удовлетворявшею людей съ независимыми матеріальными средствами къ жизни и съ развитыми умственными потребностями. „Сытый голоднаго не разумѣетъ“, и они никакъ не могли теоретическимъ путемъ дойти до соображенія, что потребности народа могутъ состоять въ чемъ нибудь иномъ, нежели либеральныя тенденціи. Они воображали, что являются истинными благодѣтелями народа, стараясь доставить ему свободу слова и парламентское правительство. Горькій опытъ началъ разочаровывать либераловъ. Практическія неудачи мало по малу раскрываютъ благоразумнѣйшимъ изъ нихъ глаза на теоретическіе недостатки ихъ системы, и съ каждыиъ годомъ число истинныхъ либераловъ въ Европѣ уменьшается. Но заблужденія партій долговѣчны; да и какъ не быть имъ долговѣчными? Если отдѣльному человѣку для пріобрѣтенія здравыхъ понятій о жизни посредствомъ опыта нужны цѣлые годы, конечно десятки лѣтъ нужны для этого собранію множества людей, взаимно поддерживающихъ одинъ другого въ общихъ заблуждсняхъ. Потому, во Франціи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ Западной

Европы, продолжают еще существовать и хлопотать либералы, и нельзя сказать, чтобы Франція или вообще Западная Европа была уже въ опасности отъ ихъ хлопотъ; да и сами они, къ сожалѣнію, все еще не достигли того благоразумія, чтобы избавить себя отъ бѣдствій и гоненій, совершенно передавъ заботу о народахъ другижъ людямъ. Нѣтъ, они все еще готовы „жертвовать собою для блага свободы“.

Нѣтъ ничего грустнѣе, какъ видѣть честныхъ, любящихъ васъ людей, которые лѣзутъ изъ кожи вовъ отъ усердія осчастливить васъ тѣмъ, чего вамъ рѣшительно не нужно, которые съ опасностью жизни взбираются на Монбланъ, чтобы принести оттуда для вашего наслажденія альпійскую розу — бѣдняжки! сколько истрачено денегъ, времени, и сколько честныхъ шей сломано въ этомъ заоблачномъ путешествіи для вашего удовольствія! И все приходило въ голову этимъ людямъ, что не альпійская роза, а кусокъ хлѣба нуженъ вамъ, потому что голодному не до цвѣтковъ природы или краснорѣчія, и дивились они, и осыпали васъ упреками въ неблагодарности къ нимъ, въ равнодушіи къ вашему собственному счастью за то, что вы холодно смотрѣли на ихъ подвиги и не лѣзли за ними черезъ скалы и пропасти, и не поддерживали ихъ, когда они съ своей заоблачной вышины падали въ бездну. Жалкіе слѣпцы, они не сообразили, что достать для васъ кусокъ хлѣба было бы имъ гораздо легче, — не сообразили потому, что и не предполагали, будто кому нибудь можетъ быть нужна такая прозаическая вещь, какъ кусокъ хлѣба.

Жаль ихъ потому, что почти всѣ они сломали себѣ шею, почти безъ всякой пользы для націй, о которыхъ хлопотали. Еще больше жаль того, что націи не всегда оставались холодны къ ихъ стремленіямъ, иногда обольщались краснорѣчіемъ и смѣлостью этихъ „передовыхъ людей“, шли вслѣдъ за ними и вслѣдъ за ними падали въ пропасти.

Таково ваше понятіе о либерализмѣ вообще, во въ каждой странѣ, въ каждую эпоху общая идея принимаетъ особенный характеръ. Французскій либерализмъ въ эпоху Реставраціи, самое блистательное и шумное явленіе въ исторіи либерализма, отличался особенностями, которыя раскроются въ продолженіе нашего разсказа. На первый разъ мы предупредимъ читателя, что если борьба либераловъ съ роялистами составляетъ сущность французской политической исторіи въ то время, это еще вовсе не значитъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ либералы были тогда постоянно защитниками хотя той жалкой свободы, которая признается идеею либерализма. Нѣтъ, далеко не всегда это было, — критика фактовъ приводитъ даже въ заключенію, нимало не согласному съ тѣми ожиданіями, какія можно составить, основываясь на названіяхъ борющихся партій. Дѣла въ это время перепутались очень странно, и перепутались именно вслѣдствіе того, что имена партій плохо соотвѣтствовали ихъ стремленіямъ. Несоотвѣтственность между именемъ и сущностью привела за собою ненужные союзы, неосновательныя симпатіи и антипатіи. Результатомъ этого было, что Бурбоны безъ всякой надобности подвергли себя изгнанію изъ-за покровительства людямъ, которые вовсе не были ихъ приверженцами, націи подвергла себя множеству бѣдствій изъ-за увлеченія людьми, которые вовсе не были защитниками ея правъ, и династія, надѣлавъ много вреда націи, окончательно оттолкнула ее отъ себя безъ всякой надобности. Если намъ удастся показать, что между такъ называемыми либералами было тогда столько же желанія поддержать королевскую власть, какъ между такъ называемыми роялистами, что такъ называемые роялисты такъ же усердно добивались такъ называемой свободы,

какъ и либералы, — если намъ удастся показать, что во Фравціи при Бурбонахъ борьба между партіями, шедшая на словахъ будто бы между свободою и королевскимъ полновластіемъ, въ сущности велась вовсе не за свободу одними, не за короля другими, — если мы покажемъ, что свобода оставалась тутъ во всякомъ случаѣ ровно не при чемъ, какая бы изъ двухъ партій ни побѣдила, а королевская династія возбуждала противъ себя такъ называемыхъ либераловъ только потому, что не умѣла понять, какого полновластія могла бы достичь, если бы покровительствовала самымъ крайнимъ либераламъ, или даже пошла бы дальше ихъ, — если намъ удастся показать все это, мы думаемъ, что читатель найдетъ нѣкоторую назидательность въ смѣшномъ и грустномъ ходѣ событій, общій очеркъ котораго мы хотимъ изложить. А событія были дѣйствительно смѣшны и грустны,

Громъ оружія началось, громъ оружія кончилось правленіе Бурбоновъ. Шестнадцать лѣтъ, прошедшіе отъ громовыхъ дней Монмартра и Ватерлооской битвы до тресвучихъ іюльскихъ дней, исполнены были отважнаго движенія, рѣчей, восторженныхъ вриковъ, перерываемыхъ только рѣзкимъ стукомъ барабановъ и трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ; въ чемъ же смыслъ и сущность политической исторіи этихъ шестнадцати лѣтъ? Либералы совершенно ошибались, воображая себя защитниками свободы; роялисты совершенно ошибались, воображая себя защитниками престола; Бурбоны совершенно ошибались, думая, что должны опираться на роялистовъ; народъ совершенно ошибался, воображал, что долженъ ожидать себѣ спасенія отъ либераловъ, — изъ этой четверной ошибки выходила невообразимо безтолковая путаница. Бурбоны отталкивали себя отъ либераловъ, которые одни могли поддержать ихъ, и дружились съ роялистами, которые губили ихъ; народъ, привязываясь къ звонкимъ, по пустымъ рѣчамъ либераловъ, забывалъ самъ заботиться о своихъ интересахъ и, не получая никакой выгоды для себя, терпѣлъ похмѣлье на пиру совершенно чужомъ; либералы при Бурбонахъ оставались безсильными, потому что не умѣли взяться за дѣло, а при Луи-Филиппѣ, когда получили силу, осрамили себя, оказавшись худшими друзьями свободы, нежели сами роялисты; наконецъ роялисты, смѣшавъ народъ съ либералами и думая, что подавить либераловъ, значитъ уже не имѣть враговъ, сами себѣ рыли могилу, потому что не соображали, какое дѣйствіе на народъ производятъ ихъ эволюціи въ борьбѣ съ либералами. Здраваго смысла тутъ, какъ видимъ, очень мало: сущность всей этой путаницы, если разобрать дѣло хладнокровно, чуть ли не выражена заглавіемъ одной изъ пьесъ Шекспира: „Комедія ошибокъ“.

Такое неделикатное понятіе объ исторіи Франціи въ 1814 — 1830 годахъ вовсе несообразно съ тѣми высокими теоріями, подъ которыя обыкновенно подводится исторія. „Потребности народа, сила истины — вотъ основныя силы, которыми движется ходъ событій; прогрессъ не пустое слово. Называть путаницею какой нибудь значительный отдѣлъ исторіи можетъ только тотъ, кто не доучился и не додумался до глубокаго взгляда на исторію“, скажутъ намъ люди, успокоительности взгляда которыхъ мы завидуемъ, не будучи въ состояніи достичь высоты такихъ иріятныхъ міросозерцаній. Намъ представляется, что на ходъ историческихъ событій гораздо сильнѣйшее вліяніе имѣли отрицательныя качества человека, нежели положительныя; что въ исторіи гораздо сильнѣе были всегда рутина, апатія, невѣжество, недоразумѣніе, ошибка, ослѣпленіе, дурныя страсти, нежели здравыя понятія о вещахъ, званіе и стремленіе къ истиннымъ благамъ; что всегда

грошовый результат достигался не иначе, какъ растратою милліоновъ; что путь, но которому несется колесница исторіи, чрезвычайно извилистъ и испещренъ рытвинами, косогорами и болотами, такъ что тысячи напрасныхъ толчковъ перетерпятъ сѣдоки этой колесницы, человѣкъ, и сотни верстъ исколесить всегда для того, чтобы подвинуться на одну сажень ближе къ прямой цѣли. Кто не согласенъ съ нами, великодушно извинить такое наше заблужденіе. Но мы — общая участь людей — воображаемъ, что фанатами подтверждается именно нашъ, а не какой нибудь другой взглядъ.

Кто вѣрить разнымъ либеральнымъ и прогрессивнымъ исторіямъ, въ которыхъ такъ превосходно излагается „неукоснительное развитіе“ рода человѣческаго и осуществленіе великихъ идей, руководящихъ чуть ли не каждымъ движеніемъ каждаго изъ безчисленныхъ болѣе или менѣе великихъ людей, въ родѣ Гизо, Тьера, Талейрана, Меттерниха и пр., — кто вѣрить этимъ исторіямъ, тотъ, конечно, не согласится съ нами: онъ очень твердо внаетъ, что главный смыслъ шумной борьбы французскихъ партій въ 1815 — 1830 годахъ былъ: восторжествуетъ ли во Франціи конституціонное устройство, или королевская власть возвратитъ себѣ безграничную силу, какую имѣла до конца XVIII вѣка. По мнѣнію либеральныхъ историковъ, борьба шла между свободою и престоломъ, и — все по мнѣнію тѣхъ же проницательныхъ людей, — либералы и во снѣ и наяву только то будто бы и видѣли, какъ бы имъ обезсилить королевскую власть до крайней степени, а роялисты будто бы всею душою и всѣмъ сердцемъ преданы были королямъ своимъ, сначала Людовику XVIII, а по смерти его Карлу X. Совершенно такъ же понимаютъ дѣло и реакціонеры, отъ де-Местра до Монталамбера. Удивительная проницательность, — тѣмъ болѣе удивительная, что каждый фактъ противорѣчитъ ея выводамъ, основаннымъ на однихъ именахъ и праздныхъ словахъ, опровергавшихся самымъ дѣломъ. Дѣйствительно, изъ двухъ партій, шумно боровшихся во Франціи съ 1814 до 1830 года, одна называла себя либеральною, а другая роялистскою, одна написала на своихъ знаменахъ „свобода“, другая „престолъ“. Но нужна проницательность совершенно особеннаго рода, чтобы вѣрить этимъ именамъ и официальнымъ прозвищамъ, — проницательность, которая должна предположить также, что Гвельфы были въ самомъ дѣлѣ не люди, а щенки, какъ доказывается ихъ именемъ, а Тори въ самомъ дѣлѣ занимаются тѣмъ, что жгутъ англійскія деревни, какъ доказывается опять таки ихъ именемъ. Надобно также по этому способу сужденія предполагать, что Наполеонъ, когда двинулся въ 1812 году въ Россію, началъ войну не наступательную, а оборонительную, — онъ самъ такъ говорилъ; а когда Нена Сибирь рѣзалъ англичанъ въ Ханпурѣ, то дѣлалъ это, несмотря на свою мухаммеданскую вѣру, единственно по усердію въ Брамъ, Вишну и Шивъ, — онъ самъ это говорилъ.

Изумительна податливость людей обманываться официальными словами. Еще изумительнѣе то, что словамъ, въ которыхъ нѣтъ ни капли искренности, вѣрить вполне не только тотъ, для оболъщенія котораго они придуманы, но часто и самъ тотъ человѣкъ, кто ихъ придумалъ съ цѣлью придать возвышенность и благовидность своимъ личнымъ разсчетамъ. Такъ случилось, между прочимъ, и во Франціи при Бурбонахъ. Либералы отъ всей души воображали, что ратуютъ за свободу, роялисты не менѣе искренно были убѣждены, что ратуютъ за престолъ. Но этими словами „свобода“ и „престолъ“ нисколько не выражались ихъ дѣйстви-

тельные стремленія, и дѣйствія ихъ вовсе не соотвѣтствовали тостамъ, которые они пили.

Нужно только вникнуть, изъ какихъ людей состояла та или другая партія, чтобы отказаться отъ довѣрчивости къ ея официальному имени.

Начнемъ съ роялистовъ. Основу этой партіи составляли эмигранты, возвратившіеся во Францію вмѣстѣ съ Бурбонами вслѣдъ за побѣдоносными союзными арміями. Нечего говорить о томъ, что если бы любовь къ королю была въ нихъ сильнѣе личныхъ расчетовъ, не покинули бы они Людовика XVI при началѣ революціи; можно было бы извинить ихъ бѣгство трусостью, не прибѣгая къ сомнѣніямъ въ ихъ расположеніи къ монарху, еслибы не знали мы, что дѣлали они за границей. Когда разгорѣлись въ Парижѣ народныя страсти, эмигранты прямо говорили, что для блага Франціи надо желать смерти Людовика XVI, который не умѣетъ управлять государствомъ сообразно съ пользами аристократіи; ихъ тайные агенты возбуждали парижскихъ санкюлотовъ требовать казни Людовика XVI. Когда было получено извѣстіе о его смерти, они съ торжествомъ говорили, что смерть была ему справедливымъ наказаніемъ за то, что онъ согласился на уничтоженіе феодальныхъ правъ и на преобразование гражданскаго положенія католическаго духовенства. Малолѣтній сынъ Людовика XVI, наслѣдникъ престола, содержался въ плѣну въ Парижѣ, надобно было управлять дѣлами роялистовъ регенту; по неприкосновенному закону старинной монархіи, регентомъ слѣдовало быть старшему изъ дядей малолѣтнаго короля; но графъ Прованскій (впослѣдствіи Людовикъ XVIII) не нравился эмигрантамъ, и они упорно требовали, чтобы онъ уступилъ власть младшему брату, графу д'Артуа (впослѣдствіи Карлу X). Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалась борьба, и несмотря на сопротивленіе иностранныхъ дворовъ, признавшихъ права графа Прованскаго, эмигранты вытребовали у него титулъ наместника королевства (*lieutenant général du Royaume*) для своего любимца. Потомъ, при каждомъ случаѣ недовольства представителемъ королевской власти, они дерзко ссорились съ нимъ, постоянно признавая своимъ истиннымъ главою не его, а графа д'Артуа. Въ такомъ положеніи оставались они къ Людовику XVIII и по возвращеніи Бурбоновъ во Францію: постоянно выражая ему свое неудовольствіе, они громко говорили, что повинуются не королю, а графу д'Артуа, и постоянно интриговали противъ всѣхъ тѣхъ, кого Людовикъ XVIII удостоивалъ своимъ довѣріемъ. Хороши монархисты, которые желали насильственной смерти одного короля и не хотѣли повиноваться другому.

Либералы также были преданы свободѣ, какъ роялисты преданы королю. Либеральная партія состояла около 1815 года изъ сліянія трехъ главныхъ отѣнковъ: изъ людей, служившихъ Наполеону, но не желавшихъ его возвращенія, изъ настоящихъ бонапартистовъ и изъ приверженцевъ англійской конституціи (либераловъ въ точнѣйшемъ смыслѣ слова). Едва-ли нужно говорить, до какой степени могли быть пылки конституціонныя желанія людей, служившихъ Наполеону; еще менѣе могли умирать тоскою о свободѣ записные бонапартисты: система Наполеона, какъ извѣстно, мало походила на конституціонное правленіе. Остаются либералы въ тѣсномъ смыслѣ слова, — тѣ самые люди, которые позднѣе составили партію орлеанистовъ. Мы будемъ имѣть случай видѣть, какъ они защищали свободу, когда самовластіе казалось для нихъ выгодно. Но въ полномъ блескѣ ихъ уваженіе къ свободѣ выразилось послѣ 1830 года, когда они имѣли власть въ

своихъ рукахъ. Самые горячіе роялисты 1820 годовъ не заходили такъ далеко, какъ Тьеръ, Гизо и всѣ ихъ партіи въ 1832 и 1835 годахъ.

Было, правда, въ либеральной партіи нѣсколько человѣкъ дѣйствительно горячившихся изъ-за свободы, какъ сами ее понимали, напримѣръ, Лафайетъ, Воге д'Аржансонъ, Манюэль; но они по своей малочисленности не имѣли никакого вліянія на ходъ парламентскихъ прешій во время Реставраціи. Были и между роялистами люди, дѣйствительно преданные королевской династіи, напримѣръ, герцогъ Ришелье; но опять таки, во-первыхъ, они не имѣли вліянія на свою партію; во-вторыхъ, между либералами было такихъ людей гораздо больше, — перечислять ихъ всѣхъ, отъ Роге-Коляра до Гизо, было бы слишкомъ долго.

Въ чемъ же заключались дѣйствительныя стремленія партій, изъ которыхъ одна выдавала себя защитницею монархической власти, другая — свободы? Онѣ заботились объ интересахъ, гораздо болѣе близкихъ имъ, нежели престолъ или свобода. Люди, называвшіеся роялистами, просто хотѣли возстановить привилегіи, которыми до революціи пользовалось дворянство и высшее духовенство; потому что сами эти люди были изъ высшаго дворянства. Либеральную партію составляли люди средняго сословія: купцы, богатые промышленники, нотаріусы, покупщики большихъ участковъ конфискованныхъ имѣній, — словомъ, тотъ самый классъ, который позднѣе сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ буржуазіи; революціи, низвергнувъ аристократическія привилегіи, оставила власть надъ обществомъ въ его рукахъ; онъ хотѣлъ сохранить власть.

Въ той и другой партіи этимъ задушевнымъ стремленіямъ были подчинены всѣ другіе отношенія, между прочимъ и отношенія къ королевской власти. Стоило королю показать расположеніе къ среднему сословію, — роялисты начинали проклинать короля, кричать противъ деспотизма, а либералы рукоплескали самымъ насильственнымъ распоряженіямъ королевской власти и рвали въ клочки конституцію; разумѣется, когда наоборотъ король поддерживалъ феодальныя стремленія аристократовъ, роялисты начинали кричать о неприкосновенности и неограниченности королевской власти, а либералы говорили, что умрутъ, защищая конституцію.

Разборъ дѣйствій той и другой партіи въ 1815—1830 годахъ, въ каждомъ шагу приводитъ къ такому заключенію.

Мы не хотѣли писать полнаго обзора всѣхъ сторонъ историческаго движенія за эти годы; развитіе науки, литературы, экономическія отношенія, судебныя дѣла, дипломатическія сношенія, военныя событія не входятъ въ нашъ рассказъ, потому что иначе слишкомъ расширился бы его объемъ: все вниманіе наше будетъ обращено исключительно на факты, объясняющіе характеръ политическихъ партій, существовавшихъ тогда во Франціи, и сущность внутренней политической исторіи государства. Съ тою же цѣлью, чтобы не увеличивать до чрезмѣрности объемъ этого очерка, мы начинаемъ его съ вторичнаго возвращенія Бурбоновъ во Францію послѣ Ватерлооской битвы, или второй реставраціи, не говоря ни о кратковременномъ періодѣ первой реставраціи, окончившейся возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы, ни о кратковременномъ господствѣ Наполеона во время Ста Дней. Обѣ эти эпохи были только прелюдіями къ длинной драмѣ собственно такъ называемаго періода Реставраціи, начинающагося послѣ Ватерлоо.

Послѣ Ватерлооскаго сраженія Веллингтонъ былъ владыкою Парижа; судьба

Франціи зависѣла отъ малости союзныхъ монарховъ. Союзники требовали отъ Бурбоновъ благоразумія и снисходительности къ людямъ, замѣшаннымъ въ событія, слѣдовавшія за возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы. Веллингтонъ громко объявилъ, что не допуститъ Людовика XVIII снова принять власть иначе, какъ если онъ будетъ управлять по совѣтанъ Фуше и сдѣлаетъ его министромъ: по мнѣнію Веллингтона только Фуше могъ предохранить Бурбоновъ отъ новаго изгнанія. Но событія доставили перевѣсъ во Франціи роялистамъ. Либералы, пораженные вѣстѣю съ Наполеономъ, котораго поддерживали во время Ста Дней, почти безъ борьбы дали восторжествовать роялистамъ на выборахъ въ палату депутатовъ. Посмотримъ же, какъ доказали роялисты свою приверженность къ монархической власти.

Одинъ слухъ о ненависти избранныхъ въ палату роялистовъ къ Фуше заставилъ короля отказаться отъ помощи министра, пользовавшагося довѣріемъ Веллингтона и служившаго представителемъ примиренія Бурбоновъ съ новой Франціей. Роялисты ненавидѣли Фуше не за тѣ гнусныя жестокости, которыми онъ опозорилъ себя во время Терроризма, — они покровительствовали людямъ, не менѣе запятнавшимъ себя въ этомъ отношеніи, наприимѣръ, генералу Канкюлю, который такъ свирѣпствовалъ противъ Вандейцевъ, что былъ удаленъ отъ должности комиссаромъ Конвента и не былъ потомъ употребляемъ ни на какія порученія Наполеономъ. Коварство Фуше также не было причиною вражды роялистовъ въ нему; они поддерживали многихъ людей, не превосходившихъ Фуше честностью. Но этотъ министръ доказывалъ Людовику XVIII, что Бурбоны не должны быть слѣплыми орудіями эмигрантовъ, что требованія крайнихъ реакціонеровъ противны интересамъ короля; роялисты хотѣли казнить или сослать болѣе трехъ тысячъ человѣкъ; Фуше доказалъ королю, что такая масса жертвъ возбудитъ общее негодованіе, и настоялъ на томъ, чтобы не болѣе пятидесяти семи лицъ были преданы суду, говоря, что и это число уже слишкомъ велико. Такого сопротивленія гибельному для самихъ Бурбоновъ мщенію не могли простить эмигранты, и Фуше принужденъ былъ противъ воли короля удалиться изъ министерства.

Тогда главою министерства сдѣлался герцогъ Ришлье, памятный у насъ заботами объ Одессѣ и лично пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ Императора Александра. По своимъ мнѣніямъ, герцогъ былъ ревностный монархистъ; казалось бы, что роялисты должны довѣрять ему. По своимъ отношеніямъ въ Императору Александру, отъ котораго зависѣли тогда рѣшенія европейскихъ державъ о судьбѣ Франціи, онъ былъ человѣкомъ незамѣнимымъ. Если бы роялисты желали избавить народъ отъ унижительныхъ непріятностей въ сношеніяхъ съ Европою, они должны были бы поддерживать Ришлье.

Еще до начала засѣданій палаты депутатовъ роялисты, составлявшіе въ ней огромное большинство, вынудили у короля отставку министра, услуги котораго были чрезвычайно полезны для Бурбоновъ. Но этотъ министръ служилъ республикѣ и Наполеону; быть можетъ, роялисты стануть соблюдать болѣе умѣренности, выкажутъ себя хорошими подданными теперь, когда король вручилъ правленіе новому министру, который преданностью монархическому началу не уступитъ никому въ цѣлой Франціи.

На словахъ, палата депутатовъ пылала усердіемъ къ королю. Въ ней только и рѣчи было, что о королѣ и безграничной преданности ему; съ неистовымъ во-

сторгомъ приняла она слова Воблана: „Огромное большинство палаты хочетъ вѣрно служить королю“. Но палатѣ было извѣстно, что король не можетъ быть слишкомъ строгъ относительно людей, поддерживавшихъ Наполеона; что строгость повредить прочности его престола и можетъ поссорить его съ Императоромъ Александромъ и Англією. Роялисты не хотѣли обращать на то вниманія и, какъ только собралась палата, первымъ дѣломъ ея было представить королю адресъ, требовавшій изщенія. „Мы обязаны, государь, говорила палата, требовать у васъ правосудіи противъ тѣхъ, которые подвергли опасности престолъ. Пусть они, донынѣ гордящіеся своею измѣною и ободряемые безнаказанностію, будутъ преданы строгости судовъ. Палата ревностно будетъ содѣйствовать составленію законовъ, необходимыхъ для исполненія этого желанія“. Правительство, повинаясь требованію, черезъ нѣсколько дней представило проектъ закона о возмутительныхъ крикахъ, рѣчахъ и сочиненіяхъ; по проекту эти нарушенія порядка объявлялись проступками и наказывались тюремнымъ заключеніемъ отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, лишеніемъ гражданскихъ и политическихъ правъ и отдачею подъ надзоръ тайной полиціи. Палата вознегодовала. „Какъ могло правительство предложить намъ такой проектъ? говорили роялисты. Оно называетъ проступками то, что должно называть преступленіями; наказанія назначены слишкомъ легкія, представлять такой проектъ палатѣ, составленной изъ роялистовъ, — это чистая измѣна“. Коммиссія палаты, разсматривавшая проектъ, совершенно переделала его и усилила всѣ ныказанія. „Наказанія должны быть соразмѣрны преступленіямъ, говорилъ въ своемъ рапортѣ палатѣ Пакье, докладчикъ коммиссіи; нужно, чтобы быстрота наказанія внушала спасительный ужасъ людямъ, которые хотѣли бы подражать преступникамъ. Всѣ друзья порядка и тишины желаютъ возстановленія превотальныхъ судовъ*). До той поры пусть люди, подлежащіе этому закону, судятся уголовнымъ судомъ; но наказанія, назначенныя въ проектѣ, слишкомъ легки для нихъ. Мы думаемъ, что они должны наказываться или изгнаніемъ, или ссылкой. Но простое изгнаніе — наказаніе ничтожное для нихъ. Ихъ должно осуждать на ссылку. Справедливость требуетъ, чтобы они были на вѣки удаляемы изъ той земли, на которой недостойны они жить, и посылались влечить подъ далекимъ небомъ жизнь, которую употребили на бѣдствія отечества и стыдъ соотечественникамъ. Сверхъ того они должны подвергаться строгому денежному штрафу, наказанію для этихъ людей болѣе чувствительному, нежели тюрьма, которая показалась бы для нихъ, незнающихъ стыда, только средствомъ жить въ праздности“. Другой роялистъ, де-Семезонъ, требовалъ, чтобы мѣсто ссылки было назначено непременно за предѣлами Европы, и чтобы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, за поднятіе трехцвѣтнаго знамени, назначалась вмѣсто ссылки смертная казнь. — „Согласенъ на законъ, шутивымъ тономъ сказалъ третій роялистъ Пье, только съ небольшою перемѣной, именно, чтобы вмѣсто ссылки поставлена была смертная казнь, — перемѣна, какъ видите, пустая“. Палата весело захохотала остротѣ. Одинъ изъ депутатовъ отважился было сказать: „Положимъ смертную казнь за поднятіе трехцвѣтнаго знамени вслѣдствіе обдуманнаго заговора, но неужели казнить человѣка, который сдѣлалъ бы это просто подъ пьяную руку?“ Громкій ропотъ перервалъ

*) Старинные суды, дѣйствовавшіе по особеннымъ инструкціямъ, не стѣсняясь ни законами, ни формами судопроизводства, казнившие людей безъ дальнихъ оноличностей полицейскими порядкомъ.

его. Всѣ ораторы, говорившіе потомъ, обвиняли не только министерскій проэктъ, но и предложеніе комиссіи въ излишней слабости. Правительство уступило требованіямъ палаты и согласилось на измѣненія, сдѣланныя комиссіею.

Съ этой минуты палата рѣшительно беретъ въ свои руки верховную власть. Она не довѣряетъ министрамъ короля, передѣлываетъ всѣ ихъ законы. Министры ничтожны передъ ней; король долженъ покоряться ей безпрекословно. Со времени Конвента не было законодательнаго собранія, которое недовѣрчивѣ смотрѣло бы на исполнительную власть и щекотливѣ выставило бы при всякомъ случаѣ свои права. Роялисты вынудили у министерства отмѣненіе гарантій, ограждавшихъ личность гражданина отъ полицейскаго произвола, вынудили множество другихъ крутыхъ мѣръ и наконецъ одинъ изъ нихъ, Лабурдонне, подъ ироническимъ именемъ амністіи предложилъ законъ, страшнымъ образомъ расширенній разряды лицъ, подвергавшихся отвѣтственности за участіе въ событіяхъ Ста Дней. Это предложеніе было сдѣлано въ тайномъ комитетѣ палаты, поручено разсмотрѣнію тайной комиссіи, которая не хотѣла открывать предмета совѣщаній самому правительству. Амністія Лабурдонне подвергала смертной казни или ссылкѣ около тысячи двухъ-сотъ человѣкъ. Члены комиссіи хотѣли еще увеличить это число. Ужасъ овладѣлъ Парижемъ, до котораго доносились слухи о намѣреніяхъ палаты. Правительство, испуганное путемъ, на который ведетъ его палата, рѣшилось предупредить ее, чтобы не навлечь на династію Бурбоновъ непримиримой ненависти націи. Весь кабинетъ торжественно явился въ палату съ проэктомъ закона, составленнымъ въ духѣ гораздо болѣе кроткомъ. Палата передала проэктъ министерства на разсмотрѣніе прежней комиссіи, негодую на преступную снисходительность правительства. Комиссія передѣлала проэктъ въ духѣ Лабурдонне. „Не слушайте софизмовъ гибельной филантропіи, служащей орудіемъ обмана въ устахъ вашихъ враговъ, говорилъ роялистъ Бодрю, когда начались пренія въ палатѣ послѣ прочтенія доклада комиссіи: наказывайте, не колеблясь, иначе ошибетесь; предложеніе комиссіи выне всякихъ возраженій.“ — „Провидѣніе предастъ наконецъ въ ваши руки злодѣевъ, вскричалъ Лабурдонне, вѣчное правосудіе сберегло ихъ среди опасностей именно для того, чтобы непреложно показать суетность ихъ коварства. Они говорятъ, что они прощены королемъ при его возвращеніи; нѣтъ, это прощеніе, подобно печати отверженія, положенной на челѣ перваго братоубійцы, хотѣло сохранить ихъ отъ человѣческаго суда для предоставленія вѣчному ищенію; но мученіе Каина нечувствительно для ихъ ожесточенныхъ сердецъ: вы, малодушные, непредусмотрительные законодатели, выведите ковы этихъ людей, ставшихъ позоромъ націи, и не накажете ихъ! Нѣтъ, эта палата, цвѣтъ націи, надежда всѣхъ истинныхъ французовъ, съумѣетъ предупредить новыя преступленія своей энергіей“. По окончаніи преній, докладчикъ комиссіи, Корбьеръ, объявилъ, что комиссія не можетъ сдѣлать никакой уступки министрамъ. Министры рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству. Герцогъ Ришлье, бывшій тогда первымъ министромъ, всталъ, попросилъ президента палаты прекратить на время засѣданіе и вышелъ изъ залы въ сопровожденіи своихъ товарищей. Черезъ часъ, возвратившись на трибуну, онъ объявилъ палатѣ, что имѣлъ совѣщаніе съ королемъ, которому изложилъ ходъ преній, и теперь долженъ сообщить палатѣ желанія короля. Онъ соглашается на нѣкоторыя измѣненія, предлагаемыя комиссіею, но самымъ безусловнымъ образомъ отвергаетъ тѣ многочисленныя исключенія изъ амністіи, которыхъ требуетъ комиссія.

„Да будетъ мнѣ позволено заклинять васъ не дѣлать закона милости причиною раздора, заключилъ Ришелье свою рѣчь: — послѣ потопа бѣдствій, наводнявшихъ нашу несчастную Францію, пусть законъ объ амнистіи явится на нашемъ политическомъ горизонтѣ, какъ символъ примиренія и спасенія для всѣхъ французовъ“.

Министры прибѣгали въ чрезвычайному способу укротить безразсудную мстительность роялистовъ. Во время преній указывать въ прямую волю короля противно обычаю парламентской системы. Но министры извинялись отчаянностью своего положенія: роялисты принуждали правительство къ такимъ несвоевременнымъ мѣрамъ, которыя за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ были причиною изгнанія Бурбоновъ и неминуемо должны были вновь привести ихъ къ паденію. Роялисты могли бы негодовать на министровъ, упросившихъ короля вмѣшаться въ пренія; но, если они дѣйствительно были вѣрными подданными короля, имъ оставалось теперь только покориться его волѣ. Они и не думали о томъ. „Конечно, господа, сказалъ Бетизи, намъ очень грустно становиться въ протѣворѣчіе съ желаніями короля: мы дали ему столько доказательствъ вѣрности, преданности и любви, двадцать пять лѣтъ нашимъ лозунгомъ было восклицаніе: жить для короля, умереть за короля! Но, господа, не забудемъ девиза нашихъ отцовъ: Богъ, честь и король; и если непреклонная честь обязываетъ насъ на время воспротивиться волѣ короля; если недовольный сопротивленіемъ своихъ вѣрныхъ слугъ своему королевскому милосердію, онъ отвращаетъ на время отъ насъ свой милостивый взглядъ, мы сважемъ: ура, король, и противъ его воли! *Vive le roi, quand même!*“ Министры не наплись, что возразить ему, и прозектъ закона, противный волѣ короля, былъ почти единодушно принятъ палатою среди громкихъ рукоплесканій. Изъ 366 членовъ только 32 депутата либеральной партіи подали голосъ за министерство и короля.

Точно таково же было отношеніе палаты къ министрамъ и королю по всѣмъ другимъ вопросамъ; въ каждомъ засѣданіи роялисты представляли своими рѣшеніями новыя подтвержденія тому, что не хотятъ обращать никакого вниманія на интересы царствующей династіи, на волю короля, на права королевской власти, и что подъ официальными фразами ихъ о преданности престолу скрывается непреклонная рѣшимость управлять Франціею исключительно въ интересахъ эмигрировавшей аристократіи и постоянно вынуждать у короля безпрекословное повиновеніе ей. Не перечисляя всѣхъ законовъ и распоряженій, выражавшихъ коренное разногласіе между королемъ и роялистами, мы упомянемъ еще только объ избирательномъ законѣ, отъ котораго долженъ былъ зависѣть характеръ власти, управлявшей Франціею. Министры представили прозектъ, по которому королю давалось право причислять къ сословію избирателей нѣкоторое количество лицъ, не имѣвшихъ значительной недвижимой собственности, принимавшейся первымъ условіемъ при составленіи списковъ избирателей. По этому прозекту выборъ депутата производился прямо всѣми избирателями округа. Коммиссія палаты, отвергая прозектъ министерства, составила другой законъ, по которому совершенно устранялось нліяніе правительства при составленіи списковъ, и избиратели каждаго округа выбирали не прямо депутата, а только вторыхъ избирателей изъ числа значительныхъ землевладѣльцевъ департамента. Эти вторые избиратели, собираясь по департаментамъ, выбирали депутатовъ; такимъ образомъ, по прозекту коммисіи, выборы въ палату депутатовъ отдавались совершенно въ руки аристократіи,

становившейся вполне независимой от короля. Проект министерства был составлен в видах усиления королевской власти; вся либеральная палата единодушно поддерживала его. Проект комиссии, назначенной роялистским большинством палаты, замѣнялъ монархическое устройство Франціи аристократическою республикою; королю оставалось при такомъ избирательномъ законѣ меньше власти, нежели имѣлъ венеціанскій дожъ; олигархія аристократическаго парламента становилась на мѣсто престола. Всѣ роялисты подали голосъ за проектъ, уничтожавшій монархическую власть.

Очевидно было, что или долженъ отказаться отъ всякаго вліянія на государственныя дѣла король, стать слугою палаты депутатовъ, или должна быть распущена эта палата, столь громко воніявшая о своемъ роялизмѣ и столь непреклонно возстававшая противъ короля. Людовикъ XVIII видѣлъ необходимость распустить палату, и 29 апрѣля 1816 года засѣданія палаты были отсрочены, а 5 сентября явилось королевское повелѣніе, объявлявшее, что палата распускается, и предписывавшее произвести новые выборы.

Семь мѣсяцевъ продолжались засѣданія роялистской палаты. Пока она еще не начинала своихъ дѣйствій, трудно было не обмануться пышными рѣчами ея членовъ, изъяснявшихъ безграничную приверженность къ престолу, и Людовикъ XVIII, при началѣ ея засѣданій, въ порывѣ радости отъ роялистскаго состава палаты, назвалъ ее безпримѣрною палатою (*chambre introuvable*). Это имя оставила за ней исторія, но въ смыслѣ совершенно противномъ тому, съ какимъ въ началѣ было произнесено оно. Палата 1815 года была дѣйствительно безпримѣрна по враждѣ противъ всего того, на чемъ должно было утверждаться правительство Бурбоновъ. Роялисты съ перваго же раза ограничили монархическую власть такъ, какъ ограничилъ ее Долгій Парламентъ въ Англіи. Они также мало довѣряли королю, также упорно противились ему, какъ республиканцы революціонныхъ собраній.

Зато либералы всѣми силами старались поддержать министерство, подвергавшееся постояннымъ оскорбленіямъ и пораженіямъ отъ роялистовъ. Обѣ партіи дѣйствовали въ духѣ, совершенно противномъ своимъ формальнымъ прозвищамъ. Либералы подавали голосъ за короля, роялисты противъ короля.

Но все, что мы видѣли до сихъ поръ, было блѣдно и слабо въ сравненіи съ бурными движеніями, возбужденными королевскимъ повелѣніемъ 5 сентября.

Если бы надобно было смотрѣть на это повелѣніе, какъ на фазисъ борьбы между властью короля и парламентскимъ правленіемъ, то, безъ сомнѣнія, защитники парламентскаго правленія огорчились бы такимъ проявленіемъ королевскаго произвола, какъ распушеніе палаты за несогласіе съ мнѣніями королевскихъ совѣтниковъ. Но они пришли въ восторгъ. Либералы привѣтствовали повелѣніе, распускавшее палату, какъ безсмертное благодѣяніе; они забывали всѣ преслѣдованія, которымъ подвергались отъ министра полиціи, Деказа, энергическаго любимца короля: Деказъ склонилъ короля и своихъ товарищей распустить палату, и либералы провозглашали его спасителемъ Франціи. „Я не буду теперь жаловаться, писалъ Деказу одинъ изъ генераловъ либеральной партіи, шесть мѣсяцевъ уже содержавшійся въ тюрьмѣ по капризу министра: — я согласенъ платить гогомъ свободы за каждое повелѣніе, подобное изданному вами“.

Если бы роялисты были приверженцы монархической власти, они радовались

бы блистательному доказательству силы короля, выразившемуся распусценіемъ палаты. Напротивъ, они были раздражены до послѣдней степени. Ихъ представитель въ королевской фамиліи, графъ д'Артуа, называлъ Деказа измѣнникомъ. Несмотря на всѣ цевсурныя строгости Вильмена, бывшаго потомъ при Гизо министромъ народнаго просвѣщенія, а теперь управляющаго ценсурой, журналистика роялистской партіи осыпала проклятіями ненавистное повелѣніе. Шатобріанъ, замѣчательнѣйшій представитель роялистовъ въ журналистикѣ, писалъ: „Капія побужденія склонили министровъ воспользоваться правомъ короля распускать палату? Партія, влекущая Францію къ гибели, боялась, что палата раскроетъ королю истинныя желанія Франціи. Но пусть не теряютъ мужества добрые французы, пусть они толпою идутъ на выборы, но пусть не довѣряютъ они обману: имъ будутъ говорить о королѣ, о волѣ короля. Не поддавайтесь этой уловкѣ: спасите короля противъ его воли—*Sauvez le roi quand même.*“

Всѣ люди, защищавшіе гражданское равенство французовъ передъ закономъ, противившіеся восстановленію старинныхъ привилегій и феодальныхъ несправедливостей, назывались въ то время у правительства революціонерами; всѣ, принимавшіе какое нибудь участіе въ событіяхъ революціи, были казнены, изгнаны, или заключены въ темницу. Однакоже, роялисты говорили, что король подпалъ вліянію революціонеровъ, заставившихъ его мстить роялистамъ за изгнаніе членовъ Конвента, которыхъ тогда называли царубійцами, и Шатобріанъ восклицалъ: „Бонапарте имѣлъ на службѣ революціонеровъ, презиралъ ихъ, нынѣ хотятъ имѣть ихъ на службѣ въ почетѣ. Могли ли ожидать роялисты, что такіе люди будутъ слугами законныхъ королей? Якобинцы, испуская крикъ радости во всеуслышаніе своимъ братьямъ въ остальной Европѣ, вышли изъ своихъ берлогъ, явились на выборы, сами изумляясь тому, что ихъ призываютъ на выборы, что ихъ ласкаютъ, какъ истинныхъ опоръ престола“.

Такимъ образомъ герцогъ Ришелье, эмигрантъ и другъ Русскаго Императора, становился якобинцемъ и революціонеромъ; якобинцемъ становился Деказь, разстрѣлявшій и казнившій въ угодность роялистамъ сотни людей отъ Нэя и Лабедойера до самыхъ безвѣстныхъ простолюдиновъ. Самъ Людовикъ XVIII не избѣжалъ этого обвиненія: „Онъ смолodu имѣлъ наклонность къ якобинству; онъ либеральничалъ еще въ 1788 году, при собраніи нотаблей, предшествовавшемъ конституціонному собранію“, говорили роялисты.

Ярость ихъ была очень натуральна: новый законъ о выборахъ, отдававшій власть въ ихъ руки, былъ отвергнутъ палатою перовъ, потому что вышелъ изъ палаты депутатовъ въ редакціи, никуда негодной въ чисто техническомъ отношеніи. Составить другаго закона палата депутатовъ еще не успѣла, когда была распущена, и выборы должны были производиться по правиламъ, существовавшимъ прежде. Правила эти были чрезвычайно односторонни, совершенно исключая отъ участія въ выборахъ не только простолюдиновъ, но и большую часть средняго сословія. Тѣмъ не менѣе они не отдавали всей силы исключительно въ руки аристократовъ; общественное мнѣніе имѣло при нихъ нѣкоторое, хотя и слабое, вліяніе на результатъ выборовъ. Роялисты раздражили своею мстительностью всю Францію, встревожили каждое семейство намеками на конфискацію всѣхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ во время республики и имперіи, и не могли теперь ожидать того успѣха на выборахъ, какой имѣли въ 1815 году. Дѣйствительно, около поло-

вины роялистскихъ депутатовъ прежней палаты потерпѣли неудачу. Въ палатѣ 1815 года они имѣли огромное большинство; въ новой палатѣ, изъ 259 членовъ. роялистовъ было около 100. Теперь они надолго должны были отказаться отъ надеждъ возстановить феодальное устройство, о которомъ мечтали. Король отнялъ у нихъ эту возможность, чтобы самому не лишиться престола; зато король былъ для нихъ ненавистенъ и они стали нападать на королевскую власть съ яростью, которой могли бы позавидовать санкюлоты 1792 года.

При повѣркѣ выборовъ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій вовой палаты. Вильель, одинъ изъ предводителей роялистовъ, явился уже горячимъ защитникомъ свободы противъ вмѣшательства административныхъ властей въ выборы. Издатель одного роялистскаго журнала, Роберъ, былъ арестованъ и журналъ его запрещенъ; въ предыдущіе мѣсяцы, когда господствовали роялисты, запрещеніе либеральныхъ журналовъ было дѣломъ ежедневнымъ, и чуть ли не въ каждой тюрьмѣ королевства сидѣли журналисты, арестованные безъ суда роялистами. Но когда власть обратилась противъ роялистовъ, они подняли крикъ о ненарушимыхъ правахъ свободы, и тотъ самый Пье, который съ милой шутивостью требовалъ смертной казни за словесные и печатные проступки, теперь явился истиннымъ Мильтономъ, провозвѣстникомъ свободы слова: „Въ дѣлѣ Робера, говорилъ онъ, я вижу нѣчто болѣе, чѣмъ незаконный арестъ и произвольное запрещеніе журнала; я вижу въ немъ востановленіе пытки“.

Зато либералы, еще недавно кричавшіе о свободѣ, теперь единодушно подавали голоса въ оправданіе всѣхъ произвольныхъ дѣйствій министерства: постояннымъ большинствомъ 160 голосовъ были отвергаемы всѣ жалобы новыхъ защитниковъ свободы, было оправдано вмѣшательство министровъ при выборахъ, и арестъ Робера, и запрещеніе его журнала. Либералы поддерживали всю систему Деказа, систему цензуры и противныхъ конституціи законовъ. Вильменъ противозаконно стѣснялъ роялистскую журналистику и запрещалъ роялистскіе журналы. Знаменитый другъ свободы мышленія и, по тогдашнему инѣшю либераловъ. великій философъ, Ройе-Коляръ, говорилъ въ отвѣтъ роялистамъ: „Нельзя отрицать того, что, гдѣ есть партіи, тамъ журналы перестаютъ быть органами личныхъ мнѣшій и, предаваясь интересамъ партій, становятся орудіемъ ихъ политики, театромъ ихъ битвъ, и свобода журналовъ обращается только въ свободу необузданныхъ партій“.

Правительство не могло не отблагодарить либераловъ за такую безграничную приверженность, и представило палатѣ новый законъ о выборахъ, по которому избирателемъ былъ каждый гражданинъ, платящій 300 франковъ прямыхъ податей, т. е. каждый зажиточный человѣкъ безъ различія въ томъ. движимая или недвижимая собственность составляетъ его имущество. Число избирателей, вслѣдствіе этого закона, возрастало до 90,000 человѣкъ, изъ которыхъ огромное большинство принадлежало къ среднему сословію, враждебному феодальнымъ правамъ. Не нужно и говорить о томъ, что роялисты, рѣшительно убиваемые этимъ прозкомъ, позстали противъ него; но замѣчательно то, что они. недовольные прозкомъ за уничтоженіе привилегіи большихъ землевладѣльцевъ-аристократовъ надъ купцами и землевладѣльцами средняго сословія, вдругъ обратились въ защитниковъ демократіи и упрекали новый законъ за его аристократизмъ: „Вы хотите повергнуть всю націю передъ золотымъ тельцомъ, воскли-

цаль Лабурдонне, предводитель роялистовъ: — вы хотите поработить націю самой жестокой, самой наглою аристократіи. Неужели пролито столько крови, принесено столько жертвъ только для того, чтобы прійти къ такому результату, постепенно уничтожить всѣ провозглашенныя вами права и отдать подъ иго политическаго рабства націю, возставшую съ пѣснями свободы? А ты, французскій народъ, слѣпымъ легковѣрно служившій орудіемъ для всѣхъ честолюбцевъ, узнай, по крайней вѣрѣ, теперь, кто твои враги, кто твои друзья!“ Защита свободы должна быть бсѣгдашнею обязанностью демократовъ, и другой роялистъ, Корне-д’Энкуръ приравлялъ: „Произвольными законами замѣнены постановленія конституціи, потомъ и эти законы замѣнены простыми повелѣніями короля, потомъ и королевскія повелѣнія замѣнены инструкціями отъ министровъ, и эти инструкціи толкуются въ свою очередь по произволу префектами. Министръ полиціи сталъ великимъ избирателемъ королевства. У насъ нѣтъ ни закона объ отвѣтственности министровъ, ни личной свободы, ни свободы печати, ни свободы выборовъ. Проектъ настоящаго закона не ограждаетъ ни свободы выборовъ, ни независимости палаты; я его отвергаю“.

Но роялисты, сдѣлавшіеся страстными защитниками свободы, не убѣдили либераловъ позаботиться о ней и избавить націю отъ порабоженія аристократіею золотатаго тельца. Проектъ былъ принятъ, и 5 февраля 1817 года новый законъ о выборахъ былъ обнародованъ. Либералы въ своемъ ревностномъ усердіи къ правительству пошли еще далѣе. Они приняли два закона, дѣйствительно противорѣчащіе и конституціи и самымъ основнымъ понятіямъ о политической свободѣ.

Первый изъ этихъ законовъ отдавалъ на произволъ администраціи личную свободу, неприкосновенность которой провозглашалась конституціею. Правда, по прежнему закону, составленному въ 1815 году, администраціи предоставлялось еще больше произвола; новымъ закономъ смягчались постановленія прежняго; но все-таки онъ былъ противенъ свободѣ и конституціи. Однако же либералы поддерживали его; это тѣмъ любопытнѣе, что, присоединивъ свои голоса къ голосамъ роялистовъ, противившихся закону, они могли бы отвергнуть его, и тогда конституція вошла бы въ силу, личная свобода была бы ограждена. Но въ такомъ случаѣ потерпѣли бы поражение министры, представившіе проектъ, а для либераловъ сохраненіе министерства, враждебнаго роялистамъ, было важнѣе, нежели восстановленіе свободы. Зато роялисты, годъ тому назадъ постановившіе гораздо болѣе деспотическій законъ, теперь кричали о нестерпимомъ нарушеніи свободы новымъ закономъ.

Та же самая исторія была и съ закономъ, ограничивавшимъ свободу журналистики.

Либералы усердно поддерживали министерство, а между тѣмъ оно продолжало, какъ въ 1815 и 1816 годахъ, подвергать тюремному заключенію и смертной казни самымъ произвольнымъ и противозаконнымъ образомъ множество людей. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ и за что погибали тогда люди во Франціи, мы упомянемъ только объ одномъ случаѣ. Отставной капитанъ кавалеріи, Велю, былъ призванъ въ судъ за то, что назвалъ свою лошадь казаконъ. „Какъ могли вы дать своей лошади имя, драгоцѣнное для всѣхъ добрыхъ французонъ?“ спросилъ судья. — „Я купилъ ее у русскаго офицера и назвалъ казаконъ, какъ назвалъ бы нормандцемъ, если бы купилъ у нормандца“, отвѣчалъ капитанъ. —

„Но вы должны были знать, что вы оскорбляли народъ, мужеству котораго Франція отчасти обязана возстановленіемъ законной власти“. Капитанъ Велю не нашелся, что отвѣчать на такое нелѣпое обвиненіе. Ему объявили, что онъ предается превотальному суду. Тюремное заключеніе такъ подѣйствовало на разстроенное военною службою здоровье капитана, что онъ умеръ. Послѣ этого не нужно говорить, какова была участь людей, обвинявшихся въ нерасположеніи къ правительству, а тѣмъ болѣе въ какихъ нибудь злоумышленіяхъ противъ него, обыкновенно изобрѣтенныхъ усердіемъ шпіоновъ.

По закону, изданному 5 февраля 1817 года, каждый годъ подвергалась новымъ выборамъ одна пятая часть палаты депутатовъ. Прошло два такихъ срока, въ оба раза выборы сильно неблагопріятствовали роялистамъ; они видѣли, что скоро совершенно исчезнуть изъ палаты, и не имѣли надежды ни при какихъ обстоятельствахъ возвратить себѣ силу въ ней подъ влияніемъ закона 5 февраля. Въ этомъ отчаянномъ положеніи они прибѣгли къ разнымъ интригамъ, чтобы запугать монарховъ Священнаго Союза; графъ Д'Артуа послалъ къ этимъ государямъ тайную записку, доказывавшую, что если не будетъ отмѣненъ законъ 5 февраля, то Франція снова впадетъ во власть революціонеровъ, массами проникающихъ въ палату при каждыхъ новыхъ выборахъ. Французское министерство получило предостереженія отъ союзныхъ державъ. Герцогъ Ришлье, до той поры совершенно не занимавшійся внутренними дѣлами Франціи, ограничиваясь исключительно дипломатическими заботами, и не знавшій ни положенія, ни духа внутреннихъ партій, пришелъ въ ужасъ и рѣшился послѣдовать предостереженію, которое считалъ личнымъ мнѣніемъ Рускаго Императора. Но Деказъ не обманулся уловками роялистовъ: онъ понималъ, что ихъ ложныя извѣстія вовлекли въ ошибку дипломатовъ Священнаго Союза; онъ очень хорошо зналъ, много-ли революціонныхъ опасностей въ либерализмъ, и понималъ, что гибельны для престола Бурбоновъ могутъ быть только роялисты, но никакъ не либералы. Онъ воспротивился измѣненію прежней системы и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими министрами подалъ въ отставку. Безъ Деказа Ришлье не могъ управлять дѣлами и также подалъ въ отставку. Людовикъ XVIII поручилъ Деказу составить новое министерство.

И такъ герцогъ Ришлье, три года бывшій главою министерства, сдѣлался частнымъ человѣкомъ. Франція была обязана ему тѣмъ, что союзные монархи поступили съ нею въ 1815 году гораздо снисходительнѣе, нежели какъ предполагалось. При извѣстіи о возвращеніи Наполеона съ Эльбы, Талейранъ, бывшій французскимъ уполномоченнымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, до того растерялся, что пожертвовалъ всѣми выгодами отечества. По ходатайству герцога Ришлье, императоръ Александръ I убѣдилъ своихъ союзниковъ значительно смягчить условія мира съ Франціею послѣ Ватерлооской битвы. Ришлье, благодаря расположенію русскаго императора, избавилъ Францію отъ платежа многихъ сотеяъ милліоновъ франковъ. Потомъ, также по его ходатайству, былъ двумя годами сокращенъ срокъ квартированія союзныхъ войскъ во Франціи. Этимъ Франція избавлялась отъ униженія видѣть себя подъ наблюденіемъ иностранныхъ армій, и снова выигрывала нѣсколько сотъ милліоновъ. Словомъ сказать, не было въ то время человѣка, которому Франція была бы такъ много обязана, какъ герцогу Ришлье. Теперь, переставая быть министромъ, онъ дѣлался бѣднякомъ. Франція должна была обезпечить отъ нищеты старость человѣка, оказавшаго ей безмѣрные услуги и для службы ей отказавшагося

отъ блестящаго и прочваго положенія въ Россіи. Въ палаты перовъ и депутатовъ было внесено предложеніе „назначить герцогу національное вознагражденіе, соразмѣрное огромности его услугъ и его безкорыстію“. Министерство предложило палатамъ назначить ему, въ видѣ пенсіи, майоратъ въ 50,000 франковъ изъ недвижимыхъ государственныхъ имуществъ.

Если роялисты дѣйствительно были преданы престолу, они могли бы сказать противъ этого предложенія развѣ то, что пенсія должна быть назначена гораздо больше. Монархическія чувства герцога были вѣдь всякихъ соинѣнны. Услуги его Бурбонамъ были безмѣрны. Не только приверженность къ престолу, но и простое чувство приличій запрещало роялистамъ возставать противъ пенсіи: герцогъ Ришль вышелъ изъ министерства именно потому, что по желанію роялистовъ хотѣлъ измѣнить законъ о выборахъ. Наконецъ чрезвычайное благородство, съ которымъ онъ, узнавъ о намѣреніи назначить ему пенсію, отказывался отъ нея, должно бы зажать ротъ каждому сколько нибудь благородному человѣку, хотя бы и недовольному герцогомъ. Но Ришль распустилъ роялистскую палату 1815 года и тѣмъ разрушилъ перевѣсъ роялистовъ: этого не могли они простить ему, и предложеніе о пенсіи подняло съ ихъ стороны самый неприличный крикъ. Они выставляли подобную награду примѣромъ, опаснымъ для будущаго времени; спрашивали, почему же не назначается такая же награда всѣмъ бывшимъ товарищамъ. Ришль по министерству: если дѣйствія министерства заслуживаютъ награды, то несправедливо давать награду одному министру, а не всѣмъ; наконецъ, говорили они, если Ришль былъ хорошимъ министромъ, то почему же онъ не остался министромъ? онъ вышелъ въ отставку, значить, онъ самъ видитъ, что его управленіе не годится для Франціи, и послѣ того, какъ же можно награждать министра, который самъ осудилъ себя своею отставкою?

Рѣчи роялистовъ были такъ обидны, что когда большинство палатъ назначило ему пенсію, онъ пожертвовалъ ее въ пользу Бордосскихъ госпиталей.

Въ то время, какъ роялисты своими оскорбленіями герцогу Ришль доказывали, что прекрасно умѣютъ цѣнить преданность и услуги престолу, либералы продолжали столь же ясно показывать, какъ ненарушими для нихъ права свободы. Изъ множества фактовъ мы приведемъ одинъ, въ которомъ самую лестную роль игралъ Вильменъ, до сихъ поръ съ блестящимъ краснорѣчіемъ разеуждающій о любви къ свободѣ и въ своихъ книгахъ, и въ засѣданіяхъ французской академіи. Мы уже упоминали, что онъ тогда управлялъ ценсурною частью. При молчаніи, наложенномъ на газеты, довольно сильный интересъ въ публикѣ пробуждали статьи *Bibliothèque historique*, печатавшей разные документы и рукописи, относяшіяся къ прошедшему времени. Издатель ея, Гоке, вздумалъ было помѣстить въ прибавленіи къ одной изъ своихъ книжекъ „Разговоръ между изгнанникомъ и членомъ палаты 1815 года“. Статья эта самымъ мягкимъ образомъ намекала, что преслѣдованія 1815 года были слишкомъ суровы. Она была напечатана, но еще до выпуска книжки Гоке рѣшился уничтожить этотъ разговоръ, чтобы не подвергать себя опасности. „Гдѣ же прибавленіе къ этому номеру?“ сказалъ Вильменъ, когда Гоке принесъ ему на разсмотрѣніе книжку. Гоке отвѣчалъ, при прибавленіи уничтожено. Тогда Вильменъ сталъ просить у него двухъ экземпляровъ прибавленія лично для себя. „Дайте ихъ мнѣ, не какъ официальному лицу, для моей частной бібліотеки“, говорилъ онъ. Гоке долго не соглашался, наконецъ уступилъ прось-

бамъ Вильмена и принесъ ему два экземпляра прибавленія; черезъ нѣсколько часовъ, въ типографію Гоке явилась полиція и захватила тѣ экземпляры прибавленія, которыхъ не успѣли еще уничтожить рабочіе, истреблявшіе эту макулатуру. Гоке былъ подвергнутъ суду за то, что далъ два экземпляра Вильмену. Онъ былъ на три мѣсяца заключенъ въ тюрьму; дѣла его въ это время разстроились и обанкротившись, онъ скоро умеръ отъ печали.

Ташіе либералы, разумѣется, не могли служить представителями страстей и интересовъ, двадцать лѣтъ тому назадъ вызвавшихъ французскую революцію. Образованные простолюдины чуждались ихъ почти столько же, сколько и роялистовъ. Не находя себѣ выраженія ни въ партіяхъ, раздѣлявшихъ палаты, ни въ журналистикѣ, революціонныя идеи тѣмъ сильнѣе волновали людей, остававшихся въ сторонѣ отъ публичнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Скоро явились фанатики молчаливые и скрытные, но тѣмъ болѣе рѣшительные. Одинъ изъ нихъ. Лувель, рѣшился убить герцога Беррійскаго, который одинъ изъ всѣхъ Бурбоновъ могъ имѣть потомство и продлить свою династію. 13 февраля 1820 года онъ желѣзною полосою, заостренною въ видѣ кинжала, смертельно поразилъ принца при выходѣ изъ оперы. Этотъ человѣкъ вовсе не былъ либераломъ; онъ не имѣлъ понятія о преіяхъ, которыя съ такимъ шумомъ велись въ палатахъ и возбуждали такія опасенія въ правительствѣ. Лувель былъ простымъ рабочимъ у королевскаго сѣдельщика. „Что васъ побудило совершить преступленіе?“ сказалъ ему Деказъ на допросѣ. — „Я считаю Бурбоновъ злѣйшими врагами Франціи“, отвѣчалъ этотъ человѣкъ. — „Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ покусились на жизнь именно герцога Беррійскаго?“ — „Затѣмъ, что онъ моложе другихъ принцевъ королевскаго дома и, вѣроятно, онъ имѣлъ бы потомство“. — „Раскаиваетесь ли вы въ своемъ поступкѣ?“ — „Нисколько“. — „Возбуждалъ ли васъ кто нибудь, былъ ли кто вашимъ сообщникомъ?“ — „Никто“.

Дѣйствительно, Лувель не имѣлъ сообщниковъ, но за его преступленіе расплатился Деказъ, конечно, столь же гнушавшійся имъ, какъ и самые пылкіе роялисты.

Роялисты обрадовались несчастію, постигшему королевскую фамилію. Оно дало имъ желанный случай низвергнуть ненавистнаго министра. Когда на другой день открылось засѣданіе палаты депутатовъ, Клозель де-Куссергъ, одинъ изъ отважнѣйшихъ между роялистами, вошелъ на трибуну. „Министры должны быть обвиняемы въ публичномъ засѣданіи предъ лицомъ Франціи, сказалъ онъ: — я предлагаю палатѣ составить актъ обвиненія противъ г. Деказа, министра внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщника въ убійствѣ...“ Крики негодованія раздались со стороны министерскихъ членовъ и прервали его рѣчь. Но роялисты достигли своей цѣли черезъ нѣсколько дней. „Безразсудный, вы испортили дѣло, сказалъ Вильель Клозелю, когда онъ сошелъ съ трибуны: вмѣсто прямого участія въ убійствѣ надобно было обвинять Деказа просто въ измѣнѣ“.

Деказъ былъ обязанъ своею властью чрезвычайному личному расположенію Людовика XVIII. Онъ былъ любимымъ собесѣдникомъ стараго короля; онъ одинъ умѣлъ развлекать его скуку; старикъ толковалъ съ нимъ обо всемъ, чѣмъ интересовался самъ: о городскихъ новостяхъ, о латинскихъ классикахъ, о французской литературѣ, о своихъ сочиненіяхъ. Онъ одного дня не могъ прожить безъ Деказа и называлъ его своимъ сыномъ. Оставшись съ нимъ наединѣ, король залился сле-

зами: „Дитя мое, говорилъ онъ, роялисты начнутъ съ нами страшную войну; они воспользуются смертью моего племянника; они нападутъ не на твою, а на мою систему; не тебя одного ненавидятъ они, а также и меня“. Деказь отвѣчалъ, что, какъ ни прискорбна была бы ему отставка въ связи съ такимъ страшнымъ случаемъ, но онъ готовъ удалиться изъ министерства для спокойствія короля. „Нѣтъ, нѣтъ, горячо вскричалъ Людовикъ XVIII:—ты не покинешь меня, я требую, чтобы ты остался! Они не разлучать насъ“. Вечеромъ былъ созванъ совѣтъ изъ министровъ и нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ для соображеній о мѣрахъ, требуемыхъ обстоятельствами. „Господа, сказалъ Людовикъ XVIII, обращаясь къ собранію:—роялисты наносятъ мнѣ послѣдній ударъ; они знаютъ, что система г. Деказа — моя система и обвиняютъ его, будто онъ убилъ моего племянника! Не первую клевету подобнаго рода взводятъ они на меня. Я хочу, господа, спасти отечество безъ нихъ“.

Но могъ ли дряхлый старикъ выдержать борьбу съ непримиримыми врагами своего любимца, восторженно схватившимися за счастье, доставленное имъ рукою Лувеля? На другой день, въ засѣданія палаты депутатовъ, 15 февраля, Кюзель де-Куссергъ снова вошелъ на трибуну и объявилъ, что не отступаетъ отъ своего обвиненія. „Я передалъ г. президенту слѣдующее предложеніе, сказалъ онъ: имѣю честь предложить палатѣ составить обвиненіе противъ г. Деказа, министра внутреннихъ дѣлъ, какъ виновнаго въ измѣнѣ по смыслу 56-й статьи конституціи“. Роялисты не имѣли большинства въ палатѣ, обвиненіе было отвергнуто. Но у нихъ были другіе пути къ достиженію своей цѣли. Сила роялистовъ сосредоточивалась въ тайномъ обществѣ, извѣстномъ подъ именемъ конгрегаціи. Тайные Іезуиты, овладѣвшіе отцомъ убитаго принца и братомъ короля, графомъ д'Артуа, были руководителями этого общества. Оно повсюду имѣло агентовъ, располагало огромными суммами, но скрывало свои дѣйствія такъ искусно, что очень немногимъ людямъ во Франціи были извѣстны даже имена людей, управлявшихъ конгрегаціею; она дѣйствовала такъ хитро, что въ тѣ времена многіе историки и публицисты даже отвергали существованіе ея политическихъ интригъ. Только послѣ 1830 года, когда найдены были тайныя бумаги конгрегаціи, обнаружилась вся обширность ея вліянія на ходъ событій. „Преступленіе Лувеля не повлекло за собою немедленнаго паденія фаворита, писали предводители конгрегаціи своимъ сочленамъ въ департаментахъ:—но не смущайтесь. Мы стоимъ его съ мѣстою силой, если самъ король не захочетъ прогнать его; а между тѣмъ организуйтесь; ни въ руководствѣ, ни въ дѣльгахъ у васъ не будетъ недостатка“. Роялистскіе салоны волновались. „Деказь, говорили тамъ, продалъ монархію революціонерамъ; кровь герцога Беррійскаго запечатлѣваетъ союзъ его съ либералами. Вы увидите, что слѣдствіе противъ убійцы, которому онъ далъ полную свободу совершить свое дѣло, будетъ заглушено и будутъ приняты всѣ предосторожности, чтобы скрыть отъ Франціи бездну заговора“. Деказь хотѣлъ бороться, опираясь на либераловъ, и роялисты приходили въ неистовство. „Повѣритъ ли Европа? восклицалъ Journal des Débats, бывший тогда органомъ роялистовъ. Этотъ министръ, политика котораго ужасаетъ народы и царей, онъ, бывший до сихъ поръ всемогущимъ противъ вѣрныхъ подданныхъ, безсильный противъ своихъ враговъ и убійца, онъ, вмѣсто того, чтобы раскаяваться, — грѣшитъ своею совѣстью въ темномъ уединеніи, а не въ публичномъ столѣ! Не-

ужели принимает насъ за націю идіотовъ этотъ Бонапарте лакейской? Четыре года наша несчастная страна оставлена была игрушкой въ рукахъ блуднаго сына: онъ не умѣетъ держать бразды правленія въ слабыхъ своихъ рукахъ и потому французы соглашаются жить рабами!“

Руководимые конгрегашею, графъ д'Артуа, герцогъ и герцогиня Ангулемскіе явились къ Людовику XVIII и потребовали удаленія Деказа. „Графъ Деказь защищалъ мою власть противъ людей, не повиновавшихся закону и принуждавшихъ меня идти путемъ, который я осуждаю, сказалъ Людовикъ. Этимъ онъ исполнялъ обязанность вѣрнаго министра. Онъ не предлагалъ ничего такого, что не было бы сообразно съ моими повелѣніями. Въ палатѣ могутъ отдѣлять волю моихъ министровъ отъ моей воли—это понятно; но могутъ ли дѣлать вто различіе, чисто-сердечно и не оскорбляя меня, члены моего семейства? Объявляю вамъ, заключилъ король, разгорячившись отъ противорѣчія, что я никогда не зналъ человѣка съ сердцемъ болѣе открытымъ и искреннимъ, чѣмъ графъ Деказь. Я убѣжденъ, что онъ пожертвовалъ бы жизнью за моего племянника, какъ пожертвовать бы за меня. Я уважаю заблужденіе вашей скорби; моя скорбь не менѣе мучительна, но она не сдѣлаетъ меня несправедливымъ“. Но принцы продолжали настаивать, и слабый старикъ не могъ выдержать борьбы. Утомленный противорѣчіемъ, онъ сказалъ наконецъ: „Вы такъ хотите, постараюсь исполнить ваше желаніе“. Но уступка была глѣдствіемъ безсилія, а не согласія. „День разлуки съ тобою печальнѣйшій день моей жизни, сказалъ онъ Деказу, передавая ему требованіе роялистовъ; ахъ, дитя мое, не тебя, а меня хотятъ они погубить!“ Роялистамъ мало было лишить короля услугъ преданнаго и любимаго министра,—они требовали непременно, чтобы Деказь удаленъ былъ изъ Парижа, изъ Франціи. Людовикъ принужденъ былъ уступить: Деказь отправился посланникомъ въ Лондонъ, въ почетную ссылку. Скорбь короля отъ этой потери была безпредѣльна. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, одна мать, несчастіями разлученная съ дѣтьми, говорила ему о своей тоскѣ по нихъ—глухіе стоны прервали ея рассказъ, она взглянула на короля—у него на глазахъ были слезы: „Ахъ, и у меня отняли сына, проговорилъ онъ, рыдая:—они были безжалостны, они отняли его у меня!“ Онъ гонорилъ о Деказѣ.

На мѣсто Деказа, Людовикъ XVIII призвалъ Ришлье. Но политическія огорченія были слишкомъ свѣжи въ памяти герцога: два раза онъ отказывался отъ порученія составить новое министерство, не желая вновь подвергаться злобѣ роялистовъ. Наконецъ, Людовикъ XVIII призвалъ къ себѣ вѣстѣ съ нимъ графа д'Артуа, и этотъ глава роялистовъ далъ „честное слово благороднаго человѣка“ (*sa parole de gentilhomme*), что его партія будетъ поддерживать Ришлье. Только тогда Ришлье согласился. Мы говорили о безграничной преданности герцога Ришлье династіи Бурбоновъ. Его министерство было составлено изъ людей съ монархическими убѣжденіями, столь же несомнѣнными. Если бы роялисты дѣйствительно хлопотали о строго монархическихъ началахъ, они могли бы быть довольны новымъ кабинетомъ. Отъ ихъ имени, съ ихъ согласія, графъ д'Артуа, называвшійся ихъ главою, обѣщалъ поддержать Ришлье. Посмотримъ, какъ они сдержали это слово.

Новое министерство съ самаго начала исполнило всѣ явныя желанія роялистовъ. Оно возстановило цензуру, которой требовали роялисты, потому что находили себя безсильными выдерживать борьбу съ либералами передъ публикою. Оно

измѣнило законъ о выборахъ, такъ что большіе землевладѣльцы получали въ свои руки исключительную власть назначать депутатовъ, — это было постоянною цѣлью желаній роялистовъ, потому что значительныя помѣстья почти исключительно принадлежали эмигрантамъ, потомкамъ старинныхъ феодаловъ. При Наполеонѣ три четвертыхъ части богатыхъ землевладѣльцевъ были изъ старинныхъ знатныхъ фамилій; по возвращеніи Бурбоновъ, эта пропорція стала еще гораздо больше. Дѣйствительно, новый законъ сдѣлалъ роялистовъ исключительно господствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Либеральная партія, съ каждымъ годомъ усиливавшаяся въ палатѣ при дѣйствіи прежняго закона, дававшаго участіе въ выборахъ владѣльцамъ имѣній средней величины и вущамъ, вдругъ почти совершенно исчезла изъ палаты послѣ новыхъ выборовъ. Весь составъ администраціи былъ измѣненъ въ угодность роялистамъ: подозрительныя имъ лица тысячами были отставлены отъ должностей и замѣнены ихъ кліентами. Наконецъ, повидимому, въ составъ самаго министерства были приняты трое предводителей роялистской партіи. Министерство всѣмъ этимъ довольно доказывало свое желаніе управлять государствомъ сообразно съ явными требованіями роялистовъ; нѣтъ нужды говорить, что въ второстепенныя дѣла велись въ томъ же духѣ, въ какомъ преобразована была администрація и изданы важнѣйшіе законы. Мало того, уступчивость министерства къ роялистамъ доходила до безпримѣрныхъ границъ: когда роялисты бывали недовольны тою или другою подробностью какого нибудь закона, составленнаго министерствомъ въ ихъ духѣ, министры, если не могли согласиться на перемѣны, предлагаемыя роялистами, то просто молчали и при баллотировкѣ не подавали голоса, чтобы не обидѣть взыскательныхъ союзниковъ даже самымъ мелочнымъ разнорѣчіемъ. Но роялисты, не смягчаясь никакою снисходительностію министерства, продолжали каждый день, на каждомъ шагу, язвить и поражать его. Ихъ горячность противъ министровъ пренебрегала даже основными правилами парламентской благопристойности. Вотъ одинъ случай, могущій дать о томъ понятіе. Однажды, жалуюсь роялистамъ на ихъ безпрестанный выходки противъ министерства, оказавшаго имъ такъ много услугъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Пакье, отважился напомнить про обѣщаніе поддержки, данное роялистами новому кабинету при вступленіи его въ дѣла. „Ораторы, нынѣ нападающіе на насъ и выставляющіе насъ своимъ друзьямъ людьми, незаслуживающими довѣрія, сказалъ онъ, должны были бы говорить это тогда, когда заключался союзъ между ними и нами, а не теперь, когда они получили всѣ выгоды отъ этого союза“. Въ отвѣтъ на это, де-Лабурдонне напалъ на личность самого Пакье за то, что Пакье не былъ эмигрантомъ. Пакье оправдывалъ себя тѣмъ, что вся нація оставалась во Франціи въ эпоху Республики и Имперіи. Удалять отъ дѣлъ людей, служившихъ при Наполеонѣ, значило бы отталкивать отъ правительства девяносто-девять сотыхъ частей нація, сказалъ онъ. „Тогда, по крайней мѣрѣ, мы не видѣли бы въ министерствѣ ни васъ, ни другихъ вамъ подобныхъ“, закричалъ въ отвѣтъ Лабурдонне. — „Достопочтенные члены, конечно, не захотятъ формально обвинять насъ“, сказалъ Пакье. — „Нѣтъ, обвиняемъ“, отвѣчалъ Кастельбажакъ, другой роялистъ. Эти отвѣты казались еще недостаточны для Лабурдонне. Черезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ прежнему предмету, онъ спросилъ у г-на Пакье, думаетъ ли онъ, что хотя одинъ членъ политическихъ сношеній съ нимъ?“ С.

Перые имѣлъ полное право замѣтить: „Странное дѣло, министры не хотятъ видѣть, что партія, владычествующая надъ ними, уже не хочетъ ихъ терпѣть; пусть они сколько хотятъ умоляютъ, унижаются: ихъ послѣдній часъ пробилъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, роялисты Вильель и Корбьеръ, бывшіе членами министерства, объявили намѣреніе удалиться отъ должностей, не дожидаясь конца даже первой сессіи, бывшей послѣ новаго закона о выборахъ, доставившаго перевѣсъ роялистамъ. Напрасно Ришлье и Пакье думали купить ихъ содѣйствіе новою уступкою, предлагали имъ портфели: Вильель и Корбьеръ удалились изъ Парижа, чтобы не участвовать въ совѣщаніяхъ кабинета, и скоро подали въ отставку.

Чего же хотѣли роялисты? чѣмъ были недовольны они, когда Ришлье и его товарищи съ полной готовностью исполняли всѣ ихъ требованія? подунаетъ читатель. Нѣтъ, послѣднее выраженіе не точно; пусть читатель припомнить, что мы постоянно употребляли фразу: всѣ явныя требованія роялистовъ, а не говорили просто: всѣ требованія. Дѣло въ томъ, что у этой партіи задушевными желаніями были стремленія, о которыхъ не находила она полезнымъ говорить публично. Какое было отношеніе этихъ задушевныхъ мыслей къ королевской власти, покажетъ пока одинъ примѣръ. Министры внесли законъ о муниципальномъ устройствѣ, т. е. объ организаціи городской и сельской администраціи. Почти всѣ мѣстныя начальства избирались по этому проекту богатѣйшими землевладѣльцами; администраціи почти вся переходила во власть потомства древнихъ феодаловъ; кажется, роялисты могли быть довольны. Но назначеніе префекта предоставлялось королю. Роялисты вскипѣли негодованіемъ на такой деспотизмъ. Они хотѣли до поры до времени кричать, что они роялисты, т. е. люди исключительно преданные царствующей династіи; но уже и теперь находили нужнымъ вести дѣла такъ, чтобы королю не оставалось ни малѣйшаго участія въ управленіи государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ королю власть, если могутъ отнять ее у него люди, столь преданные ему, какъ роялисты?

Тогда-то Людовикъ XVIII изъ глубины оскорбленной души воскликнулъ: „я отдавалъ имъ права моей короны; они отвергають меня. Это хорошій урокъ“. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему принимать въ подарокъ то, что можно взять по праву собственности силы, или интриги? Уступка стѣснительна, она обяываетъ быть снисходительнымъ; насильственная побѣда лучше: завоеватель не обязанъ быть благодаренъ.

Роялисты, благодаря закону о выборахъ, составленному министерствомъ Ришлье, видѣли себя властелинами Франціи, къ чему же было имъ церемониться съ королемъ? И потому, когда снова собралась палата депутатовъ въ концѣ 1821 года, роялисты, при своемъ огромномъ большинствѣ въ ней могшіе дѣйствовать уже откровеннѣе прежняго, первымъ своимъ долгомъ почли нанести личную дерзкую обиду королю: нужно же было доказать ему, что они сильнѣе его. Каждая сессія палаты, по общему обычаю всѣхъ парламентскихъ правительствъ, вачинается составленіемъ адреса, въ отвѣтъ на рѣчь, произносимую королемъ при открытіи парламента. Правительство, зная враждебный духъ палаты депутатовъ, постаралось до того сгладить тронную рѣчь, чтобы въ ней не осталось ничего, кромѣ общихъ фразъ, и не было ни малѣйшаго предлога къ какой нибудь придирукѣ въ отвѣтномъ адресѣ. Напрасно. Обычной фразы всѣхъ безъ исключенія тронныхъ рѣчей о мирныхъ отношеніяхъ правительства съ иностранными державами было достаточно роялистамъ, чтобы найти случай къ личной обидѣ короля. „Наши отноше-

нія съ иностранными державами не переставали быть дружескими и я имѣю твердую увѣренность, что они останутся такими же впредь“, сказалъ король въ тронной рѣчи. Коммиссія роялистовъ, составлявшая адресъ, предложила палатѣ отвѣчать на это слѣдующими словами: „Мы радуемся, государь, постоянно дружескимъ отношеніямъ вашимъ съ иноземными державами, въ справедливой увѣренности, что миръ, столь драгоценный, не купленъ пожертвованіями, несовѣстными съ честью націи и достоинствомъ короны.“

Министры ужаснулись, когда докладчикъ коммиссіи, горячій роялистъ Делало, прочелъ палатѣ проэктъ адреса. Пакье тотчасъ же вошелъ на трибуну и потребовалъ уничтоженія параграфа, обиднаго для короля. „Король не можетъ унижать достоинства своей короны, сказалъ онъ: — всякій намекъ объ этомъ непочтителенъ и палата не захочетъ подать такой примѣръ“. — „Какъ! вскричалъ де-Серръ, министръ внутреннихъ дѣлъ: — вашъ президентъ пойдетъ сказать королю въ лицо, что палата имѣетъ справедливую увѣренность, что король не надѣлалъ низостей! Это смертельная обида“. Но министры ошибались, полагая обязанностью роялистской палаты не наносить оскорбленія королю: она иначе понимала свой долгъ. Если допустить теорію министровъ, отвѣчалъ Делало отъ имени коммиссіи: — то отвѣты палаты на тронныя рѣчи должны бы ограничиваться простыми парафразами тронныхъ рѣчей, предназначенныхъ скрывать отъ короля всякую истину. Обязанность палаты не такова. Говоря отъ имени страны, палата обязана говорить съ монархомъ такимъ языкомъ, который высказывалъ бы королю о правительственныхъ дѣйствіяхъ не мнѣніе министровъ, а мнѣніе Франціи“. Адресъ, составленный коммиссіею, былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій палатою по огромному большинству голосовъ.

Людовикъ XVIII былъ глубоко оскорбленъ. По обычному порядку, аудіенція для представленія адреса королю вазвачалась президенту, вице-президентамъ и особенной депутаціи, избираемой палатою на этотъ случай, въ тотъ же самый день, какъ онъ былъ принимаемъ палатою. Теперь король цѣлыхъ три дня не назначалъ этой аудіенціи; наконецъ было объявлено палатѣ, что король допускаетъ къ представленію адреса только президента палаты съ вице-президентами, не желая принимать депутацію. Президентъ, явившись на аудіенцію, хотѣлъ по обычаю прочесть адресъ. Людовикъ, сидѣвшій съ гнѣвнымъ лицомъ, остановилъ его, взялъ у него бумагу и, не взглянувъ на нее, сказалъ:

„Я знаю адресъ, представляемый вами.“

„Въ изгнаніи, среди преслѣдованій, я поддерживалъ мои права, честь моего дома и французскаго имени. Занималъ престолъ и окруженный моимъ народомъ, я негодую при одной мысли, чтобы я могъ когда нибудь пожертвовать честью моей націи и достоинствомъ моей короны.“

„Я хочу думать, что большая часть тѣхъ, которые вотировали этотъ адресъ, не взвѣсили всѣхъ его выраженій. Если бы они имѣли время обсудить ихъ, они не допустили бы предположенія, о которомъ я, какъ король, не долженъ говорить, о которомъ я, какъ отецъ, желалъ бы забыть“.

Король могъ оскорбляться сколько его душень было угодно, но онъ долженъ былъ покоряться. Министерство прибѣгло къ новымъ уступкамъ, чтобы смягчить роялистовъ. Негодованіе короля мало подѣйствовало на нихъ; нужно было гнѣвъ замѣнить смиреніемъ. Министерство представило проекты двухъ законовъ, которыми

думало угодить роялистамъ, кричавшимъ противъ вольнодумства газетъ. Оно предложило усилить и продлить еще на пять лѣтъ временно-существовавшую тогда цензуру. Но роялисты вдругъ обратились въ яростныхъ защитниковъ свободы, и проклинали деспотическія желанія министровъ.

Съ каждымъ днемъ нападенія роялистовъ на кабинетъ становились ожесточеннѣе. Ни одно дѣйствіе, ни одно слово правительства не избѣгало самыхъ бурныхъ порицаній. Король долженъ былъ уступить. Ришлье и его товарищи подали въ отставку. Графъ д'Артуа ввелъ къ королю Вильеля для составленія новаго, чистороялистскаго министерства. 15 декабря 1821 года было обнародовано королевское повелѣніе, назначавшее Вильеля министромъ финансовъ, Корбьера министромъ внутреннихъ дѣлъ и другихъ предводителей роялистской партіи министрами другихъ департаментовъ. Изнуренный шестилѣтнею борьбою, король отступился отъ всякаго участія въ управленія государствомъ. „Наконецъ, г. Вильель торжествуетъ, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей. Я мало знаю людей, входящихъ съ нимъ въ мой кабинетъ; надѣюсь, они будутъ такъ разсудительны, что не послѣдуютъ слѣпо всѣмъ страстямъ роялистовъ. Впрочемъ, я удаляюсь въ ничтожность съ настоящей минуты. *Au reste je m'annule dès ce moment*“.

Дѣйствительно, король былъ принужденъ роялистами отказаться отъ всякой мысли объ участіи въ правленіи. Даже списокъ новаго министерства былъ составленъ безъ малѣйшаго вмѣшательства его воли. Конгрегация выбрала своихъ членовъ въ министры, кого и какъ хотѣла, даже не совѣщаясь съ королемъ.

Такъ держали себя роялисты относительно королевской власти. Не только тогдашніе либералы, умѣренные представители скромныхъ желаній средняго сословія, но самые заклятые республиканцы не могли бы топтать и власть, и личность короля съ такой непреклонной дерзостью. Вступленіе роялистовъ въ кабинетъ короля было, по собственному выраженію короля, аннулированіемъ короля.

Путемъ безпощадной борьбы противъ короля достигли роялисты власти. Посмотримъ теперь, на достиженіе какихъ цѣлей будутъ они употреблять свою власть. Быть можетъ, цѣль не совсѣмъ похожа на средства; быть можетъ, дѣйствія роялистскаго правительства окажутся болѣе согласны съ интересами престола и царствовавшей династіи, нежели способы, которыми роялисты захватили власть.

II.

Министерство Вильеля.—Испанская экспедиція.—Полное владичество роялистовъ.—Они издаютъ законы, противные интересамъ монархической власти.—Ультрамонтанцы и бѣлое духовенство.—Карлъ X.—Выдача вознагражденія эмигрантамъ.—Возстановленіе найоратствъ.—Распаденіе между роялистами; оппозиція Шатобріана и оппозиція Лабурдонне.—Законъ о книгопечатаніи.—Новые выборы.—Паденіе Вильеля.—Умѣренное министерство Мартиньяка.—Оно беспокоитъ іезуитовъ.—Роялисты обращаются противъ Карла X.—Путешествіе Карла X по восточной Франціи.—Роялисты убѣждаютъ его прекратить снисходительность къ либераламъ.—Министерство Полиньяка.—Отношенія партій передъ іюльскими днями.—Политика, наиболѣе выгодная для династіи.—Союзъ династіи съ роялистами совершенно противенъ ея интересамъ.—Отношенія либераловъ къ народу.—Характеръ министерства Полиньяка.—Безпокойство овладѣваетъ Франціею.—Адресъ палаты депутатовъ.—Она распушена.—Новые выборы.—Слухи о насильственныхъ мѣрахъ.—Русскій Императоръ и Меттернихъ хотятъ спасти Карла X.—Іюльскія повелѣнія.—Катастрофа.—Поведеніе роялистовъ.—Крайняя трусость либераловъ.—Безвредность ихъ торжества для королевской власти и безполезность его для народа. (1821—1830).

Первый важный вопросъ, представившійся министерству Вильеля, былъ возбужденъ испанскими дѣлами. Намъ нѣтъ нужды излагать событія, влѣдствие

которыхъ Фердинандъ VII, король испанскій, принужденъ былъ въ 1820 году возстановить конституцію, которую принялъ при своемъ возвращеніи въ Испанію въ 1814 году. Довольно будетъ сказать, что часть аристократіи, а еще болѣе іезуиты, игравшіе до того времени при дворѣ важнѣйшую роль, были страшно недовольны принятіемъ конституціи и во многихъ мѣстахъ пытались поднимать возстаще, чтобы низвергнуть ее вооруженною рукой. Испанское духовенство, находившееся подъ вліяніемъ іезуитовъ, принимало главнѣйшее участіе въ этихъ возстаніяхъ; архіепископы и епископы были чаще всего предводителями инсургентовъ. Но ихъ усилія были напрасны: инсургенты были побѣждены повсюду и принуждены искать убѣжища въ пиринейскихъ горахъ на французскихъ границахъ.

Во Франціи испанскіе событія пробуждали самый живой интересъ: либералы и роялисты видѣли своихъ братьевъ въ испанскихъ приверженцахъ и противникахъ конституціи. Роялистскіе журналы громко требовали, чтобы Франція послала въ Испанію войско на помощь инсургентамъ.

Но Людовикъ XVIII былъ чрезвычайно мало расположенъ тратить деньги и кровь своихъ подданныхъ на возстановленіе безпорядочнаго и чрезвычайно жестокаго управленія, которымъ Фердинандъ VII возстановилъ противъ себя всѣхъ, защищавшихъ его корону противъ Наполеона. Французскій король говорилъ о характерѣ Фердинанда VII въ выраженіяхъ столь рѣзкихъ, что мы не хотимъ здѣсь повторять ихъ, считалъ его человѣкомъ, не заслуживающимъ ни малѣйшаго сочувствія или уваженія.

Мнѣніе Людовика XVIII, конечно, не имѣло тогда большой важности во Франціи: роялисты, какъ мы видѣли, отняли у короля вліяніе на дѣла. Гораздо важнѣе было то, что Вильель, душа министерства, также не хотѣлъ помогать инсургентамъ. Французскіе финансы только еще начинали приходить въ нормальное положеніе послѣ страшныхъ пожертвованій, какихъ стоили наполеоновскія войны, а потомъ примиреніе съ Европой. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Вильель имѣлъ одно достоинство: онъ старался соблюдать акономію въ государственныхъ расходахъ и хотѣлъ возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ. Войною въ Испаніи разстроились бы французскіе финансы, потому Вильель никакъ не соглашался на нее. Отрывки изъ его дружескихъ писемъ къ Шатобриану, бывшему посланникомъ на веронскомъ конгрессѣ, могутъ доказать искренность и твердость его отвращенія противъ испанской экспедиціи. „Въ нынѣшнемъ году за всѣми расходами останется 25,000,000 франковъ, писалъ онъ. Зачѣмъ эти несчастныя иностранныя дѣла мѣшаютъ такому благосостоянію? Война будетъ имѣть гибельное вліяніе на наши фонды, нашу морскую торговлю, нашу промышленность. Не смотря на продажныя декламации нѣсколькихъ газетъ (Вильель говоритъ о роялистскихъ газетахъ, требовавшихъ войны), здравое и общее мнѣніе отвергаетъ войну; постарайтесь, мой другъ, всѣми силами отворотить это несчастіе. Да пощадитъ Богъ наше отечество и Европу отъ этой войны, которая, предсказываю съ полнымъ убѣжденіемъ, будетъ гибельна для Франціи“.

Дѣйствительно, при одномъ слухѣ о войнѣ, государственные фонды понизились на девять франковъ; финансовыя операціи для правительства стали затруднительны, торговля у

Газеты, во

амѣстность войны; но

онѣ были малочисленны; огромное большинство роялистскихъ газетъ настойчиво требовало войны, повинаясь внушеніямъ конгрегаціи. Инструкціи этого тайнаго общества произвели въ дѣйствіяхъ французскаго правительства явленія почти безпримѣрныя въ исторіи. На веровскомъ конгрессѣ долженъ былъ обсуждаться испанскій вопросъ. Уполномоченнымъ отъ Франціи былъ посланъ на конгрессъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Монморанси. Министерство, руководимое Вильелемъ, дало ему инструкцію, по которой онъ долженъ былъ всячески стараться избавить Францію отъ обязательства вмѣшиваться въ испанскія дѣла. Конгрегація приказала ему дѣйствовать иначе, и Монморанси придалъ переговорамъ объ Испаніи оборотъ совершенно противный своимъ инструкціямъ. Министерство не могло терпѣть такого нарушенія обязанностей и Монморанси былъ удаленъ. Мѣсто его занялъ Шатобріанъ. Знаменитый поэтъ былъ другъ Вильеля, но поступилъ еще лучше, нежели Монморанси. Первый французскій уполномоченный, дѣйствуя противъ своихъ обязанностей, по крайней мѣрѣ, сообщалъ о томъ главѣ министерства; Шатобріанъ почелъ выгоднѣйшимъ для своихъ цѣлей обманывать кабинетъ. Въ депешахъ къ Вильелю онъ представлалъ въ фальшивомъ свѣтѣ совѣщанія конгресса; запутывал переговоры такимъ образомъ, чтобы Франція получила отъ Европы порученіе послать войско въ Испанію, онъ представлялъ себя кабинету вѣрный исполнитель инструкцій министерства и обманулъ Вильеля до такой степени, что, по возвращеніи въ Парижъ, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Мы не говоримъ уже о сопротивленіи роялистовъ желаніямъ короля, — они давно не щадили его, давно лишили его власти; ихъ поступки въ испанскомъ дѣлѣ представляютъ особенность болѣе замѣчательную: правительство было составлено по ихъ желанію изъ вѣрнѣйшихъ предводителей ихъ собственной партіи; они идутъ наперекоръ даже этому министерству, они заставляютъ агентовъ министерства измѣнять ему. Въ исторіи дипломатики интрига и обманъ вовсе не рѣдкость; но до такой степени дипломатической измѣны, какъ Шатобріанъ, не доходили ни пошлые агенты Помпадуръ и Дюбарри, ни самъ Талейранъ. Посланники Людовика XV обманывали свое министерство, но они могли извиняться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что дѣйствуютъ сообразно тайнымъ инструкціямъ короля. У Шатобріана не было и этого извиненія. Онъ обманывалъ и короля, и министровъ вмѣстѣ. Всѣ законныя власти Франціи были преданы имъ за одинъ разъ въ угодность людямъ, не имѣвшимъ никакого права руководить хотя бы самымъ ничтожнымъ дѣломъ, преданы въ угодность людямъ, которые не смѣли даже публично произносить своего имени, скрываясь отъ взоровъ націи. Министры Людовика XV, обманывавшіе другъ друга, были, по крайней мѣрѣ, во враждѣ между собою; притомъ же они и не имѣли притязанія выдавать себя за честныхъ людей; Шатобріанъ обманывалъ своего друга, обманывалъ въ то самое время, когда возвышался въ министры его довѣріемъ и не переставалъ считать себя человекомъ благороднымъ. Таковы-то были интриги тайныхъ руководителей роялистской партіи, что даже люди, по природѣ своей честные, не колеблясь, совершали низости по ихъ внушенію. Еслибъ мы не знали, кто управлялъ конгрегаціею, руководившею роялистами, мы уже по этимъ однимъ признакамъ безошибочно отгадали бы іезуитовъ.

Знаменитое іезуитское правило говорить, что цѣль оправдываетъ средства: быть можетъ, Шатобріанъ и ему подобные, не пренебрегая никакими средствами для возвращенія произвольной власти надъ Испаніей Фердинанду VII, могли по

крайней мѣрѣ оправдываться сани передъ собою возвышенностію своей цѣли. Нѣтъ, Шатобрианъ думалъ о Фердинандѣ точно также, какъ и Людовикъ XVIII, и очень хорошо зналъ, что его жестокіе капризы были и будутъ стыдомъ для имени Бурбоновъ. Конечно, большая часть роялистовъ думала точно также о чловѣкѣ, которому хотѣла помогать.

Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ они такъ ревностно хлопотали объ испанской экспедиціи?—Предводителями испанскихъ инсургентовъ были іезуиты, управлявшіе Фердинандомъ; руководителями роялистовъ были іезуиты, управлявшіе конгрегаціей. Потому и король, и роялистское министерство должны были отказаться отъ убѣжденія, что испанская экспедиція будетъ вредна для Франціи.

Приближалось время, когда должна была собраться палата депутатовъ. Министры совѣщались о томъ, какалъ политика по испанскому вопросу будетъ выражена въ тронной рѣчи. Не дальше, какъ за семь мѣсяцевъ передъ тѣмъ, при открытіи предъидущей сессіи, король говорилъ: „только зложелательность можетъ приписывать нашимъ дѣйствіямъ намѣреніе вмѣшаться въ испанскіи дѣла“. Теперь Вильель снова утверждалъ, что тронная рѣчь должна отвергать испанскую экспедицію, требуемую большинствомъ роялистскихъ газетъ. Но Корбьеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, показалъ ему письмо отъ одного изъ роялистскихъ депутатовъ, который писалъ: „министры компрометируютъ свое положеніе, замедляя вступленіе нашихъ войскъ въ Испанію. Ихъ колебаніе до того раздражаетъ роялистовъ, что всѣ вновь избранные депутаты показываютъ твердую рѣшимость низвергнуть министерство, если тронная рѣчь не будетъ содержать формальнаго, положительнаго объявленія о немедленномъ вторженіи въ Испанію“. Нѣкоторые другіе министры подтвердили предостереженіе своего товарища. Вильель долженъ былъ уступить. Тронная рѣчь положительно объявила, что сто тысячъ войска готовы вступить въ Испанію. Вся Франція волновалась отъ негодованія; государственные фонды упали еще на четырнадцать франковъ, съ 89 на 75.

Вильелю приходилось теперь играть такую же роль, до какой прежде унижалъ онъ герцога Ришлье. Онъ долженъ былъ трепетать роялистскаго большинства палаты депутатовъ, т. е. трепетать своей собственной партіи.

Испанская экспедиція была удачна въ военномъ отношеніи; крайніе роялисты торжествовали. Вильель долженъ былъ исполнять всѣ ихъ требованія. На первый разъ эти требованія относились къ двумъ предметамъ. Роялисты желали воспользоваться своимъ торжествомъ, чтобы какъ можно долѣе удержатъ за собою власть. Они хотѣли, чтобы прежній пятилѣтній срокъ существованія палаты былъ замѣненъ семилѣтнимъ и произведены были новые выборы. Съ тѣмъ вмѣстѣ они требовали, чтобы власть духовенства надъ гражданскими дѣлами была увеличена. Вильель уступилъ въ томъ и другомъ.

Продолжительный срокъ безсмѣннаго существованія одной и той же палаты депутатовъ давалъ ей больше независимости отъ правительства. Это не нуждается въ объясненійхъ. Но для тѣхъ читателей, которые незнакомы съ положеніемъ французскаго духовенства, нужно сказать нѣсколько словъ о характерѣ той части духовенства, пользавъ которой служили роялисты.

Не смотря на безбрачіе приходскаго духовенства въ католическихъ земляхъ, между приходскимъ или бѣлымъ духовенствомъ и монахами существуетъ въ нихъ коренная разница, которая во Франціи обнаруживается сильнѣе, нежели гдѣ ни-

будь. Нѣтъ надобности быть католиномъ, чтобы сочувствовать потребностямъ приходскаго духовенства во Франціи. Большая часть его отличается христіанскими добродѣтелями. Исполняя свои религіозныя обязанности, приходскій священникъ, во Франціи вообще чуждается политическихъ интригъ; онъ вѣренъ своей національности и не питаетъ вражды къ свѣтской власти, въ которой, напротивъ, ищетъ себѣ опоры противъ самовластия ультрамонтанцевъ. Совершенно иное дѣло французскіе монахи. Какъ бы ни назывался на бумагѣ ихъ орденъ, почти всѣ они іезуиты; разныя названія, придумываемыя ими для себя, служатъ только къ тому, чтобы скрыть принадлежность ихъ къ іезуитскому ордену. Между тѣмъ какъ приходское духовенство вообще поддерживаетъ національные интересы, іезуиты всѣ поголовно ультрамонтанцы, и интересы Франціи для нихъ ничтожны въ сравненіи съ выгодами ордена и папской власти, которая обыкновенно находится подъ ихъ вліяніемъ. Всѣ проникательныя французскія правительства со временъ Генриха IV. какія бы чувства ни питали относительно католической религіи, находились въ необходимости бороться противъ ультрамонтанцевъ. Отъ этихъ явныхъ, или тайныхъ іезуитовъ происходятъ всѣ скандалы, которыми компрометируется католицизмъ во Франціи. Они заводятъ въ семействахъ интриги, чтобы доставлять своимъ конгрегаціямъ богатыя пожертвованія, изъ которыхъ почти каждая соединена съ отнятіемъ имущества у законныхъ наслѣдниковъ. Ихъ конгрегаціи ведутъ обширныя торговныя спекуляціи всякаго рода, приобрѣтаютъ огромныя помѣстья и дома, вообще владѣютъ громадными богатствами, между тѣмъ какъ приходское духовенство вообще терпитъ сильную нужду. Почти всѣ французскіе епископы и прелаты выходятъ изъ конгрегацій и остаются подъ ихъ вліяніемъ. Изъ двадцати французскихъ епископовъ едва ли найдется одинъ, который не былъ бы ультрамонтанцемъ, т. е., іезуитомъ, врагомъ французской національности и гражданскаго французскаго правительства, каково бы оно ни было.

Когда говорится о политической силѣ духовенства во Франціи, тутъ всегда разумѣется исключительно ультрамонтанская партія, состоящая изъ различныхъ конгрегацій и владѣющая почти всѣми епископствами. Она враждебна національному приходскому духовенству, но чрезъ епископовъ имѣетъ надъ нимъ полную власть, которой пользуется чрезвычайно притѣснительно.

Такимъ образомъ, когда мы слышимъ о враждѣ или дружбѣ французскаго правительства съ духовенствомъ, вовсе не надобно полагать, чтобы этимъ означалось покровительство или гоненіе со стороны правительства относительно огромнаго большинства французскаго духовенства. Напротивъ, дѣло идетъ только объ отношеніяхъ правительства къ іезуитамъ, располагающимъ конгрегаціями и властью епископовъ, посредствомъ которой они угнетаютъ бѣлое духовенство, т. е., огромное большинство духовнаго сословія во Франціи. Вообще приходское духовенство, достойное всякаго уваженія, отдыхало во Франціи только тогда, когда правительство вооружалось противъ ультрамонтанской партіи, называющей себя исключительно представительницею католическихъ интересовъ, но въ сущности заботящейся вовсе не о пользахъ религіи, а единственно о приобрѣтеніи богатствъ и о подчиненіи свѣтской власти іезуитскому вліянію.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы улучшить положеніе французскаго духовенства вообще, а исключительно о доставленіи богатствъ и власти членамъ конгрегацій. Почти всѣ приходскіе священники во

Франціи, какъ мы сказали, жили скудно, получая очень небольшое жалованье. Конгрегация, заставляя министерство Вильеля исполнять свои требованія, и не подумала объ улучшеніи состоянія этихъ бѣдняковъ. Она требовала только, чтобы епископамъ, находившимся подъ властью іезуитовъ, было отдано управленіе свѣтскихъ училищами, какъ было въ старину, и чтобы епископамъ возвращена была гражданская власть, которой пользовались они въ XVIII вѣкѣ. То и другое было исполнено. Іезуиты овладѣли министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ профессора, нерасположенные къ іезуитамъ, въ томъ числѣ Гизо, были удалены отъ чтенія лекцій. Префекты и вся провинціальная администрація должны были повиноваться епископамъ.

Кто хотя нѣсколько знакомъ съ французскою исторіею, тотъ знаетъ, что монархическая власть во Франціи возвысилась борьбою противъ притязаній ультрамонтанизма. Теперь правительство было принуждено подчиниться ему. Свѣтское могущество духовенства, т. е., епископовъ и монастырей, составляло одну основу феодальнаго порядка, враждебнаго монархической власти. Другою основою феодализма было могущество свѣтскихъ аристократовъ, пользовавшихся почти самодержавною властью въ своихъ огромныхъ помѣстьяхъ. Одной цѣли роялисты достигли, надобно было позаботиться о достиженіи другой. Первымъ шагомъ къ тому представлялось вознагражденіе эмигрантовъ за помѣстья, конфискованныя во время революціи.

Пока былъ живъ Людовикъ XVIII, феодалы никакъ не могли исполнить этого желанія. Но теперь счастье было рѣшительно на ихъ сторонѣ. 16-го сентября 1824 года Людовикъ XVIII скончался и на французскій престолъ вступилъ графъ д'Артуа, бывший до сихъ поръ предводителемъ роялистовъ, по крайней мѣрѣ, по имени, если не на самомъ дѣлѣ, и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ конгрегации.

Далеко уступая умственными способностями Людовику XVIII, Карлъ X не замѣчалъ противоположности между желаніями роялистовъ, стремившихся возстановить феодальное устройство, и потребностями королевской власти, которая усилилась во Франціи безпощаднымъ сокрушеніемъ силы феодаловъ и могла поддерживаться только въ такомъ случаѣ, если продолжала защищать отъ нихъ націю. Роялисты могли теперь дѣйствовать отважнѣе прежняго, благодаря іезуитамъ, совершенно ослѣпившимъ новаго короля. Въ минуту смерти Людовикъ XVIII призывалъ ребенка, на которомъ покоились надежды продолженія старшей линіи Бурбоновъ и, благославляя его, печально сказалъ: „пусть бережетъ мой братъ корону этого ребенка“. Онъ предчувствовалъ, что довѣріе Карла X къ роялистамъ будетъ гибельно для его династіи.

Дѣйствительно быстро послѣдовали одинъ за другимъ законы, возстановлявшіе противъ королевской власти національное чувство, возвышавшіе феодализмъ на счетъ королевской власти. Изъ нихъ мы упомянемъ только о немногихъ важнѣйшихъ.

Первымъ дѣломъ роялистовъ при новомъ королѣ было вытребовать вознагражденіе за помѣстья, конфискованныя у эмигрантовъ. Напрасно самыми точными разсчетами доказывалось, что милости, какими пользовались эмигранты въ теченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ со времени реставраціи, съ избыткомъ вознаграждали всю потерю, понесенную ими прежде. Доходы проданныхъ помѣстій не простира-

лись и до 50 миллионъ франковъ; эмигранты подъ формою жалованья и пенсій у же получали ежегодно отъ государства болѣе 70 миллионъ. Но дохода имъ было мало: они желали восстановленія владѣній, которыя ставили бы ихъ въ независимость отъ королевской власти. Вильель долженъ былъ предложить законъ о выдачѣ роялистамъ тысячи миллионъ франковъ за имѣнія, проданныя во время революціи. Невидимому, роялисты могли быть довольны: оцѣнка, составленная ими самими, показывала, что цѣнность проданныхъ имуществъ не превышала этой суммы. Но ревностнѣйшіе роялисты напали на проектъ Вильеля, за его преступную снисходительность въ революціонерамъ. „Упаываютъ на статью конституціи, гарантирующую покупателямъ конфискованныхъ имѣній неприкосновенность ихъ собственности, говорилъ Лабурдонне:—но эта статья была и могла быть только простою политическою мѣрою; она могла обезпечивать покупателямъ владѣніе купленными имуществами, но не могла дать имъ права собственности на эти имущества. Право собственности дается только исполненіемъ условій, которымъ подлежить всякая продажа имущества по распоряженію государственной власти; именно, тутъ необходима была бы выдача вознагражденія прежнему владѣльцу до вступленія покупателя во владѣніе продающимся имуществомъ. Одно изъ двухъ: или такъ называемыя національныя собранія временъ революціи были собраніями незаконными, и въ такомъ случаѣ всѣ ихъ декреты—только насильственные мѣры, лишенные законной силы; этими мѣрами у эмигрантовъ могло быть отнято фактическое пользованіе имуществами, но не могло быть отнято законное право собственности; или же революціонныя собранія были законною властію, — тогда эмигранты, по закону лишившись своихъ имуществъ, не имѣютъ никакого права ни на малѣйшее вознагражденіе. Проектъ, представленный министрами, обманываетъ всѣ надежды. Онъ не даетъ эмигрантамъ столько, чтобы удовлетворить ихъ и тѣмъ обезпечить покупателей конфискованныхъ имуществъ отъ дальнѣйшихъ требованій со стороны эмигрантовъ. Этотъ проектъ — чистый обманъ“. Такимъ образомъ Лабурдонне довольно ясно намекалъ, что эмигранты могутъ быть довольны лишь однимъ тѣмъ, когда продажа помѣстій будетъ объявлена неимѣющею законной силы и помѣстья будутъ отняты у настоящихъ владѣльцевъ и возвращены прежнимъ. Другой роялистъ, де-Бомонъ, высказался еще прямѣе: „король не имѣетъ власти утверждать незаконную конфискацію имуществъ цѣлаго класса своихъ подданныхъ, какъ не имѣетъ власти отнимать имущество у отдѣльнаго человѣка. Конституція, гарантируя продажу конфискованныхъ имуществъ, имѣла въ виду только одно то, чтобы оградить покупателей отъ судебного преслѣдованія со стороны законныхъ владѣльцевъ за несправедливое пользованіе доходами помѣстій въ прежніе годы. Что же нужно сдѣлать теперь?—возвратить каждому то, что ему принадлежитъ: помѣстья возвратитъ эмигрантамъ, а покупателямъ выдать вознагражденіе“. Либералы справедливо утверждали съ своей стороны, что проектъ, представленный министерствомъ, составляетъ только первый шагъ на пути вознагражденій эмигрантамъ. „Мы теперь только вступаемъ на дорогу вознагражденій, сказалъ генераль Фуа, одинъ изъ немногихъ либеральныхъ членовъ палаты. Законъ этотъ объявляетъ эмигрантовъ имѣющими право на полученіе всей цѣнности ихъ проданныхъ имѣній. Они скажутъ, что имъ заплатили не всю цѣнность этихъ имѣній, и останутся кредиторами общества, кредиторами тѣмъ болѣе грозными, что овладѣли всѣми правительственными мѣстами. Естественнымъ залогомъ, обезпечивающимъ креди-

тору долгъ, служить помѣстье, за которое взыскивается долгъ. Какой же покупатель заснетъ спокойно подѣ страхомъ такого долга? Дѣйствительно, покупщики конфискованныхъ имѣній должны были опасаться всего. Даже де-Бомонъ не высказалъ еще послѣдней задушевной мысли роялистовъ. Онъ говорилъ о возвращеніи помѣстій эмигрантамъ, но упоминалъ о вознагражденіи покупателейъ. Когда пренія разгорячили членовъ палаты, явился ораторъ, высказавшійся откровеннѣе. Дюплесси де-Гренеданъ потребовалъ возвращенія помѣстьевъ эмигрантамъ безъ всякаго вознагражденія покупателямъ. Давать имъ вознагражденіе, по его словамъ, значило бы признавать ихъ права и дѣлать имъ уступку; а покупка, ими сдѣланная, была незаконна; слѣдовательно они не имѣютъ никакихъ правъ, завладѣли помѣстьями, какъ грабители, и подобно грабителямъ, не могутъ быть вознаграждаемы. „9-ая статья конституціи, прибавлялъ онъ, говоритъ: собственность объявляется неприкосновенною; но тутъ дѣло идетъ только о настоящемъ, а не о будущемъ времени; конституція не говоритъ, что собственность навсегда останется неприкосновенною. Если вникнуть въ истинный смыслъ статьи, мы увидимъ, что она можетъ относиться только въ собственности, приобрѣтенной законнымъ образомъ. Было слишкомъ нелѣпо перетолковывать законъ такъ, чтобы придавать ему смыслъ о неприкосновенности собственности, даже приобрѣтенной воровствомъ. Въ 9-ой статьѣ конституціи подразумѣвается слово „законный“, истинный смыслъ ея таковъ: собственность неприкосновенна, когда приобрѣтена по актамъ, имѣющимъ законную силу“.

Намѣреніе роялистовъ выразилось ясно; трудно описать волненіе, произведенное въ массѣ средняго сословія и даже простолюдиновъ этими преніями. Помѣстья, конфискованныя у эмигрантовъ, были распроданы по большей части мелкими участками; число покупателейъ было огромно. Со времени конфискаціи прошло около 30 лѣтъ; большая часть купленныхъ тогда земель перешла уже въ другія руки по наслѣдству, или черезъ продажу законнымъ путемъ. Теперь всѣмъ этимъ владѣльцамъ угрожала опасность потерять имущество. Династія подвергалась опасности, для того, чтобы потомки прежнихъ феодаловъ могли возстановить свою независимость отъ короны.

Но для возстановленія феодальнаго права недостаточно было стремиться къ возвращенію феодаламъ ихъ прежнихъ владѣній; надобно было также позаботиться о томъ, чтобы могущество знатныхъ фамилій не уменьшалось отъ раздробленія помѣстій по праву наслѣдства, принятаго французскимъ законодательствомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ принятія закона о выдачѣ эмигрантамъ милліарда франковъ, министерство представило палатѣ перовъ законъ, возстановившій право первородства, которымъ въ средніе вѣка поддерживалось феодальное устройство. По гражданскому кодексу, часть отцовскаго имѣнія переходитъ непременно въ наслѣдство дѣтямъ, которыя всѣ получаютъ по-ровну; другая часть предоставлена свободному распоряженію отца и можетъ быть завѣщана имъ кому угодно; если же онъ не сдѣлаетъ распоряженія, она также дѣлится по-ровну между дѣтьми. Роялисты еще не отваживались требовать измѣненія всѣхъ этихъ постановленій. Они требовали, чтобы та часть имущества, которою можетъ располагать отецъ по завѣщанію, не дѣлилась по-ровну между дѣтьми, при отсутствіи завѣщанія, а вся переходила къ старшему сыну въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество состоятъ изъ поземельнаго владѣнія, платящаго не менѣе 300 франковъ прямыхъ податей.

Сверхъ того предоставлялось владѣльцу такого помѣстья обращать его въ субституцію, т. е., дѣлать его майоратомъ, который бы уже не подлежалъ при слѣдующихъ поколѣніяхъ раздѣлу и вѣчно оставался бы въ рукахъ одного только старшаго потомка по нисходящей линіи, который притомъ не могъ при своей жизни продать ни всего имѣнія, ни какой либо части его.

Вліяніе права первородства и субституцій на политическое устройство общества извѣстно каждому. Неминуемымъ слѣдствіемъ этихъ учрежденій бываетъ образованіе поземельной аристократіи, быстро приобретающей больше силы, нежели сколько силы остается у короны. При субституціяхъ и правѣ первородства титулъ короля можетъ сохраняться, но власть его исчезаетъ и государство, нося имя монархіи, въ сущности становится олигархическою республикою.

Проектъ закона, предлагавшійся теперь, конечно, долженъ былъ служить только первымъ шагомъ къ совершенному отиженію раздѣла недвижимой собственности между старшимъ сыномъ и другими дѣтьми, съ предоставленіемъ всего наследства одному старшему сыну. Къ счастью палата перовъ отвергла этотъ проектъ.

Вильель въ глубинѣ души былъ очень радъ несогласію палаты на проектъ, представленный отъ его имени. Онъ самъ не одобрялъ этой мѣры, какъ и многихъ другихъ, которыя долженъ былъ принимать, подчиняясь требованіямъ конгрегаціи.

Послѣ смерти Людовика XVIII конгрегація приобрѣла такое могущество, что уже далеко не каждый роялистъ могъ получить ея покровительство; число прозелитовъ было громадно; иезуиты, руководившіе конгрегаціею, стали очень разборчивы въ раздачѣ своихъ милостей. Многіе изъ роялистскихъ членовъ палаты были обойдены мѣстами, не получили просинныхъ наградъ для своихъ родственниковъ. оттого въ роялистской партіи начались раздоры. Предводителемъ недовольныхъ былъ Шатобріанъ. Вильель не могъ простить ему обмана въ пепанскомъ вопросѣ. Тщеславный поэтъ не былъ способенъ заниматься дѣлами въ кабинетѣ министерства, но въ аристократическихъ салонахъ провозглашалъ себя истиннымъ главою министерства, свысока третируя Вильеля; этимъ усиливался раздоръ между двумя министрами. Наконецъ Шатобріанъ, сердясь на Вильеля за собственную свою ничтожность въ дѣловомъ отношеніи, началъ и въ палатѣ говорить двусмысленныя рѣчи. Доведенный до крайности, Вильель отнялъ у него портфель иностранныхъ дѣлъ. Лишившись мѣста, Шатобріанъ вдругъ обратился въ противника стѣснительныхъ мѣръ, которыхъ прежде требовалъ съ большею горячностью, нежели кто нибудь. Онъ сдѣлался журналистомъ и органомъ своимъ избралъ *Journal des Débats*. Министерство не имѣло болѣе опаснаго врага.

Кромѣ недовольныхъ по личнымъ разсчетамъ, были роялисты, недовольные Вильелемъ по разліию въ политическихъ мѣшяхъ. Съ одной стороны многіе видѣли, что конгрегація заходитъ слишкомъ далеко, что, напримѣръ, угрозы покущикамъ конфискованныхъ имуществъ и усилія возстановить право первородства приведутъ ихъ партію къ паденію; они требовали политики болѣе осторожной, какой хотѣлъ бы слѣдовать и самъ Вильель, если бы могъ. Съ другой стороны находились роялисты, замѣтившіе, что съ Вильелемъ, отъ природы расположеннымъ къ осмотрительности, никогда не пойдутъ феодальныя преобразованія такъ быстро, какъ хотѣлось бы этимъ фанатикамъ, чуждымъ всякаго благоразумія. Роялисты, бывшіе умѣреннѣе Вильеля, сгруппировались около Шатобріана, который теперь очень любовно толковалъ о конституціи, прежде казавшейся ему источникомъ вся-

кнхъ бѣдствій. Роялисты, осуждавшіе медленность Вильеля, имѣли своимъ предводителемъ Лабурдонне, котораго не любила конгрегация и потому не допускала въ министерство. Обѣ эти партіи постоянно усиливались въ палатѣ и начали думать уже о низверженіи Вильеля.

Конгрегация вынудила министерство составить проектъ новаго закона о книгопечатаніи. Обѣ партіи роялистовъ, недовольныя Вильелемъ, соединились съ либералами противъ новаго закона, и Лабурдонне, глава самыхъ горячихъ роялистовъ, заговорилъ языкомъ совершенно либеральнымъ; онъ обвинялъ министровъ въ нарушеніи конституціи. „Утомленная политическими волненіями, говорилъ онъ, Франція хочетъ покоя. Надежду достичь и сохранить его она поставила въ союзѣ династіи съ конституціей. Напрасно горсть людей, увлекаемыхъ страстями, или руководимыхъ воспоминаніями, надѣется разорвать связь между этими двумя гарантіями общественнаго порядка. Вся Франція равно отвергаетъ и тѣхъ, которые желали бы конституціи безъ династіи, и тѣхъ, которые желали бы династіи безъ конституціи; Франція желаетъ, Франціи поддерживаетъ тѣхъ, которые еѣмѣютъ неразрывными узами связать эти два блага. Успѣхъ ожидаетъ ихъ, если они открыто пойдутъ подъ знаменемъ конституціоннаго легитимизма. Франціи обѣщаны были конституціонныя учрежденія; Франція поддерживаетъ конституцію во всей ея цѣлости. Я подаю голосъ противъ министерскаго проекта.“ Два или три года тому назадъ, Лабурдонне призывалъ небесное мщеніе и уголовныя наказанія на людей, защищавшихъ конституцію; теперь онъ самъ объявлялъ, что не хочетъ поддерживать Бурбоновъ иначе, какъ подъ условіемъ соблюденія конституціи. Это было дурнымъ предназначеніемъ для министерства. Правда, законъ былъ принятъ, не смотря на оппозицію Лабурдонне; но изъ 367 депутатовъ уже 134 положили черный шаръ, еще недавно въ урнѣ бывало не болѣе 12 или 15 черныхъ шаровъ.

Принятый палатою депутатовъ проектъ закона былъ перенесенъ въ палату перовъ; ова отвергла его большинствомъ 113 голосовъ противъ 43-хъ. Уже давно оппозиція взяла верхъ въ палатѣ перовъ. Министерство должно было прибѣгнуть къ назначенію 70 или 80 новыхъ перовъ, чтобы возратить себѣ большинство въ верхней палатѣ; но почти всѣ эти назначенія надобно было сдѣлать изъ палаты депутатовъ. Взявъ изъ нея 60 или 70 министерскихъ членовъ, Вильель слишкомъ ослабилъ бы въ ней свое большинство, и безъ того быстро уменьшавшееся. Съ другой стороны Вильель предвидѣлъ, что отсрочивать новыя выборы въ палату депутатовъ до истеченія семилѣтняго срока ея существованія было бы очень опасно. Роялисты съ каждымъ днемъ возстановляли противъ себя общественное мнѣніе. Хотя сословіе тогдашнихъ избирателей исключительно ограничивалось большими землевладѣльцами, жаркими роялистами, но и они начинали понимать, что реакція противъ либерализма переходитъ границы благоразумія. Вильель зналъ, что черезъ два года роялисты потерпятъ пораженіе на выборахъ. Онъ надѣялся, что въ настоящую минуту еще успѣетъ привести выборы въ выгодному для роялистовъ результату. Онъ рѣшился распустить палату, въ которой ве вадѣлся удержать за собою большинство, ожидая, что новыя депутаты будутъ благопріятны ему. Дѣйствительно распусценіе палаты оставалось для него единственнымъ средствомъ избѣжать судьбы, которая постигла герцога Ришлье. Давно уже онъ былъ принужденъ слѣпо исполнять даже и тѣ требованія палаты депутатовъ, которыхъ совер-

шенно не одобрялъ. Скоро палата низвергла бы его, еслибъ онъ не предупредилъ удара, распустивъ ее.

Разсчетъ Вильеля былъ справедливъ; министръ ошибся только въ одномъ: надобно было распустить палату гораздо раньше; роялисты господствовали въ ней слишкомъ долго. Они успѣли слишкомъ ясно высказать свои намѣренія. Самъ Вильель такъ долго подчинялся ихъ неосторожнымъ желаніямъ, что успѣлъ уже безвозвратно компрометировать свое министерство. Выборы, назначенные въ ноябрѣ 1827 года, произведены были подъ вліяніемъ совершеннаго недовѣрія націи къ людямъ, которымъ покровительствовала конгрегація.

Хотя немногочисленные избиратели составляли среди націи совершенно исключительный кружокъ, но все-таки не могли они не подчиниться до нѣкоторой степени голосу общественнаго мнѣнія. Въ прежней палатѣ изъ десяти членовъ девять были роялисты; въ новой голоса раздѣлялись такъ: около 170 роялистовъ, составлявшихъ правую сторону, около 170 либераловъ, составлявшихъ лѣвую сторону, и въ центрѣ около 50 членовъ, бывшихъ прежде горячими роялистами, но теперь увидѣвшихъ опасность пути, по которому шли роялисты, и начавшихъ дѣйствовать самостоятельно.

На другой же день послѣ того, какъ сталъ извѣстенъ результатъ выборовъ. Вильель увидѣлъ необходимость выйти въ отставку. Центръ и лѣвая сторона, составлявшіе теперь большинство, не хотѣли и слышать о переговорахъ съ нимъ; но публика долго ждала перемѣны министерства, потому что Карлъ X, соглашаясь съ Вильелемъ въ необходимости перемѣнить министерство, отвергалъ не только либераловъ, не только депутатовъ центра, но и всѣхъ роялистскихъ предводителей, которые въ прошлой сессіи дѣйствовали противъ Вильеля.

Наконецъ необходимо было рѣшиться, потому что засѣданія новой палаты приближались. Душою новаго кабинета былъ Мартиньякъ, роялистъ, близкій по своимъ мнѣніямъ къ Вильелю, но чуждый связямъ съ конгрегаціею, и потому могшій дѣйствовать умѣреннѣе. Остальные члены министерства также всѣ были роялисты, понимавшіе необходимость разорвать связи съ конгрегаціею, погубившею Вильеля. Въ какомъ духѣ начнется дѣйствовать палата — это зависѣло отъ небольшого числа членовъ, составлявшихъ центръ. Ихъ голоса давали большинство лѣвой или правой сторонѣ; во всякомъ случаѣ министерство должно было управлять въ ихъ духѣ.

Первымъ испытаніемъ силы и взаимныхъ отношеній партій служить выборъ президента палаты. По тогдашнему правилу, палата выбирала пять кандидатовъ, одного изъ которыхъ король утверждалъ президентомъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали, чьихъ кандидатовъ будетъ поддерживать центръ. Большинство получили два депутата изъ центра и трое изъ лѣвой стороны: центръ вошелъ въ союзъ съ лѣвою стороною. Въ досадѣ на депутатовъ центра, король утвердилъ президентомъ одного изъ кандидатовъ лѣвой стороны, Ройе-Коляра. Министерство увидѣло теперь необходимость дѣлать многочисленныя уступки центру и лѣвой сторонѣ, плотно соединившимся для составленія большинства.

Итакъ либералы пользовались теперь довольно значительнымъ вліяніемъ на рѣшеніе палаты. Въ какомъ духѣ измѣнятся законы и администрація по требованію этой партіи, которую провозглашали враждебной Бурбонамъ? Семь лѣтъ она подвергалась непримиримому преслѣдованію отъ роялистскаго министерства,

пользовавшагося большинствомъ въ палатѣ и властью вовсе не по собственной силѣ, а только благодаря покровительству Бурбоновъ: быть можетъ она теперь покажетъ нерасположеніе къ Бурбонамъ? Королемъ былъ теперь тотъ самый графъ д'Артуа, который въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ былъ изъ всѣхъ Бурбоновъ самымъ жесточайшимъ врагомъ либерализма: быть можетъ либералы подумаютъ о стѣсненіи власти, которой располагаетъ ихъ непримиримый гонитель? Читатель едва ли будетъ ожидать этого послѣ тѣхъ фактовъ, кашіе представлѣны въ нашемъ очеркѣ. Либералы теперь видѣли, что министерство не враждебно имъ. Каковы бы ни были чувства Карла X; онъ прежде всего помнилъ обязанности свѣтскаго человѣка, талантами котораго обладалъ въ совершенствѣ; либералы часто являлись теперь во дворецъ по своимъ близкимъ отношеніямъ къ министерству: король принималъ ихъ любезно. Этого было довольно, чтобы они прониклись самыми наивными надеждами. Они воображали, что король понялъ вредъ, какой принесла ему ненужная преданность его крайнимъ роялистамъ; они уже думали, что король раздѣляетъ чувства французскаго общества и готовъ поддерживать новые интересы противъ феодальныхъ стремленій. Заблужденіе было чрезвычайно нелѣпо: люди не мѣняются, имѣя 65 лѣтъ отъ роду. Но забавныя надежды либераловъ показывали, до какой чрезвычайной степени было сильно въ нихъ желаніе дѣйствовать за одно съ королевской властью. Они только о томъ и мечтали, какимъ бы образомъ примирить Бурбоновъ съ французскою націею и упрочить ихъ престолъ.

Въ теченіе полутора года, пока либералы господствовали въ палатѣ, вѣспрасно стали бы мы искать между рѣшеніями палаты хотя одного, сколько нибудь ограничивающаго преимущества королевской власти. Перемѣнъ было произведено много, но ни одна изъ нихъ не касалась правъ престола. Читатель знаетъ, что иначе и не должно было быть. Дѣло шло о томъ, каковы будутъ взаимныя отношенія разныхъ государственныхъ сословій между собою, каковы будутъ законы о наслѣдствѣ, каково будетъ отношеніе свѣтскаго ваціональнаго образованія къ іезуитскому и т. п. Во всѣхъ этихъ спорахъ королевская власть могла бы оставаться совершенно хладнокровною зрительницею; ея собственное положеніе могло ни мало не измѣняться отъ торжества той или другой партіи. Если король участвовалъ въ борьбѣ, то единственно какъ союзникъ той или другой партіи, изъ которыхъ и та, и другая равно нуждалась въ его покровительствѣ и готова была бы самымъ усерднымъ образомъ служить его интересамъ, лишь бы только онъ поддерживалъ ея интересы. Мы возвратимся къ этому предмету, а теперь повторимъ только, что чрезвычайно сильно должны были желать либералы союза съ королевской властью, если надѣялись на возможность союза даже съ Карломъ X, который болѣе сорока лѣтъ былъ слѣпымъ орудіемъ феодальной партіи, и если при первомъ ослабленіи его гоненій отказывались отъ всякаго воспоминанія о его враждѣ къ нимъ.

Правда, роялисты кричали, что либералы заставляютъ короля разрушать свою собственную власть, а Карлъ X довѣрчиво слушалъ обвиненія противъ министровъ, будто бы измѣняющихъ интересамъ династіи. Но какими дѣйствіями либераловъ и министерства возбуждались такіе возгласы, лучше всего покажетъ намъ ходъ прешій о дѣлѣ, возбудившей наибольшее неудовольствіе въ рояли-

стахъ. Эти же самыя пренія представляютъ вамъ новое доказательство того усердія къ королевской власти, которымъ такъ хвалились роялисты.

Если мы екажемъ, что прешія шли о распоряженіи, норазившемъ роялистовъ въ самое сердце, то читателю останется очень небольшой выборъ между разными предположеніями о предметѣ такого распоряженія. Читатель безъ ошибки можетъ сказать, что либералы и министерство коснулись или феодальныхъ правъ свѣтской аристократіи, или господства іезуитовъ надъ французскимъ духовенствомъ: ничто другое не могло бы довести роялистовъ до крайняго ожесточенія. Дѣйствительно, дѣло шло объ іезуитахъ. Коммиссіи, назначенная палатою, открыла, что іезуиты, господствуя подъ разными именами надъ университетскимъ правленіемъ, отважились уже безъ всякаго прикрытія взять въ свои руки восемь семинарій, назначенныхъ для образованія приходскихъ священниковъ. Между тѣмъ, по закону, орденъ іезуитовъ былъ изгнанъ изъ Франціи съ конца XVIII вѣка и законы, его уничтожавшіе, не были отменены: сама конгрегация, руководившая Вильелемъ, не отваживалась формально возстановить орденъ и упорно отрицала его существованіе во Франціи. Теперь палата потребовала дѣйствительнаго исполненія законовъ, уничтожавшихъ іезуитскій орденъ. Министры видѣли необходимость исполнить это всеобщее желаніе французскаго общества, потому что никто не могъ отрицать противузаконности допущенія іезуитовъ во Францію. Министры убѣдили короля издать два повелѣнія, которыми отнималось у іезуитовъ управленіе школами, открыто имъ отданными. Іезуиты не изгонялись изъ королевства, какъ слѣдовало бы по закону: либералы, какъ видимъ, были очень уступчивы; они настояли только на томъ, чтобы преподаваніе не дозволялось такимъ лицамъ, которыя принадлежать къ какому нибудь изъ орденовъ, недопускаемыхъ французскими законами. Мягкость либераловъ простиралась до того, что даже имя іезуитовъ не было упомянуто въ королевскихъ повелѣніяхъ: министры ограничились деликатнымъ обозначеніемъ ихъ подъ формою общей фразы объ орденахъ, недопускаемыхъ закономъ.

Мало того, королевскія повелѣнія, отнимавшія управленіе надъ школами у іезуитовъ, назначили въ пособіе духовнымъ семинаріямъ 1,200,000 франковъ; казалось бы, такой подарокъ достаточно свидѣтельствовалъ объ отсутствіи нерасположенія къ духовенству въ либералахъ. Прибавимъ, что министромъ духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ человѣкъ изъ духовнаго сословія. Но этотъ человѣкъ, аббатъ Фѣтрые, епископъ Бовесскій, не былъ іезуитъ, а король, хотя и со всевозможной мягкостью, рѣшился отстранить іезуитовъ отъ преподаванія. Этого было довольно для того, чтобы всѣ роялисты подняли ожесточенный крикъ противъ личности короля и королевской власти. Роялистскія газеты объявили аббата Фѣтрые Іуліаномъ-отступникомъ, а Карла X Нерономъ и Діоклитіаномъ. Епископы собрались и обнародовали декларацію, отвергавшую права королевской власти и говорившую слѣдующимъ образомъ: „нижеподписавшіеся епископы въ тайнѣ святыхъ, предъ лицомъ всемогущаго Судіи, съ мудростью и незлобіемъ, по словамъ Божественнаго Учителя, разсматривали вопросъ о томъ, что они обязаны воздавать кесарю и что обязаны воздавать Богу. Совѣсть отвѣчала имъ, что лучше повиноваться Богу, нежели людямъ, когда повиновеніе, которымъ они прежде всего обязаны Богу, несовмѣстимо съ повиновеніемъ, требуемымъ у нихъ людьми, и по примѣру Апостоловъ они говорятъ: Non possumus, не можемъ

повиноваться“. Подъ этою деклараціею подписались почти всѣ французскіе епископы.

Повидимому король былъ совершенно въ своемъ правѣ, предписывалъ исполнить законъ. Роялисты громко объявили, что не могутъ повиноваться королю, и рѣшили напечатать декларацію епископовъ въ числѣ ста тысячъ экземпляровъ для раздачи во всѣхъ церквахъ королевства. Правительство принуждено было обратиться въ папѣ; онъ объявилъ королевскія повелѣнія совершенно справедливыми. Тогда епископы должны были покориться, но крайней мѣрѣ формальнымъ образомъ; но сопротивленіе роялистовъ волѣ короля не окончилось: съ той поры однимъ изъ лозунговъ роялистской партіи становится непреклонная защита совершенной независимости преподаванія отъ правительства. Наблюденіе правительства за преподаваніемъ, заговорили роялисты, нарушаетъ свободу совѣсти; оно нарушаетъ конституцію; оно составляетъ ужасное варварство. Въ теченіе тридцати лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, роялисты ни на минуту не прекращали ожесточенныхъ нападеній на всякую власть, мѣшавшую іезуитамъ снова овладѣть евътскимъ и духовнымъ образованіемъ.

Феодально-іезуитская партія скоро успѣла снова овладѣть Карломъ X, и король съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на министерство, не угождавшее всѣмъ ея требованіямъ. Обстоятельство, собственно истолкованное ошибочнымъ образомъ, доставило роялистамъ случай убѣдить его въ томъ, что онъ вовсе не нуждается въ поддержкѣ либераловъ.

Осенью 1828 года Карлъ X вздумалъ присутствовать при маневрахъ кавалерійскаго корпуса, собраннаго близъ Люневилля. Восточные департаменты наиболѣе проникнуты либеральнымъ духомъ. Масса французскаго населенія была тогда убѣждена, что Карлъ оставилъ свое прежнее нерасположеніе къ либераламъ. Въ самомъ дѣлѣ, домашнія сношенія его съ предводителями роялистовъ оставались придворной тайной; напротивъ, при всѣхъ официальныхъ случаяхъ король былъ очень любезенъ съ либералами; пожаловалъ даже орденъ Почетнаго Легиона одному изъ главныхъ между ними. Казимиру Перье; министерство открыто опиралось на либеральную партію въ палатѣ. Обманутые этими наружными признаками, жители восточныхъ департаментовъ съ энтузіазмомъ встрѣчали Карла во время его поѣздки, привѣтствуя въ королѣ мнимаго покровителя либеральной партіи. Непроницательный Карлъ X совершенно обманулъ въ смыслѣ приѣма, какой находилъ повсюду: онъ вообразилъ, что радостныя привѣтствія свидѣлствуютъ не объ удовольствіи народа отъ либеральныхъ мѣръ министерства, а просто о безотчетной привязанности націи къ Бурбонамъ. Онъ возвратился изъ путешествія съ преувеличенными понятіями о своемъ могуществѣ надъ умами французовъ и черезъ нѣсколько времени, повинувшись внушеніямъ роялистовъ, рѣшился замѣнить прежнихъ министровъ другими, вполне выражавшими тенденцію самыхъ опрометчивыхъ роялистовъ. 8 августа 1829 года Мартиньякъ и его товарищи были уволены и власть вручена министерству, предсѣдателемъ котораго явился князь Полиньякъ, представитель партіи неумолимо-враждебной всѣмъ новымъ интересамъ и самымъ жаркимъ образомъ кричавшей о необходимости возстановить старинныя феодальныя учрежденія. Роялистскія газеты во всеуслышаніе разтолковали намѣренія новаго кабинета; ~~они заявили~~ что Карлъ X безвозвратно и безусловно сдѣлалъ себя испо-

и роялист

Съ этой минуты политика партій отказывается отъ прежнихъ колебаній между свободою и поддержкою правительства. Либералы становятся рѣшительными противниками, роялисты дѣйствительно приверженцами короля, согласившагося быть слѣпымъ орудіемъ феодальной партіи. Скоро борьба изъ палаты депутатовъ переходитъ на улицу и кончается падешемъ Бурбоновъ вмѣстѣ съ роялистами, увлекавшими ихъ къ гибели ради достиженія цѣлей, не имѣвшихъ никакого интереса для самой династіи и полезныхъ только для феодаловъ.

Здѣсь, передъ послѣдней катастрофой, мы остановимся, чтобы, бросивъ общій взглядъ на прошедшее время, точнѣе объяснить себѣ, какими отношеніями была вызвана и рѣшена эта катастрофа.

Три силы участвовали въ подготовленіи насильственной развязки: королевская власть, либералы и роялисты; исходъ борьбы, ими начатой, былъ рѣшенъ внезапнымъ вмѣшательствомъ четвертой силы, на которую до той поры никто не обращалъ вниманія, никто не разсчитывалъ, — вмѣшательствомъ народа.

Мы ставимъ совершенно различными силами короля и роялистовъ; точно такъ же совершенно различаемъ народъ отъ либераловъ. Многіе сливаютъ обѣ побѣжденные силы въ одно неразрывное цѣлое, обѣ побѣдившія силы также смѣшиваютъ въ одномъ понятіи. Послѣ предыдущаго очерка читатель вѣроятно согласится, что династія и роялисты, дѣйствуя заодно въ послѣднемъ актѣ реставраціи, вступали между собою только въ союзъ, зависѣвшій отъ временныхъ обстоятельствъ, не имѣвшій ничего неизбѣжнаго по существеннымъ интересамъ той и другой силы. совершенно различнымъ. Факты, которые представляются вамъ виже, укажутъ, что и союзъ народа съ либералами былъ явленіемъ только временнымъ. Будемъ же строго различать одинъ отъ другаго эти четыре элемента и, выставивъ сущность каждаго изъ нихъ въ тогдашней Франціи, покажемъ ихъ взаимныя отношенія, подвліяшемъ которыхъ совершились іюльскіе дни.

Начнемъ съ королевской власти, направленіе которой рѣшило ходъ событій. Монархическая власть можетъ существовать въ двухъ формахъ; самодержавной и конституціонной. Всѣ факты прошедшаго говорятъ, что неограниченная форма монархіи возникала изъ борьбы между аристократіею и демократіею, опираясь на демократію. Въ Греціи тиранны были предводителями демократовъ и получили свою власть низверженіемъ аристократическаго устройства общества. Императоры въ Римѣ также вышли изъ предводителей демократической партіи. Тоже было во всѣхъ новыхъ государствахъ западной Европы. Особенно рѣзко выражается это въ исторіи Франціи. Вся сила королей была пріобрѣтена борьбою противъ феодаловъ, въ которой короли опирались на массу народа. Людовикъ XI и Ричилье, наиболѣе содѣйствовавшіе утвержденію самодержавія во Франціи, оба ненавидѣли аристократовъ не меньше, чѣмъ Робеспьеръ, и казнили ихъ съ такою же беспощадностью. Самъ Людовикъ XIV, пока еще сохранялъ умственные силы, держалъ аристократовъ подъ очень суровымъ ярмомъ. Подобное явленіе продолжается до сихъ поръ въ тѣхъ государствахъ западной Европы, гдѣ сохраняется монархія свободно отъ конституціи. Австрія побѣдила конституціонныя стремленія только тѣмъ, что въ 1848 — 49 годахъ была поддержана демократическими славянами своихъ восточныхъ областей противъ аристократическихъ венгровъ, составлявшихъ главную силу конституціонной партіи. Этотъ фактъ очень знаменателенъ. Сербы, кроаты, словаки были демократами вдвойнѣ: и по внутреннему своему устройству.

и по своему отношенію къ венграмъ. У нихъ нѣтъ въ самыхъ ихъ племенахъ аристократическаго элемента; съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ ихъ племена въ общей массѣ были подчинены венгерскому племени, какъ будто низшее сословіе высшему. Точно также и венгры были вдвойнѣ аристократами: внутри ихъ племени владычествовали аристократическія учрежденія и преданія, а все племя въ цѣлоиъ составляло аристократію венгерскаго королевства среди подчиненныхъ славянскихъ племенъ. Такихъ фактовъ, когда абсолютизмъ австрійскій торжествовалъ надъ своими внутренними врагами только силою низшихъ сословій, безчисленное множество въ его исторіи. Припомнимъ еще только два случая. Когда галиційскіе аристократы стали страшны, Вѣна дала нѣкоторый просторъ русинскому простонародію, и радикальное движеніе 1846 года возвратило ей абсолютную власть надъ Галиціею. Черезъ два года Кудличъ на вѣскомъ сеймѣ отвергалъ всякое примиреніе своего сословія съ тѣмъ классомъ, который всего сильнѣе поддерживалъ конституціонное стремленіе. Съ другой стороны, исторіи конституціонныхъ правительствъ показываетъ, что они держались преимущественно силою аристократіи. Классическій примѣръ тому представляетъ Англія. Въ самомъ дѣлѣ, логическая необходимость приводитъ въ возмущенію противъ неограниченной формы сословіе богатыхъ и могущественныхъ фамилій. Онѣ находятъ обезпеченіе своей громадной собственности и своему личному достоинству только тогда, когда достигаютъ независимаго управленія государственными дѣлами. Неограниченная власть монарха представляется для нихъ силою, которая можетъ лишить каждую фамилію ея богатствъ, можетъ измѣнить и общественное положеніе всего ихъ сословія. Притомъ же неограниченная монархія всегда управляла государствомъ посредствомъ бюрократіи, подрывающей всѣ основы аристократическаго устройства.

Такимъ образомъ, если бы Бурбоны во время реставраціи заботились о выгодахъ своей власти, они нашли бы самымъ выгоднымъ для себя дѣломъ поддерживать народъ противъ аристократіи. Это стремленіе возвысило бы ихъ надъ обѣими боровавшимися партіями, которыя обѣ были ограничены узкимъ кругомъ аристократическихъ понятій. Доказывать аристократизмъ роялистовъ нѣтъ нужды. Но должно привести хотя два три факта, которые показали бы ту же тенденцію и въ либерализмѣ вреиенъ реставраціи. Первымъ и самымъ яснымъ признакомъ аристократическихъ тенденцій можетъ служить симпатія либераловъ къ англійскому устройству, въ которомъ и до сихъ поръ преобладаетъ, а тогда исключительно владычествовала аристократія. Знаменитѣйшими учителями либераловъ были Монтескьё и Бенжаменъ-Констанъ. „Духъ законовъ“ Монтескьё, служившій настольною книгою для либераловъ, съ первой строки до послѣдней внушенъ безграничнымъ удивленіемъ къ англійскому государственному устройству. Бенжаменъ-Констанъ, преемникъ Монтескьё въ дѣлѣ теоретическаго образованія либеральной партіи, также почти всѣ свои мысли заимствовалъ у англичанъ. Даже второстепенные наставники либераловъ, какъ, напримѣръ, Ройе-Коляръ, были всѣ проникнуты тѣмъ же духомъ, котораго и до сихъ поръ держатся представители французской либеральной партіи въ строгомъ смыслѣ слова, отъ Ремюза и Дювержье де-Горанна до Гизо. Иначе быть не могло уже по одному общественному положенію либераловъ. Масса этой партіи состояла изъ людей богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, очень зажиточныхъ. Они были совершенно довольны прежнимъ (1817—1820 г.) избирательнымъ цензомъ въ 300 франковъ прямыхъ податей; при такомъ цензѣ большинство людей

ихъ партій уже дѣлалось избирателями, а этотъ цензъ предполагаетъ капиталъ не менѣе 60,000 франковъ. Либеральныя газеты очень часто пріятнымъ образомъ высказывали свое отвращеніе отъ мысли опираться на низшіе классы. Приведемъ одинъ примѣръ изъ того времени, когда уже предвидѣлась близость рѣшительной битвы, когда либералы старались собрать всѣ свои силы и дорожили каждымъ союзникомъ: даже и въ то время они рѣзко отвергали призывъ народа къ участію въ политическихъ дѣлахъ. За два или за три дня до объявленія войны знаменитыми іюльскими повелѣвіями, одинъ изъ роялистскихъ журналовъ, смѣясь надъ стремленіемъ либераловъ доставить власть торговому сословію, говорилъ: „либералы не хотятъ ни владычества солдатъ, ни владычества мужиковъ; они хотятъ владычества купцовъ. Но чѣмъ же мужики хуже купцовъ? Пусть либералы подумаютъ, что противъ купцовъ можно поставить мужиковъ“. Угроза была, конечно, далека отъ исполненія: роялисты, увѣренные въ своихъ силахъ, не имѣли еще серьезной мысли обратиться за помощью въ поселянамъ; но въ ихъ журналахъ уже довольно часто являлись тогда намеки о возможности подобной политики. Они уже говорили, что если либералы недовольны тогдашнимъ (1820—1830 г.) избирательнымъ цензомъ въ 1000 франковъ, то можно вмѣсто пониженія ценза совершенно отмѣнить его и предоставить право голоса каждому французу безъ различія состоянія. Такимъ образомъ уже намекалось на политику, слѣдовать которой начали роялисты послѣ 1830 года, когда ихъ лозунгомъ сдѣлался *suffrage universel*. Теперь пока угроза не была еще серьезна и либералы могли бы оставить ее безъ отвѣта, если бы сколько нибудь колебались обнаружить свои чувства къ низшимъ сословіямъ. Но они никогда не хотѣли пользоваться содѣйствіемъ простонародья и потому не колеблясь приняли вызовъ роялистовъ высказаться объ этомъ предметѣ. Вотъ что отвѣчалъ роялистамъ „National“, бывший тогда представителемъ крайняго либерализма между большими газетами: „Газета, совершенно сочувствующая министерству, говорить намъ: „не хотятъ ни штыковъ, ни деревянныхъ башмаковъ, хотятъ торговыхъ свидѣтельствъ. Чѣмъ же торговые свидѣтельства лучше деревянныхъ башмаковъ? Совѣтуемъ подумать объ этомъ“. Эта черта еще лучше исторіи оратора угольщика (объ этой исторіи мы должны будемъ упомянуть послѣ) характеризуетъ отчаянное положеніе нашихъ реакціонеровъ. Они стали въ противорѣчіе съ общественнымъ мнѣніемъ страны, не могутъ жить въ согласіи ни съ палатами, законными представительницами страны, ни съ газетами, столь же законными ея представительницами, ни съ независимыми судебными властями, подчиненными одному закону; разумѣется, послѣ этого нужно имъ искать нашу вѣсть той націи, которая читаетъ газеты, которая интересуется преніями палатъ, которая располагаетъ капиталами, управляетъ промышленностью и владѣетъ землею; имъ надобно спуститься до низшихъ слоевъ населенія, гдѣ уже не встрѣчается общественнаго мнѣнія, гдѣ едвали находится хотя какой нибудь политическій смыслъ, гдѣ копошатся тысячи существъ, добрыхъ, прямыхъ, простодушныхъ, но легко обманываемыхъ и ожесточаемыхъ, живущихъ со дня на день, проводящихъ каждый часъ своей жизни въ борьбѣ съ нуждою, не имѣющихъ ни времени, ни физическаго и умственнаго отдыха, необходимаго, чтобы хотя иногда подумать о политическихъ дѣлахъ. Вотъ нація, которою окружить престолъ хотѣли бы нѣкоторые изъ нашихъ реакціонеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто отвергаетъ законы, тотъ долженъ броситься въ объятія черни“. Такой языкъ былъ обычнымъ у либераловъ, когда за-

ходила рѣчь о простомъ народѣ. Онъ достаточно свидѣлствуетъ, похожи ли были сколько нибудь либералы на демагоговъ. Отношеніе между ними и роялистами было таково же, какъ между вигами и тори въ Англіи. Обѣ враждовавшія партіи отвращались не только демагогія, но и всякаго демократизма; разница между ними была лишь въ томъ, что одна партія была болѣе исключительна въ своемъ аристократизмѣ, чѣмъ другая; одна хотѣла исключительной аристократіи богатыхъ землевладѣльцевъ изъ старинныхъ фамилій, какъ тори въ Англіи; другая, подобно вигамъ, опиралась на промышленные интересы и, понимая невозможность аристократіи въ смыслѣ XVII вѣка, расширяла кругъ этого понятія на все сословіе, пользующееся фактическимъ перевѣсомъ въ народной жизни. Одна партія хотѣла возратить власть надъ народомъ сословію, нѣкогда господствовавшему, но утратившему свою силу вслѣдствіе революціи; другая хотѣла сохранить преобладаніе настоящихъ властелиновъ общественной жизни; но та и другая одинаково хотѣла подчиненія народа немногочисленному сословію.

При такихъ обстоятельствахъ, какой путь былъ самымъ выгоднымъ для королевской власти? На какую изъ трехъ существовавшихъ во Франціи силъ должна она была опираться; на массу народа, на либераловъ или роялистовъ? Здравый смыслъ указывалъ на союзъ съ народомъ, какъ на самую выгодную политику. Народъ въ то время еще не думалъ о политическихъ правахъ; забота о его матеріальномъ благосостояніи была бы совершенно достаточной приманкой для пріобрѣтенія его преданности Бурбонамъ. Если Бурбонамъ была противна конституція и свобода книгопечатанія, они только въ народѣ нашли бы союзника, не требовавшего этихъ вещей. Не имѣя ни въ роялистахъ, ни въ либералахъ покровителей себѣ, оставаясь совершенно безпомощнымъ, народъ очень дешево продалъ бы свой союзъ. Чтобы купить его любовь, довольно было одной той политики, которой слѣдуетъ каждое дѣльное правительство, и въ самодержавныхъ, и въ конституціонныхъ, и въ республиканскихъ государствахъ, довольно было заботы о возвышеніи благосостояніи въ низшихъ классахъ, отъ котораго, какъ извѣстно, зависятъ и увеличеніе государственныхъ доходовъ, и внѣшнее могущество государства. Требуя наименѣе пожертвованій, союзъ династіи съ народомъ приносилъ и наиболѣе выгодъ. Въ ежедневныхъ мелкихъ дѣлахъ правительственной жизни вліяніе народа чувствуется мало. Не только въ самодержавныхъ государствахъ, но и въ Англіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ правительство можетъ издавать множество законовъ и распоряженій, независимо отъ народнаго желанія или участія, встрѣчая одобреніе или оужденіе только въ партіяхъ высшаго и средняго сословій. Но какова бы ни была государственная политика, она всегда, удовлетворяя одной части этихъ сословій, возбуждаетъ неудовольствіе въ другой, по неизбѣжной противоположности различныхъ общественныхъ интересовъ и теорій. Такимъ образомъ политическая жизнь всегда является тяжбою нѣкоторой части образованныхъ сословій противъ другой части тѣхъ же сословій и противъ правительства, проводящаго интересы этой части. Извѣстно, что тяжба оканчивается въ первой инстанціи только тогда, когда предметъ ея ничтоженъ; когда же проигрышъ одной стороны и выигрышъ другой значителенъ, за рѣшеніемъ первой инстанціи неизбѣжно слѣдуетъ апелляція, какъ въ частномъ, такъ и въ государственномъ процессѣ. Пока недовольная политикою правительства часть образованныхъ сословій не видитъ никакихъ важныхъ мѣръ, или не убѣдилась въ непреклонности на-

правления со стороны другой части, пользующейся силою правительства, процессъ остается, такъ сказать, въ первой инстанціи, ограничиваясь словами и бумагою. Но неизбежно идетъ вто дѣло къ дальнѣйшему развитію, при которомъ первоначальныя средства веденія тяжбы представляются для проигрывающихъ уже неудовлетворительными и должна быть призвана въ помощь высшая сила. Въ государственномъ процессѣ, послѣ первой инстанціи, послѣ слова и бумаги, этому высшею инстанціею представляется фактическое, физическое могущество, лежащее во всей цѣлости населенія. Такимъ образомъ коренное основаніе всѣхъ государственныхъ отношеній заключается въ расположеніи населенія, какъ при частныхъ отношеніяхъ оно заключается въ законѣ. Я, частный человѣкъ, удерживаю свои права только тѣмъ, что при всякомъ важномъ столкновеніи указываю на законъ. Въ государственномъ процессѣ ту же роль играетъ населеніе, и въ сущности все основано на предполагаемой вѣроятности образа его дѣйствій въ пользу той или другой стороны.

Такимъ образомъ и Бурбоны могли оставаться совершенно спокойными за свою власть, если бы надѣялись, что сила, на апелляцію къ которой переносится дѣло, объявитъ себя въ ихъ пользу при случаѣ апелляціи. Еслибы населеніе было за нихъ, они могли съ равнодушною улыбкою смотрѣть на борьбу парламентскихъ партій, пока имъ хотѣлось смотрѣть на нее, и могли бы легко сокрушить ту или другую партію, или и обѣ партіи разомъ, когда бы имъ то вздумалось: но, къ своему несчастію, они вовсе не думали сдѣлаться покровителями народныхъ интересовъ. Чѣмъ объяснить эту гибельную ошибку? Какъ могли они лишить себя союза, возможнаго за столь дешевую цѣну и ограждавшаго ихъ отъ всякихъ опасностей? На этотъ вопросъ само собою найдется отвѣтъ послѣ, когда разсмотримъ отношенія и интересы двухъ другихъ общественныхъ силъ, либерализма и роялизма; а теперь, занимаясь соображеніемъ о томъ, какіе союзы наиболѣе выгодны были для королевской власти, мы должны поочередно разсмотрѣть отношенія интересовъ ея къ двумъ другимъ силамъ тогдашней Франціи, къ роялизму и либерализму.

Отвергнувъ наивыгоднѣйшій для себя союзъ, оставивъ народъ въ пренебреженіи, династія могла еще избирать между двумя партіями, на которыя раздѣлялись средній и высшій классы. Содѣйствіе той и другой партіи одинаково не могло быть приобрѣтено иначе, какъ подчиненіемъ правительства конституціонному порядку. Относительно либераловъ, вообще извѣстныхъ за приверженцевъ конституціи, неизбѣжность этой уступки не нуждается въ доказательствахъ; намъ кажется, что читатель видѣлъ ту же самую необходимость относительно роялистской партіи, которая обманывала многихъ своимъ именемъ, говорящимъ о какой-то особенной преданности престолу.

Мы говорили о враждѣ роялистовъ къ тѣмъ королямъ, которые не поддавались безусловно ихъ требованіямъ, — говорили, что они интриговали для отнятія жизни у Людовика XVI, преслѣдовали Людовика XVIII, — что задуманною ихъ мыслью было заставить его отказаться отъ престола. Во всѣ тѣ періоды, когда роялисты не располагали безусловно правительственною властью (при министерствахъ Ришелье, Деказа и Мартиньяка), они энергически требовали уменьшенія правительственныхъ правъ. Когда же они располагали правительственною властью (при министерствѣ Вильеля), они пользовались ею исключительно для доставленія денежнаго и политическаго могущества прежнимъ феодальнымъ классамъ, но не из-

дали ни одного закона, которымъ увеличивались бы права короля. Избирательный цензъ въ 1,000 франковъ, восстановление наѳоратствъ, выдача миллиарда франковъ эмигрантамъ, — всѣ эти мѣры были выгодны исключительно только стариннымъ аристократическимъ фаміліямъ, не имѣя ровно никакой связи съ интересами королевской власти. Наконецъ, когда роялисты склонили Карла X на издаше знаменитыхъ іюльскихъ повелѣній, они опять имѣли въ виду только выгоды феодальной партіи, и перемѣны, вводимыя этою экстренною мѣрою въ устройствѣ Франціи, не приносили никакой выгоды королевской власти. Одно изъ этихъ повелѣній измѣняло способъ выборовъ въ палату депутатовъ такъ, чтобы богатые землевладельцы безъ всякихъ соперниковъ посылали въ палату своихъ партизановъ. Палата состояла бы исключительно изъ роялистовъ — для нихъ, разумѣется, это было очень пріятно. Но что выигрывала королевская власть? Измѣнялись ли отношенія палаты къ ней? Сущность конституціоннаго правленія состоитъ въ томъ, что король ничего не можетъ дѣлать безъ согласія министровъ, а министрами назначаются тѣ люди, которыхъ желаетъ большинство палаты, низвергающее ихъ, какъ скоро становится недовольно ими, — измѣнялся ли сколько нибудь этотъ порядокъ? Ограничивалось ли вліяніе палаты депутатовъ на министерство, отъ имени короля управляющее государствомъ сообразно волѣ не короля, а палаты? Ни мало. Палата продолжала быть источникомъ и властителемъ правительства, король по прежнему оставался въ зависимости отъ ея желаній. Другое повелѣніе восстанавливало цензуру для газетъ, и ставило ихъ въ совершенную зависимость отъ министерства. Тутъ опять очевидно выигрывали роялисты: первое повелѣніе отдавало въ ихъ руки палату депутатовъ и министерство, потону они черезъ министерство владычествовали бы надъ газетами. Не пріобрѣталъ власти надъ министерствомъ, король не пріобрѣталъ ничего чрезъ расширеніе министерскаго господства надъ газетами. Не служа къ увеличенію его власти, цензура съ тѣмъ вмѣстѣ вовсе и не нужна была для огражденія его правъ или его личнаго достоинства: газеты и безъ цензуры не могли и не имѣли охоты возставать противъ его личности и его правъ. Не могли, потому что онъ былъ огражденъ отъ ихъ нападеній особенными законами, существовавшими прежде. Не имѣли охоты, потому что полемика въ газетахъ, подобно прешіямъ въ палатахъ, относилась вовсе не къ лицу или правамъ короля — онъ былъ выше преній и полемики — а только къ министерству, налагаемому на короля не его волею, а волею палаты депутатовъ, и къ мнѣніямъ партій, которыя. повторяемъ, спорили между собою вовсе не объ интересахъ короля, а о своихъ собственныхъ интересахъ, не имѣвшихъ никакой связи съ интересами династіи. Королю цензура была не нужна, и ея восстановление не увеличивало его правъ. Прочитавъ іюльскія повелѣнія, погубившія Бурбоновъ, каждый убѣдится, что король не могъ для себя извлечь изъ нихъ ровно никакой выгоды и что роялисты, заставляя его дѣлать опасную для престола попытку, имѣли въ виду единственно свою пользу. Вообще, какъ мы сказали, если залогомъ союза короля съ либералами могло быть только конституціонное устройство, то роялисты никогда не думали уступать большей ему власти: они были въ этомъ отношеніи требовательны никакъ не менѣе либераловъ.

Напротивъ, они были болѣе требовательны. Союзникъ вообще показываетъ себя тѣмъ уступчивѣе, чѣмъ болѣе убѣжденъ, что ваше доброе расположеніе къ нему зависѣло совершенно отъ нашей воли; онъ тѣмъ менѣе цѣнитъ нашу дружбу,

чѣмъ сильнѣе убѣжденъ, что мы не можемъ сблизиться съ его врагами, какъ бы ни держалъ онъ себя относительно насъ. Роялисты были увѣрены, что Бурбоны никакъ не вздумаютъ серьезно отказаться отъ покровительства, то есть въ сущности отъ служенія, ихъ партіи; они считали себя имѣющими какъ бы прирожденное право на королевское благорасположеніе, потому очень равнодушно принимали все, что дѣлалъ для нихъ Бурбоны, и чрезвычайно обидчиво сердились на династію за малѣйшее невниманіе къ ихъ желаніямъ. Они воображали себя какъ будто благодѣтелями Бурбоновъ, смотрѣли на нихъ будто на своихъ неоплатныхъ должниковъ, обязанныхъ быть предупредительными, любезными до подобострастія къ ихъ партіи вообще и къ каждому изъ нихъ въ особенности. Совсѣмъ иное бы^{ло} положеніе либераловъ. Они видѣли, что Бурбоны имѣютъ гораздо больше склонности къ роялистамъ, нежели къ нимъ, потому принимали за чрезвычайную уступку, за достойное самой высшей благодарности самоотреченіе каждую малѣйшую — хотя бы даже только видимую снисходительность Бурбоновъ въ либеральной партіи. Роялисты держали себя въ Тюльери домашними людьми, очень безцеремонными товарищами хозяина, съ которыми шепетливо считались каждымъ сколько нибудь неприятнымъ для нихъ словомъ. Но стоило королю сказать при какомъ нибудь официальном пріемѣ хотя одно мягкое слово либералу, и вся либеральная партія приходила въ восторгъ. Давая королю мѣдные гроши, роялисты требовали взамѣнъ золотыхъ монетъ; либералы готовы были безвозмездно принести въ жертву и себя и всѣ свои богатства, лишь бы только онъ согласился принять ихъ *). Конечно, либералы жаловались на Бурбоновъ, но ихъ жалобы имѣли тонъ отвергаемой дружбы. Либералы желали не паденія Бурбоновъ, а только обращенія ихъ къ либерализму, для ихъ собственной выгоды. До такой степени чуждалась либеральная партія мыслей враждебныхъ интересамъ династіи, что не хотѣла вѣрить паденію Бурбоновъ даже тогда, когда оно было уже рѣшено битвою на парижскихъ улицахъ, и если въ комъ еще остается сомнѣніе объ искренней преданности либераловъ Бурбонамъ, послѣдніе остатки недовѣрія будутъ разсѣяны разсказомъ о томъ, какъ держали себя либералы въ продолженіе переворота, противъ желанія либеральной партіи произведеннаго парижскимъ населеніемъ.

Союзъ съ либералами долженъ былъ бы казаться Бурбонамъ пріятнѣе дружбы съ роялистами, потому что либералы были меньше требовательны, нежели роялисты.

*) Нѣтъ надобности напоминать читателю, что мы говоримъ о массѣ либеральной партіи, о собственно такъ называемыхъ либералахъ. Изъ 221 либераловъ, вотпировавшихъ знаменитый адресъ 1829 года (о которомъ будемъ говорить ниже), было пять или шесть человѣкъ, имѣвшихъ другія чувства, — но эти люди исчезли въ массѣ, на которую вовсе не имѣли вліянія. Орлеанская партія до 1830 года не смѣла и думать о близкомъ исполненіи своихъ желаній, и была чрезвычайно малочисленна, — къ Лафиту примкнуло нѣсколько депутатовъ только уже вслѣдствіе іюльскихъ событий, да и то по невозможности найти иное спасеніе своимъ монархическимъ убѣжденіямъ, кромѣ возведенія на престолъ принца Орлеанскаго. Республиканцевъ до 1830 года было во всей Франціи всего нѣсколько человѣкъ, да и тѣ, даже среди іюльскаго торжества инсургентовъ, не считали возможнымъ учрежденіе республики во Франціи, — республика представлялась для нихъ отвлеченнымъ и дальнимъ идеаломъ, въ родѣ того, какъ какому нибудь китайцу мыслить можетъ представляться обращеніе Китая въ Европейское государство, чего конечно ни одинъ разсудительный человѣкъ въ Китаѣ не можетъ ожидать видѣть при своей жизни. Надобно строго различать теоретическія убѣжденія отъ стремленій, питаемыхъ человѣкомъ относительно практической жизни настоящаго времени, опредѣленныхъ надеждою на возможность. Теоретически, каждый изъ насъ скажетъ, что лучше было каждому безъ исключенія русскому молодому поколѣнію учиться въ университетѣ, — на практикѣ, мы восхищались бы уже и тѣмъ, если бы найдена была возможность хотя одному изъ десяти нашихъ молодыхъ соотечественниковъ кончать курсъ въ уѣздномъ училищѣ.

Съ тѣмъ вѣстѣ, онъ былъ бы и гораздо важнѣе для прочности династїи. Конечно, ни роялисты, ни либералы не составляли массу населенія во Франціи; мы уже говорили много разъ, что если бы династія опиралась на народъ, она могла бы господствовать надъ обѣими партіями, изъ которыхъ каждая оставалась бы въ такомъ случаѣ гораздо слабѣе династія. Но мы также говорили, что династїи не озаботилась привлечь къ себѣ массу населенія заботами о ея выгодахъ, и народъ, никѣмъ не призываемый къ участию въ дѣлахъ, не налагалъ еще свою тяжелую руку ни на одну изъ двухъ чашекъ вѣсовъ политическаго могущества. На политической аренѣ были только либералы и роялисты. Которая же изъ двухъ партій сильнѣе? Въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Въ рукахъ либераловъ была вся торговля, вся промышленность Франціи, они владѣли биржѣ; они располагали кредитомъ. Отъ Лафита, богатѣйшаго банкира тогдашней Франціи, до послѣдняго лавочника или хозяина какой нибудь маленькой мастерской, всѣ буржуа были проникнуты либерализмомъ. На сторонѣ роялистовъ была только большая поземельная собственность; но если каждый роялистскій землевладѣлецъ въ отдѣльности былъ богаче либерала—землевладѣльца, владѣвшаго имѣніемъ средней величины, то массѣ либераловъ, даже и изъ поземельной собственности, принадлежала часть болѣе значительная, нежели массѣ роялистовъ, потому что при раздробленности имѣній вслѣдствіе революціонныхъ продажъ, участки средней величины занимали болѣе значительное пространство территорїи, нежели огромныя помѣстья, уцѣлѣвшія отъ феодальныхъ врененъ.

Сами по себѣ, либералы были сильнѣе роялистовъ; но еще гораздо выгоднѣе былъ для династїи союзъ съ ними потому, что онъ обезпечивалъ бы ихъ отъ всякой опасности со стороны массы населенія. Это соображеніе было такъ просто, что не могло бы ускользнуть ни отъ одного изъ друзей династїи, если бы они хотя сколько нибудь знали чувства народа. Къ сожалѣнію, изъ людей, близкихъ къ Бурбонамъ, не было ни одного, знающаго народъ, а были очень многіе безъ всякаго понятія о чувствахъ народа, питавшіе въ немъ недовѣріе и предавніе это недовѣріе Бурбонамъ. По странному сочетанію противорѣчащихъ идей въ одной и той же головѣ, сочетанію, которое такъ часто встрѣчается въ жизни, эти люди и сами Бурбоны, не заботясь объ удовлетвореніи народныхъ желаній и нуждъ, не заботясь даже о томъ, чтобы хотя сколько нибудь ознакомиться съ ними, питая ужасъ къ каждому движенію народа, лелѣли себя увѣренностью что и безъ всякихъ посредничествъ масса населенія проникнута непоколебимою преданностью къ Бурбонамъ.

Мы видѣли, какой политики требовали со стороны Бурбоновъ ихъ собственныя выгоды, и какъ не нуженъ, какъ противенъ истинному положенію ихъ интересовъ былъ ихъ союзъ съ роялистами; чтобы еще яснѣе убѣдиться въ этомъ, намъ должно теперь посмотрѣть на взаимныя отношенія общественныхъ силъ спустившихся на низшую ступень общественной лѣстницы, которую мы обозрѣвали съ вершины ея. Изложивъ интересы королевской династїи, мы теперь попробуемъ изложить чувства и интересы массы населенія.

Она, какъ мы говорили, не принадлежала собственно ни къ роялистамъ, ни къ либераламъ. Необходимость слишкомъ тяжелаго и продолжительнаго физическаго труда для скуднаго поддержанія жизни не оставляла ей въ періодъ реставраціи во Франціи, какъ до сихъ поръ не оставляла нигдѣ и никогда въ новой

Европѣ, времени для постоянного занятія государственными дѣлами. Не имѣя ни навыка къ тому, ни образованія, нужнаго для того, чтобы составить себѣ систему политическихъ убѣжденій, народъ обыкновенно даже не хотѣлъ присматриваться къ вещамъ, которыя дѣлаются и говорятся высоко надъ нимъ въ парламентѣ. въ журналистикѣ и въ административныхъ сферахъ. Но эта масса, обыкновенно остающаяся неподвижною въ политическомъ волненіи, играющемъ на поверхности національной жизни, не лишена совсѣмъ преданій и чувствъ, которыя приводятъ ее въ движеніе, когда затрогиваются.

Во французскомъ народѣ самымъ живымъ преданіемъ было воспоминаніе о національной славѣ, какою блистала Франція при Наполеонѣ. Подъ этимъ воспоминаніемъ таилось еще болѣе сильное чувство привязанности къ новому гражданскому устройству и ненависти къ стариннымъ феодальнымъ правамъ, разрушеннымъ революціею. Народъ дорожилъ новыми учрежденіями потому, что они улучшили его матеріальное положеніе сравнительно съ тою гульбою, какую имѣлъ онъ въ прежнія времена. Но съ другой стороны, улучшеніе, хотя и очень чувствительное, не было такъ велико, чтобы масса народа была очень довольна своимъ настоящимъ.

По сущности своихъ понятій, народъ не имѣлъ сознательнаго предпочтенія въ той или другой политической системѣ. Конституцію или, какъ тогда называли, „Хартію“ (la Charte) онъ едва зналъ по имени, не связывая никакого смысла съ этимъ словомъ. Да и самое слово далеко не каждому городскому работнику было извѣстно, — о поселянахъ нечего и говорить; о томъ, что онъ ни мало не дорожилъ этимъ словомъ, излишне и упоминать.

Королевская власть, говорили мы, очень легко могла привлечь народъ на свою сторону покровительствомъ его матеріальному благосостоянію; но она не позаботилась объ этомъ. Однакоже, когда король являлся въ провинціяхъ или присутствовалъ на торжественныхъ церемоніяхъ въ Парижѣ, толпы народа тѣснились на дорогѣ и привѣтствовали его радостными криками. Это происходило не болѣе, какъ отъ наивнаго уваженія простыхъ людей къ виѣшнему блеску, но перетолковывалось придворными, какъ свидѣтельство глубокой привязанности народа къ династіи. Такое ошибочное пониманіе дѣла погубило Бурбоновъ, ободривъ Карла X рискнуть на рѣшительную битву изданіемъ июльскихъ повелѣній. Но во всякомъ случаѣ, хорошія встрѣчи, какими обыкновенно привѣтствовалъ народъ короля, доказывали, что масса народа даже въ началѣ 1830 года еще не была рѣшительно враждебна къ Бурбонамъ.

Напротивъ, она была всегда враждебна къ роялистамъ, не потому, чтобы считала ихъ врагами конституціи, о которой сама она не заботилась, а потому, что они были эмигранты, потомки прежнихъ феодаловъ; народъ предполагалъ въ нихъ желаніе возстановить старинное феодальное устройство, вспоминалъ, что они сражались противъ Франціи.

Тѣмъ самымъ, что боролись противъ роялистовъ, либералы пріобрѣтали въ народѣ нѣкоторую популярность, хотя очень мало заслуживали ея. Надобно пересчитать пренія палатъ, надобно пересчитать сочиненія либераловъ времёнъ Реставраціи, чтобы постичь всю невѣроятную беззаботность ихъ о выгодахъ массы населенія. Они забывали о народѣ, подобно Бурбонамъ и роялистамъ; а когда и случалось имъ говорить отъ имени низшихъ классовъ, они почти постоянно употребляли его имя понапрасну, не умѣли выразить желаній, понять нужды простонародья.

Въ программѣ либераловъ не было ни одной фразы, которая касалась бы средствъ или по крайней мѣрѣ выражала бы желаніе улучшить положеніе низшихъ классовъ. Доказательствомъ тому можетъ служить каждое изъ ихъ знаменитыхъ прешій въ палатѣ депутатовъ, каждая изъ ихъ знаменитыхъ битвъ на поприщѣ журналистики, каждый ихъ политическій манифестъ. Повсюду провозглашаются отвлеченныя политическія теоріи, инѣющія занимательность только для зажиточныхъ и образованныхъ людей, нигдѣ ни одной фразы о реформахъ, которыми непосредственно улучшался бы простонародный бытъ. Въ примѣрѣ сошлемся на одинъ изъ этихъ актовъ, могущій быть самымъ поразительнымъ подтвержденіемъ нашего сужденія. Когда войска были принуждены выступить изъ Парижа, когда либералы спѣшили возстановить королевскую власть перенесеніемъ ея на герцога Орлеанскаго; чтобы не дать времени возникнуть въ вооруженной массѣ простонародья требованію республиканской формы, либеральные члены палаты депутатовъ издали прокламацію, въ которой совмѣстили всѣ надежды и желанія, способныя, по ихъ мнѣнію, увлечь побѣдоносныхъ парижанъ на сторону вновь учреждаемаго правительства. Парижское простонародье безусловно владычествовало тогда надъ судьбою Парижа и Франціи, — либеральные депутаты конечно въ эту минуту старались по необходимости самымъ яркимъ образомъ высказать все, что въ ихъ намѣреніяхъ могло быть пріятно простонародью. Каковъ же планъ ихъ правительственной системы? Какіи улучшенія они обѣщаютъ народу? Обѣщаній очень много, и они вотъ какого рода: вѣрность конституціоннымъ началамъ; возстановленіе національной гвардіи, избирающей своихъ офицеровъ, она будетъ охранять конституцію; назначеніе городскихъ и областныхъ чиновниковъ по выбору; судъ присяжныхъ по обвиненію противъ газетъ со стороны правительства; точное опредѣленіе отвѣтственности министровъ передъ палатою депутатовъ; отмѣненіе произвола правительства надъ судьбою офицеровъ; ограниченіе средствъ для министерства къ подкупу депутатовъ повышеніемъ въ должностяхъ.

Какъ? только-то? Да, только. Для невѣрящихъ мы сообщимъ самый текстъ прокламаціи, — пусть они увидятъ, что мы не пропустили ни одного обѣщанія *).

*) Вотъ текстъ прокламаціи къ народу, изданной палатою депутатовъ 31 іюля:

„Французы, Франція свободна. Деспотизмъ подвигалъ свое знамя. Героическое населеніе Парижа низвергло его. Вызванный нападеніемъ на битву, Парижъ доставилъ своимъ оружіемъ торжество священному дѣлу, которое тѣтно торжествовало на выборахъ. Власть, отнимавшая наши права, возмущавшая наше спокойствіе, угрожала и свободѣ, и порядку. Мы снова приобрѣтаемъ и порядокъ, и спокойствіе. Нѣтъ уже опасности для правъ, приобретенныхъ прежде; нѣтъ уже преграды между нами и правами, которыя еще остается вамъ приобрести.

„Правительство, которое немедленно обезпечило бы намъ эти блага, составляетъ первую потребность отечества. Французы, тѣ изъ вашихъ депутатовъ, которые находятся въ Парижѣ, собрались и, въ ожиданіи правильнаго дѣйствія Палаты, пригласили француза, который сражался только за Францію, а не противъ нея, герцога Орлеанскаго, къ принятію на себя обязанностей намѣстника королевства. Они видятъ въ этомъ средство водвореніемъ мира довершить торжество справедливѣйшаго самоотверженія.

„Герцогъ Орлеанскій преданъ національному и конституціонному интересу. Онъ всегда защищалъ его дѣло и исповѣдывалъ его принципы. Онъ будетъ уважать наши права, потому что получить отъ насъ свои права. Мы дадимъ себѣ законами прочныя гарантіи, необходимыя для утвержденія непоколебимой свободы:

„Возстановленіе національной гвардіи съ участіемъ гражданъ, ее составляющихъ, въ избраніи ея офицеровъ;

„Участіе гражданъ въ составленіи муниципальнаго и департаментскаго управленія;

„Судъ присяжныхъ для процессовъ газетъ и книгъ;

„Законное опредѣленіе отвѣтственности министровъ и второстепенныхъ агентовъ управленія;

„Законное упрощеніе положенія военныхъ;

Какую же выгоду получили бы народъ если бы даже всѣ эти обѣщанія были исполнены? Разберемъ ихъ пунктъ за пунктомъ. „При герцогѣ Орлеанскомъ будетъ строго соблюдаться конституція“—очень пріятно будетъ это образованнымъ классамъ, обеспеченнымъ въ своемъ существованіи; но мы уже много разъ говорили, что всѣ конституціонныя пріятности имѣютъ очень мало цѣны для человѣка, не имѣющаго ни физическихъ средствъ, ни умственнаго развитія для этихъ десертовъ политическаго рода. „Будетъ восстановлена національная гвардія“—въ скобкахъ надобно читать: съ довольно дорогимъ мундиромъ, который удалить отъ участія въ ней простолюдина,—это будетъ удовольствіе, предоставленное людямъ, могу-

„Новые выборы для депутатовъ, получившихъ должность отъ правительства.

„По согласію съ главою государства, мы дадимъ нашимъ учрежденіямъ развитие, въ которомъ они нуждаются.

„Французы, герцогъ Орлеанскій самъ уже высказался языкомъ, приличнымъ свободной странѣ. Онъ говоритъ, что палаты соберутся немедленно. Онъ приметъ мѣры для упроченія царства законовъ и огражденія правъ націй.

„Конституція отнынѣ будетъ истинною“.

Мы приведемъ этотъ документъ между прочимъ и потому, что онъ написанъ Гизо и былъ первымъ актомъ новаго періода его политической жизни, когда онъ является уже однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи.

Въ комиссіи, назначенной для составленія прокламаціи, вромѣ Гизо и Вильмена, представителей умѣреннаго отѣнка либеральной партіи, находились Бенжаменъ-Констанъ и Берарь, принадлежавшіе къ самымъ требовательнымъ либераламъ. Такимъ образомъ, прокламація, вышедшая изъ совѣщаній комиссіи, можетъ считаться самымъ вѣрнымъ выраженіемъ политической программы цѣлой либеральной партіи.

Прокламацію герцога Орлеанскаго, на которую ссылается прокламація депутатовъ, но настоящему, не стоило бы и приводить, потому что въ ней не заключается ничего, кромѣ общихъ фразъ, съ неосновательною похвалою герцога самому себѣ за мужество, котораго онъ не оказывалъ. Однако, приведемъ и ее, чтобы читатель видѣлъ совершенную пустоту этого документа, также рѣшавшаго судьбу Франціи.

„Жители Парижа,

„Депутаты Франціи, нынѣ собравшіеся въ Парижѣ, выразили желаніе, чтобы я прибылъ въ столицу для исполненія обязанностей намістника королевства.

„Неколеблясь, явился я раздѣлять ваши опасности, сталъ среди героическаго населенія, чтобы употребить всѣ мои силы для предотвращенія междоусобной войны и анархій. Вступая въ Парижъ, я съ гордостью надѣлъ славную трехцвѣтную кокарду, которую возстановили вы и которую долго носилъ самъ я.

„Палаты скоро соберутся; онѣ примутъ мѣры для упроченія царства законовъ и огражденія правъ націй.

„Конституція отнынѣ будетъ истинною.

„Людвигъ-Филиппъ Орлеанскій“.

Мы приведемъ также программу самой крайней изъ партій, игравшихъ замѣтную роль въ іюльскіе дни. Составители этой программы, которая осталась недействительною, потому что показала всѣмъ благоразумнымъ людямъ слишкомъ уже отважною, были не просто либералы, а республиканцы—то есть горсть людей, ушедшихъ неизмѣримо далеко впередъ отъ либераловъ. Но что же и эта программа обѣщала собственно для народа? ровно ничего дѣльнаго не обѣщала она—вотъ ея текстъ, слишкомъ оправдывающій наше грустное сужденіе:

„Франція свободна.

„Она хочетъ конституціи.

„Она даетъ временному правительству только право призвать ее въ установленіи формы правленія.

„Въ ожиданіи того, пока она выразитъ свою волю новыми выборами, уваженіе къ слѣдующимъ принципамъ:

„Отмѣненіе монархической власти;

„Управленіе государства исключительно людьми, получающими власть отъ избранія націй;

„Врученіе исполнительной власти президенту, избираемому на время;

„Прямое или косвенное участіе всѣхъ гражданъ въ избраніи депутатовъ;

„Свобода исповѣданій, отмѣна привилегій, даваемыхъ государствомъ одному исповѣданію предъ всѣми другими;

„Огражденіе армейскихъ и флотскихъ офицеровъ отъ произвольнаго удаленія министрами въ отставку;

„Учрежденіе національной гвардіи по всему пространству Франціи; этой гвардіи ввѣрятся охраненіе конституціи;

шимъ тратить деньги на маскарадные костюмы. Но хотя бы и безъ дорогаго мундира—что за радость ходить въ караулъ и на смотры человѣку, у котораго не достаетъ времени для отдыха послѣ 14 часовъ работы въ сутки? Это право напоминаетъ разсказъ старика у г. Печерскаго о томъ, какъ Васекъ дали „особенныя права“. „Выборная администрація“ — извѣстно, какъ дорожить простонародье правомъ выборовъ. „Изъятіе газетъ отъ произвола министровъ“ — но простонародье не читаетъ газетъ по своему безденежью и безграмотности, какое ему дѣло до независимости журналистики и свободы преній? „Огражденіе офицеровъ отъ такого же произвола“—объ этомъ нечего и говорить. Затѣмъ слѣдуетъ огражденіе непреклонныхъ убѣжденій либеральныхъ депутатовъ отъ искушенія быть подкупленными, и перечисленіе всѣхъ этихъ благъ кончается комплиментами принцу Орлеанскому—о народѣ и его судьбѣ, какъ видимъ, дѣйствительно нѣтъ ни слова. Какъ нѣтъ? Мы позабыли: вѣдь прокламація начинается комплиментами мужеству парижанъ,—либераламъ, какъ видимъ, не была извѣстна русская поговорка: „соловья баснями не кормить“; это бы еще ничего, но жаль, что и народъ не зналъ этой поговорки — иначе съ какой стати было бы ему умирать на баррикадахъ, когда вся награда ему за битву должна была ограничиться комплиментами его мужеству?

Либералы совершенно ничего не дѣлали и не хотѣли дѣлать для народа; но тѣмъ не менѣе, независимо отъ ихъ собственной воли, образовались отношенія, которыя въ случаѣ надобности обезпечивали имъ содѣйствіе народа,—мы старались показать, что эта готовность массы стать за либераловъ была ими не заслужена, далѣе мы увидимъ, что они даже не умѣли предчувствовать ее, — но она существовала.

Самымъ сильнымъ и самымъ общимъ основаніемъ ея было то, что либералы боролись противъ партій, подозрѣваемой народомъ въ стремленія возстановить прежній порядокъ дѣлъ и зато ненавистной народу. „Врагъ нашихъ враговъ другъ намъ“ — это заключеніе слишкомъ часто ведетъ къ самымъ горькимъ разочарованіямъ; очень часто случается людямъ, руководясь имъ, попадать изъ Сциллы въ

„За эти привилегіи мы жертвовали жизнью; въ случаѣ нужды мы будемъ поддерживать ихъ законнымъ сопротивленіемъ съ оружіемъ въ рукахъ“.

Какъ видимъ, эта программа отличается отъ прокламацій депутатовъ тремя существенными пунктами: требованіемъ республиканской формы, требованіемъ уничтоженія палаты наслѣдственныхъ перовъ (оно заключается въ выраженіи: управление государства исключительно людьми, получающими власть отъ избранія націи), наконецъ, требованіемъ предоставленія избирательныхъ правъ всему населенію Франціи (*suffrage universel*), а не однимъ богѣе или менѣе зажиточнымъ людямъ.

Спрашиваемъ теперь: какое изъ этихъ требованій имѣетъ цѣлью существенное улучшеніе простонароднаго быта? тѣмъ легче простому народу становится платежъ податей, отправленіе военной повинности, тѣмъ улучшаются его отношенія къ землевладѣльцамъ и хозяевамъ фабрикъ отъ замѣненія слова „король“ словомъ „президентъ“ и тому подобнымъ, чисто отвлеченнымъ, реформъ государственнаго устройства?

Позднѣе, программа республиканцевъ была не такова. Они трубили не объ однихъ пустыхъ словахъ, имѣющихъ смыслъ для правдивыхъ политическихъ споровъ — они требовали также: уничтоженія обременительныхъ для простонародья налоговъ на соль, вино и другія жизненныя потребности, вообще измѣненія системы податей для облегченія простонародья; уменьшенія арміи и измѣненія системы конскрипціи (сокращеніе срока службы, отмена увольненій отъ личной службы поставкою наемщика и проч.); они требовали реформы гражданскихъ законовъ, невыгодныхъ для простолюдина; требовали, чтобы образованіе сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ состояній. Надобно впрочемъ прибавить, что всѣ эти требованія въ 1848 году оказались пустыми словами,—республиканцы не умѣли совершить въ одвой изъ реформъ, обѣщавшихъ улучшеніе народнаго быта по ихъ программѣ.

Харибду, или, по русской поговоркѣ, изъ огня въ полымя; но тѣмъ не менѣе рѣдко упеѣвають оберечь себя отъ него даже такіе опытные въ политическихъ дѣлахъ, такіе осторожные и недовѣрчивые люди, какъ дипломаты. Что же удивительнаго, если простой народъ мало по малу поддался этой мысли? Феодалы нападали на новыя учрежденія, дорогія народу — либералы защищали эти учрежденія, — чего же больше? Масса стала довѣрчива къ нимъ. Правда, защищались эти учрежденія либералами вовсе не въ томъ духѣ, не съ тѣми цѣлями, съ какими вводились; смыслъ однихъ и тѣхъ же словъ не былъ въ 1820-тыхъ годахъ таковъ, наковъ былъ тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Но гдѣ же было народу разбирать такія тонкости? Не у него одного, и у большинства людей образованныхъ, сильнѣйшій элементъ въ умственной жизни — рутина; народъ привыкъ любить извѣстныя слова, и не могъ не имѣть симпатіи къ защищавшимъ эти слова.

Кромѣ этого общаго основанія было другое, болѣе частное, но во многомъ съ нимъ сходное и почти столь же сильное. Нападая на новыя учрежденія, реакціонеры позорили и всѣ правительства, существовавшія на этихъ началахъ — въ томъ числѣ, они безпощадно бранили Наполеона. Либералы сами были не очень расположены къ Наполеону — и въ 1814 и въ 1815 годахъ, оба раза ихъ нерасположеніе сильно содѣйствовало паденію его. Но роялисты заходили въ своей ненависти уже слишкомъ далеко, — либералы, разгорячаемые постояннымъ споромъ съ ними о всемъ на свѣтѣ, принялись пылко защищать и Наполеона. А для народа Наполеонъ и трехцвѣтное знамя Имперіи были символами славы Франціи, побѣды ея. Либералы явились народу защитниками національной славы. Это было тѣмъ неизбѣжнѣе, что роялисты съ принцемъ Конде сражались въ рядахъ коалиціонныхъ армій противъ Франціи — какъ же было либераламъ не нападать на измѣну родинѣ, когда измѣнниками были ихъ враги?

Наконецъ, очень важную роль во всемъ дѣлѣ, кончившемся іюльскими днями, игралъ Беранже. Едва ли кто имѣлъ такое сильное вліяніе на неходъ тогдашнихъ событій, какъ онъ. Его пѣсни дѣйствительно были любимы народомъ. Онъ ненавидѣлъ Бурбоновъ, — и народъ постепенно привыкалъ въ чувству, которое внушала ему пѣвецъ его лишеній, его надеждъ. А Беранже ненавидѣлъ Бурбоновъ за то, что они были орудіемъ реакціонеровъ.

Наши разеужденія вышли очень длинны, и намъ пора было бы ихъ кончить. Но прежде, чѣмъ возвратимся къ разсказу о ходѣ событій, мы хотимъ оправдаться передъ читателемъ въ упрекѣ, котораго не только ожидаемъ, но даже желали бы. Въроятно, не за одну длинноту упрекнуть наше длинное изложеніе возможнаго и разумнаго, — читатель скажетъ также, что оно лишено всякаго реальнаго основанія. Мы говоримъ, что легче и выгоднѣе всего былъ бы для Бурбоновъ союзъ прямо съ народомъ, мимо всякихъ союзовъ съ либералами или роялистами, но что, когда уже не захотѣли Бурбоны этого союза, натуральнѣе всего было бы имъ, если бы только они понимали свои выгоды, соединиться съ либералами; — что всѣ разумныя соображенія о собственныхъ интересахъ, о собственномъ спокойствіи, не говоря уже о славѣ, должны были сдѣлать Бурбоновъ покровителями либераловъ. Все это такъ, скажетъ читатель, но разеуждать о подобныхъ вещахъ значитъ тоже самое, что доказывать выгодность теченія Волги съ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ Камышина къ городу Либавѣ: вещь оно была бы прекрасная, слова нѣтъ, но совершенно несообразная съ законами природы. Бурбоны по своей исторіи,

по своей натурѣ, по всей своей обстановкѣ не могли дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовали. Такъ, къ сожалѣнію, совершенно такъ. Напрасно очевиднѣйшая выгода, настоятельнѣйшая необходимость указывала имъ иной путь—въ нихъ не было силъ идти по этому счастливому пути, въ нихъ не было даже способности видѣть этотъ путь. Такъ, разсудокъ чуть ли не совершенно безсиленъ въ исторіи. Напрасно говорить о немъ, это пустая идеологія. Но если такъ, почему же не понимаютъ люди хотя этого? Если ослѣпленіе рутинною и обстановкою сильнѣе естественныхъ выгодъ въ человѣкѣ, почему же мы не принимаемъ этого факта, не соображаемъ съ нимъ нашихъ отношеній къ человѣку?

Есть въ исторіи такія положенія, изъ которыхъ нѣтъ хорошаго выхода,—не оттого, чтобы нельзя было представить его себѣ, а оттого, что воля, отъ которой зависить этотъ выходъ, никакъ не можетъ принять его. Правда, но что же въ такихъ случаяхъ остается дѣлать честному зрителю? ужели обманывать себя обольщеніями о возможности, даже о правдоподобности такого принятія? Мы не знаемъ, что ему дѣлать, но знаемъ, чего онъ по крайней мѣрѣ не долженъ дѣлать: не стараться ослѣплять другихъ, остерегаться заражать другихъ идеологическою язвою, если самъ по несчастію подвергся ей, — оставимъ надежды ребятамъ, взрослому человѣку неприлично ожидать виноградныхъ гроздовъ на терновникѣ.

Но возвратимся же наконецъ къ разсказу о событіяхъ.

Назначеніе Полиньяка министромъ было принято всею Франціею, какъ слѣдствіе рѣшимости Карла X выйти изъ границъ законности для упроченія колебавшагося господства роялистовъ. Либералы ужасались, ожидал насильственныхъ мѣръ. Даже многіе роялисты, сохранявшіе нѣкоторое благоразуміе, видѣли необходимость предупредить короля, что совѣты слишкомъ опрометчивыхъ товарищей ихъ могутъ быть для него губительны.

Въ самомъ дѣлѣ, глава министерства, Полиньякъ, былъ величайшій фанатикъ феодальной партіи. Давно онъ мечталъ о сильныхъ средствахъ къ возстановленію стариннаго порядка. Вильель, опасаясь неосторожныхъ совѣтовъ его Карлу X, отправилъ молодаго придворнаго посланникомъ въ Лондонъ; недовольный умѣренностью Мартиньяка, король сталъ думать о врученіи управленія своему любимцу, который совершенно сходилъ съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Полиньякъ былъ вызываемъ въ Парижъ для совѣщаній съ королемъ, — результатомъ совѣщаній была рѣшимость идти до послѣднихъ крайностей для поддержанія господства роялистовъ. Средство къ тому найдено было въ 14-мъ параграфѣ конституціи, который давалъ королю право „издавать распоряженія и повелѣнія, нужныя для безопасности государства“. До сихъ поръ, всѣ партіи соглашались, что тутъ разумѣются единственно административныя распоряженія, которыми опредѣлялись бы только мѣры и способы исполненія изданныхъ правильнымъ образомъ законовъ, а никакъ не распоряженія, которыми бы отиѣнялись или нарушались законы. Но конгрегация, управлявшая Карломъ X и Полиньякомъ, убѣдила ихъ въ возможности и необходимости другаго толкованія. Король и его любимецъ приготовились, если не найдутъ покорности въ палатахъ, избираемыхъ законнымъ образомъ, безъ ихъ согласія измѣнить основныя законы королевства.

Слухи о такой рѣшимости распространились въ публикѣ. Министерскія газеты подкрѣпляли ихъ, доказывая необходимость крайнихъ средствъ со стороны министерства. „Уступокъ больше не будетъ, восклицали онѣ, битва между прави-

тельством и революціею возобновлена“. Надобно замѣтить, что подъ именемъ революціи на языкѣ роялистовъ разумѣлись всѣ новыя учрежденія въ гражданскомъ быту; каждый, находившій невозможнымъ полное возвращеніе къ старинѣ, назывался у нихъ революціонеромъ, въ томъ числѣ даже Ройе-Коляръ, при Наполеонѣ постоянно рисковавшій жизнью для Бурбоновъ, и Гизо, бывшій посредникомъ между Бурбонами и остававшимися во Франціи роялистами во время Ста Дней. „Игра началась, восклицали роялистскіе газеты, и надобно знать, что поставлено на карту съ той и другой стороны. Мы ставимъ на карту престоль. Это наша послѣдняя ставка: идти ва-банкъ противъ революціи“. Но трудно будетъ управлять государствомъ въ противность желанію большинства или съ нарушеніемъ парламентскихъ формъ, возражали осторожнѣйшіе изъ роялистовъ, предвидѣвшіе опасность игры, начинаемой фанатиками. Министерскія газеты отвѣчали на ихъ предостереженія презрительнымъ гнѣвомъ. „Есть люди, говорящіе о большинствѣ шпатель,— они удивляютъ насъ. Скажите, важно или не важно покончить съ революціей? Вы говорите: да. Прекрасно. Но если большинству палатъ придется въ голову думать не такъ, неужели слѣдуетъ отказаться отъ спасенія? Это было бы забавно. Когда планъ составленъ, когда онъ необходимъ, слѣдуетъ исполнять его до конца; иначе нельзя спасти общество“. Изъ такихъ словъ были очевидны намѣренія министерства. Оно рѣшилось не обращать вниманія на волю парламентскаго большинства.

Доведенные до крайности, либералы ожидали спасенія себѣ и престолу отъ приближавшагося собранія палатъ. Парламентскія каникулы кончались. 2 марта 1830 года начались обычнымъ церемоналомъ засѣданіи палатъ. Тронная рѣчь открыто выразила намѣреніе правительства прибѣгнуть въ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ случаѣ несогласія большинства съ системою министерства. „Перы Франціи, депутаты департаментовъ, сказалъ Карлъ X, я не сомнѣваюсь въ вашемъ содѣйствіи къ совершенію добра, мною желаемого. Вы съ презрѣніемъ отвергнете коварныя внушенія, распространяемыя зложелательствомъ. Но если бы преступныя интриги противопоставили моей власти препятствія, которыхъ я не долженъ, которыхъ я не хочу предвидѣть, я нашелъ бы силу побѣдить ихъ въ моей рѣшимости охранять общественное спокойствіе“.

Вызовъ былъ сдѣланъ. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что министерство хочетъ считать преступленіемъ сопротивленіе палатъ его системѣ и намѣрено прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для подавленія беспорядковъ, которыхъ ожидало само отъ своихъ распоряженій. Указаніе на вооруженную силу было тѣмъ оскорбительнѣе, что не оправдывалось никакимъ предлогомъ. Во всей Франціи господствовалъ ненарушимый порядокъ. Никто изъ противниковъ министерства не думалъ переступать границъ закона. Всѣ осуждали опрометчивость рѣчи. Но министерскія газеты почли нужнымъ комментировать тронную рѣчь слѣдующими словами: „Мы папомнимъ, что Георгъ III англійскій публично благодарилъ солдатъ, стрѣлявшихъ по черни, которая собралась освободить изъ тюрьмы Уилькса, мятежнаго члена палаты общинъ“. Мало было общей угрозы вмѣшательствомъ вооруженной силы; надобно было еще пояснить, что она будетъ призвана именно противъ палаты депутатовъ. Большинство палаты хотѣло исполнить свою обязанность, выразивъ королю опасеніе о гибельности политики, принятой его министрами. Комиссія палаты составила проектъ адреса, проникнутый тономъ почтительнымъ, но

печальнымъ. Она считала обязанностью палаты открыть Карлу X глаза на несогласіе политики его министровъ съ чувствами націи.

„Среди единодушныхъ чувствъ уваженія и привязанности, которыми окружаетъ васъ вашъ народъ (говорилъ адресъ), обнаруживается въ умахъ живая тревога, возмущающая спокойствіе, которымъ Франція начала наслаждаться, иссушающая источники ея благоденствія и, въ случаѣ продленія, могущая сдѣлаться гибельной для ея тишины. Совѣсть, честь, та вѣрность, которой мы поклялись вамъ и которую навсегда соблюдемъ, возлагающъ на насъ обязанность открыть вамъ причину этой тревоги.

„Государь! констатую, которою мы обязаны вашему августѣйшему предшественнику и упочить которую твердо намѣрено ваше величество, освящаетъ право участія страны въ обсужденіи общественныхъ интересовъ. Это участіе, какъ и слѣдовало, производится не прямымъ, а посредственнымъ образомъ; степень его мудро измѣрена, оно заключено въ точныя границы, и мы никогда не попустимъ, чтобы кто-нибудь осмѣлился преступить эти границы; но результатъ его положителенъ, потому что оно дѣлаетъ постоянное согласіе политическихъ видовъ вашего правительства съ желаніями вашего народа необходимымъ условіемъ правильнаго теченія общественныхъ дѣлъ. Государь! наша вѣрность, наша преданность престолу обязываютъ васъ сказать намъ, что это сочувствіе не существуетъ.

„Высокая мудрость вашего величества да будетъ судьей между тѣми, которые не довѣряютъ націи столь спокойной, столь вѣрной, и между нами, съ глубокой увѣренностью излагающими вашему сердцу скорбь цѣлаго народа, желающаго пользоваться расположеніемъ и довѣріемъ своего короля. Преимущества короны вашего величества даютъ вамъ средство упочить между государственными властями гармонію, первое и необходимое условіе силы престола и величія Франціи“.

Коммиссія, составившая прозекъ, старалась избѣжать въ немъ всякаго выраженія, походяго на требовательность. Она хотѣла только указать на несогласіе большинства съ министрами, оставляя королю совершенную свободу въ выборѣ средствъ для возстановленія согласія. Адресъ не говорилъ даже о необходимости перемѣны министерства. Онъ говорилъ только, что король, сохраняя министерство, долженъ распустить палату, или на оборотъ, сохраняя палату, измѣнить политику министерства.

Умѣренные роялисты согласились на прозекъ адреса вмѣстѣ съ либералами. Онъ былъ принятъ большинствомъ 221 голоса противъ 181.

Незначительность большинства, принявшаго адресъ и составленнаго голосами умѣренныхъ роялистовъ, показывала, какихъ ничтожныхъ уступокъ было бы достаточно для примиренія съ палатою. Довольно было бы министерству отказаться отъ своихъ совершенно излишнихъ угрозъ, не вызываемыхъ ничѣмъ. Но крайніе роялисты были глухи. 18 марта адресъ былъ представленъ; 19 марта засѣданія палаты отсрочены; черезъ нѣсколько времени она была объявлена распущенной и назначены новые выборы. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что эти выборы еще менѣе прежнихъ будутъ благоприятны министерству, которому оставалось тогда или удалиться, или прибѣгнуть къ незаконнымъ средствамъ. Двое изъ министровъ, видѣвшіе безразсудство остальныхъ, вышли въ отставку. Полиньякъ замѣнилъ ихъ другими, болѣе рѣшительными.

Дѣйствительно, всѣ члены прежней палаты, вотировавшіе адресъ, были из-

браны вновь; большая часть крайнихъ роялистовъ прежней палаты не попала въ новую. Но и новая палата была проникнута преданностію къ Бурбонамъ. На выборахъ либеральныхъ членовъ это чувство выражалось съ совершенной ясностью; они одобряли адресъ прежней палаты, но понимали его въ томъ самомъ смыслѣ, какой придавалъ ему Дюпенъ старшій: „Коренное основаніе адреса — глубокое уваженіе къ лицу короля; онъ выражаетъ высочайшее благоговѣніе къ древней династіи Бурбоновъ; онъ представляетъ владычество законной династіи не только какъ легальную истину, но и какъ общественную необходимость, которая нынѣ для всѣхъ здравыхъ умовъ является результатомъ опыта и убѣжденія“. Словомъ сказать, ни либералы, ни умѣренные роялисты, составлявшіе большинство, не дерзали и въ глубинѣ своихъ мыслей касаться правъ престола. Они находили только, что политика крайнихъ роялистовъ несовмѣстна съ положеніемъ дѣлъ. Крайніе роялисты имѣли теперь выборъ между двумя рѣшеніями: или оставить хотя на время министерство, чтобы дать успокоиться общественному мнѣнію, или подвергнуть престолъ страшной опасности изъ-за желанія удержать власть въ своихъ рукахъ. Они избрали послѣднее.

Палаты должны были собраться 3 августа. Еще въ началѣ іюля, когда сдѣлался извѣстенъ результатъ новыхъ выборовъ, министры окончательно составили планъ своихъ дѣйствій. Они положили, пользуясь четырнадцатымъ параграфомъ конституціи, распустить новую палату прежде, нежели она соберется, измѣнить одною волею правительства законъ о выборахъ и возстановить цензуру. Совѣщанія министровъ хранились въ глубочайшей тайнѣ, но она не могла скрыться отъ придворнаго круга. Всѣ, посѣщавшіе дворецъ, догадывались, что приближается время насильственныхъ мѣръ, о которыхъ давно говорили газеты. Крайніе роялисты съ восторгомъ передавали другъ другу выдуманный анекдотъ объ угольщикѣ, который будто бы сказалъ королю: „Государь! угольщикъ—господинъ въ своемъ хозяйствѣ, будьте господиномъ въ своемъ“.

Иностранные посланники, слышавшіе о намѣреніи Полиньяка, единогласно осуждали его; самодержавные государи Европы раздѣляли мнѣнія проникательныхъ дипломатовъ о неблагоразуміи мѣръ, на которыя склонили Карла X его опрометчивые совѣтники. Меттернихъ, конечно, не слишкомъ любилъ конституціонный порядокъ, но и онъ говорилъ французскому посланнику при Вѣнскомъ дворѣ: „Нельзя вашему правительству насильственно измѣнять законовъ, которыми оно не довольно; единственное средство ему для этого—дѣйствовать съ согласія палатъ; другаго пути Европа не можетъ одобрить; насильственные мѣры погубятъ династію“. Люди, желавшіе предупредить бѣдствіе, искали другаго совѣтника, голоса котораго внушалъ бы еще больше уваженія французскому королю. Они просили русскаго императора не оставить Карла X своими совѣтами, и покойный государь, Николай Павловичъ, имѣлъ съ французскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, Мортиаромъ, разговоръ, послѣ котораго посланникъ долженъ былъ написать Полиньяку: „Мнѣніе императора таково, что, нарушивъ конституцію, французское правительство подвергнется катастрофѣ. Если король захочетъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, онъ понесетъ за нихъ отвѣтственность, прибавилъ императоръ; Карлъ X долженъ помнить, что союзники по парижскому трактату приняли на себя ручательство въ сохраненіи французской конституціи“. Черезъ нѣсколько времени болѣзнь принудила Мортиара возвратиться во Францію; графиня

Нессельроде даде му письмо къ королю, въ которомъ снова напоинналось, что русскій императоръ рѣшительно не одобряетъ никакихъ мѣръ, противныхъ конституціи.

Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ знали о приготовляемыхъ повелѣніяхъ. Но либералы все еще не хотѣли вѣрить въ ихъ исполненіе. Они такъ были преданы династїи, что отталкивали отъ себя мысль о близости катастрофы. Сами за себя они такъ боялись волненій, что и въ министрахъ предполагали такое же отвращеніе отъ поступковъ, могшихъ вызвать мятежъ въ Парижѣ. Они не только не думали воспользоваться насильственными мѣрами министровъ для возбужденія народа, они даже были увѣрены, что народъ не можетъ быть возбуждевъ въ сопротивленію. За два дня до изданія повелѣній, одинъ изъ предводителей либеральной партїи, Одмлонъ-Барро, отвѣчалъ говорившимъ о возможности волненій: „Вы вѣрите въ возстаніе! О, Боже мой! Если конституція будетъ низвергнута, васъ поведутъ на эшафотъ, а народъ, сложа руки, станетъ смотрѣть на это“. За два дня до катастрофы онъ не вѣрилъ ей и не предчувствовалъ ея послѣдствій.

Вечеромъ того дня, когда были подписаны повелѣнія, герцогъ Орлеанскій, которому они давали престолъ, также еще не хотѣлъ вѣрить ихъ возможности. Ревностный роялистъ Витроль, усердію котораго Бурбоны больше всего были обязаны тѣмъ, что по взятїи Парижа въ 1814 году, союзные монархи вспомнили о нихъ, описывалъ герцогу дурные признаки, замѣченные имъ поутру въ Сенъ-Клу. Министры скрывались отъ него, но онъ предполагалъ что-то очень недоброе. „Но что же они хотятъ сдѣлать? съ безпокойствомъ сказалъ герцогъ Орлеанскій: — вѣдь они не могутъ же обойтись безъ палатъ, не могутъ выйти изъ конституціи“.

Совѣты Меттерниха и русскаго императора, просьбы Вильеля и всѣхъ роялистовъ, не раздѣлявшихъ ослѣпленія крайней партїи, были напрасны. 24-го іюля министры собрались для окончательнаго просмотра приготовленныхъ ими повелѣній. Одинъ изъ нихъ, Гернонъ Ранвиль, пытался убѣдить короля и своихъ товарищей отложить на нѣсколько времени эти повелѣнія. Другой министръ, д'Оссе, желалъ по крайней мѣрѣ знать, какими силами будутъ они располагать для усмиренія мятежа. „Имѣете ли вы въ Парижѣ хотя тысячу тридцать войска?“ спросилъ онъ Поляньяка. — Не тридцать, а сорокъ двѣ, отвѣчалъ Поляньякъ, перебрасывая черезъ столъ ему списокъ войскъ. — „Какъ, вскричалъ д'Оссе, я вижу здѣсь только тринадцать тысячъ! Тринадцать тысячъ на бумагѣ — это значить, что на битву только можно вывести семь или восемь тысячъ“. Но Поляньякъ и большинство министровъ никакъ не предполагали серьезнаго возстанія. Въ августѣ, либералы и осуждали по своимъ убѣжденіямъ всякую попытку мятежа, и боялись волненій; народу не было никакой разумной выгоды вступаться въ распри между двумя партїями, изъ которыхъ ни одна не была его партїей. Если бы народъ не увлекся надеждою на людей, вовсе не заслуживающихъ этой надежды, Поляньякъ былъ бы правъ. Онъ ошибся только тѣмъ, что не принялъ въ расчетъ бѣдственнаго положенія народа: отчаяніе вовлекло народъ въ опрометчивость.

24 іюля заготовленные повелѣнія были рассмотрѣны и одобрены министрами. 25 іюля министры снова собрались въ Сенъ-Клу, гдѣ жилъ король. Они собрались подписать эти повелѣнія. Молча сѣли они вокругъ стола. По правую руку КарлаX былъ Дофинъ, его сынъ, по лѣвую руку Поляньякъ. Д'Оссе возобновилъ свои вчерашнія замѣчанія. „Вы отказываетесь подписать?“ сказалъ Карлъ X, д'Оссе взялъ перо и подписалъ. Экзальтированная рѣшимость, смѣшанная съ безпокой-

ствомъ, выражалась на его лицѣ и лицахъ его товарищей. Одинъ Полиньякъ блисталъ радостью. Карлъ X также весело ходилъ по залѣ. „Что вы такъ смотрите?“ сказалъ онъ, проходя мимо д’Оссе, глаза котораго печально обозрѣвали залу. — „Государь, я смотрѣлъ, вѣтъ ли здѣсь портрета Страффорда“, отвѣчалъ министръ.

26 іюля явились въ „Монитёръ“ пять повелѣній. Первымъ изъ нихъ отмѣнялась свобода тисненія; вторымъ распускалась палата депутатовъ; третьимъ измѣнялся законъ о выборахъ; четвертымъ назначались новые выборы въ палату депутатовъ по измѣненному закону; пятое содержало нѣкоторыя частныя распоряженія, вытекавшія изъ втораго.

Либералы и умѣренные роялисты были поражены печалью и ужасомъ. Нѣсколько либеральныхъ членовъ распущенной палаты депутатовъ сошлись къ Казимиру Перье, одному изъ своихъ предводителей. Всѣ были въ какомъ-то оцѣпенѣніи. „Что намъ дѣлать, что намъ дѣлать?“ повторяли они другъ другу. Никто не зналъ, что отвѣчать. Одинъ заикнулся было, что должно протестовать. „Нѣтъ, мы теперь не имѣемъ права протестовать, мы уже лишены званія депутатовъ“, отвѣчали ему. Другіе депутаты собрались у де-Лаборда, туда явился Казимиръ Перье и объявилъ, что по распущеніи палаты они уже не имѣютъ званія депутатовъ, что министры ссылаются на конституцію, опираясь на четырнадцатый параграфъ ея, что стало быть остается одна надежда — на самого короля, который раньше или позже увидитъ ошибочность пути, на который увлекли его. Весь этотъ день прошелъ спокойно. Повидимому, министры торжествовали. Но масса медленна въ своихъ движеніяхъ. На другой день началось въ ней броженіе, котораго не замѣчалось наканунѣ. Черезъ два дня войска были принуждены выступить изъ Парижа, послѣ упорнаго сраженія съ простымъ народомъ.

Мы не станемъ разсказывать ходъ этой битвы: она велась не либералами, и намъ нѣтъ нужды упоминать о фактахъ, не относящихся къ цѣли нашего разсказа. Мы хотѣли только разсматривать интересы и дѣйствія двухъ политическихъ партій, вражда которыхъ составляетъ самую замѣтную сторону политической исторіи Франціи въ эпоху Реставраціи. Только ихъ дѣйствія будутъ занимать насъ и въ іюльскіе дни.

Исторія роялистовъ въ эти дни очень коротка и проста: они вовлекли несчастнаго Карла X въ гибельную борьбу, которая, даже при самомъ счастливомъ исходѣ, не могла бы принести ровно никакой пользы для королевской власти, — вовлекли въ борьбу единственно съ цѣлью возстановленія стариннаго устройства, въ сущности враждебнаго интересамъ престола. Не трудно догадаться, какъ должны были поступать такіе друзья. Пока волненіе только что разыгрывалось, они воображали его ничтожнымъ и чрезвычайно радовались ему: теперь-то будетъ на ихъ улицѣ праздникъ! Одною сѣткою прикроютъ они либераловъ! Они уже сочинили распоряженія объ арестованіи тѣхъ, головами которыхъ особенно интересовались (хотя совершенно напрасно, потому что изъ этихъ головъ большая часть не стояли гроша). Но вотъ, дѣло начало принимать сомнительный оборотъ — что тутъ стали дѣлать роялисты? Ни одинъ, разумѣется, не шевельнулъ пальцемъ для защиты короля, ввергнутаго имъ въ погибель. Хотя бы кто нибудь изъ людей, для пользы которыхъ Карлъ X жертвовалъ собою, взялъ ружье для его защиты — не взялъ ли одинъ. Что уже говорить о рискѣ жизни за престолъ? Хотя бы одинъ изъ роялистовъ подаль

кусокъ хлѣба, чашку воды несчастнымъ солдатамъ, которые сражались въ душныхъ улицахъ, подъ знойнымъ июльскимъ солнцемъ, изнемогали отъ голода и жажды, — и этого никто изъ роялистовъ не сдѣлалъ. Тѣ, которые были въ Сень-Клу, до послѣдней минуты хлопотали только о томъ, чтобы скрыть отъ короля истинное положеніе дѣлъ. Это имъ удалось превосходно: до той минуты, когда измученныя, разбитыя войска, отступая изъ Парижа, пришли въ Сень-Клу, Карлъ X былъ увѣренъ, что мятежъ подавляется, что вотъ-вотъ, черезъ часъ, черезъ полчаса явится къ нему депутаціи Парижа съ просьбой о пощадѣ раскаявшемуся городу. Эта исторія извѣстна, рассказывать ее нечего. А что же дѣлали тѣ роялисты, которые находились на мѣстѣ возмущенія? Немногіе, честнѣйшіе, покрѣпче заперлись въ свои дома, чтобы даже невзначай какъ нибудь не подвергнуться опасности; другіе, поразсчитливѣе, уже завязывали сношенія съ побѣдителями и, напримѣръ, великій референдарій Семонвилъ развѣзжалъ въ коляскѣ по Парижу, непристойными словами ругая безумцевъ, издавшихъ несчастныя повелѣнія. Это исторія также извѣстная.

Исторія либераловъ также хороша, хотя не такъ коротка. Мы уже видѣли ихъ подвиги 26 юля. На другой день, когда нѣкоторые отчаянные головы начали битву, масса либераловъ перетрусилась еще больше. „Плохи дѣла! говорилъ одинъ либеральный мануфактуристъ своимъ друзьямъ: — дать народу оружіе — онъ пойдетъ сражаться; не дать — онъ пойдетъ грабить“. Понятія о движеніи народа у либераловъ неотразимо связывались съ понятіемъ грабежа, — такихъ-то людей бѣдный Карлъ X считалъ революціонерами! Но что-то подѣлывать, напримѣръ, Лафайетъ, ужасный предводитель республиканцевъ? А вотъ что: по вечеру пришли было къ нему посовѣтоваться нѣсколько воспитанниковъ политехнической школы. Имъ отвѣчали, что Лафайетъ почиваетъ, и будить его нельзя. А что же вообще подѣлывали либеральные депутаты? Они съ похвальной неутомимостью опять-таки собрались у Казимира Перье, доказывать другъ другу, что не имѣютъ никакого права протестовать, а нѣкоторые прибавляли, что надобно написать письмо къ королю — содержаніе письма можно было читать на ихъ лицахъ, — почти всѣ трусили такъ, что даже не старались скрывать своего смятенія. Даже Вильменъ, который не отличался, какъ увидимъ ниже, особенно отважными намѣреніями, говорилъ, оглядывая дрожавшихъ товарищей: „не ожидалъ я найти столькохъ трусовъ въ одной комнатѣ!“ Хозяинъ, Казимиръ Перье, всегда славившійся пылкостью либеральныхъ рѣчей въ палатѣ, дрожалъ чуть ли не больше всѣхъ. У дверей дома, подъ окнами залы, гдѣ совѣщались депутаты, собралось нѣсколько человѣкъ молодежи. На нихъ ринулся отрядъ конницы — напрасно толкались въ запертую дверь безоружные юноши, чтобы укрыться отъ атаки — дверей не велѣли отворять, и несчастные были изрублены подъ глазами депутатовъ, — и дверь не отворилась спасти ихъ. Зато докторъ Тибо, пріятель генерала Жерара (тоже одного изъ предводителей либеральной партіи), явился къ Витролю просить его ѣхать въ Сень-Клу, чтобы искать примиренія съ Карломъ X.

Ночью (съ 27 на 28) населеніе Парижа готовится къ битвѣ. Съ ранняго утра начинается она уже въ серьезныхъ размѣрахъ. Опять являются къ Лафайету воспитанники политехнической школы, которые уже и наканунѣ дрались. Республиканскій вождь проснулся, — теперь они уже не уйдутъ безъ его совѣта: „посовѣтуйте вашимъ товарищамъ держать себя смирно“, говорить онъ имъ. Въ

12 часовъ утра депутаты опять собрались, на этотъ разъ у Одри де-Пюйраво. одного изъ неинныхъ, выказавшихъ мужество въ эти дни. Онъ зналъ, каковы его товарищи, и пригласилъ молодежь собраться на дворъ своего дома, чтобы уравнивать другимъ страхомъ страхъ, внушаемый Поляньякомъ. Могенъ, также отличавшійся мужествомъ, началъ совѣщаніе словами: „Совершается революція, мы должны руководить ею предлагаю составить временное правительство, требую, чтобы оно было учреждено немедленно“. — „Временное правительство? восклицаютъ въ ужасъ Себастьянъ, Шарль Дюпенъ, Казимиръ Перье: — что вы? да вѣдь это значило бы нарушать законный порядокъ! Останемся въ предѣлахъ закона!“ Разумѣется, предложеніе было отвергнуто. Но возстаніе съ того утра охватило уже весь Парижъ; многія части войска дерутся неохотно, нѣкоторые отряды уже колеблются, готовы присоединиться къ инсургентамъ, другіе отряды отступаютъ изъ улицъ, которыя должны были очистить, успѣхъ инсургентовъ вообще становится вѣроятенъ. Депутаты видѣли это, притомъ же со двора слышны крики революціонеровъ. Мужество депутатовъ подъ этими вліяніями возвышается до того, что Гизо читаетъ сочиненную имъ протестацію депутатовъ, — вчера депутаты отвергали мысль о ней, теперь согласились напечатать ее. Зато сколько революціонной отваги было въ этой протестаціи! Инсургенты, вчера крачавшіе только: „да здравствуетъ конституція!“ нынѣ уже сражались при крикахъ „долой Бурбоновъ!“ Протестація депутатовъ была наполнена выраженіями ненарушимой вѣрности къ королю. Уваженіе къ законному порядку простиралось до того, что депутаты даже не называли себя депутатами, а только „правильно избранными въ депутаты“: они признавали этимъ силу повелѣнія, распустившаго палату и лишившаго ихъ званія депутатовъ. Они говорили не о волѣ самого Карла X, а только „о совѣтникахъ, обманувшихъ намѣренія монарха“. Еще два дня назадъ журналисты издали протестацію гораздо болѣе твердую и подписались подъ ней. Депутатамъ, не потерявшимъ разсудка отъ робости, совѣстно было сравнить свою прокламацію съ прокламаціею журналистовъ; но они не отважились подвергать преніямъ проектъ ея, видя, что при всеобщей робости ихъ товарищей, пренія поведутъ только къ ослабленію выраженій, и безъ того уже трусливыхъ. Они постыдились убѣдить собраніе поскорѣе принять проектъ. Но тутъ возникъ вопросъ о томъ, подписывать ли протестацію. Безъ подписей она не имѣла никакого значенія; но большинство депутатовъ не хотѣло рисковать, и протестація была послана въ типографію газеты „Temps“. Издатель газеты принесъ бумагу обратно, говоря, что онъ не хочетъ напечатать безъ подписей такое трусливое объявленіе, за которое всѣ станутъ смѣяться надъ нимъ, если не будутъ знать имена авторовъ. Это было уже въ четыре часа вечера; инсургенты приобрѣли много новыхъ успѣховъ; мужество депутатовъ возросло до того, что они послѣ многихъ споровъ отважились согласиться на перечисленіе въ заголовкѣ бумаги всѣхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ, безъ различія присутствовавшихъ и неприсутствовавшихъ на совѣщаніи; штука хорошая: вѣдь это были не подписи, а просто исчисленіе именъ, оставлявшее каждому изъ упомянутыхъ лицъ совершенную свободу сказать потомъ, что его имя помѣщено въ списокъ безъ его согласія и вѣдома. Всѣхъ депутатовъ на совѣщаніи было только сорокъ одинъ; именъ было выставлено шестьдесятъ три. „Вотъ и прекрасно, съ прошѣй сказалъ Лафитъ: — въ случаѣ пораженія никто изъ насъ не подписывать, а въ случаѣ побѣды подписали всѣ“.

особенной трусостью по прежнему отличались знаменитый Казимиръ Перье и генералы Себастиани и Жераръ. Большинство собиравшихся депутатовъ слѣдовало примѣру ихъ осторожности. Единственное спасеніе себѣ видѣли они въ переговорахъ съ Еарломъ X, которые, при посредствѣ доктора Тибо, велъ Витроль. Въ первый разъ Витроль нашелъ Карла X не расположеннымъ слушать никакихъ предложеній. Когда онъ возвратился съ этими извѣстіями къ вечеру, Тибо снова просилъ его ѣхать въ Сень-Клу съ новыми просьбами. „Скажите, что съ готовностью исполнять все для охраненія королевскаго согласія отъ отгѣнка принужденности, говорилъ Тибо. Если нужно, высшія корпораціи парижскаго управленія, члены кассационнаго суда и апелляціоннаго суда отправятся въ Сень-Клу въ мундирахъ; такимъ образомъ снисходительность короны не будетъ казаться уступкою необходимости, а только милостивымъ отвѣтомъ на просьбы“. Кромѣ Карла X депутаты обращались съ просьбами въ маршалу Мариону, командовавшему войсками въ Парижѣ. Лафитъ, говорившій съ маршаломъ отъ ихъ имени, соблюлъ достоинство. Онъ прямо сказалъ, что если противозаконныя повелѣнія не будутъ отмѣнены, то онъ „отдаетъ свою жизнь и состояніе въ распоряженіе парижанъ“. Когда предложенія, переданныя черезъ Мармона, были отвергнуты въ Сень-Клу, онъ сдержалъ свое слово. Изъ ста человѣкъ либеральныхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ, человѣкъ десять выказали такую же смѣлость; всѣ остальные были безъ памяти отъ ужаса. Уже предвидѣлось, что завтра ни одного солдата не останется въ Парижѣ. Уже предвидѣлось, что инсургенты провозгласятъ завтра низверженіе Бурбоновъ; но Казимиръ Перье, вѣрнѣйшій представитель большинства либераловъ, все еще повторялъ: „Бурбоны—лучшее правительство для Франціи, лишь бы только они отказались отъ ультра-роялистовъ“. Два раза собирались депутаты этимъ днемъ, въ двѣнадцать часовъ и въ четыре часа; въ десять часовъ вечера было назначено третье собраніе. Инсургенты пріобрѣли много новыхъ успѣховъ: кромѣ дворцовъ Тюлерійскаго и Луврскаго и парижской ратуши, почти уже весь городъ былъ въ ихъ власти; войска были изнурены, отступали со всѣхъ позицій, упали духомъ; переговоры съ Сень-Клу и съ Мармономъ не привели ни къ чему; ходъ событій требовалъ наконецъ со стороны депутатовъ мѣръ болѣе рѣшительныхъ. Они чувствовали, что совѣщаніе, назначенное въ десять часовъ, не можетъ кончиться одними словами, и что же они сдѣлали? На прежнихъ собраніяхъ изъ ста или больше человѣкъ присутствовало до сорока. Въ десять часовъ явились въ назначенное мѣсто едва десять человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ семь выказывали мужество; другіе трое или четверо явились будто бы только затѣмъ, чтобы показать, каково должно быть состояніе духа у остальныхъ, не отважившихся явиться. Лафайетъ, Лафитъ, Одри де-Пюйраво, де-Лабордъ объявили, что надобно наконецъ прекратить безпорядочное кровопролитіе, и что они рѣшились на завтра руководить движеніями инсургентовъ. Гизо сидѣлъ молча и неподвижно. Себастиани съ волненіемъ объявилъ, что не можетъ присутствовать при такихъ совѣщаніяхъ и, обратившись къ другому депутату, Мешену, сказалъ: „уйдемте“. Оба ушли. И остальные разошлись, не рѣшившись ни на что, назначивъ только новое совѣщаніе въ шесть часовъ утра на другой день. При выходѣ Лафайетъ былъ встрѣченъ восклицаніями собравшейся толпы. Когда онъ садился въ карету, одинъ изъ инсургентовъ подошелъ къ нему и сказалъ: „генераль, я буду говорить отъ вашего имени; я скажу, что

вы приняли начальство надъ національной гвардіей“. (Замѣтитъ, что національная гвардія, въ случаѣ волнешій, собирается для того, чтобы быть посредницею между войсками и инсургентами; такимъ образомъ командованіе ею имѣло бы характеръ не мятежа, а примиренія). „Что вы хотите дѣлать, закричалъ пріятель Лафайета, Карбонель: вы хотите, чтобы генерала разстрѣляли?“

Путру въ шесть часовъ (29 іюля) явилось въ назначенное мѣсто (въ домъ Лафита) такъ же мало депутатовъ, какъ вечеромъ наканунѣ. Огромное большинство все еще не вѣрило близости побѣды. Ночью инсургенты заняли градскую ратушу: войска, кромѣ двухъ-трехъ казармъ, оставались только во дворцахъ. Но перепуганнымъ либераламъ отступление солдатъ казалось ихъ сосредоточеніемъ съ какими-то страшными цѣлями. Многіе уже думали только о средствахъ оправдаться передъ Полювьявомъ. Въ девять часовъ явились къ Лафиту еще не болѣе десяти человѣкъ. Но инсургенты противъ ожиданія либераловъ сохраняли всѣ свои позиціи, съ успѣхомъ нападали на войска; Мармонъ, вчера отвергавшій просьбу депутатовъ о перемиріи, теперь уже самъ предлагалъ его. Понемногу депутаты ободрялись, и къ двѣнадцати часамъ собралось ихъ уже около 30 человѣкъ. Лафитъ открылъ засѣданіе изложеніемъ необходимости принять дѣятельное участіе въ событіяхъ, Лафайетъ наконецъ объявилъ готовность взять начальство надъ національной гвардіей. Въ эту минуту приходитъ извѣстіе, что Луврскій дворецъ занятъ инсургентами. До сихъ поръ депутаты слунали Лафита и Лафайета съ унылымъ молчаніемъ, теперь у нихъ развязывается языкъ, Гизо одобряетъ намѣреніе Лафайета. Но предложеніе Могена составить временное правительство все-таки отвергнуто; по предложенію Гизо, депутаты рѣшаютъ составить только муниципальную комиссію для управленія Парижемъ въ отсутствіе правильныхъ властей: такимъ образомъ, они еще остаются, по своему любимому выраженію, „въ границахъ законности“. Большинство все еще трепещетъ отвѣтственности передъ Бурбонами. Но вотъ раздается шумъ у дверей залы: сержантъ Ришмонъ проситъ, чтобы его впустили; прислуга не соглашается: какъ можно войти солдату въ салонъ къ важнымъ сановникамъ? Онъ грозитъ лакеямъ эфесомъ своей сабли и входитъ въ залъ. Офицеры и солдаты 53 линейнаго полка прислали его объявить, что иolkъ переходитъ на сторону народа. Депутаты посылаютъ за полкомъ; дворъ Лафитова дома наполняется солдатами. Депутаты въ восторгѣ. Вдругъ раздается залпъ. Невыразимое смятеніе овладѣваетъ ими. Всѣ лица блѣднѣютъ. „Намъ измѣнили, насъ идутъ арестовать! Это королевская гвардія гонитъ инсургентовъ“. Всѣ бросаются бѣжать. Въ залѣ, на лѣстницѣ странная толкотня; многіе депутаты вылѣзаютъ въ окна, чтобы спрятаться въ саду; двоихъ нашли потомъ спрятавшимися въ конюшнѣ. Вмѣстѣ Лафитъ остается въ залѣ одинъ съ своимъ племянникомъ; что же такое случилось? Солдаты 6 линейнаго полка послѣдовали примѣру 53-го и, переходя на сторону народа, выпустили на воздухъ свои заряды. Много времени прошло, пока депутаты оправились отъ страха и собрались вновь; а между тѣмъ одно за другимъ приходили извѣстія о взятіи Тюильри, объ отступленіи королевскихъ войскъ къ Булоньскому лѣсу, о совершенномъ очищеніи Парижа отъ войскъ. Когда депутаты успокоились и воротились въ залъ, битва была уже совершенно кончена. Тогда и Казимиръ Перье, снова сдѣлавшійся героемъ, какимъ являлся въ старину на преніяхъ палаты, принялъ назначеніе быть членомъ муниципальной комиссіи.

Въ числѣ депутатовъ, разбѣжавшихся отъ Лафита, уже не было пяти или шести человѣкъ, имѣвшихъ дѣйствительное мужество. Одри де-Пюйраво ушелъ провожать Лафайета въ парижскую ратушу; трое или четверо другихъ съ утра того дня управляли инсургентами. Но и они взялись за дѣло тогда, когда побѣда уже была рѣшена. Быть можетъ, сами по себѣ они рѣшились бы на участіе въ сопротивленіи раньше, но робкіе товарищи господствовали и надъ ними.

Лафайетъ и муниципальная комиссія явились въ парижскую ратушу уже по окончаніи борьбы. Какъ выигралась побѣда, это ни мало не зависѣло отъ нихъ. Но управлять побѣдоноснымъ дѣломъ они были не прочь. Впрочемъ и въ этомъ заятш они оказались совершенно несостоятельными. Власть, которой они ничѣмъ не заслужили, скоро была взята изъ ихъ слабыхъ рукъ людьми еще менѣе раздѣлявшими опасности, но болѣе ловкими въ интригахъ. Замѣтимъ, кстати, еще одну черту: на крыльцѣ парижской ратуши Лафайетъ увидѣлъ молодого человѣка съ трехъ-цвѣтной кокардой и приказалъ снять ее: какъ видимъ, даже и послѣ совершенной побѣды, въ его умѣ еще не было твердой мысли, что бѣлая кокарда — символъ владычества Бурбоновъ — кончила свое существованіе.

Опасности уже не было; даже въ Сень-Клу убѣдились, что дальнѣйшая борьба невозможна. Тогда депутаты начали дѣйствовать смѣлѣе. Они видѣли, что парижскіе инсургенты никакъ не хотятъ покориться Бурбонамъ. Первою мыслію либеральныхъ депутатовъ было искать другихъ путей къ скорѣйшему возстановленію монархической власти. Депутація за депутаціей отправлялась отъ нихъ на дачу герцога Орлеанскаго съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя управленіе Франціею и титулъ намѣстника королевства. Изложеніе происковъ, интригъ и хитростей, которыми была достигнута эта цѣль, не входитъ въ границы нашего разсказа. Замѣтимъ только, что еслибы дѣло зависѣло отъ большинства либераловъ, Бурбонская династія не перестала бы царствовать во Франціи. Несмотря на ихъ чрезвычайную робость, находились даже и 30 числа между ними люди, протестовавшіе въ пользу Бурбоновъ противъ герцога Орлеанскаго. Въ собраніи депутатовъ, составившемъ формальное приглашеніе герцогу явиться въ Парижъ для управленія Франціею, Вильменъ говорилъ: „Вы не имѣете права располагать короною“. Только твердость Лафита, искренно преданнаго Луи-Филиппу, удержала депутатовъ отъ новыхъ попытокъ для возстановленія Бурбоновъ.

Таковы-то были люди, которыхъ Бурбоны считали готовыми къ мятежу. Не только приготовить мятежъ, или управлять имъ, но и принять участіе въ немъ никто изъ нихъ не рѣшился. Онъ также ужаснулъ либераловъ, какъ и роялистовъ. Обѣ партіи одинаково не умѣли даже предвидѣть его. Насколько позволила имъ робость, либералы въ продолженіе волненій дѣлали все, чтобы предохранить династію отъ паденія. Они дѣлали ей постоянныя предложенія примириться съ Парижемъ. Когда же инсургенты противъ воли либераловъ низвергли династію, они поспѣшили возстановить монархію при помощи единственнаго принца, пользовавшагося популярностью. Они такъ спѣшили этимъ дѣломъ, что передали ему власть безъ всякихъ условій, и герцогъ Орлеанскій вступилъ на престолъ съ тѣми же самыми правами, какими пользовались Бурбоны. Послѣ іюльскихъ дней роялисты лишились всякаго вліянія на правительство, перешедшее исключительно въ руки либераловъ; но, сравнивая власть Луи-Филиппа съ властью Людовика XVIII, мы

не замѣтимъ никакого уменьшенія въ ней отъ побѣды либераловъ. Правда и то, что не либералы одержали эту побѣду: они только присвоили ее себѣ.

Либеральные историки могутъ находить чрезвычайный прогрессъ въ Орлеанскомъ правительствѣ сравнительно съ Реставраціею. Нѣкоторыхъ перемѣнъ во многихъ частностяхъ и даже въ общемъ духѣ управленія нельзя не признать. Дезуиты утратили прежнюю силу надъ правительствомъ; газеты, хотя и не могли назвать себя совершенно независимыми отъ произвола, какъ въ Англіи, все-таки сдѣлались нѣсколько самостоятельнѣе; судебное сословіе также приобрѣло нѣсколько большую независимость отъ произвола министровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣсколько больше прежняго стало подчиняться общественному мнѣнію; оттого правосудіе улучшилось; избирательный цензъ былъ значительно пониженъ. Такихъ частныхъ можно набрать много. Но главная переиѣна состояла въ томъ, что опасность, грозившая новому гражданскому устройству при Бурбонахъ, теперь миновалась. Впрочемъ, цѣна этого выигрыша значительно понижается тѣмъ, что и при Бурбонахъ опасность ограничивалась только словами; на самомъ же дѣлѣ самыя безразсудныя ультра-роялисты и даже самъ Полиньякъ не отваживались предпринять ничего существенно важнаго къ восстановленію средневѣковыхъ злоупотребленій. Они мечтали о старинномъ порядкѣ, кричали о немъ, но едва задумывали начать что нибудь важное для исполненія своихъ плановъ, какъ уже отступали передъ дѣйствительностію. Съ 20-го года феодальная партія управляла государствомъ безпрекословно. Чтожъ особеннаго осмѣлилась она сдѣлать для осуществленія своихъ теорій? Она составила законъ о наѣоратствахъ, но такой робкій законъ, который могъ только раздражать своею несовременностію, а никакъ не измѣнить гражданскихъ отношеній на самомъ дѣлѣ, да и отъ того она отказалась при первой неудачѣ. Важнѣе была выдача вознагражденія эмигрантамъ. Но какъ ни кричали нѣкоторые ораторы о политическомъ значеніи этой мѣры, въ сущности она осталась не болѣе, какъ выдачею пособія членамъ и кліентамъ придворнаго круга. Безспорно, роялисты враждовали противъ новаго гражданского устройства; но оно укоренилось уже такъ прочно, что измѣнить его не было возможности, и вражда оставалась безсильна. Во всякомъ случаѣ, разумѣется, имѣла нѣкоторую важность переиѣна, уничтожившая даже угрозы на словахъ тому, что не было никогда въ опасности на дѣлѣ. Хотя очень мало, но все-таки нѣсколько выигралъ новый гражданскій порядокъ черезъ замѣненіе Карла X, Полиньяка и Шатобріана Луи-Филиппомъ, Гизо и Казимиромъ Перье.

Мы не напрасно кончили исчисленіе выгодъ новой системы сопоставленіемъ собственныхъ именъ: въ перемѣнѣ фамилій состояла существеннѣйшая часть переворота. Въ эпоху Реставраціи правительственная власть находилась въ рукахъ старинныхъ феодальныхъ фамилій; при Орлеанской династіи управляли Франціею люди средняго сословія. И прежде управленіе велось въ интересахъ средняго класса: вести его иначе не было физической возможности; по все-таки кое-что успѣвали сдѣлать потомки феодаловъ и для своего сословія. Теперь средній классъ былъ избавленъ отъ этихъ мелочныхъ непріятностей. Самъ управляя всѣми дѣлами, онъ могъ, разумѣется, лучше соблюдать свои интересы, нежели соблюдались они людьми другаго сословія, хотя и не бывшими въ состояніи нарушить выгодъ средняго сословія ни въ чемъ существенно важномъ, но все-таки старавшимися по возможности вредить ему въ пустякахъ.

Выигрышъ государства былъ хотя и не великъ, но все-таки несомнѣненъ: оно избавилось отъ опасеній, правда, лишенныхъ фактическаго основанія, но тѣмъ не менѣе тревожившихъ его. Выигрышъ средняго сословія былъ довольно великъ. Королевская власть ничего не проиграла отъ іюльскаго переворота. Что же выигралъ простой народъ, силою котораго среднее сословіе освободилось отъ своихъ противниковъ? Простой народъ сражался безъ всякихъ опредѣленныхъ собственныхъ требованій; онъ увлекся тяжестью своего положенія къ участию въ вопросахъ, чуждыхъ его интересамъ; онъ не озаботился продать свое содѣйствіе, не выторговалъ себѣ никакихъ условій прежде, чѣмъ примкнуть къ той или другой сторонѣ. Разумѣется, онъ не получилъ ничего.

Напрасная борьба династій противъ новыхъ интересовъ, нимало не враждебныхъ выгодамъ королевской власти; напрасный союзъ ея съ партіею, отъ торжества которой не могла она желать никакой пользы для себя, противъ партіи, искренно желавшей союза съ династіею, выгоднаго для династіи; оставленіе народа беззащитнымъ и безнадежнымъ вслѣдствіе противоестественнаго союза династіи съ феодалами; увлеченіе народа отчаяніемъ къ возстанію, — гибель династіи безъ пользы для народа, — вотъ въ короткихъ словахъ исторіи Реставраціи. Реакціонеры понесли наказаніе, котораго заслуживалъ ихъ эгоизмъ; но грустно то, что династія ради удовольствія этихъ бездушныхъ эгоистовъ готовила себѣ не нужную погибель.

Т Ю Р Г О.

Его ученая и административная дѣятельность, или начало преобразованій во Франціи XVIII вѣка. Сочиненіе *С. Муравьева*. Москва. 1858 года.

Г. Муравьевъ довольно исключительно держался началъ системы, съ которою мы никогда не соглашались. Знаменитый принципъ Гурне *laissez faire, laissez passer*, принимаемый за основаніе не только теоріи, но и практики многочисленною школою французскихъ экономистовъ, чуть ли не кажется и ему не только временною потребностью исторіи, развивающейся рѣзкими переходами изъ одной односторонней крайности въ другую, но и вѣчнымъ идеаломъ экономическаго устройства; идеаломъ, держаться котораго будетъ не только возможно когда нибудь по истеченіи столѣтій, по развитіи механическихъ средствъ до того, что отъ безмѣрнаго производства вещи потеряютъ свою мѣстовую цѣнность, въ томъ родѣ, какъ нынѣ воздухъ не имѣетъ ея; но котораго можно исключительно держаться и въ настоящее время, когда владычествуетъ золото, торговля, конкуренція, привилегіи и монополіи всякаго рода, когда существуетъ антагонизмъ между излишникомъ у однихъ и нуждою у другихъ. Читатель знаетъ, что мы не раздѣляемъ такого убѣжденія, и если бы мы непременно обязаны были выставить въ книгѣ г. Муравьева всѣ тѣ мѣста, съ которыми мы несогласны, и объяснять причины, по которымъ находимъ ихъ несовѣстными справедливыми, мы должны были бы переписать чуть ли не половину страницъ его труда съ прибавленіемъ замѣчаній, на которыя потребовалось бы вдвое больше страницъ. Но мы не хотимъ дѣлать этого; мы лучше хотимъ просто сказать, что книга г. Муравьева, какъ трудъ одного изъ послѣдователей школы Са, подлежитъ всѣмъ тѣмъ возраженіямъ и заслуживаетъ съ другой стороны многихъ изъ тѣхъ похвалъ, которыя примѣняются вообще во всей школѣ. Этимъ отзывомъ мы ограничимъ сужденіе объ общихъ идеяхъ книги; изложеніе книги мы должны похвалить: у г. Муравьева незамѣтно пустыхъ, самолюбивыхъ претензій, которыми такъ легко щеголять; онъ скромно и внимательно воспользовался матерьялами. какіе могъ имѣть; для человѣка, знакомаго съ французскою литературою политической экономіи, эти матерьялы покажутся очень обыкновенными, но для массы публики *Collection des économistes* и тому подобные сборники и сочиненія не служатъ настольными книгами; потому въ русской литературѣ трудъ г. Муравьева далеко не безполезенъ. Онъ собралъ много фактовъ, рассказалъ ихъ довольно ясно. — будемъ ему благодарны.

Этимъ ограничится нашъ разборъ труда г. Муравьева. Но мы хотимъ, вовсе

не споря съ авторомъ, изложить о предметѣ его сочиненія мнѣніе, которое считаетъ подходящимъ къ истинѣ ближе, нежели взглядъ школы Сэ.

Мѣсто не позволяетъ намъ изслѣдовать, по примѣру г. Муравьева, теорію меркантилистовъ; мы сосредоточимъ наше вниманіе исключительно на теоріи фізіократовъ и на дѣятельности самого Тюрго, какъ ни хотѣлось бы вамъ показать, что напрасно такъ презрительно отзывается о меркантилистахъ школа Сэ, когда сама еще по уши сидитъ въ меркантилизмѣ.

Прежде всего мы хотимъ показать, какъ смотрять на Тюрго и фізіократовъ экономисты школы, повидимому забываемой г. Муравьевымъ. Съ этой цѣлью мы отказываемся отъ претензіи на оригинальность, и читатель, вѣроятно, не подосадуетъ на насъ за то, что вмѣсто очерка, какой могли бы представить мы сами, онъ прочтетъ очеркъ гораздо краснорѣчивѣйшій.

Надъ комнатами г-жи де-Помпадуръ въ Версалѣ были темныя антресоли; тамъ жилъ докторъ фаворитки, Франсуа Кене, человѣкъ ученый и умный, проводившій свою жизнь въ размышленіяхъ о земледѣліи, въ исчисленіи его произведеній и стремившійся основать на этихъ исчисленіяхъ новую науку. Подъ ногами его переплетались политическія и любовныя интриги, а въ его тѣсной квартирѣ собирались за столомъ философы того времени, Дидро, д'Аламберъ, Эльвесіусъ, Бюффонъ; собирались друзья, скоро ставшіе его учениками, и въ числѣ ихъ человѣкъ, который въ свою очередь сталъ учителемъ, — Тюрго.

Кене выросъ въ деревнѣ, онъ внимательно анализировалъ то, что видѣлъ вокругъ себя, и сохранилъ отъ деревенской жизни воспоминанія, придававшія его бесѣдамъ грацію и колоритъ, которыхъ не находимъ въ его сочиненіяхъ. Авторитетность его рѣчи, его опытность, оплодотворенная размышленіемъ, новостъ его взглядовъ или, скорѣе, его опредѣленій, систематичность его ума, — все это дало ему прозелитовъ, которыхъ его скромность превратила въ почитательныхъ поклонниковъ. Скоро вокругъ его кресла составила школа, наполнившая шумомъ и жизнью вторую половину XVIII вѣка. Предвидя adeptовъ въ своихъ поспѣтеляхъ, онъ то бесѣдовалъ съ однимъ, съ другимъ изъ нихъ наединѣ, то, собирая ихъ вмѣстѣ, излагалъ имъ съ обворожительною серьезностью теоріи, которыя потомъ имѣли неизмѣримое вліяніе на ходъ событій и сущность которыхъ такова:

Человѣкъ живетъ матеріальными продуктами. Откуда онъ получаетъ ихъ? Изъ земли. Итакъ существенный характеръ богатства — его матеріальность, а истинный источникъ его — земля.

Но что нужно, чтобы земля служила человѣку?

Во-первыхъ, нужна годность поля для обработки, нужны строенія для земледѣльца, конюшни для лошадей, магазины для сельскихъ продуктовъ. Это называется поземельными затратами.

Что нужно еще? Нуженъ скотъ, нужны плуги, разныя земледѣльческія орудія, нужны сѣмена. Это называется первоначальными затратами.

Но это еще не все. Нужны также расходы на множество разныхъ работъ, на засѣвъ, на обработку земли, на сборъ жатвы; нужны также расходы на содержаніе земледѣльческихъ работниковъ, на прокормленіе домашнихъ животныхъ. Это называется ежегодными затратами.

Изъ этихъ трехъ родовъ затратъ, равно производительныхъ, потому что ихъ общее содѣйствіе порождаетъ жатву, поземельныя затраты дѣлаются собственни-

номъ; первоначальныя и ежегодныя затраты дѣлаются человекомъ, обрабатывающимъ землю.

Теперь предположимъ, что жатва собрана; расходы, сдѣланные вами для того, чтобы получить этотъ сборъ, нужно будетъ снова дѣлать вамъ, чтобы получить новый сборъ; такимъ образомъ на сѣмена, на кормъ для скота, на плату рабочимъ вамъ понадобится сумма, по крайней мѣрѣ, равная той, какая была нужна въ прошедшемъ году. Къ этой суммѣ надо прибавить другую, назначенную на исправленіе повредившагося плуга или на возобновленіе другихъ орудій, испортившихся отъ долгой службы, или на пріобрѣтеніе новой лошади, ставшей неспособною въ работѣ. Такимъ образомъ изъ настоящей жатвы надобно для полученія слѣдующей жатвы вычесть: 1) всю сумму ежегодныхъ затратъ, 2) сумму на ремонтъ первоначальныхъ затратъ. Это вычеты, остающіеся въ рукахъ у воздѣлывающаго землю.

Остатокъ есть процентъ на поземельныя затраты, это доходъ собственника или поземельный доходъ.

Налогъ не можетъ касаться вычетовъ, остающихся у воздѣлывателя, иначе нанесетъ смертельный ударъ будущей жатвѣ, потому что отъ уменьшенія издержекъ, которыхъ требуетъ обработка, пострадаетъ обработка, а излишнее сокращеніе законныхъ выгодъ воздѣлывателя заставитъ его покинуть деревню и обратиться къ городской промышленности. Такимъ образомъ остается истинно свободнымъ, подлежащимъ произвольному распоряженію только одинъ изъ всѣхъ родовъ дохода, даваемыхъ жатвою, — это доходъ собственника или чистый доходъ. Стало быть на немъ долженъ лежать весь налогъ.

Но если чистый доходъ, слишкомъ угнетаемый налогомъ, потеряетъ ту значительность, чтобы заинтересовать собственника въ воздѣлываніи земли, то капиталъ не замедлитъ покинуть земледѣліе. Тогда воздѣланные поля замѣнятся пустынями и великій источникъ довольства, богатства національной жизни изсякнетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что увеличеніе чистаго дохода должно составлять высшую цѣль правительственныхъ заботъ. Потому правительство безъ боязни можетъ вызывать дороговизну продовольствія. Высокая цѣна хлѣба обогатитъ собственника. Собственникъ, обогащаясь, будетъ привязываться къ землѣ; земля съ улучшеніемъ обработки умножитъ свои дары и при распространеніи изобилія по всей націи посредствомъ обмѣновъ, мануфактурный работникъ, для уплаты за вздорожавшій хлѣбъ, будетъ имѣть повысившуюся заработную плату *).

Таковы были первые выводы Кене; изъ нихъ легко уже предугадать результаты ученія повидимому столь простаго и безхитростнаго. Какъ! прсвозносимымъ епасительнымъ средствомъ представлялось повышение цѣны на хлѣбъ! дороговизна продукта, котораго бѣднякъ получаетъ и безъ того въ количествѣ, едва достаточномъ для поддержанія жизни. Теорія говорила народу, что если насущный хлѣбъ его вздорожаетъ, то и работа народа черезъ нѣсколько времени повысится въ цѣнѣ: но какова будетъ судьба народа въ теченіе того времени, пока не возобновится равновѣсіе? да и послѣ того, если мы согласимся, что повышение цѣны хлѣба вознаградится совершенно равнымъ повышеніемъ заработной платы (а это подлежитъ

*) Очевидно, что распредѣленіе земледѣльческихъ затратъ на три разряда Кене составило сообразно системѣ половинчества, почти исключительно господствовавшей тогда во Франціи. По этой системѣ владѣлецъ земли давалъ половинку готовая зданія; потому Кене и причисляетъ ихъ цѣнность къ поземельнымъ затратамъ.

еще сильному сомнѣнію),—если и будетъ такъ, какое же вознагражденіе придется несчастному, который, не находя работы, не получаетъ платы? Какое вознагражденіе придется работнику, постигнутому внезапной болѣзью? Кене забывалъ, что цифры въ его итогахъ представляютъ людей и что есть положенія, въ которыхъ дороговизна хлѣба бываетъ смертнымъ приговоромъ. Потому поднялось сильное неудовольствіе, когда тайна новой школы наконецъ разгласилась. Народъ, по выраженію Гальяни, плохой изслѣдователь причинъ, но великій знатокъ результатовъ, боялся потерять все то, что по идеямъ новой школы должны были выиграть собственники. Онъ не довѣрялъ теоріи, отрицавшей солидарность человѣчества и выдававшей свою основную мысль неблагоразумными, невозвратными словами: одни земледѣльцы составляютъ производительный классъ; остальные сословія—классъ, безплодный.

Дѣйствительно, таковъ былъ необходимый выводъ изъ основной идеи доктора Людовика XV. Объявивъ землю единственнымъ источникомъ богатствъ, онъ былъ принужденъ признать производительный классомъ однихъ земледѣльцевъ. Ремесленникъ, купецъ, докторъ, философъ, ученый, артистъ — всѣ они принадлежатъ къ безплодному классу (*classe stérile* *).

Правда, что у Кене и его школы это выраженіе не совсѣмъ соотвѣтствовало настоящей ихъ мысли; они вовсе не отвергали пользы различныхъ занятій, которыя оказывались какъ будто бесполезными по ихъ терминологіи; но съ экономической точки зрѣнія они считали эти занятія имѣющими только второстепенную полезность. Одинъ изъ нихъ, быть можетъ превосходившій всѣхъ другихъ блесвомъ ума, Бодо, писалъ къ господамъ ***, излагая основныя мысли своей школы: „Садясь за простой завтракъ, вы видите вокругъ себя собраніе произведеній всѣхъ климатовъ и обоихъ полушарій. Эти чашки и этотъ подносъ сдѣланы въ Китаѣ; этотъ кофе родился въ Аравіи; сахаръ, который вы кладете въ него, воздѣланъ въ Америкѣ; металлъ вашего кофейника происходитъ изъ Потоши. Этотъ ленъ, привезенный изъ Риги, обработанъ голландской промышленностію; наши деревни доставили на вашъ завтракъ только хлѣбъ и сливки“. И показавши, что весь земной шаръ, посредствомъ чудесъ промышленности и торговли, служитъ завтраку его корреспондентки, авторъ называетъ не болѣе какъ пріятными и считаетъ не болѣе какъ достойными приличнаго вознагражденія всѣ эти услуги, для которыхъ надобно было превозмочь тысячи препятствій, презрѣть безчисленными опасностями, съ иужествомъ, съ энергіею, иногда принимавшею ошибочное направленіе, но все-таки могущественною,—надобно было съ торжествомъ переплыть моря и побѣдить природу.

*) Мы не во всемъ согласны съ очеркомъ, которымъ пользуемся. Не всѣ примѣры выбраны здѣсь удачно. Трудъ доктора, дѣйствительно, самый производительный трудъ; предохраняя или восстанавливая здоровье, докторъ пріобрѣтаетъ обществу всѣ тѣ силы, которыя погибли бы безъ его заботъ; точно также ученый трудится производительно, когда занимается предметомъ, могущимъ распространить знаніе природы, или содѣйствовать просвѣщенію ума; но есть много наукъ, подобныхъ геральдикѣ, пустыхъ по своему предмету и затемняющихъ умъ своею фальшивостію. Мы не думаемъ, чтобы труды такихъ ученыхъ, какъ Несеній (авторъ польскаго генеалогическаго гербовника), могли быть названы производительными, а при нѣтъшнемъ состояніи наукъ, большинство ученыхъ трудится надъ подобными предметами. Изъ ремесленниковъ, не производителенъ трудъ всѣхъ тѣхъ, которые производятъ предметы роскоши. Къ сожалѣнію, большая часть художниковъ и артистовъ трудятся для искусства въ такомъ направленіи, которое также не можетъ быть названо производительнымъ. Они обыкновенно слушаютъ только прихотямъ роскоши. Изъ занятій, допускаемыхъ общественною совѣстью, почти каждое при соблюденіи извѣстныхъ условій можетъ быть производительнымъ, то есть служить на пользу людямъ; но должно признаться, что въ настоящее время находится очень много занятій, производимыхъ въ направленіи совершенно праздномъ, или даже прямо убыточномъ обществу. Мѣриломъ тутъ служить классификація общественныхъ потребностей.

Если ны спросишь, на чемъ основывалось безотчетное преимущество, отдаваемое Кеве и его учениками земледѣльцамъ, вотъ отвѣтъ:

„Ремесленникъ трудясь, философъ размышляя, вупецъ перевоза товары, артистъ доставляя намъ наслажденіе, всѣ они требуютъ средствъ къ существованію. Откуда же получаютъ нии средства существованія, какъ не изъ земли? Такимъ образомъ земля кормитъ тѣхъ, которые не обрабатываютъ ее, кормитъ излишкомъ, остающимся отъ пропитанія тѣхъ, которые обрабатываютъ ее. Этими чистыми доходами содержатся всѣ труды промышленности, торговли, умственной дѣятельности. Поземельный собственникъ, владѣлецъ чистаго дохода, вотъ истинный раздаватель щедротъ природы, сокровищъ земли, вотъ истинный кассиръ промышленности. Кто, кромѣ хозяина, воздѣлывающаго землю, создающаго чистый доходъ, имѣетъ право на почетный титулъ производителя? Конечно, ремесленникъ увеличиваетъ цѣнность матеріи, которую перерабатываетъ; но что изъ того, если въ продолженіи своей работы онъ потребляетъ равную цѣнность? Имя производителя заслуживаетъ одинъ тотъ, кто создаетъ не для себя одного, а также и для другихъ. Это хозяинъ, обрабатывающій землю, потому что онъ извлекаетъ изъ нея, во-первыхъ, свое продовольствіе, и сверхъ того, во-вторыхъ, чистый доходъ, то есть, средства, на которыя содержатся, источникъ, изъ котораго почерпаютъ торговцы, артисты, мануфактуристы, медики, писатели, адвокаты, ученые, словомъ сказать всѣ, которые, не обрабатывая земли, составляютъ другую дѣятельную часть человѣчества“.

Такимъ образомъ, ученіе Кене, названное фізіократіею, правленіемъ природы, раздѣляло общество на три класса: классъ собственниковъ, составлявшій подраздѣленіе производительнаго класса; классъ земледѣльцевъ или въ собственномъ смыслѣ производительный классъ, наконецъ бесплодный классъ, заключавшій въ себѣ ремесленниковъ, купцовъ, артистовъ.

Если бы фізіократы, по крайней мѣрѣ, почтили именемъ производителя страдальца, изнемогающаго и умирающаго, проводя борозду, на которой созрѣетъ колосья! Но они боялись бы оскорбить хозяина, нанимающаго работниковъ, еслибы поставили въ одинъ разрядъ съ ними бѣднаго поселянину, имъ нанимаемаго; п въ ихъ глазахъ даже среди сельскаго населенія отличительнымъ признакомъ производительнаго класса былъ не трудъ а расходованіе денегъ *).

Напротивъ, какъ завидна, какъ блистательна была роль, предоставляемая фізіократами собственнику! Возведенный ими на первое мѣсто въ производительномъ классѣ, онъ представлялся облеченнымъ высшею общественною должностію и для исполненія этой высокой должности ему надобно было только пользоваться своимъ имуществомъ. Онъ одинъ сидѣлъ за столомъ пиршества, его роль была спокойно потреблять свои доходы, а ремесленники и другіе члены бесплоднаго класса приносили къ его столу плоды своей промышленности и своего таланта въ обмѣнъ за остатки его трапезы.

А между тѣмъ, по странному опасенію, собственники были поражены ужасомъ.

*) Въ тогдашней Франціи, какъ мы замѣтили въ одномъ изъ прежнихъ примѣчаній, почти все пространство земли обрабатывалось по системѣ половинчества, изрѣдка по системѣ фермерства. Такимъ образомъ огромное большинство сельскаго населенія было исключено изъ участія въ пользованіи чистыми доходами или рентою. И если полученіе поземельной ренты составлялъ признакъ производителя, то, разумѣется, наемные работники или половники не могли назваться производителями въ строгомъ смыслѣ.

Кене, какъ мы видѣли, требовалъ, чтобы всѣ налоги были замѣнены однимъ поземельнымъ налогомъ. Собственники увидѣли только эту сторону теоріи, которая до чрезмѣрности преувеличивала ихъ важность, назначала имъ пышную праздность и стремилась замѣнить деревенской аристократіей прежнюю военную аристократію. Собственники не замѣтили, что посредствомъ возвышенія цѣнности хлѣба, Кене хотѣлъ косвеннымъ образомъ собирать съ промышленности то увеличеніе налога, которымъ, невидимому, грозила его система доходовъ собственниковъ.

Но фізіократы пользовались при Дворѣ силою, при помощи которой могли смѣло бороться съ противниками. Г-жа Помпадуръ ограждала ихъ учителя своею могущественною дружбой, а Людовикъ XV защищалъ ихъ своею беззаботностію. Когда въ концѣ 1758 года Кене надалъ свою „Экономическую таблицу“, первые оттиски сдѣлалъ король своими руками. Скоро Кене приобрѣлъ пылкихъ и преданныхъ помощниковъ. Ихъ тяжелыя и темныя сочиненія принесли бы впрочемъ довольно мало пользы новому ученію, если бы оно изъ книгъ не перешло въ летучіе листки. Кене одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ общественное мнѣше, какъ властелина новыхъ вреенъ. Когда одинъ сановникъ сказалъ при немъ: „государства управляются аллебардою“ онъ отвѣчалъ: „а кто управляетъ аллебардою?“ Фізіократы поняли важность журналовъ и у нихъ явились журналы.

Въ то же время образовалась другая школа. Гурне, столь же страстный поклонникъ торговли, какъ Кене поклонникъ земледѣлія, наблюдалъ явленія, поражаемыя старою системою запрещеній, таможенъ, привилегій, цеха. Онъ видѣлъ фабриканта, боровшагося съ фабричными регламентами, торговца боровшагося съ пошлинами, работника, поработеннаго цехами. Сколько законовъ, статутовъ, регламентовъ нужно было тогда знать и пересмотрѣть, чтобы выткать штуку какой нибудь матеріи! Если она не была правильно разбита на куски по три локтя, если она не имѣла указанной длины и ширины, если въ основѣ было больше указанного числа нитей, то грозили штрафы и процессы. И что это были за процессы, въ которыхъ фабрикантъ, неумѣвшій читать, былъ судимъ инспекторомъ, неумѣвшимъ ткать! Давно уже народы по преимуществу коммерческіе, англичане, голландцы сбросили эти путы, казавшіяся имъ послѣдними остатками варварства; Гурне, путешествовавшій изъ любознательности, занимавшійся самъ торговлею, видѣвшій отъ Кадикса до Гамбурга всемірную торговлю въ широкихъ размѣрахъ, извлекъ изъ своей долгой опытности нелюбовь къ вмѣшательству власти въ экономическія отношенія. Нужна была формула для начинавшейся эпохи владычества индивидуализма; Гурне нашелъ ее: *laissez faire, laissez passer*.

Легко угадать точку естественнаго несогласія школы Гурне съ школою фізіократовъ. Мыслители, поклонявшіеся промышленности и торговлѣ, могли ли согласиться на признаніе превосходства за земледѣліемъ? Дѣйствительно, въ этомъ вопросѣ они помирились не безъ труда. Но обѣ школы имѣли одну общую тенденцію, — индивидуализмъ; и общимъ девизомъ ихъ стала формула: *laissez faire, laissez passer*.

Въ самомъ дѣлѣ, глава фізіократовъ свою теорію чистаго дохода завершалъ признашемъ безграничной свободы собственника. Онъ хотѣлъ, чтобы собственникъ, одинъ подвергаясь налогу, могъ по своему капризу возвышать цѣну хлѣба, держать его въ магазинахъ, не пуская въ продажу, вывозить его за границу,

словомъ располагать хлѣбомъ какъ угодно, находя единственное ограниченіе своему произволу въ такомъ же правѣ другихъ собственниковъ.

Такииъ образомъ, два человѣка, вышедшіе изъ различныхъ точекъ, одинъ воспитанный на фермѣ, другой воспитанный въ купеческой конторѣ, проишедши нѣкоторое пространство на полѣ теоріи различными дорогами, вдругъ встрѣтились въ перекресткѣ, гдѣ надписью столба было слово: свобода. Важно было бы хорошенъко понять это слово. Сволькихъ бѣдсгій избѣжали бы народы, еслибы поняли, что нѣтъ свободы тамъ, гдѣ слабый остается безпомощнымъ. Но прежніе стѣснительные регламенты такъ утомили людей, что почти всѣ мыслители безусловно склонялись къ противоположному принципу, къ простому освобожденію индивидуума отъ всякихъ обязательствъ. Собственникъ и купецъ, богачъ и бѣднякъ, каждый предоставлялся теперь самому себѣ. Думали, что каждый лучше всѣхъ другихъ понимаетъ свою выгоду; будущность открывалась этому гордому чувству. Не нужно болѣе ни надсмотрщиковъ, ни сторожей, ни заставъ; не нужно опеки, хоть бы съ нею уничтожалась и защита.

Потому-то обѣ школы слились въ одну, и подъ общимъ именемъ экономистовъ они понли, соединивъ свои знамена, къ двоякому торжеству средняго сословія въ земледѣліи и торговлѣ.

Тюрго—тотъ человѣкъ XVIII вѣка, въ которомъ соединились обѣ школы: въ его трактатѣ *Sur la Formation et la Distributions des richesses* выразились всѣ ихъ ученія. Напрасно стали бы мы искать въ этомъ трактатѣ новыхъ взглядовъ, поразительныхъ открытій могущественнаго гениа: Тюрго былъ почтительнымъ ученикомъ Кене; если самъ онъ, какъ мы сказали, былъ почтенъ именемъ учителя, онъ обязанъ тѣмъ исключительно уваженію, какое внушалъ его возвышенный характеръ. Но историческую важность его сочиненія приобрѣтають именно отъ вѣрности, съ какою воспроизведены въ нихъ стремленія, идеи, софизмы цѣлой школы.

Трактатъ объ образованіи и распредѣленіи богатствъ не говоритъ ничего новаго о раздѣленіи общества на три класса, о преимуществѣ земледѣлія, о сущности и происхожденіи чистаго дохода; онъ только повторяетъ мысли, которыя мы уже видѣли у Кене. Потому мы рассмотримъ въ книгѣ Тюрго только отношенія теоріи экономистовъ къ простолудинамъ.

Вотъ что говоритъ Тюрго: „Простой работникъ, неимѣющій ничего кромѣ своихъ рукъ и своего промысла, получаетъ что нибудь только чрезъ то, когда ему удастся продать другимъ свой трудъ. Онъ продаетъ его дороже или дешевле; но эта цѣна, болѣе или менѣе высокая, зависитъ не отъ него одного: она происходитъ изъ условія, заключаемаго имъ съ нанимающимъ его. Наниматель платитъ ему за работу какъ можно дешевле; имѣя выборъ между большимъ числомъ работниковъ, онъ предпочитаетъ того, который работаетъ дешевле. Итакъ работники принуждены понижать цѣну на перебой одни предъ другими. Во всѣхъ отрасляхъ работы должно происходить и происходить, что плата работника ограничивается тою цифрою, какая необходима для доставленія ему его пропитанія“.

Да, описаніе феномена очень вѣрно съ фактами. Дѣйствительно, такъ происходитъ при владычествѣ индивидуализма, въ обществѣ, гдѣ каждый имѣетъ въ виду только самого себя, на этой аренѣ, гдѣ, влекомые конкуренщею, несчастные пролетаріи принуждены оспаривать другъ у друга работу какъ будто добычу, съ

опасностью губить другъ друга. Но развѣ это не безпорядокъ, не несправедливость, не насиліе! Когда съ одной стороны сильный, съ другой слабый, свобода сильнаго развѣ не угнетеніе слабого? Глубокіе вопросы, ихъ не предлагаетъ себѣ Тюрго! Принципъ, найденный въ ваши времена, безчестна и жестокая формула: „чужихъ дѣлъ знать не хочу, въ мои никто не мѣшайся“, *chacun pour soi, chacun chez soi*, эта формула въ сожалѣнію была принимаема Тюрго; а развѣ допустивъ принципъ, какъ остановить выводъ, если выводъ изъ него гибеленъ? „Такъ должно происходить“. Да, конечно „должно происходить“, что доля работника уменьшается до границъ необходимаго для его существованія, когда мы возьмемъ за точку отправленія право индивидуальности; но такъ ли было бы при системѣ взаимнаго обезпеченія?

Тюрго превосходно доказываетъ, что трудъ рабовъ мало производителенъ, потому что работникъ не достаточно заинтересованъ въ успѣхѣ труда: но онъ позабываетъ это соображеніе, когда рѣчь идетъ о трудѣ работника, свободнаго по имени, на фактъ раба нищеты. Тюрго не возмущается очевидною и несправедливою неравномѣрностью въ страданіяхъ и выгодахъ при слѣпой диктатурѣ системы *laissez faire*, — онъ видитъ въ этомъ натуральный порядокъ; онъ описываетъ фактъ и боится судить о немъ.

Чрезвычайно живымъ и проникательнымъ образомъ Тюрго перечисляетъ услуги капитала въ промышленности и показываетъ ихъ важность; но подобно всей школѣ, представителемъ которой онъ является, Тюрго совершенно произвольно и фальшиво смѣшиваетъ капиталъ съ капиталистомъ, изъ необходимости капитала выводя законность владычества капиталиста. И кромѣ того, развѣ трудъ не такъ же необходимъ, какъ и капиталъ? И если капиталъ есть богатство прошедшаго, развѣ не трудъ извлечетъ изъ него богатство будущаго? И когда вамъ говорить, что заработная плата должна ограничиваться необходимо-нужнымъ для пропитанія, неужели не дастъ на то отвѣта ваше сердце, если не дала голова? Странныя и печальныя увлеченія логики въ ошибочной или неполной системѣ! Тюрго, чловѣкъ благородной души, былъ до того увлеченъ своимъ принципомъ, что теоретически оправдывалъ ростовщиковъ. Понятно еще было бы, если бы онъ, провозглашая право заимодавца, основывалъ его на общественной пользѣ; но нѣтъ, это право казалось Тюрго столь безусловнымъ, столь независимымъ отъ всякой идеи общаго блага, что онъ не хотѣлъ даже, чтобы основаніемъ процентовъ представляли услугу, оказываемую заимодавцемъ должнику¹⁾; нѣтъ, чтобы заимодавецъ имѣлъ право требовать всего, что хочетъ, довольно было, по мнѣнію Тюрго, что „онъ хозяинъ своихъ денегъ“.

Какое сравненіе съ благородными, достойными возвышеннаго гешя, прекрасными словами Лоу: „Деньги въ вашихъ рукахъ только затѣмъ, чтобы вы пользовались ими, давали имъ обращеніе, для удовлетворенія вашихъ нуждъ и же-

¹⁾ Вотъ собственныя слова Тюрго: „Выгода которую можно извлечь изъ денегъ, полученныхъ въ займы, безъ сомнѣнія бываетъ одною изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ того, что предаторъ рѣшается занимать съ алатежемъ процентовъ; эта выгода одинъ изъ источниковъ легкости, какую находятъ онъ въ уплатѣ процентовъ; во вовсе не она составляетъ источникъ права заимодавца требовать процентовъ; этому праву достаточнымъ основаніемъ служить то, что онъ хозяинъ своихъ денегъ, и это право неразлучно связано съ собственностью. Онъ хозяинъ своихъ денегъ, стало-быть воленъ оставить ихъ у себя, нѣтъ ему никакой обязанности давать ихъ въ заемъ; потому, если оаъ даетъ ихъ въ заемъ, онъ можетъ поставлять этому займу какое хочетъ условіе“.

лавій; если вы не хотите сами пользоваться, ваши сограждане должны пользоваться ими; вы не можете лишать себя и другихъ права ими пользоваться, не совершая несправедливости и преступленія предъ государствомъ“.

Сравните эти два ученія, и рѣшите, которое лучше.

Не скроемъ: Тюрго въ великолѣпныхъ выраженіяхъ провозгласилъ: „право работать“. Безъ сомнѣнія, кто будетъ однимъ изъ правъ его на честь въ потомствѣ. Тогда еще не рушилось устройство, въ которомъ осмѣливались объявлять работу феодальною привилегіею сюзерена, — тогда большою заслугою было поставить право работать въ числѣ неотъемлемыхъ правъ человѣка.

Но не станемъ обманывать себя: Тюрго никогда не достигалъ того, чтобы признать за человѣкомъ „право имѣть работу“. Онъ хотѣлъ, чтобы бѣднякамъ была предоставлена свобода развивать свои способности, но онъ не допускалъ того, что общество обявано давать имъ средства достигать развитія. Онъ хотѣлъ, чтобы уничтожены были препятствія, ногущія возникать отъ вмѣшательства регламентаціи, но онъ не возлагалъ на общество обязанности служить опорой для бѣдныхъ, слабыхъ, непросвѣщенныхъ. Словомъ, онъ допускалъ право искать работы, а не право имѣть ее — различіе существенное, до сихъ поръ еще не вполне понятное.

Такимъ образомъ право, понимаемое экономистами въ абстрактномъ смыслѣ, было не болѣе какъ призракъ, споеобнымъ только держать народъ въ мученіи вѣчно обманываемой надежды. Право въ томъ смыслѣ, какъ опредѣляли его экономисты XVIII вѣка, какъ понималъ и провозглашалъ его Тюрго, могло служить только къ замаскированію несправедливостей, которыя должвы были возникнуть изъ господства индивидуализма, къ замаскированію варварства, оставлявшаго бѣдняка въ безпомощности.

Мало того, чтобы сказать: „ты имѣешь право“; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этимъ правомъ.

Мы видѣли, какъ ложно и опасно было ученіе экономистовъ XVIII вѣка. Но не будемъ опрометчиво винить ихъ. Они съ слѣпою страстью приняли принципъ индивидуализма потому, что противоположный принципъ, принципъ власти, вызвалъ противъ себя безусловную реакцію, какъ необходимость той эпохи. Когда палка искривлена въ одну сторону, ее можно выпрямить только искрививши въ противную сторону: таковъ законъ общественной жизни. Будемъ уважать его, хотя онъ прискорбенъ; будемъ признательны даже къ ошибавшимся за ихъ ошибку, если она содѣйствовала исправленію другихъ болѣе важныхъ и гибельныхъ ошибокъ. Но только для тѣхъ сохранимъ наше удивленіе, которые, опережая свою эпоху, имѣли славу предусматривать зорю грядущаго дня, имѣли мужество привѣтствовать его приходъ. Возвышать независимый и гордый голосъ, когда противъ васъ шумитъ мнѣніе современнаго общества; бороться съ силою, которая оклеветаетъ васъ, на пользу толпы, которая не понимаетъ или не знаетъ васъ; въ самомъ себѣ находить свое ободреніе, свою силу, свою надежду; съ непреклонной душой, съ святою жаждою справедливости идти къ цѣли, не озираясь, идетъ ли за вами толпа, и достигнуть высотъ, только путь къ которымъ можно указать отставшему своему поколѣнію, и кончить жизнь въ горькомъ одиночествѣ своего ума и своего сердца — вотъ что достойно вѣчнаго удивленія, и въ честь тѣхъ, которые были способны къ такому подвигу, должна возжигать свой еиміамъ исторія.

Мы изложили ученіе Тюрго. Дѣятельность его была дѣятельностью добраго

гражданина и преданнаго общему благу администратора. Будучи правителемъ (интендантомъ) Лимузенской провинціи въ то самое время, когда писалъ свою книгу, онъ заставлялъ любить, благословлять себя. Благороднымъ употребленіемъ своихъ доходовъ, онъ облегчалъ участь бѣдняковъ. Онъ пролегать дороги. Онъ научилъ народъ благотѣльному разведенію картофеля. Онъ уничтожилъ въ своемъ интенданствѣ дорожную повинность. Но замѣтимъ, что добро, внушаемое ему чувствами сердца, Тюрго могъ совершать часто не иначе, какъ поступая противоположно своимъ сочиненіямъ. „Онъ боролся съ эгоизмомъ, говорить жаркій его панегиристъ, Деръ, въ біографіи, приложенной къ его сочиненіямъ въ „Collection des économes“ Гильомена, — онъ энергически боролся съ эгоизмомъ, иногда прибѣгая даже къ понудительнымъ мѣрамъ“, — но вѣдь это значило переступать узкіе принципы, на которыхъ самъ онъ основывалъ право заимодавца. Онъ устроилъ во время голода „благотворительныя мастерскія“ (ateliers de charité) — развѣ это не было вступленіемъ въ систему вмѣшательства государства въ промышленныя отношенія? Въ началѣ инструкціи благотворительнымъ комитетамъ, которые завѣдывали этими мастерскими, онъ написалъ трогательныя, дивныя слова: „Облегченіе бѣдствій страдальцевъ — общая обязанность, общій долгъ“, — развѣ это не значило осуждать теорію конкуренціи, предающей судьбу бѣдняка произволу случая? Да, Тюрго ве всегда былъ вѣренъ своимъ принципамъ: не осуждайте его за то, въ томъ слава его.

Сильна была школа, провозглашавшая въ XVIII вѣкѣ индивидуальное право. Но общественное право также находило себѣ защитниковъ, хотя и оставалось въ разнорѣчіи съ общимъ направленіемъ умовъ. Изъ мыслителей, занимавшихся спеціально-экономическими вопросами, такими защитниками были Мабли, Морельи, — но ихъ усилія измѣнить господствующее направленіе оставались напрасны. Напрасно также шли противъ него Жанъ-Жакъ-Руссо въ „Contrat social“, Эльвесіусъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего „Traité de l'homme“, Дидро въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ своихъ сочиненій. Индивидуализмъ непреодолимо овладѣвалъ обществомъ. Мабли самъ чувствовалъ это, и многія страницы его сочиненій показываютъ, что онъ не скрывалъ отъ себя могущества идей, которыя оспаривалъ. Школа экономистовъ съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе, и пришелъ часъ, когда она достигла правительственной власти.

10 мая 1774 года, Людовикъ XVI вступилъ на престолъ; черезъ три мѣсяца, Вольтеръ писалъ: „Если Людовикъ XVI будетъ продолжать, какъ началъ, перестанутъ говорить о вѣкѣ Людовика XIV. Онъ, кажется, благоразуменъ и твердъ, итакъ, онъ будетъ великимъ и добрымъ государемъ. Счастливы тѣ, кому двадцать лѣтъ, какъ ему, — они долго будутъ наслаждаться счастьемъ его царствованія“.

Но царствованіе это началось ошибкою. Людовикъ XVI, человекъ строгой нравственности и серьезнаго характера, взялъ себѣ первымъ министромъ и руководителемъ стараго развратника, въ которомъ легкомысліе служило только прикрасою систематической испорченности. Скоро, по волѣ графа Морепа, всѣ министры замѣнились новыми. Д'Эгильонъ уступилъ мѣсто Верженну; Мюи сдѣлался военнымъ министромъ; Мону былъ замѣненъ Мироменилемъ; Тюрго, сначала сдѣланный морскимъ министромъ, скоро получилъ должность генераль-контролера финансовъ, вмѣсто аббата дю-Терре. Въ лицѣ Тюрго, экономисты достигли власти, и не сомнѣ-

вались, что, благодаря анергии и безстрашию новаго генераль-контролера, ихъ идеи будутъ наконецъ блистательнымъ образомъ примѣнены къ управленію.

Мы видѣли Тюрго писателемъ и администраторомъ: каковъ онъ будетъ министромъ?

Тюрго имѣлъ прекрасную и внушавшую почтеніе наружность. Воспитаннымъ для духовнаго званія, у котораго похитила его философія, онъ принесъ въ свѣтское общество привычки чистой нравственности; облагораживаемыя его гордостью, онъ заставляли смиряться легкомысліе другихъ сановниковъ. Еслибы довольно было имѣть обширныя знанія для преобразованія и успокоенія больнаго, волнующагося общества, Тюрго былъ бы достойнѣе всѣхъ руководить реформами въ странѣ, угрожаемой бурными потрясеніями: онъ не пыталъ свои умственные силы во всѣхъ отрасляхъ науки и ошотрѣлъ, такъ сказать, всѣ знанія.

Но уму его недоставало широты, недоставало ему мощнаго далекаго взгляда, котораго разомъ измѣряетъ всѣ результаты принципа. Отсюда его ошибки и противорѣчія. Безспорно, онъ любилъ народъ, — вѣдь онъ разрушилъ монополію цеховыхъ корпорацій и тиранию дорожной повинности; но что же предложилъ онъ взамѣнъ прежняго угнетенія? Давая человѣку достоинство, онъ дѣлалъ его одинокимъ, его величіе онъ основывалъ на эгоизмѣ, онъ провозглашалъ подъ именемъ конкуренціи войну между интересами, подъ именемъ свободы — оставленіе бѣдныягъ безпомощнымъ; онъ вводилъ для сильныхъ покровительство системы *laissez faire*, для бѣдныхъ произволъ случая. Не удивляйтесь, если онъ въ своемъ Лимузенскомъ интендантствѣ показывалъ отеческую заботливость о народѣ; если, провозгласивши въ теоріи законность лихоимства, онъ косвенными путями пытался дѣйствовать противъ его унизительнаго и жестокаго владычества; если онъ силою власти организовалъ вспоможеніе бѣднымъ, проповѣдуя въ своихъ клягахъ поклоненіе индивидуальному праву, — этому идолу, которому принесено было потомъ столько человѣческихъ жертвъ. Тюрго былъ человѣкъ, дѣйствительно желавшій добра, — могъ ли онъ, какъ практическій дѣятель, не опровергать часто своими распоряженіями свои теоретическія ошибки? Самая рѣзкая черта его жизни, — это именно противоположность между прекрасными его дѣйствіями и ложными его понятіями.

Каковы бы ни были его теоретическія недостатки, въ то время можно было противопоставить ему только одного соперника. Неккеру не могли простить презрѣнія къ моднымъ тогдашнимъ мыслителямъ, гордой независимости его ума. Онъ изобличилъ лживость пышныхъ фразъ о свободѣ, которыми усыпляли страданія обманутой массы; онъ понялъ и отважился сказать, что право жить и быть счастливымъ — пустой призракъ для человѣка, не имѣющаго средствъ къ тому; что свобода бѣдняка — только особенный видъ рабства; что всѣ притязанія отдѣльной личности должны имѣть мѣриломъ и ограниченіемъ общее благо, а судьбою — государство.

По высотѣ мыслей, Неккеръ былъ безъ всякаго сомнѣнія выше Тюрго.

Но идеи Тюрго чрезвычайно облегчали обязанность правителя. Разрунить ограниченія, и потомъ оставить все частному произволу, — вотъ роль правительства, по теоріи Тюрго. Неккеръ напротивъ возлагалъ на правительство обязанность столь же тяжелую, какъ и высокую. Съ бдительнымъ участіемъ слѣдить за тревожнымъ существованіемъ бѣдняка среди запутанныхъ явленій общественной жизни; заботиться

О средствах существованія для всѣхъ и объ участіи каждаго въ священной области труда; быть сильнынъ за слабыхъ, прозорливнынъ за непросвѣщенныхъ; защищать, если не счастье, то, поврайней мѣрѣ, кусокъ хлѣба для массы противъ бездушнаго царства конкуренціи и беспорядковъ всеобщаго антагонизма, — вотъ какими обязанностями, вотъ какими заботами, по мнѣнію Неккера, заслуживалась честь управлять государствомъ.

Это значило требовать въ министрѣ тавихъ качествъ, какихъ не дала природа самому Неккеру; потому, достигнувъ власти, онъ долженъ былъ пасть подъ бременемъ собственной идеи.

Опираясь на безусловный принципъ, имѣя цѣлью только разрушать, предоставляя результаты разрушенія на проницательность частнаго интереса, Тюрго могъ идти впередъ безъ оглядки. Не могъ имѣть этой свободы Неккеръ, проникнутый желаніемъ все устроить и все предусмотрѣть. Вошедши на высоту власти, онъ почувствовалъ, что его силы, его рѣшимость ниже его идеала, въ немъ явилась робость, что онъ самъ не удовлетворитъ своимъ требованіямъ; онъ сталъ колебаться между стыдомъ быть посредственнымъ или бесполезнынъ и между страхомъ излишней смѣлости; онъ явился тѣмъ болѣе нерѣшителемъ и смущенъ, чѣмъ дальновиднѣе былъ его взоръ: нерѣшительность — слабая сторона проницательности.

Тюрго явился выше, Неккеръ ниже своихъ сочиненій въ своей министерской дѣятельности.

Какъ только вступилъ въ управленіе финансами, Тюрго ввелъ въ него ученіе экономистовъ, и 13 сентября 1774 года, адиктъ Совѣта разрѣшилъ свободную торговлю хлѣбомъ во всемъ королевствѣ. Экономисты были въ восторгѣ. Тогда Неккеръ взялся за перо и написалъ книгу, въ которой есть страницы, равно достойныя государственнаго человѣка и поэта, которая вся отъ начала до конца проникнута серьезнынъ краснорѣчіемъ и силою сдержаннаго чувства. Вопросъ о хлѣбной торговлѣ овъ взялъ только какъ случай возстать, во имя народныхъ польвъ, противъ системы индивидуализма. Неккеръ восходилъ къ основнымъ началамъ общественнаго устройства и подвергалъ ихъ анализу, равно возвышенному и смѣлому.

Неккеръ не нападалъ на право собственности въ его корнѣ, потому что дорожилъ свободою; во мѣрилъ собственность и свободы онъ постановлялъ общую пользу. Прилагая эти принципы къ вопросу о хлѣбной торговлѣ, овъ выводилъ изъ нихъ слѣдствія прямо противоположныя системѣ экономистовъ. Отдѣльному человѣку, говорящему: „я хочу дѣлать то, что мнѣ угодно“ онъ противопоставлялъ общество, говорящее: „я не хочу, чтобы человѣкъ могъ дѣлать то, что мнѣ вредно“.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что заработная плата приходитъ въ соразмѣрность съ цѣною продуктовъ первой необходимости, фізіократы утверждали, что дороговизна съѣстныхъ припасовъ вовсе не противна выгодамъ народа. Неккеръ энергически опровергалъ этотъ опасный софизмъ. Хлѣбъ подымается въ цѣнѣ нынѣ, а черезъ два, черезъ три мѣсяца увеличивается моя заработная плата. Въ ожиданіи этого, неужели мнѣ должно умирать съ голоду?

Въ апрѣлѣ 1775 года Неккеръ явился предъ генераль-контролеромъ съ просьбою о разрѣшеніи напечатать свою книгу. Ихъ свиданіе имѣло торжественную холодность. На гордость банкира министръ отвѣчалъ холодностію. Неккеръ держалъ въ рукѣ свою рукопись и предлагалъ не издавать ее, если она покажется

способною нарушить порядокъ. Тюрго съ презрительнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ, что не видитъ неудобства въ обнародованіи подобныхъ теорій и не боится ничего. Собесѣдники разстались врагами.

При смутахъ, возникшихъ въ Парижѣ по случаю дороговизны хлѣба, Тюрго не сохранилъ спокойствіе государственнаго человѣка; но, по крайней мѣрѣ, онъ выказалъ твердость убѣжденія. И какъ легко забыть этотъ случай, перечислялъ множество услугъ, ознаменовавшихъ, или лучше сказать, обезсмертившихъ управленіе Тюрго! Онъ прекратилъ постыдныя выгоды, дававшіяся придворнымъ откупщиками; отмѣнилъ отвѣтственность богатыхъ членовъ общины за исправность платежа податей всѣми остальными; уничтожилъ множество мѣстныхъ сборовъ и частныхъ привилегій, возвышавшихъ цѣну на сѣстные припасы; освободилъ поселеніи отъ обязанности выставять подводъ при походѣ войскъ; заслужилъ одобреніе всего Парижа, отнявъ у госпиталя Hôtel Dieu привилегію продавать мясо въ продолженіи великаго поста; улучшилъ водяные пути сообщенія; заботился объ усовершенствованіи дорогъ и почтовыхъ сообщеній; разрушилъ феодальныя препятствія свободной торговлѣ вилами; содѣйствовалъ учрежденіе дисконтной кассы, для пониженія процентовъ; уменьшилъ прежній дефицитъ съ двадцати двухъ милліоновъ до 15, и притомъ единственно помощью экономіи: оживилъ кредитъ честнымъ исполненіемъ обязательствъ, — сдѣлать все это въ двадцать мѣсяцевъ значило сдѣлать больше, нежели самые могущественные и сильные министры дѣлали въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Но опираясь на Мальзобра, которому доставилъ мѣсто въ министерствѣ, Тюрго думалъ нанести старому общественному устройству удары еще болѣе рѣшительные. При тогдашнемъ стремленіи публики къ перемѣнамъ, сильное впечатлѣніе произвела брошюра, написанная подъ его вліяніемъ. Она требовала отмѣненія дорожной повинности; имя автора не было выставлено на ней; предполагали, что написалъ ее Вольтеръ. Въ лагерѣ привилегированныхъ поднялся вопль печали и страха: предводитель аристократіи, принцъ Конти, негодуетъ; пылкій ораторъ парламента, д'Эпрмениль, произноситъ грозныя рѣчи: парламентъ запрещаетъ брошюру. Это значило дѣлать вызовъ Тюрго; онъ принялъ бой и 3-го февраля 1776 года парламенту былъ сообщенъ эдиктъ, отмѣнявшій дорожную повинность. Министръ замѣнялъ ее поземельнымъ налогомъ, отъ котораго освобождались земли духовенства, во которому подвергались вмѣстѣ съ землями простолюдиновъ дворянскія помѣстья. Можно вообразить себѣ, каковы были ремонстрація парламента. „Французскій народъ подлежитъ подушнымъ окладамъ безъ всякаго ограниченія (*est taillable et corvéable à volonté*), восклицаетъ парламентъ, это основной законъ, котораго не можетъ измѣнять король“. Органъ аристократіи, высокоумный принцъ Конти, осмѣлился утверждать, что нельзя замѣнять дорожную повинность никакою другою податью, потому что эта повинность, исключительно лежащая на простомъ народѣ, составляетъ признакъ его различія отъ благородныхъ. Какой скандалъ въ подобномъ сопротивленіи, обезчещенномъ подобными основаніями! Тюрго удвоилъ свою твердость. Онъ побѣдоносно отвѣчалъ въ совѣтѣ на возраженія Миромениля, восторжествовалъ надъ недоброжелательностію Морепа, увлекъ за собою Людовика XVI: и въ королевскомъ засѣданіи 12 марта 1776 года парламентъ былъ принужденъ внести въ свой протоколъ эдиктъ, уничтожавшій дорожную повинность и цеховыя корпораціи.

Черезъ два мѣсяца, окруженный союзомъ ярыхъ враговъ, коварно-преданный своими товарищами, лишенный помощи Мальзебра, удалившагося въ изнеможеніи изъ министерства, покинутый графомъ Морена, оставленный безъ защиты Людовикою XVI, Тюрго лишился власти и его противники стали хлопотать о возстановленіи того, что онъ разрушилъ.

— Мы привели этотъ очеркъ, чтобы показать, какъ смотрять на фізіократовъ и на Тюрго ученые той школы, на мнѣнія которой г. Муравьевъ обратилъ, какъ намъ кажется, слишкомъ мало вниманія, слишкомъ довѣрчиво принимая взглядъ противной школы. Теперь намъ легко обозначить разницу фізіократовъ отъ людей, которые воображаютъ себя продолжателями ихъ благородныхъ усилій.

Разница вовсе не въ томъ, что фізіократы при младенческомъ состояніи науки принимали начало, односторонность котораго обнаружена Адамомъ Смитомъ, а нынѣшніе поклонники выставленной фізіократами формулы *laissez faire, laissez passer* видятъ ошибочность ихъ мнѣнія о томъ, будто бы только одно земледѣліе источникъ производства. На сторонѣ фізіократовъ тутъ дѣйствительно ошибка, но эта ошибка состоитъ скорѣе въ неудачномъ выборѣ терминовъ, еще недостигшихъ нынѣшней опредѣлительности, нежели въ существенномъ смыслѣ понятій, которыми они не умѣли только выразить съ достаточною вѣрностью. Если мы не будемъ придираться къ словамъ, въ неудовлетворительности которыхъ каждое предъидущее поколѣніе легко можетъ быть уличаемо послѣдующимъ, если мы захотимъ вникнуть въ основную мысль фізіократовъ и выразить ее тою терминологіею, какую приняли бы они сами, если бы располагали учеными пособіями, находящимися въ рукахъ нынѣшнихъ эвономистовъ, ихъ знаменитое ученіе объ исключительной производительности земледѣлія можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ.

Земледѣліе и другіе промыслы, состоящіе въ прямомъ отношеніи къ землѣ, извлекаютъ изъ нея продукты; часть этихъ продуктовъ обращается непосредственнымъ образомъ на поддержаніе человѣческой жизни, другая часть передается для обработки такимъ промысламъ, которые уже не извлекаютъ изъ неорганической природы никакихъ новыхъ массъ вещества, а только видоизмѣняютъ различнымъ образомъ вещество, добытое первыми промыслами. Такимъ образомъ очевидно, что размѣръ этихъ вторыхъ занятій зависитъ отъ величины той части продуктовъ, которая передается имъ первыми промыслами. Изъ этого видно также, что первые промыслы служатъ основаніемъ для вторыхъ. Въ главнѣйшемъ изъ этихъ первыхъ промысловъ, имѣющихъ дѣло непосредственно съ землею, именно въ земледѣліи, надобно замѣтить еще двѣ особенныя черты, отличающія его почти отъ всѣхъ другихъ занятій. Оно производитъ почти исключительно предметы первой необходимости, именно: масса его продуктовъ состоитъ въ средствахъ продовольствія. По своему основному характеру оно чуждо стремленія служить прихотямъ роскоши и моды; напротивъ, очень многія изъ занятій, состоящихъ только въ переработкѣ уже извлеченныхъ изъ земли продуктовъ, обнаруживаютъ стремленіе служить не столько необходимости существованія, сколько простому удовольствію, и вообще наклонны подчиняться прихотямъ моды и роскоши. Эта разница обнаружится, если мы сравнимъ земледѣліе даже съ такими необходимыми производствами, какъ напримѣръ, выдѣлка сукна, или домашней посуды. Другая особенность земледѣлія состоитъ въ доставленіи поземельной ренты, которая характеромъ своимъ отличается отъ выгоды, доставляемой затратою капиталовъ.

Нѣкоторые изъ французскихъ экономистовъ школы Сэ не согласятся съ понятіемъ о поземельной рентѣ въ этомъ изложеніи; но въ Англіи и Германіи никто не будетъ спорить и противъ этого послѣдняго пункта. Что же касается до остальныхъ, они и во Франціи не найдутъ противорѣчія. Такимъ образомъ, если фізіократы выражали свои мысли неудовлетворительнымъ для нашего времени образомъ, то существенный смыслъ ихъ идей о классификаціи занятій и особенностяхъ земледѣльческаго производства въ основаніи своемъ былъ справедливъ. Намъ кажется, что распространяться о неудовлетворительности выраженія въ старинныхъ внигахъ и изъ этого выводить различіе нынѣшнихъ теорій отъ старинныхъ ученій значить утѣшаться своею способностью дѣлать придирки къ словамъ.

Но если мы не находимъ основательнымъ признавать коренную разницу между фізіократами и школою Сэ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ находитъ она свое превосходство надъ фізіократами, зато съ другой стороны мы видимъ различіе въ самомъ духѣ этихъ двухъ школъ, въ ихъ отношеніяхъ къ недостаткамъ и потребностямъ двухъ эпохъ, имъ современныхъ. Мы находимъ разницу именно въ томъ самомъ, въ чемъ школа Сэ видитъ свое сходство съ фізіократами. Подобно нынѣшнимъ послѣдователямъ школы Сэ, фізіократы предоставляли все отдѣльному лицу, думая, что общее благо не требуетъ никакихъ особенныхъ гарантій въ экономической сферѣ. Мы находимъ, что смыслъ этого требованія нынѣ совершенно не тотъ, какой принадлежалъ ему во время Кене и Тюрго. Одно и то же слово можетъ быть представителемъ прогресса или отсталости, смотря по различію временъ. Петръ Великій строилъ парусные корабли; это было великимъ прогрессомъ. Но если бы теперь, когда доказана неудовлетворительность парусныхъ кораблей по сравненію съ пароходными, если бы теперь кто нибудь сталъ твердить намъ: „стройте только парусные корабли“, такой человѣкъ былъ бы представителемъ отсталости, регресса. Сорокъ лѣтъ тому назадъ люди, желавшіе улучшить наши пути сообщенія, говорили о необходимости соединить гавани Чернаго моря съ центромъ Россіи посредствомъ шоссе. Кто сталъ бы нынѣ доказывать превосходство сообщенія Феодосіи съ Москвою посредствомъ шоссе, заслужилъ бы только насмѣшку.

Отношенія одного и того же понятія къ потребностямъ различныхъ временъ измѣняются явленіемъ новыхъ усовершенствованій; есть и другой источникъ перемѣны. Очень часто случается, что опытъ обнаруживаетъ неудовлетворительность средства, которое казалось изъятымъ отъ всякихъ недостатковъ, пока не было приложено къ дѣлу. Это фактъ, у романтическихъ юношей извѣстный подъ именемъ разочарованія. Пока во Франціи не былъ приложенъ къ дѣлу *suffrage universel*, очень умные люди полагали, что при помощи его французское правительство устроится гораздо лучше, нежели было прежде. На дѣлѣ оказалось противное. Пока не было испытано въ приложеніи къ Франціи англійское государственное устройство, почти всѣ умные французы ожидали отъ него исцѣленія правительственныхъ недостатковъ своего отечества. На дѣлѣ опять оказалось противное. Какъ быть при такомъ разочарованіи? Умные люди говорятъ, что оно принуждаетъ къ изслѣдованіямъ двоякаго рода. Во-первыхъ, надобно подумать, вѣрно ли было наше понятіе о принципѣ, которымъ мы очаровывались, и не надобно ли видоизмѣнить формулу, его выражающую; во-вторыхъ, слѣдуетъ подумать, вѣтъ ли другихъ принциповъ, могущихъ служить ему коррективными средствами. Такъ напримѣръ, умные люди находятъ, что *suffrage universel* понимался одностороннимъ и узкимъ

образомъ, и что какимъ бы образомъ ни понимать его, необходимыми коррективными средствами ему должны служить просвѣщеніе и децентрализація.

Когда явились фізіократы, принципъ безотвѣтственной свободы индивидуума не былъ еще испытанъ на дѣлѣ; этотъ принципъ, прямо противоположный средне-вѣковымъ злоупотребленіямъ, казался совершенно достаточнымъ средствомъ для доставленія человѣчеству счастья, отнимавшагося у людей этими злоупотребленіями. Съ той поры опытъ указалъ многое такое, о чемъ не догадывались фізіократы. Открылось, что, кромѣ оредневѣковыхъ злоупотребленій, человѣчество ношесть страдать и отъ другихъ бѣдствій, противъ которыхъ безсиленъ принципъ индивидуальной независимости. Открылось также, что эта независимость понимаема была узкийъ образомъ. И вотъ, видна теперь изъ опыта необходимость сочетать съ этимъ принципомъ другіе принципы и понимать его иначе, нежели какъ понимался онъ сто лѣтъ тому назадъ.

Непризнаваніе этихъ потребностей у фізіократовъ было просто незнашемъ, и потому не мѣшало имъ оставаться вполне добросовѣстными: они не принимали въ свою теорію нѣкоторыхъ условій истиннаго экономическаго идеала потому только, что въ тѣ времена опытъ еще не указалъ надобности принимать ихъ необходимыми элементами общей теоріи; словомъ сказать, они просто упускали изъ виду, но не систематически отвергали понятія, которыхъ недоставало ихъ теоріи для полного соответствія съ экономическою истиною. Когда же обстоятельства ярко указывали въ какомъ нибудь данномъ случаѣ на пользу мѣръ, не входившихъ въ отвлеченную ихъ систему, они не колеблясь принимали эти мѣры, потому что главный дѣломъ для нихъ было все-таки желаніе общей пользы, а не пристрастіе къ системѣ. Такъ дѣйствовалъ наприимѣръ Тюрго во время голода въ Лимузенской провинціи.

Не то съ нынѣшними поклонниками исключительныхъ правъ индивидуальности. Они держатся своего узкаго взгляда не потому, чтобы не знали фактовъ, противорѣчащихъ прежней системѣ: они обсудили уже эти факты со всѣхъ сторонъ, и рѣшили систематически перетолковывать сообразно съ выгодами своей теоріи или отвергать ихъ. Ихъ ошибки не отъ незнанія, а отъ сознательнаго противорѣчія. Въ нихъ система заглушаетъ чувство истины, и самое стремленіе къ добру рѣшили они принимать не болѣе какъ настолько, насколько оно подходитъ подъ ихъ мѣрку. Это не наивный недосмотръ, это закоснѣлость отсталости.

Оттого одни и тѣ же слова: „безусловная независимость индивидуума“, имѣютъ совершенно различный характеръ у фізіократовъ и у школы Сэ. Фізіократамъ не мѣшали они вести общество впередъ; нынѣшніе поклонники формулы *laissez faire, laissez passer* — люди старинны, неудовлетворяющіе требованіямъ своего времени. То было время, когда человѣкъ рвался изъ средневѣковыхъ узъ, какъ птица изъ клѣтки. Но теперь птица довольно долго уже летала, куда хотѣла, и чувствуетъ, что если хорошъ безпредѣльный просторъ поднебесья, то много въ немъ грозныхъ опасностей, часто бываютъ непогоды, и что если клѣтка плохое гнѣздо и дѣйствительно было нужно вырваться изъ него, то все же плохо быть вовсе безъ гнѣзда, нельзя не позаботиться объ устройствѣ его и нужно думать о томъ, какъ бы лучше устроить его.

Отъ теоріи Тюрго перейдемъ къ практической дѣятельности его, какъ министра. За нее хвалятъ его писатели всѣхъ экономическихъ школъ, но намъ кажется,

что при многихъ прекрасныхъ сторонахъ есть въ ней одинъ недостатокъ. Тюрго былъ хорошимъ министромъ, но напрасно былъ онъ министромъ.

Мѣсто генераль-контролера финансовъ давало, говорятъ, ботѣ 150,000 р. сер. дохода, узаконеннаго обычаемъ; при отставкѣ, генераль-контролеръ получалъ большую пенсію; по вліянію на внутреннія дѣла, онъ былъ вѣликимъ министромъ въ королевствѣ: генераль-контролеръ завѣдывалъ кромѣ финансовъ многими изъ отраслей, принадлежащихъ нынѣ министерствамъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, общественныхъ работъ. Если бы Тюрго, принимая мѣсто контролера, имѣлъ въ виду почетность его, соединенную съ огромными доходами, онъ не сдѣлалъ бы ошибки. Но онъ руководился совершенно иными побужденіями: онъ хотѣлъ ввести порядокъ въ финансы и мирными преобразованіями предотвратить бѣдствія, которыя уже тогда грозили государству. Разсчитывать на возможность этого значило обольщаться несбыточными мечтами.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя нѣсколько присмотрѣвшись къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, каждый могъ убѣдиться въ невозможности произвести какія нибудь существенныя улучшенія.

Характеръ тогдашней правительственной системы извѣстенъ. Совершенно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Франціи XVIII вѣка имѣла такое же правленіе, какъ въ началѣ XVII вѣка. Правленіе прежнее существовало только на словахъ, а вовсе не въ дѣйствительности.

Съ начала XVIII вѣка, во Франціи владычествуетъ подъ именемъ короля камарилла. Она овладѣваетъ всею дворцовою жизнью до такой степени, что потомки Людовика XI не могутъ пріобрѣтать знакомства съ государственными дѣлами. Камарилла стоитъ между ними и дѣлами, скрываетъ все, что можетъ скрыть, показываетъ въ извращенномъ свѣтѣ то, чего не можетъ скрыть. Камарилла не допускаетъ развитія воли, она лишаетъ возможности имѣть прочный и отчетливый образъ мыслей.

Ментенонъ, регентъ, Помпадуръ, Дюбарри, всѣ другія личности, имѣвшія главное вліяніе въ дѣла французскаго государства въ теченіе трехъ первыхъ четвертей XVIII вѣка, были олицетвореніями камариллы.

Существовало ли достаточное основаніе предполагать, чтобы съ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI измѣнилось это положеніе, чтобы вмѣсто управленія камариллы возвратились времена Людовика XI или Ришлье? Обстоятельства не допускали такого предположенія.

Что-же такое важное измѣнилось въ состояніи государства, въ отношеніяхъ между различными сословіями? Все оставалось по прежнему. Правительство не имѣло внутри никакихъ опасныхъ враговъ, ничто не побуждало его отказаться отъ беззаботнаго распоряженія государственными дѣлами по личнымъ удобствамъ и наклонностямъ. Правда, вообще дѣла шли дурно, — но они шли дурно уже въ теченіе восьмидесяти или больше лѣтъ. Ни порядка въ администраціи, ни правосудія не было — но что-жъ тутъ важнаго? До правительства это не касалось — оно не встрѣчало сопротивленія своей волѣ; будучи довольнымъ этимъ главнымъ обстоятельствомъ, оно не находило нужды быть недовольнымъ администраціею или судебнымъ устройствомъ. Финансы находились въ разстроенномъ положеніи; ежегодно оказывался дефицитъ — но что-жъ и тутъ важнаго? Камарилла имѣла довольно денегъ, о чемъ же было ей хлопотать, изъ-за какихъ благъ думать о серьезныхъ не-

ремѣнахъ? Государственный долгъ возрасталъ — только и всего; но кому до этого дѣло? Какъ нибудь проценты уплачивались при помощи новыхъ займовъ и новыхъ податей. Каждый смотритъ на вещи съ своей точки зрѣнія. Экономисты могли находить налоги тяжелыми, дефициты опасными, филантропы могли горевать о бѣдственномъ положеніи народа, философы жаловаться на дурную организацію государственнаго механизма; но камариллѣ было очень хорошо, и натурально, она вовсе не желала измѣнить такого порядка или отказываться отъ власти, — уже около вѣка она управляла такимъ образомъ, почему жъ ей не оставаться было по прежнему въ управленіи дѣлами?

Вступивъ на престолъ, Людовикъ XVI пожелалъ имѣть человѣка, на котораго могъ бы полагаться во всемъ. Ему рекомендовали разныхъ лицъ, въ томъ числѣ Машо и Морепа; онъ выбралъ Морепа, говорятъ, потому, что принисалъ ему по ошибкѣ тѣ свѣдѣнія, какія доходили до него о дѣльности Машо. Но вѣрнѣе удовлетвориться другою, несомнѣнною причиною предпочтенія, — Морепа былъ рекомендованъ ему теткою, принцессою Аделаидою.

Морепа сдѣлался почти всемогущимъ человѣкомъ въ королевствѣ. Только иногда, изрѣдка, какою нибудь хитростью, супруга короля, Марія Антуанетта успѣвала сдѣлать что нибудь мимо этого министра, въ удовольствіе тѣмъ кавалерамъ и дамамъ, которые казались ей особенно пріятны на балахъ и въ маскарадахъ.

Старивъ Марепа былъ знаменитый эпикуреецъ, селадонъ, шутникъ. О государственныхъ дѣлахъ онъ имѣлъ очень мало понятія, все дѣлалъ по личнымъ отношеніямъ; словомъ, камарилла могла считать его лучшимъ своимъ представителемъ.

Все шло по старому; были перемѣны въ лицахъ, по вліянію разныхъ интригъ между камариллою, но въ дѣлахъ не было никакой перемѣны, — мы видѣли, что она вовсе и не требовалась.

Но эпикуреецъ Морепа любилъ наслажденія всякаго рода, — вдругъ онъ обольстился мечтою, что пріятно было бы пріобрѣсть апплудисменты отъ парижскаго партера — не думайте, чтобы это было фигуральное выраженіе, — вовсе нѣтъ. понимайте буквально, апплудисменты театральнаго партера, тѣ самые апплудисменты, которыми награждаются пѣвицы и танцовщицы. Какимъ бы способомъ заслужить эти апплудисменты? Не знаемъ, какъ разрѣшилась бы такая задача, если бы не подвернулася тутъ жена Морепа. Старый грѣховодникъ былъ женатъ и, по обычаю многихъ старыхъ грѣховодниковъ, сильно трусилъ жены. Это еще не все. У г-жи Морепа былъ пріятель, Аббатъ Вери. И это не все еще: надобно прибавить, что аббатъ Вери учился въ школѣ вмѣстѣ съ Тюрго. Теперь вы угадываете, читатель, какъ попалъ Тюрго въ министры. Аббатъ Вери сказалъ г-жѣ Морепа, что съ ея стороны будетъ очень мило, если она похлопочетъ за его школьнаго пріятеля, Тюрго; г-жа Морепа сказала мужу, что онъ долженъ дать повышеніе отличнѣйшему человѣку, Тюрго, который ужъ давно интендантомъ. „Тюрго! Да вѣдь это отлично! подумалъ Морепа: — во-первыхъ, жена приказываетъ, а во-вторыхъ, Тюрго пріятель съ модными писателями, а модные писатели — любимцы парижскаго партера. Угождая женѣ, я перебиваю апплудисменты въ свою пользу у Вестриса и м-ше Клеронъ!“ Морепа пошелъ въ кабинетъ короля, и Тюрго пригласили быть министромъ.

Таковыми-то судьбами иногда дѣлаются на свѣтѣ дѣла, читатель.

Не огорчайтесь этимъ, а гѣмъ паче не осуждайте Морепа. Не правда ли, вамъ случалось опредѣлять на вакантное мѣсто въ вашей прислугѣ людей, которыхъ вы до той поры въ глаза не знали, основываясь только на рекомендаціи вашей тетуски или кузины, которую просила похлопотать объ этомъ кандидатъ ея кухарка или горничная? Вѣдь вы поступали въ такомъ случаѣ ничуть не лучше, нежели Морепа. И что тутъ дурнаго? вѣдь изъ числа лакеевъ, поступавшихъ къ вамъ въ услуженіе такимъ образомъ, попадались очень хорошіе люди. Ну вотъ, точно также и г-ну Морепа попался очень хорошій человѣкъ. Но вы скажете, что нанять камердинера или повара вовсе не то, что назначить генераль-контролера. Такое замѣчаніе заставляетъ меня предположить въ васъ крайнее незнакомство съ ходомъ дѣлъ на бѣломъ свѣтѣ. Повѣрьте, умственные и нравственные качества вашего камердинера гораздо интереснѣе для васъ, нежели были качества генераль-контролера для Морепа. Вѣдь камердинеръ, если онъ плутъ, украдетъ у васъ жилетъ, если плохо знаетъ свое дѣло, то не вычиститъ вашего сюртука, какъ слѣдуетъ. А какой убытокъ былъ бы г-ну Морепа? Развѣ его деньги красть бы генераль-контролеръ, если бы оказался плутомъ? И развѣ не нашлось бы въ управленіи генераль-контролера опытныхъ счетчиковъ, которые стали бы составлять за него отличнѣйшія свѣдѣнія расходовъ и приходоу, если бы онъ оказался незнающимъ своего дѣла?

Таковыми-то судьбами, при такой-то обстановкѣ, Тюрго получилъ приглашеніе быть министромъ.

Скажите, чего могъ надѣяться онъ отъ принятія такого предложенія?

Всякій здравомыслящій человѣкъ скажетъ: онъ могъ навѣрное разсчитывать, что будетъ имѣть волю наживаться на своемъ мѣстѣ, какъ его душѣ угодно, и раздавать доходныя мѣста своимъ пріятелямъ.

Нѣтъ, чудакъ не подумалъ объ этомъ, а вообразилъ, что можетъ преобразовать Францію!

И если бы вы знали, какіе великолѣпные планы онъ составилъ! Это любопытно, — онъ задумалъ — извольте-ко прислушать:

Онъ хотѣлъ: отмѣнить феодальныя права; уничтожить привилегіи дворянства; пересоздать систему налоговъ и пошлинъ; ввести свободу совѣсти; передѣлать гражданскіе и уголовные законы; уничтожить большую часть монастырей; ввести свободу тисненія; преобразовать всю систему народнаго просвѣщенія.

Можно ли не посмѣяться надъ простякомъ?

Разумѣется, если бы ему удалось совершить всѣ эти преобразованія, не было бы революціи. Но спрашивается: откуда бы онъ взялъ силу сдѣлать хотя сотую часть того, что хотѣлъ сдѣлать?

Не то ли же это самое, какъ если бы вы, получивъ приглашеніе на партію въ вренферавсъ, отправились къ вашимъ будущимъ партнерамъ съ надеждою прочесть имъ лекцію астрономіи?

Странныя надежды бываютъ у людей!

Въ числѣ моихъ знакомыхъ, — вѣроятно также и въ числѣ вашихъ, читатель, — есть такіе странные люди. Нельзя не уважать ихъ за чистоту намѣреній, за преданность общей пользѣ, — но, воля ваша, вельзя не улыбнуться, слушая ихъ.

Чѣмъ кончились эти смѣшныя грезы, мы знаемъ. Какъ-то въ расплохъ удалось Тюрго провести свои мысли относительно двухъ очень неважныхъ пунктовъ своей великолѣпной программы,—объ отмѣненіи дорожной повинности и уничтоженіи цѣховыхъ корпорацій,—тотчасъ же всѣ увидѣли, что онъ человѣкъ вовсе неспособный быть министромъ, и его попросили удалиться.

Иначе и быть не могло. Къ чему же служили великолѣпныя надежды? Только къ забавному разочарованію.

ОТКУПНАЯ СИСТЕМА.

Къ числу особенностей нашей литературы принадлежит какое-то особенное ея расположеніе къ повальнымъ припадкамъ накидываться вдругъ, безъ всякихъ новыхъ видимыхъ причинъ, всѣми силами на какойнибудь предметъ, который вчера былъ совершенно таковъ же, какъ нынѣ, и совершенно такимъ же останется завтра, а между тѣмъ ни вчера не занималъ, ни завтра не будетъ занимать ни одной страницы печатной бумаги, а сегодня служить цѣлью безчисленныхъ патетическихкихъ разсужденій. Искони вѣковъ, отъ Рюрика до нашихъ дней, богата была наша Русь взяточниками; въ 1856 году взятки вовсе не были ни безнравственныѣ, ни вредныѣ, чѣмъ въ 1852, или 1851, или 1850. Скажите же, съ какой стати было такъ свирѣпо набрасываться на то, о чемъ можно было до той поры такъ удобно молчать? Что за странные люди! лѣтъ пятьдесятъ очень хладнокровно носили въ груди такъ называемую на высокомъ языкѣ страшную язву и хоть бы ктонибудь, когданибудь слыхивалъ отъ насъ объ ней,—и вдругъ ни съ того, ни съ сего начинаеиъ съ жаромъ бить себя по этой груди и кричать: „Ахъ, посмотрите, добрые люди, у насъ тутъ глубокая язва“.

Сострадательные люди подошли на нашъ отчаянный крикъ и стали смотрѣть: въ самомъ дѣлѣ, у насъ на груди язва довольно вреднаго качества. Но отчего произошла эта язва, мы никакъ не рѣшаемся сказать. Отъ случайнаго ли какогонибудь ушиба явилась она, или отъ врожденнаго худосочія, или отъ нездороваго образа нашей жизни—этого никто изъ насъ не объявляетъ добрымъ людямъ, въ которыхъ старается пробудить показывавшемъ свой язвы состраданіе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Подойдутъ добрые люди, покачаютъ головами и пойдутъ прочь: какъ въ самомъ дѣлѣ лѣчить болѣзнь, причины которой упорно скрываетъ больной! Это упорное молчаніе о причинахъ зла составляетъ вторую нашу особенность.

Что случилось со взятками года два тому назадъ, то же самое произошло на сихъ дняхъ съ откупами. Какой новый вредъ стали приносить съ половины нынѣшняго лѣта откупа, мы не знаемъ, да и никто, кажется, не можетъ сказать, чтобы нынѣ позволяли они себѣ какоенибудь злоупотребленіе или налагали бы на страну какуюнибудь тяжесть, которой не налагали бы и два и три года п двадцать и тридцать лѣтъ тому назадъ. На какомъ же основаніи вдругъ такъ набросились мы на откупа, съ которыми такъ мирно и молчаливо уживались прежде? За то какую же безграничностью порицаній и воваграждаемъ мы себя за упущенное для порицанія время! Если послушать насъ теперь, можно подумать, будто откупа величайшее бѣдствіе нашей общественной жизни, будто они что-то въ

родѣ той „идеи“ трансцендентальныхъ философовъ, которая, сама ни отъ чего не происходя и не завися, производитъ все. Отъ откуповъ всѣ бѣдствія нашей жизни: и бѣдность народа, и развратъ, овладѣвшій значительною частью народа, и вслѣдствіе бѣдности и разврата наше невѣжество, наше нравственное безсиліе, отсутствіе въ насъ понятій о нашей человѣческомъ достоинствѣ.

Словомъ сказать, откупа подверглись тому же самому эпидемическому нападенію, какъ взятки; точно также мы, безъ всякихъ новыхъ основаній, вдругъ начали толковать, что откупа величайшее зло нашей жизни, что съ устраненіемъ этого зла мы стали бы процвѣтать и благоденствовать; точно также мы молчимъ о причинахъ, производящихъ это явленіе, вдругъ ставшее несноснымъ для насъ.

Дѣйствительно, откупа — вещь очень не прекрасная, вещь, защищать которую не рѣшится ни одинъ благонамѣренный человѣкъ. Но признаемся, что намъ стало какъ-то не ловко при чтеніи большей части статей, направленныхъ противъ откуповъ. Мы чувствовали нѣчто въ родѣ того, какъ если бы человѣкъ, двадцать лѣтъ мирно встрѣчавшійся въ обществѣ съ какимъ нибудь отъявленнымъ шулеромъ, вдругъ безъ всякихъ новыхъ поводовъ началъ на чемъ свѣтъ стоитъ порочить этого шулера и доказывать, что если бы этого негоднаго человѣка изгнать изъ общества, то общество значительно выиграло бы. Другъ мой, ваше негодованіе справедливо, но зачѣмъ же оно такъ долго молчало? Я имѣю дерзость предполагать, что вы слишкомъ наклонны къ прекрасному правилу мудрости — не давать воли языку, если столько лѣтъ скрывали ваше чувство. Видя въ васъ такого совѣтливаго хранителя вышеупомянутаго прекраснаго правила, я не могу защититься отъ мысли, что и теперь оно нарушено вами по какимъ нибудь причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ прямою и независимостью характера. Вы представляетесь мнѣ человѣкомъ, который не смѣлъ дурнаго слова сказать объ Иванѣ, пока Ивана кто нибудь защищалъ, и осыпаетъ чрезвычайно благородными и отважными укоризнами того же самаго Ивана, увидѣвъ, что отъ Ивана отступились всѣ. Ваше геройство представляется мнѣ усердіемъ вломиться въ отворенную уже дверь. Притомъ же, неужели не слѣдуетъ назвать излишнимъ простодушіемъ той мысли, будто общество, подобно вамъ двадцать лѣтъ терпѣвшее шулера, много выиграетъ, если изгонять его? Кто породилъ, кто воспиталъ шулера? То самое общество, которое теперь напало на него. Оно остается неизмѣнно; какъ же вы думаете, что оно въ замѣнъ изгнаннаго не воспитаетъ новыхъ шулеровъ, быть можетъ худшихъ прежняго? Мнѣ кажется, что пока не измѣнится само общество, вапрасно ему изгонять шулеровъ или негодовать противъ нихъ. Не противъ нихъ, а противъ самого себя должно оно обратить свое негодованіе. Пока оно не скажетъ: я само хуже этого шулера, который только случайный представитель, только одинъ изъ многихъ вѣрныхъ слугъ моей порочности, — пока оно не пересоздастъ всѣхъ своихъ обычаевъ, порождавшихъ различные виды низкаго обмана и грабежа, до той поры я не буду много радоваться злополучію какого нибудь отдѣльнаго обманщика.

Но эпидемія заразительна. Всѣ стали говорить противъ откуповъ; какъ же намъ отстать отъ моды, какъ же намъ избѣжать повѣтрія? Будемъ и мы нападать на откупа, не отстанемъ отъ другихъ. Хорошо было бы уже и то, еслибъ намъ удалось, подчиняясь повѣтрію, не забыть, что само по себѣ это повѣтріе представляетъ еще очень мало утѣшительнаго; если бы намъ удалось хотя нѣсколько показать слабыя

стороны той воды, которой мы сами должны слѣдовать; если бы намъ удалось показать недостаточность нападений на одни откупа.

Откуповъ защищать нельзя; дѣйствительно, они вообще представляются не-совершенною формою взиманія государственныхъ налоговъ или пошлей. При системѣ откуповъ государство передаетъ часть своихъ правъ нѣсколькимъ частнымъ лицамъ и чрезъ то отчасти лишается свободы своихъ дѣйствій. Каково бы ни было подчиненіе откупщика мѣстнымъ властямъ по формальнымъ условіямъ откупнаго контракта, откупщикъ все-таки имѣетъ свой кругъ дѣйствій, въ которомъ распоряжается онъ. Интересы правительства всегда связаны съ выгодами общества; оно всегда до извѣстной степени сознаетъ эту связь и заботится о національномъ благѣ. Правительство не вчера начало, не завтра кончитъ свои сношенія съ обществомъ, оно считаетъ себя вѣчнымъ его спутникомъ; потому собственная выгода заставляетъ его щадить силы общества нынѣ, чтобы самому не остаться безъ средствъ, если истощить ихъ. Совершенно не таково положеніе откупщика: до будущности общества ему нѣтъ никакого дѣла, онъ думаетъ только о томъ, чтобы какъ можно больше собрать съ общества нынѣ; завтра оно увидитъ себя раззореннымъ и съ этимъ вмѣстѣ обѣднѣетъ правительство—какая нужда въ томъ откупщику? Онъ уже кончилъ свои счеты, и знать ни о чемъ не хочетъ. Его девизъ: „послѣ меня, хоть трава не рости“. Потому система откуповъ разстроиваетъ націю, истощаетъ средства, которыми можетъ располагать правительство. Правительство—это хозяинъ помѣстья; откупщикъ—это чеченецъ, на нѣсколько часовъ вторгающійся въ помѣстье; можно представить себѣ, каково будетъ состояніе хозяина послѣ того, какъ помѣстье испытаетъ набѣгъ чеченца. Нѣтъ, наше сравненіе еще не полно: раззорительный набѣгъ уничтожаетъ только жатву и уже готовое богатство жителей, онъ не портитъ самой почвы, онъ не портитъ нравственныхъ силъ ея населенія. Откупъ дѣлаетъ и это. Мало того, что онъ стремится какъ можно скорѣе истощить матеріальныя средства населенія,—въ добавокъ, онъ разрушаетъ моральный капиталъ, которымъ могли бы скоро быть восстановлены всѣ потери. Для правительства деньги не составляютъ основнаго и единственнаго предмета его дѣйствій; онъ представляются ему только средствомъ для достиженія другихъ цѣлей, напримѣръ, для возвышенія своего могущества среди другихъ державъ, для приобрѣтенія славы, для упроченія извѣстной политической системы, для развитія извѣстныхъ общественныхъ учреждений, для поддержанія извѣстной законодательной и административной системы. Денежныя соображенія правительства вытекаютъ изъ этихъ желаній и подчиняются имъ. Такимъ образомъ, правительство по самой своей сущности никогда не ограничиваетъ своихъ отношеній къ націи одними финансовыми видами. Въ его дѣятельности всегда есть другая, болѣе нравственная сторона, всегда есть заботливость о національной чести, о нравственномъ благосостояніи націи, о справедливости и правосудіи. Откупъ совершенно чуждъ всѣхъ подобныхъ отношеній по самой своей натурѣ. Единственное основаніе его существованія—чисто денежное, единственныя цѣль и забота его—деньги и деньги. Самый дурной чиновникъ все-таки хотя сколько нибудь помнитъ, что онъ представитель власти, поддерживающей благоустройство въ обществѣ; какъ бы превратно ни понималось имъ это благоустройство, какъ бы безсовѣстно ни нарушались имъ эти обязанности, все-таки сознаніе о нихъ даетъ ему въ собственныхъ глазахъ нѣкоторое нравственное достоинство,

и все-таки люди, подвергающіеся его рѣшеніямъ или распоряженіямъ, видятъ въ немъ представителя нравственной идеи, — онъ можетъ быть невѣренъ ей, но она все-таки даетъ нѣкоторую возвышенность характеру его власти въ ихъ глазахъ; если будутъ падать упреки, они упадутъ на его личность, но самымъ существованіемъ той обязанности, которая лежитъ на немъ, не возмущается общественная совѣсть, напротивъ, она признаетъ нравственную сторону порученнаго ему дѣла. Совершенно не таково положеніе откупнаго агента: онъ самъ знаетъ, что онъ только орудіе частнаго прибытка, и общество не признаетъ за нимъ другаго значенія; оно не можетъ находить въ немъ другихъ правъ, кромѣ правъ эгоистическаго корыстолюбія, а этому принципу никто не подумаетъ давать въ своей совѣсти правъ на власть надъ обществомъ. — Мы говоримъ пока еще вовсе не о злоупотребленіяхъ, которыя слишкомъ легко возникаютъ изъ откупной системы, — хороша та вещь, въ которой дурны только злоупотребленія, — нѣтъ, мы говоримъ теперь о самомъ принципѣ откупа. Предположимъ, что онъ безукоризненно держится своихъ законныхъ обязательствъ, что онъ ведетъ свои дѣла съ добросовѣстностью честнѣйшаго изъ всѣхъ европейскихъ негоціантовъ; предположимъ, что агенты его по своему личному характеру и поведенію относительно народа образцовые примѣры доброжелательности, мягкосердечія, прямоты и всевозможной правоты, — все-таки существованіе даже и такого откупа тягостно для нравственныхъ убѣжденій націи, все-таки роль даже и такихъ агентовъ откупа — прямо гибельна для общества, прямо возмутительна для общественного сознанія; потому что все-таки откупъ есть не что иное, по самой своей натурѣ, какъ олицетвореніе корыстолюбія, властвующаго надо мною во имя собственное свое, во имя корыстнаго разсчета.

Нужно ли говорить, какими слѣдствіями въ народномъ бытѣ сопровождается паденіе нравственныхъ принциповъ? Ослабленіе любви къ труду, ослабленіе всякой честной энергіи, развитіе преступленій и пороковъ всякаго рода — вотъ эти слѣдствія, слишкомъ извѣстныя каждому.

Каждое правительство знаетъ это, и при первой возможности освободиться отъ столь неудовлетворительной финансовой системы, спѣшитъ освободиться отъ нея. Вредъ, наносимый откупною системою благосостоянію частныхъ лицъ, чувствуется ими еще живѣе.

Самый простой, самый неразвитый человѣкъ понимаетъ разницу между моральнымъ значеніемъ правительства и откупа. Подчиняясь правительству, человѣкъ сознаетъ, что эта власть основана на нравственномъ принципѣ, вытекаетъ изъ потребностей общественной жизни, имѣетъ своею коренною цѣлью охраненіе національныхъ благъ; это подчиненіе не противорѣчитъ совѣсти, напротивъ, требуется ею; оно не унижаетъ, а облагораживаетъ человѣка, возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ. Но требуетъ ли совѣсть, чтобы я подчинялся частному корыстолюбію, вредному не для меня одного, а также и для всѣхъ моихъ согражданъ? Нѣтъ, это унижительно для моего нравственнаго достоинства.

Къ этой нравственной причинѣ отвращенія присоединяется матеріальная, экономическая. По самому существу своему откупъ необходимо долженъ брать съ гражданъ гораздо больше, нежели отдаетъ правительству. Доходъ совершенно вѣрный, несоединенный ни съ какими затрудненіями, ни съ какими шансами дефицита, никакое правительство не отдаетъ и не отдавало на откупъ, — что за охота

была бы ему лишаться части такого дохода, величина котораго въ точности извѣстна и который весь сполна долженъ поступить въ его распоряженіе? Потонуто на откупъ отдавались всегда только доходы, точную величину которыхъ нельзя впередъ опредѣлить съ достовѣрностью, — цифры, подверженныя риску; и чѣмъ болѣе этотъ рискъ, тѣмъ скорѣе подпадалъ источникъ дохода откупу. Но извѣстно, что рискъ принимается не иначе, какъ съ вычетомъ страховой преміи. Если есть шансъ, что доходъ съ извѣстнаго предпріятія, исчисленный въ 100 рублей, можетъ уменьшиться до 60, я не сниму этого предпріятія за 90 рублей, не соглашусь дать за него больше 70: что за охота была бы мнѣ подвергать свой капиталъ риску за 10% прибыли, которые могу я имѣть въ предпріятіяхъ совершенно вѣрныхъ? Я хочу имѣть 20, 30%, иначе мнѣ не изъ чего рисковать. Но шансъ невыгодный всегда бываетъ связанъ съ другими шансами, болѣе выгодными, нежели вѣроятное исчисленіе: если вмѣсто 100 рублей дѣло можетъ дать только 70, значить оно можетъ дать и 130; тогда я получу рубль на рубль. При первой отдачѣ въ откупъ, хозяинъ еще можетъ знать съ нѣкоторою точностью величину дохода и степень правдоподобія разныхъ выгодныхъ и невыгодныхъ шансовъ; но, конечно, у меня вовсе не будетъ охоты отдавать ему точный отчетъ въ ходѣ моей спекуляціи, и чѣмъ дольше существуетъ отдача на откупъ, тѣмъ менѣе становится извѣстнымъ хозяину настоящее положеніе дѣла, такъ что, наконецъ, онъ совершенно не въ состояніи будетъ рѣшить, хотя приблизительнымъ образомъ, какъ велика моя выгода. Эта неопредѣленность съ одной стороны содѣйствуетъ дѣйствительному увеличенію прибыли откупщика, съ другой даетъ возможность къ самымъ баснословнымъ предположеніямъ о ней.

Такимъ образомъ самая сущность откупа основана на громадномъ перевѣсѣ суммы, собираемой откупщикомъ, надъ суммой, уплачиваемой имъ государству. Самый честный откупъ не можетъ существовать иначе, какъ собирая съ народа 20, 30 или больше копѣекъ въ свою выгоду на каждый рубль, доставляемый имъ государству. Общество платитъ гораздо больше, нежели получаетъ правительство, государственныя потребности обращаются въ средство для страшнаго обогащенія частныхъ лицъ, спекулирующихъ на несовершенство финансовой системы. Гражданинъ рѣшительно не знаетъ, сколько копѣекъ изъ рубля, платимаго имъ съ такимъ трудомъ, достанется правительству: онъ знаетъ только, что очень значительная часть этого рубля останется въ рукахъ откупщика, знаетъ только, что платилъ бы гораздо меньше, если бы спекулянтъ не преградилъ прямой дороги между нимъ и правительствомъ. Къ усиленію недовольства, внушаемаго этою лишнею тяжестью, является соображеніе, безмѣрно увеличивающее во мнѣніи народа выгоды, получаемыя откупщикомъ. Правительство не можетъ вычислять вѣроятной величины дохода иначе, какъ на основаніи такого пользованія источникомъ дохода, которое сообразно съ нравственными основаніями, необходимо лежащими въ правительственныхъ отношеніяхъ къ народу. Мы уже видѣли, что откупъ чуждъ этихъ границъ; онъ непремѣнно будетъ пользоваться и такими средствами, какихъ не можетъ принимать правительство. Такимъ образомъ, не говоря уже о выгодѣ, доставляемой рискомъ, онъ имѣетъ новую прибыль, не входящую въ соображенія, которыми опредѣляется величина откупной суммы. Эта новая прибыль, происходящая отъ пренебреженія нравственными условіями, служитъ и къ увеличенію доходовъ откупа и къ увеличенію отвращенія противъ него въ обществѣ.

Истощеніе тѣхъ источниковъ, на которыхъ основываются доходы правительства и его могущество, взиманіе съ варода суммы гораздо большей, нежели какая получается правительствомъ, разрушеніе нравственныхъ убѣденій въ народѣ, ослабленіе честнаго труда, — вотъ неизбѣжныя дѣйствія откупной системы вообще, каковъ бы ни былъ предметъ откупа и какъ бы честны ни были его поступки въ смыслѣ формальной законности.

Но послѣдними словами мы дѣлаемъ предположеніе, которому невозможно исполняться въ дѣйствительности. Сущность откупной системы такова, что съ нею несовмѣстно соблюденіе законности. Во-первыхъ, откупъ не есть правильное коммерческое предпріятіе, а рискованная игра, въ которой нѣтъ середины, а есть только или банкротство, или страшный выигрышъ. Богатство откупщика не можетъ оставаться почти въ одинаковомъ положеніи, или увеличиваться нѣрнымъ, довольно медленнымъ образомъ, какъ бываетъ въ правильной торговлѣ. Онъ или разоряется, или съ каждыиъ новымъ ударомъ костей становится вдвое богаче. При такомъ громадномъ рискѣ и выигрышѣ не можетъ быть рѣчи о правильности дѣйствій. Только глупцы играютъ въ штоссъ честно. Никогда не было примѣра, чтобы откупъ держался границъ законности: онъ несовмѣстенъ съ самою натурою азартной игры. Притомъ откупъ самъ даетъ свои постановленія; онъ, какъ хозяинъ, считаетъ себя вправѣ дѣлать все, что хочетъ и можетъ. При всякой другой системѣ, злоупотребленія бывають возможны или легки вслѣдствіе ея несовершенствъ или постороннихъ обстоятельствъ. При откупѣ они происходятъ изъ самой сущности системы и никакъ не могутъ быть устранены, пока продолжается она.

Общія послѣдствія откупа могутъ быть болѣе или менѣе значительны въ государственной жизни, смотря по важности его мѣста въ бюджетѣ государства и по свойствамъ предмета, ему подвергаемаго. Само собою разумѣется, что чѣмъ значительнѣе отрасль государственныхъ доходовъ, отдаваемая на откупъ, тѣмъ сильнѣе отразятся его результаты на общественной жизни, и чѣмъ щекотливѣе самый источникъ дохода, тѣмъ чувствительнѣе будутъ послѣдствія исключительно-денежныхъ основаній, на которыхъ онъ разрабатывается откупомъ.

У насъ отрасль доходовъ, отдаваемыхъ на откупъ, составляетъ самую значительную статью государственнаго дохода. По приблизительнымъ вычисленіямъ, откупъ доставляетъ слишкомъ вдвое больше, нежели государственныя имущества, и въ два съ половиною раза болѣе, нежели таможенные пошлины, одинъ доставляя почти третью часть всѣхъ государственныхъ доходовъ. При такой громадной важности этой статьи понятно, что сила, приобретаемая откупомъ, оказывается непобѣдимой почти во всѣхъ столкновеніяхъ его съ другими общественными интересами.

При такой силѣ, одолѣвающей всякое сопротивленіе, или лучше сказать, не находящей ни въ чемъ серьезнаго сопротивленія, откупъ извлекаетъ свои доходы изъ источника, самаго щекотливаго во всемъ бюджетѣ. Торговля водкою, при самомъ строгомъ надзорѣ самой лучшей въ нравственномъ отношеніи полиціи, легко обращается въ средство развращать народъ и обманывать его; легко понять, какого размѣра должны неизбѣжно достигать злоупотребленія ею при порядкѣ вещей, описанномъ нами. Мы не будемъ подробно говорить объ этихъ злоупотребленіяхъ. Въ той мѣрѣ, въ какой они извѣстны намъ, они извѣстны каждому читателю. Открывать еще какія нибудь тайныя злоупотребленія, неочевидныя

для публики, могли бы только лица, сами совершавшія ихъ; притомъ же обще-извѣстные факты сами по себѣ уже такъ разительны, что никакія новыя открытія не могли бы много усилить впечатлѣніе, производимое вещами давно извѣстными. Мы самымъ краткимъ образомъ перечислимъ эти вещи, всѣмъ извѣстныя. Разсыропка, то-есть подливаніе воды въ водку, обмѣръ при продажѣ и страшное возвышеніе цѣны водки, прекрасно раскрыты въ замѣчательной статьѣ г. Бабста, къ которой мы отсылаемъ читателя; г. Бабстъ говоритъ, что, благодаря откупу, народъ покупаетъ водку вмѣсто трехъ рублей за ведро по восьми рублей и при томъ на каждой четверти ведра производится обманъ на половину штофа, вообще въ розничной продажѣ на $\frac{1}{5}$ часть продаваемого количества, кромѣ собственно такъ называемаго обмѣра; сколько воды влито въ продаваемое съ такимъ обманомъ и по такой цѣнѣ вино, трудно и вычислить. Число миллионовъ, получаемыхъ откупомъ отъ этихъ продѣлокъ, разумѣется, не можетъ никто опредѣлить съ точностію, но г. Бабстъ доказываетъ цифрами, что одинъ изъ этихъ способовъ, разсыропленіе, даетъ уже никакъ не меньше 40 миллионъ рублей серебромъ. Кромѣ денежнаго грабежа надобно обратить вниманіе на уронъ, приносимый откупами сельскому хозяйству, на нравственный и фізіологическій вредъ, производимый порчею качества водки.

Въ нашемъ сыромъ и холодномъ климатѣ вино также необходимо простолюдину, какъ кислая капуста и квасъ. Долго смѣялись надъ любовью русскаго мужика къ щанъ и квасу, пока не узнали, что эта пища и это питье глушатъ для него единственными предохранительными средствами отъ цынги. Точно также нелѣпы лицемѣрные толки противъ потребности мужика выпить стаканъ вина послѣ работы въ сырости и холодѣ, при малой питательности употребляемой имъ пищи, при неудобствахъ его жилища и недостаточности его одежды. Противники употребленія вина простымъ народомъ были бы правы только тогда, когда въ замѣнъ стакана водки доставили бы ему обильный мясной столъ, которымъ онъ теперь пользуется только по великимъ праздникамъ, доставили бы ему просторное помѣщеніе съ чистою и сухою атмосферою вмѣсто грязной, тѣсной и зловонной избы, доставили бы его ногамъ обувь получше онучъ и лаптей, всему его тѣлу одежду получше дыряваго зипуна или истертаго полушубка. Теперь народъ не можетъ обходиться безъ вина. Слишкомъ высокая цѣна этого необходимаго напитка дѣлаетъ его доступнымъ только въ дни отчаяннаго разгула, отнималъ возможность пользоваться имъ въ умѣренномъ количествѣ постоянно. Мужикъ въ теченіе года выпиваетъ гораздо менѣе, нежели было бы нужно для поддержки его силъ постояннымъ умѣреннымъ употребленіемъ вина, за то нѣсколько разъ въ годъ пьетъ его безъ мѣры. Такое пьянство, какъ въ Россіи, едва ли есть гдѣ нибудь, кромѣ Ирландіи.—мы ошиблись, и въ самой Ирландіи только прежде было, а теперь уже нѣтъ такого пьянства. Между тѣмъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ не выпивается въ годъ спиртныхъ напитковъ такъ мало, какъ въ Россіи, особенно въ Великой Россіи, гдѣ откупъ достигъ издавна полнаго развитія. По отчетамъ о распродажѣ водки въ Великой Россіи оказывается, что на cadaго человѣка приходится въ годъ не болѣе полуведра; въ царствѣ Польскомъ пьянства гораздо меньше, а между тѣмъ на cadaго жителя приходится около ведра водки: въ Бранденбургской области, гдѣ пьянства еще меньше, приходится на жителя 1.37 ведра въ годъ.

Такимъ образомъ откупъ уменьшаетъ на половину или даже на двѣ трети то количество вина, которое могло бы выкуриваться въ Россіи, и въ десять разъ увеличиваетъ массу пьянства у насъ сравнительно съ другими землями. Развитіе винокурениа, по отзывамъ сельскихъ хозяевъ, было бы лучшимъ средствомъ поднять наше земледѣіе и усилить наше скотоводство. Препятствуя этому, откупъ долженъ считаться одною изъ главнѣйшихъ причинъ стѣсненнаго положенія важнѣйшей отрасли нашего производства.

Медики говорятъ, что чѣмъ хуже качество водки, тѣмъ болѣе располагаетъ она организмъ къ тому, чтобы человѣкъ сдѣлался пьяницею. Извѣстно, что въ западной Европѣ не существуетъ болѣзни, называемая у насъ запоємъ. Конечно, могутъ быть основаніями для нея и вака нибудь моральныя особенности нашего общества, но несомнѣнно то, что важнѣйшею причиною ея надобно полагать именно дурное качество нашей водки. Это крайняя степень развитія губительныхъ дѣйствій разныхъ примѣсей, которыми подправляетъ откупъ вкусъ слишкомъ разсыропленнаго вина, чтобы придать ему обманчивую жгучесть. Люди, знакомые по опыту съ употребленіемъ водки, свидѣтельствуютъ, что похмѣлье отъ вина, разбавленнаго водою и приправленнаго для вкуса разными жгучими веществами, гораздо тяжелѣе, нежели отъ хорошей водки, и что позывъ снова налить себя водкою для погашенія тоскливаго жара, остающагося прежнимъ пріемомъ, тѣмъ непреодолимѣе, чѣмъ хуже водка.

Но всѣ эти вредныя послѣдствія злоупотребленій откупа, какъ ни тяжелы они и вообще для народнаго хозяйства, и для отдѣльныхъ лицъ, мы считаемъ еще мало-важными по сравненію съ самымъ страшнымъ изъ всѣхъ злоупотребленій откупа, — злоупотребленіемъ, столь же неизбежно вытекающимъ изъ его сущности, какъ и всѣ остальные, — и разсыропленіе водки, и подмѣсы, и подавленіе земледѣлія и скотоводства, — все это ничтожно по сравненію съ прямою заботою откупа о развращеніи народа. Каждому извѣстно, что если село было зажиточно, пова не существовалъ въ немъ кабакъ, оно неминуемо бѣднѣетъ вслѣдъ за основаніемъ въ немъ кабака. Отчего это? Неужели въ самомъ дѣлѣ только оттого, что явилось подъ руками у мужиковъ мѣсто продажи вина? Неужели самъ по себѣ нашъ мужикъ такъ падокъ на пьянство, что при первой возможности начнетъ пить до тѣхъ поръ, пока весь пропьется? Если такъ, почему же въ югозападныхъ губерніяхъ при вольной продажѣ водки и вольномъ винокурениі было меньше пьянства, нежели въ восточныхъ и сѣверныхъ, гдѣ былъ откупъ? Нѣтъ, дѣло разрѣшается, если вы перваго встрѣчнаго мужика или мѣщанина спросите, что такое кабакъ. Кабакъ не просто лавка, въ которой продается вино тому, кто приходитъ купить его, — нѣтъ, кабакъ употребляетъ всю изобрѣтательность соблазна и плутовства, чтобы стать притономъ всѣхъ возможныхъ пороковъ. Онъ не ограничивается продажей вина желающимъ, онъ всѣми средствами заманиваетъ покупать его и тѣхъ, которые сами по себѣ вовсе не имѣли этого желанія, — дѣло коммерческое, какъ же вы хотите иначе? Это блаженный асилъ всего того, что не можетъ быть терпимо ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Онъ всѣми средствами зазываетъ къ пьянству каждаго окольного жителя. Какъ усердно и любезно цаловальникъ заманиваетъ его въ своей стойкѣ посредствомъ своихъ агентовъ! Ни нашъ незабвенный Излеръ, ни великій американецъ Барнумъ не превосходили любого цаловальника изобрѣтательностью въ средствахъ завлекать къ себѣ посѣтителей. Для посѣтителя кабакъ уже приго-

товилъ и общество обоого пола. Тутъ уже готовы ободрять новичка своимъ примѣромъ и просьбами несчастные инвалиды пьянства, — кабакъ даромъ содержитъ. кормить и поить ихъ, чтобы они своею бесѣдою и помощью вели по надлежащему пути мужика, попавшаго въ этотъ вертепъ. Тутъ есть и раздражающія вкусъ къ вину закуски. Тутъ есть и женщины, какія нужны для развитія пьянства, онѣ также состоятъ въ штатѣ кабака, содержатся на его счетъ. У посягателя нѣтъ денегъ, чтобы окончательно напиться пьяну? Это не помѣха: кабакъ разиѣняетъ ему на вино любую вещь, какую угодно: кафганъ, полушубокъ, рубашку, сапоги, лошадь, телѣгу, хлѣбъ, баклагу съ дегтемъ, привѣшенную подъ телѣгой, и все, что угодно, что бы ни лежало на телѣгѣ. Этими пріятностями и удобствами, доставляемыми обществу, не ограничивается благодѣтельная роль кабака. Къ чему бы существовали азили, если бы они не давали пріюта людямъ, преслѣдуемымъ злобою человѣческою? Кабакъ вѣренъ этому высокому призванію. Онъ служитъ притономъ воровъ и разбойниковъ, которымъ заблагоразсудится искать его гостепріимнаго крова. Онъ не выдаетъ никому своихъ довѣрчивыхъ гостей: ихъ невинность останется неприкосновенна подъ его бдительнымъ охраненіемъ. И тѣ, болѣе счастливые артисты, которые имѣютъ притоны свои въ кабакахъ, процвѣтаютъ только благодаря его участію въ ихъ отважномъ промыслѣ. Индустрія упадаетъ, если не находитъ сбыта своимъ продуктамъ; вѣрный рынокъ — важнѣйшее условіе для ея преуспѣянія. Кабакъ подавляетъ земледѣліе — неужели онъ не пойметъ обязанности своей вознаградить общество за потерю въ одной отрасли дѣятельности поддержкою другой отрасли? Это было бы тупою неблагодарностью, а агенты откупа обязательны до великодушія. За вредъ, приносимый земледѣлію, кабакъ съ лихвою вознаграждаетъ націю тою помощью, какую оказываетъ воровству. Краденная или пріобрѣтенная грабежомъ, убійствомъ, вещь всегда найдетъ вѣрный сбытъ въ кабакахъ: сюда, къ намъ, пріятеля, мы все у васъ купимъ, за все заплатимъ наличными деньгами или водкою, по вашему желанію. Этотъ родъ торговли развитъ до того, что беретъ во многихъ кабакахъ рѣшительный перевѣсъ надъ официальнымъ ихъ промысломъ, продажею водки. Они кабаки только по названію, а на дѣлѣ — исключительно биржи воровскаго промысла. Утѣшительнымъ примѣромъ того, что конкуренція вовсе не такъ убійственна для соперниковъ болѣе счастливаго торговца, какъ увѣряютъ нѣкоторые, служитъ то, что это особенно живое сосредоточеніе воровскихъ вещей въ нѣкоторыхъ кабакахъ ни мало не препятствуетъ очень дѣятельному ходу того же занятія и во всѣхъ другихъ.

Да, и на солнцѣ есть пятна, и въ откупной системѣ есть не совершенно безукоризненныя стороны, которыхъ не можетъ вполне одобрить строгій моралистъ.

Впрочемъ, мало ли чѣмъ бываетъ недоволенъ строгій моралистъ? Намъ кажется, онъ не былъ бы доволенъ и тѣмъ, что русское общество нуждается въ статьяхъ противъ откупа.

Не по этой одной причинѣ намъ было тяжело приниматься говорить противъ откупа. Непріятность дѣла усиливалась тѣми мыслями, которыя мы высказали въ началѣ статьи. Странно, до обидности странно видѣть людей, говорящихъ нынѣ то, чего не говорили они вчера, хотя нѣтъ нынѣ ни одной такой причины воспламеняться этимъ предметомъ, которая не существовала бы въ такой же сильной степени и вчера; обидно видѣть и самого себя въ такомъ нелѣпомъ положеніи. Но есть еще третье обстоятельство, едва ли не болѣе непріятное, чѣмъ два первыхъ.

Мы, кажется, не смягчали слѣдствій откупа,—наше изложеніе не отличалось снисходительностью къ нему. Мы доказывали, что всѣ эти послѣдствія необходимо вытекаютъ изъ самой сущности откупа, не могутъ быть никакою силою отдѣлены отъ нея; что пока будетъ существовать откупъ, онъ будетъ обманывать правительство, обманывать, раззорять и развращать, преднамѣренно, систематически развращать націю. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что единственное средство противъ откупныхъ бѣдствій, — не какія нибудь мѣры для направленія откупной системы: нѣтъ, она несправима, она не допускаетъ никакихъ улучшеній, — единственное средство противъ нея уничтоженіе ея, замѣненіе откупа акцизомъ, взимаемымъ прямо казною, безъ всякихъ посредниковъ между правительствомъ и націею, какъ взимаются таможенные пошлины, налогъ на соль, подушная и поземельная подать. Какъ не скрывали мы отъ себя всей великости бѣдствій, вытекающихъ изъ откупной системы, такъ не станемъ уменьшать въ своемъ мнѣніи выгодъ, которыя будутъ доставлены и правительству, и народу черезъ замѣну откупа акцизомъ, взимаемымъ непосредственно казною. Но при всей неизмѣримой пользѣ такого замѣненія, мы не полагаемъ, чтобы для искоренія бѣдствій и злоупотребленій, которымъ покровительствуетъ откупъ, достаточно было уничтожить его и ввести сборъ виннаго акциза казною.

Такъ, выгоды подобнаго замѣненія громадны, и трудно даже нечислить всѣ полезныя его слѣдствія. Обыкновенно указываются изъ нихъ слѣдующіи: увеличеніе государственнаго дохода съ облегченіемъ народа въ уплатѣ его; доставленіе народу дешевой и хорошей водки; развитіе употребленія напнтковъ, замѣняющихъ водку, — пива и виноградныхъ винъ; оживленіе земледѣлія и скотоводства. Всѣ эти выгодныя послѣдствія несомнѣнны, и намъ кажется, что даже можно увеличить ихъ списокъ нѣкоторыми другими, также очень важными.

Исчислено, что при взиманіи непосредственно казною акциза въ 1 р. 50 к. съ ведра водки, при разрѣшеніи свободнаго винокуренія и вольной торговли виномъ, казна будетъ получать съ одной водки больше, нежели теперь доставляетъ ей весь откупъ. Если предположимъ при свободной торговлѣ водкою потребленіе только въ 1,05 ведра на человѣка, какъ въ Польшѣ, то для 62,000,000 чел. населенія Россіи (за исключеніемъ Царства Польскаго и Финляндіи) получится расходъ водки въ 65,000,000 в., съ которыхъ акцизъ въ 1 р. 50 к. дастъ 97,500,000 рублей, — сумма, какой не даетъ въ дѣйствительности откупъ. Если же потребленіе дойдетъ до 1,37 ведра, какъ въ Бранденбургѣ, количество водки увеличится до 85,000,000 ведръ, а акцизный сборъ до 127,500,000 р. При такомъ акцизѣ продажная цѣна ведра была бы не выше 2 р. 50 к., вѣроятно не выше 2 р. 30 к.

Этимъ не ограничится выгода казны, простирающаяся съ такимъ акцизомъ до 10 — 15 милліоновъ р. уже при потребленіи только 1 ведра водки на жителя. Откупъ убиваетъ производство пива, расходъ котораго въ Россіи (безъ Царства Польскаго), по Тенгоборскому, не превышаетъ 0,15 ведра на человѣка, между тѣмъ какъ въ Царствѣ Польскомъ онъ доходитъ до 1,55 ведра, во Франціи до 0,94 ведра, въ Англіи до 4,14 ведра. Конечно, у насъ расходъ пива при уничтоженіи откупа не могъ бы не подняться выше той цифры, какой достигаетъ во Франціи, столь богатой дешевымъ винограднымъ виномъ *). Не надѣясь быстрого достиже-

*) По Тенгоборскому, потребленіе винограднаго вина во Франціи простирается до 8,68 ведръ на человѣка.

пія англійской (4,14) или баварской (9 ведръ на человѣка) цифры, ны, конечно, останемся ниже дѣйствительности, если предположимъ, что у насъ потребленіе пива скоро поднялось бы до польской цифры. При акцизѣ въ 20 коп. сер. такое потребленіе пива дало бы правительству болѣе 19,000,000 р. сер. дохода.

Нѣсколько лишнихъ милліоновъ были бы также доставлены казнѣ акцизомъ на наши крымскія и кавказскія виноградныя вина и пошлинами съ иностранныхъ винъ дешевыхъ сортовъ, потому что потребленіе виноградныхъ винъ сильно увеличилось бы, когда бы откупъ пересталъ давить торговлю ими въ городахъ и совершенно изгонять ее изъ селъ.

Такимъ образомъ, выигрышъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ (30 — 35 милл.) рублей несомнѣненъ для казны отъ замѣны откупа умѣреннымъ казеннымъ акцизомъ.

Мы не будемъ говорить о томъ, сколько выиграло бы земледѣліе и скотоводство отъ такой перемѣны. Этотъ выигрышъ надобно было бы оцѣнивать не десятками, а сотнями милліоновъ рублей.

Къ выгодамъ, о которыхъ говорятъ всѣ, могутъ быть присоединены еще другія, неменѣе важныя.

Нація не будетъ колебаться въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ зрѣльщемъ учрежденія, присвоивающаго себѣ власть надъ обществомъ исключительно и явно только во имя корыстолюбія, открыто поставляющаго своимъ основаніемъ поправленіе всѣхъ моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ государства и народа для корысти нѣсколькихъ частныхъ людей.

Мѣста торговли водкою перестанутъ пользоваться привилегією безнаказаннаго содержанія всѣхъ воровъ, перестанутъ служить безопасными притоками для нихъ, вѣрными складочными магазинами и готовыми рынками для всѣхъ украденныхъ и заграбленныхъ вещей.

Эти мѣста перестанутъ безпрепятственно употреблять всевозможныя противозаконныя хитрости для развращенія всѣхъ слабыхъ характеровъ, пользоваться всѣми средствами заманивать людей къ безобразному пьянству, разврату всякаго рода и промѣну всего домашняго хозяйства на водку.

Перечисленные нами выгоды отъ замѣны откупа акцизомъ, взимаемымъ непосредственно казною, дѣйствительно и громадны, и несомнѣнны; списокъ ихъ легко было бы увеличить многими другими важными и полезными послѣдствіями такой реформы. Напримѣръ, съ уничтоженіемъ откуповъ спекулятивная предпріимчивость и огромное количество капиталовъ несомнѣнно обратились бы отъ предпріятія, гибельнаго для народа, къ предпріятіямъ истинно-полезнымъ, оживилась бы правильная торговля, возникли бы многія мануфактуры, въ гораздо большемъ количествѣ возникли бы компаніи, подобныя Черноморской, Амурской и Каспійской. Честный трудъ вообще поднялся бы, неподавляемый наглою надменностію людей, быстро и страшно богатѣющихъ не совсѣмъ хорошимъ дѣломъ. Но эта великолѣпная перспектива все-таки не ослѣпляетъ насъ относительно главнѣйшей выгоды, которую многіе считаютъ удободостижимой посредствомъ одного только уничтоженія откуповъ. Скажемъ прямо: пьянство, составляющее главный порокъ нашего народа, производится не откупомъ. Откупъ, конечно, въ значительной степени усиливаетъ его, но не откупъ его порождаетъ; уничтоженіе откупа въ довольно значительной степени ослабитъ этотъ порокъ, но, и по уничто-

женіи откупа, онъ останется все-таки чрезвычайно сильнымъ, пока не будутъ устранены другія обстоятельства, которыми развивается пьянство.

Едва ли нужно догматическимъ тономъ распространяться о причинахъ, поражающихъ пьянство; всѣ порядочные люди принимаютъ однѣ и тѣже причины этого порока: бѣдность, невѣжество, унижительное положеніе извѣстнаго человѣка среди общества и вслѣдствіе того упадокъ въ немъ самомъ уваженія къ себѣ, безнадежность на поправленіе своихъ обстоятельствъ, безнадежность на полученіе правды въ случаѣ обиды. Указывать эту истину нѣтъ надобности, она извѣстна всѣмъ; намъ кажется только, что въ отвлеченномъ своемъ видѣ она не довольно сильно дѣйствуетъ на образъ сужденій, и потому постараемся оживить ее приведеніемъ фактическихъ примѣровъ, успѣшнѣе дѣйствующихъ на мысль, нежели теоретическія соображенія.

Мы начнемъ исторіей одного молодого человѣка, которая извѣстна многимъ изъ нашихъ читателей. Онъ говоритъ, что сдѣлался записнымъ пьяницею вслѣдствіе трехъ случаевъ: во-первыхъ, безъ всякой вины онъ былъ подвергнутъ наказанію, которое называется исправительнымъ, но ему показалось позорнымъ, и онъ пошелъ запитъ свой стыдъ въ кабакъ. Черезъ нѣсколько времени полюбилась ему дѣвушка, которой и онъ былъ милъ; отецъ дѣвушки отдалъ ее насильно за другаго, — онъ опять пошелъ запитать горе въ кабакъ. Потомъ случилось обстоятельство слѣдующаго рода: ремесломъ нашъ парень былъ печникъ, взялся онъ передѣлать печи въ довольно большомъ домѣ; кончилъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, но когда пришелъ за расплатою, ему стали выдавать не всѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ получить; парень разгорячился, сказалъ, что станетъ жаловаться. „А, ты еще грозить!“—отвѣчали ему:—ну такъ ступай, жалуйся; когда присудятъ, тогда и отдадимъ тебѣ деньги, а теперь не хотимъ отдавать тебѣ, грубіяну, за твою дерзость“. Парень жаловался, но денегъ все-таки не получилъ; съ рабочими такимъ образомъ не успѣлъ онъ расплатиться во-времѣ; за это самъ онъ подлежить суду съ заключеніемъ въ тюремный замокъ. Раззоренный, онъ видитъ себѣ теперь одно убѣжище—въ кабакъ. Отъ молодого человѣка перейдемъ къ разсказу старика, также знакомаго многимъ изъ нашихъ читателей. Этотъ состоялъ на службѣ и не бралъ взятокъ, потому не могъ давать взятки и другимъ. Результатомъ было, что его удалили отъ службы. Нѣсколько лѣтъ онъ крѣпился, поддерживаемый разными надеждами. Наконецъ, послѣдній человѣкъ, отъ котораго онъ могъ ждать себѣ защиты, человѣкъ добрый и хорошій, прогналъ его, даже не захотѣвши выслушать; тогда нашъ герой отправился въ кабакъ, жилищемъ котораго и сдѣлался. Скажите, виноватъ ли откупъ въ этихъ случаяхъ?

Отъ исторіи частныхъ лицъ обратимся къ быту цѣлаго народа, славившагося по всему земному шару своимъ пьянствомъ. Мы говоримъ объ Ирландіи до 1848 г. Положеніе Ирландіи, само собою разумѣется, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ нашимъ. Всѣ черты быта, начиная съ климатическихъ, совершенно различны. Тѣмъ интереснѣе прослѣдить жизнь этого народа и его чувства, прямо противоположны нашимъ. Сходства, мы сказали, нѣтъ ни малѣйшаго, во всемъ прямая противоположность. Русскія нивы чаще всего страдаютъ отъ засухи; дождь среди лѣта у насъ рѣдкость и благословеніе Божіе; въ Ирландіи жатва страдаетъ только отъ излишней дождливости климата, и благословеніемъ Божиимъ тамъ бываетъ уменьшеніе дождей. Какъ различна природа, такъ различенъ и характеръ жите-

лей. Мечтательности у русскаго мужика совершенно нѣтъ, онъ самый положительный и разсчетливый изъ всѣхъ европейскихъ поселянъ, онъ превосходитъ въ этомъ не только англичанина, но даже французскаго мужика, славящагося крайнею наклонностію къ скопидомству и отсутствіемъ всякихъ идеальныхъ порывовъ; отъ природы онъ тяжеловатъ, серьбзенъ, немногорѣчивъ, угрюмъ. Ирландецъ веселой живостью характера превосходитъ парижанина, безпечностью завтрашнемъ днѣ — итальянца; онъ болтунъ, онъ поэтъ. Русское племя безусловно владычествуетъ въ сильнѣйшемъ государствѣ цѣлаго міра; для насъ нелѣпа даже мысль о возможности иноземнаго ига или господства иновѣрной церкви. Ирландецъ живетъ подъ чужеземнымъ ярмомъ, его родная церковь до послѣдняго времени была гонима, онъ и теперь видитъ въ своей странѣ владычество иновѣрной церкви. Словомъ сказать, нѣтъ ни одной черты, общей ирландцамъ и намъ, начиная природою страны и кончая тѣмъ, что у насъ есть откупъ, а въ Ирландіи нѣтъ его, — нѣтъ ни одной черты общей, кромѣ того, что и въ Ирландіи до послѣднихъ годовъ существовало и у насъ существуетъ пьянство въ страшныхъ размѣрахъ. Разсмотришь же источники этого порока въ странѣ, никогда не знавшей откупа.

Начнемъ съ того, что ирландецъ вообще былъ лишенъ всякой гарантіи въ томъ, что поддержится его благосостояніе, если онъ пользуется имъ; лишенъ почти всякой надежды достигъ его, если находится въ бѣдности. По гнусному устройству, отъ котораго мы, слава Богу, были всегда избавлены провидѣшемъ, каждая лишняя копейка, приобретаемая ирландцемъ, шла въ карманъ или лендлорду, или миддельмену; если бы въ 1842 году бѣдному Патрику удалось сберечь какой нибудь фунтъ стерлинга, единственнымъ результатомъ было бы, что въ 1843 году миддельменъ повысилъ бы на фунтъ стерлинга ту плату, какую бралъ съ Патрика за землю. Какая же прибыль была Патрику заботиться о своемъ хозяйствѣ, или беречь деньги? Онъ руководился тою увѣренностію, что у него будетъ оставлена только та часть его доходовъ, которая необходима для продолженія его жалкаго существованія, а все остальное будетъ у него отнято. Законы, по которымъ судили ирландца, были ему чужды, администрація и судебныя мѣста смотрѣли на него, какъ на человѣка иной породы, нежели они, администраторы и судьи. Это было натурально, потому что правители происходили дѣйствительно изъ другой породы или изъ ренегатовъ ирландской національности. Нравственной связи между управляемыми и управляющими не было; отчужденіе доходило до такой степени, что возникло въ умѣ ирландца совершенное отрицаніе нравственной обязательности законовъ и справедливости судовъ, которымъ онъ подчинялся. Разбойники, свирѣпствовавшіе противъ ненавистной ирландцу касты, были для него героями. Человѣкъ, приговоренный къ наказанію, казался ему не преступникомъ, а только жертвою несправедливости. И если въ числѣ присяжныхъ, судившихъ ирландца, бывалъ хоть одинъ ирландецъ, онъ никогда не соглашался признать подсудимаго виновнымъ, какъ бы ни были ясны улики въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, совершенномъ противъ ненавистныхъ англичанъ. Свидѣтели отпирались отъ всякихъ показаній незнаемъ. Теперь ясны причины пьянства ирландцевъ. Ирландецъ былъ доведенъ до безнадёжности поборами англичанъ; онъ не признавалъ, что для него существуетъ правосудіе; онъ полагалъ, что всѣ законы составлены только для его угнетенія, что администраторы и судьи существуютъ только для того, чтобы поддерживать угнетеніе, въ которомъ онъ находился.

Неопровержимымъ свидѣтельствомъ того, что дѣйствительно и исключительно эти обстоятельства были причиною ирландскаго пьянства, служить исторія тѣхъ же самыхъ ирландцевъ послѣ переселенія въ Америку. Мы не хотимъ рѣшать, хороши ли вообще американскіе законы, завиденъ ли вообще американскій гражданскій бытъ. Многіе находятъ, что яѣ Америкѣ владычествуетъ гнусная анархія; быть можетъ, такое мнѣніе справедливо; мы даже раздѣляемъ его, но не раздѣляемъ ирландецъ. Онъ пріѣзжаетъ въ Нью-Йоркъ невѣжественнымъ, грязнымъ и лѣнивымъ пьяницею. Онъ нанимается въ чернорабочіе и въ первое время работаетъ очень дурно, и всѣ выработанныя деньги пропиваетъ. Но скоро онъ замѣчаетъ, что сколько бы ни выработалъ онъ денегъ, онѣ всѣ остаются въ его рукахъ и никто не является отнять у него лишнее, то есть, казавшееся лишнимъ бывшему его лендлорду. Онъ начинаетъ работать прилежнѣе, чтобы получать больше денегъ. У него, или его товарищей, происходятъ иногда столкновенія съ людьми, у которыхъ онъ работаетъ. Эти распри рѣшаются американскими властями такъ, что рѣшеніе кажется ирландцу безпристрастнымъ и справедливымъ. Скоро онъ убѣждается, что администрація и судилища не враждебны ему силы. Онъ перестаетъ онасаться несправедливостей и въ скоромъ времени, черезъ годъ, черезъ полтора года, вы видите его переродившимся. Онъ трудолюбивъ, бережливъ и привычка въ пьянству совершенно исчезла въ немъ. У него есть уже небольшой капиталъ, онъ отправляется въ западные штаты, приобретаетъ участокъ земли, строитъ домъ, становится примѣрнымъ земледѣльцемъ, онъ заботится дать образованіе своимъ дѣтямъ и самъ онъ, несмотря на свои 40 или 45 лѣтъ, выучивается читать.

Изъ этого факта можно вывести то заключеніе, что пьянство развивается или исчезаетъ, подобно лѣности, вслѣдствіе различныхъ общественныхъ условій, изъ которыхъ только одно есть откупъ.

Заговоривъ объ условіяхъ общественной жизни, мы не можемъ не припомнить тривиальное сравненіе общественнаго тѣла съ человѣческимъ организмомъ. При худосочіи, человѣкъ занемогаетъ отъ такихъ вліяній, которыя шутя переносятъ другой человѣкъ, кровь котораго здорова. Съ крѣпкою грудью, я могу почти безвредно жить въ сырой комнатѣ, въ которой у другихъ развивается чахотка. Что и говорить, сырость комнаты очень важное неудобство; но не думайте, чтобы, осушивъ комнату, вы уже излечили худосочіе ея жильца. Оно происходитъ также отъ другихъ причинъ, быть можетъ, болѣе сильныхъ: вѣроятно, онъ употребляетъ дурную пищу, вѣроятно, онъ не имѣетъ порядочной одежды; я даже увѣревъ въ этомъ, потому что, если бы онъ пользовался благосостояніемъ, онъ, конечно, нашелъ бы себѣ лучшую квартиру. Это тривиальное сравненіе приводитъ васъ къ мысли, что разныя явленія частной или общественной жизни находятся между собою въ тѣсной связи, или, снова прибѣгая къ сравненію, что дерево достигаетъ роскошнаго роста только на удобной для того почвѣ. Каждый годъ русскія бабы и дѣвки по нѣскольку разъ трудятся надъ полотнемъ сорной травы на своихъ скудныхъ поляхъ, и каждый годъ сорная трава вырастаетъ снова. Мы совершенно убѣждены въ необходимости полоть; не даромъ у насъ есть пословица: „дурную траву изъ поля вонъ“; но мы думаемъ, что подобное занятіе вышеупомянутыхъ бабъ и дѣвокъ останется работой Данаидъ, пока ихъ мужья не убѣдятся въ необходимости переработать почву своихъ полей болѣе глубокою пропашкою: на хо-

рошо обработанной землѣ меньше остается зеренъ сорной травы, да и та заглушается дружнымъ, сильнымъ ростомъ хлѣба. Но возвратимся къ откупу. Въ началѣ статьи мы употребили выраженіе, что онъ составляетъ принадлежность извѣтнаго періода въ развитіи финансовыхъ учреждений. Такимъ образомъ, онъ представляется намъ только частью цѣлаго. А это цѣлое, въ свою очередь, составляетъ только часть общей гражданской жизни и необходимо обусловливается другими ея отношеніями.

Разсмотрѣть, какими условіями общественной жизни развивался откупъ, какихъ улучшеній въ ней должно желать для того, чтобы по уничтоженіи откупа не явились въ другой формѣ тѣ же самыя вещи, за которыя осуждается откупъ,— это предметъ гораздо интереснѣйшій и важнѣйшій, нежели разсмотрѣніе откупной системы.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ IV.

Правительственныя распоряженія по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Губернскіе комитеты по устройству крестьянскаго быта.

Въ помѣщенномъ въ 6-мъ № Современника обозрѣніи мѣръ, принятыхъ до сего времени въ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, исчислены тридцать шесть губерній, по именъ послѣдовали уже въ то время Высочайшіе рескрипты объ учрежденіи Дворянскихъ Губернскихъ Комитетовъ, и пять губерній (Санкт-петербургская, Виленская, Нижегородская, Гродненская и Ковенская), гдѣ были уже открыты комитеты по устройству крестьянскаго быта.

Въ настоящее время Высочайшіе рескрипты объ открытіи таковыхъ Комитетовъ послѣдовали, по ходатайству дворянства, уже по всѣмъ губерніямъ, въ которыхъ учреждены дворянскіе выборы и гдѣ слѣдовательно имѣется достаточное число помѣщиковъ, для образованія Комитетовъ*); а именно: Высочайшіе рескрипты послѣдовали:

По землѣ Войска Донскаго (на имя казака атамана) 6 іюля.
По Смоленской губерніи 28 мая.
По Владимірской — 8 іюня.
По Калужской — 24 іюня.
По Оренбургской — 6 іюля.
По Ставропольской (на имя намістника кавказскаго) 11 іюля.

Сверхъ пяти губерній, о коихъ упомянуто было ранѣе, въ настоящее время открыты уже Губернскіе Комитеты по устройству крестьянскаго быта въ слѣдующихъ губерніяхъ:

Въ Московской	26 апрѣля.
— Кіевской .	24 іюня.
— Симбирской .	25 іюня.
— Витебской .	1 іюля.
— Костромской .	1 іюля.
— Подольской .	2 іюля.

*) Остальныя губерніи, т. е. тѣ, въ которыхъ нѣтъ дворянскихъ выборовъ в не раз-
рышено учрежденіе Дворянскихъ Комитетовъ, суть: Архангельская—гдѣ числится 14
душъ крѣпостныхъ крестьянъ; Вятская—гдѣ ихъ 24,077 душъ; Олонеккая—гдѣ ихъ 5,431,
и Пермская—гдѣ крѣпостныхъ крестьянъ, но большей части заводскихъ, 256,734. Кромѣ
того въ Сибири числится 1,811 душъ крѣпостныхъ людей. (См. статью т. Тройницкаго
о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи, пом. въ 7-мъ № Современника).

— Харьковской .	8 июля.
— Волыской . .	8 июля.
— Воронежской .	13 июля.
— Черниговской .	22 июля.
— Екатеринославской .	27 июля.
— Тверской . .	7 августа.

Въ заключеніе заимствуемъ изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ списки членамъ и кандидатамъ Дворянскихъ Комитетовъ, по устройству быта мѣщичьихъ крестьянъ, въ слѣдующихъ губерніяхъ:

І. Симбирской губерніи.

По Симбирскому уѣзду. Члены: ротмистръ Александръ Львовичъ Бычковъ, надворный совѣтникъ Дмитрій Николаевичъ Шидловскій; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Свѣрриавъ Никитичъ Лопатинъ. По Сенгилѣвскому уѣзду. Члены: гвардіи штабсъ-капитанъ Александръ Ивановичъ Ермоловъ, коллежскій ассесоръ Александръ Николаевичъ Татариновъ; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Андрей Васильевичъ Фатяновъ. По Сызранскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ, поручикъ Дмитрій Ниловичъ Ребровъ; кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Николай Денисовичъ Давыдовъ. По Кореуновскому уѣзду. Члены: гвардіи штабсъ-ротмистръ Николай Петровичъ Ахиагомъ, флота лейтенантъ Константинъ Николаевичъ Татариновъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Дмитрій Андреевичъ Вестужевъ. По Алатырскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Мещеринъ, капитанъ князь Николай Авдреевичъ Оболенскій; кандидатъ имъ, артиллеріи поручикъ Николай Александровичъ Крыловъ. По Ардатовскому уѣзду. Члены: надворный совѣтникъ Николай Александровичъ Соловьевъ, капитанъ графъ Александръ Александровичъ Толстой; кандидатъ имъ, артиллеріи капитанъ Иванъ Емельяновичъ Чарыковъ. По Курмышскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Дмитрій Сергѣевичъ Пазухинъ, коллежскій секретарь Алексѣй Ильичъ Пантусовъ; кандидатъ имъ, войсковой старшина Александръ Михайловичъ Сѣчевъ. По Бунинскому уѣзду. Члены: подпоручикъ Петръ Степановичъ Есиповъ, титулярный совѣтникъ Василій Егоровичъ Аргамаковъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Герасимовъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: гвардіи штабсъ-ротмистръ Михаилъ Сергѣевичъ Лавской, статскій совѣтникъ, въ званіи камеръ юнкера, Владиміръ Андреевичъ Хвощинскій.

II. Полтавской губерніи.

По Полтавскому уѣзду. Члены: поручикъ Григорій Павловичъ Сулима, подпоручикъ Павелъ Максимовичъ Гудимъ-Ленковичъ; кандидатъ имъ штабсъ-капитанъ Петръ Михайловичъ Сулима. По Кременчугскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, майоръ Александръ Александровичъ Остроградскій, штабсъ-капитанъ Дмитрій Петровичъ Бутовскій; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Василій Семеновичъ Капинскъ. По Хорольскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, надворный совѣтникъ Александръ Степановичъ Алексѣевъ, тайный совѣтникъ Махаилъ Павловичъ Позенъ; кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Провъ Петровичъ Баклановъ. По Золотоношскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, губернскій секретарь Иванъ Яковлевичъ Лукашевичъ, ротмистръ Василій Ивановичъ Гинцъ; кандидатъ имъ коллежскій секретарь Валеріанъ Андреевичъ Ивановъ. По Лубенскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, подпоручикъ Алексѣй Степановичъ Райзеръ, генералъ-лейтенантъ Николай Ивановичъ Ушаковъ; кандидатъ имъ, поручикъ Григорій Степановичъ Кирыковъ. По Гадячскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Туманскій, коллежскій ассесоръ Иванъ Петровичъ Косивскій; кандидатъ имъ, корнетъ Николай Григорьевичъ Велецкій. По Пирятинскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ и кавалеръ

Кирилл Осипович Катериничъ, уѣздный судья, штабъ ротмистръ Александръ Васильевичъ Богдановичъ; кандидатъ имъ, губернской секретарь Николай Родіоновичъ Лукошевскій. По Переяславскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ князь Николай Павловичъ Голицынъ, чиновникъ 10 класса Василій Фёдоровичъ Гамалѣя; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Николай Александровичъ Иваненко. По Прилукскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, надворный совѣтникъ Василій Петровичъ Таровскій, штабъ-ротмистръ Михаилъ Андреевичъ Маркевичъ; кандидатъ имъ, поручикъ Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества полка Петръ Ивановичъ Скоропадскій. По Роменскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ князь Николай Семеновичъ Кавкасидзевъ, инженеръ-поручикъ Оедоръ Васильевичъ Везпальчевъ; кандидатъ имъ, губернской секретарь князь Владиміръ Семеновичъ Кавкасидзевъ. По Константиноградскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Петръ Степановичъ Джунковскій, надворный совѣтникъ Иванъ Космыичъ Грпневичъ; кандидатъ имъ титулярный совѣтникъ Александръ Осиповичъ Левченко. По Миргородскому уѣзду. Члены: подполковникъ графъ Моризъ Егоровичъ Оруркъ, титулярный совѣтникъ Василій Васильевичъ Чарнышъ; кандидатъ имъ, губернской секретарь Иванъ Семеновичъ Данилевскій. По Зеньковскому уѣзду. Члены: штабъ-капитанъ Павелъ Алексѣевичъ Трипольскій, коллежскій совѣтникъ Григорій Степановичъ Лейбинъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Петръ Васильевичъ Лейбинъ. По Лохвицкому уѣзду. Члены: предводитель дворянства Степанъ Степановичъ Высоцкій, коллежскій секретарь Александръ Павловичъ Гамалѣя, Лохвицкій уѣздный судья; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Василій Ивановичъ Чвжевскій. По Кобелякскому уѣзду. Члены: ротмистръ Иванъ Васильевичъ Супковъ, коллежскій совѣтникъ Василій Григорьевичъ Даниленко; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Николай Алексѣевичъ Захаровъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: статскій совѣтникъ, камергеръ двора Ея Императорскаго Величества Бѣлухи-Кохановскій, статскій совѣтникъ Милорадовичъ.

III. Орловской губерніи.

По Орловскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, гвардіи штабъ-капитанъ Александръ Алексѣевичъ Бурнашевъ, нижеверъ-капитанъ Александръ Сергѣевичъ Пуриковъ; кандидатъ имъ, капитанъ Александръ Михайловичъ Бервардъ. По Съвскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Григорій Сергѣевичъ Ступинъ, губернской секретарь Павелъ Кириловичъ Лазаревичъ; кандидатъ имъ, ротмистръ баронъ Петръ Ивановичъ Дальгеймъ. По Елецкому уѣзду. Члены: камеръ-юнкеръ, статскій совѣтникъ Аполлонъ Михайловичъ Рѣдкинъ, коллежскій совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Дмитрій Ивановъ Лаухинъ. По Брянскому уѣзду. Члены: отставной генераль-маіоръ Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ, поручикъ Василій Андреевичъ Краинскій; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Николай Васильевичъ Панютинъ. По Ливенскому уѣзду. Члены: штабъ-капитанъ Николай Оедоровичъ Костромитиновъ, коллежскій регистраторъ Дмитрій Никаноровичъ Ванкатовъ; кандидатъ имъ, ротмистръ Луціанъ Ильичъ Константиновъ. По Трубчевскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Андрей Семеновичъ Щегловитовъ, генераль-маіоръ Андрей Михайловичъ Гулевичъ; кандидатъ имъ уѣздный предводитель дворянства, коллежскій регистраторъ Николай Николаевичъ Дубровольскій. По Мценскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, поручикъ Владиміръ Александровичъ Шеншинъ, штабъ-капитанъ Дмитрій Петровичъ Чиркинъ; кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Александръ Петровичъ Крашенниковъ. По Еарачевскому уѣзду. Члены: поручикъ Александръ Николаевичъ Дубровольскій, коллежскій секретарь Григорій Алексѣевичъ Тепловъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Иванъ Николаевичъ Барманскій. По Болховскому уѣзду. Члены: поручикъ Аркадій Дмитріевичъ Карповъ, поручикъ Дмитрій Павловичъ Матвѣевъ; кандидатъ имъ, штабъ-ротмистръ Иванъ Васильевичъ Лавровъ. По Кромскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Александръ Николаевичъ Жедренскій, депутатъ дворянства 10-го класса Алексѣй Яковлевичъ Венкстернъ; кандидатъ имъ, штабъ-капитанъ Михаилъ Егоровичъ фон-Розенъ. По Дмитровскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, гвардіи полковникъ Иванъ

Михайловичъ Хлюстинъ, статскій совѣтникъ Матвѣй Степановичъ Алферовъ; кандидатъ имъ, лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады подпоручикъ князь Петръ Алексѣевичъ Вадбольскій. По Малоархангельскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Потуловъ, губернскій секретарь Вислій Дмитріевичъ Пукешинкоксъ; кандидатъ имъ, ротмистръ Николай Васильевичъ Картакиевъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: статскій совѣтникъ Владиміръ Константиновичъ Ржевскій, чиновникъ 9-го класса Николай Петровичъ Даниловъ.

IV. Харьковской губерніи.

По Харьковскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Калениченко, штабъ-капитанъ Епанчинъ; кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Егоръ Гордѣнковъ. По Валковскому уѣзду. Членъ *), подпоручикъ Егоръ Павловъ; кандидатъ, поручикъ Иванъ Бахметьевъ. По Богодуховскому уѣзду. Члены: надворный совѣтникъ Петръ Нахимовъ, полковникъ Дмитрій Кованько; кандидатъ имъ, артиллерія подпоручикъ Константинъ Сленицкій. По Ахтырскому уѣзду. Члены **): уѣздный предводитель дворянства поручикъ Ѳаддей Романовъ, губернскій секретарь Василій Экъ. По Лебединскому уѣзду. Члены: подполковникъ Иванъ Даниловъ, подполковникъ князь Сергій Щербатовъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Дмитрій Хрущовъ. По Сумскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, флота лейтенантъ Векіаминъ Савичъ, коллежскій регистраторъ Пименъ Лялинъ; кандидатъ имъ, капитанъ Александръ Валковскій. По Зміевскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Дмитрій Замятинъ, коллежскій совѣтникъ Михаилъ Ильенко; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Григорій Давилевскій. По Изюмскому уѣзду. Члены: штабъ-ротмистръ Александръ Бантыкъ, статскій совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера, Бахметьевъ; кандидатъ имъ, полковникъ Иванъ Малиновскій. По Купявскому уѣзду. Члены: генераль-маіоръ Александръ Розальонъ-Сошальскій, уѣздный предводитель дворянства, штабъ-капитанъ Іосифъ Клепацкій; кандидатъ имъ, штабъ-ротмистръ Владиміръ Розальонъ-Сошальскій. По Волчанскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Шредеръ, гвардіи ротмистръ Захарій Бекарюковъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Алексѣй Головковъ. По Старобѣльскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Николай Гарцевичъ, ротмистръ Михаилъ Горминъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Александръ Чмыховъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Ковалевскій, коллежскій совѣтникъ Помпей Пассекъ.

V. Тамбовской губерніи.

По тамбовскому уѣзду. Члены: артиллерія полковникъ Иванъ Викторовичъ Комснвъ, поручикъ князь Петръ Николаевичъ Кугукиевъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Михаилъ Петровичъ Поповъ. По Козловскому уѣзду ***). Члены: коллежскій секретарь Сергій Степановичъ Жихаревъ, подпоручикъ Василій Яковлевичъ Кондыревъ. По Липецкому уѣзду. Члены: поручикъ Филиппъ Михайловичъ Прибытковъ, губернскій секретарь Петръ Борисовичъ Бланкъ; кандидатъ имъ, поручикъ Михаилъ Ивановичъ Бартевнъ. По Лебедянскому уѣзду. Члены: поручикъ Григорій Васильевичъ Наумовъ, губернскій секретарь Николай Ивановичъ Александровъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Дурасовъ. По Усманскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Григорій Борисовичъ Бланкъ, титулярный совѣтникъ Иванъ Гавриловичъ Ярцевъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Гавріиль Дмитріевичъ Гарденинъ. По Борисоглѣбскому уѣзду. Члены:

*) Одинъ изъ членовъ, набранныхъ по Валковскому уѣзду, начальникомъ губерніи не утверждёнъ.

**) Избранный въ кандидаты по Ахтырскому уѣзду, генераль-маіоръ Шредеръ отъ пріятія сего званія отказался, а потому сдѣлано распоряженіе объ избраніи вмѣсто него другаго.

***) Избранный въ кандидаты по Козловскому уѣзду, подполковникъ Ляхаревъ назначенъ отъ начальника губерніи членомъ въ Комитетъ отъ Правительства, а потому сдѣлано распоряженіе объ избраніи вмѣсто него другаго кандидата.

дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Владиміровичъ Кондонди, инженеръ-поручикъ Ѳеодоръ Михайловичъ Сальковъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Петръ Осиповичъ Вальгардтъ. По Кирсановскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Антонъ Аполлоновичъ Жемчужниковъ, двора Его Императорскаго Величества камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Ѳеодоровичъ Петрово-Саловово; кандидатъ имъ, майоръ Михаилъ Степановичъ Андреевскій. По Шацкому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Константинъ Ивановичъ Савастьяновъ, коллежскій регистраторъ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ; кандидатъ имъ, поручикъ Дмитрій Александровичъ Брюхатовъ. По Спасскому уѣзду. Члены: генералъ-маіоръ Иларіонъ Ивасовичъ Жуковъ, коллежскій совѣтникъ Павелъ Кузьмичъ Крюковскій; кандидатъ имъ, штабсъ-ротмистръ князь Андрей Николаевичъ Енгальчевъ. По Елатомскому уѣзду. Члены: артиллеріи поручикъ Николай Ивановичъ Сумароковъ, поручикъ князь Андрей Александровичъ Кильдишевъ; кандидатъ имъ, коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Путиловъ. По Темницкому уѣзду. Члены: камеръ-юнкеръ двора Его Императорскаго Величества, коллежскій ассесоръ князь Николай Ивановичъ Енгальчевъ, гвардіи поручикъ Николай Александровичъ Никифоровъ; кандидатъ имъ, губернский секретарь Стрѣшневъ. По Моршанскому уѣзду. Члены: гвардіи капитанъ Степанъ Павловичъ Бозловъ, штабсъ-капитанъ Аркадій Алексѣевичъ Колобовъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь князь Николай Николаевичъ Челобаевъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: подполковникъ Петръ Николаевичъ Лихаревъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Трофимовъ.

Вибліографія журнальныхъ статей.

ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Наконецъ въ прошедшемъ іюлѣ мѣсяцѣ вышелъ давно ожидаемый 5-й, майскій, номеръ журнала „Сельское Благоустройство“, съ котораго мы и начнемъ настоящій разборъ.

Книжка эта начинается статьею Е. С. Г—ко, подъ заглавіемъ: „Мысли объ улучшеніи сельскаго хозяйства и быта землевладѣльцевъ“. Авторъ начинаетъ съ описанія различныхъ способовъ владѣнія землею и доказываетъ необходимость точнѣйшаго опредѣленія у насъ права собственности и различія между общинною и личною собственностью. Потомъ онъ выводитъ необходимость законнаго ограниченія дѣльности имѣній и поземельныхъ участковъ. „Въ Англіи, — говоритъ онъ, — считаютъ наиболѣе выгодными имѣнія отъ 150 до 200 деелтинъ. Размѣръ впрочемъ зависитъ отъ мѣстныхъ условій. У насъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, при неизобиліи воды, объемъ этотъ можно опредѣлить отъ 800 до 1000 деелтинъ, въ черноземныхъ губерніяхъ“. Предѣла дробности имѣній въ прочихъ губерніяхъ авторъ вовсе не указываетъ. Объемъ крестьянскаго участка онъ опредѣляетъ по 4 десятины въ клину, кромѣ выгона общиннаго и двухъ деелтинъ сѣнокоса. Здѣсь авторъ опять имѣетъ въ виду однѣ многоземельныя губерніи. Жаль, что авторъ не разобралъ этого вопроса болѣе подробно. Если онъ знакомъ съ устройствомъ помѣщичьихъ имѣній въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи (что можно предположить изъ общихъ замѣчаній его о помѣщичьемъ хозяйствѣ), то онъ имѣлъ бы возможность раздѣлить Россію на полосы, сообразно мѣстнымъ условіямъ, и затѣмъ опредѣлить для каждой полосы предѣлъ, до котораго могутъ быть раздроб-

ллемы помѣщичьи имѣнія и крестьянскіе участки, безъ нарушенія выгодъ владѣльцевъ, т. е. безъ допущенія такого размѣра владѣнія, при которомъ земледѣліе не вознаграждаетъ уже достаточно трудовъ хозяина. Такая статья—будь она написана добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла—была бы весьма занимательна, а главное практически полезна, особенно, если бы выводы автора были подкрѣплены точными числовыми данными.

Далѣе авторъ дѣлаетъ сравненіе между вѣренными и потомственными владѣніемъ землею и доказываетъ невозможность внезапнаго и насильственнаго уничтоженія общиннаго владѣнія; между тѣмъ онъ предлагаетъ: „образовать особое сословіе фермеровъ или арендаторовъ. Оно можетъ состояться: а) изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, б) изъ чиновниковъ заштатныхъ, с) изъ купцовъ и другихъ лицъ, владѣющихъ капиталами“.

Не знаемъ, понимаетъ ли авторъ подъ словами: „*нужно образовать сословіе фермеровъ*“—необходимость принятія, въ этомъ отношеніи, какихъ либо особыхъ правительственныхъ мѣръ. Въ таковыя случаѣ съ нимъ согласиться трудно. Фермерство конечно образуется въ свое время и, можетъ быть, довольно скоро, само собою: найдутся люди, готовые посвятить земледѣліе свои труды и капиталы—и въ земляхъ имъ у насъ недостатка не будетъ. Все, чего можно желать въ этомъ отношеніи, это—содѣйствія правительства и высшихъ сословій къ распространенію между лицами средняго состоянія агрономическихъ свѣдѣній; а возможности принять какія либо правительственныя мѣры собственно для образованія особаго *сословія* фермеровъ—мы не понимаемъ. Притомъ мы желаемъ образованія фермъ лишь въ томъ смыслѣ, чтобы, рядомъ съ нынѣшними крестьянскими хозяйствами, возникли на пустопорожнихъ или вообще на господскихъ или казенныхъ земляхъ, не состоящихъ нынѣ въ пользованіи крестьянъ, фермы, которыя, превосходя способомъ обработки своей, также какъ и самымъ размѣромъ, крестьянскіе участки, могли бы служить сосѣднимъ крестьянамъ живымъ примѣромъ земледѣльческихъ усовершенствованій. Но никакъ нельзя желать, чтобы фермы *замѣнили* крестьянскія хозяйства, т. е. чтобы вмѣсто крестьянъ образовались два сословія: фермеровъ или хозяевъ и бездомныхъ батраковъ. Съ этимъ конечно согласится самъ авторъ разбираемой нами статьи.

За этой статьей слѣдуетъ въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ статья г. Лободы, по поводу статьи г. Кошелева „о *мелкопомѣстныхъ дворянахъ*“.

Г. Кошелевъ предлагалъ, при устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, принять, для обезпеченія средствъ къ существованію мелкопомѣстнымъ дворянамъ, слѣдующія мѣры: 1) Въ имѣніяхъ, гдѣ хлѣбопашество прибыльно, оставить въ собственности и непосредственномъ распоряженіи помѣщика всю землю, а крестьянамъ доставить прочную осѣдлость на иныхъ земляхъ. 2) Въ такихъ же мѣстностяхъ, гдѣ земля плоха и доходъ доставляется лично крестьянъ, тамъ крестьянамъ отдать всю землю, а помѣщикамъ дать возможность пріобрѣсти земли въ болѣе хлѣбородныхъ мѣстахъ. Изъ мелкихъ владѣльцевъ этихъ могутъ образоваться впослѣдствіи фермеры. Въ этомъ случаѣ конечно предполагается выкупъ земли крестьянами, при извѣстномъ пособіи.

Г. Лобода разбираетъ невыгоды и неудобства переселенія помѣщиковъ и крестьянъ, выводитъ вредное аліяніе крупнаго фермерства на массу земледѣльческаго сословія, когда большія владѣнія и фермы поглощаютъ мелкія хозяйства, и

приходить наконецъ къ заключенію, что „состояніе мелкопомѣстныхъ дворянъ будетъ самое прочное только въ такомъ случаѣ, когда они составятъ изъ себя отдѣльныя общины, съ правомъ общиннаго владѣнія землею, или лучше, если войдутъ съ крестьянами въ общій составъ общинъ“.

Черезъ это, по мнѣнію г. Лободы, устранится надобность переселенія и разединенія мелкопомѣстныхъ дворянъ и крестьянъ ихъ. Помѣщикъ, получивъ отъ крестьянъ вознагражденіе за усадьбы и наръзанную имъ землю, будетъ пользоваться оставшеюся ему землею и войдетъ въ составъ общины, какъ равный. Лишнюю землю онъ можетъ продать; если же ему земли мало, онъ можетъ прикупить на полученныя съ крестьянъ вывущія деньги. „Къ такому сближенію двухъ различныхъ классовъ нужно, — говоритъ г. Лобода, — откинувъ вкоренившіеся изстари въ насъ предразсудки, стараться всевозможно содѣйствовать. Польза, отъ того произтекающая, нами хорошо оцѣнима и сознаваема еще быть не можетъ (такъ она для многихъ должна показаться дика), — но она вѣстѣ съ тѣмъ и видима съ перваго же раза“.

Предоставляемъ читателямъ отдать преимущество предположенію г. Кошелева или г. Лободы, статья котораго написана ясно, послѣдовательно и, какъ видно, съ искреннимъ убѣжденіемъ. Мы убѣждены, что статьи, написанныя въ такомъ духѣ, — если бы онѣ и не во всѣхъ отношеніяхъ были практически вѣрны и удобоприимными, — должны однако много содѣйствовать къ уясненію разбираемаго вопроса.

Слѣдующія за этой двѣ статьи о надѣлѣ крестьянъ землею и вознагражденіи, какое слѣдуетъ помѣщикамъ за эту землю, представляютъ практическія и притомъ мѣстныя данныя и соображенія.

Затѣмъ помѣщена въ „Сельсконъ Благоустройство“ статья г. Кошелева „о дворовыхъ людяхъ“.

Авторъ въ живомъ и вѣрномъ описаніи настоящаго положенія дворовыхъ людей показываетъ намъ, что содержаніе ихъ въ большей части имѣній невыгодно, а если и приноситъ матеріальную пользу помѣщику, то, у небогатыхъ владѣльцевъ, при низведеніи дворовыхъ до самаго грустнаго положенія. Изъ этого г. Кошелевъ выводитъ: какъ полезна была бы замѣна дворовыхъ вольнонаемными людьми. Для самаго же освобожденія дворовыхъ, онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры:

Допустить выкупъ ихъ на волю, на прежнемъ основаніи, по соглашенію съ помѣщикомъ; но вмѣстѣ опредѣлить высшую норму выкупной суммы для вѣрснаго мужчины, отъ 20 до 30 лѣтъ, въ 200 р. сер., пропорціонально уменьшая эту сумму для недостигшихъ или перешедшихъ этотъ возрастъ. Женъ и малолѣтнихъ дѣтей откупающихся дворовыхъ увольнять безплатно; дѣвокъ и вдовъ отъ 18 до 30 лѣтъ — за 40 р., также уменьшая эту сумму сообразно возрасту. Если же помѣщикъ издержалъ сумму на обученіе двороваго какому либо мастерству, то, когда это будетъ доказано, допустить требованіе за то вознагражденія сверхъ выкупа на слѣдующемъ основаніи. Издержанная сумма (которая однако не должна быть признана превышающею 200 р. для мужчины и 40 р. для женщины) дѣлится на 20 (считая срокъ службы двороваго отъ 20 до 40 лѣтъ); затѣмъ помѣщикъ можетъ требовать уплаты издержанной на обученіе двороваго суммы по числу лѣтъ, остающихся послѣднему до достиженія сорокалѣтняго возраста; напримѣръ, если за обученіе двороваго заплачено 200 р. и ему отъ роду 28 лѣтъ, то онъ долженъ

уплатить помѣщику, сверхъ выкупа, за остающіеся до 40-лѣтняго возраста 12 лѣтъ, по 10 р. за каждый годъ, а всего 120 р.; если же ему 25 лѣтъ, — то 150 р. и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить помѣщикамъ отпускать безвозмездно на волю дворовыхъ людей безъ согласія послѣднихъ, но съ тѣмъ, чтобы при отпускѣ на волю калѣки, больного или старика, имѣющаго свыше 50 или 60 лѣтъ, помѣщикъ вносилъ 150 р. въ пользу общества, въ которое отпущенный поступить и которое обязано имѣть о немъ попеченіе; за женщинъ, старѣе 40 или 50 лѣтъ, вносить 75 р. Сверхъ того постановить, что всѣ дворовые, рожденные съ 19 февраля 1855 года, уже свободны, а также опредѣлить 12-ти-лѣтшій срокъ, по истеченіи коего всѣ въ выкупившіеся люди освобождаются уже бесплатно.

Конечно, хотя личный выкупъ вовсе нѣтъ необходимости устанавливать въ отношеніи къ крестьянамъ, но въ отношеніи къ дворовымъ онъ имѣетъ свое основаніе, такъ какъ помѣщикъ очевидно пользовался тутъ доходомъ исключительно съ личности людей, безъ всякаго участія поземельной ренты. Этотъ доходъ помѣщика можетъ быть вознагражденъ или единовременнымъ выкупомъ, или срочною обязательною службою, какъ это было въ Оетзейскомъ краѣ. Г. Кошелевъ признаетъ оба способа вознагражденія, такъ какъ онъ, кромѣ выкупа, полагаетъ постановить, что чрезъ 12 лѣтъ всѣ дворовые освобождаются безвозмездно. Съ этимъ нельзя не согласиться, потому что одинъ выкупъ, безъ назначенія срока общаго освобожденія, не достигъ бы своей цѣли, даровавъ свободу однимъ только зажиточнымъ дворовымъ. Съ другой стороны, и при назначеніи срока общаго освобожденія, необходимо опредѣлить норму выкупа для огражденія ремесленныхъ, промышленныхъ и вообще способныхъ къ хорошимъ заработкамъ дворовыхъ отъ вымогательствъ нѣкоторыхъ алчныхъ помѣщиковъ или недобросовѣстныхъ управляющихъ. Мы видали кучеровъ изъ дворовыхъ людей, на обученіе коихъ помѣщикъ не истратилъ ни копѣйки, и которые платили до 60 руб. сер. оброка въ годъ; для иныхъ даже оброкъ не былъ ясно опредѣленъ, а съ нихъ требовали почти все ихъ жалованье, а въ случаѣ малѣйшаго замедленія въ высылкѣ денегъ, не высылали имъ паспортовъ и чрезъ это лишали ихъ мѣстъ. Хорошій человекъ легко бы нашелъ хозяина, который заплатилъ бы за него выкупъ въ 200 руб. сер. съ постепеннымъ вычетомъ этой суммы изъ его жалованья. Такимъ образомъ многіе дворовые люди избавились бы отъ грустной необходимости трудиться цѣлые 12 лѣтъ, отдавая господину всѣ плоды трудовъ своихъ и не имѣя возможности улучшить свое положеніе. Потому мы убѣждены, что норма выкупа принесла бы во многихъ отдѣльных случаяхъ несомнѣнную пользу, уничтоживъ возможность налагать на дворовыхъ отяготительные оброки, но это не привело бы къ общему выкупу дворовыхъ, большинство коихъ освободилось бы не раньше общаго срока. Потому намъ казалось бы достаточнымъ опредѣлить одну высшую цифру выкупной суммы, присоединивъ къ ней, пожалуй, вознагражденіе за издержки на обученіе двороваго мастерству, безъ распредѣленія выкупа по возрастамъ. Вымогательства можно ожидать лишь въ отношеніи къ дворовымъ, платящимъ весьма высокій оброкъ; остальныхъ помѣщики согласятся отпустить и за небольшую сумму, имѣя въ виду, что чрезъ 12 лѣтъ они получаютъ свободу даромъ.

Еще одно предложеніе г. Кошелева намъ кажется неумѣстнымъ: онъ предлагаетъ признать свободными дворовыхъ, рожденныхъ съ 19 февраля 1855 года. Къ чему это, если чрезъ 12-ть лѣтъ онъ предлагаетъ даровать свободу всѣмъ

дворовымъ? Неужели мальчику, не достигшему 12 лѣтъ, будетъ легче отъ того, что онъ вольный? Съ другой стороны малолѣтніе эти могутъ осиротѣть; оставаясь дворовыми, они были бы въ теченіе 12 лѣтъ, т. е. до общаго освобожденія, на попеченіи помѣщика; родившись свободными, они будутъ имѣть лишь меньше права на его заботливость. Вотъ все, что мы можемъ замѣтить на статью г. Коселева, которая, безъ сомнѣнія, не останется въ настоящее время безъ пользы и примѣненій.

Въ статьѣ Г. Д. Самарина, подъ заглавіемъ *„баронъ Шульцъ фонъ Ашераденъ и докторъ Меркель“*, выставлены двѣ личности, замѣчательныя по вліянію, какое онѣ имѣли на освобожденіе крестьянъ въ Лифляндіи.

Баронъ Шульцъ, человѣкъ въ высшей степени благородный, проникнутый искреннею любовью въ справедливости, далеко опередилъ свой вѣкъ истинно-человѣколюбивыми своими стремленіями и яснымъ, безпристрастнымъ, просвѣщеннымъ взглядомъ на современные ему вопросы. Онъ самъ былъ богатый лифляндскій помѣщикъ, но подчинялъ свои расчеты попеченіямъ о благосостояніи крестьянъ своихъ. Для доставленія крестьянамъ своимъ надлежащей самостоятельности и тѣхъ льготъ, на которыя они, по его мнѣнію, имѣли полное право, онъ издалъ въ 1764 году для своихъ имѣній особое положеніе, опредѣлявшее въ точности права и обязанности крестьянъ и ограничивавшее произволъ помѣщика. Такимъ образомъ онъ прежде всего выразилъ свое стремленіе къ улучшенію быта крестьянъ собственнымъ примѣромъ, еамымъ дѣломъ, а не одними разсужденіями. Потомъ онъ принималъ живое участіе въ прешіяхъ ландтага, предшествовавшихъ изданію положенія 1804 года, и подъ конецъ получилъ на ходъ этого дѣла значительное вліяніе, хотя сначала высказанныя имъ либеральныя убѣжденія до того не понравились нѣкоторымъ дворянамъ, что его чуть не выбросили въ окошко!

Честь и слава людямъ, которые, для пользы человѣчества и для поддержанія справедливыхъ убѣжденій, не страшатся ярости и нареканій людей съ узкими и отсталыми понятіями и алчныхъ эгоистовъ. А безъ сопротивленія, безъ нареканій отъ противной стороны, никакая полезная реформа совершиться не можетъ. Чѣмъ менѣе противники реформы могутъ представить въ свою пользу основательныхъ доводовъ, тѣмъ болѣе они горчатся, тѣмъ превратнѣе толкуютъ они значеніе, цѣль и послѣдствія реформы, тѣмъ скорѣе доходятъ до рѣзкихъ выраженій, до брани, даже до насилія, какъ чуть не случилось на лифляндскомъ ландтагѣ, при выслушаніи предложеній барона Шульца. Но вспышки эти истощаютъ послѣднія силы противодѣйствующей партіи, роняютъ окончательно партію эту въ глазахъ людей благомыслящихъ и уступаютъ мѣсто спокойнымъ прешіямъ, служащимъ къ уясненію и здравому рѣшенію вопроса. Тогда разливается и растетъ вліяніе людей, подобныхъ барону Шульцу, память коего глубоко уважается теперь между потомками тѣхъ самыхъ дворянъ, которые нѣкогда на него возставали.

Что касается доктора Меркеля, то сочиненія его объ Остзейскихъ крестьянахъ, живо представлявшія несчастное положеніе ихъ и убѣдительно высказывавшія, новыя еще въ то время, мнѣнія о способахъ къ улучшенію крестьянскаго быта, много содѣйствовали къ распространенію по этому предмету болѣе справедливыхъ понятій.

Къ этимъ двумъ, достойнымъ всякаго уваженія, именамъ г. Самаринъ могъ бы еще присоединить имя г. Самсона фонъ Гиммельштирна, который, въ позднѣйшее

время, и по сочиненіямъ своимъ, и по участию въ прешіяхъ дворянства, также не мало содѣйствовалъ къ улучшенію положенія ливонскихъ крестьянъ.

За этой статьей помѣщена въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ перепечатанная изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ статья: о „положеніи крестьянскаго сословія въ Молдавіи, о занятіяхъ нынѣшняго молдавскаго дворянства по предмету освобожденія крестьянъ“.

Издатель присоединилъ къ ней примѣчаніе слѣдующаго содержанія:

„Мы перепечатаваемъ статью сію изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, будучи увѣрены, что читатели наши найдутъ весьма любопытныя свѣдѣнія. здѣсь сообщаемыя, о занятіяхъ нынѣшняго молдавскаго дворянства по предмету освобожденія крестьянъ. Думаемъ, что изъ сей статьи мы можемъ для себя извлечь нѣсколько полезныхъ предостереженій и уроковъ. Дай Богъ, чтобы наши комитеты не презрѣли плодовъ опытности сосѣднихъ странъ, чтобы они все болѣе и болѣе убѣждались въ необходимости для крестьянъ прочной, въ собственность переходящей осѣдлости, и чтобы паче всего они воздержались отъ наложеній на одно сословіе, въ пользу другаго, обязанностей многосложныхъ, не строго опредѣленныхъ“.

Изъ статьи этой видно, что въ Молдавіи крестьяне находятся въ нѣкоторой степени крѣпостной зависимости, такъ какъ переходъ ихъ изъ одного имѣнія въ другое затрудненъ множествомъ условій и формальностей и повинности ихъ въ отношенія къ помѣщикамъ опредѣляются закономъ, а не добровольнымъ договоромъ. Порядокъ этотъ установленъ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ и былъ, въ отношеніи къ размѣру повинностей крестьянъ, неоднократно измѣняемъ, однако норма барщины и оброка часто не соотвѣтствуетъ теперь дѣйствительной цѣнности земли и вольнонаемной арендной платѣ. Изъ этого возникаютъ между помѣщиками и крестьянами разныя недоразумѣнія и неудовольствія. Тамъ, гдѣ законная норма повинностей ниже вольной арендной цѣны, помѣщики весьма стѣснены правиломъ, которое обязываетъ ихъ надѣлять землею прибылыхъ крестьянъ за узаконенныя повинности. Теряя чрезъ это часть своего дохода, помѣщики стараются вознаградить свои убытки вымогательствомъ у крестьянъ лишнихъ противъ положенія повинностей всякими неправдами, возбуждающими въ народѣ негодованіе. Крестьяне не могутъ свободно располагать своимъ трудомъ, а помѣщики своею землею. Тѣ и другіе тяготятся своимъ положеніемъ. Все это происходитъ оттого, что воображали возможнымъ постоянное сохраненіе порядка, который могъ быть хорошъ лишь какъ мѣра временная, переходная. Теперь весьма многіе сознаютъ въ Молдавіи, что какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, всего лучше было бы окончательно развязаться съ обязательными взаимными своими отношеніями. Если бы крестьянамъ дали право и открыли бы возможность и средства откупиться отъ своихъ обязательныхъ повинностей и сохранить состоящія въ постоянномъ пользованіи ихъ земли. или хотя часть ихъ, на правахъ полной собственности, то помѣщики, съ помощью выкупнаго капитала, быстро увеличили бы доходъ и цѣнность остальныхъ своихъ земель, которыми они могли бы уже вполне распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Взаимные интересы сблизили бы помѣщиковъ съ крестьянами; теперешній антагонизмъ между ними исчезъ бы, не было бы поводовъ къ спорамъ, жалобамъ, притѣсненіямъ. Все это ясно сознается уже въ Молдавіи большинствомъ; вопросъ въ томъ лишь: какимъ способомъ выкупить крестьянскія повинности и какое количество земли предоставить въ собственность крестьянамъ? Вопросъ этотъ, по

разногласію мнѣній и по волненію, возбужденному шумною оппозиціею нѣкоторыхъ бояръ, не могъ быть рѣшенъ диваномъ и представленъ на разсмотрѣніе парижскаго конгресса.

Въ послѣднее время вышелъ еще 6-й, июньской, номеръ „Сельскаго Благочинства“. Въ немъ заключаются между прочимъ слѣдующія статьи.

Статья „о *крестьянскихъ усадьбахъ*“ Г. С. Голубцова имѣетъ значеніе чисто практическое, т. е. не разбираетъ самого вопроса, а указываетъ на способы примѣненія предполагаемыхъ правилъ къ особымъ мѣстнымъ случаямъ. Такія статьи могутъ быть на дѣлѣ весьма полезны, но онѣ все-таки имѣютъ интересъ преимущественно для людей специальныхъ; притомъ достоинство и польза ихъ заключаются не въ развитіи новой идеи, но въ точности и вѣрности подробностей, которыхъ въ разборѣ сочиненія передать вполне невозможно. Потому, отдавая полную справедливость подобнымъ статьямъ, мы будемъ вкратцѣ только указывать ихъ содержаніе, не вдаваясь въ подробный разборъ ихъ, который бы утомилъ большинство читателей. Тѣ же, которые хотѣли бы съ практическою цѣлью вникнуть въ подобныя статьи, тѣ должны изучать ихъ въ подлинникѣ: для нихъ недостаточно и самаго полного разбора. Итакъ ограничимся насчетъ статьи г. Голубцова указаніемъ, что авторъ въ статьѣ этой разбираетъ значеніе крестьянскихъ усадебъ, составъ ихъ, случаи переноса усадебъ, способъ оцѣнки и выкупа ихъ.

Въ статьѣ г. Харламова „о *надѣлѣ крестьянъ землею и объ ея оцѣнкѣ*“ авторъ доказываетъ, что лучше предоставить крестьянамъ въ пользованіе всю владѣемую ими теперь пахатную землю, и опровергаетъ доводы лицъ, предполагающихъ, что выгоднѣе было бы отдѣлить въ постоянное пользованіе крестьянъ возможно меньшее количество земли. Далѣе авторъ примѣрно опредѣляетъ размѣръ оброка, рассчитанный соразмѣрно цѣнности извѣстной части хлѣба и другихъ произведеній, которыя крестьяне могутъ получить съ отданной имъ въ пользованіе земли.

Далѣе помѣщена статья Е. С. Г.—ко „о *народныхъ нравахъ и обычаяхъ*“ Авторъ выставляетъ лѣность малороссіянъ, склонность ихъ къ пьянству, недостаточное уваженіе къ праву собственности (онъ говоритъ, что хотя въ Малороссіи почти нѣтъ воровъ по ремеслу, но крестьяне не считаютъ грѣхомъ лѣсную порубку или потраву чужаго хлѣба), недостатокъ кредита и взаимнаго довѣрія, отсутствіе людей специально, технически образованныхъ и страсть крестьянъ раздроблять свои хозяйства, т. е. страсть сыновей жить отдѣльными домами отъ отцовъ своихъ и другъ отъ друга и т. п. Лѣность крестьянъ конечно происходитъ отчасти отъ зависимаго положенія ихъ. Трудолюбивымъ часто приходится отдавать господину значительную часть добытаго ими; лѣнливыхъ баринъ по неволѣ кормить. Когда каждый будетъ самъ отъ себя зависѣть, самъ о себѣ пешихъ, когда лѣнивому не на кого будетъ надѣяться, а усердный крестьянинъ будетъ увѣренъ, что заработанное имъ пойдетъ въ прокъ ему и его семейству, тогда лѣности вѣрно будетъ меньше. Что касается лѣсныхъ порубокъ и т. п., то мы читали въ сочиненіи г. Сарганта (*Economy of the labouring classes*), что и во Франціи онѣ не считаются въ народѣ грѣхомъ; это общая черта нравовъ народа не достаточно еще образованнаго, а не исключительно малороссійскихъ крестьянъ. Прочія обличенія автора основательны, но должно надѣяться, что все это годъ отъ году будетъ исправляться. Но не можемъ не замѣтить, что глѣвъ г. Г.—ко ва пьянство завле-

каетъ его очень далеко: онъ выводитъ, что каждое семейство въ Харьковской губернии тратитъ ежегодно на водку до 15 руб. сер., и затѣмъ высказываетъ желаніе, чтобы „правительство вовсе запретило употребленіе пѣннаго вина и установило прямой налогъ на каждое семейство по 15 руб. сер. за право пить его!“

Въ статьѣ г. Половцова: „мысль объ освобожденіи крестьянъ въ XVIII столѣтіи“, заключается разсказъ о предложенномъ въ 1766 г. С.-Петербургскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ конкурсѣ на тему „о пользѣ для государства отъ развитія крестьянской поземельной собственности“. Премію на конкурсѣ этомъ получило сочиненіе на французскомъ языкѣ доктора правъ Беарде (Béardé de l'Abbaye). Въ сочиненіи этомъ выведены всѣ выгоды, которыхъ должно ожидать, въ государственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, отъ предоставленія крестьянамъ личной свободы и поземельной собственности. Для своего времени, появленіе такого сочиненія и напечатаніе его въ Россіи,—фактъ весьма замѣчательный.

Къ 6-му № „Сельскаго Благоустройства“ приложена составленная И. В. Сабуровымъ „хозяйственно-статистическая программа для описанія дворянскихъ имѣній“. Это трудъ весьма полный, обдуманый и во многихъ отношеніяхъ полезный.

Перейдемъ теперь къ обзору вышедшихъ съ изданія послѣдней нашей библіографической статьи, 4, 5 и 6 номеровъ „Журнала Землевладельцевъ“.

Въ 4-мъ № помѣщенъ составленный г. Шульцемъ разборъ сочиненія г. Сарганта объ устройствѣ рабочихъ классовъ въ разныхъ государствахъ—Economy of the labouring classes. London 1857. Въ разборѣ этомъ извлечено изъ сочиненія г. Сарганта преимущественно все то, что относится до быта землевладельцевъ.

Систему хозяйственнаго устройства земледѣльческаго сословія г. Саргантъ разсматриваетъ въ четырехъ видахъ; а именно: „1) система *патріархальная*, подъ именемъ которой авторъ разумѣетъ отношеніе главы семейства къ домохозяевамъ у первобытныхъ кочующихъ племенъ; 2) система *покровительственная* (patronage), существующая тамъ, гдѣ сохраняется еще рабство или крѣпостное состояніе, гдѣ работникъ служить господину не по найму, а по обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ находится на его попеченіи; 3) *общинное устройство* и 4) система *личной самостоятельности и личнаго владѣнія*“.

Г. Саргантъ доказываетъ, что каждая изъ системъ этихъ, представляя свои выгоды и неудобства, свойственна извѣстной эпохѣ жизни народовъ, и что каждая въ свое время можетъ быть въ извѣстной степени полезна, хотя послѣдняя система одна только возможна въ государствѣ вполне развитомъ. Затѣмъ г. Саргантъ приводитъ въ примѣръ существующія нынѣ системы устройства земледѣльческаго сословія въ разныхъ государствахъ и разбираетъ послѣдствія различныхъ системъ, выражающіяся въ большемъ или меньшемъ нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи крестьянъ. Примѣры патріархальнаго устройства авторъ находитъ въ Аравіи и на Уралѣ; примѣры крѣпостнаго права у насъ въ Россіи и въ Болгаріи. Положеніе у насъ крѣпостныхъ людей онъ еще видитъ въ довольно розовомъ свѣтѣ, хотя и сознаетъ, что Россія вступаетъ въ тотъ періодъ гражданскаго своего развитія, когда уничтоженіе крѣпостнаго права дѣлается полезнымъ и необходимымъ. Между тѣмъ г. Саргантъ сильно нападаетъ на существованіе невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ и, сравнивая сраму эту съ Россією. гдѣ при-

нимаются уже мѣры къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, онъ доказываетъ, что для низшаго класса народа самодержавное правленіе часто благотѣлительнѣе республиканскаго. Общиннаго владѣніи съ передѣломъ земли по тягламъ г. Саргантъ не знаетъ, а подъ этимъ именемъ указываетъ вамъ лишь на общинное пользованіе угодьями. Наконецъ изъ странъ, гдѣ развита личная самостоятельность крестьянъ, авторъ выставляетъ наилучшимъ положеніе крестьянъ въ Норвегіи, гдѣ значительно развита мелкая поземельная собственность, а самымъ жалкимъ въ Ирландіи, гдѣ населеніе состоитъ изъ бездоинныхъ батраковъ или мелкихъ фермеровъ, нанимающихъ клочки земли съ полуразвалившимися хижинами за огромную цѣну.

Сравнивая положеніе земледѣльцевъ въ разныхъ государствахъ, г. Саргантъ представляетъ довольно любопытные факты о пищѣ, жилищахъ, рабочей платѣ, нравахъ и смертности крестьянъ. Но тѣмъ, кто желалъ бы ближе ознакомиться съ влѣніемъ, которое имѣетъ на крестьянъ развитіе между ними мелкой поземельной собственности, мы можемъ посоветовать прочесть сочиненіе Джона Стюарта Милля или по крайней мѣрѣ одну главу сочиненія этого извѣстнаго экономиста, посвященную описанію положенія крестьянъ собственниковъ. Глава эта отдѣльно переведена въ №№ 5—8 „Сына Отечества“ за нынѣшній годъ. Въ 30 № этого журнала начать переводъ другой части сочиненія г. Милля, а именно: „о гистемахъ пользованія землею“. Но возвратимся къ Журналу Землевладѣльцевъ.

Въ 4-мъ же номерѣ помѣщена статья г. Гелинга: „*объ устройствѣ крестьянъ и помѣщичьихъ имѣній въ Литовскихъ губерніяхъ*“. Описавъ происхожденіе тамъ инвентарей, существо крестьянскихъ повинностей и устройство тамъ отдѣльныхъ ферменныхъ хозяйствъ, авторъ приходитъ къ весьма основательному заключенію, что усадьбы крестьянскія, представляющія отдѣльныя фермы, слѣдовало бы, выѣсть съ прилегающими къ нимъ полевыми участками, отдать въ потомственное пользованіе крестьянъ за умѣренную ренту съ облегченіемъ крестьянамъ средствъ приобрѣтенія поземельной собственности.

Въ томъ же номерѣ Журнала Землевладѣльцевъ, еще весьма достойна вниманія статья подъ заглавіемъ: „*крестьянинъ-торговецъ*“. Это вѣрный и во многихъ отношеніяхъ весьма занимательный очеркъ быта промышленныхъ и торговыхъ крестьянъ Калязинскаго уѣзда. Тутъ мы знакомимся не только съ общими характеристическими чертами этого быта, но вникаемъ въ самую внутреннюю, всендневную жизнь крестьянина-торговца, слѣдимъ за нимъ, со вступленія его на поприще торговли, до преклонныхъ лѣтъ его, видимъ хорошую и дурную сторону его образа жизни, видимъ богатство, которое крестьянинъ-торговецъ быстро накапливаетъ, благодаря своей сметливости и могучей силѣ воли, и нерѣдко также быстро расточаетъ по разгульной и безпечной своей натурѣ. Не отвергая матеріальныхъ выгодъ, доставляемыхъ краю промышленнымъ и торговымъ направленіемъ его жителей, авторъ жалѣетъ о непрочности богатства въ рукахъ крестьянина-торговца, а еще болѣе объ упадкѣ нравственности торговаго сельскаго населенія, влѣдствіе столичной жизни молодыхъ людей и разъединенія ихъ съ семьями.

Для отвращенія этого зла, авторъ полагаетъ полезнымъ развитіе нравственно-религіозное образованіе крестьянъ, воспретить имъ жить на сторонѣ безъ женъ, обязать одного изъ трехъ братьевъ остаться земледѣльцемъ. Нравственно-религіозное образованіе безъ сомнѣнія полезно; но мы не можемъ рѣшиться желать

вмѣстѣ съ авторомъ вмѣшательства закона въ семейныя и хозяйственныя отношенія крестьянъ. Неужели хорошо, если бы полиція стала привязываться въ каждомъ женатому крестьянину, пришедшему въ городъ, отсылать его обратно въ деревню, если онъ не привезъ съ собою жены! Да этого достаточно было бы во многихъ случаяхъ, чтобы удержатъ крестьянъ отъ брака, а иначе какъ-же исполнить законъ, предлагаемый авторомъ статьи о крестьянахъ-торговцахъ? Обязаніе одного изъ трехъ братьевъ оставаться дома тоже было бы иногда стѣснительно для крестьянъ. Богатому и еще бодрому крестьянину-торговцу, имѣющему трехъ взрослыхъ сыновей, удобнѣе и выгоднѣе можетъ быть отпустить всѣхъ троихъ въ городъ, а завѣдывать хозяйствомъ самому съ помощью наемнаго работника. Намъ кажется, что всѣ подобныя мѣры будутъ не нужны съ распространеніемъ между крестьянами частной поземельной собственности и съ развитіемъ въ нихъ охоты къ пріобрѣтенію ея. Теперь разбогатѣвшій крестьянинъ оставляетъ дѣтямъ лишь капиталецъ да хорошую избу (оставаясь нрѣпостнымъ, онъ ничѣмъ болѣе не можетъ обезпечить благосостоянія ихъ); или же онъ откупается на волю и вовсе оставляетъ свое сословіе. Современемъ, близко ли, далеко ли — не знаемъ, расторговавшійся крестьянинъ непременно постарается купить въ полную и потомственную собственность порядочный участокъ земли, гдѣ онъ устроить дѣтямъ своимъ прочное хозяйство. Если въ Англіи разбогатѣвшій работникъ, сдѣлавшійся торговцемъ, но никогда не бывшій земледѣльцемъ, почти всегда старается сдѣлаться поземельнымъ владѣльцемъ и, оставивъ торговлю, берется для отдыха за сельское хозяйство, то неужели это стремленіе будетъ слабѣе въ нашемъ крестьянинѣ — торговцѣ, родившемся среди полей? Тогда каждый ловкій и дѣльный крестьянинъ, вступалъ въ торговлю, будетъ имѣть предъ собою ясную и определенную цѣль: нажить капиталъ и съ помощію его сдѣлаться, вблизи роднаго селенія, на маленькомъ помѣщикомъ. Конечно, эта мысль будетъ лестнѣе для него, чѣмъ надежда перейти навсегда въ городъ: тамъ онъ былъ бы мѣщаниномъ, человѣкомъ незначущимъ; у себя, въ своемъ сельскомъ обществѣ, овъ, владѣя порядочнымъ имѣніемъ, будетъ лицомъ значительнымъ. Удастся это одному, другіе всѣми силами будутъ стараться добиться того же, и тогда нечего бояться, чтобы земледѣліе въ Калезинскомъ уѣздѣ было заброшено. Сыновья разбогатѣвшаго торговца сами, пожалуй, не пойдутъ уже въ городъ, а останутся у себя хозяйничать. Мы вполне убѣждены, что именно промышленные и торговые уѣзды Россіи должны быть и современемъ непременно будутъ, даже и безъ вспомогательныхъ къ тому мѣръ, центромъ крестьянской поземельной собственности.

Въ 5-мъ номерѣ Журнала Землевладѣльцевъ, мы можемъ указать на статью г. Жеребцова: „о распространеніи знаній въ Россіи“. Тутъ сравнивается современное состояніе просвѣщенія въ Россіи и въ западныхъ государствахъ Европы. Авторъ доказываетъ, что западная Европа далеко опередила насъ въ этомъ отношеніи, но что это происходитъ отъ нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ государственной жизни Россіи въ послѣдніе полтора вѣка, а не отъ недостатка восприимчивости русскаго народа, такъ какъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Россія вовсе не уступала Европѣ въ просвѣщеніи и даже шла впереди ея по развитію нѣкоторыхъ государственныхъ понятій.

Далѣе слѣдуетъ небольшая статья: „о возможности выкупа для крестьянъ не только усадебъ, но и части полевой земли“. Въ этой статьѣ излагается

впрочемъ не система выкупа, а только оцѣнка земель и опредѣленіе цифры ежегоднаго платежа, который слѣдовало бы возложить на крестьянъ. Затѣмъ авторъ полагаетъ предоставить крестьянамъ заключать съ помѣщиками частныя сдѣлки о постепенной погашеніи долга за уступленную землю. Мы не споримъ съ авторомъ статьи этой относительно вѣрности его вычисленій и соглашаемся вполне, что крестьяне будутъ въ состояніи и рады выкупить земли по его оцѣнкѣ, погашеніемъ долга въ 33 года; но вопросъ въ томъ: согласятся ли помѣщики отдать землю за постепенно погашаемый капиталъ? Вѣдь имѣіе приноситъ обыкновенно до 7% или хотя 6% съ капитала и при этомъ еще возвышается понемногу въ цѣнѣ. Согласятся ли помѣщикъ, вмѣсто постоянныхъ 6% или 7% съ капитала, получать въ теченіе 33 лѣтъ только 5%, а потомъ ничего? Другое дѣло, если бы помѣщикъ могъ получить выкупной капиталъ или значительную часть его разомъ. Тогда бы онъ сумму эту употребилъ или на усовершенствованіе остающейся у него земли и своего хозяйства, или на промышленное предпріятіе, и во всякомъ случаѣ сталъ бы разсчитывать такъ, чтобы получить не менѣе прежняго процентовъ съ капитала своего. На такую сдѣлку многіе помѣщики конечно согласились бы, а крестьяне стали бы платить меньше прежняго (т. е. $5\frac{1}{2}\%$ съ цѣнности земли, а не 6% или 7%) и чрезъ 33 года освободились бы отъ всякаго долга и отъ всякихъ взносов, кромѣ казенныхъ податей. Такъ именно дѣлается съ имѣніями, покупаемыми министерствомъ государственныхъ имуществъ; но число ихъ очень ограничено. Гдѣ взять капиталы, чтобы расширить эту мѣру? Будетъ ли небольшое количество земли, какое авторъ статьи полагаетъ отдѣлить крестьянамъ, служить достаточнымъ обезпеченіемъ въ исправности погашенія крестьянами ссуды на выкупъ? Наконецъ возможенъ ли выкупъ крестьянами земли безъ ссуды? Вотъ три существенные вопроса, возбужденные въ насъ чтеніемъ помянутой статьи.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ: *„въ какихъ имѣніяхъ замѣна крѣпостнаго труда свободнымъ не будетъ убыточна“*, — г. Протасевъ сравниваетъ стоимость обработки земли барщинными и вольнонаемными крестьянами. Тутъ уже не говорится о вознагражденіи помѣщика, *соразмѣрно потребностямъ его*, за освобожденіе крестьянъ, какъ это было выведено въ прежней статьѣ г. Протасева, разобранной нами въ іюльской книжкѣ Современника. Но тутъ г. Протасевъ упускаетъ также изъ виду сдѣланный имъ въ прежней статьѣ расчетъ, по которому, если обработка земли наймомъ для помѣщика не выгодна, то отдача земли въ аренду по существующимъ вольнымъ цѣнамъ (въ Сапожковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи) еще увеличила бы доходъ помѣщиковъ, если не принимать въ расчетъ выгоды отъ дворовыхъ и т. п. Теперь г. Протасевъ сравниваетъ только барщинный трудъ съ вольнонаемнымъ и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Тамъ, гдѣ полевая земля приноситъ въ средней сложности дохода не менѣе 10 руб. сереб., „владѣльцы ихъ ничего не потеряютъ отъ уничтоженія барщинской работы и могутъ безъ убытка для себя согласиться на безвозмездное увольненіе крѣпостныхъ крестьянъ. Получивъ *въ распоряженіе свое землю, нагодящую теперь въ пользованіи міра*, они, за обработку ея наймомъ по 5 руб. сер., получаютъ еще чистаго барыша по 5 руб. съ десятины, и на этотъ доходъ, *котораго теперь не имѣютъ*, обработаютъ свои поля вольными рабочими“.

Другими словами г. Протасевъ, вопреки смыслу Высочайшихъ рескриптовъ, соглашается на уничтоженіе крѣпостнаго права безъ личнаго выкупа (и то при

известных выгодных для помещика условий), только съ обращеніемъ находящейся въ пользованіи крестьянъ земля въ распоряженіе помещика, т. е. съ превращеніемъ всѣхъ крестьянъ въ батраковъ! Такой выводъ и опровергать, кажется, нечего, потому что онъ очевидно примѣненъ къ дѣлу быть не можетъ. Правительство не допустить такого оборота дѣла, да вѣрно и весьма неволею дворяне рѣшились бы желать этого.

Въ имѣніяхъ, гдѣ поземельный доходъ ниже, г. Протасевъ полагаетъ установить выкупъ рабочей силы; но при этомъ слѣдовало бы посредствомъ кадастра опредѣлить поземельный доходъ и потерю помещика отъ уничтоженія обязательнаго труда. Не говоря уже о самомъ принципѣ личнаго выкупа, мы не можемъ не замѣтить, что во всякомъ случаѣ въ имѣніи, которое находится въ условіяхъ имѣніа г. Протасева, личный выкупъ былъ бы крайне несправедливъ въ отношеніи къ крестьянамъ, такъ какъ, хотя обработка господскихъ полей по вольному найму и обошлась бы дороже барщины, но съ другой стороны, отдача господской земли въ аренду по вольнымъ цѣнамъ, какъ видно изъ прежней статьи г. Протасева, доставила бы 300 руб. прибыли противъ нынѣшняго дохода. Убытка же въ такомъ случаѣ г. Протасевъ ожидаетъ главнымъ образомъ отъ освобожденія дворовыхъ людей и отъ найма домашней прислуги. При такихъ обстоятельствеахъ можетъ быть рѣчь развѣ о выкупѣ дворовыхъ, а ужъ никакъ не крестьянъ, которые будутъ платить поземельной ренты болѣе, чѣмъ доставлялъ помещику ихъ трудъ, и ни въ какомъ случаѣ не обязаны платить за увольненіе дворовыхъ людей.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ г. *Терпигорева* предлагается учредить на акціяхъ земледѣльческое общество, которое брало бы въ аренду помещичьи земли, не состоянія въ пользованіи крестьянъ, и вводило бы такимъ образомъ усовершенствованіе въ системѣ хозяйства, старалось бы о размноженіи мелкихъ собственниковъ, способствовало бы разведенію шелководства и другихъ новыхъ отраслей сельской промышленности и къ распространенію въ народѣ полезныхъ свѣдѣній.

Укажемъ еще, въ томъ же 5 № Журнала Землевладѣльцевъ, на статьи: г. Грузинова — „бытъ крестьянина Тамбовской губерніи“ и г. А. З — на — „о причинахъ измѣльчанія и болѣзненности народа“. Въ первой статьѣ доказывается, что матеріальное благосостояніе русскаго крестьянина стоитъ на гораздо высшей степени, нежели нѣкоторые полагаютъ, что крестьяне въ хлѣбородныхъ губерніяхъ хотя имѣютъ и худшія жилища противъ промышленныхъ крестьянъ и хуже одѣваются, но ѣдятъ хорошо и вообще нужды не терпятъ. По представленному примѣрному бюджету тамбовскаго крестьянина, который преимущественно не только кормится собственными произведеніями, но и одѣвается домашними же средствами, крестьянское семейство расходуетъ однако ежегодно деньгами 351 руб. 25 коп. (считая въ томъ числѣ уплату казенныхъ и частныхъ повинностей и наемъ земли вмѣстѣ въ 49 руб. 20 коп.), а получаетъ въ приходѣ отъ продажи разныхъ произведеній и отъ извоза зимою 354 руб. 71¹/₂ коп. Стало быть, удовлетворяя всѣмъ своимъ главнымъ потребностямъ, не отказывая себѣ по праздникамъ въ мясной пищѣ и т. п., крестьянинъ имѣетъ еще въ остаткѣ по окончаніи года 3 р. 46¹/₂ коп. сер.

Во второй статьѣ, напротивъ, говорится о дурномъ вліяніи на народное здо-

ровые въ Россіи неудобныхъ, тѣсныхъ, душныхъ и неопрятныхъ жилищъ крестьянъ и недостаточность сытной нищи. Впрочемъ, авторъ статьи этой кромѣ того признаетъ причинами болѣзненности народа и слишкомъ ранніе браки лицъ, достигшихъ полнаго развитія, частыя отлучки изъ дому мужей и происходящіе отъ того безнравственность и сифилитическія болѣзни, частое употребленіе вина и чаю и наконецъ недостатокъ смѣшенія породъ.

Въ 6 № Журнала Землевладѣльцевъ заслуживаетъ особаго вниманія статья г. Рошаковского: „о *примѣненіи основныхъ началъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Новороссійскаго края*“. Статья эта написана ясно, послѣдовательно, просто, безъ пышныхъ фразъ, а главное добросовѣстно. Если и нельзя во всемъ согласиться со взглядомъ автора, все-таки должно сознаться, что онъ писалъ cum bona fide, съ искреннимъ желаніемъ пользы, и если ошибался, то невольно, а не съ намѣреніемъ защищать интересы помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ.

Говоря о надѣлѣ крестьянъ землею, г. Рошаковскій объясняетъ, что надѣлъ этотъ дѣлается *на все время переходнаго состоянія*. Изъ этого выраженія можно бы, пожалуй, вывести, что, по окончаніи срочно-обязаннаго положенія крестьянъ, они уже теряютъ право на постоянное пользованіе отведенной имъ земли. Но мы скорѣе приписываемъ это недомолвкѣ со стороны автора и не думаемъ, чтобы такова была его мысль. Самый надѣлъ земли онъ полагаетъ сдѣлать по числу всѣхъ ревизскихъ душъ, а не по числу наличныхъ только работниковъ. Выкупъ усадебъ авторъ полагаетъ производить по опредѣленной комитетомъ общей средней цѣнѣ. Вознагражденіе отъ крестьянъ помѣщику за отведенную имъ землю онъ полагаетъ ограничить двумя рабочими днями въ недѣлю, съ тѣмъ, чтобы цѣлому обществу было указано заранее количество земли, которое оно должно обработать во весь годъ по числу причитающихся рабочихъ дней. Тогда помѣщику уже не будетъ дѣла до наряда на работу отдѣльныхъ крестьянъ. Крестьяне сдѣлаются между собою и могутъ, если у нихъ есть лишнія руки, отпустить сколькихъ хотятъ изъ среды себя на постороннія заработки. Это уже будетъ не барщина, а лежащій на всемъ обществѣ годовой урокъ работы, по исполненіи коего крестьяне свободны отъ повинностей помѣщику. Пастбища, которыя должны быть въ Херсонской губерніи весьма обширны, г. Рошаковскій полагаетъ отдавать въ наемъ не всему обществу, а отдѣльнымъ крестьянамъ, взимаясь за cadaго плату, пропорціонально количеству его скота. Далѣе авторъ доказываетъ необходимость признать неприкосновенною крестьянскую движимую собственность и предоставить крестьянамъ распоряжаться своимъ имуществомъ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго вмѣшательства помѣщика. Эта аксіома, казалось бы, и не требовала доказательствъ; потому и самъ авторъ говоритъ, что онъ и не сталъ бы излагать своихъ убѣжденій, „если бы не прочесть недавно одной газетной статьи“. Жаль очень, что авторъ не указалъ статьи этой. Любопытно было бы узнать: какая газета рѣшилась оспаривать право крестьянъ распоряжаться собственнымъ имуществомъ.

Далѣе авторъ говоритъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ, о пользѣ замѣнить общественные сельскіе магазины, которые дорого стоятъ и въ которыхъ хлѣбъ постоянно портится, запасными капиталами, на которые, въ случаѣ неурожая, легко было бы, при помощи желѣзныхъ дорогъ, купить привозный хлѣбъ. Къ этому

авторъ присовокупляетъ нѣсколько соображеній о способахъ къ распространенію грамотности, къ обученію крестьянъ ремесламъ, къ призрѣнію сиротъ, больныхъ и увѣчныхъ.

Въ статьѣ г. Е. Протасьева— „о будущемъ положеніи помѣщиковъ и крестьянъ изъ“ изложены предположенія объ устройствѣ народныхъ школъ и сельскихъ больницъ.

Укажемъ еще на два письма, помѣщенные въ смѣси того же № Журнала Землевладѣльцевъ.

Помѣщикъ пишетъ изъ Симбирской губерніи, что онъ спрашивалъ крестьянъ: какое впечатлѣніе произвела на нихъ „Печатная Правда“; они отвѣтили, что „не мало было смѣху отъ этихъ прибаутокъ“; нѣкоторые сказали, что „не понимаютъ: правда ли это или сказка“. Справедливо все то, что писалъ о „Печатной правдѣ“ г. Жемчужниковъ въ превосходномъ разборѣ, помѣщенномъ въ Русскомъ Вѣстникѣ.

Другое письмо получено редакторомъ Журнала Землевладѣльцевъ отъ Матвѣя Зыбина, вольнаго хлѣбопаница Пензенской губерніи, который прислалъ начало составленной имъ статьи. Начало это, занимающее всего одну печатную страничку, говоритъ покуда только общими словами (и довольно книжными, а вовсе не простонародными выраженіями) о необходимости облегчить сбытъ сельскихъ произведеній, о пользѣ желѣзныхъ дорогъ и обществъ для закупки по губерніямъ хлѣба. Посмотримъ, что будетъ дальше. Мы очень обрадовались, увидя въ печати первую статью русскаго крестьянина, но жалѣемъ, что онъ набрался не русскихъ словъ, отнимающихъ національный колоритъ у его статьи, въ которой вообще есть линіи мудренныя фразы. Странно звучить, напримѣръ, въ устахъ крестьянина выраженіе: „нормальныя цѣны“ и т. под.

Въ послѣднихъ четырехъ книжкахъ Русскаго Вѣстника мы находимъ нѣсколько довольно замѣчательныхъ статей, имѣющихъ связь съ вопросомъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ №№ 11 и 12 помѣщена статья г. Побѣдоносцева подъ заглавіемъ: „замѣтки для исторіи крепостнаго права въ Россіи“. Въ статьѣ этой встрѣчается много дѣльных замѣчаній и указаній на различные древніе документы, которые могутъ уяснить, съ юридической стороны, порядокъ введенія у насъ крѣпостнаго права въ нравы нашихъ предковъ и въ самое законодательство. Изъ этой статьи видно, какимъ образомъ полицейскія мѣры, имѣвшія цѣлью предотвратить бродяжничество и обезпечить казенный интересъ, послужили предлогомъ къ подчиненію одного сословія другому; какимъ образомъ власть господъ надъ крестьянами постепенно расширялась, я правительство, желая положить предѣлы произволу, освящало закономъ то, что до этого времени совершалось самовольно. Это явленіе можно сравнить съ тѣмъ, если-бы владѣлецъ поля, самовольно захваченнаго сосѣдомъ, поставилъ на самой серединѣ поля межевые знаки и сказалъ бы, что по сую сторону знаковъ этихъ сосѣдъ его поле въ владѣть не смѣетъ. Это дѣйствіе, конечно, послужило бы къ узаконенію права сосѣда на владѣніе остальною половиною захваченнаго поля. Если-бы, утвердившись тутъ, сосѣдъ сталъ опять захватывать часть остальнаго поля, а владѣлецъ сталъ бы отодвигать свою границу, кончилось бы тѣмъ, что все поле современемъ сдѣлалось бы полною собственностью сосѣда. Такъ-то и у насъ крѣпостное право вкралось сперва въ

дѣйствительную жизнь, а оттуда въ законодательство. Замѣтки г. Побѣдоносцева останавливаются на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и на узаконеніяхъ ХVІІ вѣка; но онъ, подробнымъ разборомъ узаконеній этихъ и даже нѣкоторыхъ современныхъ имъ архивныхъ дѣлъ доказываетъ, что и въ то время „законъ не доетигъ еще до понятія о безправности крѣпостнаго человѣка на судѣ, и что это понятіе образовалось уже въ ближайшую къ намъ эпоху!“

Статья г. Побѣдоносцева представляетъ вообще довольно полное юридическое изслѣдованіе разбираемаго имъ вопроса и можетъ потому служить весьма полезнымъ источникомъ для тѣхъ, кому предстоитъ важный и знаменательный трудъ составленія исторіи крѣпостнаго права въ Россіи.

Въ 13 № Русскаго Вѣстника помѣщена статья г. Бутовскаго подъ заглавіемъ: „общинное владѣніе и собственность“. Статья эта написана очень безпристрастно и авторъ не увлекается крайними воззрѣніями двухъ партій, изъ коихъ одна желала бы немедленнаго уничтоженія общиннаго владѣнія, а другая — поддержанія его на вѣчное время во что бы то ни стало. Г. Бутовскій сознаетъ, что самый выгодный для государства и для общественнаго благосостоянія способъ владѣнія землею есть дробная, крестьянская, поземельная, личная собственность; но этотъ способъ владѣнія сроденъ государствамъ въ окончательномъ періодѣ ихъ развитія. Эту мысль г. Бутовскій подкрѣпляетъ полной картиной постепеннаго образованія въ государствахъ понятія о собственности, перехода отъ захватнаго способа владѣнія землей къ общинному, а потомъ къ личному. Далѣе онъ доказываетъ невозможность скорого и насильственнаго уничтоженія общиннаго владѣнія и говоритъ, что у насъ земли, которыя будутъ выкуплены общинами, должны принадлежать общинамъ, но что потягольный способъ владѣнія этой землей не долженъ быть сдѣланъ обязательнымъ для крестьянъ навсегда. Такимъ образомъ общинное владѣніе само собою въ свое время уничтожится. Съ возрастаніемъ въ общинѣ числа тяголъ, прибылымъ будутъ сперва давать запасные участки; потомъ, пожалуй, стануть увеличивать число тягловыхъ участковъ при передѣлахъ; но когда участки дойдутъ до такого размѣра, что ихъ дробить будетъ невозможно, явятся лишніе крестьяне, которые земли уже не получаютъ, и передѣлы прекратятся, а участки стануть переходить по наслѣдству, оставаясь въ одномъ и томъ же семействѣ. Тогда необходимо будетъ опредѣлить: кому оставаться въ общинѣ и кому, за недостаткомъ земли, оставить ее.

Г. Бутовскій признаетъ вредными всякія мѣры, которыя могли бы насильственно остановить такой исходъ дѣла, препятствовали бы образованію личной крестьянской собственности и приковывали бы въ малоземельной общинѣ лишніе крестьянъ, стѣсняя ихъ только чрезъ это въ способахъ къ заработкамъ.

Кажется, подобныхъ насильственныхъ мѣръ у насъ опасаться и нечего, когда теперь уже крестьяне имѣютъ право пріобрѣтать земли въ личную собственность и когда крестьяне, увольняемые въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, должны, по закону, или раздѣлить земли между собою при самомъ увольненіи, или опредѣлить въ увольнительномъ договорѣ способъ, по которому они могли бы сдѣлать это впослѣдствіи.

Въ слѣдующемъ 13-мъ № Русскаго Вѣстника находится начало другой статьи объ общинномъ владѣніи, г. Неелова. Онъ сперва, въ опроверженіе коммунистическихъ теорій, пространно доказываетъ законность поземельной собственности; да-

тве, основываясь на свидѣтельствѣ разныхъ аконистовъ, доказываетъ выгоды крестьянской поземельной собственности и превосходство личнаго владѣнія землей передъ общиннымъ, и наконецъ, для примѣненія своихъ выводовъ въ Россіи, приводитъ факты, относящіеся къ собственному его мнѣнію и представляющіе невыгодныя стороны общиннаго владѣнія. Вообще направленіе статьи этой одностороннѣе, нежели мнѣнія г. Бутовскаго. Г. Нееловъ, безусловный противникъ общиннаго владѣнія.

Возвращаясь въ предыдущему № Русскаго Вѣстника, укажемъ на статью, написанную В. П. Безобразовымъ въ опроверженіе статьи г. Николая Безобразова, защищающаго свое сочиненіе: „объ усовершенствованіи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства“. В. П. Безобразовъ смотритъ на г. Николая Безобразова, какъ на замѣчательное фізіологическое явленіе, и дѣйствительно разсужденія г. Николая Безобразова представляются вамъ какими то не кстати воскресшими призраками давно забытыхъ средне-вѣковыхъ понятій. Кто бы подумалъ, что въ XIX вѣкѣ, когда все сочувствуетъ у насъ благимъ преобразованіямъ, предпринятымъ нудрымъ правительствомъ, когда современная литература наша такъ единодушно содѣйствуетъ развитію въ общественномъ мнѣніи челоуколюбивыхъ и справедливыхъ понятій по крѣпостному вопросу, явится магистръ законовѣдѣнія, челоукъ стало быть образованный, который станетъ доказывать, что въ государствѣ должно быть два сословія—одно властвующее, а другое подвластное; одно просвѣщенное, предпримчивое, а другое трудящееся; что такой порядокъ долженъ быть утвержденъ и навсегда обезпеченъ закономъ, и что въ установившіи такого закона и должно состоять предполагаемое устройство быта крестьянскаго сословія. Г. Н. Безобразовъ говоритъ, что пришелъ къ такимъ убѣжденіямъ, посредствомъ изученія историческаго хода нашего законодательства. Это обстоятельство мы можемъ объяснить себѣ слѣдующимъ образомъ: г. Н. Безобразовъ замѣтилъ, что правительство наше, въ теченіе извѣстнаго времени, постепенно узаконило расширявшуюся власть помѣщика надъ крестьянами. Принявъ явленія этой эпохи нашего законодательства за непреложный законъ историческій, г. Безобразовъ, отбросивъ все бывшее ранѣе и позже этого времени, заключилъ, что мы должны слѣдовать прежнему пути, т. е. облекать злоупотребленія въ законную форму! Между тѣмъ историческое направленіе законодательства и жизни народной можно бы кажется сравнить съ движеніемъ маятника; уклонившись до извѣстной степени отъ закона справедливости, оно непремѣнно, подъ влияніемъ непреодолимой силы, возвращается назадъ. Въ постановленіяхъ о крестьянахъ это обратное шествіе къ лучшему началось слишкомъ полвѣка тому назадъ. Теперь Высочайшіе рескрипты объ устройствѣ губернскихъ комитетовъ нанесли уже крѣпостному праву рѣшительный ударъ—и тутъ-то г. Н. Безобразовъ вздумалъ предлагать: остановить настолщій ходъ законодательства и возвратиться къ давно-оставленной, пагубной для настоящаго времени, системѣ.

Понятія нѣсколько сходныя съ этими намъ случилось встрѣтить въ книжкѣ, изданной барономъ Нолькеномъ въ Берлинѣ въ 1857 году, подъ заглавіемъ: „Russland hatt allein noch die Wahl“. Авторъ доказываетъ, что европейскія государства погубили себя либеральными преобразованіями и что Россіи одной предстоитъ еще выборъ: идти-ли по стопамъ Европы или возвратиться къ *патріархальнымъ* началамъ, т. е. установить полное подчиненіе одного сословія другому. Авторъ разсматриваетъ вопросъ съ духовной стороны и увѣряетъ, будто-бы самия

Богомъ такъ установлено, чтобы дворянство властвовало надъ народомъ *jure divi*. Возрожденіе средняго сословія, распространеніе богатства въ народѣ, всякое правительственное дѣйствіе, клонящееся къ предоставленію народу участія въ управленіи, предоставленіе гражданамъ достаточной самостоятельности, чтобы обезпечить имъ возможность трудиться для улучшенія своего положенія, все это, по мнѣнію барона Нолькена, внушается дьяволомъ, чтобы развитъ въ людяхъ стремленіе къ матеріальнымъ благамъ, т. е. поклоненіе Мамонѣ. Лучше, говоритъ онъ, оставаться бѣднымъ и терпѣть притѣсненія, съ увѣренностью, что это ниспосылается по волѣ Божіей, нежели возлагать надежды на собственные силы, на собственный трудъ. Для устройства крестьянъ въ Россіи баронъ Нолькенъ предлагаетъ оставить крестьянъ навсегда крѣпостными; уничтожить деревни, замѣнивъ ихъ отдѣльными фермами и обративъ часть крестьянъ въ батраковъ; запретить оброки и ввести повсемѣстно барщину по опредѣленной закономъ нормѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію его, увѣковѣчится власть и значеніе дворянства.

Пусть тѣ, которые не повѣряютъ возможности существованія такихъ понятій, прочтутъ брошюру г. Нолькена: они увидятъ, что мы не исказили мысли его, а только сгруппировали главные его доводы, которые, конечно, такимъ образомъ рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ разбросанные по всему его сочиненію и прикрытые громкими фразами, цитатами и текстами изъ священнаго писанія.

Что подобныя идеи могутъ еще гнѣздиться и изрѣдка высказываться въ странѣ, гдѣ долго господствовала феодальная система, еще понятно. Однако и тамъ, какъ мы слышали, большинство осудило эту брошюру. Но чтобы подобныя понятія могли привиться въ Россіи, гдѣ ничего феодальнаго никогда не было, этого мы никакъ не ожидали. Несмотря на то, никакъ нельзя сказать, чтобы между брошюрой г. Николая Безобразова и сочиненіемъ барона Нолькена не было ничего общаго. Разница въ томъ, что послѣднее идетъ нѣсколько далѣе, но по тому же направленію. Потому-то книжка барона Нолькена несравненно полезнѣе: она доводитъ свои принципы до такихъ крайнихъ и дикихъ результатовъ, что служить имъ самымъ яркимъ опроверженіемъ. Она хоть кого вылечитъ отъ феодальнаго направленія. Это собственно и побудило насъ объ ней разговаривать.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ о „*гласности въ крестьянскомъ вопросѣ*“, „Русскій Вѣстникъ“ прекрасно выводитъ несомнѣнную пользу, которую можно ожидать въ такомъ дѣлѣ отъ столкновенія противоположныхъ мнѣній, отъ критики и антикритики каждаго вопроса, отъ искреннихъ и основательныхъ преній, посредствомъ которыхъ вырабатывалось бы общественное мнѣніе.

Въ послѣднемъ 14 № Русскаго Вѣстника опять открытъ для статей по крестьянскому вопросу особый отдѣлъ.

Отдѣлъ этотъ начинается статьей отъ редакціи — въ родѣ *profession de foi* Русскаго Вѣстника. Тутъ доказывается, что первую цѣль улучшенія быта крестьянскаго сословія должно быть освобожденіе труда, уничтоженіе современемъ обязательныхъ крестьянскихъ работъ; что и помѣщики при этомъ не потеряютъ, такъ какъ возвышеніе расходовъ на обработку земли вознаградится несомнѣннымъ возвышеніемъ цѣнности произведеній и самой поземельной собственности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ „Русскій Вѣстникъ“ признаетъ необходимымъ предоставить крестьянамъ въ постоянное пользованіе земли, коими они доселѣ владѣли; обитѣль земель и переносъ усадебъ онъ полагаетъ допускать только въ видѣ исключеній, въ слу-

чаѣ дѣйствительной въ томъ необходимости, а отнюдь не по произволу помѣщика. Уничтоженіе черезполосности можетъ совершиться и въ послѣдствіи посредствомъ полюбовныхъ размежеваній и не должно теперь задерживать хода и успѣха главной реформы. Въ подтвержденіе этого мнѣнія „Русскій Вѣстникъ“ приводитъ весьма замѣчательные факты о томъ, что мѣры къ уничтоженію черезполосности въ Германіи приняты были гораздо позже освобожденія крестьянъ и даже выкупа ими земель; а именно: въ Веймарѣ—въ 1848 году; въ Ангальтъ-Дессау и Ангальтъ-Кетенѣ—въ 1850 году; въ Ганноверѣ, Готѣ, Кобургѣ—въ 1853 году; въ Мейнингенѣ—въ 1855 году; въ Шварцбургъ-Рудольштадтѣ—въ 1856 году; въ Альтенбургѣ—въ 1857 году; и въ нынѣшнемъ лишь году—въ герцогствѣ Гессенскомъ; въ Австріи размежеваніе еще не начиналось. Между тѣмъ въ Германіи существуетъ мѣстами значительная черезполосность въ поземельномъ владѣніи; такъ приведенная Русскимъ Вѣстникомъ въ примѣръ община Кирхгеймъ раздроблена на 5600 полосъ, принадлежащихъ 413 владѣльцамъ; и это не помѣняло выкупу земли.

Конечнымъ, наиболѣе желательнымъ результатомъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ, „Русскій Вѣстникъ“ признаетъ выкупъ владѣемой ими земли въ полную собственность. Но признавая преимущество полной крестьянской поземельной собственности передъ условнымъ пользованіемъ или совладѣніемъ земли помѣщиками и крестьянами (когда послѣдніе будутъ имѣть ее въ постоянномъ пользованіи, а первые получать съ нея опредѣленный доходъ), „Русскій Вѣстникъ“ не считаетъ однако нужнымъ повсемѣстнаго, обязательнаго выкупа земли крестьянами, а полагаетъ: предоставить выкупъ этотъ соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами и содѣйствовать оному посредствомъ поземельнаго кредита. „Русскій Вѣстникъ“ полагаетъ, что тогда продажа крестьянамъ земли, отданной имъ въ вѣчное пользованіе, будетъ выгодна для помѣщиковъ, ибо развяжетъ ихъ окончательно съ обязательными отношеніями къ крестьянамъ и доставитъ имъ оборотный капиталъ для улучшенія обработки господской земли, которая остается въ полномъ и неограниченномъ распоряженіи помѣщика.

Предположеніе это совершенно вѣрно. Мы прибавимъ еще къ этому, что продажа земли по мелочи такъ выгодна уже сама по себѣ, что, пожалуй, составить еще предметъ спекуляціи, какъ это случилось въ Лифляндіи. Когда, послѣ 1849 года, былъ тамъ учрежденъ особый банкъ для выдачи крестьянамъ ссудъ на выкупъ поземельныхъ участковъ, многіе помѣщики (для поддержанія ли своего значенія и вліянія на крестьянъ, или по другимъ соображеніямъ) не захотѣли воспользоваться этимъ случаемъ продать свои земли крестьянамъ; но нанлись люди болѣе разсчетливые, которые покупали цѣлыя имѣнія, собственно съ цѣлью распродать тотчасъ же крестьянскіе участки, и они остались въ барыни. Мы слышали про одно имѣніе, которое было куплено за 80,000 руб. сер.; вслѣдъ загѣмъ состоянція въ пользованіи крестьянъ земли были отдѣльно распроданы и съ нихъ выручены всѣ эти 80,000 руб. Въ послѣдствіи оставшаяся господская земля тоже продана за 80,000 руб. Такимъ образомъ на этомъ имѣніи, въ довольно короткое время, вырученъ капиталъ на капиталъ!

Остальныя статьи, помѣщенныя въ этомъ отдѣлѣ 14 № Русскаго Вѣстника, не много представляютъ особенно новаго и замѣчательнаго.

Г. Дмоховскій въ статьѣ объ усадебномъ устройствѣ крестьянъ, послѣ нѣко-

торыхъ общихъ разсужденій, пространно доказываетъ, что желѣзные заводы гг. Шепелевыхъ потерпѣли бы убытокъ и недостатокъ въ рабочихъ отъ предоставленія усадебъ въ собственность приписаннымъ къ сиихъ заводамъ крестьянамъ.

Г. *Тихменевъ* въ статьѣ о крѣпостномъ правѣ и его стоимости выводитъ, что выкупъ усадебъ долженъ вознаградить помѣщика за убытки, которые онъ можетъ потерпѣть при увольненіи крестьянъ. Потому, для опредѣленія выкупной суммы, слѣдуетъ вычислить нынѣшнюю стоимость имѣнія и вычесть изъ суммы этой стоимости остающейся земли за отдѣленіемъ усадебной; остатокъ должно раздѣлить на число крестьянскихъ дворовъ въ имѣніи и получится сумма, слѣдующая помѣщику за выкупъ каждой усадьбы. Авторъ полагаетъ возможнымъ, по средней стоимости населенныхъ имѣній и собственно земли, опредѣлить для каждаго уѣзда нормальную цѣну крестьянскихъ усадебъ.

Наконецъ небольшія статьи гг. Р—ва и Ланге, опираясь на наше законодательство, доказываютъ несправедливость требованія съ крестьянъ личнаго выкупа. Если бы можно было вполнѣ высказаться по этому предмету, то слѣдовало бы когда нибудь вопросъ о личномъ выкупѣ крестьянъ разобрать по подробнѣе и попытаться опровергнуть основательно всѣ доводы, представляемые въ пользу его, если не въ печати, то весьма часто въ разговорахъ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ V.

Правительственныя распоряженія по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Высочайшіе рескрипты.

1.

Начальнику Пермской губерніи.

Дворянство Пермской губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.

Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія пермскаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соотвѣственно Монимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Пермской губерніи, на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе сего повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же въ Перми особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: 1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владѣющими въ ней населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію ваниему. Всѣ ои члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ среды себя председателя комитета.

II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Пермской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главные основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная оцѣдность, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества: помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущаго отношенія помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развѣтѣ сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Пермской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащіе наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проектъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ узаводъ Пермской губерніи изыятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Пермской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполне оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его въ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

II.

Начальнику Вятской губерніи.

Дворянство Вятской губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.

Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія вятскаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соответственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Вятской губерніи на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе сего повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же въ Вяткѣ особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: 1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владѣющими въ ней населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію вашему. Всѣ сіи члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ своей среды председателя комитета.

II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Вятской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная остьдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе, крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ в крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развѣтїе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету.

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Вятской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ прозектъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Вятской губерніи изыятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Вятской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упорочить бытъ крестьянъ своихъ въ указаннымъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполне оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участию въ столь важномъ дѣлѣ, в что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершенно съ желаемымъ всѣмъ успѣхомъ

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

III.

Начальнику Олонеккой губерніи.

Дворянство Олонеккой губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія прозекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.

Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія олонеккаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію прозекта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Олонеккой губерніи на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъяснившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе сего повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же въ Петрозаводскѣ особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ:

1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владеющими въ ней населенными имѣніями и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію вашему. Всѣ сіи члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ среды себя предсѣдателя комитета.

II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго прозекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Олонеккой губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главные основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; до крестьянамъ оставляется ихъ усадебная оскдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ оользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ

быта и для выполнения ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества; помѣщиканъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ в крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развитие сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Олонецкой губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проектъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Олонецкой губерніи изыятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія ва Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Олонецкой губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить быть крестьянъ своимъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что рно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участию въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

Въ Гатчинѣ,
15 октября 1858 г.

Списки членамъ и вандидатамъ Дворянскихъ Комитетовъ, по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

I. Могилевской губерніи.

По Могилевскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Василій Королько, коллежскій секретарь Иванъ Сяпайло; кандидатъ имъ, депутатъ дворянства поручикъ Константинъ Карниціи. По Выховскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Яковъ Виневскій, инженеръ-подпоручикъ Эдуардъ Жуковский; кандидатъ имъ, коллежскій регистраторъ Антонъ Шаняевскій. По Рогачевскому уѣзду *). Члены: гвардіи подпоручикъ Людвигъ Осиповъ Случановскій, губернскій секретарь Александръ Фромандіеръ. По Гомельскому уѣзду. Члены: Могилевскій совѣстный судья, штабсъ-ротмистръ Иванъ Пересвѣтъ-Солтанъ, подпоручикъ Юсифъ Усиновичъ; кандидатъ имъ, инженеръ-штабсъ-капитанъ Константинъ Вайковъ. По Чериковскому уѣзду. Члены: прапорщикъ Дмитрій Голынский, засѣдатель Могилевской палаты гражданскаго суда, коллежскій ассесоръ Оеофілъ Каменскій; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Иванъ Василевскій. По Овнинскому уѣзду. Члены: губернскій секретарь Казиміръ Дунявъ, коллежскій регистраторъ Мечеславъ Свенторжецкій; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Людвигъ Гарновскій. По Оршанскому уѣзду. Члены: предсѣдатель Могилевской палаты гражданскаго суда, статскій совѣтникъ Евстафій Коловратъ-Червинскій, подпоручикъ Павелъ Вржозовскій; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Андрей Вируля. По Копыскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Викентій Славянскій, штабсъ-ротмистръ Игнатій Менжинскій; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Витольдъ Славинскій. По Мстиславскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Казиміръ Стаховскій, чиновникъ 10 класса Михаилъ Войничъ-

*) Кандидатъ по Рогачевскому уѣзду начальникомъ губерніи еще не утвержденъ, за неполученіемъ свидѣній отъ уѣзднаго предводителя дворянства.

Святоженскій; кандидатъ имъ, капитанъ Александръ Руцинскій. По Климовицкому уѣзду. Члены: корнетъ Игнатій Комаръ, титулярный совѣтникъ Игнатій Цехавоуецкій, кандидатъ имъ, Игнатій Зубовичъ. По Чаусовскому уѣзду. Члены: капитанъ Яковъ Ракуса-Сущевскій, коллежскій регистраторъ Антонъ Ходкевичъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Евгеній Маковецкій. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: коллежскій регистраторъ Степанъ Голынский и подполковникъ Александръ Менжинскій.

II. Рязанской губерніи.

По Рязанскому уѣзду. Члены: поручикъ кн. Николай Дмитріевичъ Волконскій, поручивъ Григорій Петровичъ Првклонскій; кандидатъ имъ, губернский секретарь Гавріилъ Твертиновъ. По Данковскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Леонидъ Матѣевичъ Муромцевъ, прапорщикъ Оедоръ Дмитріевичъ Окианинъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Александръ Алексѣевичъ Хонинъ. По Михайловскому уѣзду. Члены: артиллеріи капитанъ Петръ Николаевичъ Сухотинъ, надворный совѣтникъ Сергій Платоновъ Голубцевъ; кандидатъ имъ, поручикъ Петръ Николаевичъ Шепелевъ. По Рязанбургскому уѣзду. Члены: поручикъ Василій Михайловичъ Сафоновъ, гвардіи штабъ-капитанъ ввязъ Сергій Васильевичъ Волконскій; кандидатъ имъ, поручикъ Владиміръ Павловичъ Сѣровъ. По Сапожовскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Евгеній Андреевичъ Протасевъ, коллежскій секретарь Дмитрій Васильевичъ Протасевъ; кандидатъ имъ, штабъ-капитанъ Михаилъ Дмитріевичъ Галаховъ. По Гронскому уѣзду. Члены: генераль-майоръ Алексій Петровичъ Муратовъ, коллежскій совѣтникъ Оедоръ Сергѣевичъ Офросимовъ; кандидатъ имъ, губернский секретарь Николай Михайловичъ Цѣпинъ. По Рязанскому уѣзду. Члены: поручикъ Василій Михайловичъ Ключаревъ, подпоручикъ Андрей Семеновичъ Арсеньевъ; кандидатъ имъ, князь Дмитрій Алексѣевичъ Крапоткинъ. По Касимовскому уѣзду. Члены: флота капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Петровичъ Рывачевъ, поручивъ Александръ Авдеевичъ Павловъ; кандидатъ имъ, поручикъ князь Александръ Николаевичъ Максотовъ. По Спасскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Колемицъ, коллежскій секретарь Петръ Тимофеевичъ Плюсковъ; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Василій Алексѣевичъ Сазоновъ. По Зарайскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Николай Михайловичъ Лихаревъ, штабъ-капитанъ Петръ Николаевичъ Селивановъ, кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Иванъ Львовичъ Злобинъ. По Скопинскому уѣзду *). Члены: коллежскій совѣтникъ Владиміръ Афанасевичъ Бѣгичевъ, подполковникъ Василій Павловичъ Насаквицъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: надворный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Кониселевъ, гвардіи ротмистръ Михаилъ Дмитріевичъ Масловъ. *Примѣчаніе.* Члены и кандидаты отъ Егорьевскаго уѣзда еще не избраны.

III. Саратовской губерніи.

По Саратовскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Слѣпцовъ, штабъ-капитанъ Буковский; кандидатъ имъ, гвардіи штабъ-капитанъ Зотовъ. По Балашевскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства статскій совѣтникъ Елагвицъ, надворный совѣтникъ Барышниковъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Фохтъ. По Кузнецкому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Галицкій, коллежскій совѣтникъ Иконниковъ; кандидатъ имъ, полковникъ Немировичъ-Давченко. По Петровскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, поручикъ Аристовъ, ротмистръ Топоринъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Аристовъ. По Хвалынскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Закревскій, поручикъ Городецкій; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Бѣгичевъ. По Камышевскому уѣзду. Члены: штабъ-ротмистръ Персидскій; кандидатъ имъ, подполковникъ Ерюковъ. По Царыцынскому уѣзду. Члены: гвардіи ротмистръ Мельниковъ, губернский секретарь Ровинскій. По Волгскому уѣзду. Члены: штабъ-капитанъ Жарскій, титулярный совѣтникъ Алдштейнъ; кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Виноградскій. По Атварскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Слѣпцовъ, губернский

*) Объ избраніи кандидатовъ отъ Скопинскаго уѣзда сдѣлано начальникомъ губерніи распоряженіе.

секретарь Фохтъ; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Вагверъ. По Сердобскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства штабсъ-ротмистръ Ознобишинъ, надворный совѣтникъ Акимовъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Акимовъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: титулярный совѣтникъ князь Лобановъ-Ростовскій, коллежскій регистраторъ князь Оболеньскій.

IV. Витебской губерніи.

По Суражскому уѣзду. Члены: чиновникъ 12 класса Рафаилъ Осиповичъ Богдановичъ, коллежскій регистраторъ Михаилъ Фравцевичъ Лиссовскій; кандидаты имъ, Даниилъ Даниловичъ Водзьяницкій, штабсъ-капитанъ Константинъ Ивановичъ Шембель. По Витебскому уѣзду. Члены: Алексѣй Цѣхановскій, Модестъ Осиповичъ Рекець; кандидатъ имъ, Станиславъ Дроздовскій. По Рѣжницкому уѣзду. Члены: Казиміръ Венедиктовичъ Водынский, Юстіанъ Бонифатьевичъ Загорскій; кандидаты имъ, Игнатій Ромуальдовичъ Богомолецъ и Владиславъ Станиславовичъ Солтанъ. По Лепельскому уѣзду. Члены: штабсъ-ротмистръ Евгений Антоновичъ Снарскій, губернский секретарь Казиміръ Ефстафьевичъ Пржисецкій; кандидаты имъ, коллежскій регистраторъ Яковъ Викентьевичъ Лиссовскій и коллежскій регистраторъ Алонзій Михайловичъ Хрептовичъ. По Новельскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства Игнатій Дементьевичъ Потриковскій, капитанъ гвардіи Алексѣй Михайловичъ Жуковскій; кандидаты имъ, коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Еврепновъ и губернский секретарь Викентій Осиповичъ Лесневскій. По Дризовскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Игнатій Ефстафьевичъ Храповицкій, губернский секретарь Левъ Владиміровичъ Сулястровскій; кандидаты имъ, коллежскій регистраторъ Михаилъ Іосифовичъ Щитъ и губернский секретарь Валеріанъ Іосифовичъ Гржималовскій. По Себежскому уѣзду. Члены: гвардіи капитанъ графъ Густавъ Михайловичъ Вѣлгорскій, коллежскій ассесоръ Іоенфъ Дементьевичъ Лабунскій; кандидаты имъ, губернский секретарь Викторъ Осиповичъ Корсакъ и штабсъ-капитанъ Августъ Антоновичъ Торгонскій. По Любимскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Иванъ Игнатьевичъ Липскій, коллежскій ассесоръ Іосифъ Антоновичъ Родзевичъ; кандидаты имъ, ротмистръ Александръ Ивановичъ Зарембо и коллежскій регистраторъ Кириавъ Францовичъ Шаятырь. По Велижскому уѣзду. Члены: поручикъ Александръ Александровичъ Геригросъ, подполковникъ Селиванъ Ивановичъ Глинскій; кандидатъ имъ, поручикъ Михаилъ Семеновичъ Кавецкій. По Городскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Богданъ Степановичъ Азанчевскій, Иванъ Людвиговичъ Галіофъ; кандидаты имъ, титулярный совѣтникъ Антонъ Фелпціановичъ Яхмовичъ и капитъ Константинъ Николаевичъ Бессарабскій. По Полоцкому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Петръ Кулешо, штабсъ-ротмистръ Артуръ Рошковскій; кандидаты имъ, коллежскій регистраторъ Эдуардъ Реуттъ и Николай Медунецкій. По Двинабургскому уѣзду. Члены: нижеверъ-капитанъ графъ Станиславъ Михайловичъ Плятеръ-Зибертъ, майоръ графъ Людвигъ Казимировичъ Плятеръ; кандидаты имъ, коллежскій секретарь Іосифъ Ивовичъ Млодзяновскій и губернский секретарь Эразмъ Ипполитовичъ Корсакъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: бывшій губернский предводитель дворянства Николай Денисьевичъ Гребнецкій и полоцкій уѣздный предводитель дворянства Іосифъ Игнатьевичъ Реуттъ.

V. Псковской губерніи.

По Псковскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ князь Оедоръ Васильевичъ Шаховскій, артиллеріи штабсъ-капитанъ Иванъ Карловичъ фонъ-Стакельбергъ; кандидатъ имъ, коллежскій совѣтникъ Николай Николаевичъ Аничковъ. По Островскому уѣзду. Члены: капитанъ Іосифъ Яковлевичъ Бартошъ, полковникъ Александръ Алексѣевичъ Серебряковъ; кандидатъ имъ, капитанъ-лейтенантъ Петръ Павловичъ Васильевъ. По Опочецкому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Николай Карловичъ Клингенбергъ, артиллеріи подполковникъ графъ Яковъ Карловичъ Сиверъ; кандидатъ имъ, нижеверъ-поручикъ Николай Дмитріевичъ Бизюкинъ. По Новоржевскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Леонидъ Алексѣевичъ Львовъ, надворный совѣтникъ Иванъ Карловичъ Мейеръ; канди-

дать имъ, титулярный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Никитинъ. По Вельколуцкому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, гвардіи капитанъ Федоръ Дмитріевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, артиллеріи подпоручикъ Петръ Павловичъ Хитлеуъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Павелъ Петровичъ Геркиау. По Торопецкому уѣзду. Члены: поручикъ Генрихъ Густавовичъ Вольтеръ, полковникъ Василій Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Федоръ Оедоровичъ Фріезъ. По Холмскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства коллежскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, поручикъ Миракъ Александровичъ Нащокинъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Андрей Ивановичъ Раздеришинъ. По Порховскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Крекининъ, коллежскій совѣтникъ Николай Степановичъ Волковъ; кандидатъ имъ, генералъ-майоръ Александръ Петровичъ Бибииковъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: отставной поручикъ Михаилъ Александровичъ Назимовъ, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Николаевичъ Кутузовъ.

VI. Таоврической губерніи.

По Симферопольскому и Ялтинскому уѣздамъ. Члены: ротмистръ Аристидъ Ревеліоти, китабъ-ротмистръ Брамсъ; кандидатъ имъ, поручикъ Русеетъ. По Феодосійскому уѣзду. Члены: гвардіи поручикъ Рудзевичъ, поручикъ Дульбетовъ; кандидатъ имъ, поручикъ Каламара. По Еваторійскому и Перекопскому уѣздамъ. Члены: надворный совѣтникъ Делавранатикъ, титулярный совѣтникъ Маценко; кандидатъ имъ, губернский секретарь Спиридонъ Ламиси. По Дѣйровскому уѣзду *) Члены: надворный совѣтникъ Вурачковъ, гвардіи полковникъ графъ Калкринъ. По Мелитопольскому и Берлинскому уѣздамъ. Члены: коллежскій секретарь Иваненко, китабъ-ротмистръ Иваненко; кандидатъ имъ, гвардіи китабъ-ротмистръ Поповъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: губернский секретарь Шатиловъ, отставной поручикъ Давыдовъ.

VII. Минской губерніи **).

По Минскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій секретарь Игнатій Степановичъ Богданевскій, коллежскій регистраторъ Болеславъ Чеславовичъ Свѣтворжецкій. По Борисовскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Викторъ Флоріавовичъ Семда, губернский секретарь графъ Константинъ Шевичъ Тыкиевичъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Игнатій Іосифовичъ Бѣлинскій. По Игуменскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Августъ Ояуфріевичъ Яниневскій, коллежскій регистраторъ Яковъ Сильвестровъ Лукашевичъ. По Рѣвнцкомъ уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Отгонъ Игнатъевичъ Горватъ, инженеръ-капитанъ Эдмундъ Ооинъ Лащъ. По Пинскомъ уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Александръ Александровичъ Сквриунъ, коллежскій секретарь Матвій Адамовичъ Тукальскій-Нелюбоемъ. По Слуцкомъ уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Казиміръ Казиміровичъ Еленскій, прапорщикъ Брониславъ Франковичъ Залѣскій. По Новгородскому уѣзду. Члены: отставной штабъ-ротмистръ графъ Александръ Осиповичъ О'Руркъ, отставной китабъ-ротмистръ Карлъ Осиповичъ Каминъ. По Бобруйскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Александръ Доминиковичъ Лаппо, лейбъ-гвардіи капитанъ Михаилъ Ивановичъ Пушинъ; кандидатъ имъ, коллежскій регистраторъ Евгений Робертовичъ Прукиновскій. По Мозырскому уѣзду. Члены: помѣщикъ Наполеонъ Фелисовичъ Еленскій, коллежскій секретарь Артуръ Даниловичъ Горватъ. *Примѣчаніе.* О членахъ по назначенію правительства затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

VIII. Новгородской губерніи.

По Новгородскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, гвардіи штабъ-ротмистръ князь Николай Евграфовичъ Мышецкій, коллежскій ассесоръ Степанъ Дмитріевичъ

*) Объ избравіи кандидата отъ Дѣйровскаго уѣзда затребованы свѣдѣнія отъ Новороссійскаго и Пессарабскаго генералъ-губернатора.

**) По нѣкоторымъ уѣздамъ кандидатовъ въ семь спиектъ не показано, ибо о выборѣ ихъ затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

вичъ Струговщниковъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Михаилъ Дмитріевичъ Струговашковъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Михаилъ Дмитріевичъ Бобылевъ. По Крестецкому уѣзду. Члены: уѣздный судья, подпоручикъ Николай Дмитріевичъ Косаговскій, штабсъ-капитанъ Василій Петровичъ Розенбергъ; кандидатъ имъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ Кеѣцкій. По Денявскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Петръ Ѳеодоровичъ Пупинъ, гвардіи штабсъ-ротмистръ Александръ Ѳеодоровичъ фонъ-Фрикевъ; кандидатъ имъ, Ришардъ Фаддеевичъ Богуславскій. По Тихвинскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Александръ Александровичъ Дейхманъ. По Череповскому уѣзду. Члены: лейтенантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, поручикъ Иванъ Петровичъ Хорзеевъ; кандидатъ имъ, лейтенантъ Евгений Николаевичъ Егорьевскій. По Кириловскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Арсеній Арсеньевичъ Богдановичъ, полковникъ Михаилъ Антоновичъ Ѳеодоровъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Владиміръ Михайловичъ Скрипичъ. По Валдайскому уѣзду. Члены: подпоручикъ Навель Павловичъ Косаговскій, поручикъ Петръ Ивановичъ Шукинъ; кандидатъ имъ, полковникъ Александръ Фравцовичъ де-Волянъ. По Боровицкому уѣзду. Члены: капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Ѳеодоровичъ Доможировъ, надворный совѣтникъ Ѳеодоръ Петровичъ Товаровъ; кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Ѳеодоръ Яковлевичъ Мейснеръ. По Бѣлозерскому уѣзду. Члены: полковникъ Петръ Петровичъ Поповъ, чиновникъ 10 класса Владиміръ Александровичъ Владимірскій; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Николай Петровичъ Поповъ. По Устюжскому уѣзду. Члены: поручикъ Аванасій Ивановичъ Шилингъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Позея *). Члены, назначенные начальникомъ губерніи: статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Желѣзное, камеръ-юнкеръ двора Его Императорскаго Величества князь Павелъ Васильевичъ Голицынъ.

IX. Тульской губерніи.

По Тульскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Коптевъ, флота-капитанъ-лейтенантъ Воейковъ; кандидатъ имъ, поручикъ Сурменевъ. По Алексѣевскому уѣзду. Члены: гвардіи подпоручикъ Васильчиковъ, коллежскій регистраторъ Новосельскій; кандидатъ имъ генераль-майоръ Бибиловъ. По Каширскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Норовъ, бывший Тульскій губернскій предводитель дворянства, гвардіи полковникъ Болонкой; кандидатъ имъ, майоръ Золотаревъ. По Веневскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Марковъ, коллежскій ассесоръ Пушкинъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Нѣнинъ. По Епифановскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Карбоньеръ, титулярный совѣтникъ Бибиловъ; кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Хрущовъ. По Богородицкому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Ушаковъ, титулярный совѣтникъ фонъ-Менгденъ; кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Ринкъ, инспекторъ Тульской врачебной управы. По Ефремовскому уѣзду. Члены: чиновникъ 12 класса Сѣтинъ, прапорщикъ Игнатьевъ; кандидатъ имъ, артиллеріи штабсъ-капитанъ Шидловскій. По Новосельскому уѣзду. Члены: гвардіи капитанъ Глазуновъ, гвардіи капитанъ Кирѣевъ; кандидатъ имъ, поручикъ Сухотинъ. По Чернскому уѣзду. Члены: гвардіи штабсъ-ротмистръ Мининъ-Чиряевъ, уѣздный предводитель дворянства, поручикъ Чижовъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Левицкій. По Крапивинскому уѣзду. Члены: генераль-майоръ Крюковъ, полковникъ Кулеповъ; кандидатъ имъ, гвардіи полковникъ Голковъ. По Одоевскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Татаринъ, коллежскій ассесоръ Тихменевъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Арбузовъ. По Бѣлевскому уѣзду. Члены: подполковникъ баронъ Черкасовъ, коллежскій секретарь Елагинъ; кандидатъ имъ, гвардіи поручикъ Павловъ. Члены назначенные начальникомъ губерніи: коллежскій секретарь князь Черкасскій, титулярный совѣтникъ Самаринъ.

X. Ярославской губерніи.

По Ярославскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Яковъ Николаевичъ Дружининъ, штабсъ-ротмистръ Дмитрій Александровичъ Варевцовъ; кандидатъ имъ, капитанъ

*) Объ избраніи кандидата по Устюжскому уѣзду затребованъ свидѣніи отъ начальника губерніи.

князь Дмитрій Семеновичъ Урусовъ. По Ростовскому уѣзду. Члены: майоръ Владиміръ Николаевичъ Хомутовъ, титулярный совѣтникъ Сергій Ивановичъ Леонтьевъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Николай Дмитріевичъ Полубояриновъ. По Угличскому уѣзду. Члены: надворный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Псомасъ, подпоручикъ Измаилъ Владиміровичъ Церхуровъ; кандидатъ имъ, поручикъ Дмитрій Лавровичъ Остолоповъ. По Рыбинскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Хомутовъ, чиновникъ 8 класса Александръ Васильевичъ Костылсвъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Николай Николаевичъ Сабанѣевъ. по Мышинскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Ростиславъ Аонасьевичъ Банімаковъ, капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Ивановичъ Нвловъ; кандидатъ имъ, губернскаго секретаря Алексѣй Николаевичъ Тютчевъ. По Мологскому уѣзду. Члены: губернскаго секретаря Николай Андреевичъ Чистяковъ, гвардіи ротмистръ Николай Андреевичъ Глѣбовъ; кандидатъ имъ, поручикъ Николай Сергѣевичъ Кругляковъ. По Понехонскому уѣзду. Члены: генераль-майоръ Иванъ Петровичъ Баркъ-Петровскій, поручикъ Кирилъ Александровичъ Чернооситовъ; кандидатъ имъ, артиллеріи поручикъ Михаилъ Владиміровичъ Берсенева. По Любимскому уѣзду. Члены: подпоручикъ Николай Николаевичъ Болотовъ, штабъ-капитанъ Александръ Григорьевичъ Передковъ; кандидатъ имъ, губернскаго секретаря Петръ Петровичъ Пановъ. По Даниловскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Павелъ Николаевичъ Дубровинъ, поручикъ Павелъ Ивановичъ Кругляковъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретаръ Андрей Васильевичъ Шестаковъ. По Романовоборисоглѣбекому уѣзду. Члены: гвардіи ротмистръ Демосеенъ Васильевичъ Васильевъ; капитанъ-лейтенантъ Александръ Петровичъ Рыкачевъ; кандидатъ имъ, поручикъ Николай Николаевичъ Степановъ.

Примѣчаніе. О членахъ по назначенію Правительства затребованы свидѣнія отъ начальника губерніи.

О перенѣнахъ въ личномъ составѣ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, по свидѣніямъ, полученнымъ до 11 октября 1858 года.

По Московскому. Членомъ отъ Клинскаго уѣзда, на мѣсто умершаго действительнаго статскаго совѣтника фонъ-Визина, назначенъ кандидатъ, статскій совѣтникъ Волковъ, а на мѣсто сего послѣдняго избранъ кандидатомъ находящійся въ безсрочномъ отпуску гусарскаго Его Высочества герцога Лейхтенбергскаго полка подполковникъ Иванъ Сергѣевичъ фонъ-Визинъ; членомъ отъ Серпуховскаго уѣзда, вмѣсто генераль-адъютанта графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, назначенъ кандидатъ, поручикъ князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ.

По Костромскому. Членомъ отъ Юрьевскаго уѣзда, на мѣсто губернскаго секретаря Кетова, назначенъ кандидатъ штабъ-капитанъ Петръ Ивановичъ Доманинъ, а на мѣсто сего послѣдняго кандидатомъ поручикъ Всеволодъ Никаноровичъ Кетовъ; членомъ отъ Солигаличскаго уѣзда, на мѣсто титулярнаго совѣтника Бартенева, назначенъ кандидатъ, штабъ-капитанъ Михаилъ Ксенофоновичъ Болотовъ; отъ Кинешемскаго уѣзда избранъ 2-й кандидатъ, артиллеріи поручикъ Александръ Гавриловичъ Герасимовъ; назначенъ членомъ отъ Буйскаго уѣзда, вмѣсто полковника Моникова, кандидатъ, гвардіи прапорщикъ Лермонтовъ.

По Харьковскому. Кандидатомъ отъ Лебединскаго уѣзда избранъ коллежскій ассесоръ Александръ Петровичъ Святогоръ Штепинъ.

По Рязанскому. Отъ Егорьевскаго уѣзда *) избраны членами: статскій совѣтникъ Андрей Петровичъ Римаевъ и коллежскій секретаръ Александръ Михайловичъ Аонасьевъ, а кандидатомъ—коллежскій секретаръ Николай Петровичъ Зміевъ. Кандидатомъ отъ Скопинскаго уѣзда назначенъ поручикъ Лихаревъ.

По Минскому. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: генераль-майоръ графъ Флоріанъ Ссвериневичъ Ржевускій и поручикъ Александръ Владиславовичъ Оскерво.

*) При общихъ выборахъ, членомъ и кандидатомъ отъ Егорьевскаго уѣзда назначено не было.

По Новгородскому. Членомъ отъ Кирилловскаго уѣзда, вмѣсто предводителя дворянства, коллежскаго ассесора Арсенія Арсеньевича Богдавовича, вазвачевъ начальникомъ губерніи коллежскій регистраторъ Николай Арсеньевичъ Богдановичъ.

По С-Петербургскому. Членомъ отъ Негергофскаго уѣзда, вмѣсто уѣзднаго предводителя дворянства, ротмистра Звонцова, вазвачевъ кандидатъ, статскій совѣтникъ Пейкеръ.

Открыты губерніе комитеры по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Могилевѣ 16, въ Рязани 26 августа, въ Саратовѣ, Пензѣ и Тамбовѣ 2, в въ Тулѣ 5 сентября.

Слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ предтѣлѣмъ дворянскаго оословія разныхъ губерній, во время путешествія Его Императороваго Величества по Россіи.

I.

Въ Вологдѣ, за нѣсколько минутъ до общаго представленія, губернскій предводитель дворянства Баграковъ былъ, черезъ графа Адлерберга 2-го, приглашенъ во внутренніе покои (кабинетъ) Его Величества, и встрѣченъ милостивыми словами: „Я исполввлъ Свое общаніе быть у васъ“. Государь Императоръ продолжалъ: „Вологодское дворянство всегда отличалось своею преданностью къ престолу, а потому Я вволвѣ увѣренъ, что и въ настоящее время, въ общемъ дѣлѣ, ово, по мѣрѣ силъ, будетъ споспѣшествовать исполненію Моихъ предначертавій“. Губернскій предводитель отвѣчалъ: „Вологодское дворянство всегда готово исполнить благія предначертанія Вашего Императорскаго Величества, и въ настоящемъ дѣлѣ не станеть въ ряду послѣднихъ губерній: мы уже нѣгли счастье доказать любовь къ своему Государю в преданность Его престолу, сформировавъ, въ минувшую войну, полный комплектъ офицеровъ на десять дружинъ изъ трехъ дворянскихъ уѣздовъ“.

Потомъ Государь Императоръ, выйдя въ пріемную залу къ дворянамъ, былъ такъ милостивъ, что каждаго удостоилъ разговоромъ, и въ заключеніе сказалъ: „Господа! Я надѣюсь, что вы совершенно сочувствуете Моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу, и затѣмъ улучшите быть крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общей выгодною“.

II.

Тверскому дворянству, крестьянскій комитетъ котораго только-что приступилъ къ своей дѣятельности, Государь Императоръ извоилъ сказать:

„Господа! Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить Мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало Мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказала во время послѣдней войны, при составленіи ополченія, и Мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь Я вамъ поручилъ дѣло, важное для Меня и для васъ—дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое довѣріе. Лицамъ, изъ вашей среды избраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ: обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, прииѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобъ было безобидно для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ Моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе Мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы нашихъ крестьянъ: поэтому Я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобъ было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть спокоенъ! вы Меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положеніе комитета поступитъ чрезъ министерство на Мое утвержденіе. Я ужъ приказалъ отдать распоряженіе, чтобъ изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствій и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣнн положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя, наша цѣль

одна—общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете Мои ожидашія и мое къ вамъ довѣріе, убѣжденъ, что вы Миѣ будете содѣйствовать, но не препятствовать“.

III.

Костромскому дворянству Государь Императоръ изволилъ сказать слѣдующія слова.
„Господа! Костромская губернія, по историческимъ воспоминаніямъ, близка Семѣи Моей, и Мы считаемъ ее родною; поэтому-то Миѣ особенно пріятно находиться среди васъ, послѣ простетія двадцати лѣтъ. Вчерашній пріемъ тронулъ Мся. Благодарю васъ за готовность, съ какою встрѣтили вы желаніе Мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ близкій сердцу Моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ, такъ сказать, жизненномъ вопросѣ оправдаете вполнѣ Мои ожиданія, примѣнимъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ удобствамъ и окончите его при помощи Божіей безъ обиды, какъ для себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненія вашихъ выводовъ, Я позволю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ, для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Еще благодарю васъ, господа, за оказанное вамъ усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за всѣ пожертвованія“.

IV.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ тамошнему дворянству Его Величество изволилъ сказать слѣдующее:

„Я радъ, господа, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество его призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ мивущую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступали добросовѣстно; ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ опять благодарю васъ за то, что вы же первые отозвались на Мой призывъ, въ важномъ дѣлѣ объ улучшеніи крестьянскаго быта. По этому самому Я хотѣлъ васъ отличить в принялъ депутатовъ вашихъ: генерала Шереметева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ в переда-
вать вамъ Мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполняли. Вы знаете цѣль Мою—общее благо; ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общею пользою. Но Я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль: устраните ихъ; Я надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ больше не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ. Я знаю, что вы трудились усердно, что уже многое вами сдѣлано; идите впередъ. Сегодня оканчивается срокъ вашихъ занятій; но зная, что трудъ вашъ еще не готовъ, Я согласенъ продлить этотъ срокъ до 1-го октября; но къ октябрю вы кончите, въ этомъ Я не сомнѣваюсь: не такъ ли, господа? Я полагаюсь на васъ, Я вѣрю вамъ, вы Мевя не обманете... Путь указавъ; не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ Моемъ рескриптѣ, отъ данной вамъ программы. Трудъ вашъ будетъ рассмотрѣнъ въ главномъ комитетѣ, но Я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ избранныхъ вами членовъ, которымъ вы поручите объяснить выводы свои, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ. Господа, дѣлайте такъ, чтобы было и вамъ хорошо, и другимъ не худо; думайте о себѣ, думайте и о другихъ. Я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы Миѣ еще разъ докажете любовь свою и преданность и то безкорыстное стремленіе свое къ общему благу, которымъ Нижегородцы всегда отличались!

„Считаю Себя счастливымъ, что послѣ 21 года послѣдняго Моего здѣсь пребыванія опять нахожусь нынѣ посреди васъ“.

V.

Московскимъ предводителямъ дворянства Государь Императоръ изволилъ сказать:

„Мнѣ, господа, всегда пріятно, когда Я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ Моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и къ сожалѣнію благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда Я два года тому назадъ въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что, равно вли поздно, надобно приступить къ измѣненію крѣпостнаго права, и что надобно, чтобъ оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того Я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній, даны Мною рескрипты, Я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется; но отозвалось нижегородское, а Московская губернія, не первая, не вторая, даже не третья. Это Мнѣ было прискорбно, потому что Я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь какъ родную. Я далъ вамъ начала, и отъ нихъ никакъ не отступлю (здѣсь Государь изволилъ повторить главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ). Я люблю дворянство, считаю его первую опору престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ, всегда готовъ стоять за васъ; во вы, для своей пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда дѣлать для васъ, что могу, дайте же Мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышу, что комитетъ много уже сдѣлалъ, Я читалъ извлеченіе изъ его занятій; многое мнѣ кажется хорошо; одно Я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебною осядлостью понимаю не одно строеніе, но и всю усадебную землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы Я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете Мою къ вамъ довѣренность“.

VI.

Депутатамъ смолевскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу и предводителямъ смолевскаго дворянства Государемъ Императоромъ сказаны слѣдующія слова:

„Мнѣ, пріятно, господа, находится среди васъ и лично благодарить дворянство смоленское за преданность престолу и отечеству, которую оно неоднократно доказывало, какъ прежде, такъ и въ 1812 г., и въ послѣднюю войну. Мнѣ пріятно благодарить васъ и за готовность, выраженную вами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мои предшественники вѣ особенности покойный родитель Мой всегда оказывали вниманіе смоленскому дворянству: вы имѣете документъ Его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней Его смерти; можно сказать, Онъ на смертномъ одрѣ думалъ о васъ *). Я также люблю васъ. Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери Моей образъ для благословенія Меня въ то время, когда Я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при Мнѣ и служить, такъ сказать, новою связью, которая еще крѣпче соединяетъ Меня съ вами **). Теперь вы собраны по

*) Говоря это, Государь Императоръ былъ растроганъ и на глазахъ его были слезы.

**) Поднесеніе сего образа сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: въ 1854 г., когда было получено Высочайшее повелѣніе, о подчиненіи войскъ, охранявшихъ Санктпетербургъ, главному начальствованію государя наслѣдника цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Франціею и Англіею, въ то время дамы смолевскаго общества воимѣли намѣреніе поднести, чрезъ смолевскаго преосвященнаго, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, списокъ Св. иконы Смоленской Божіей Матери Одигитріи, со всеподданнѣйшею просьбою, передать оный отъ Ея Величества въ благословеніе государю наслѣднику цесаревичу, какъ главному начальнику воинства, охраняющаго престольный градъ. Приношеніе это было милостиво принято, и въ рескриптахъ, данныхъ на пилъ преосвященнаго смоленскаго и дорогобужскаго, 20 и 21 іюля 1854 г., Ея Императорское Величество и его императорское высочество изволили изъявить женамъ гражданъ смоленскихъ свою признательность за сіе духовное приношеніе. Въ памятныхъ книжкахъ Смоленской губерніи на 1855 и 1856 годы подробно описано это событіе и напечатаны имена всѣхъ участницъ въ семъ дѣлѣ.

крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благосостоянія вашего, крестьянъ вашихъ в всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и, на указанныхъ въ Моемъ рескриптѣ началахъ, обдѣляйте это дѣло такъ, чтобы оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ. Этимъ вы доставите Мнѣ утѣшеніе. Я увѣренъ, вы не обманете Моихъ ожиданій и оправдаете Мою къ вамъ довѣренность.

О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадьбъ.

Мельчайшія юридическія подробности при обсужденіи учреждаемыхъ нынѣ отношеній между помѣщиками и поселянами чрезвычайно занимаютъ общее вниманіе. Каждая изъ нихъ возбуждаетъ по возможности точное и основательное изслѣдованіе. Гораздо больше произвола замѣчается у людей, пишущихъ о крестьянскомъ вопросѣ, когда рѣчь переходитъ къ опредѣленію численной величины того выкупа, который предполагается взимать съ поселянъ за права и имущества, вновь имъ предоставляемыя. Часто намъ случалось послѣ жаркаго спора о какихъ-нибудь второстепенныхъ условіяхъ, касающихся усадьбы или предѣловъ вотчинной власти, слышать или читать, какъ легко уступаетъ лишніе десятки рублей на выкупъ человекъ, упорно стоявшій за какой-нибудь малозначущій оттѣнокъ выраженія при формулированіи понятія усадьбы (если только можетъ быть названо что-нибудь маловажнымъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ). „Что касается выкупа, говорилъ одинъ изъ спорившихъ, то я полагаю, что въ нашихъ мѣстахъ выкупъ долженъ быть опредѣленъ въ 300 рублей“. — „По моему счету не слѣдовало бы полагать его больше, какъ въ 200 рублей“, говорилъ его противникъ; „но, пожалуйста, я соглаенъ принять и вашу цифру“. Третій собесѣдникъ, до той поры бывшій самымъ сгорячимъ адвокатомъ поселянъ, вовсе молчалъ, какъ будто бы не стоило и хлопотъ провѣрить цифры: быть можетъ, если бы онъ потрудился вывести счетъ на основаніи защищаемыхъ имъ понятій, то оказалась бы возможность отстоять цифру гораздо меньшую, нежели 200 рублей; но онъ молчалъ, потому что подобная работа требуетъ кропотливаго труда. Онъ не побоялся бы утомительныхъ вычисленій, если бы зналъ, какъ важенъ для платящаго каждый лишній рубль въ уплатѣ; но онъ не знаетъ, какъ значительно возрастаетъ обременительность уплаты отъ прибавки самой незначительной. Мы хотимъ обратить вниманіе людей, сочувствующихъ благу поселянъ, на громадную важность самаго небольшого увеличенія въ суммѣ уплачиваемаго капитала при разероченной уплатѣ.

Еще легче судить о величинѣ процентовъ, которые будутъ считаться за остающуюся къ уплатѣ сумму. Три, четыре, даже пять процентовъ—съ одной изъ этихъ цифръ защитникъ поселянъ обыкновенно слишкомъ легко переходитъ на другую высшую, лишь бы не замедлять спора изъ-за такихъ, по его мнѣнію, пустяковъ. Мы постараемся объяснить, какое громадное вліяніе на благосостояніе должника имѣетъ самое незначительное увеличеніе процента.

Если уплата производится немедленно, за одинъ разъ, тутъ не нужно никакихъ соображеній и расчетовъ, чтобы видѣть, тяжела или легка для должника

уплата. Если я имѣю наличныхъ и свободныхъ денегъ тысячу рублей, каждый видитъ, что для меня легко уплатить 200 или 300 рублей; точно также каждый видитъ, что заставить меня уплатить 800 или 900 рублей, значить отнять у меня всякое средство къ тѣмъ предпріятіямъ, которыми я хотѣлъ заняться, имѣя 1000 рублей. Если бы выкупъ за права, приобретаемые поселянами, поселяне могли уплатить одновременно, ихъ защитники не нуждались бы въ длинныхъ соображеніяхъ для опредѣленія той суммы, какую можно наложить на нихъ безъ существеннаго вреда ихъ благосостоянію.

Но всё предполагаютъ такую величину выкупа, которая не можетъ быть уплачена поселянами одновременно, — такъ что, по общему мнѣнію, выкупъ необходимо долженъ быть разсроченъ на нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ разсчеты не оканчиваются въ одинъ разъ и поселяне остаются на нѣкоторое время должниками.

При разсроченной уплатѣ надобно обратить вниманіе на три обстоятельства: цифру всей суммы, которая подлежитъ уплатѣ, величину процента и величину ежегоднаго взноса для уплаты процентовъ съ погашеніемъ капитала. Каждый знаетъ, что чѣмъ болѣе капиталъ, тѣмъ дольше будетъ тянуться уплата при одинаковомъ процентѣ и ежегодномъ взносѣ; чѣмъ больше процентъ, тѣмъ продолжительнѣе уплата при одинаковой величинѣ капитала и взноса; наконецъ, чѣмъ больше ежегодный взносъ, тѣмъ скорѣе оканчивается уплата при одинаковой величинѣ капитала и процента. Въ общихъ выраженіяхъ это извѣстно каждому, но не многіе имѣютъ точное понятіе о томъ, въ какой пропорціи затягивается срокъ полной уплаты при извѣстномъ, повидимому, даже незначительномъ возвышеніи капитала и процента. Мы покажемъ эту пропорцію небольшими, но очень знаменательными таблицами.

Сначала разсмотримъ вліяніе возрастанія цифры капитала при одинаковомъ процентѣ и ежегодномъ взносѣ.

Предположимъ, что должникъ ежегодно вноситъ на уплату займа по 100 р.; предположимъ, что капиталъ, постепенно погашаемый этою уплатою, занять по 3⁰/₀; спрашивается, въ какой пропорціи будетъ возрастать или уменьшаться число лѣтъ, нужныхъ для погашенія капитала, — въ той ли самой пропорціи, какъ возрастаетъ или уменьшается капиталъ, или быстрѣе, или медленнѣе?

Капиталъ . . .	1000 р.	1500 р.	2000 р.	2500 р.	3000 р.	3300 р.
Сколько лѣтъ нужно производить уплату для погашенія его	12,06	20,22	30,99	46,88	77,89	115,77
Всего на эти уплаты будетъ употреблено	1206 р.	2022 р.	3099 р.	4689 р.	7789 р.	15,577 р.

Во второй строкѣ цѣлое число показываетъ, сколько лѣтъ должна производиться уплата по 100 рублей для погашенія капитала съ причитающимися на него процентами. Десятичная дробь показываетъ, какая часть уплаты должна быть употреблена по окончаніи этихъ лѣтъ для совершеннаго погашенія небольшой части капитала, остающейся невыплаченною послѣ прежнихъ цѣльныхъ уплатъ. Такимъ образомъ для погашенія капитала въ 1500 рублей надобно платить по 100 рублей въ теченіи 20 лѣтъ, а на двадцать первый годъ заплатить еще 22 рубля.

Третья строка показывает, какая сумма будет истрачена на погашение капитала в сложности во все продолжение выкупа. Так как величина уплаты принята у нас в 100 руб., то третья строка очень легко составляется из второй чрез помножение на 100.

Теперь, сравнивая вторую и третью строки с первой, мы легко замѣтимъ, что цифры второй и третьей строкъ возрастаютъ или уменьшаются въ гораздо быстрѣйшей пропорціи, нежели цифры первой. Возьмемъ за основаніе сравненія капиталъ в 2000 руб. Если мы уменьшимъ его только на 500 руб., т. е. на одну четвертую часть, то число лѣтъ, нужныхъ для его уплаты, уменьшится съ 30,99 на 20,22, т. е. слишкомъ на третью часть (почти на 35 сотыхъ частей); точно такимъ же образомъ уменьшится и сумма денегъ, которая будетъ уплачена для его погашенія. Иначе сказать, во второй и въ третьей строкахъ облегченіе будетъ въ полтора раза больше, нежели уменьшеніе въ первой строкѣ. Если же капиталъ в 2000 руб. мы увеличимъ на одну четвертую часть, именно до 2500 руб., то увидимъ, что число лѣтъ, нужныхъ для его уплаты, возрастетъ съ 30,99 до 46,89, т. е. слишкомъ на половину (именно, слишкомъ на 51 сотыхъ частей); точно такимъ же образомъ возрастетъ и сумма денегъ, которая пойдетъ на его погашеніе. Иначе сказать, во второй и третьей строкахъ обремененіе будетъ въ два раза больше, нежели увеличеніе въ первой строкѣ.

Сравнивая во второй и третьей строкахъ каждый послѣдующій членъ съ предыдущимъ, мы замѣчаемъ, что чѣмъ далѣе идутъ члены къ концу строки, тѣмъ съ большею несоразмѣрностью возрастаетъ это обремененіе; такъ, прибавивъ 500 руб. къ тысячѣ, мы увеличимъ капиталъ на половину; сумма уплатъ возрастетъ съ 1206 руб. на 2022 руб., т. е. возвысится болѣе чѣмъ на двѣ трети (именно, слишкомъ на 67 сотыхъ частей). Приложивъ къ 1500 руб. еще 500 руб., мы увеличимъ капиталъ только на третью часть; а между тѣмъ выплачиваемая сумма съ 2022 руб. возрастетъ до 3,099 руб., т. е. слишкомъ на половину (именно, почти на 53 сотыхъ). Приложимъ еще 500 руб., — капиталъ увеличится на четвертую долю, а выплачиваемая сумма возрастетъ опять слишкомъ на половину (3099 руб. до 4689 руб.). именно, слишкомъ на 51 сотыхъ частей; къ 2500 руб. приложимъ еще 500 руб., мы увеличимъ капиталъ только на пятую часть, а выплачиваемая сумма возрастетъ съ 4689 руб. до 7789 руб., т. е. увеличится почти на двѣ трети (именно, слишкомъ на 62 сотыхъ частей). Наконецъ, если мы къ 3000 руб. приложимъ еще 300 руб., капиталъ увеличится только на десятую часть, а уплачиваемая сумма возрастетъ вдвое, именно съ 7789 руб. на 15,577 рублей.

Быстро возрастаетъ непропорціональное обремененіе должника съ каждымъ самымъ незначительнымъ увеличеніемъ капитала, котораго требуетъ съ него заимодавецъ. Каждый новый рубль, прибавляемый къ капиталу, составляетъ для кредитора все менѣе и менѣе чувствительную прибавку, сравнительно съ прежнимъ рублемъ, а для плательщика все болѣе и болѣе тяжелое обремененіе.

То же самое очевидно раскрывается другимъ способомъ сравненія разныхъ членовъ.

При 1000 рубляхъ капитала, изъ 1206 рублей, выплаченныхъ должникомъ, 1000 рублей пошли на уплату капитала и только 206 рублей на проценты, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ $20\frac{1}{2}$ копѣекъ процентовъ. При

1500 рублѣхъ капитала должникъ выплатилъ 2022 рубля, — изъ нихъ на проценты пошло 522 рубля, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ 35 копѣекъ процентовъ. При 2000 капитала должникъ заплатилъ 3099 р., изъ нихъ на проценты пошло 1099 рублей, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ по 55 коп. При 2500 капитала должникъ заплатилъ 4689 рублей, изъ нихъ, за вычетомъ капитала, остается 2180 рублей, которые идутъ на проценты, и оказывается, что на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ уже $87\frac{1}{2}$ коп. процентовъ. При 3000 капитала должникъ заплатилъ 7789 рублей, изъ нихъ 4789 рублей пошло на проценты, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ 1 рубль $59\frac{1}{2}$ коп. процентовъ. Наконецъ, при 3300 рублѣхъ капитала, должникъ заплатилъ 15,577 рублей, изъ нихъ, за вычетомъ капитала, на проценты пошло 12,277 рублей, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ 3 рубля 72 копѣйки процентовъ.

Для довершенія этой страшной прогрессіи можно сказать еще, что при 3333 рублѣхъ $33\frac{1}{3}$ коп., вся сумма уплаты (100 рублей) будетъ идти на проценты, и ни одной копѣйки не останется на уплату капитала, такъ что, хотя бы должникъ платилъ кредитору десять тысячъ лѣтъ по 100 рублей, то все-таки, переплативъ ему въ эти десять тысячъ лѣтъ цѣлый миллионъ рублей, онъ остался бы долженъ ему все тѣ же 3333 рубля $33\frac{1}{3}$ коп. и ни одной трети копѣйки не причлось бы изъ этого миллиона въ уплату первоначальныхъ 3333 р. $33\frac{1}{3}$ коп.

Мы рассмотрѣли, какъ обременительны для плательщика послѣдствія отъ ничтожныхъ для получателя приращеній въ капиталъ; теперь посмотримъ на послѣдствія отъ возвышенія процентовъ.

Прежде мы принимали опредѣленную величину процента и ежегодной уплаты и брали различныя величины капитала; теперь примемъ опредѣленную величину капитала и ежегодной уплаты и будемъ брать различныя величины процента.

Пусть будетъ капиталъ 1000 р.; пусть будетъ уплата 50 рублей. Посмотримъ, во сколько лѣтъ будетъ уплаченъ капиталъ и сколько въ это время переплатитъ должникъ кредитору при разной величинѣ процента.

Величина процента	4%	4.1%	4.2%	4.3%	4.4%	4.5%	4.6%	4.7%	4.8%	4.9%
Число лѣтъ платежа	41.04	42.69	44.54	46.71	49.24	52.30	56.16	61.24	68.66	82.76
Всего должникъ платитъ	2052	2139	2227	2335	2462	2615	2808	3062	3433	4138

При 4% капиталъ въ 1000 руб. даетъ процентовъ 40 руб.; положимъ, что кредиторъ захотѣлъ бы получать только однимъ рублемъ больше, — должнику пришлось бы заплатить, вмѣсто 2052 руб., 2139 руб., т. е. одинъ лишній рубль для кредитора потянулъ бы съ должника лишнихъ 87 рублей. Прибавимъ еще только одинъ рубль кредитору и должникъ обременится еще на 88 рублей. Но если вмѣсто 42 руб. съ тысячи (4,2%) кредиторъ потребуетъ 43 руб. (4,3%), должникъ обременится еще лишними 108 рублями. Прибавимъ кредитору еще одинъ рубль, — и съ должника сойдетъ лишнихъ 127 руб.; еще одинъ рубль кредитору (4,5%), и должникъ поплатится за то 153 рублями; еще одинъ рубль кредитору, — и съ должника потребуется на этотъ рубль уже 193 руб. лишнихъ. Но если вмѣсто 4,6% кредиторъ захочетъ брать 4,7%, т. е. вмѣсто 46 руб. съ тысячи получать 47 руб., должникъ заплатитъ вмѣсто 2808 руб. уже 3062 р. т. е. 1 рубль прибыли кредитору влечетъ 254 рубля убытка должнику. Чѣмъ дальше, тѣмъ быстрее растетъ обремененіе для должника отъ cadaго новаго

рубля, требуемаго кредиторомъ: если вмѣсто 47 руб. съ тысячи кредиторъ захочетъ получать 48 руб. должникъ заплатитъ вмѣсто 3062 руб.—3433 руб., т. е. для одного рубля выгоды кредитору будетъ обремененъ уплатою лишнихъ 371 руб.; а если, наконецъ, прибавится еще 1 рубль кредитору, изъ кармана должника на этотъ 1 рубль уйдеть лишнихъ 705 руб.

Возвышеніе процентовъ также сильно отражается несоразмѣрнымъ увеличеніемъ выплачиваемой суммы, какъ и увеличеніе капитала. Повидимому, совершенно ничтоженъ лишній рубль процентовъ на 1000 рублей капитала, повидимому совершенно незначительна эта разница на одну десятую часть процента. Дѣйствительно, для кредитора она совершенно незамѣтна: 40 руб. или 41 руб. — увеличеніе дохода тутъ совершенно ничтожно; но при каждомъ такомъ ничтожномъ увеличеніи доходовъ кредитора съ должника летятъ огромныя суммы: за каждый лишній рубль кредитору, онъ расплачивается сотнями рублей и, чѣмъ больше прибавляется этихъ ничтожныхъ рублей кредитору, тѣмъ страшнѣе растутъ новыя сотни рублей обремененія для должника.

Если такъ быстро возрастаетъ продолжительность лѣтъ нужныхъ для погашенія, и съ нею вмѣстѣ величина суммы, уплачиваемой должникомъ, какъ при увеличеніи капитала, такъ и при увеличеніи процента въ отдѣльности, то можно предвидѣть, что, когда оба эти фактора будутъ увеличиваться вмѣстѣ, обременительность уплаты для должника будетъ возрастать еще въ быстрѣйшей прогрессіи. Нагляднымъ образомъ читатель увидитъ это изъ слѣдующей таблицы.

Предположимъ, что величина ежегоднаго взноса будетъ 125 рублей; предположимъ, что при этой неизмѣнной величинѣ уплаты капиталъ, начиная съ 1000 руб., будетъ увеличиваться постепенными прибавками 200 руб. до 2000 р.; предположимъ, что и проценты съ каждою новою прибавкою къ капиталу будутъ возрастать съ 3 до 6. Мы будемъ тогда имѣть слѣдующую таблицу:

Капиталъ.	Проценты	Число лѣтъ нужныхъ для погашенія.	Сумма выпла- чиваемая въ эти годы.	Изъ нея, за выче- томъ капитала, идетъ на уплату процент.
1000	3 ⁰ / ₁₀₀	9,29	1151 р. 25 к.	151 р. 25 к.
1200	3 ¹ / ₁₀₀	11,90	1487 " 50 "	287 " 50 "
1400	4 ⁰ / ₁₀₀	18,05	2250 " 62 "	850 " 62 "
1600	4 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀	28,95	3618 " 75 "	2018 " 75 "
1800	5 ⁰ / ₁₀₀	41,64	5205 " — "	3405 " — "
2000	6 ⁰ / ₁₀₀	74,18	9272 " 50 "	7272 " 50 "

Сравнивая между собою разныя строки этой таблицы и пятую колонну ея съ первую, мы видимъ, что сумма, идущая на проценты, возрастаетъ въ страшной несоразмѣрности съ величиною погашаемаго капитала, иначе сказать, выгоды, требуемыя кредиторомъ, несоразмѣрно-малы съ обремененіемъ должника отъ каждой незначительной прибавки въ требуемомъ капиталѣ, и наоборотъ: уступки, незначительныя для кредитора, имѣютъ слѣдствіемъ чрезвычайно большое облегченіе для должника. Основаніемъ сравненія мы возьмемъ четвертую строку таблицы. именно капиталъ въ 1600 рублей и требованіе 4¹/₂⁰/₁₀₀. Если кредиторъ захочетъ увеличить свое требованіе на 200 рублей и поднять процентъ только на ¹/₂, изъ этого возникаетъ для должника обремененіе на 1586 руб., т. е. почти на половину прежней тяжести, и на проценты пойдетъ изъ уплачиваемыхъ имъ денегъ 1386 руб. лишнихъ сравнительно съ прежнимъ; если кредиторъ подниметъ

свои требованія еще на 200 руб. и еще на 1%, изъ этого возникнетъ для должника новая тяжесть въ 4067 руб., и на уплату процентовъ пойдетъ 3867 руб. лишнихъ противъ прежняго. Наоборотъ, если кредиторъ уступить изъ 1600 руб. только 200 руб. и только $\frac{1}{2}\%$, онъ облегчитъ этимъ должника на 1368 руб.; если онъ уступить еще 200 руб. и еще 1%, онъ вновь облегчитъ этимъ должника на 767 рублей.

Особенно важны цифры пятой колонны; онѣ страшно растутъ съ каждымъ незначительнымъ увеличеніемъ требовательности кредитора. Если кредиторъ довольствуется требованіемъ 200 рублей и $3\frac{1}{2}\%$, должникъ уплатитъ только 287 руб. 50 коп. лишнихъ противъ требуемаго капитала, т. е. уплатитъ лишнихъ денегъ менѣе, нежели $\frac{1}{4}$ часть. Но когда кредиторъ возвыситъ свои требованія на 200 руб. и на $\frac{1}{2}\%$, должникъ заплатитъ уже втрое большую сумму лишнихъ денегъ и эта сумма (850 руб. 62 коп.) будетъ составлять уже почти $\frac{2}{3}$ противъ требуемаго капитала. Пусть повысится требованіе еще на 200 р. и $\frac{1}{2}\%$ (1600 руб. и $4\frac{1}{2}\%$), — съ должника сойдетъ лишнихъ денегъ еще почти въ два съ половиною раза больше и на каждый рубль требуемаго капитала должнику придется заплатить не менѣе, какъ 1 руб. 26 коп. процентовъ. Пусть требованіе возрастетъ еще на одну такую же степень, и обремененіе должника увеличится еще гораздо въ большей пропорціи: на каждый рубль капитала должникъ заплатитъ почти 1 руб. 90 коп. процентовъ. Наконецъ, если кредиторъ потребуетъ 2000 руб. и 6%, должникъ принужденъ будетъ отдать сверхъ капитала 7272 рубля 50 коп., т. е. на каждый рубль капитала заплатить 3 руб. 63 коп. процентовъ.

Итакъ, мы видимъ возможность двухъ отношеній кредитора къ должнику, отношеній, послѣдствія которыхъ съ необыкновенною силою отражаются на благосостояніи должника:—при требовательности кредитора должникъ изнемогаетъ подъ тяжестью лишнихъ уплатъ, далеко превышающихъ величину требуемаго съ должника капитала; при уступчивости кредитора эти лианія тяжести громадными цифрами сбрасываются съ должника и выплачиваемая сумма приближается именно къ той цифрѣ капитала, какую долженъ получить кредиторъ по дѣйствительной цѣнности проданной вещи.

Отъ этихъ общихъ соображеній переходя къ вопросу о выкупѣ имущества, предоставляемыхъ крестьянамъ, мы встрѣчаемся съ двумя особенными обстоятельствами, которыя, по нашему мнѣнію должны были бы рѣшительнымъ образомъ направить сословіе, получающее выкупъ, къ наибольшей возможной умѣренности въ требованіяхъ.

Ростовщикъ или рентьеръ располагаетъ жить процентами, получаемыми отъ должника, самъ отказываясь отъ фактическаго участія въ промышленныхъ предприятияхъ; потому интересъ его состоятъ вовсе не въ скорѣйшемъ полученіи капитала, проценты съ котораго уплачиваются должникомъ, а только въ возможномъ увеличеніи получаемыхъ процентовъ. Средствами для этого служатъ оба гѣ источника. вліяніе которыхъ разсмотрѣли мы выше. Ростовщикъ, по возможности, старается увеличить цифру долга, ни мало не стѣсняясь соображеніемъ, что чрезъ это затрудняется уплата капитала.

Когда моему векселю кончился срокъ и я затрудняюсь уплатою, ростовщикъ съ удовольствіемъ возобновляетъ вексель, приписывая къ каждой тысячѣ рублей

новья сотня и тысяча. Если я не могъ уплатить въ срокъ двухъ тысячъ рублей, еще меньше вѣроятности, чтобы черезъ годъ, черезъ два уплатилъ три тысячи: но какое дѣло ростовщику? вмѣсто 200 рублей онъ сталъ получать по 300 руб. процентовъ, этимъ его цѣль совершенно достигнута.

Совершенно иначе поступаетъ купецъ или фабрикантъ, который самъ непосредственно употребляетъ въ дѣло капиталъ. Онъ соглашается на всякія уступки и въ процентахъ, и даже въ суммѣ капитала, лишь бы скорѣе получить его въ свои руки. Если ему предлагаютъ два условія: или получать по 5% съ суммы въ 10,000 руб., но ждать уплаты этого капитала десять лѣтъ, или вмѣсто того получить только 6,000 руб., но за-то черезъ два года, а въ эти два года брать съ этихъ 6,000 только по 3%, — если предложить разсчетливому промышленнику выборъ между двумя такими условіями, онъ безъ всякаго сомнѣнія предпочтетъ брать только по 3% и получить только 6,000 руб., лишь бы срокъ уплаты сократился отъ такой уступки.

По тому употребленію, какое помѣщики должны сдѣлать изъ вознагражденія, они подходятъ подъ разрядъ людей, занимающихся промышленностью, а вовсе не подъ разрядъ ростовщиковъ. Ихъ выгода не въ томъ, чтобы празднымъ образомъ издерживать проценты, уплачиваемые за выкупъ, а въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе получить самый капиталъ выкупа и употребить его отчасти на покупку новыхъ недвижимыхъ имѣній, а преимущественно на улучшеніе хозяйства въ своихъ прежнихъ земляхъ. По очевидной необходимости, всѣ дѣльные проекты измѣненій въ сельскихъ отношеніяхъ, при изложеніи способовъ вознагражденія, принимаютъ не постепенную выдачу каждому помѣщику должное ему вознагражденіе малыми ежегодными частями, а одновременную уплату всего должнаго ему капитала вдругъ, съ платежемъ процентовъ за годы ожиданія этой полной уплаты. Лучшимъ для выгоды самихъ помѣщиковъ и, сколько намъ кажется, единственнымъ практичнымъ путемъ къ тому представляется тиражъ облигацій по известной очереди, въ родѣ того, какъ выплачиваются облигаціи срочныхъ государственныхъ долговъ. Въ краткихъ словахъ планъ этотъ излагается слѣдующимъ образомъ.

Предположимъ, что должно постепенно выплатить капиталъ въ пятьсотъ милліоновъ рублей серебромъ, приносящій кредиторамъ 3%. Предположимъ, что изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ кредиторовъ, которымъ слѣдуетъ эта уплата, каждый имѣетъ одну облигацію на всю сумму, какая слѣдуетъ ему къ уплатѣ; величина этихъ облигацій чрезвычайно различна: нѣкоторымъ кредиторамъ слѣдуетъ получить всего какихъ-нибудь 500 руб., за то другимъ слѣдуетъ получить по сту тысячъ, по пятисотъ тысячъ рублей и даже болѣе. Предположимъ, что съ должниковъ ежегодно получается сумма въ 30,000,000 рублей. Выкупъ облигацій производится по слѣдующему разсчету. Въ первый годъ изъ 30,000,000, уплаченныхъ должниками, 15,000,000 идутъ на уплату процентовъ всѣмъ вообще кредиторамъ. Затѣмъ остается на погашеніе капитала еще 15,000,000 рублей. По жребію вынимается облигацій на эти 15,000,000 и владельцы вынутыхъ облигацій немедленно получаютъ весь капиталъ, который имѣли въ долгу. Ко второму году остается неуплаченного долга 485,000,000. Изъ новыхъ 30,000,000 ежегоднаго взноса должниковъ обращается на уплату процентовъ по этому долгу 14,550,000 руб., остальные 15,450,000 идутъ на выкупъ обли-

гацій. Затѣмъ къ третьему году остается 469,550,000. На нихъ уплачивается процентовъ 14,086,000, а на выкупъ облигацій остается уже 15,913,500 руб. Такимъ образомъ съ каждымъ годомъ все большая и большая часть ежегоднаго взноса остается свободною за уплатою процентовъ и обращается на выкупъ облигацій. При цифрахъ, нами взятыхъ, весь выкупъ оканчивается почти въ 23 года. Къ 24 году остается невыкупленныхъ облигацій съ небольшимъ всего только 10,000,000, и должники въ этотъ годъ внесутъ уже не 30,000,000, какъ прежде, а всего только около 11,000,000 на выкупъ этихъ облигацій съ уплатою на нихъ процентовъ.

Ясное дѣло, что при такомъ порядкѣ уплаты кредиторы не менѣе должниковъ заинтересованы въ возможномъ сокращеніи выкупнаго періода.

Къ этому обстоятельству присоединяется новое, принимаемое всѣми лучшими планами выкупной операціи. Мы замѣтили, что облигаціи чрезвычайно различны по величинѣ. Мелкопомѣстные владѣльцы должны получить тысячи или даже только сотни рублей выкупа; эти лица, не имѣющіи ни большого кредита, ни наличныхъ капиталовъ, всего болѣе нуждаются въ быстрѣйшемъ полученіи долгаго имъ капитала. Потому вообще принимается, что облигаціи будутъ подлежать жеребьевому выниманію не всѣ одновременно, а съ распредѣленіемъ на серіи, такъ что сначала будутъ выниматься облигаціи мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, потомъ владѣльцевъ помѣстій средней величины и наконецъ облигаціи большихъ землевладѣльцевъ. Мы не будемъ здѣсь доказывать справедливости такого порядка, — она ясна для безпристрастныхъ людей. Но при этой очереди серій, именно, самые вліятельные въ обществѣ люди, самые сильные по своему богатству и положенію въ государствѣ имѣютъ наибольшій интересъ въ возможномъ сокращеніи срока выкупной операціи, потому что выкупъ именно ихъ облигацій отлагается до послѣднихъ годовъ выкупной операціи.

Сильнѣйшимъ средствомъ къ достиженію такого результата представляется возможно-большая умѣренность въ требованіяхъ кредиторовъ какъ относительно величины капитала, такъ и относительно процентонъ, слѣдующихъ на него до выкупа облигаціи.

Чтобы осязательнѣе показать всю важность этой умѣренности для выгоды самихъ владѣльцевъ, и особенно значительнѣйшихъ владѣльцевъ, мы представимъ приблизительные расчеты продолжительности выкупной операціи для разныхъ классовъ землевладѣльцевъ при различной величинѣ выкупнаго капитала и требуемыхъ на него процентовъ. При этихъ расчетахъ мы будемъ принимать одинъ источникъ дохода для выкупной операціи, именно, взиманіе уплаты исключительно отъ освобождаемыхъ поселянъ. Намъ кажется, что высшій размѣръ платежа на продолжительное число лѣтъ не можетъ быть полагаемъ болѣе какъ на 4 руб. сер. съ души, т. е. отъ 10 до 12 руб. съ средняго тягла. Принять высшій размѣръ было бы обременительно для поселянъ, обязанныхъ сверхъ того уплачивать государственныя подати; результатомъ опредѣленія слишкомъ высокой уплаты были бы только недоимки. Чтобы избѣжать слишкомъ громадныхъ цифръ, мы произведемъ расчетъ на сто тысячъ душъ, съ приблизительнымъ соблюденіемъ той самой пропорціи между разными категориями болѣе или менѣе значительныхъ владѣльцевъ, какая оказалась по 9-ой ревизіи. Но для округленія счета и для приближенія его къ пропорціямъ, существующимъ въ дѣйствительности, мы нѣсколько умень-

шаемъ процентное количество душъ, принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, и нѣсколько увеличиваемъ его въ высшей категоріи владѣльцевъ. Необходимость такой перемѣны ясна сама собою. Изъ владѣльцевъ, имѣющихъ по 70 или 80 душъ въ извѣстной губерніи, найдутся многіе, владѣющіе помѣстьями сверхъ того въ другихъ губерніяхъ, и по общей цифрѣ принадлежащихъ имъ душъ въ разныхъ губерніяхъ переходящіе изъ категорій, къ которой отнесены по одной губерніи, въ высшую категорію.

Сообразно этому основанію мы принимаемъ слѣдующую пропорцію: изъ ста тысячъ душъ принадлежатъ:

13,000 душъ владѣльцамъ, имѣющимъ каждый отъ 1 до 20 душъ (категорія А).

15,000 душъ—помѣщикамъ, имѣющимъ каждый отъ 21 до 100 душъ (категорія В).

35,000 душъ—помѣщикамъ, имѣющимъ каждый отъ 101 до 500 душъ (категорія В).

15,000 душъ—владѣльцамъ, имѣющимъ каждый отъ 501 до 1000 душъ (категорія Г).

32,000 душъ—владѣльцамъ, имѣющимъ каждый болѣе 1,000 душъ (категорія Д*).

Предположимъ различныя величины выкупа за усадьбу и разныя величины процентовъ, возрастающихъ пропорціонально увеличенію выкупа.

I выкупъ. 20 р. сер. съ души (50—60 р. съ тягла) и $2\frac{1}{2}\%$ **).

II выкупъ. 40 р. сер. съ души (100—120 р. съ тягла) и 3% .

III выкупъ. 60 р. сер. съ души (150—180 р. съ тягла) и 4% .

IV выкупъ. 75 р. сер. съ души (187 руб. 50 коп. — 225 руб. съ тягла) и 5% .

Продолжительность выкупной операціи и время ожиданія уплаты по облигаціямъ для разныхъ категорій владѣльцевъ при каждой изъ этихъ разныхъ величинъ будетъ слѣдующее:

I.

При выкупѣ въ 20 руб. сер. и $2\frac{1}{2}\%$, вся выкупная операція будетъ кончена въ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Всѣ владѣльцы, имѣющіе отъ 100—500 душъ, получаютъ выкупъ въ теченіе втораго и третьяго годовъ отъ начала операцій. Въ третій годъ будетъ выкуплено также нѣсколько облигацій помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 500—1000 душъ; всѣ остальные владѣльцы этой категоріи получаютъ выкупъ въ четвертый годъ. Также въ четвертый годъ получаютъ выкупъ многіе изъ самыхъ большихъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1000 душъ; остальные владѣльцы этой послѣдней категоріи получаютъ выкупъ въ пятый годъ и въ началѣ шестаго года.

*) Точная пропорція такова: А. 3,420 душъ, Б. 15,270 душъ, В. 35,990 душъ. Г. 14,490 душъ и Д. 30,280 душъ.

**) Ниже мы постараемся доказать возможность такого, или даже еще меньшего процента при кратковременномъ продолженіи выкупной операціи.

II.

При величинѣ выкупа 40 руб. сер. и съ души и при 3⁰%, выкупная операція будетъ продолжаться слишкомъ 12 лѣтъ. Немедленно получать выкупъ мелкопомѣстные владѣльцы (1—20 душъ), а изъ владѣльцевъ второй категоріи только четвертая часть; остальные владѣльцамъ, имѣющимъ 20—100 душъ, придется ждать выкупа два и три года. Соразмѣрно тому увеличится срокъ ожиданія для слѣдующихъ категорій и самые счастливые изъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1000 душъ, должны будутъ ждать выкупа цѣлыхъ 8 лѣтъ, а менѣе счастливые будутъ ждать 11 и даже 12 лѣтъ.

III.

При выкупѣ въ 60 руб. сер. и 4⁰%, продолжительность выкупной операціи увеличится до 23 лѣтъ слишкомъ. Даже мелкопомѣстные владѣльцы не всѣ получатъ выкупъ немедленно: нѣкоторымъ изъ нихъ придется ждать втораго года. Что же касается до владѣльцевъ слѣдующей категоріи (20—100 душъ), выкупъ ихъ облигацій, начавшись со втораго года, протянется еще на 5 лѣтъ слишкомъ, такъ что послѣдніе изъ нихъ получаютъ выкупъ не ранѣе седьмаго года. Что же касается до самыхъ значительныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1,000 душъ, самымъ счастливымъ изъ нихъ придется ждать выкупа не менѣе восемнадцати лѣтъ, а другіе будутъ ждать лѣтъ двадцать и болѣе; самые послѣдніе получаютъ выкупъ не ранѣе, какъ въ началѣ двадцати четвертаго года.

Тутъ уже чувствуется недостаточность источника, который совершенно удовлетворителенъ при первой величинѣ цифръ и все еще достаточенъ при второй величинѣ. Чувствуется уже нѣкоторая потребность искать въ помощь этому источнику какихъ-нибудь другихъ. Но совершенно неизбѣжна становилась бы эта необходимость при послѣднихъ изъ взятыхъ нами величинъ, какъ покажетъ слѣдующій расчетъ.

IV.

При выкупѣ въ 75 руб. сер. и при 5⁰%, продолжительность выкупной операціи растягивается почти на 57 лѣтъ, т. е. на цѣлыхъ два поколѣнія: даже изъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ только одна девятая часть получить выкупъ немедленно, другимъ придется ждать его по нѣскольку лѣтъ, многимъ по 7 и по 8 лѣтъ, нѣкоторымъ даже по 9 лѣтъ. Раньше девятаго года не достанется получить выкупа ни одному изъ владѣльцевъ второй категоріи (20—100 душъ). Вообще выкупъ облигацій этой категоріи будетъ тянуться цѣлые десятки лѣтъ. Конечно еще дольше придется ждать лицамъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ; чтобы дать нѣкое о медленности, съ которой будутъ удовлетворяться ихъ права, скажемъ, что самые счастливые изъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1000 душъ, не получатъ выкупа ранѣе 51 года отъ начала выкупной операціи, а другимъ придется ждать и 55 и 56, и 57 лѣтъ.

Тутъ, очевидно, уже совершенно недостаточенъ источникъ выкупа, принятый нами. Ждать платежа 40, 50, 55 лѣтъ невозможно. Какіе же могутъ быть источники для усиленія суммы, платимой самими выкупающимися? Очевидно, что госу-

дирство было-бы принуждено приступить къ учрежденію какого-нибудь новаго налога. Но промышленность и торговля ужъ несутъ налоги, величина которыхъ не можетъ быть возвышена безъ обремененія этихъ отраслей дѣятельности. Акцизы на предметы потребленія, каковы вино, соль, табакъ, также уже установлены. Наконецъ, простолюдины несутъ очень значительную подушную подать. Такимъ образомъ, предметомъ новаго налога могли-бы сдѣлаться только земли, до сихъ-поръ бывшія свободными отъ налога, или платившія налогъ непропорціонально малый. Это простое соображеніе показываетъ, что если-бы требовательность кредиторовъ заставила перенести часть тяжести выкупа, непропорціональнаго силамъ выкупающихъ, на другіе органы государственнаго тѣла, то ближайшимъ образомъ весь этотъ избытокъ тяжести легъ бы на имущества, которые останутся во владѣніи самихъ же кредиторовъ.

Здравый расчетъ указываетъ, что умѣренность требованій должна считаться единственнымъ средствомъ для самихъ кредиторовъ не подвергнуться усиленнымъ платежамъ съ своихъ имуществъ для удовлетворенія своихъ требованій. Чрезмѣрно возвышая свои требованія, они сами себя принуждали бы платить лѣвою рукою тотъ излишекъ, который захотѣли получить правою рукою.

Но если неумѣренность требованій кредиторовъ становилась бы въ убытокъ имъ самимъ, то съ другой стороны умѣренность въ претензіяхъ кредитора доставляетъ должнику возможность расплачиваться еще быстрѣе, нежели мы принимали выше. Извѣстно, что организмъ человѣка въ теченіе короткаго времени можетъ выносить такія усилія или лишенія, которыя разстроили бы его, если-бы растянулись на долгое время. Тоже самое и съ хозяйственнымъ организмомъ какого-нибудь сословія. Если мы приняли, что на продолжительный срокъ нельзя обложить выкупающихся платежей свыше 4 руб. въ годъ, то, безъ сомнѣнія, должники нашли бы возможность произвести уплату нѣсколько большую, если-бы повторять ее потребовалось отъ нихъ небольшое число разъ, наприимѣръ, всего только два или три раза. Съ другой стороны, чѣмъ меньше срокъ, остающійся до уплаты кредитнаго знака, тѣмъ менѣе становится величина процента, нужная для поддержанія номинальной цѣнности этого знака. Если при продолжительности выкупной операціи выкупныя облигаціи нуждались бы въ сравненіи по приносимому ими проценту съ билетами государственныхъ кредитныхъ учрежденій (3⁰/о), то при близости выкупнаго срока, онѣ не могли бы понизиться въ цѣнѣ и съ меньшимъ процентомъ: кому была бы охота продать по 95 коп. за рубль такую облигацію, которая подлежитъ черезъ два, три мѣсяца тиражу, дающему очень значительную вѣроятность выкупной очереди съ выдачею за нее полной цѣны, и которая при самыхъ неблагоприятныхъ для нея шансахъ тиража будетъ ждать своей очереди очень недолгое время? Сверхъ того, при умѣренности капитала, представляемаго суммою облигацій, онѣ меньше будутъ переполнять рынокъ и слѣдовательно уменьшится ихъ склонность къ пониженію. Прибавимъ еще одно обстоятельство, которому принадлежало бы рѣшительное вліяніе на величину процента по облигаціямъ короткихъ сроковъ. Вклады суммъ, принадлежащихъ казеннымъ учрежденіямъ, даютъ по новому правилу кредитныхъ учрежденій только 1¹/₂⁰/о. При непродолжительномъ срокѣ выкупа, для такихъ суммъ былъ бы выгоднымъ оборотомъ разнѣнъ банковыхъ билетовъ на эти облигаціи, когда бы онѣ приносили даже только 2⁰/о или 1³/₄⁰/о. Такой разнѣнъ, безъ всякаго сомнѣнія, поддержалъ бы ихъ обращеніе по номиналь-

ной цѣнности. Кромѣ всѣхъ этихъ соображеній, существуетъ много другихъ основаній для достаточности тѣмъ меныаго процента, чѣмъ кротновременнѣе срокъ всего продолженія выкупной операціи. А если конецъ операціи близокъ, то кредитныя учрежденія могутъ довольно сильно содѣйствовать еще большему его сокращенію ссудами на незначительный срокъ, которыя легки и тогда, когда невозможно ссуда на долгій срокъ.

Такимъ образомъ есть легкая возможность сократить въ значительной степени и тотъ недолгій срокъ уплаты по облигаціямъ при умѣренныхъ требованіяхъ, какой представлялся намъ выше. Мы попробуемъ приблизительно показать это на выкупъ въ 20 руб. сер. Безъ всякихъ пособій, представляемыхъ финансовыми соображеніями, истекающими изъ его кратковременности, мы нашли его продолжающимся 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Но естественная непродолжительность его открываетъ путь къ сокращенію его до 3 лѣтъ, или даже нѣсколько менѣе. Примемъ цифру 3 лѣтъ и посмотримъ, какъ велики должны быть усилія самихъ поселянъ и кредитныхъ учрежденій для сокращенія ожиданій кредиторовъ этимъ срокомъ.

Во-первыхъ, при умѣренности выкупа, довольно многіе поселяне найдутъ средства внести его за одинъ разъ. Положимъ, что при цифрѣ 20 руб., одна десятая часть крестьянскихъ семей найдутъ эту возможность. Для остальныхъ будетъ легче въ теченіе двухъ лѣтъ платить по 6 руб., нежели по 4 руб. въ теченіе пяти лѣтъ. Платить по 6 руб. нѣсколько лѣтъ съ ряду было бы, сказали мы, невозможно, но возможно сдѣлать два раза чрезвычайное усиліе, если немедленно затѣмъ начинается льгота.

При срокѣ выкупной операціи въ 5 лѣтъ слишкомъ, полагалось на выкупной капиталъ $2\frac{1}{2}\%$. Но если тиражъ будетъ продолжаться только три года, то не будетъ надобности раздѣлять облигаціи на категоріи по значительности помѣстьевъ, подлежащихъ выкупу; тогда и самый послѣдній тиражъ отлагается на срокъ столь недалекій, что даже малые владѣльцы (21—100 душъ) могутъ ждать его. Только мелкопомѣстные владѣльцы (1—20) сохраняютъ свою привилегію получить выкупъ именно въ первый годъ. Если же тиражъ будетъ происходить не по годичнымъ, а по менѣе продолжительнымъ промежуткамъ, напримѣръ черезъ два мѣсяца или еще лучше ежемѣсячно, тогда едва успѣетъ дойти до провинцій извѣстіе о нумерахъ, вынутыхъ въ первый тиражъ, какъ уже будетъ надобно ожидать новаго тиража, съ сильною вѣроятностью удовлетворенія тѣхъ, которые не попали въ первый тиражъ, и такимъ образомъ облигаціи будутъ совершенно достаточно поддерживаться въ цѣнѣ уже самими шансами тиража, не нуждаясь въ пособіи процентовъ. Итакъ, мы полагаемъ возможнымъ оставить ихъ безъ процентовъ. Тогда будемъ имѣть слѣдующій ходъ выкупной операціи:

Первый годъ. 10,000 крестьянъ внесли полный выкупъ, по 20 руб.—итого 200,000 р.; остальные 90,000 внесли по 6 р., итого 540,000 руб.; всего въ первый годъ выкупается облигацій на	740,000 р.
Второй годъ. 90,000 душъ вносятъ по 6 р., всего выкупается облигацій	540,000 р.
Итого въ первые два года выкуплено облигацій на	1,280,000 р.

На третій годъ крестьяне вносятъ только по 3 руб. сер., итого 270,000; недостающія для полнаго выкупа 450,000 ссужаются кредитными учрежденіями, которыя могутъ сдѣлать эту ссуду, потому что, при уплатѣ съ души по 2 р. 25 к., она погашается въ два года. Такимъ образомъ, нужно содѣйствіе кредитныхъ учрежденій менѣе чѣмъ на одну четвертую часть выкупной суммы, чтобы срокъ выкупа сокращался почти на половину.

Выгода для владѣльцевъ очевидна: отказываясь отъ ничтожнаго для нихъ полученія процентовъ, излишнихъ для поддержки цѣны облигацій при столь быстромъ ходѣ выкупа и столь частомъ тиражѣ, они выигрываютъ то, что получаютъ по своимъ облигаціямъ удовлетвореніе вдвое быстрее. Каждый разсчетливый хозяинъ съ радостью пожертвуетъ 50 к. въ годъ ($2\frac{1}{2}\%$ на 20 р.), чтобы вдвое скорѣе получить слѣдующіе ему 20 руб. съ души.

Выгода крестьянъ будетъ также довольно значительна. Они платятъ:

При тиражѣ въ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ.		При тиражѣ въ 3 года	
1 годъ	4 р.		6 р.
2 —	4 —		6 —
3 —	4 —		3 —
4 —	4 —		2 — 50 к.
5 —	4 —		2 — 50 к.
6 —	1 — 16 к.		„ — „ к.
Итого . . 21 р. 16 к.		Итого 20 р.	

Но вообще сокращеніе тиража, о которомъ мы теперь говоримъ, предполагается нами гораздо болѣе въ выгодахъ кредиторовъ, нежели въ выгодахъ должниковъ, потому что $2\frac{1}{2}\%$ при разсрочкѣ платежа на 5 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ уже не составляютъ слишкомъ большаго обремененія (именно, всего только около 6 копѣекъ на рубль, за все продолженіе платежей).

Пожертвованіе кредитныхъ учрежденій для доставленія помѣщикамъ столь значительной выгоды, какъ сокращеніе срока тиража почти на цѣлую половину, будетъ совершенно ничтожна, если ссуда будетъ сдѣлана этими учрежденіями даже безъ процентовъ, какъ мы предположили; именно въ первый годъ они пожертвуютъ 13,500 р. (считая по 3%) и во второй (такъ какъ половина ссуды уже возвратится въ этотъ годъ)—6,750 р. всего 20,250 руб., то есть $4\frac{1}{2}$ копѣйки на рубль ссуды. Но и эту потерю мы предположимъ собственно только для упрощенія разсчета: срокъ ссуды такъ незначителенъ, что платить по ней проценты будетъ необременительно для крестьянъ. Именно, полагая на ссуду 3% , придется собрать въ 4-й годъ вмѣсто 2 р. 50 к. по 2 р. 65 к., а на 5-й годъ вмѣсто 2 руб. 50 в. по 2 р. 57 $\frac{1}{2}$ коп. съ души. Такимъ образомъ, если-бы при подобномъ срокѣ уплаты кредитныя учрежденія затруднились принять на себя ту небольшую потерю, которую мы предположили, то легко можно было бы избавить ихъ отъ всякой потери, положивъ на ссуду по 3% ,—этими не обременились бы чувствительно крестьяне, при кратковременности ссуды.

Мы начали свои соображенія о необходимости умѣренной цифры выкупа исключительно въ выгодахъ должника. Но нечувствительно приняли мы къ выводу, что также осязательна эта выгода и для разсчетливаго кредитора. Мы не говоримъ о пожертвованіяхъ со стороны кредиторовъ, — опытъ отучилъ насъ отъ подобныхъ мечтаній. Но ариметика показываетъ намъ, что алчность вовсе не есть разсчетливость, что, напротивъ, истинно разсчетливъ только тотъ, кто по возможности умѣренъ въ своихъ требованіяхъ, и мы желали бы теперь хотя только того, чтобы кредиторы какъ можно точнѣе разсчитывали, какіе шансы ихъ ожидаютъ при умѣренности и какіе при неумѣренности требованій.

Критика философских предубѣжденій

ПРОТИВЪ ОБЩИННАГО ВЛАДѢНІЯ.

Wie weh', wie weh', wie wehe,
Goethe. *«Faust»*.

Предисловіе. — Первообытность общиннаго поземельнаго владѣнія свидѣтельствуетъ ли противъ предпочтенія его личной поземельной собственности? — Необходимо ли у каждаго народа каждому учрежденію проходить всѣ логическіе моменты развитія?

Долго молчалъ я въ спорѣ, который былъ поднятъ мною. Равнодушіе, съ которымъ были встрѣчены остальными журналами первыя статьи мои и г. Вернадскаго, служившія на нихъ отвѣтомъ, — это равнодушіе мало по малу смѣнилось чрезвычайно живымъ участіемъ. Вотъ ужъ много времени, какъ не проходитъ ни одного мѣсяца безъ того, чтобъ не явилось въ разныхъ журналахъ по нѣскольку статей объ общинномъ владѣніи. Всѣ говорили объ этомъ вопросѣ, — я молчалъ. Большая часть говорившихъ о немъ нападали на мое мнѣніе и на мою личность очень сильнымъ образомъ, — я молчалъ, хотя въ другихъ случаяхъ не отличался способностью оставлять безъ отвѣта нападенія на то, что считаю справедливымъ и полезнымъ, и хотя даже друзья мои всегда замѣчали во мнѣ чрезвычайную, по ихъ мнѣнію даже излишнюю, любовь къ разъясненію спорныхъ вопросовъ горячею полемикою. Я молчалъ, несмотря ни на интересъ, пріобрѣтенный для публики вопросамъ, который такъ дорогъ для меня лично, несмотря на безчисленные вызовы противниковъ, несмотря на частыя побужденія отъ друзей, упрекавшихъ меня и въ лѣнности, и въ позорной апатіи къ общему дѣлу, и въ трусости. И теперь, когда берусь я за перо, чтобы снова защищать общинное владѣніе, я выдерживаю сильную борьбу съ самимъ собою и не знаю самъ, не лучше ли было бы продолжать мнѣ упорное молчаніе.

Дѣло въ томъ, что я стыжусь самого себя. Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которою поднималъ я вопросъ объ общинномъ владѣніи. Этими дѣломъ я сталъ безразсуденъ, — скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Возобновляя мою рѣчь объ общинномъ владѣніи, я долженъ начать признаніемъ совершенной справедливости тѣхъ словъ моего перваго противника, г. Вернадскаго, которыми онъ объявлялъ съ самымъ возникновеніемъ спора, что напрасно взялся я за этотъ предметъ, что не доставилъ я тѣмъ чести своему здравому смыслу. Я раскаиваюсь въ своемъ прошломъ неблагоразуміи, и если бы цѣною униженной

просьбы объ извиненіи могло покушаться забвеніе совершившихся фактовъ, я не колеблясь сталъ бы просить прощеніе у противниковъ, лишь бы этимъ моимъ униженіемъ былъ прекращенъ споръ, начатый мною столь неудачно.

„Какъ? неужели человѣкъ, такъ громко провозглашавшій непобѣдимость доводовъ въ пользу общиннаго владѣнія, поколебался въ своемъ убѣжденіи возраженіями противниковъ, безсиліе которыхъ такъ высокоумно осмѣивалъ въ началѣ битвы?“ подумаетъ читатель: — „неужели онъ чувствуетъ себя побѣжденнымъ тѣми фактами и силлогизмами, которые противопоставлены ему?“ О, если бы мой стыдъ передъ самимъ собою происходилъ изъ этого источника! Быть побѣжденному учеными доводами, конечно, непріятно было бы для самолюбія, особенно когда при этомъ наносится еще оскорбленіе личности побѣждаемаго; но въ такомъ случаѣ скорбь состояла бы въ чувствѣ мелочномъ, пошлости котораго отняла бы силу открыто признаваться передъ публикою въ своемъ стыдѣ. Мой стыдъ другого рода, и какъ ни тяжелъ онъ, онъ не боится огласки.

Но возраженіями противниковъ позорится моя безразсудная надежда на побѣду. Пусть противники многочисленны; пусть возраженія громадны по объему и количеству; пусть даже нѣкоторые изъ противниковъ принадлежать къ тѣмъ людямъ, одобреніемъ которыхъ я дорожилъ въ другихъ случаяхъ, порицаніе которыхъ было бы горько для меня въ другихъ дѣлахъ; не ими смущенъ я. Съ самаго начала я говорилъ, что по вопросу объ общинномъ владѣніи противъ меня будетъ огромное большинство русскихъ ученыхъ и мыслителей и тѣ литературныя партіи, которыя уважаются мною выше всѣхъ остальныхъ послѣ той, къ которой принадлежу я самъ. Фактъ, непредвидѣнный и предсказанный мною самимъ, не могъ смутить меня. Напротивъ, я удивлялся, не встрѣтивъ враждебности къ защищаемому мною дѣлу въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ, имѣющихъ наиболѣе авторитета во мнѣніи публики и моемъ собственномъ. Отрадной для меня неожиданностью было, что эти люди или не напали на защищаемое мною мнѣше, или даже выражали свое сочувствіе къ нему *). Не многочисленностію противниковъ былъ удивленъ я, а тѣмъ, что ихъ не оказалось еще гораздо больше; удивленъ, что въ ихъ рядахъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ ученыхъ, противорѣчіе которыхъ было бы для меня дѣйствительно тяжело. Если не произвела на меня впечатлѣнія огромность числа писателей, возставшихъ противъ общиннаго владѣнія, то еще меньше могли колебать мое убѣжденіе доводы, ими выставленные. Въ началѣ спора я указывалъ обыкновенные источники возраженій противъ общиннаго владѣнія и книги, руководящія мыслями людей, отъ которыхъ ожидалъ я противорѣчія. Мои предположенія, что противъ меня будутъ повторять чужія слова, давно извѣстныя не мнѣ одному, и давно опровергнутыя не мною, а европейскими писателями, — эти предположенія сбылись даже выше моихъ ожиданій. Ни одного новаго или самостоятельнаго соображенія не было представлено русскими противниками общиннаго владѣнія; всѣ ихъ понятія были цѣликомъ взяты изъ устарѣлыхъ книгъ и даже не примѣнены къ частному вопросу, къ которому большею частію вовсе не шли. Изъ немногихъ фактовъ, на которыхъ опирались эти соображенія, также не было

*) Я говорю не о славянофилахъ, которыхъ я могу уважать за многое, но симпатіи которыхъ не заслуживаю, какъ они сами объявляютъ и какъ я самъ чувствую.

почти ни одного, который бы прямо шелъ къ дѣлу; а если которые и шли къ дѣлу, то были подбираемы такъ неосмотрительно, что свидѣтельствовали въ сущности не противъ общиннаго владѣнія, а въ пользу его. Словомъ сказать, возраженія были до того избыты, что, признаюсь, я не имѣлъ интереса прочесть до конца почти ни одной изъ статей противъ общиннаго владѣнія, которыя появлялись послѣ того, какъ я помѣстить свою послѣднюю статью противъ г. Вернадскаго въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ прошлаго года: съ первыхъ же страницъ каждаго возраженія я видѣлъ, что бесполезно читать эти блѣдныя повторенія того, что уже давно наскучило мыслящему человѣку въ сотняхъ плохихъ французскихъ книжекъ о политической экономіи; даже пріятность читать гнѣвную брань противъ себя, — пріятность, выше которой нѣтъ ничего для писателя, любящаго колебать старыя и надменные предразсудки, не могла пересилить скуку, приносимую валными повтореніями общихъ мѣстъ старинной экономической школы. Только теперь, рѣшившись возобновить свои статьи объ общинномъ владѣніи, я сталъ читать эти возраженія, — и убѣдился, что не сдѣлалъ ошибки, предположивъ ихъ всѣ незаслуживающими прочтенія.

Итакъ не сила противниковъ заставляетъ меня признать, что я заблуждался, начавъ говорить въ защиту общиннаго владѣнія. Напротивъ, со стороны успѣха именно этой защиты я могу признать за своимъ дѣломъ чрезвычайную удачу: слабость аргументовъ, приводимыхъ противниками общиннаго владѣнія, такъ велика, что безъ всякихъ опроверженій съ моей стороны начинаютъ журналы, сначала рѣшительно отвергавшіе общинное владѣніе, одинъ за другимъ дѣлать все больше и больше уступокъ общинному поземельному принципу. Теперь нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что большинство литературнаго міра считаетъ нужнымъ сохранить отъ вторженія личной частной собственности, по крайней мѣрѣ на ближайшее время, тѣ части земли, которыя до сихъ поръ оставались собственностью или владѣніемъ общества. Такая уступка послѣ первоначальнаго совершеннаго и рѣзкаго отверженія общественной поземельной собственности во всѣхъ ея видахъ могла бы внушать мнѣ нѣкоторую гордость. Но я стыжусь себя.

Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сдѣлать это, какъ могу.

Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго владѣнія, но онъ все-таки составляетъ только одну сторону дѣла, которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія низшія гарантіи благосостоянія, нужныя для доставленія его дѣйствию простора. Такими гарантіями должны считаться два условія. Во-первыхъ принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но этого еще мало. Надобно также заштитить, что рента только тогда серьезно заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самаго ея полученія. Примѣры малой выгоды ея при противномъ условіи часто встрѣчаются у насъ по дворянскимъ имѣніямъ, обремененнымъ долгами. Бываютъ случаи, когда наслѣдникъ отказывается отъ полученія огромнаго количества деетинъ, достаемыхъ ему послѣ какого-нибудь родственника, потому что долговыя обязательства, лежащія на землѣ, почти равняются не одной только рентѣ, но и вообще всей суммѣ доходовъ, доставляемыхъ помѣстьемъ. Онъ разсчитываетъ, что излишекъ, остающійся за уплатою долговыхъ

обязательствъ, не стоитъ хлопотъ и другихъ непріятностей, приносимыхъ владѣніемъ и управленіемъ. Потому, когда человѣкъ уже не такъ счастливъ, чтобы получить ренту чистую отъ всякихъ обязательствъ, то, по крайней мѣрѣ, предполагается, что уплата по этимъ обязательствамъ не очень велика по сравненію съ рентою, если онъ находитъ выгоднымъ для себя вводить во владѣніе. Только при соблюденіи этого втораго условія, люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученіе ренты.

На предположеніи этихъ двухъ условій была основана та горячность, съ какою я выставлалъ общинное владѣніе необходимымъ довершеніемъ тарантій благосостоянія.

Меня упрекаютъ за любовь къ употребленію параболъ. Я не спору, прямая рѣчь, дѣйствительно, лучше всякихъ приточныхъ сказаній; но противъ собственной натуры и, что еще важнѣе, противъ натуры обстоятельствъ идти нельзя, и потому я останусь вѣренъ своему любимому способу объясненій. Предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса которой составляется вашъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ изъ расположенія собственно къ вамъ, то моя ревность основывалась на предположеніи, что провизія принадлежитъ вамъ и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же себѣ мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самъ обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ столь странныхъ открытіяхъ? „Человѣкъ самолюбивъ“, и первая мысль, рождающаяся во мнѣ, относится ко мнѣ самому. „Какъ былъ я глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія! Кто кромѣ глупца можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?“ Вторая моя мысль о васъ, предметѣ моихъ заботъ, и о томъ дѣлѣ, однимъ изъ обстоятельствъ котораго я такъ интересовался: „лучше пропадай вся эта провизія, которая приносить только вредъ любимому мною человѣку! лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только раззореніе!“ Досада за васъ, стыдъ за свою глупость, — вотъ мои чувства.

Но довольно мнѣ говорить о своихъ чувствахъ и о собственной личности. Какъ бы то ни было, но пошло въ ходъ глупымъ образомъ начатое мною дѣло объ общинномъ владѣніи. Не всѣ смотрятъ на него съ тѣмъ чувствомъ отвращенія и негодованія, какое внушаетъ оно мнѣ теперь, по разрушеніи надеждъ, въ которыхъ было начато мною. Теперь, я уже сказалъ, я желалъ бы, быть можетъ, чтобы все оно пропало. Другіе напротивъ хлопочутъ о томъ, чтобы привести его въ концу, все больше и больше склоняясь къ тѣмъ мнѣніямъ, какія были выражены мною при началѣ спора объ общинномъ владѣніи. Дѣло это уже не можетъ быть брошено. А если дѣло, которому лучше было бы быть брошено, уже не можетъ быть брошено, то нечего дѣлать, надобно участвовать въ его веденіи.

Рѣзкимъ полемическимъ тономъ былъ начатъ мною споръ объ общинномъ владѣніи. Крикъ этотъ имѣлъ одну цѣль: заставить обратить вниманіе на пред-

метъ его. Теперь общее вниманіе обращено на предметъ рѣчи и нѣтъ надобности ей переступать границы спокойнаго изложенія, чтобы быть выслушанной.

Но,—послѣдняя дань полемическому тону, отъ котораго я отказываюсь по вопросу объ общинномъ владѣніи: мало того, что возможно мнѣ обойтись безъ полемики,—было бы недобросовѣстно съ моей стороны пользоваться этимъ оружіемъ тогда, когда нужно не столько обличеніе ошибокъ, сколько пополненіе пробѣловъ, производимыхъ незнаемъ или забывчивостью. Дозволительно ли полемизировать противъ человѣка, который не соглашается съ вами только потому, что не знаетъ первыхъ четырехъ дѣйствій ариметики, или не подумалъ о результатѣ, получаемомъ изъ сложенія двухъ съ двумя?—говорить съ нимъ горячимъ тономъ, это а бесполезно для него и совѣстно для васъ. Онъ нуждается въ урокѣ изъ „начатковъ ученія“,—въ урокѣ, изложенномъ съ такою популярностью, которая была бы доступна его силамъ и пробуждала бы дѣятельность его мысли.

Степень знакомства съ современною наукою и привычки къ самостоятельному мышленію, обнаруженная противниками общиннаго владѣнія, предписываетъ янѣ стараться о всевозможной популярности при слѣдующемъ изложеніи первоначальныхъ понятій, касающихся вопроса о различныхъ видахъ собственности на землю, владѣнія и пользованія землею. Итакъ, читатель простить мнѣ, если найдетъ, что большая часть этихъ страницъ посвящена изложенію фактовъ и соображеній слишкомъ элементарныхъ: при составленіи настоящихъ статей я имѣлъ въ виду не тотъ уровень знаній и сообразительности, какой предполагается въ большинствѣ публики, а только тотъ, какой обнаруженъ противниками общиннаго владѣнія.

Прежде нежели вопросъ объ общинѣ приобрѣлъ практическую важность съ начатіемъ дѣла объ измѣненіи сельскихъ отношеній, русская община составляла предметъ мистической гордости для исключительныхъ поклонниковъ русской національности, воображавшихъ, что ничего подобнаго нашему общинному устройству не бывало у другихъ народовъ и что оно такимъ образомъ должно считаться прирожденною особенностію русскаго или славянскаго племени, совершенно въ томъ родѣ, какъ напримѣръ скулы болѣе широкія, нежели у другихъ европейцевъ, или языкъ, называющій мужа—мужъ, а не *man*, homo или l'homme и имѣющій семь падежей, а не шесть, какъ въ латинскомъ, и не пять, какъ въ греческомъ. Наконецъ люди ученые и безпристрастные показали, что общинное поземельное устройство въ томъ видѣ, какъ существуетъ теперь у насъ, существуетъ у многихъ другихъ народовъ, еще не вышедшихъ изъ отношеній, близкихъ къ патріархальному быту, и существовало у всѣхъ другихъ, когда они были близки къ этому быту. Оказалось, что общинное владѣніе землею было и у нѣмцевъ, и у французовъ, и у предковъ англичанъ, и у предковъ итальянцевъ, словомъ сказать, у всѣхъ европейскихъ народовъ; но потомъ при дальнѣйшемъ историческомъ движеніи, оно мало по малу выходило изъ обычая, уступая мѣсто частной поземельной собственности. Выводъ изъ этого ясенъ. Нечего намъ считать общинное владѣніе особенною прирожденною чертою нашей національности, а надобно смотрѣть на него какъ на обще-человѣческую принадлежность извѣстнаго періода въ жизни каждаго народа. Сохраненіемъ этого остатка первобытной древности гордиться намъ тоже нечего, какъ вообще никому не слѣдуетъ гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохраненіе старины свидѣтельствуетъ только о медленности и вялости историческаго развитія. Сохраненіе общины въ поземельномъ отно-

шеніи, исчезнувшей въ этомъ смыслѣ у другихъ народовъ, доказываетъ только, что мы жили гораздо меньше, чѣмъ эти народы. Такимъ образомъ оно со стороны хвастовства передъ другими народами никуда не годится.

Такой взглядъ совершенно правиленъ: но вотъ наши и заграничные экономисты устарѣлой школы вздумали вывести изъ него слѣдующее заключеніе: „Частная поземельная собственность есть позднѣйшая форма, вытѣснившая собою общинное владѣніе, оказывавшееся несостоятельнымъ передъ нею при историческомъ развитіи общественныхъ отношеній; и такъ мы, подобно другимъ народамъ, должны покинуть его, если хотимъ идти впередъ по пути развитія“.

Это умозаключеніе служить однимъ изъ самыхъ коренныхъ и общихъ оснований при отверженіи общиннаго владѣнія. Едва ли найдется хотя одинъ противникъ общиннаго владѣнія, который не повторялъ бы вѣстѣ со всѣми другими: „Общинное владѣніе есть первобытная форма поземельныхъ отношеній, а частная поземельная собственность — вторичная форма; какъ же можно не предпочитать высшую форму низшей?“ Намъ тутъ странно только одно: изъ противниковъ общиннаго владѣнія многіе принадлежатъ къ послѣдователямъ новой нѣмецкой философіи; одни хвалятся тѣмъ, что они шеллингисты, другіе твердо держатся гегелевской школы; и вотъ о нихъ-то мы недоумѣваемъ, какъ не замѣтили они, что, налегая на первобытность общиннаго владѣнія, они выставляютъ именно такую сторону его, которая должна чрезвычайно сильно предрасполагать въ пользу общиннаго владѣнія всѣхъ, знакомыхъ съ открытіями нѣмецкой философіи относительно преемственности формъ въ процессъ всемірнаго развитія; какъ не замѣтили они, что аргументъ, ими выставляемый противъ общиннаго владѣнія, долженъ напротивъ свидѣтельствовать о справедливости мнѣнія, отдающаго общинному владѣнію предпочтеніе передъ частною поземельною собственностію, ими защищаемою.

Мы остановимся довольно долго надъ слѣдствіями, къ какимъ должна приводить первобытность, признаваемая за извѣстною формою, потому что, по странной недотапливости, именно эта первобытность служила, какъ мы сказали, однимъ изъ самыхъ любимыхъ и коренныхъ аргументовъ нашихъ противниковъ.

Мы не послѣдователи Гегеля, а тѣмъ менѣе послѣдователи Шеллинга; но не можетъ не признать, что обѣ эти системы оказали большія услуги наукѣ раскрытіемъ общихъ формъ, по которымъ движется процессъ развитія. Основной результатъ этихъ открытій выражается слѣдующею аксіомою: „По формѣ, высшая степень развитія сходна съ началомъ, отъ котораго оно отправляется“. Эта мысль заключаетъ въ себѣ коренную сущность шеллинговой системы; еще точнѣе и подробнѣе раскрыта она Гегелемъ, у котораго вся система состоитъ въ проведеніи этого основного принципа чрезъ всѣ явленія міровой жизни отъ ея самыхъ общихъ состояній до мельчайшихъ подробностей каждой отдѣльной сферы бытія. Для читателей, знакомыхъ съ нѣмецкою философіею, послѣдующее наше раскрытіе этого закона не представитъ ничего новаго; оно должно служить только къ тому, чтобы выставить въ полномъ свѣтѣ непослѣдовательность людей, незамѣчавшихъ, что даютъ оружіе сами противъ себя, когда налегаютъ съ такою силою на первобытность формы общиннаго владѣнія.

Высшая степень развитія по формѣ сходна съ его началомъ, — это мы видимъ во всѣхъ сферахъ жизни. Начнемъ съ самой общей формы процесса бытія на на-

шей планетѣ. Газообразное и жидкое состояніе тѣлъ,—вотъ исходная точка, отъ которой пошло впередъ образованіе нашей планеты и жизни въ ней. Великимъ шагомъ впередъ было сгущеніе газовъ и отвердѣніе жидкостей въ минеральныя породы. Въ благородныхъ металлахъ и драгоценныхъ каменьяхъ планетный процессъ дошелъ до совершенства въ этомъ направленіи. Сравните вѣковую неразрушимость и чрезвычайную плотность золота и платины, еще большую неразрушимость и страшную крѣпость рубина и алмаза съ шаткостью формы, съ быстрымъ процессомъ химическихъ измѣненій въ газѣ и жидкости, вы увидите двѣ противоположныя крайности. Но что же за тѣмъ? Истопилась ли жизнь природы достиженіемъ крайней прочности, плотности и неподвижности въ минеральномъ царствѣ? Нѣтъ, мало по малу на минеральномъ царствѣ возникаетъ растительное. Съ одного шага, природа отъ страшной плотности минераловъ возвращается къ меньшей плотности жидкостей: удѣльный вѣсъ дерева занимаетъ средину между удѣльнымъ вѣсомъ разныхъ жидкостей. Мало этого сходства въ удѣльномъ вѣсѣ: минеральное основаніе дерева (обнаруживающееся пепельнымъ остаткомъ по его разложеніи) принимаетъ въ соединеніе съ собой очень значительную массу матеріи въ жидкомъ состояніи; все дерево проникнуто жидкимъ сокомъ, который и составляетъ двигателя его жизни. Но отъ неподвижности минеральнаго царства осталась въ деревѣ неподвижность на мѣстѣ, которое разъ занято цѣлымъ организмомъ, и неизмѣнность въ расположеніи частей, какое разъ приняли онѣ одиѣ относительно другихъ. Внѣшняя форма дерева также тверда; она только нечувствительно расширяется временемъ въ объемѣ, но за этимъ исключеніемъ постоянно сохраняетъ одно и то же очертаніе. Природа вступаетъ въ новый фазисъ развитія, за растительнымъ царствомъ производитъ животное, и этимъ шагомъ она еще приближается къ формамъ бытія, предшествовавшимъ минеральному царству. Въ организмѣ животнаго жидкіе элементы занимаютъ еще гораздо больше мѣста, нежели въ растеніи. Они даже достигаютъ самостоятельнаго отдѣленія отъ твердыхъ частей, огромными массами собираясь въ жилахъ, въ сердцѣ, въ желудкѣ и другихъ резервуарахъ животнаго организма. Твердая основа, которая въ растеніи представлялась на первомъ планѣ, въ животномъ отступаетъ во внутрь, облекаясь мягкими покровами мяса и жира; теряя наружное значеніе, она теряетъ и ту центральность, какую имѣла въ деревѣ, гдѣ все до самой сердцевины было твердо: въ животномъ центральныя части, важнѣйшія по своему значенію для организма, также не тверды, какъ и наружныя покровы остова; твердый остовъ удерживается единственно какъ опора для мягкихъ частей. Мало того, что жидкость изгнала минеральную твердость изъ центральныхъ органовъ; въ эти органы проникли газы: животный организмъ наполненъ воздухомъ, значительными массами сосредоточивающимся въ двухъ основныхъ органахъ центральной жизни, въ легкихъ и въ желудкѣ. Отъ минеральнаго царства въ растеніи сохранялось постоянство внѣшней формы; въ животномъ наружныя очертанія постоянно измѣняются отъ непрерывной смѣны разныхъ положеній тѣла. Не осталось и неподвижности цѣлаго организма на одномъ мѣстѣ: какъ частицы воды по закону тяготѣнія и подъ ударами волнъ атмосферы вѣчно движутся съ мѣста на мѣсто, такъ и животный организмъ вѣчно движется съ мѣста на мѣсто. Животная жизнь становится все интенсивнѣе и интенсивнѣе: проходя отъ лѣниваго моллюска, почти прикованнаго къ мѣсту, черезъ высшія формы организа до млекопитающихъ, она достигаетъ своего зенита въ человѣкѣ. Въ чемъ

же состоятъ матеріальныя отличія этого высшаго животнаго организма отъ низшихъ? Въ человѣкѣ гораздо болѣе развита нервная система и особенно головной мозгъ. Что же это за масса, развитіе которой составляетъ вѣнецъ стремленій природы? Масса мозга нѣчто такое неопредѣленное по своему виду, что какъ будто бы уже составляетъ переходъ отъ мускуловъ, имѣющихъ столь опредѣлительныя качества по своей формѣ и внутреннему составу, къ какому-то полужидкому киселю въ родѣ тѣхъ, которыми начинается превращеніе неорганической матеріи въ органическую. Этотъ безформенный кисель сохраняетъ извѣстное очертаніе только потому, что удерживается внѣшними костяными оградами; освободившись отъ нихъ, онъ расплывается будто кусокъ жидкой грязи. Въ его химическомъ составѣ самый характеристичный элементъ, — это фосфоръ, имѣющій неудержимое стремленіе переходить въ газообразное состояніе; вѣнецъ животной жизни, высшая ступень, достигаемая процессомъ природы вообще, нервный процессъ состоитъ въ переходѣ мозговой матеріи въ газообразное состояніе, въ возвращеніи жизни къ преобладанію газообразной формы, съ которой началось планетное развитіе.

Иной читатель посмѣется надъ этими геологически-физиологическими разсужденіями въ статьѣ о юридическомъ и спеціальному вопросу. Мы сами готовы были бы смѣяться надъ обзорами теллурической жизни, служащими подкрѣпленіемъ политико-экономическихъ истинъ, еслибъ не замѣчали, какъ много зависитъ тотъ или другой взглядъ на какой-нибудь, невидимому, чисто практической и очень спеціальный вопросъ отъ общаго философскаго воззрѣнія. Въ настоящемъ случаѣ, чтеніе статей противъ общиннаго владѣнія убѣдило насъ, что нерасположеніе въ этой формѣ поземельныхъ отношеній основано не столько на фактахъ или понятіяхъ, спеціально относящихся къ данному предмету, сколько на общихъ философскихъ и моральныхъ воззрѣніяхъ о жизни. Мы думаемъ, что истребить предубѣжденіе по частному вопросу, насъ занимающему, можно только изложеніемъ здравыхъ понятій, противоположныхъ отсталымъ философамъ, или философскимъ и моральнымъ недосмотрамъ, которыми держатся эти предубѣжденія. Поэтому продолжаемъ философско-физиологическіе очерки отношеній между разными формами жизни, какъ бы ни казались забавны такіе эпизоды въ статьяхъ, которыя собственно должны бы ограничиваться сферою спеціальности. Если такіе эпизоды и дѣйствительно забавны, то мы утѣшаемся мыслію, что они будутъ не бесполезны.

Кто не хотѣлъ подуматъ объ общихъ истинахъ, изложенныхъ въ Гумбольдовомъ „Космосѣ“, тотъ, конечно, принуждаетъ говорить о нихъ и тогда, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь спеціальному вопросу.

Отъ общаго теллурическаго процесса перейдемъ къ соотношенію формъ въ болѣе тѣсныхъ сферахъ и прежде всего взглянемъ, на примѣръ, на характеръ животной жизни въ разныхъ ступеняхъ ея развитія. Мы уже видѣли, что высшее произведеніе этой жизни, мозговая масса, характеромъ своимъ напоминаетъ какой-нибудь кисель, почти лишенный тѣхъ формъ и качествъ, какими отличается вообще мясо, составляющее преобладающій элементъ животнаго царства. Низшая ступень животной жизни, проявляющаяся въ моллюскахъ и слизнякахъ, имѣетъ совершенно тотъ же характеръ: тѣло устрицы своимъ студенистымъ качествомъ скорѣе сходно съ мозгомъ, нежели съ мясомъ. И такъ мы видимъ опять три формы, изъ которыхъ высшая (мозгъ) представляется какъ будто бы возвращеніемъ отъ второй (мяса) къ первобытной формѣ (студенистое вещество).

Возьмемъ еще тѣснѣйшую сферу жизни, именно, два высшіе разряда изъ трехъ обширныхъ классовъ, принимаемыхъ Ламаркомъ, *animalia articulata* и *animalia intelligentia*. Съ того момента, какъ проявляется первый признакъ интенсивности въ животной жизни возникновеніемъ членораздѣльности (*animalia articulata*), мы видимъ, что каждая изъ отдѣльныхъ частей, на которыя подраздѣлился организмъ, имѣетъ какъ будто бы свою самобытную жизнь, кромѣ общей жизни цѣлаго организма. Изъ этихъ низшихъ животныхъ есть такіе, которыхъ можно дѣлить на нѣсколько частей и каждая часть преспокойно будетъ жить по отдѣленіи отъ другихъ. Чѣмъ выше мы будемъ подниматься по лѣстницѣ формъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе общая жизнь цѣлаго организма будетъ брать перевѣсъ надъ жизнью отдѣльныхъ членовъ, и наконецъ въ разрядѣ рыбъ преобладаніе общей жизни цѣлаго организма становится до того громадно, что даже исчезаютъ всѣ отдѣльные члены и цѣлый организмъ сливается въ одинъ плотный кусокъ безъ всякихъ перехватовъ и отростковъ. Но поднимаемся еще выше, и въ разрядахъ птицъ и млекопитающихъ мы уже видимъ возобновленіе прежнихъ формъ организма, у котораго къ основному стержню примыкають отростки съ различными перехватами по внѣшней формѣ. Однако, если по наружности птица и млекопитающее составляютъ какъ будто возвращеніе отъ одного плотнаго куска рыбы къ членораздѣльнымъ формамъ насѣкомыхъ, то внутренняя жизнь, жизнь ощущеній и стремленій, остается въ птицѣ и млекопитающемъ, какъ въ рыбѣ, вся сосредоточенная въ одномъ общемъ органическомъ чувствѣ съ подавленіемъ самобытнаго значенія стремленій, свойственныхъ отдѣльнымъ органамъ. Зрѣніе, слухъ, обоняніе, для млекопитающаго имѣють только то значеніе, что служатъ средствами для пріисканія пищи, различенія предметовъ и мѣстностей, удобныхъ и здоровыхъ для цѣлаго организма отъ нездоровыхъ или неудобныхъ, и для избѣжанія опасностей. Даже вкусъ служить почти только для разсортировки различныхъ питательныхъ матеріаловъ по степени ихъ здоровости для цѣлаго организма. Конечно, кошка должна чувствовать разницу вкуса между грубою говядиною и пулярдкою; но дайте ей вдругъ два куска того и другаго мяса, она не станетъ дѣлать выборъ между ними и начнетъ ѣсть тотъ, который больше, или который скорѣе попался ей подъ морду. Даже осязаніе очень мало служить для животныхъ источникомъ удовольствій, независимыхъ отъ общихъ потребностей жизни цѣлаго организма. Даже половой инстинктъ не занимаетъ ихъ собою, какъ самобытный источникъ ощущеній: его отправленія служатъ только средствомъ для освобожденія организма отъ частицъ, излишнее накопленіе которыхъ разстраиваетъ общій порядокъ въ жизни цѣлаго организма. Можно сказать, что всѣ ощущенія животныхъ и всѣ ихъ стремленія являются только видоизмѣненіями общихъ потребностей и чувствъ цѣлаго организма, именно отправленій желудка и чувства здоровья или болѣзни. Совершенно не такова жизнь человѣка. Каждое изъ его чувствъ достигаетъ самобытнаго интереса для него; глазъ, ухо и каждый изъ другихъ органовъ чувствъ становится въ человѣкѣ какъ будто какимъ-то самобытнымъ организмомъ съ собственной жизнью, съ своими особенными потребностями и удовольствіями. Человѣкъ не только по внѣшней формѣ, какъ млекопитающее, но и по самой сущности своей жизни, представляется какъ будто бы собраніемъ нѣсколькихъ сросшихся самобытныхъ организмовъ, и общая жизнь всего организма удерживаетъ за собою значеніе какъ будто только потому, что служить общему поддержкою развитія этихъ

отдѣльныхъ жизней. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ въ своемъ развитіи, чѣмъ цивилизованнѣе становится онъ, то есть, чѣмъ человѣчнѣе становится его жизнь, тѣмъ болѣе и болѣе берутъ эти частныя стремленія каждаго органа нѣ самостоятельному развитію своихъ силъ и наслажденію своею дѣятельностью. Ощущенія, доставляемыя зрѣніемъ, слухомъ и другими физическими чувствами, различныя нравственныя ощущенія, игра фантазіи, дѣятельность мышленія все рѣшительнѣе заслоняютъ собою интересность общаго органическаго процесса для самого индивидуума, и наконецъ этотъ процессъ (питаніе) сохраняетъ только тотъ интересъ, какой придается ему наслажденіями отдѣльнаго органа вкуса и вмѣсто самобытнаго значенія онъ представляется только средствомъ къ удовлетворенію частнаго гастрономическаго интереса, или теряетъ всякую занимательность для индивидуума. Цивилизованный человѣкъ, если развитъ нормально, говоритъ подобно Сократу: „я ѣмъ только для того, чтобы жить сердцемъ и головою“; если развитъ дурнымъ образомъ, говоритъ: „я ѣмъ для того, чтобы наслаждались мой языкъ и нѣбо“. Но никогда цивилизованный человѣкъ не чувствуетъ, чтобы сама по себѣ, безъ частныхъ гастрономическихъ удовольствій, ѣда представлялась ему очень занимательнымъ процессомъ.

Такимъ образомъ въ концѣ развитія собственно животной жизни, въ жизни цивилизованнаго человѣка, мы видимъ какъ будто возвращеніе той самой формы, какую имѣла животная жизнь при первомъ началѣ своей интенсивности: въ цивилизованной жизни человѣка, какъ въ существованіи артикулированныхъ животныхъ, общая жизнь организма рѣшительно отступаетъ на второй планъ сравнительно съ самобытными управленіями отдѣльныхъ органовъ.

Мы обозрѣли всѣ сферы матеріальной жизни, начиная общими теллурическими явленіями ея и переходя къ сферамъ все тѣснѣйшимъ и тѣснѣйшимъ, до царства интенсивной животной жизни, и повсюду видѣли неизмѣнную вѣрность развитія одному и тому же закону: высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытному началу развитія. Само собою разумѣется, что при сходствѣ формы, содержаніе въ концѣ безмѣрно богаче и выше, нежели въ началѣ, но объ этомъ мы будемъ говорить послѣ.

Быть можетъ, нашъ очеркъ матеріальнаго развитія отъ теллурическихъ состояній до мозговой дѣятельности былъ слишкомъ длиненъ; но мы хотѣли многочисленными подробностями показать неизмѣнную вѣрность природы тому закону, на рѣчь о которомъ не къ выгодѣ себѣ навели полемику наши противники, съ необдуманнѣйшимъ торжествомъ налегая на первобытность осуждаемой ими формы одного изъ общественныхъ учрежденій. Мы хотимъ показать всеобщее господство излагаемаго закона во всѣхъ проявленіяхъ жизни, и, окончивъ обзоръ матеріальныхъ явленій съ этой точки зрѣнія, обратимся къ такому же очерку нравственно-общественной жизни, составляющей другую великую часть планетарнаго развитія.

Нашъ очеркъ растянулся бы на цѣлые томы, если бы мы захотѣли упоминать о каждой сферѣ нравственно-общественнаго развитія, въ процессѣ которой повторяется общій законъ, о которомъ мы говоримъ. Какую бы сторону жизни ни взяли мы, вездѣ увидимъ господство общей нормы, открытой новою нѣмецкою философіею, и приведа на удачу нѣсколько примѣровъ, мы просили бы людей, которые захотѣли бы сомнѣваться въ общемъ владычествѣ этой нормы, указать хотя одинъ фактъ, на развитіи котораго не отпечатлѣвалась бы она.

Начнемъ хотя съ общаго органа умственной и общественной жизни, съ языка. Филологія показываетъ, что всѣ языки начинаютъ съ того самаго состоянія. представителемъ котораго служить обыкновенно китайскій: въ немъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, вообще никакихъ грамматическихъ видоизмѣненій слова (флексій); каждое слово является во всѣхъ случаяхъ рѣчи, въ одной и той же формѣ: „я иди домъ“, говоритъ китаецъ вмѣсто нашего „я иду домой“. Но языкъ начинается развиваться, и являются флексіи; число ихъ все возрастаетъ и достигаетъ той гибкости всего внутренняго состава слова, какую видимъ въ семическихъ языкахъ, достигаетъ того страшнаго изобилія грамматическихъ нарощеній, какое видимъ въ татарскомъ языкѣ, гдѣ глаголь имѣетъ семь или восемь наклоненій. нѣсколько десятковъ временъ, цѣлые десятки дѣепричастій и т. д. Въ нашей семьѣ, на высшей точкѣ этого періода стоитъ санскритскій языкъ. Но развитіе идетъ далѣе, и въ латинскомъ или въ старославянскомъ уже гораздо меньше флексій, нежели въ санскритскомъ. Чѣмъ дальше живетъ языкъ, чѣмъ выше развивается народъ, имъ говорящій, тѣмъ болѣе и болѣе обнажается онъ отъ прежняго богатства флексій. Нынішнія славянскіе нарѣчія бѣднѣе ими, нежели старославянскіи: въ итальянскомъ, французскомъ, испанскомъ и другихъ романскихъ языкахъ флексій меньше, нежели въ латинскомъ; въ нѣмецкомъ, датскомъ, шведскомъ, голландскомъ меньше, нежели въ старонѣмецкомъ, и наконецъ англійскій языкъ, служащій указаніемъ цѣли, къ которой идутъ по отношенію къ своимъ флексіямъ всѣ другіе европейскіе языки, почти совершенно уже отбросилъ всѣ флексіи. Подобно китайцу, англичанинъ буквально говоритъ уже: „я иди домъ“. Въ началѣ нѣтъ падажей, въ концѣ развитія также нѣтъ падежей; въ началѣ нѣтъ различія по окончаніямъ между существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ, — въ концѣ развитія тоже нѣтъ различія между ними (like—1. похожій, 2. спрашивать: love—1. любить, 2. любовь).

Въ грамматическомъ устройствѣ языка конецъ сходенъ съ началомъ. То же самое во всѣхъ формахъ общежительной и умственной жизни, общимъ условіемъ для существованія которой служить языкъ. Беремъ, прежде всего, вѣншія черты общежитія, и во-первыхъ ту, для которой языкъ служитъ не только условіемъ, но и матеріаломъ, — способъ выраженія въ обращеніи между людьми.

Вѣ цивилизаціи человѣкъ безразлично говоритъ одинаковымъ мѣстоимѣніемъ со всѣми другими людьми. Нашъ мужикъ называетъ одинаково „ты“ и своего брата, и барина, и царя. Начиная полироваться, мы дѣлаемъ различіе между людьми на „ты“ и на „вы“. При грубыхъ формахъ цивилизаціи „вы“ кажется для насъ драгоценнымъ подаркомъ человѣку, съ которымъ мы говоримъ. и мы очень скупы на такой почетъ. Но чѣмъ образованіе становимся мы, тѣмъ шире дѣлается кругъ „вы“, и наконецъ французъ, если онъ только скинулъ сабо. почти никому уже не говоритъ „ты“. Но у него осталась еще возможность, если захочетъ, кольнуть глаза наглецу или врагу словомъ „ты“. Англичанинъ потерялъ и эту возможность: изъ живаго языка разговорной рѣчи у него совершенно исчезло слово „ты“. Оно можетъ являться у него только въ тѣхъ случаяхъ, когда по русски употребляются слова: „понеже“, „очеса“ и т. п.; слово „ты“ въ англійскомъ языкѣ такъ же забыто, какъ у насъ несторовское „онъ-сица“ вмѣсто „этотъ“. Не только слугу, но и собаку или кошку англичанинъ не можетъ назвать иначе какъ „вы“. Началось дѣло, какъ видимъ, безразличіемъ отношеній по разговору во всѣхъ

людямъ, продолжалось раздѣленіемъ ихъ на разряды по степени почета (нѣмцы, достигнувшіе апогея въ этомъ среднемъ фазисѣ развитія, ухитрились до того, что устроили цѣлыхъ четыре градаціи почета: 1) Du — это черному народу; 2) Eg — это, по выраженію суздальскихъ потомковъ, для среднего рода людей; 3) Ihr — это для чиновниковъ, занимающихъ средину между людьми среднего рода и благородными; 4) Sie — для благородныхъ потомковъ великороссійскихъ, суздальскихъ и остъ-прейссенскихъ домовъ), приходитъ въ результатъ снова къ безразличному обращенію со всѣми людьми.

Тоже самое и въ костюмѣ. Въ патриархальномъ народѣ шейхъ носитъ точно такой же бурнусъ, какъ и послѣдній изъ бедуиновъ его племени, и предокъ великороссійскаго потомка суздальской формы носилъ такую же рубашку съ косымъ воротомъ, какую носили тогда люди не только среднего, но и подлаго рода. Мы вступили въ область цивилизаціи и благородный суздалецъ надѣлъ сюртукъ, котораго не носятъ люди подлаго рода; но люди среднего рода уже начинаютъ носить такой же сюртукъ и, къ нашему ужасу, всѣ безъ исключенія уже надѣли пальто, которымъ прежде отличался отъ нихъ потонокъ великороссійскаго рода; даже люди подлаго рода многіе надѣли пальто, и мы съ горестью предвидимъ скоро день, когда потомки великороссійскихъ родовъ у себя дома будутъ носить точно такія же блузы, какія уже приняты у петербургскихъ мастеровыхъ, и когда всѣ безъ исключенія люди, даже самаго подлаго рода, будутъ ходить по улицамъ въ пальто такого же покроя, какъ великороссійскіе потомки.

Вмѣстѣ съ личнымъ мѣстоименіемъ втораго лица и костюмомъ проходитъ три фазиса развитія и вся манера держать себя. Человѣкъ нецивилизованный и неученый простъ въ разговорѣ, натураленъ во всѣхъ движеніяхъ, не знаетъ заученныхъ нозъ и искусственныхъ фразъ. Но едва помазался онъ лоскомъ образованности школьной и свѣтской, онъ начинаетъ держать себя и говорить такъ, какъ не умѣетъ простой человѣкъ. Развиваясь мало по малу, это искусство достигаетъ блистательнаго цвѣта въ разныхъ педантахъ и педанткахъ науки и свѣтской жизни, *gracieuses*, изображенныхъ Мольеромъ, въ гоголевскихъ дамахъ „пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ“ и уѣздныхъ франтахъ. Но человѣкъ истинно ученый и человѣкъ получившій истинно свѣтское образованіе говоритъ и ходитъ, кланяется, садится и встаетъ съ такою же простотою и непринужденностью, какъ совершенно простой человѣкъ въ своемъ кругу.

Надобно ли говорить, что, подобно этимъ чертамъ обращенія, все общественное устройство стремится къ возвращенію отъ ранговъ и разныхъ другихъ подраздѣленій по привилегіямъ всякаго рода къ тому однородному составу, изъ котораго выдѣлились всѣ безчисленныя рубрики? Распространяться объ этомъ мы не имѣемъ нужды: люди, непослѣдовательность которыхъ принудила насъ дѣлать этотъ очеркъ, всѣ утверждаютъ о себѣ, что они знакомы съ политическою экономіею; въ какой угодно экономической книгѣ, даже въ Ж. Б. Сэ и Мишелѣ Шевалье найдутъ они подробнѣйшее и прекраснѣйшее объясненіе той цѣли, къ которой идетъ нынѣ общество по отношенію къ выдѣлившимся изъ общаго права элементамъ.

Отъ общаго характера общественной жизни и общественнаго состава перейдемъ ли къ анализу спеціальныхъ отправленій общественнаго организма, повсюду увидимъ тотъ же путь развитія. Возьмемъ въ примѣръ хотя администрацію. Въ

началъ мы видимъ маленькія племена, изъ которыхъ каждое управляется совершенно самостоятельно и соединяется въ общій союзъ съ другими однородными племенами только въ немногихъ случаяхъ, требующихъ общаго дѣйствія, на примѣръ, на случай войны и другихъ отношеній въ инымъ народамъ, также для предпріятій, превышающихъ средства отдѣльнаго племени, каковы, на примѣръ, громадныя постройки въ родѣ вавилонской башни и циклопическихъ стѣнъ. Каждый членъ племени связанъ съ другими не только законодательными обязательствами, но живымъ личнымъ интересомъ по знакомству, родству и сосѣдскимъ общимъ выгодамъ. Каждый членъ принимаетъ личное и активное участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся того общественнаго круга, къ которому принадлежитъ. Ученымъ образомъ подобное состояніе называется самоуправленіемъ и федераціею. Мало по малу мелкія племена сливаются и сливаются, такъ что наконецъ исчезаютъ въ административномъ смыслѣ въ громадныхъ государствахъ, каковы, на примѣръ, Франція, Австрія, Пруссія и т. д. Административный характеръ обществъ на этой ступени развитія — бюрократія, составляющая полнѣйшій контрастъ первобытному племенному быту. Административные округа распредѣляются все съ нѣбольшимъ и меньшимъ отношеніемъ къ независимымъ отъ центральнаго источника интересамъ, лежащимъ въ самихъ жителяхъ. Ни въ Пруссіи, ни въ Австріи округъ, соответствующій нашему уѣзду, не имѣетъ живой связи между своими частями; сохранились живыя связи составныхъ частей только въ болѣе широкомъ разграниченіи провинцій. Но это является уклоненіемъ отъ общаго правила и при первой возможности производится реформа, какую успѣла уже совершить Франція раздѣленіемъ на департаменты, лишенные органическаго единства, въ замѣнъ прежнихъ провинцій. Члены административнаго округа, не имѣя между собою живой связи, ни по своей исторіи, ни по своимъ матеріальнымъ интересамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишены прежняго полновластія въ управленіи дѣлами округа. Всѣмъ завѣдуютъ особенные люди, называющіеся чиновниками и полицейскими, по своему происхожденію и личнымъ отношеніямъ не имѣющіе связи съ населеніемъ округа, передвигающіеся изъ одного округа въ другой чисто только по соображенію центральной власти, дѣйствующіе по ея распоряженію, обязанные отчетомъ только ей. Житель округа по отношенію своему къ администраціи есть лицо чисто пассивное, *materia gubernanda*. Надобно ли говорить о томъ, что на этой степени общество не можетъ остановиться? Швейцарія и Сѣверо-Американскіе Штаты по административной формѣ представляются совершеннымъ возвращеніемъ отъ бюрократическаго порядка къ первоначальному быту, какой имѣли люди до возникновенія обширныхъ государствъ.

Не касаясь политическаго устройства, исторія котораго также могла бы служить яркимъ подтвержденіемъ доказываемаго нами общаго господства нормы развитія *), мы приведемъ въ примѣръ только еще два общественныя учрежденія.

Сначала общество не знаетъ отдѣльнаго сословія судей: судъ и расправа въ первобытномъ племени творится всѣми самостоятельными членами племени на об-

*) Модерантисты могутъ найти очень недурной очеркъ одной изъ сторонъ политическаго устройства съ этой точки зрѣнія у Гизо, котораго они уважаютъ. Въ *Histoire de la civilisation en France* онъ объясняетъ постепенныя фазисы возрастанія и ослабленія правительственной власти.

щемъ собраніи (мірской сходкѣ). Мало по малу судебная власть отдѣляется отъ гражданъ, дѣлается ноношлѣй особеннаго сословія; гласность судопроизводства исчезаетъ, и водворяется тотъ порядокъ процесса, который намъ очень хорошо извѣстенъ; — онъ былъ и во Франціи, и въ Германіи. Но вотъ, общество развивается далѣе, вмѣсто судей произнесеніе приговора вручается присяжнымъ, то есть, простымъ членамъ общества, не имѣющимъ никакого ученаго подготовленія къ юридической Technikѣ, и возвращается первобытная форма суда (1. судить общество; 2. судятъ юристы, назначаемые правительственною властью; 3. судятъ присяжные т. е. чисто представители общества).

Какъ судъ такъ и военное дѣло въ первобытномъ обществѣ составляетъ принадлежность всѣхъ членовъ племени, безъ всякаго специализма. Форма военной силы вездѣ сначала одна и та же: ополченія, берущіяся за оружіе съ возникновеніемъ войны, возвращающіяся къ мирнымъ промысламъ въ мирное время. Особеннаго военнаго сословія нѣтъ. Мало по малу оно образуется и достигаетъ крайней самобытности при долгихъ срокахъ службы или вербовкѣ по найму. На нашей памяти еще было то время, когда у насъ солдатъ становился солдатомъ на всю свою жизнь, и кромѣ этихъ солдатъ, никто не зналъ военнаго ремесла и не участвовалъ въ войнахъ. Но вотъ, сроки службы начинаютъ сокращаться, система безсрочныхъ отпусковъ все расширяется. Наконецъ (въ Пруссіи) дѣло доходитъ до того, что рѣшительно каждый гражданинъ на извѣстное время (два, три года) становится солдатомъ, и солдатство не есть уже особенное сословіе, а только извѣстный періодъ жизни каждого человѣка во всякомъ сословіи. Тутъ особенность его сохранилась только въ условіи срочности. Въ Сѣверной Америкѣ и Швейцаріи нѣтъ уже и того: совершенно какъ въ первобытномъ племени, въ мирное время войско не существуетъ, на время войны всѣ граждане берутся за оружіе. И такъ, опять три фазиса, изъ которыхъ высшій представляется по формѣ совершеннымъ возвращеніемъ первобытнаго: 1) отсутствіе регулярныхъ войскъ; милиція на время войны; 2) регулярныя войска; никто, кромѣ специально носящихъ мундиръ, не призывается и не способенъ участвовать въ войнѣ; 3) снова возвращается всенародная милиція, и регулярнаго войска въ мирное время нѣтъ.

Отъ устройства военной силы перейдемъ ли къ ея дѣйствию, увидимъ ту же норму развитія. Въ первобытныхъ битвахъ сражается отдѣльный человѣкъ противъ отдѣльнаго человѣка, сраженіе есть громадное число поединковъ (битвы у Гомера; всѣ битвы дикарей). Но вотъ, составъ бьющейся арміи получаетъ все болыше и болыше плотности, и дѣйствіе отдѣльныхъ людей смѣняется дѣйствіемъ массы; въ XVII, XVIII столѣтіяхъ этотъ фазисъ достигаетъ своего зенита. Огромныя массы стоятъ другъ противъ друга и стрѣляютъ батальнымъ огнемъ, или идутъ въ штыки, — тутъ нѣтъ отдѣльныхъ людей, есть только батальоны, бригады, колонны. Русскій солдатъ времени Кутузова стрѣлялъ ли въ отдѣльнаго врага? Нѣтъ, цѣлый полкъ стрѣлялъ только въ цѣлый непріятельскій полкъ. Неужели на этомъ остановилось развитіе? Нѣтъ, появились штыцера, и прежній плотный строй разсыпался цѣпью стрѣлковъ, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ также противъ одиночнаго врага, и битва снова принимаетъ Гомерическую форму численнаго множества поединковъ.

Мы хотѣли закончить этимъ примѣромъ. Но зачѣмъ же останавливаться на мрачныхъ мысляхъ о битвахъ? Дадимъ для десерта что нибудь болѣе пріятное.

Мы пишемъ не для обыкновенныхъ читателей, а для экономистовъ отсталой школы: для нихъ самая интересная вещь — внѣшняя торговля, и для нихъ удовольствіи мы займемся этимъ драгоценнымъ предметомъ.

У дикарей нѣтъ таможенныхъ пошлинъ, нѣтъ ничего подобнаго протекціонизму; каждый торгуется съ иностранцемъ на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ съ одноплеменникомъ, сбываетъ товары за границу и покупаетъ иноземные товары точно съ тою же степенью свободы, съ какою идетъ торговля въ предѣлахъ самого племени туземными произведеніями. Но вотъ, люди цивилизуются, начинаютъ заводить фабрики; черезъ нѣсколько времени у нихъ является протекціонная система. Иноземные товары облагаются высокими пошлинами и подвергаются запрещеніямъ для покровительства отечественной промышленности. Неужели на этомъ остановится прогрессъ? О, нѣтъ, вотъ являются Кобденъ, Робертъ Пили и за этими дѣйствительно замѣчательными людьми маленькія и миленькія существа въ родѣ Бастіа; они доказываютъ, что протекціонизмъ и несправедливъ и вреденъ, подъ ихъ вліяніемъ тарифы начинаютъ понижаться, понижаться, — и общества стремятся къ тому самому блаженству свободной заграничной торговли, которымъ пользовались въ первобытныя времена своей неразвитости.

Разъ начавши говорить о предметахъ пріятныхъ для экономистовъ отсталой школы, мы не можемъ удержаться отъ желанія еще порадовать ихъ бесѣдою, имъ любезною. Еще больше, нежели о заграничной торговлѣ, любятъ они говорить о биржевыхъ оборотахъ, — каково же будетъ ихъ удивленіе, если мы скажемъ, что и биржа, этотъ предметъ ихъ любви и гордости, возникаетъ именно по закону возвращенія каждаго явленія при высшемъ его развитіи къ его первобытному началу въ формальномъ отношеніи. „Какъ? Вы говорите, что основныя формальныя черты биржевой торговли — повтореніе тѣхъ качествъ, которыми отличается торговля дикарей?“ спросить наши противники. — Точно такъ, и вы этому не дивились бы, если бы умѣли понимать смыслъ того, что излагается въ вашихъ же собственныхъ книгахъ, отвѣчаемъ мы. Чѣмъ торговля, являющаяся по возникновеніи биржи, отличается по формѣ отъ торговли періода, предшествовавшаго биржѣ? Она ведется въ извѣстномъ одномъ исключительномъ мѣстѣ, въ извѣстное, одно, исключительное время — неужели вы не замѣчали до сихъ поръ, что это черты, принадлежащія базарамъ и ярмаркамъ? Теперь вы сами можете построить тройственную формулу, васъ удивившую:

У племенъ и народовъ, гдѣ торговое движеніе чрезвычайно слабо, оно недостаточно для того, чтобы поддерживаться постоянно и повсемѣстно, и потому для него удобнѣе сосредоточиваться въ извѣстные сроки въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, оно производится на ярмаркахъ и базарахъ. Но вотъ, торговля развивается. Въ каждомъ городѣ купецъ имѣетъ ежедневно покупателей (потребителей), повсюду являются лавки и магазины, открытыя въ теченіе круглаго года ежедневно. Съ другой стороны, купцовъ такъ много и запросъ ихъ къ производителямъ такъ постояненъ, что производитель можетъ продать имъ свой продуктъ когда и гдѣ ему самому удобнѣе, — зачѣмъ же онъ станетъ дожидаться ярмарки, или базарнаго дня? Такимъ образомъ ярмарки и базары, существовавшіе въ Парижѣ, когда этотъ городъ въ торговомъ отношеніи уподоблялся Козмодемьянску и Царевококшайску, исчезли. Но что же далѣе? Какъ возникаетъ биржа? Покупщиковъ и продавцовъ становится такъ много, у каждаго изъ нихъ такъ много

торговых дѣлъ и справокъ, что онъ не успѣлъ бы управиться съ ними, если бы долженъ былъ искать поодинокѣ каждого изъ нужныхъ ему людей. Потому необходимо назначить мѣсто и время, гдѣ и когда сходились бы всѣ занятые торговыми оборотами люди. Такимъ образомъ возвращается первобытное ограниченіе торговыхъ сдѣлокъ извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ.

Мы нарочно изложили ходъ этого факта съ нѣкоторою подробностью, чтобы видна была совершенная противоположность причинъ, возстановляющихъ первобытную форму въ концѣ развитія, съ причинами, отъ которыхъ зависѣло ея существованіе при началѣ развитія. Доходя до высокой интенсивности, тѣ самыя обстоятельства, которыя въ менѣе сильной степени были враждебны первобытной формѣ, обращаются въ неизбѣжный вызовъ къ ея востановленію. Первобытная ограниченность торговли извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ (ярмарки и базары) была слѣдствіемъ малочисленности торговыхъ сдѣлокъ. Когда онѣ становятся довольно многочисленными, эта многочисленность дѣйствуетъ отрицательно, разрушительно на первобытную форму; но вотъ, торговые сдѣлки, вмѣсто того чтобы быть просто „довольно многочисленными“, становятся „чрезвычайно многочисленными“, — первобытная форма возвращается. Избытокъ качества дѣйствуетъ на форму спосебomъ противоположнымъ тому способу, какимъ дѣйствовала болѣе слабая степень того же качества.

Чтобы эта формула была яснѣе, мы дадимъ грамматическое выраженіе ея терминамъ. Превосходная степень дѣйствуетъ на форму спосебomъ противоположнымъ тому, какимъ дѣйствуетъ простая положительная степень. Если напримѣръ человекъ, имѣющій *нѣкоторую* справедливость („справедливый“, просто, въ положительной степени), смотритъ на человека, совершившаго преступленіе, какъ на преступника, на человека, преданнаго низкому пороку, какъ на человека низкаго, гнушается ими обоими, считаетъ достойнымъ казни одного, претерпѣваемыхъ несчастій другаго (степень справедливости, выражаемая поговоркою: „по дѣломъ вору и мука“, выражаемая также уголовными законами и тѣмъ „древнимъ“ закономъ, который говорилъ: „люби своего друга, ненавижь своего врага“), — то человекъ *чрезвычайно* или *совершенно* справедливый относится и въ преступнику или порочному обратнымъ образомъ: онъ видитъ въ немъ несчастнаго, заслуживающаго не презрѣнія или отвращенія и ненависти, а состраданія и помощи:

„Слышасте, яко речею бытсь древнимъ: возлюбихи искренняго твоего, и возненавидихи врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваина, благословите клянущіи вы, добро творите ненавидящимъ васъ“¹⁾.

И неужели это есть разрушеніе, отверженіе древняго закона? Нѣтъ, это есть его исполненіе, его завершеніе:

„Не мните, яко пріидохъ раззорити законъ и пророки: не пріидохъ раззорити, но исполнити“²⁾.

Да, это не только заповѣдь любви и кротости, — это заповѣдь совершенной справедливости: высшая справедливость не находитъ преступниковъ, она находитъ въ дурномъ человекѣ только несчастнаго заблуднаго, не подлежащаго взысканію: *summum jus summa injuria, pariter ac nullum jus*. При отсутствіи справедли-

¹⁾ Матѣ. глава V, стих. 43—44.

²⁾ Матѣ. глава V, стих. 17.

вості, преступникъ избѣгаетъ закона возмездія; ири водвореніи законнаго порядка, онъ подвергается возмездію, око за око и зубъ за зубъ; но когда водворяется полная справедливость, преступникъ изъемяется отъ возмездія, *fit iniuria*. никто не подвергается страданію, ни даже во имя справедливости ¹⁾).

Собираясь закончить этотъ очеркъ, мы хотѣли представить въ заключеніе его два примѣра, — и представили четыре или пять, потому только, что не остереглись отъ множества фактовъ, представляющихся въ подтвержденіе общей нашей мысли повсюду, къ какой бы сферѣ бытія мысль ни обратилась. Но довольно, довольно. Нашъ очеркъ никогда не кончился бы, если мы не сдѣлаемъ надъ собою усилія и не остановимся отъ продолженія этихъ подтвержденій, являющихся нашему анализу въ безчисленномъ множествѣ. Общій ходъ планетарнаго развитія, прогрессивная лѣстница классовъ животнаго царства вообще, высшіе классы животныхъ въ особенности, физическая жизнь человѣка, его языкъ, обращеніе съ другими людьми, его одежда, манера держать себя, всѣ его общественныя учрежденія, — администрація, войско и война, судопроизводство, заграничная торговля. торговое движеніе вообще, понятіе о справедливости — каждый изъ этихъ фактовъ подлежитъ той нормѣ, о которой мы говоримъ: повсюду высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытной формѣ, которая замѣнялась противоположною на средней степени развитія; повсюду очень сильное развитіе содержанія ведетъ къ возстановленію той самой формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія не очень сильнымъ ²⁾).

Все, изложенное нами, должно было быть знакомо тѣмъ противникамъ общиннаго владѣнія, которые называютъ себя послѣдователями Шеллинга и Гегеля. Какимъ же образомъ не догадались они, что налегая на первобытность этой формы отношеній человѣка къ землѣ, они тѣмъ самымъ указываютъ въ общинномъ владѣніи черту, сильнѣйшимъ образомъ предрасполагающую въ возвышенію общиннаго владѣнія надъ частною поземельною собственностью? Какъ могли они переносить вопросъ на почву, столь не выгодную для нихъ? Тутъ одинъ отвѣтъ возможенъ: *Quem Jupiter perdere vult* и т. д. — то есть, въ русской болѣе мягкой формѣ: кому по натурѣ вещей нельзя не проиграть дѣла, тотъ въ довереніе своей бѣды самъ дѣлаетъ гибельные для себя недосмотры.

Неужели въ самомъ дѣлѣ правдоподобно, чтобы одинъ только фактъ поземельныхъ отношеній былъ противорѣчіемъ общему закону, которому подчинено развитіе всего матеріальнаго и нравственнаго міра? Неужели вѣроятно, чтобы для этого одного факта существовало исключеніе изъ закона, дѣйствующаго столь же

¹⁾ Въ латинскомъ языкѣ, который довелъ до крайняго совершенства опредѣленіе юридическихъ понятій, слово *iniuria* несправедливость (*iniuria est, ubi ius deest*) прекрасно выражаетъ развиваемую нами мысль, что какое бы то ни было страданіе, по какой бы то ни было причинѣ претерпѣваемое человѣкомъ, составляетъ уже несправедливость: *Iniuria* *rationis* *vitae* — это выраженіе имѣетъ два смысла: 1) „я подвергся незаконному лишенію“ 2) я подвергся какому бы то ни было лишенію того, тѣмъ пользовался; во второмъ смыслѣ говорится, напримѣръ, *iniuriae tempestatum, morborum, temporum* — убытки, приносимые моею нравъ непогодами; лишенія, которымъ подвергается мое здоровье отъ болѣзней; потери и страданія, наносимыя мнѣ неблагоприятными обстоятельствами.

²⁾ Повторяемъ, что если кто нибудь не захочетъ согласиться на признаніе всеобщаго и неизмѣннаго господства этой нормы во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ матеріальнаго и нравственнаго, индивидуальнаго и общественнаго бытія, тотъ сдѣлаетъ намъ большое одолженіе, указавъ хотя одинъ фактъ, который не былъ бы подчиненъ этому рѣшительно всеобщему закону.

неизмѣнно и неизбежно, какъ законъ тяготѣнiи или причинной связи? *) Неужели при одной фразѣ „общинное владѣнiе есть первобытная форма поземельныхъ отношенiй, а частная собственность вторая, послѣдующая форма“, — неужели при одной этой фразѣ не пробуждается въ каждомъ, кто знакомъ съ открытiями великихъ нѣмецкихъ мыслителей, сильнѣйшее, непреодолимое предрасположенiе къ мнѣнiю, что общинное владѣнiе должно быть и нынѣшнюю формою этихъ отношенiй?

Дѣйствительно, норма, изложенная нами и несомнѣнная для каждого, хотя нѣсколько знакомаго съ современными положенiемъ понятiй объ общихъ законахъ мiра, неизбежно ведетъ къ такому построению поземельныхъ отношенiй:

Первобытное состоянiе (начало развитiя). Общинное владѣнiе землею. Оно существуетъ потому, что человѣческiй трудъ не имѣетъ прочныхъ и дорогихъ связей съ извѣстными участками земли. Номады не имѣютъ земледѣлiя, не производятъ надъ землею никакой работы. Земледѣлiе сначала также не соединено съ затратою почти никакихъ капиталовъ собственно на землю.

Вторичное состоянiе (усиленiе развитiя). Земледѣлiе требуетъ затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множествомъ разныхъ способовъ и работъ, изъ которыхъ самою общою и повсемѣстною необходимостью представляется удобрение. Человѣкъ, затратившiй капиталъ на землю, долженъ неотъемлемо владѣть ею; слѣдствiе того — поступленiе земли въ частную собственность. Эта форма достигаетъ своей цѣли, потому что землевладѣнiе не есть предметъ спекуляцiи, а источникъ правильнаго дохода.

Вотъ двѣ степени, о которыхъ толкуютъ противники общиннаго владѣнiя — но вѣдь только двѣ, гдѣ же третья? Неужели ходъ развитiя исчерпывается ими?

Промышленно-торговая дѣятельность усиливается и производитъ громадное развитiе спекуляцiи; спекуляцiя, охвативъ всѣ другiя отрасли народнаго хозяйства, обращается на основную и самую обширную вѣтвь его — на земледѣлiе. Оттого поземельная личная собственность теряетъ свой прежнiй характеръ. Прежде землею владѣть тотъ, кто обрабатывалъ ее, затрачивалъ свой капиталъ на ея улучшенiе (система малыхъ еобственниковъ, воздѣлывающихъ своими руками свой участокъ, также система эфитеозовъ и половничества по наслѣдству, съ крѣпостною зависимостью или безъ нея); — но вотъ является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вслѣдствiе улучшенiй, производимыхъ фермеромъ, идетъ въ руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало, или только въ самой незначительной степени участвовало, своимъ капиталомъ въ улучшенiи земли, а между тѣмъ пользуется всею прибылью, какую доставляютъ улучшенiя. Такимъ образомъ, личная поземельная собственность перестаетъ быть способомъ къ вознагражденiю за затрату капитала на улучшенiе земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ обработка земли начинаетъ требовать такихъ капиталовъ, которые превыniają средства огром-

*) Если кому нибудь наложится показаться приведенныхъ нами подтвержденiй всеобщности этого закона: „конецъ развитiя по формѣ является возвращенiемъ къ его началу“, — для такого скептика мы готовы по первому его желанiю показать ту же норму въ развитiи всѣхъ половыхъ и семейныхъ отношенiй, политическаго устройства, законодательства вообще, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, налоговъ и податей, науки, искусства, матеріальнаго труда; для всего этого не нужно будетъ намъ ни особенной учености, ни долгихъ соображенiй, — нужно только заглянуть, напримѣръ, хотя въ Гегеля: у него все это давнымъ давно уже доказано и объяснено.

наго большинства земледѣльцевъ, а земледѣльческое хозяйство требуетъ такихъ размѣровъ, которые далеко превышаютъ еялы отдѣльнаго семейства, и по обширности хозяйственныхъ участковъ также исключаютъ (при частной собственности) огромное большинство земледѣльцевъ отъ участіи въ выгодахъ, доставляемыхъ веденіемъ хозяйства, и обращаютъ это большинство въ наемныхъ работниковъ. Этими переѣнами уничтожаются тѣ причины преимущества частной поземельной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ, которыя существовали въ прежнее время. Общинное владѣніе становится единственнымъ способомъ доставить огромному большинству земледѣльцевъ участіе въ вознагражденіи, приносимомъ землею за улучшеніи, производимыя въ ней трудомъ. Такимъ образомъ, общинное владѣніе представляется нужнымъ не только для благосостоянія земледѣльческаго класса, но и для успѣховъ самаго земледѣлія: оно оказывается единственнымъ разумнымъ и полнымъ средствомъ соединить выгоду земледѣльца съ улучшеніемъ земли и методы производства съ добросовѣстнымъ исполненіемъ работы. А безъ этого соединенія невозможно исполнѣть успѣшное производство.

Таково сильнѣйшее, непреоборимое расположеніе мысли, къ которому приводить каждого, знакомаго съ основными воззрѣніями современнаго міросозерцанія, именно та самая черта первобытности, которую выставляють въ рѣшительной невыгодѣ для себя въ общинномъ владѣніи его противники. Именно эта черта заставляетъ считать его тою формою, которую должны имѣть поземельныя отношенія при достиженіи высокаго развитія; именно эта черта указываетъ въ общинномъ владѣніи высшую форму отношеній человѣка къ землѣ.

Дѣйствительно ли достигнута въ настоящее время нашею цивилизаціею та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное владѣніе, — этотъ вопросъ, разрѣшаемый уже не помощью логическихъ наведеній и выводовъ изъ общихъ міровыхъ законовъ, а анализомъ фактовъ, былъ отчасти разсматриваемъ нами въ прежнихъ статьяхъ объ общинномъ владѣніи и съ большею полнотою будетъ переизслѣдованъ нами въ слѣдующихъ статьяхъ, которыя обратятся къ изложенію специальныхъ данныхъ о земледѣліи въ Западной Европѣ и у насъ. Настоящая статья, имѣющая чистоту отвлеченный характеръ, должна довольствоваться только логическимъ развитіемъ понятій, знаніе которыхъ представляется однимъ изъ условій для правильнаго взгляда на дѣло, а искаженіе или незнаніе которыхъ послужило основною причиною заблужденія для лучшихъ между противниками общиннаго владѣнія.

Изъ числа этихъ общихъ понятій, за изложеннымъ нами положеніемъ современной науки о преемственности формъ, непосредственно слѣдуетъ понятіе о томъ, каждое ли отдѣльное проявленіе общаго процесса должно проходить въ дѣйствительности всѣ логическіе моменты съ полной ихъ силою, или обстоятельства, благоприятныя ходу процесса въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, могутъ въ дѣйствительности приводить его къ высокой степени развитія, совершенно минуя средніе моменты или по крайней мѣрѣ чрезвычайно сокращая ихъ продолжительность и лишая ихъ всякой ошущительной интенсивности.

По методу современной науки, разрѣшеніе вопроса относительно многосложныхъ явленій облегчается разсмотрѣніемъ его въ простѣйшихъ проявленіяхъ того же процесса. По этой методѣ всегда стараются начинать анализъ съ физическихъ фактовъ, чтобы перейти къ нравственнымъ фактамъ индивидуальной жизни, ко-

торая гораздо сложнѣе, и наконецъ къ общественной жизни, которая еще сложнѣе, а общественную жизнь стараются разсмотрѣть по возможности въ первоначальныхъ ея явленіяхъ, наименѣе сложныхъ, чтобы облегчить тѣмъ анализъ чрезвычайно запутанныхъ явленій цивилизаціи нашихъ странъ.

Итакъ, начнемъ съ процессовъ физической природы, — наприимѣръ, съ окисленія, которое, достигнувъ очень высокой интенсивности, становится горѣніемъ. Посмотримъ, какимъ образомъ этотъ процессъ достигаетъ степени горѣнія самъ по себѣ, безъ всякихъ особенныхъ обстоятельствъ, наприимѣръ, въ деревѣ.

Вѣтеръ наломалъ огромную кучу высохшихъ деревьевъ. Подъ вліяніемъ сырости, дерево начинаетъ гнить (разлагаться съ поглощеніемъ кислорода). Отъ этого процесса внутри кучи температура все повышается и повышается, — гніеніе все усиливается съ повышеніемъ температуры, и мало по малу достигаетъ той степени окисленія, которая называется броженіемъ. Броженіе усиливается, температура все возвышается; наконецъ, изъ середины кучи начинаетъ идти гнилой паръ, — это значитъ, температура возвысилась до того, что центръ кучи началъ сохнуть отъ собственнаго жара. Вотъ, черезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ паромъ изъ однихъ частей идетъ изъ другихъ уже дымъ, — центръ кучи началъ обугливаться. Мало по малу изъ чернаго угля образуется раскаленный, красный уголь; масса раскаленного угля увеличивается, наконецъ въ прилежащихъ къ ней частяхъ вспыхиваетъ пламя.

Какалъ длинная постепенность, какъ много степеней: 1) проникновеніе сыростью; 2) гніеніе; 3) броженіе; 4) просыханіе; 5) образованіе чернаго угля; 6) превращеніе чернаго въ раскаленный; 7) появленіе пламени. Этотъ путь такъ длиненъ и труденъ, что мы не знаемъ, удавалось ли разнымъ массамъ дерева достигъ горѣнія по такому пути хоть пять или шесть разъ отъ самаго начала лѣсовъ на землѣ до нашего времени.

Каждая изъ этихъ степеней — логическій моментъ въ процессѣ горѣнія дерева. Сколько времени требуетъ такой ходъ процесса, мы не беремся рѣшить, но конечно требуетъ онъ не одну и не двѣ недѣли. Каково же было бы намъ, людямъ, если бы каждый разъ, когда нужно намъ пламя, мы должны были бы ждать, пока успѣенъ пропитать сыростью огромную массу дерева, потомъ она станетъ гнить, начнетъ бродить и т. д. Не только пришлось бы тогда роду человѣческому вымереть всему, не отвѣдавъ ни щей, ни супа, вымереть съ отмерзлыми ушами и пальцами отъ первой суровой ночи, — но и теперь, при одномъ чтеніи нашего разсказа объ этомъ процессѣ, читателю приходится скучно и чуть ли не тошно отъ такихъ длиннѣйшихъ разсужденій, ведущихъ — къ чему? — къ тривиальнѣйшему замѣчанію, что гораздо скорѣе полѣнья, положенныя въ печь, зажигаются прикосновеніемъ горячей спички или свѣчи къ подложенной подъ нихъ бумагѣ, берестѣ или лучинѣ. „Неужели я нуждаюсь въ доказательствахъ къ подобнымъ выводамъ?“ съ гнѣвомъ спрашиваетъ читатель. Нѣтъ, вы не нуждаетесь, спокойно отвѣчаю я, но нуждаются въ нихъ ученые противники общиннаго владѣнія, показывающіе такую сообразительность въ своихъ выводахъ, такую наклонность не признавать тривиальнѣйшихъ истинъ и науки, и обыденной жизни, такую требовательность на доказательства (какъ говорятъ англичане), такую способность понимать фактъ, что спички

при помощи растопки очень быстро зажигают дрова, положенныя въ печь, а въ стѣдующихъ статьяхъ будемъ объяснять, что иной человѣкъ умираетъ бездѣтнымъ, послѣ другого остается одинъ сынъ, послѣ третьяго человѣкъ пять сыновей или больше, также объяснять и дозывать, что солнечныя лучи согрѣваютъ землю и т. д., и т. д. Вы скажете: „глупо и говорить объ этомъ“. Совершенная правда, но что же дѣлать? Не изложи и не докажи мы всего этого подробно, ученые противники общиннаго владѣнія сейчасъ закричатъ: „Мы не видимъ, на чемъ основаны ваши выводы!“ и „ваши выводы неосновательны!“ Мы не лишены надежды, что по поводу общиннаго владѣнія принуждены будемъ написать цѣлую статью въ доказательство существованія желудка у человѣка,—сообразите, каково придется вамъ, читатель, тогда; утѣшьте же мыслью, что теперь, сравнительно говоря, ваше положеніе еще довольно сносно. Успокоивъ васъ, продолжаемъ интересное разсужденіе о мѣстѣ, занимаемомъ фосфорною спичкою въ области философскаго міросозерцанія.

Эта фосфорная спичка даетъ намъ слѣдующіе выводы:

1) Когда въ одномъ тѣлѣ извѣстный процессъ достигъ высокой степени развитія (спичка уже зажглась), то при помощи этого тѣла онъ можетъ быть доведенъ до той же степени развитія въ другомъ тѣлѣ гораздо скорѣе, нежели какъ достигъ бы безъ помощи этого опередившаго пособника (дрова въ печи отъ нашей спички зажигаются скорѣе, нежели загорѣлись бы тогда, когда бы процессъ окисленія ихъ остался безъ этого пособія).

2) Это ускореніе совершается посредствомъ соприкосновенія (зажженная спичка прикладывается къ лучинѣ, а лучина положена подлѣ полѣнья).

3) Это ускореніе состоитъ въ томъ, что процессъ прямо съ первой степени пробѣгаетъ къ послѣдней, не останавливаясь на среднихъ (въ одну секунду по приложеніи спички, лучина уже производитъ изъ себя пламя, черезъ одну минуту производить его и полѣнья).

4) Среднія степени, черезъ которыя быстро пробѣгаетъ процессъ, вообще могутъ быть замѣчены только теоретическимъ наблюденіемъ, а не практическимъ чувствомъ (полѣно, загарающъ отъ лучины, загорѣвшейся отъ спички, дѣйствительно нѣсколько подвергается гніенію, броженію и т. д., но спросите объ этомъ у вашей кухарки—она никогда не замѣчала, чтобы сухія полѣнья, будучи подожжены, подвергались гніенію и т. д. Она напротивъ видитъ, что они „какъ только подложишь огонь, въ тою же секунду“—простите неграмматичность ея языка—„такъ и вспыхнуть“). На философсконъ языкѣ это отношеніе выражается такъ: „не достигая реальнаго осуществленія (т. е. имѣющаго практическую осязаемость), эти логическіе мотивы развитія не переходятъ за границы идеальнаго или логическаго бытія“.

5) Если же изъ быстро пробѣгаемыхъ моментовъ нѣкоторые и замѣчаются практическимъ ощущеніемъ (напримѣръ, глазъ кухарки замѣчаетъ, что каждая наружная часть полѣна, прежде нежели даетъ пламя, нѣсколько чернѣетъ, то есть, проходитъ степень чернаго обугленія, предшествующаго вспыхиванію), то они въ общемъ итогѣ процесса составляютъ лишь самую ничтожнѣйшую часть (черныя части дерева въ каждую данную секунду по массѣ своей едва ли составляютъ и одну тысячную часть массы, находящейся въ пламени, а по практическому значенію своему въ отношенія къ ощущеніямъ и дѣйствіямъ, производимымъ топкою печи, играютъ еще менѣе важную роль,—онѣ развѣ гемеопатическою до-

зою участвуют въ чувствѣ теплоты, осязаемой кухаркою, стоящею у печи, и въ кипяченіи горшка щей, приставлеааго кухаркою къ огню).

Эти выводы, столь новыя въ мірѣ науки, мы изложили съ возможною полнотою и съ приведеніемъ элементовъ факта, изъ которыхъ они извлечены нами. Мы опасаемся, что противники общиннаго владѣнія закричатъ: „бездоказательно, неосновательно!“ Мы желали бы предупредить ихъ сомнѣнія и вмѣсто одного факта (зажиганіе печки спичкою) анализировать столь же ученымъ образомъ двадцать, тридцать столь же многотрудныхъ для пониманія фактовъ, напримѣръ, закваску тѣста посредствомъ куска кислаго тѣста или дрожжей, отбирание загнившихъ яблокъ отъ свѣжихъ, чтобы не испортились свѣжія, и т. д. Но нельзя же быть слишкомъ предупредительными, наша статья и безъ того уже черезъ чуръ длинна. Читателю, вѣроятно, слишкомъ довольно и одного анализа растапливанья печки. Перейдемъ же отъ виѣшняго физическаго міра къ человѣческой индивидуальной жизни и посмотримъ, какъ достигаетъ человѣкъ самъ собою, безъ посторонней помощи, до употребленія той же самой фосфорной спички.

Сначала человѣкъ не умѣетъ не только зажигать огня, но и поддерживать зажженнаго: путешественники говорятъ о дикаряхъ, которые, подобно обезьянамъ, любятъ грѣться у дерева, зажженнаго молніею, и горюють, когда оно начинаетъ погасать, но не догадываются подбрасывать въ огонь хворосту. Потомъ человѣкъ научается зажигать дерево треніемъ двухъ кусковъ дерева—какое торжество для жизни! Но вотъ, придумываютъ средство ускорять ихъ вспыхиваніе, вставляя между ними кусокъ трута. Далѣе, придумываютъ огниво и кладутъ на кремьнь труть. Но труть принимаетъ искру не довольно вѣрно и быстро,—въ немъ усиливаютъ эту воспримчивость, пропитывая его селитрою. Теперь труть превосходенъ; но все еще сколько хлопотъ, чтобы изъ его тлѣющагося состоянія извлечь пламя: надобно „придуть“ его къ уголку, потомъ „придуть“ два уголка къ лучинкѣ, вложенной между ними. Но ноть, изобрѣтена сѣрная спичка, прямо сама вспыхивающая отъ прикосновенія къ труту: вновь какое великое торжество! Но огниво и кремьнь кажутся уже слишкомъ хлопотливыми. Вотъ найдено средство облекать сѣрный конецъ спички фосфоромъ и упрочивать фосфоръ въ атмосферной средѣ другими оболочками и примѣсами.

Какой длинный путь! Человѣку нужно было не менѣе 7345 лѣтъ, чтобы пройти его. Каковы же теперь для каждаго отдѣльнаго человѣка результаты того, что нѣкоторые люди дошли столь длиннымъ и труднымъ процессомъ до употребленія фосфорныхъ спичекъ?—Доставленіе возможности всѣмъ другимъ людямъ достигъ того же самаго, не мучась прохожденіемъ этого страшно длиннаго пути; и выводы для явленій индивидуальной человѣческой жизни получаются гѣ же самыя. каніе были прежде получены нами для явленія физическаго міра:

1) Когда извѣстный процессъ (напр. способъ добыванія огня) достигъ въ извѣстномъ человѣкѣ извѣстной степени развитія (напримѣръ, употребленія фосфорныхъ спичекъ), достиженіе этой степени можетъ быть чрезвычайно ускорено въ другихъ людяхъ (именно, теперь какимъ нибудь дикаремъ, не умѣющимъ зажигать огня, уже нѣтъ нужды тратить 7345 лѣтъ, чтобы достигъ до фосфорныхъ спичекъ—употребленію ихъ каждый можетъ выучиться въ двѣ секунды, а приготовленію въ два часа).

2) Это ускореніе совершается черезъ сближеніе человѣка, которому нужно

достичь высшей степени процесса, съ человѣкомъ уже достигшимъ ея (именно, изъ Парижа человѣкъ съ фосфорными спичками прїѣзжаетъ въ центральную Африку или дикарь изъ центральной Африки въ одно изъ селешій, гдѣ уже есть фосфорныя спички).

3) Это ускореніе состоитъ въ томъ, что процессъ развитія съ чрезвычайной быстротою пробѣгаетъ съ низшей степени всѣхъ среднія до высшей. (Дикарямъ нѣтъ нужды учиться сначала употребленію огня, потомъ употребленію сѣрной спички. — они прямо берутся за фосфорную спичку).

4) При атомъ ускоренія процесса, среднія степени открываются только теорією, достигаютъ только теоретическаго существованія, какъ логическіе моменты, почти не достигая или вовсе не достигая реальнаго существованія. (Дикари, умѣющие теперь добывать огонь только трескомъ двухъ кусковъ дерева, выучившись прямо употребленію фосфорныхъ спичекъ, вообще будутъ знать только по рассказамъ, что прежде фосфорныхъ спичекъ существовали сѣрныя, съ кремнемъ и огнивомъ).

5) Если же и достигаютъ реальнаго существованія эти среднія степени, опускаемые ускореннымъ ходомъ развитія, то лишь въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ по своей массѣ и еще въ меньшемъ по практическому значенію своей роли. (Очень можетъ быть, что найдутся между дикарями чудачки, которые вздумаютъ возиться съ огнивомъ и сѣрными спичками и тогда, когда выучатся употребленію фосфорныхъ: но эта причуда будетъ развѣ у одного человѣка изъ десяти тысячъ, да и тотъ будетъ возиться съ огнивомъ и сѣрными спичками лишь отъ бездѣлья и при бездѣльѣ, а чуть встрѣтится ему нужда работать или потребность быстро добыть огонь, онъ броситъ свою причуду и черкнетъ по стѣнѣ фосфорною спичкою).

Читатель, не оскорбляйтесь этими длинными разсужденіями, имѣющими цѣлью доказывать истины, столь же сомнительныя, какъ и то, что человѣкъ видитъ предметы глазами, а не ушами, держитъ карты (когда играетъ въ ералашъ) руками, а не носомъ и т. п.: — изъ-за вопроса, доказываемаго этими трюизмами, велись и ведутся ожесточенные споры, и, повѣрьте, мы дѣйствительно боимся, что о насъ закричатъ: „это неосновательно! это бездоказательно!“ когда мы въ послѣднихъ строкахъ статьи выскажемъ смыслъ этихъ анализовъ философскаго значенія фосфорныхъ спичекъ и способа растапливать печь. Противники, если только предвидятъ этотъ смыслъ (они показываютъ такую сообразительность, что мы не поручимся, предвидятъ ли они его), безъ сомнѣнія уже возмущаются духомъ и вопіютъ: „Мы этого не знаемъ, мы этому не вѣримъ! Вы говорите неосновательно, бездоказательно!“

Итакъ, въ индивидуальной жизни средніе моменты развитія могутъ быть пропускаемы въ реальномъ процессѣ извѣстнаго явленія, когда человѣкъ, въ которомъ этотъ процессъ стоитъ еще на низкой степени, сближается съ человѣкомъ, въ которомъ онъ достигъ уже гораздо высшей степени.

Мы доказали это анализомъ процесса, принадлежащаго къ механической жизни. То же самое мы увидѣли бы въ каждомъ другомъ явленіи всякой другой сферы индивидуальной жизни.

Напримѣръ, письмо, одна изъ первыхъ основъ умственнаго развитія, идетъ слѣдующимъ порядкомъ: 1) изображаются самые предметы (на этомъ остановились мексиканцы); 2) ихъ изображенія сокращаются въ гіероглифы (на этомъ застаетъ исторія египтянъ); 3) гіероглифы сокращаются въ идеографы (на этомъ

остановились китайцы); 4) изъ идеографическихъ знаковъ возникаетъ алфавитъ, записывающій одну грубѣйшую часть звуковъ, согласные, съ пропусками гласныхъ (семитическая алфавитная система); 5) изъ семитическаго алфавита возникаютъ наши европейскіе (греческая система, происшедшая изъ финикійской), въ которыхъ гласные звуки записываются наравнѣ съ согласными.

Скажите на милость, кому прійдетъ въ голову, что когда европейцы примутся образовывать дикарей, вовсе неумѣющихъ писать, то эти дикари сначала выучатся писать гіероглифами, потомъ китайскими знаками, потомъ еврейскими и только уже прошедши всѣ эти градаціи могутъ начать писать по европейской системѣ?

Или въ школахъ этихъ дикарей надобно будетъ преподавать географію сначала по Гомеровской системѣ (Океанъ есть рѣка, и Балтійское море одно и то же съ Чернымъ моремъ, а вся земля имѣетъ видъ тарелки), а потомъ доказывать, что земля совершенно правильный шаръ, и только потомъ уже открыть имъ, что это шарообразное тѣло — не совершенный шаръ, а нѣсколько раздуто подъ экваторомъ и сплюснуто въ полюсахъ?

Мы выбирали такіе примѣры, которые относились преимущественно къ индивидуальной жизни; но по чрезвычайно тѣсной связи между развитіемъ индивидуума и развитіемъ общества, они въ значительной степени касались и общественной жизни, на примѣръ ея матеріальной обстановки (фосфорная спичка) и умственныхъ успѣховъ (письмо, преподаваніе наукъ). Теперь обратимся къ такимъ явленіямъ, которыя принадлежатъ уже преимущественно общественной жизни, то есть, могутъ осуществляться не иначе, какъ по инстинктивному расположенію или сознательному соглашенію общества. Сюда относятся нравы, обычаи, законы и всѣ такъ называемыя общественныя учрежденія въ обширномъ смыслѣ слова.

Мы сказали, что явленія, за анализъ которыхъ беремся, принадлежатъ собственно общественной жизни. Но общественная жизнь есть сумма индивидуальныхъ жизней, и если въ индивидуальной жизни процессъ явленій можетъ перебѣгать съ низшаго логическаго момента на высшій, пропуская средніе, то изъ этого уже очевидно, что мы должны ожидать встрѣтить ту же возможность и въ общественной жизни. Это простой математическій выводъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть несокращенный благопріятными обстоятельствами ходъ развитія индивидуальной жизни будетъ выражаться прогрессією:

1. 2. 4. 8. 16. 32. 64.....

Пусть въ этой прогрессіи каждымъ членомъ обозначается извѣстный моментъ неускореннаго благопріятными обстоятельствами развитія.

Пусть общество состоитъ изъ A членовъ.

Тогда, очевидно, развитіе общества выражается слѣдующею прогрессією:

1 A . 2 A . 4 A . 8 A . 16 A . 32 A . 64 A

Но мы видѣли, что ходъ индивидуальной жизни можетъ перебѣгать съ первой ступени прямо на третью, или четвертую, или седьмую, и положимъ, что относительно извѣстнаго понятія или факта онъ пошелъ по слѣдующему ускоренному пути:

1. 4. 64.

Тогда, очевидно, и ходъ общественной жизни относительно этого явленія будетъ:

1 А. 4 А. 64 А.

Кажется, это ясно. Но противники общиннаго владѣнія или притворяются незнающими, или дѣйствительно страдаютъ незнашемъ самыхъ первоначальныхъ логическихъ приѣмовъ; потому разяснимъ популярнѣйшимъ примѣромъ эту и безъ того ясную теорему.

Одно изъ общественныхъ учрежденій есть военная сила; одинъ изъ элементовъ ея—вооруженіе. Неускоренное обстоятельствами развитіе вооруженія таково:

1) Обыкновенная дубина; 2) дубина получаетъ каменное или металлическое остріе, т. е. переходитъ въ копье, которымъ или тыкають, держа его въ рукахъ, или бросаютъ въ непріателя; 3) уменьшенное копье послѣдняго рода начинаютъ бросать помощью тетивы, получаютъ лукъ и стрѣла; 4) совершенствуясь, лукъ получаетъ линейку съ вырѣзкою для вкладыванія стрѣлы, и образуется само-стрѣлъ; совершенствуясь, линейка съ вырѣзкою превращается въ трубочку съ продольнымъ разрѣзомъ для тетивы; 5) ударъ тетивы замѣняется ударомъ пороха, лукъ отпадаетъ, остается трубка, въ которой разрѣзъ уничтожается, замѣняясь затравкою, а стрѣла сокращается въ пулю,—вотъ уже и ружье, но первоначально это ружье не имѣетъ замка, а зажигается фитилемъ; 6) изобрѣтается кремневый замокъ; 7) онъ замѣняется пистоннымъ замкомъ; 8) въ стволѣ ружья дѣлаются нарѣзы—мы получаемъ охотничью винтовку; 9) охотничья винтовка не годится для войскъ, пока не изобрѣтены для нея особенныя нули,—онѣ изобрѣтаются, и вотъ войско вооружается штуцеромъ.

Вообразимъ себѣ, что въ Новой Голландіи живутъ еще племена дикарей, незнающихъ никакого оружія, кромѣ дубины. Вотъ, открыты золотыя росыпи: европейскіе авантюристы (со штуцерами) проникають въ мѣста, еще не посѣщавшія европейцами, и находятъ этихъ дикарей: спрашивается, понадобится ли этимъ дикарямъ переходить отъ дубины къ копью, отъ копья къ луку, отъ лука къ самострѣлу, отъ самострѣла къ фитильному ружью и т. д., если они прямо будутъ вымѣнивать у европейцевъ штуцера?

Этимъ не кончилось дѣло.

Съ каждыиъ родомъ вооруженія соединены извѣстныя построенія войска. Копье, которое держится въ рукахъ, создаетъ фалангу; кремневому ружью соотвѣтствуетъ сомкнутый строй: штуцеру—разсыпной строй.

Погодите, и этимъ еще не кончилось дѣло.

Различныя построенія требуютъ различныхъ качествъ отъ воина. Напримѣръ, въ сомкнутомъ строю солдатъ, прослужившій всего только одинъ годъ, нигде не годится. Въ разсыпномъ строю онъ ничуть не хуже солдата, прожизнаго хотя бы полтора ста лѣтъ въ казармахъ.

Что изъ этого слѣдуетъ? То, что у дикарей, о которыхъ мы говоримъ, въ существованіи военной силы будетъ недоставать многихъ періодовъ, черезъ которые прошла она въ Европѣ.

Изъ нестройной дубино-махающей толпы ихъ военная сила прямо обратится въ милицію, подобную сѣверо-американской. Они не будутъ знать ни казармъ, ни регулярныхъ войскъ, ни всего того, что соединено съ этими учрежденіями. А съ

этими учреждениями соединить весь тотъ порядокъ вещей, который произвелъ исторію континентальной Европы отъ Карла VII французскаго и Карла V испанско-нѣмецкаго до вчерашняго дня. Изъ блаженнаго общественнаго быта луняновъ и скифовъ и тацитовыхъ германцевъ, эти дикари перейдутъ прямо къ блаженному быту, о которомъ мы съ вами, читатель, можемъ только мечтать.

Исторія, какъ бабушка, страшно любитъ младшихъ внучать. *Tarde venientibus* даетъ она не *ossa*, а *medullam ossium*, разбивая которыя Западная Европа больно ошибала себя пальцы.

Но мы увлеклись въ дирижамбъ, заговорили съ читателемъ, — мы забыли, что должны бесѣдовать съ противниками общиннаго владѣнія, то есть заниматься азбучкою. Возвратимся же къ азбучнымъ понятіямъ.

Насъ занимаетъ вопросъ: должно ли данное общественное явленіе проходить въ дѣйствительной жизни каждаго общества всѣ логическіе моменты, или можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, переходить съ первой или второй степени развитія прямо на пятую или шестую, пропуская среднія, какъ это бываетъ въ явленіяхъ индивидуальной жизни и въ процессахъ физической природы?

Единство законовъ во всѣхъ сферахъ бытія, зависимость общественной жизни отъ индивидуальной, математическія формулы, — все заставляетъ рѣшать эту задачу утвердительною образомъ каждаго, имѣющаго хотя какое нибудь понятіе объ исторіи или современной философіи, или хотя о Гегелѣ *), или даже хотя о Шеллингѣ, или даже хотя о здоровомъ смыслѣ; — совершенная достаточность даже одного послѣдняго качества для разрѣшенія задачи, вѣроятно, съ достаточною ясностью окажется изъ слѣдующихъ вопросовъ:

Низшая форма религіи, фетишизмъ, не знаетъ вражды къ иновѣрцамъ. Но другія языческія формы религіи болѣе или менѣе наклонны къ преслѣдованіямъ за вѣру. Грубые народы Новой Европы также имѣли инквизицію. Только въ послѣднее время европейская цивилизація достигла того высокаго понятія, что преслѣдованіе иновѣрцевъ противно ученію Христа. Спрашивается теперь: когда какой нибудь народъ, погнавшій въ грубомъ фетишизмѣ, просвѣщается христіанствомъ, ввести ли онъ у себя инквизицію, или можетъ обойтись безъ нея? Надобно ли желать и можно ли надѣяться, что у этого народа прямо водворится терпимость, или онъ начнетъ воздвигать костры, и эта средняя степень такъ необходима въ его развитіи, что напрасно и удерживать его отъ гоненій на иновѣрцевъ?

Какой нибудь народъ, живущій въ племенномъ бытѣ, основныя черты котораго самоуправленіе (*self government*) и федерація, принимаетъ европейскую цивилизацію; спрашивается, примутся ли у него прямо высшія черты этой цивилизаціи, столь сродныя его прежнему быту, или онъ неизбѣжно введетъ у себя бюрократію и другія прелести XVIII вѣка?

Этотъ народъ, не имѣя ни фабрикъ, ни заводовъ, не имѣлъ и понятія о протекціонной системѣ; спрашивается, необходимо ли ему вводить у себя протекціонизмъ, черезъ который прошла и отъ котораго отказалась европейская цивилизація.

*) Гегель положительно говоритъ, что средніе логическіе моменты чаще всего не достигаютъ объективнаго бытія, оставаясь только логическими моментами. Довольно того, что извѣстный средній моментъ достигъ бытія гдѣ нибудь и когда нибудь, этимъ избавляется процессъ развитія во всѣхъ другихъ временахъ и мѣстахъ отъ необходимости доводить его до дѣйствительнаго осуществленія, прямо говоритъ Гегель.

Число такихъ вопросовъ можно было бы увеличить до безконечности: но кажется, что и сдѣланныхъ нами уже достаточно для полученія полнаго убѣжденія въ необходимости примѣнять въ явленіяхъ общественной жизни всѣ тѣ выводы, какіе нашли мы прилагающимися къ явленіямъ индивидуальной жизни и матеріальной природы. Не довѣрая ни сообразительности, ни памяти противниковъ общинаго владѣнія, мы повторимъ въ третій разъ эти выводы, чтобы хотя сколько нибудь впечатлѣлись они въ мысли этихъ ученыхъ людей, и по правилу первоначальнаго преподаванія, опять-таки въ каждомъ выводу присоединимъ ссылку на ту черту факта, представителемъ которой служить выводъ. Черты эти мы будемъ брать изъ послѣдняго вопроса, для большей опредѣлительности примѣнимъ его хотя къ новозеландцамъ, съ которыми нянчатся англичане *).

1. Когда извѣстное общественное явленіе въ извѣстномъ народѣ достигло высокой степени развитія, ходъ его до этой степени въ другомъ, отставшемъ народѣ можетъ совершиться гораздо быстрее, нежели какъ совершался у передоваго народа. (Англичанамъ нужно было болѣе нежели 1500 лѣтъ цивилизованной жизни, чтобы достичь до системы свободной торговли. Ново-зеландцы конечно не потратятъ на это столько времени).

2. Это ускореніе совершается черезъ сближеніе отставшаго народа съ передовымъ. (Англичане пріѣзжаютъ въ Новую Зеландію).

3. Это ускореніе состоятъ въ томъ, что у отставшаго народа развитіе извѣстнаго общественнаго явленія, благодаря вліянію передоваго народа, прямо съ низшей степени перескакиваетъ на высшую, минуя среднія степени. (Подъ вліяніемъ англичанъ, ново-зеландцы прямо отъ свободной торговли, которая существуетъ у дикарей, переходятъ къ принятію политико-экономическихъ понятій о томъ, что свободная торговля—наилучшее средство въ оживленію ихъ промышленной дѣятельности, минуя протекціонную систему, которая нѣкогда казалась англичанамъ необходимою для поддержки промышленной дѣятельности).

4. При такомъ ускоренномъ ходѣ развитія, среднія степени, пропускаемыя жизнью народа, бывшаго отсталымъ, и пользующегося опытностью и наукою передоваго народа, достигаютъ только теоретическаго бытія, какъ логическіе моменты, не осуществляясь фактами дѣйствительности. (Ново-зеландцы только въ книгѣ будутъ знать о существованіи протекціонной системы, а къ дѣлу она у нихъ не будетъ примѣнена).

5. Если же эти среднія степени достигаютъ и реальнаго осуществленія, то развѣ только самаго ничтожнаго по размѣру и еще болѣе ничтожнаго по отношенію къ важности для практической жизни. (Люди съ эксцентрическими наклонностями существуютъ и въ Новой Зеландіи, какъ повсюду; изъ нихъ нѣкоторымъ вѣроятно вздумается быть приверженцами протекціонной системы; но такихъ людей будетъ одинъ на тысячу или на десять тысячъ человѣкъ въ Новозеландскомъ обществѣ, и остальные будутъ называть ихъ чужаками, а ихъ мнѣніе не будетъ имѣть никакого вѣса при рѣшеніи вопросовъ о международной торговлѣ).

*) На сѣверъ отъ Франціи лежатъ два большіе острова, которые вмѣстѣ составляютъ едининное королевство Великобританіи и Ирландіи. Юго-восточная часть восточнаго острова называется Англіею, а жители ея англичанами. Новою Зеландіею называется группа изъ двухъ большихъ острововъ, лежащихъ не очень далеко отъ Новой-Голландіи, иначе называемой Алясградіею. Противники общиннаго владѣнія выказывали такую сообразительность, что мы считаемъ не лишнимъ пояснить употребленіемъ нами собственнымъ имена.

Сколько намъ кажется, эти выводы довольно просты и ясны, такъ что можетъ быть не превзойти разумѣнія тѣхъ людей, для которыхъ писана наша статья.

Итакъ, два печатные листа привели насъ къ двумъ заключеніямъ, которыя для читателя, сколько нибудь знакомаго съ понятіями современной науки, достаточно было бы выразить въ шести строкахъ.

1) Высшая степень развитія по формѣ совпадаетъ съ его началомъ.

2) Подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, подниматься съ низшей степени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты.

Какой скудный результатъ разсужденій, занявшихъ цѣлые два печатные листа! Читатель, который не лишень хотя нѣкоторой образованности и хотя нѣкоторой сообразительности, скажетъ, что довольно было просто высказать эти основанія, столь же несомнѣнныя до тривіальности, какъ напримѣръ, впаденіе Дуная въ Черное море, Волги — въ Каспійское, холодный климатъ Шпицбергена и жаркій климатъ острова Суматры и т. д. Доказывать подобныя вещи въ книгѣ, назначенной для грамотныхъ людей, неприлично.

Совершенно такъ. Доказывать и объяснять подобныя истины неприлично. Но что же вы станете дѣлать, когда отвергаются заключенія, выводимыя изъ этихъ истинъ, или когда вамъ сотни разъ съ самодовольствомъ повторяютъ, будто непобѣдимое возраженіе, какую нибудь дикую мысль, которая можетъ держаться въ головѣ только по забвенію или незнанію какой нибудь азбучной истины?

Напримѣръ, вы говорите: „Общинное владѣніе землею должно быть удержано въ Россіи“ — вамъ съ побѣдоуносною отвагою возражаютъ: „Но общинное владѣніе есть первобытная форма, а частная поземельная собственность явилась послѣ, слѣдовательно она есть болѣе высокая форма поземельныхъ отношеній“. — Помилосердуйте о себѣ, господа возражателя, помилосердуйте о своей ученой репутаціи: вѣдь именно потому, *именно потому*, именно потому, что общинное владѣніе есть первобытная форма, и надобно думать, что высшему періоду развитія поземельныхъ отношеній нельзя обойтись безъ этой формы.

О томъ, какъ сильно налегали противники общиннаго владѣнія на первобытность его, мы уже говорили въ началѣ статьи. Можно предполагать, что теперь они увидѣли, какъ странно поступали, и поймутъ, что та самая черта, которую они воображали свидѣтельствующею противъ общиннаго владѣнія, чрезвычайно сильно свидѣтельствуетъ за него. Но арсеналъ ихъ философскихъ возраженій еще не истощенъ. Они съ такою же силою налегаютъ и на слѣдующую мысль: „Какова бы ни была будущность общиннаго владѣнія, хотя бы и справедливо было, что оно составляетъ форму поземельныхъ отношеній, свойственную періоду высшаго развитія, нежели тотъ, формою котораго является частная собственность, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что частная собственность составляетъ средній моментъ развитія между этими двумя періодами общиннаго владѣнія; отъ перваго перейти къ третьему нельзя, не прошедши второе. И такъ, напрасно думаютъ русскіе приверженцы общиннаго владѣнія, что оно можетъ быть удержано въ Россіи. Россія должна пройти черезъ періодъ частной поземельной собственности, которая представляется неизбѣжнымъ среднимъ звеномъ“.

Этотъ силлогизмъ постоянно слѣдовалъ за ихъ фразами о первобытности, какъ

чертъ, свидѣтельствующей противъ общиннаго владѣнія. Онъ также выставлялся непобѣдимымъ аргументомъ противъ насъ. Теперь люди, прибѣгавшіе къ нему, могутъ судить сами о томъ, до какой степени онъ сообразенъ съ фактами и здравымъ смысломъ.

Кончивъ дѣло съ предубѣжденіями противъ общиннаго владѣнія, вытекавшими изъ непониманія, забвенія или неаналіа общихъ философскихъ принциповъ, мы въ слѣдующій разъ займемся тѣми предубѣжденіями, которыя вытекаютъ изъ непониманія, забвенія или незнанія общихъ истинъ, относящихся къ матеріальной дѣятельности человѣка, къ производству, труду и общинѣ его законовъ. Теперь мы говорили о сообразительности философствующихъ мудрецовъ. Въ слѣдующій разъ будемъ говорить о той же способности экономизирующихъ мудрецовъ.

Если вы, читатель, такъ счастливы, что не занимались обученіемъ малолѣтнихъ дѣтей грамотѣ, вы теперь, пробѣжавъ нашу статью, писанную не для васъ. человѣка съ обыкновеннымъ запасомъ свѣдѣній, а для мудрецовъ, изучавшихъ досконально, кто Шеллинга, кто Гегеля, кто Адама Смита,—если вы не были учителемъ приходскаго училища, то, пробѣжавъ эту статью, можете чувствовать, какъ утомительна, тяжела обязанность этого бѣднаго труженика. Согласитесь, рѣдко приходилось вамъ испытывать такую страшную скуку, какая производится чтеніемъ нашей статьи, весь характеръ которой выражается такою формулою:

бе—а ба, бе—а ба, баба.

Повторимъ еще. Это что?—б. А это?—а. Что же выходитъ?—ба. А это?—тоже б. А это?—тоже а. Что же выходитъ?—тоже ба. Ну, что же выходитъ, если сложить вѣстѣ?—баба.

Повторимъ еще:

бе—а ба, бе—а ба, баба.

Повторимъ еще... и т. д.

Вамъ было скучно,—а вѣдь вы пробѣжали статью въ полчаса; судите же каково было намъ, написавшимъ ее,—вѣдь мы просидѣли за нею цѣлыхъ три дня.

Но какъ бѣдный труженикъ, приходскій учитель, подкрѣпляетъ свои силы мыслью о высокомъ и великомъ значеніи своего утомительнаго дѣла, такъ пода крѣпились и мы, припоминая, какое важное значеніе для проясненія всего взгляда на міръ имѣютъ трюизмы, изложеніемъ которыхъ мы занимались. Они, да еще съ десяткомъ другихъ подобныхъ трюизмовъ.

Вотъ Гегель, вотъ книжная мудрость,
Вотъ смыслъ философіи всей.

Первый нашъ трюизмъ—не судите о немъ легко: вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ. вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія,—кто понималъ этотъ великій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто приучился примѣнять его ко всякому явленію,—о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab', mein Sach auf Nichts gestellt,
Und mir gehöret die ganze Welt,

онъ не жалѣеть ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говорить: „пусть будетъ, что будетъ, а будетъ въ концѣ концовъ все-таки на нашей улицѣ праздникъ“.

А второй принципъ—о, второй принципъ чуть ли не интереснѣе даже перваго. Какъ забавны для человѣка, постигшаго этотъ принципъ, всѣ толки о такъ называемомъ органическомъ развитіи, о невозможности у насъ того или другаго учрежденія въ настоящее время, о нашей неопытности, неприготовленности! Все, чего добились другіе, готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ,—мы пользуемся ими. Все хорошее, что сдѣлано какими бы то ни было народомъ для себя, на три четверти сдѣлано тѣмъ самымъ и у насъ:

Насъ давить времени рука,
Насъ изнураетъ трудъ,
Всесилея случай, жизнь хрупка,—
Но то, что жизнью взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ
